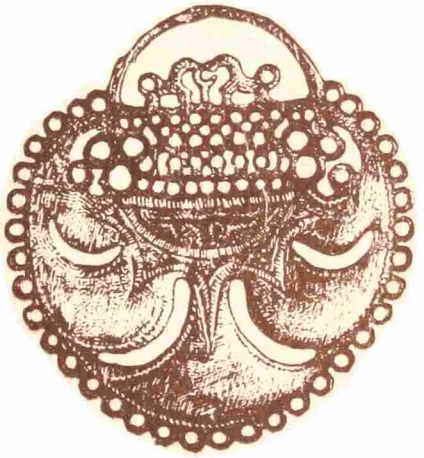
ISSN 0038-5034

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



4

1984

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НАУКА»
МОСКВА

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 4
1984

Журнал основан в 1957 году
Выходит четыре раза в год

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Б. А. Рыбаков (главный редактор)
И. И. Артеменко, В. И. Козенкова (отв. секретарь),
Г. А. Кошеленко, В. В. Кропоткин, Л. Р. Кызласов,
В. П. Любин, В. М. Массон, Н. Я. Мерперт,
Р. М. Мунчаев, Б. Б. Пиотровский,
С. А. Плетнева (зам. главного редактора),
А. А. Формозов, В. П. Шилов

СОДЕРЖАНИЕ

Матюхин А. Е. (Ленинград). Опыты по разделке туш крупных животных орудиями палеолитического облика 5
Антонова Е. В. (Москва). К проблеме функций печатей ранних земледельцев Востока 26
Зданович Г. Б., Иванов И. В., Хабдулина М. К. (Челябинск). Опыт использования в археологии палеопочвенных методов исследования (курганы Кара-Оба и Обалы в Северном Казахстане) 35
Медынцева А. А. (Москва). Новгородские находки и дохристианская письменность на Руси 49
Коваленко В. П., Шекун А. В. (Чернигов). Летописный Листвен (к вопросу о локализации) 62
Голубева Л. А. (Москва). Женщины-литейщицы (к истории женского ремесленного литья у финно-угров) 75
Фахрутдинов Р. Г. (Казань). Исследования Старой Казани (итоги раскопок 1970-х годов) 90

Публикации

Хайкунова Н. А. (Ростов-на-Дону). Нуклеусы верхнепалеолитической стоянки Супонево 109
Журавлев А. П. (Петрозаводск). Датировка поселений мезолита — раннего металла в Уницкой губе Онежского озера 119
Нечитайло А. Л. (Киев). О сосудах майкопского типа в степной Украине . . 127
Смирнов А. С., Сорокин А. Н. (Москва). Поселение эпохи поздней бронзы в верховьях Северского Донца 138
Крутских Н. А., Шорин А. Ф. (Нижний Тагил). Черкаскульские могильники в Челябинской области 150
Вознесенская Г. А. (Киев). Металлообработка на позднелатенском поселении Галлиш-Ловачка 163
Леонтьев А. Е. (Москва). Новые данные о костромских курганах 176
Назаренко В. А., Овсянников О. В., Рябинин Е. А. (Ленинград). Средневековые памятники Чуди Заволочской 197
Залесская В. Н. (Ленинград). Византийские белоглиняные расписные кружки и киликовидные чашки 217

© Издательство «Наука»,
«Советская археология», 1984 г.

Носкова Л. М. (Москва). Декоративное убранство дворцового комплекса XIV в. в Сарае (Селитренное городище) 224

Заметки

Формозов А. А. (Москва). Строительные жертвы на поселениях и в жилищах эпохи раннего металла 238
Матбабаев Б. Х. (Ленинград). Новые исследования на Чустском поселении (Фергана) 241
Троицкая Т. Н. (Новосибирск). Курган 1 Быстровского могильника . . 245
Никитин А. Б. (Москва). Датированные драхмы Фраата III и хронология сузианских медных эмиссий 249
Гопак В. Д., Дьяченко А. Г. (Винница). Техника изготовления клинков древнерусских мечей бассейна Северского Донца 252
Боровиков П. А. (Москва). О методах поиска древних затонувших судов (по материалам зарубежной литературы) 256

Критика и библиография

Шнирельман В. А. (Москва). Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я. Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. Исследования советской экспедиции в Ираке. М., 1981 260
Русяева А. С., Зубарь В. М. (Киев). Масленников А. А. Население Боспорского государства в VI—II вв. до н. э. М., 1981 266
Белецкий С. В., Лесман Ю. М. (Москва, Ленинград). Гуревич Ф. Д. Древний Новогрудок. Посад-Окольный город. Л., 1981 269
Василенко В. М., Даркевич В. П. (Москва). Хускивадзе Л. З. Грузинские эмали. Тбилиси, 1981 275
Кабанов С. К. (Ташкент). Петров К. И. Очерки социально-экономической истории Киргизии VI — начала XIII в. Фрунзе, 1981 279
Абрамова З. А., Столяр А. Д. (Ленинград). К вопросу об истоках искусства (в связи с выходом книги Я. Я. Рогинского «Об истоках возникновения искусства». М., 1982) 284

Хроника

Бибиков С. Н. (Киев). Петр Петрович Ефименко (к 100-летию со дня рождения) 287
Козенкова В. И. (Москва). Конференция, посвященная 80-летию со дня рождения Евгения Игнатьевича Крупнова 291
Пескарева К. М., Рябинин Е. А. (Ленинград). Первое государственное учреждение отечественной археологии (к 125-летию создания Археологической комиссии) 299
Пьянкова Л. Т., Алекшин В. А. (Ленинград). Советско-французский симпозиум «Археология древнейшей Бактрии» 307
Памяти Надежды Анисимовны Онайко 312
Черных Е. Н., Янин В. Л. (Москва). Памяти Бориса Александровича Колчина 313
Беленицкий А. М., Заднепровский Ю. А. (Ленинград). Памяти Анатолия Максимилиановича Мандельштама 315

Указатель статей, опубликованных в журнале «Советская археология» за 1984 год 316

ACADEMY OF SCIENCES OF THE USSR
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

Founded in 1957

SOVIET ARCHAEOLOGY

№ 4
1984

Editor-in-Chief B. A. RYBAKOV

CONTENTS

Matyukhin A. E. (Leningrad). Experiments in Cutting Carcasses of Large Animals with Duplicating Palaeolithic Tools 5
Antonova E. V. (Moscow). On the Use of Seals by Early Oriental Agriculturists 26
Zdanovich G. B., Ivanov I. V., Khabdulina M. K. (Chelyabinsk). An Experience of Using Methods of Fossil Soil Study in Archaeology (Kara Oba and Obaly Mounds in Northern Kazakhstan) 35
Medyntseva A. A. (Moscow). Novgorodan Finds and Pre-Christian Russian Writing 49
Kovalenko V. P., Shekun A. V. (Chernigov). Listven in the Chronicle (Towards Localisation Problem) 62
Golubeva L. A. (Moscow). Women-Smelters (On the History of Female Handicrafts) 75
Fakhrutdinov R. G. (Kazan). Studies of Old Kazan (the 1970s Diggings) . . . 90

Publications

Khaikunova N. A. (Rostov-on-Don). Cores From the Suponevo Site . . . 109
Zhuravlev A. P. (Petrozavodsk). Dating of Mesolithic-Early Metal Age Settlements at the Unitsa Inlet of Lake Onega 119
Nechitailo A. L. (Kiev). On the Maikop-Type Vessels From the Steppe Ukraine 127
Smirnov A. S., Sorokin A. N. (Moscow). A Late Bronze Age Settlement on the Upper Seversky Donets 138
Krutskikh N. A., Shorin A. F. (Nizhny Tagil). Cherkaskul Burials in Chelyabinsk Region 150
Voznesenskaya G. A. (Kiev). Metalworking in Gallish-Lovachka Settlement . . 163
Leontiev A. E. (Moscow). New data on the Kostroma mounds 176
Nazarenko V. A., Ovsyannikov O. V., Ryabinin E. A. (Leningrad). Mediaeval Sites of the Chud Zavolochskaya 197
Zalesskaya V. N. (Leningrad). Byzantine White-Clay Painted and Cylix-Type Cups 217
Noskova L. M. (Moscow). Decorations of the 14th-Century Palatial Complex in Sarai (Selitrennoye Fortified Settlement) 224

Notes

Formozov A. A. (Moscow). Construction Sacrifices at Sites and Dwellings in the Early Metal Epoch 238
Matbabayev B. Kh. (Leningrad). New Studies of Chust Settlement (Ferghana) 241
Troitskaya T. N. (Novosibirsk). Mound-1 of the Bystrovo Burial Ground . . 245
Nikitin A. B. (Moscow). The Dated Drahmas of Phraates III and the Chronology of Susianian Copper Emissions 249
Gopak V. D., Dyachenko A. G. (Vinnitsa). Old Russian Technology of Sword Making in the Seversky Donets Basin 252
Borovikov P. A. (Moscow). Methods of Search for Ancient Sunk Ships (On the materials of foreign literature) 256

Book Reviews and Bibliography

Shnirelman V. A. (Moscow). Munchaev R. M., Merpert N. Ya. Earliest Agricultural Settlements of Northern Mesopotamia. Moscow, 1981 260
Rusyaeva A. S., Zubar V. M. (Kiev). Maslennikov A. A. Bosporan Population in the 6th-2nd Centuries B. C. Moscow, 1981 266

Beletsky S. V., Lesman Yu. M. (Moscow). Gurevich F. D. Old Novogrudok. The Posad-Okolny Town. Leningrad, 1981 269
Vasilenko V. M., Darkevich V. P. (Moscow). Khuskivadze L. Z. Georgian Enamels. Tbilisi, 1981 275
Kabanov S. K. (Tashkent). Petrov K. I. Essays on the Socio-Economic History of Kirghizia in the 6th-Early 13th Centuries. Frunze, 1981 279
Abramova Z. A., Stolyar A. D. (Leningrad). Towards the Problem of Emergency of Art (In Connection with the Publication of Ya. Roginsky's On the Emergency of Art. Moscow, 1982) 284

Chronicle

Bibikov S. N. (Kiev). Pyotr Efimenko (100th Birth Anniversary) 287
Kozenkova V. I. (Moscow). Krupnov Memorial Conference (80th Birth Anniversary) 291
Peskareva K. M., Ryabinin E. A. (Leningrad). The First State Institution for Archaeological Studies in Russia (The 125th Anniversary of the Archaeological Commission) 299
Pyankova L. T., Alekshin V. A. (Leningrad). The Soviet-French Symposium «Archaeology of Ancient Bactria» 307
In Memory of N. A. Onaiko 312
Chernykh E. N., Yanin V. L. (Moscow). In Memory of B. A. Kolchin 313
Belenitsky A. M., Zadneprovsky Yu. A. (Leningrad). In Memory of A. M. Mandelshtam 315

Contents of Soviet Archaeology for 1984 316

Адрес редакции:

117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Телефон 124-34-42

Зав. редакцией *Е. В. Бубнова*

Технический редактор *Т. А. Аверкиева*

Сдано в набор 17.07.84 Подписано к печати 05.10.84 Т-13366 Формат бумаги 70×108¹/₁₆
Высокая печать Усл. печ. л. 28,0 Усл. кр.-отт. 94,3 тыс. Уч.-изд. л. 32,5 Бум. л. 10,0
Тираж 3359 экз. Зак. 374

Издательство «Наука». 103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер., 10

МАТЮХИН А. Е.

ОПЫТЫ ПО РАЗДЕЛКЕ ТУШ КРУПНЫХ ЖИВОТНЫХ ОРУДИЯМИ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО ОБЛИКА

Общеизвестно, что разделка охотничьей добычи занимала исключительно важное место в хозяйственной жизни палеолитических людей. К числу орудий, использовавшихся в данной операции, исследователи относят не только орудия на отщепах [1, с. 12] и необработанные отщепы, но также чопперы, чоппинги [2, с. 4], колуны [3, с. 118] и бифасы [4, с. 147]. Правда, по поводу бифасов многие авторы высказываются весьма осторожно [5, с. 153], даже отрицательно [6, с. 309—311].

Трасологические исследования археологических коллекций, проведенные в последние годы как у нас в стране, так и за рубежом, подтверждают правильность этих предположений по крайней мере в отношении орудий на отщепах [7, с. 14—16]. Однако галечные орудия и бифасы в меньшей мере подвергались специальному функциональному анализу [8, с. 143—147]. Следует признать, что изучение функции, технологии изготовления и формы основных категорий палеолитических орудий проводится пока недостаточно и неполно. Существенную ясность в решение этих вопросов могут внести эксперименты по разделке туш животных различными орудиями ашельского и мустьерского облика. Правильно поставленный эксперимент, моделируя технологические и функциональные процессы, их динамику, позволяет в известной мере объяснять многие важные моменты, касающиеся причинной обусловленности формы, технологии изготовления и назначения каменных орудий [9, с. 41]. Однако очевидно и то, что результаты экспериментальных исследований должны быть согласованы с данными углубленного морфологического и трасологического анализа.

В 1980—1981 гг. нам удалось провести опыты по разделке фрагментов туш слона и трех жираф. Они были доставлены из Ленинградского зоопарка в Зоологический институт АН СССР в свежем состоянии (грудная клетка, таз, голова, конечности с лопатками). Исходная задача — предельное удаление мышечных тканей с целью получения костей, необходимых для пополнения остеологической коллекции Института [1].

По причине фрагментарности туш и малого опыта мы не задавались целью воспроизвести сам процесс их разделки. Не входило в наши планы и моделирование конкретного набора орудий той или иной стоянки, хотя подобного рода опыты еще предстоит провести. На данном этапе перед нами стояла задача испытать обобщенные типы орудий, изготовленных нами. В статье излагаются главным образом результаты проведенных экспериментов. Суждения применительно к палеолитическим орудиям носят в целом предположительный характер.

Мы ставили перед собой следующие задачи: 1) выявить эффективность галечных орудий, бифасов, орудий на отщепах и необработанных отщепов при резании и разрубании мышц, мездры, кожи, фасций, сухожилий и жировых прослоек; 2) установить влияние выкрашивания лезвий на рабочие свойства орудий; 3) зафиксировать наиболее оптимальные способы зажима орудий и роль аккомодационных элементов;

[1] Пользуясь случаем, автор хотел бы выразить свою глубокую благодарность заведующему отделением остеологии И. Е. Кузьминой, сотрудникам отделения В. Е. Гарутту, Г. Ф. Барышникову, Е. В. Урбанас, Г. К. Нураевой за возможность провести опыты, постоянную помощь и понимание.

4) получить макро- и микроследы износа и провести их последующее изучение визуальным путем и под микроскопом; 5) выяснить конкретные (утилитарные) причины и факторы формообразования орудий, и в частности переход необработанных отщепов в скребла, остроконечники, лимасы, ножи с обушком и т. п., а также изменение исходных форм бифасов и орудий на отщепах в ходе их подправки.

Следует признать, что не все из поставленных задач были выполнены в должной мере. Нельзя, конечно, не принимать во внимание жесткие условия проведения экспериментов. Однако мы стремились к максимально полной документации опытов. В работе участвовали студенты кафедры археологии исторического факультета ЛГУ, а также автор настоящей статьи [2]. Весьма ценные советы мы получили от сотрудников отдела остеологии и лаборатории экспериментальной таксидермии Зоологического института.

Фрагменты туш слона и жираф были в различном состоянии. Конечности, обильно увлажненные лимфой, грудные клетки и тазовые части жираф представляли собой скользкую, аморфную массу. Фрагменты туши слона были покрыты кожей, толщина которой в отдельных местах достигала 6 см. Верхние участки конечностей и тазовых частей спустя некоторое время слегка затвердели (особенно фасции). Такое же состояние приобретали и выходящие на поверхность костей конечностей жираф сухожилия. Внутренние участки мышечных тканей оставались довольно увлажненными. Некоторые фрагменты (грудная клетка слона и две конечности жирафы) на начальной стадии разделки находились в мороженом и полумороженом состоянии (были на воздухе несколько дней при температуре около −20°). Когда они оттаяли в помещении, то стали заметно эластичными. Необходимо отметить, что отделять путем резания и рубки крупные куски сильно и заметно мороженных мышц невозможно. Снимаемые куски имели очень небольшие размеры. Укажем, наконец, что почти все фрагменты туш были в меру загрязненными. При отделении кусков мышц и кожи больших и средних размеров, а также перерезании и разрубании сухожилий приходилось производить их натяжение. Это делалось в зависимости от величины кусков или руками, или с помощью длинного деревянного кола. Кроме того, путем горизонтального пробивания колом можно отрывать мягкие ткани от костей (лопаток, конечностей, таза). Большие куски мяса мы дополнительно разрезали на деревянной колоде на более мелкие.

Рассмотрим теперь вопрос об эффективности разных категорий орудий. Начнем с чопперов и чоппингов (рис. 1, *1*, *2*; 2, *1*). Они изготовлены из сланца, песчаника, известняка, кварца, обсидиана и использовались для отделения небольших кусков мышц путем резания и разрубания. Орудия быстро тупились и выходили из строя. Совсем непригодны эти орудия для членения сухожилий, фасций и кожи слона. По сути дела происходило разрывание и размочаливание мышечной массы. Несколько более успешно использовались галечные орудия для рассечения слабоувлажненных мышц и отделения небольших кусков. Низкая эффективность чопперов и чоппингов, даже обсидиановых, объясняется еще и тем, что их лезвия быстро покрывались кусочками фасций, сухожилий, жира и не проникали глубоко в мышечные ткани. Однако крупные орудия, изготовленные из однородных пород и имеющие угол заострения лезвий 30—45°, должны быть более результативными. Если мы обратимся к олдувейским галечным изделиям, то увидим, что многие из них имеют угол заострения краев от 70 до 90° [10, с. 3—84]. К тому же они изготовлены из лавы, породы достаточно неоднородной. Орудий из кварца, кварцита и кремнистой породы очень мало. Напомним, что Л. Лики проводил разделку туш антилопы чоппингом из кремнистой породы. Нельзя не принимать во внимание и мелкие

[2] Автор благодарит студентов ЛГУ Е. Гирю, А. Губайдулину, В. Дороничева, Е. Колпакова, П. Нехорошева, Л. Равнушкина, Д. Чистякова, а также студентку Ростовского государственного университета Е. Михайловскую за энтузиазм, заинтересованность и терпение.

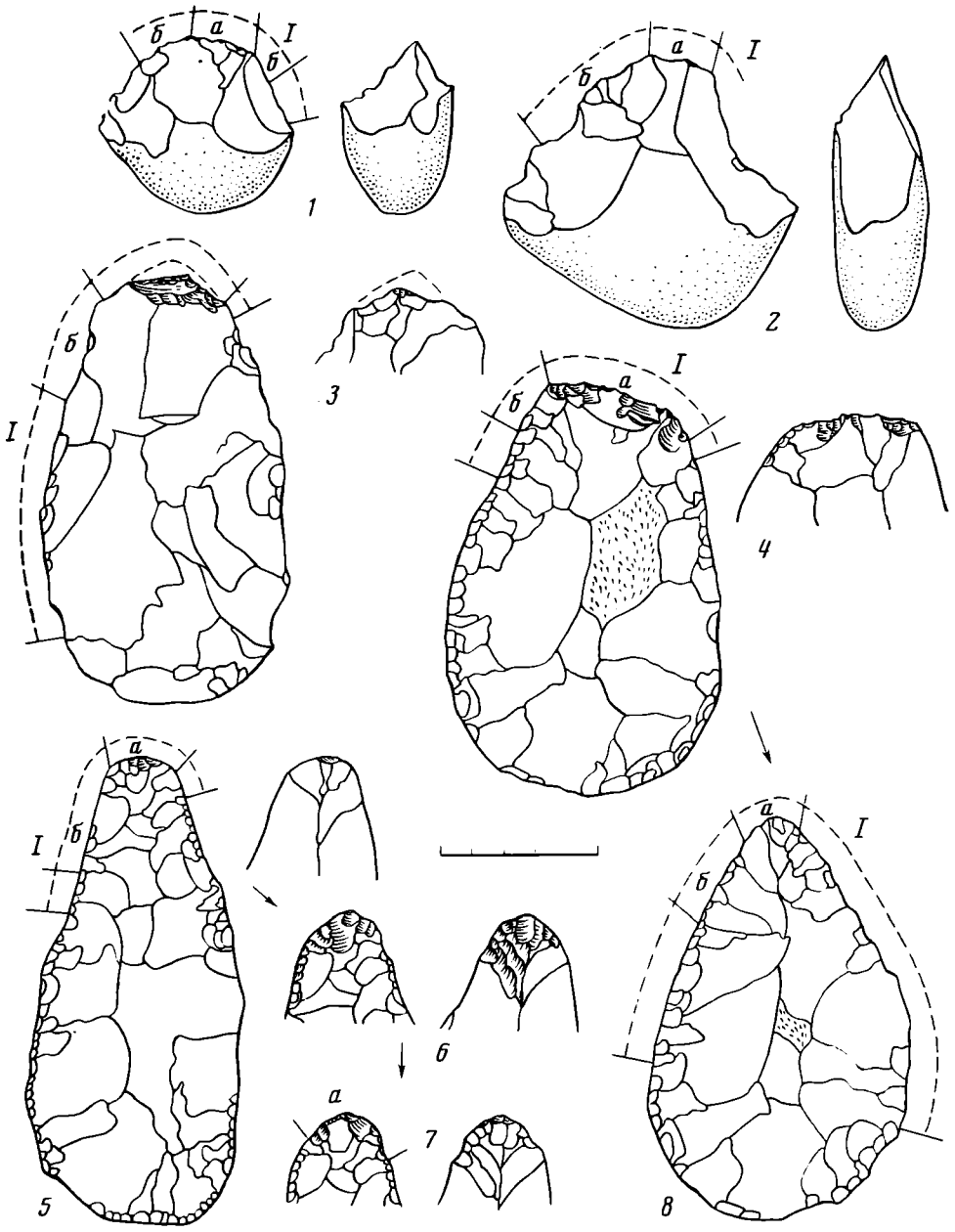


Рис. 1. *I* — общая протяженность рабочей зоны лезвий с использованными и неиспользованными (потенциально активными) участками: *а* — наиболее активно использованные участки рабочей зоны лезвий; *б* — умеренно и слабо использованные участки рабочей зоны лезвий; *1*, *2* — чоппинги, использовавшиеся для срезания мышц с ноги жирафы, *1* — кварц, *2* — песчаник (в работе 20 мин); *3* — бифас из песчаника — разделка таза слона (резание, рубка, 55 мин); *4* — кремневый бифас — разделка ноги слона (рубка мышц и кожи слона, 2 ч); *5* — кремневый бифас — разделка ноги слона (рубка кожи и мышц, 4 ч 25 мин); *6* — тот же бифас после подправки; *7* — выкрашивание лезвия у того же бифаса (после подправки); *8* — бифас № 4 после подправки

размеры олдувейских предметов. Мало вероятно их использование для резания и разрубания мышечных тканей туш животных, особенно крупных. Если олдувейские находки — подлинные изделия, то подавляющее число их скорей всего составляют нуклеусы, а не орудия [11, с. 15—18].

Бифасами был выполнен основной объем работы по разделке фрагментов туш слона и жираф. Орудия изготовлены из кремня, кварцита, песчаника, сланца и обсидиана. Выделяются следующие типы бифасов: сердцевидные, треугольные, овальные, топоровидные, копьевидные, фик-

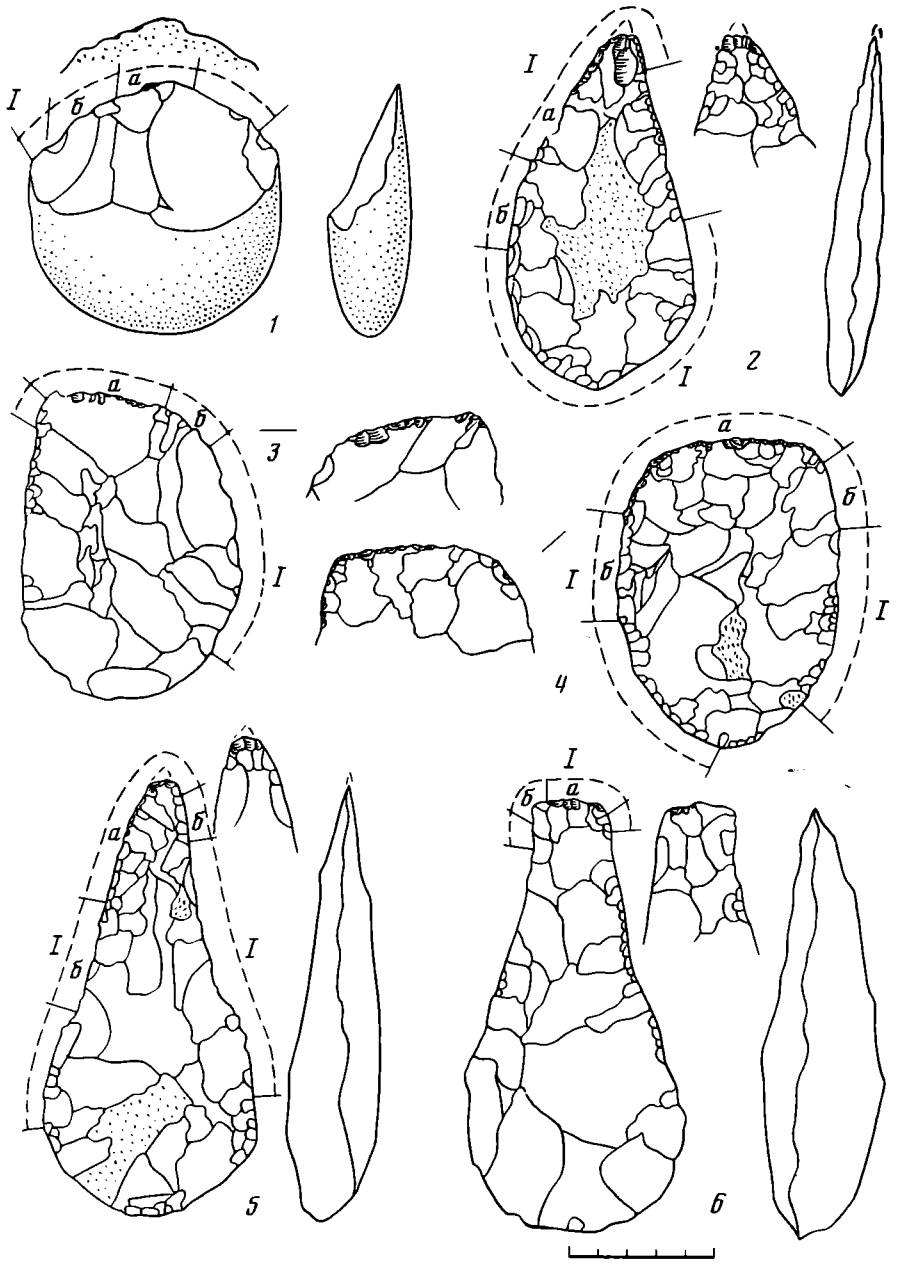


Рис. 2. *1* — чоппер из известняка (срезание мышц с ноги жирафы, 20 мин); *2* — кремневый бифас (срезание мяса с грудной клетки жирафы, 3 ч 25 мин); *3* — кремневый бифас (срезание мышц с ноги и шеи жирафы, 3 ч 20 мин); *4* — кремневый бифас (срезание и разрубание мышц на грудной клетке жирафы, 3 ч 20 мин); *5* — кремневый бифас (срезание мышц и рубка сухожилий на ноге жирафы, 3 ч); *6* — кварцитовый бифас (сдирание мяса с таза слона, 20 мин)

роны, микокские, миндалевидные и бифасы с поперечным лезвием (рис. 1—5). Вполне пригодными оказались грубые бифасы с извилистыми краями (рис. 3; 5, *4*). Важно, чтобы у них были острые дистальные концы и хотя бы частично (ближе к острию) боковые лезвия, а также удобный зажим. Такие орудия, особенно с заостренным концом, благодаря своему значительному весу глубоко проникали при рубке в мышцы и кожу. Бифасы с овальным и поперечным лезвием выполняли эту операцию несколько хуже (рис. 3, *1—3*). Рубка, как правило, чередовалась с резанием, хотя последняя операция с грубыми бифасами удавалась гораздо хуже. Затупившимися бифасами, конечно, трудно полностью расчленять кожу, толстые сухожилия и скользкие участки

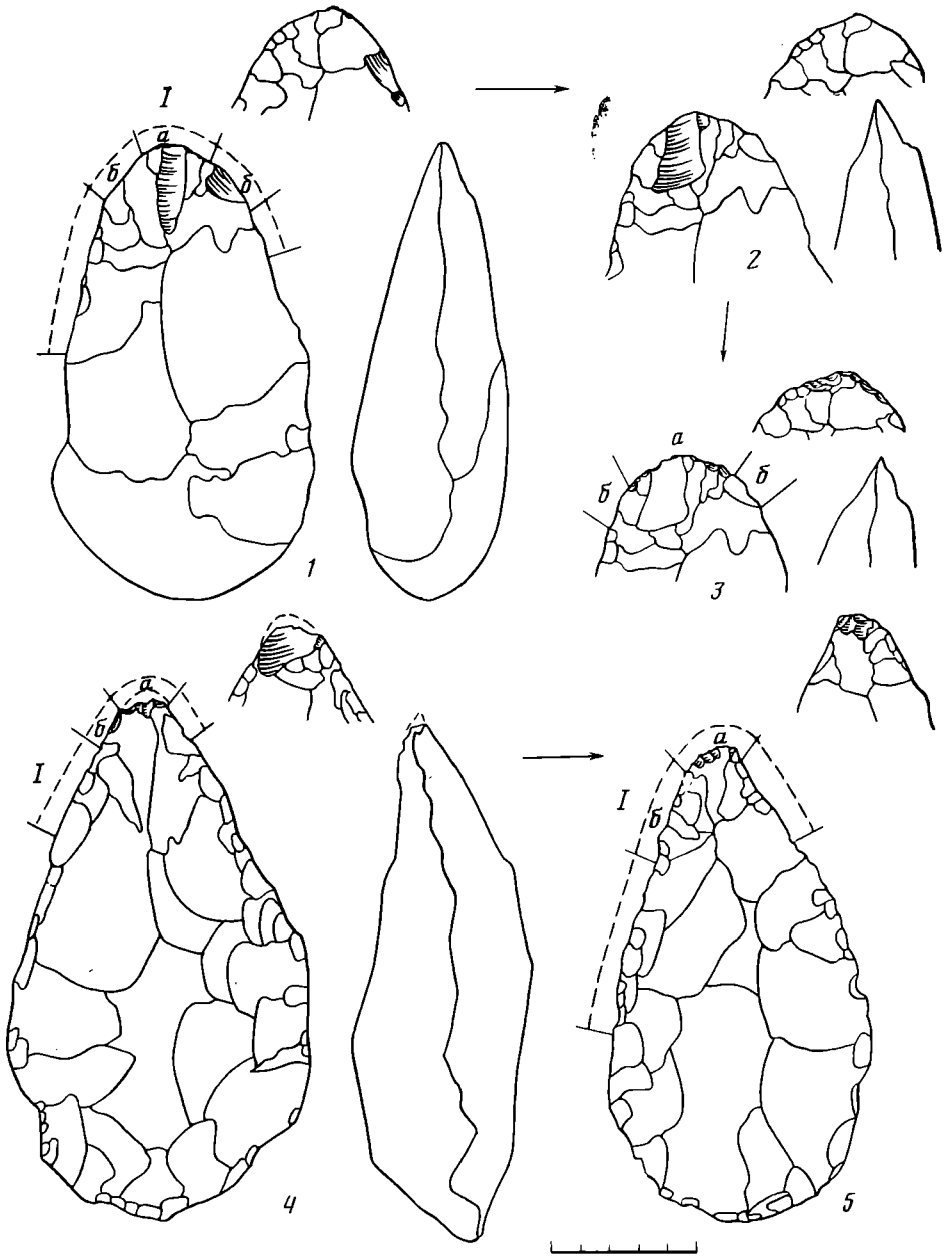


Рис. 3. *1—3* кварцитовый бифас — разрубание мышц на ноге слона (*1* — после 20 мин работы, *2* — подправка того же бифаса после 38 мин работы, *3* — выкрашивание лезвия у того же бифаса спустя 27 мин после подправки); *4* — кремневый бифас — разрубание мороженой кожи слона, 1 ч; *5* — тот же бифас после подправки — резание и разрубание неполностью размороженной кожи и мышц слона, 2 ч. 30 мин

мышечных тканей. Как и в случае с галечными орудиями, происходили, но гораздо более эффективно ее разрывание и размочаливание. Окончательная работа проводилась острыми отщепами, орудиями на отщепах или бифасами с острыми, тонкими лезвиями. Рассматриваемые бифасы использовались также для разрубания мороженой кожи и мышц слона (рис. 3, *4*, *5*). Отделение такой кожи от мяса — чрезвычайно трудоемкий процесс. Требовались большие усилия не только при работе орудиями, но также для удержания и при натяжении кожи, представляющей собой жесткое, упругое вещество.

Более эффективными оказались бифасы с уплощенными и тонкими лезвиями. Бифасы заостренной формы при резании и рубке глубоко проникали в мышечные ткани. Кроме того, ими можно поддевать и,

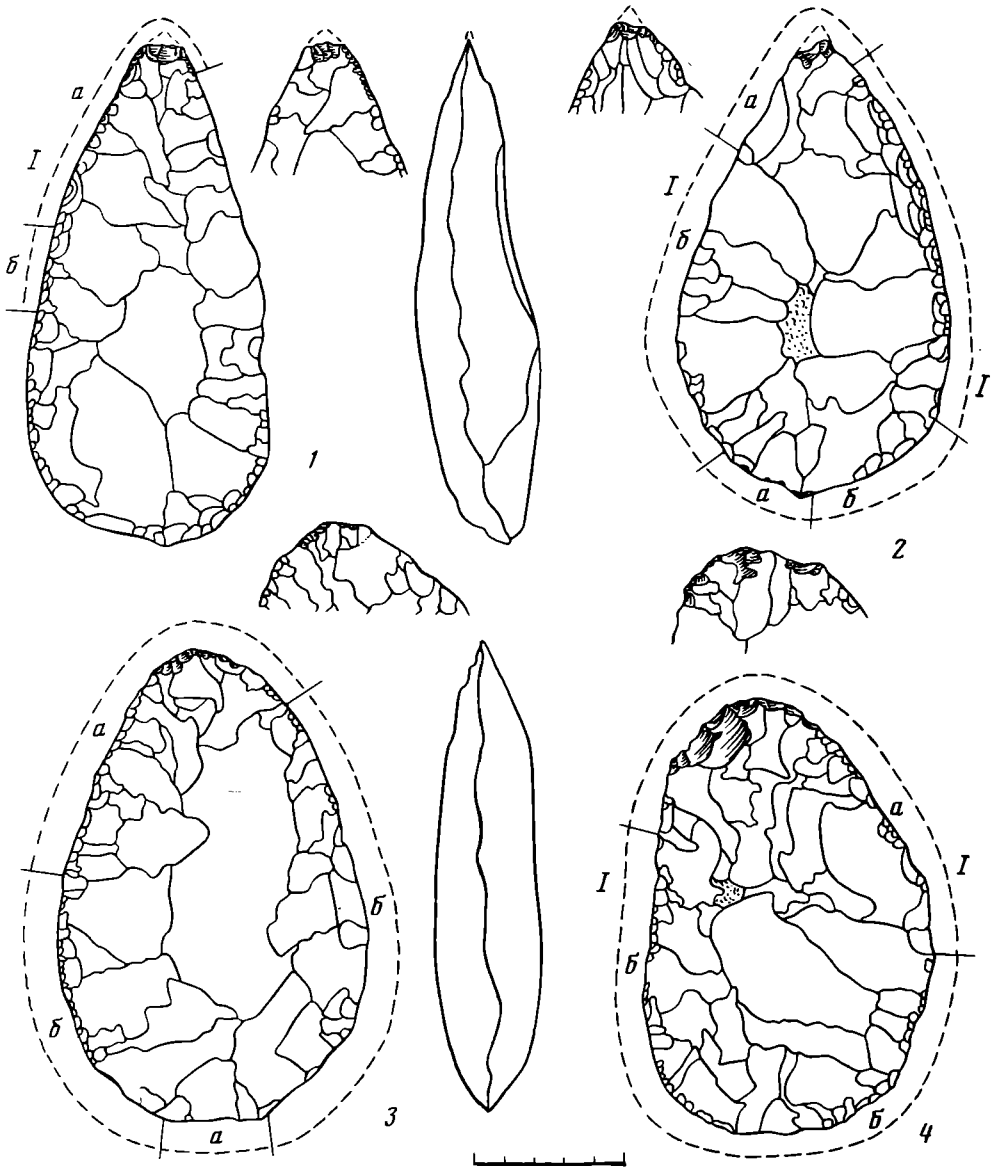


Рис. 4. *1* — кремневый бифас — резание и разрубание кожи и мышц на ноге слона, 2 ч 50 мин; *2* — кремневый бифас — разрубание и резание мышц и кожи на тазе слона, 5 ч; *3* — кремневый бифас — резание мышц и кожи слона, 1 ч 50 мин; *4* — кремневый бифас — резание и разрубание мышц и кожи на ноге слона, 2 ч

прилагая усилия, разрывать отдельные ее участки. Несколько менее удачно рубящую функцию выполняли бифасы с овальным и поперечным лезвием (рис. 1, *4–6*; 2, *3*, *4*; 4, *4*). Однако и те и другие — это хорошие режущие орудия. Первые в зависимости от ситуации располагались под разным углом к поверхности туши, вторые, имея большую протяженность лезвий, способствовали увеличению силы давления на вещество, захватывая значительный его участок. Бифасы всех типов с минимальным углом заострения рабочих лезвий, одинаково успешно использовались для разрубания и резания мышечных тканей, фасций, жировых прослоек, сухожилий и кожи. Ими также легко отделялась кожа от мышц.

Говоря об эффективности бифасов, как грубых, так и тщательно обработанных, необходимо иметь в виду протяженность рабочей зоны их лезвий. У некоторых бифасов рабочим является только дистальный конец (рис. 1, *4*: 2, *6*), у других — одно продольное лезвие (рис. 1, *5*, *8*;

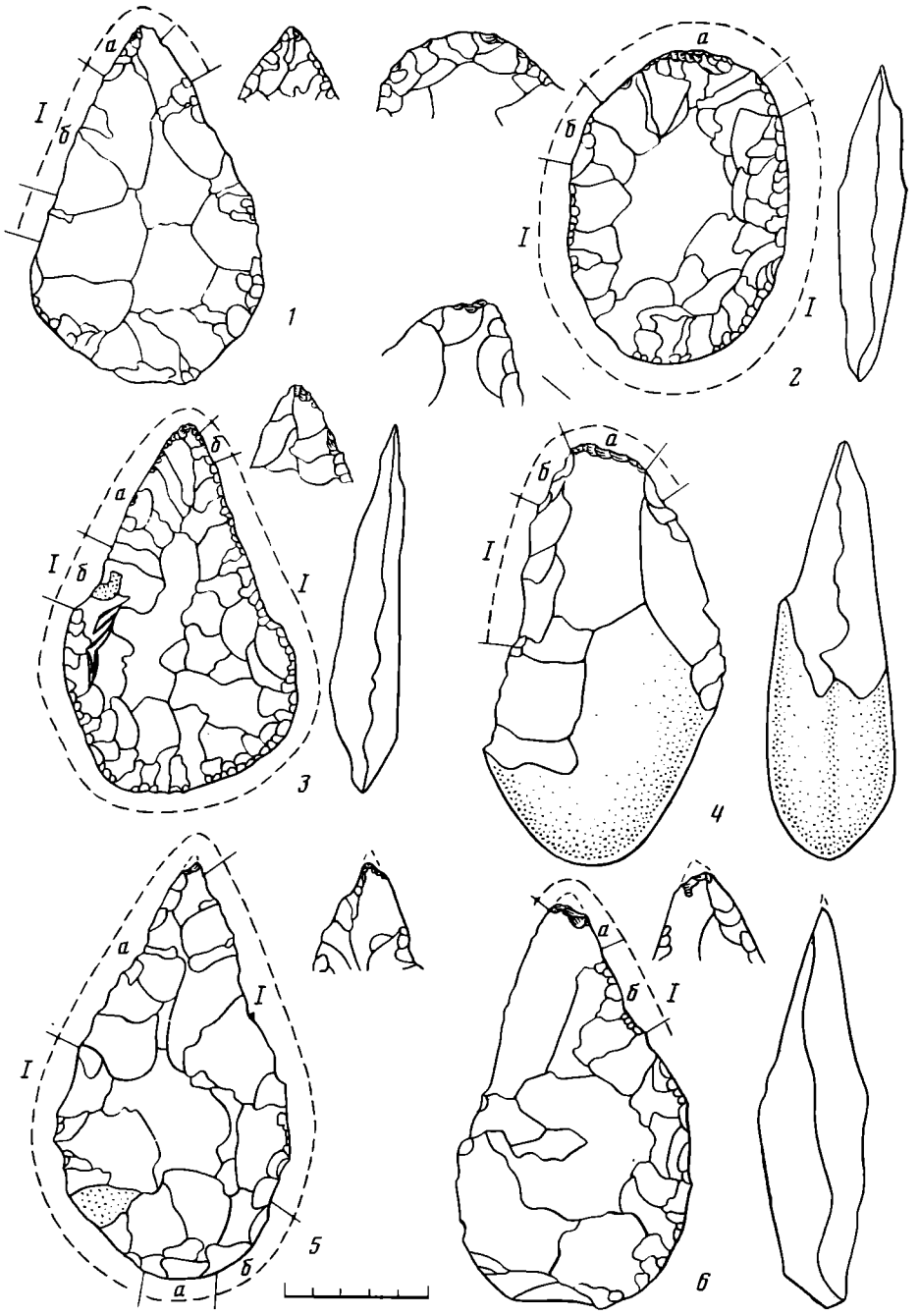


Рис. 5. *1* — кремневый бифас — резание и разрубание мышц и кожи на грудной клетке слона, 1 ч 10 мин; *2* — кремневый бифас — резание и разрубание мышц на тазе жирафы, 3 ч; *3* — кремневый бифас — срезание мышц с ноги жирафы, 2 ч 15 мин; *4* — сланцевый бифас — разрубание мышц на ноге слона, 1 ч; *5* — кремневый бифас — резание и разрубание мышц на тазе слона, 2 ч 20 мин; *6* — кварцитовый бифас — резание и разрубание мышц на тазе слона, 2 ч 30 мин

2, *5*; 4, *1*; 5, *6*), у третьих — оба лезвия (рис. 1, *8*; 2, *4*, *5*). У отдельных бифасов, особенно тех, которые обработаны мягким отбойником, угол заострения основания не превышает 50°, т. е. оно является рабочим лезвием (рис. 2, *2*). Нами испытано несколько бифасов с рабочей зоной по всему периметру (рис. 4, *2*—*4*; 5, *2*, *3*, *5*). Орудия со значительной протяженностью рабочей зоны могут длительное время использоваться в той или иной операции без подправки (5—8 часов). Они же будут обладать и большей эффективностью. В зависимости от формы рабочих лезвий, угла их заострения и протяженности выделяются бифасы, кото-

рые могут быть использованы единственно для разрубания мышечных тканей (рис. 1, *4*; 2, *6*; 3, *1—5*; 5, *4*) и те, что в равной мере пригодны для данной операции, а также резания (рис. 1, *5—8*; 2, *2—5*; 4; 5, *1—3, 5*).

На рабочие свойства бифасов, в том числе и грубых, заметное влияние оказывает микроморфология рабочих лезвий и рельеф их поверхности, конкретно — наличие зубчиков, шипов, острых межфасеточных ребер. Положительным признаком следует считать и умеренную извилистость лезвий. Напротив, лезвие, у которых кромка представлена исключительно ровной, сплошной линией, очень быстро тупились. При затуплнвании зубчиков и шипов (обычно крупных), на которые приходится основная нагрузка, лезвия грубых бифасов сразу выходят из строя. У бифасов с уплощенными лезвиями обновление их происходило за счет выкрашивания.

Эффективность бифасов в известной мере зависит и от формы продольных лезвий. У бифасов с вогнутыми лезвиями и частыми крупными выемками снижаются рабочие свойства. Согласно нашим наблюдениям, бифасы с прямыми или слегка выпуклыми краями являются эффективными орудиями (рис. 1, *5*, *8*; 2, *5*; 4, *1*, *4*; 5, *1*, *3*, *5*). Скорей всего это объясняется тем, что нагрузка здесь равномерно распределяется по всей длине лезвий, а не на отдельные их участки. При разделке большой массы мышц (фрагменты туши слона, конечности жираф) особенно эффективными оказались крупные удлиненные бифасы с прямыми лезвиями (копьевидные, треугольные, фикроны, микокские). Они оказывали более сильное давление на вещество, легко и глубоко проникая в него (рис. 2, *2*, *5*; 4, *1*, *2*; 5, *3—5*). В контакт с веществом вступают не только острые, но и невыраженные (с углом заострения 80—90°) участки лезвий. Бифасы небольших размеров аналогичных форм использовались столь же успешно, но механические свойства, в частности сила давления, у них ниже. У мелких бифасов (сердцевидных, овальных, дисковидных) основная нагрузка приходилась на привершинную часть рабочих лезвий. Такие бифасы, если они не выкрашивались при столкновении с костью, затуплнвались весьма быстро. В операции резания бифасами можно работать на манер сапожных и кухонных ножей, а также пилы. Бифасы с поперечным лезвием, и в частности бифасы с «рыльцем», использовались для сдирания тонких прослоек мяса непосредственно с костей (рис. 2, *6*).

На эффективность всякого орудия в значительной мере влияет степень удобства его зажима в руке [12, с. 13]. Как правило, у бифасов один из продольных краев является обушковым. Он может представлять или настоящий обушок, или менее выраженное, или настоящее лезвие (рис. 1, *5*; 4; 5, *3*, *5*, *6*). Важное значение здесь приобретают степень симметрии бифаса, детали его формы, угол заострения краев. Бывало так, что у изготовленного бифаса удобным для захвата оказывался край с минимальным углом заострения, другими словами, удачное рабочее лезвие (рис. 4, *1*; 5, *6*). Переделать обушковый край в лезвие не всегда удавалось в силу объективных причин (большая массивность изделия, заметный наклон одной из его половин, сильная извилистость края и т. п.). У бифасов, применяющихся для рубки, важны такие признаки, как толщина, ширина, форма основания, рельеф поверхности негативов сколов в его зоне, соотношение основания и острия и др. У отдельных бифасов основание специально скашивалось по одному краю с целью оптимального зажима (рис. 1, *5*, *8*; 2, *2*; *4*, *2*; 5, *1*, *3*, *5*). Удобна для зажима верхняя половина бифасов треугольных, микокских, копьевидных, сердцевидных, удлиненных и фикронов. В данном случае основание становится рабочим лезвием (рис. 4, *2*; 5, *3*, *5*).

Продолжительность использования каждого отдельного бифаса зависит от разных причин: типа сырья, его качества, удобства зажима, угла заострения и протяженности лезвий и, что особенно важно, от интенсивности их выкрашивания. Так, малоэффективными оказались бифасы из слабо окремненного сланца и песчаника (рис. 5, *4*). Несмотря

на минимальный угол заострения (40—45°), их лезвия быстро заглаживались и тупились. Они не пробивали фасции и не погружались глубоко в мышечную массу. Довольно быстро зашлифовывались кромки лезвий у бифасов из обсидиана (прежде всего), кремня, кварцита и других твердых пород, если не происходило их выкрашивания в процессе работы (рис. 5, *1*). После первоначального, интенсивного выкрашивания наблюдались увеличение угла заострения и укрепление лезвий, т. е. их стабилизация. Дальнейшая деформация или резко уменьшалась, или прекращалась вовсе (если, конечно, не было столкновения орудия с костью). Интенсивное выкрашивание лезвий, которое приводило к самозаострению, способствовало сохранению высоких рабочих свойств орудий в течение 3—8 часов (рис. 2, *2—4*; 4; 5, *2, 3, 5, 6*). В противном случае бифасы выходили из строя менее чем через 1 час (рис. 2, *6*; 3, *1—3*; 5, *1*).

Таким образом, бифасы не без основания можно считать весьма эффективными орудиями для разделки туш животных. Среди их положительных качеств следует назвать следующие: 1) большую протяженность рабочей зоны лезвий; 2) значительную продолжительность их использования в той или иной операции; 3) сочетание операций резания, разрубания, разрывания, долбления, сдирания; 4) наличие высоких механических свойств (силы давления, глубокого проникновения в вещество). О значительной роли бифасов как орудий для разделки туш животных красноречиво свидетельствуют материалы многих ашельских и мустьерских памятников. Любопытно, что в таких ашельских стоянках, как Тель-Убейдия [13, с. 181], Джиср-Банат-Якуб [14, с. 61—68], Латамна [15, с. 203], Торральба и Амброна [16, с. 121—125], Майян-Барух [17, с. 12], вместе с бифасами обнаружены кости крупных животных, в том числе кости слона. В Майян-Барухе, например, орудия на отщепах крайне малочисленны, зато бифасов много, и они весьма разнообразны по форме и технологии изготовления [17, с. 8—21]. Интересно присутствие в инвентаре некоторых ашельских памятников, в частности в Тернифине [18, с. 226] и Латамне [19, с. 22], бифасов с долотовидным концом. Мы не может согласиться с теми исследователями, которые считают, что отсутствие или небольшое число бифасов указывает на незначительную их роль в разделке туш животных. Процентное соотношение бифасов и других близких типов орудий связано, как нам представляется, с разными причинами: 1) доступностью и спецификой исходного материала, 2) родом деятельности, 3) типом памятника, 4) техническими традициями и привычками древних мастеров, 5) ролью подправки бифасов. Проведенные нами опыты убеждают в том, что разделку одной туши крупного животного можно проводить исключительно бифасами (2—3 экз.). С учетом полученных нами данных (пока далеко не полных) бифас с большей протяженностью рабочей зоны может использоваться в операциях резания и рубки примерно 20—40 часов, но при условии его постоянной подправки. Думается, что именно роль подправки не учитывается многими исследователями, когда речь идет о функции этих орудий. Вполне возможно, многие мустьерские бифасы являются на деле ножами. По-своему прав Ю. Г. Колосов, который относит некоторые бифасы из заскальнинских стоянок к этой функциональной группе орудий [20, с. 39—43]. Это тем более уместно, что некоторые из них имеют выраженный аккомодационный элемент — рукоятку.

Рассмотрим вопрос о полезных свойствах отщепов. Сразу же отметим, что сколы без обработки с тонкими, острыми устойчивыми краями являются самыми эффективными режущими орудиями (рис. 6, *1—4*: 8, *5*, *6*; 9, *1*, *5*, *6*). Они с успехом использовались нами для перерезания сухожилий, кожи слона, мяса с фасциями, жировых прослоек и т. п. В первую очередь это относится к сколам из кремня, обсидиана, андезита и кварцита. Значительно уступают им по эффективности отщепы из сланца, песчаника, доломита, известняка и других близких пород. Они быстро тупились, и их приходилось часто менять. Однако и отщепы

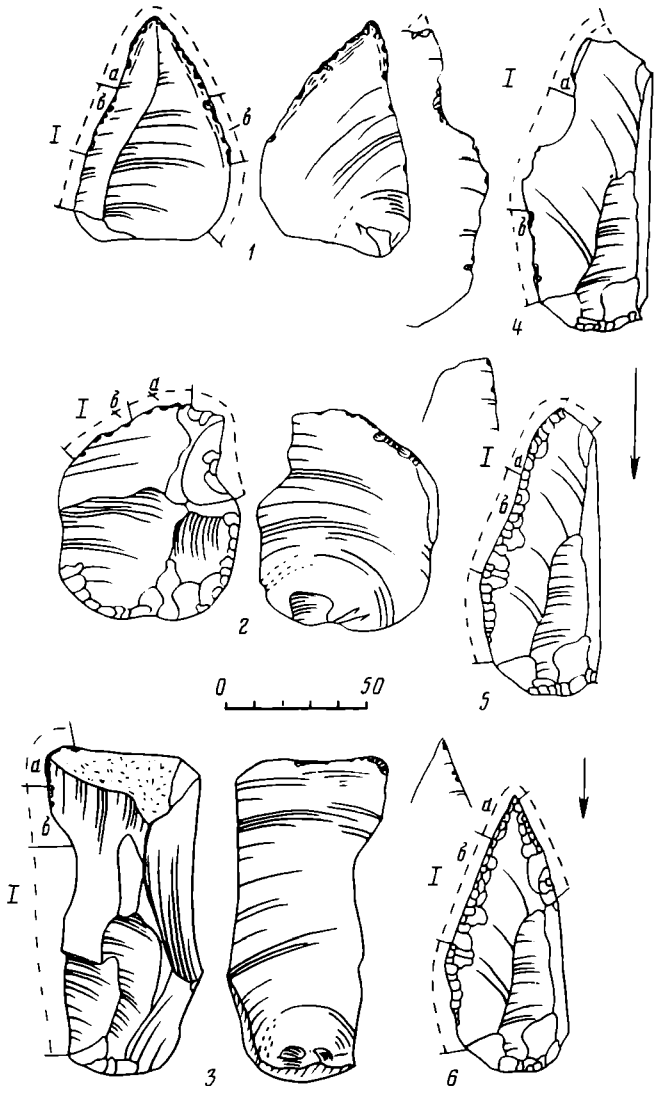


Рис. 6. *1* — обсидиановый отщеп — резание мышц и кожи на ноге слона, 25 мин (штрихами обозначены визуально различимые линейные следы); *2* — кремневое выемчатое орудие — срезание мышц с грудной клетки и шеи жирафы, 3 ч 50 мин; *3* — кремневый отщеп — резание неполностью размороженной кожи и мышц на грудной клетке слона, 1 ч 20 мин; *4* — обсидиановый отщеп — резание мышц и кожи на ноге слона, 50 мин; *5* — то же изделие после первой подправки; *6* — то же изделие после второй подправки и 25 мин работы

из однородных пород, если они не выкрашивались, затупливались через 10—15 минут, хотя работу ими можно было продолжать еще 5—10 минут, прилагая заметные усилия. Это наблюдалось при резании мороженых мышц с подсохшей фасцией, кожи, жировых образований и сухожилий. Происходили истирание, пришлифовка и очень мелкое выкрашивание кромок лезвий. Резание влажных мышц, тем более мышц без сухожилий и фасций, не приводило к столь быстрому затуплива нию. Но через 25—35 минут многие сколы нуждались в подправке (рис. 7, *1*, *2*).

При удачном выкрашивании (столкновении с костью) отщепами с устойчивыми краями можно было работать до 4 часов (рис. 6, *2*, *3*; 8, *4*). Сколы с ломкими краями мгновенно выкрашивались при резании подсохших фасций, сухожилий, мороженого мяса и кожи. К полному затуплива нию приводили прежде всего образующиеся мелкие выемки с заглаженной кромкой (рис. 8, *4*, *6*). Малопригодны для работы и сколы с исходной деформацией краев в виде выемок и зубчиков с тупой

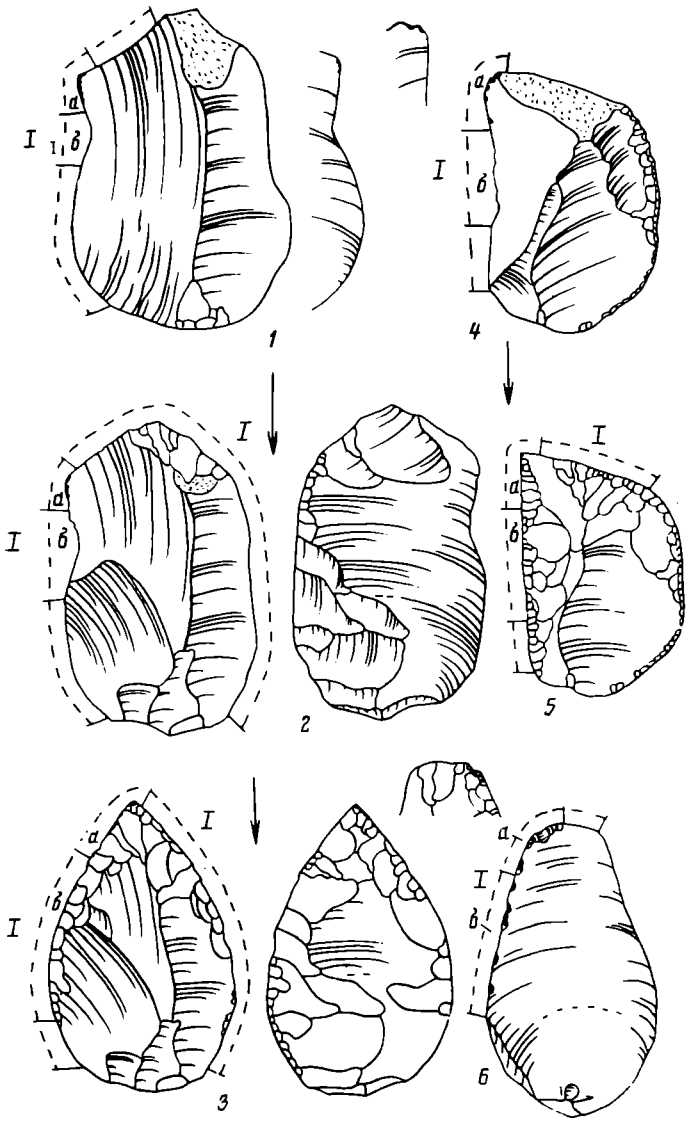


Рис. 7. *1* — кремневый отщеп — резание мышц и отделение кожи с ноги слона, 35 мин; *2* — то же изделие после первой подправки и 30 мин работы; *3* — то же изделие после второй подправки и 20 мин работы; *4* — кремневое орудие — срезание мышц с таза слона, 1 ч 5 мин; *5* — то же орудие после подправки и 50 мин работы; *6* — кварцитовое скребло — резание мышц жирафы, 45 мин

кромкой. Важное значение имеет также форма рабочего и противоположного ему края. Высокие результаты показывали отщепы с прямым, выпуклым и слегка скошенным вправо лезвием (рис. 6, *3*; 8, *5*; 9, *5*, *6*). Наоборот, сколы с неровными краями (вогнутые, дуговидные участки, крупные шипы) малопригодны в операции резания (рис. 6, *4*; 7, *1*; 8, *1*). Чрезвычайно эффективными оказались пластинчатые и треугольные отщепы, а в равной мере крупные пластины (рис. 6, *1*, *3*; 9, *1*, *5*, *6*). Ими удобно было работать на манер сапожного ножа при разрезании мяса и кожи. В наших опытах использовались (и небезуспешно) мелкие отщепы — до 3 см длиной. Очень удобны в работе сколы с обушком, особенно если последний скошен вправо (рис. 8, *6*). Противоположный рабочему лезвию продольный заостренный край, как отмечалось уже при описании бифасов, тоже является по сути дела аккомодационным элементом. Во избежание пореза он покрывался куском мышцы с фасцией. Поскольку поверхности отщепов постоянно скользкие от жира, наиболее оптимальным следует признать зажим с упором указательного пальца на край, а не двумя пальцами. В значительной мере это относится

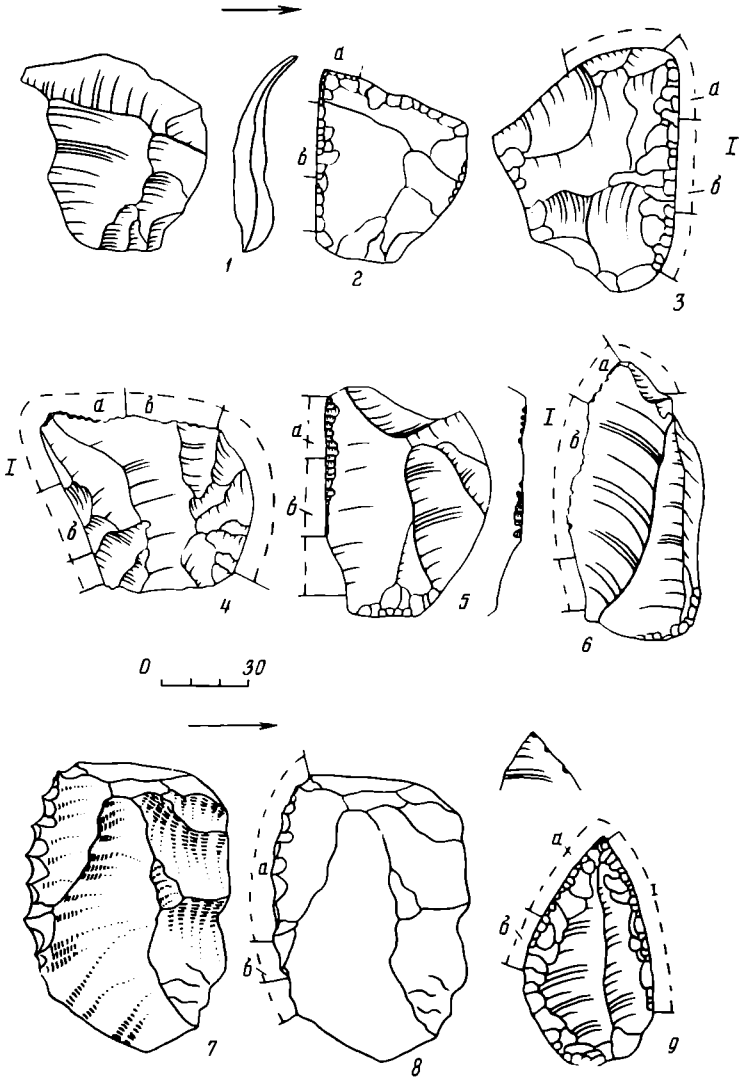


Рис. 8. *1* — кремневый отщеп, непригодный для непосредственного использования; *2* — скребло из отщепа № 1; *3* — кремневое скребло — срезание мышц с таза и ноги жирафы, 1 ч 17 мин; *4* — кремневый отщеп — резание неполностью размороженных мышц на грудной клетке слона, 2 ч 30 мин; *5* — обсидиановый отщеп — срезание мышц с шеи жирафы, 7 мин; *6* — кремневый отщеп — срезание мышц с грудной клетки слона, 30 мин; *7* — зубчатое орудие из песчаника до работы; *8* — то же орудие после 33 мин работы — резание неполностью размороженных мышц на грудной клетке слона; *9* — кремневый остроконечник — срезание мышц с ноги слона, 50 мин

и к мелким отщепам. Удобным аккомодационным элементом следует считать крупные выемки у привершинной части края, которые обычно притупливались мелкой ретушью (рис. 6, *2*).

Теперь остановимся на рабочих свойствах орудий на отщепах (рис. 6—10), изготовленных из кремня, кварцита, песчаника, обсидиана и андезита. Оформление лезвий осуществлялось каменными и мягкими отбойниками.

Наиболее эффективными орудиями являются остроконечники с узким основанием, боковые и поперечные скребла (рис. 6, *6*; 8, *3*, *9*; 10, *4*; 9, *2*, *4*). Они имеют удачное сочетание лезвия и аккомодационного участка. К тому же достигаются оптимальный угол положения лезвия по отношению к поверхности мышечных тканей, равномерное и сильное давление, а следовательно, свободное погружение и глубокое проникновение во внутрь. Среди скребел первыми по эффективности следует

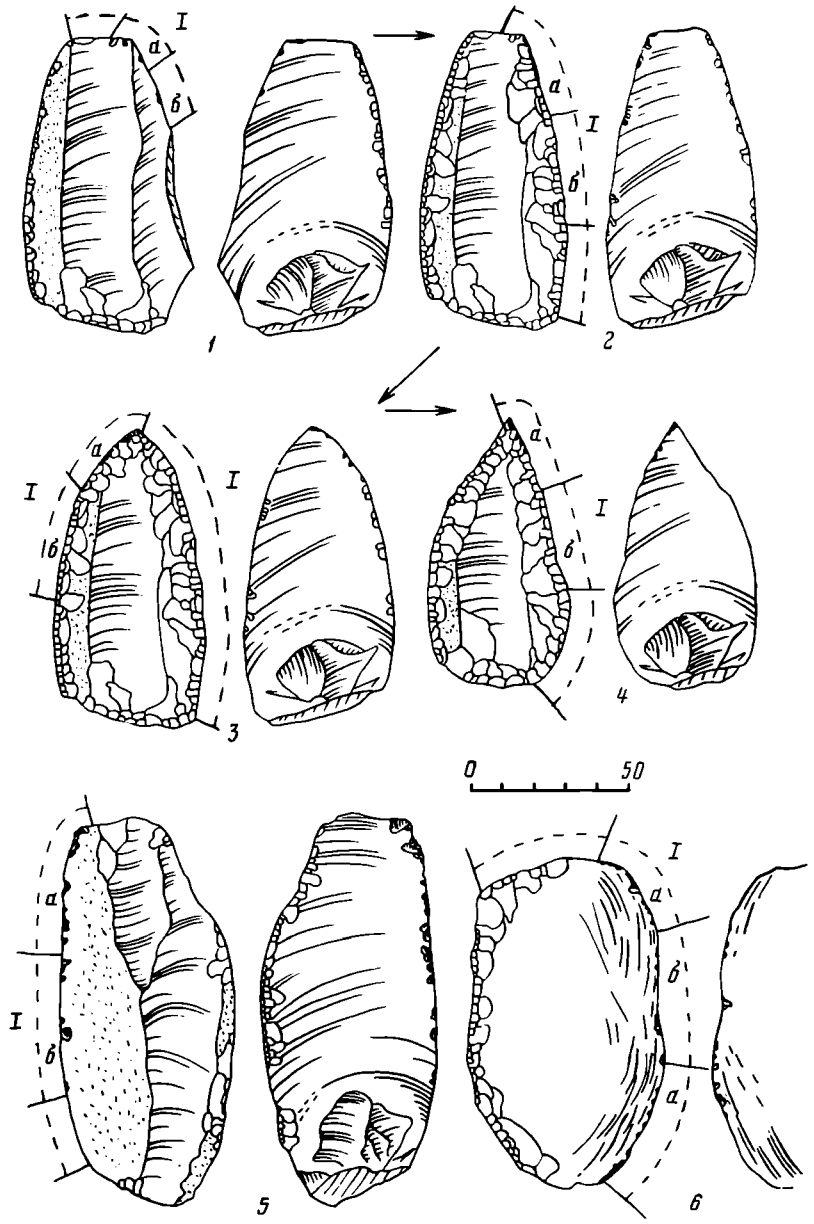


Рис. 9. *1* — обсидиановое скребло — резание мышц и кожи на ноге слона, 45 мин; *2* — то же орудие после первой подправки; *3* — то же орудие после второй подправки; *4* — то же орудие после третьей подправки; *5* — обсидиановый отщеп — резание мышц и кожи на ноге слона, 55 мин; *6* — обсидиановое скребло — резание мышц и кожи на ноге слона, 1 ч 5 мин (штрихами обозначены визуально различимые линейные следы)

признать поперечные скребла, у которых аккомодационным элементом часто служит ударная площадка исходного отщепа (рис. 10, *2*). У боковых скребел удачными участками для зажима являются грани сколов или крутые естественные, а также поверхности негативов снятий на спинке (рис. 6, *5*; 8, *3*). Выступающий в роли аккомодационного тонкий край после нанесения с краев пологой ретуши дополнительно притупливался мелкой, т. е. кромочной, ретушью (рис. 9, *5*, *6*). Весьма удобны для зажима скребла с вогнутыми лезвиями. Нижняя часть углубления надежно удерживает палец, не давая ему соскользнуть (рис. 10, *7*). Угловатые скребла и остроконечники с широким основанием и отчетливо выпуклыми краями ввиду неудачного положения руки при их зажиме заметно уступают перечисленным выше орудиям (рис. 7, *5*; 8, *2*;

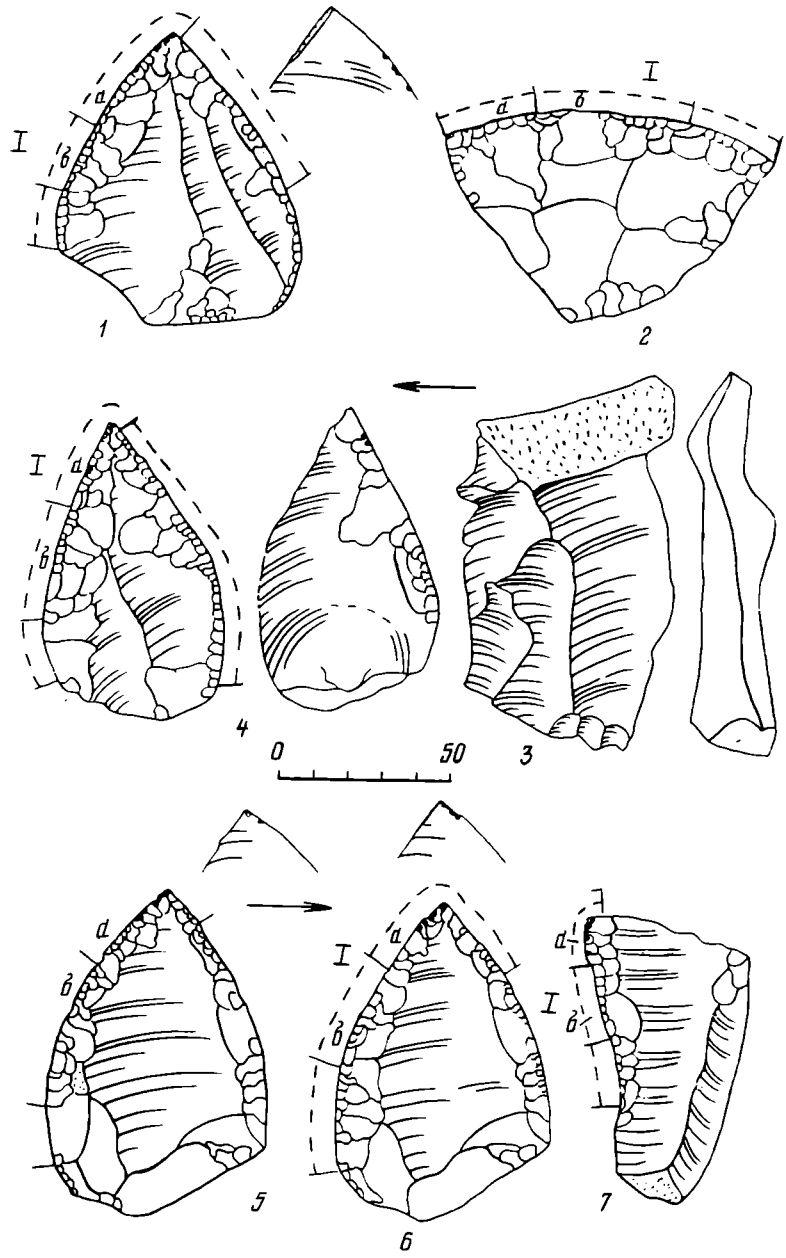


Рис. 10. *1* — кремневый остроконечник — срезание мышц с ноги жирафы, 1 ч 23 мин; *2* — кремневое скребло — резание мышц, 40 мин; *3* — кремневый отщеп, непригодный для непосредственного использования; *4* — остроконечник из отщепа № 3 — срезание мышц с грудной клетки жирафы, 1 ч 19 мин; *5* — кремневый остроконечник — срезание мышц с грудной клетки жирафы, 1 ч 30 мин; *6* — то же орудие после подправки и 2 ч 20 мин работы; *7* — кремневое скребло — срезание мышц с ноги жирафы, 25 мин

10, *1*, *5*). В данном случае происходит неестественное выворачивание кисти руки вниз, что ослабляет прочность зажима, точность движения и силу давления орудия на вещество.

Высокие утилитарные свойства показали скребла и остроконечники как с прямыми, так и слегка выпуклыми лезвиями. У боковых широких и поперечных скребел, имеющих хорошо выраженный аккомодационный участок, более предпочтительным оказался выпуклый край. Практически во всех случаях эффективность рабочих лезвий определялась степенью выраженности острия, т. е. участка, представляющего собой оконечность ретушированного края и небольшую часть дистального конца (рис. 10,

3) [3]. Выпуклые очертания оконечностей лезвий многих скребел обусловлены, с одной стороны, стремлением добиться при ретушировании острой кромки, а с другой — соответствующей формой края исходной заготовки (рис. 8, *3*; 9, *3*).

Весьма любопытно, что у угловатых скребел и остроконечников с широким основанием и четко выпуклыми краями важное значение приобретает не только угол заострения лезвия, но и кромки. Так, орудия с углом заострения кромки 80—90° малопригодны для резания. Наоборот, у боковых, поперечных скребел и остроконечников с узким основанием отдельные невыраженные участки кромки не влияли на их эффективность. Большое значение здесь имеет и качество кремня. В любом случае важно учитывать угол заострения не только края (пологая ретушь, угол заострения 35°), но и кромки (крутая ретушь, угол 80—90°).

Нами испытано несколько зубчатых орудий из кремня, песчаника и кварцита (рис. 8, *7*, *8*). Зубчики были крупными и довольно острыми. Данные орудия в целом успешно применялись для перерезания сухожилий, фасций, хрящей. Однако они чрезвычайно быстро выходили из строя — истирались, и у них зашлифовывались зубчики. Это вполне объяснимо, поскольку трение испытывала не вся кромка края, а только его отдельные участки, т. е. зубчики. Понятно, что более эффективными являются орудия с мелкозубчатым краем, так как нагрузка здесь распределяется более равномерно. Орудия, у которых зубчатый край имеет большой угол заострения и к тому же забит, совершенно непригодны для резания мышечных тканей. У орудий из песчаника зубчики, истираясь, заметно уменьшались в размерах (рис. 8, *7*, *8*). Таким образом, зубчатые орудия нуждались в частой подправке.

Характер, степень и скорость затупливания скребел и остроконечников — весьма сложный и динамичный процесс. Эти орудия быстро затуплялись при резании кожи, сухожилий, фасций, жировых прослоек и мороженых мышц. Если столкновения с костью не происходило, то через 10—15 минут они выходили из строя (рис. 7, *5*; 8, *3*). Затупленность лезвий в известной мере компенсировалась удобным зажимом (наличие обушка, рукоятки) и высоким качеством сырья, из которого было изготовлено орудие. Быстрее затупливаются орудия, обработанные мягкими отбойниками, поскольку они имеют исключительно ровную линию лезвий (рис. 7, *5*; 10, *1*). При отсутствии выкрашивания кромка быстро истиралась и зашлифовывалась. У скребел и остроконечников с мелкими острыми зубчиками (такие лезвия получаются при ретушировании как твердыми, так и мягкими отбойниками) затупливание происходило гораздо медленней (рис. 10, *5*, *6*). В процессе постоянного контакта с костью лезвия приострялись и продолжительность работы орудий доходила до 2—3,5 часов (рис. 7, *3*; 9, *2*; 10, *4*—*7*). После стабилизации лезвий, т. е. возникновения оптимального угла заострения, что выражалось обычно в уменьшении интенсивности выкрашивания кромки окончательно истирались — орудия нуждались в подправке.

Операция разрезания крупных кусков мышц на мелкие заметно отличается от процесса срезания мышц с костей. Мышцы, лишенные жесткого каркаса, т. е. костей и связей с другими компонентами мышечной массы и туши в целом, превращаются, как известно, в чрезмерно эластичное аморфное вещество. Особенно неподатливы для разрезания фасции (в первую очередь подсохшие) и сухожилия. Здесь важное значение приобретает не только степень остроты лезвий (прежде всего угол заострения кромки), но также удобство зажима и качество сырья. Натяжение кусков мышечной массы совершенно необходимо. Без натяжения куски можно разрезать (не не более чем в течение 2—3 минут) очень острыми отщепами. При резании мышц на деревянной колоде лезвия орудий выкрашивались о ее поверхность и быстро затуплялись.

Теперь коснемся вопроса о формообразовании орудий, и в том числе их подправки. Начнем с галечных орудий и бифасов. В результате вы-

[3] Разумеется, не у всех скребел острие морфологически отчетливо выражено.

крашивания дистальный конец орудия менял свою первоначальную форму весьма существенно (рис. 1, *3*, *4*; 2, *2*, *5*; 3, *1*, *4*; 4, *1—4*; 5, *2—6*) или этого не происходило (рис. 1, *1*, *2*, *8*; 2, *1*, *6*; 3, *5*; 5, *1*). В первом случае нарушалась его симметрия (рис. 3, *2—5*; 4, *2*, *4*; *5*, *5*, *6*). Заостренный конец от сильного выкрашивания мог превратиться в узкое поперечное лезвие (рис. 1, *3*; 2, *2*, *5*; 4, *1*; 5, *5*). Легкая подправка обычно не приводила к существенному изменению формы рабочего лезвия (рис. 1, *5*, *6*; 3, *2*, *3*). Правда, в отдельных случаях поперечное лезвие становилось овальным. Минимальной подправке подвергался не только дистальный конец, но также продольные края и основание, причем это делалось как с целью приострения лезвий, так и затупливания участков, служащих для зажима орудий (рис. 1, *5*).

Если не удавалось быстро подправить дистальный конец, то приходилось обрабатывать значительную часть бифаса. В итоге он резко менял свою первоначальную форму. Так, бифас с поперечным лезвием становился миндалевидным (рис. 1, *4*, *8*), овальный — сердцевидным, сердцевидный — треугольным и т. п. Многие бифасы нами не подправлялись преднамеренно, с целью сохранения на их поверхности следов работы. Подправка бифасов, чопперов и чоппингов из неоднородных пород, как правило, приводила к порче рабочего лезвия. Не всегда удачно заканчивалась и подправка чопперов и чоппингов, изготовленных из кремня, кварцита и андезита.

Весьма сложным является вопрос о формообразовании орудий на отщепах. В литературе о палеолите уже давно была высказана мысль о том, что древние люди использовали в первую очередь необработанные отщепы, которые после затупления или выбрасывались, или подправлялись, в результате чего получались скребла, остроконечники и другие орудия [21, с. 284—289]. Хотя эта точка зрения и является несколько однозначной, тем не менее она не лишена основания. Однако целевые мотивы и причины обработки сколов в действительности самые различные.

Рассмотрим конкретные, в данном случае утилитарные, причины формообразования орудий. Мы выделяем три варианта этого процесса. Во-первых, на необработанных краях некоторых отщепов, у которых происходило частое столкновение с костью, появлялась довольно регулярная мелкая ретушь, напоминающая ретушь обработки. Такие отщепы с формально-типологической точки зрения можно рассматривать как простые скребла (рис. 8, *5*; 9, *5*). Гораздо более сложные варианты формообразования прослеживались в ходе изготовления и подправки изделий. В результате ретуширования затупившихся во время работы краев отщепов с обушком или без него получались однолезвийные боковые или поперечные скребла (рис. 6, *4*, *5*; 7, *1*, *2*). После дополнительной подправки они превращались в двойные боковые или угловатые скребла (рис. 7, *4*, *5*; 9, *1*, *2*). Нами зафиксированы и другие переходные группы: 1) необработанный использованный отщеп — однолезвийное скребло — остроконечник (рис. 6, *4—6*); 2) отщеп — остроконечник (рис. 7, *1—3*); 3) отщеп — однолезвийное скребло — конвергентное скребло (рис. 9, *3—4*); 4) отщеп — угловатое скребло (рис. 7, *4*, *5*). Бывало и так, что затупившееся рабочее лезвие отщепа становилось обушком (без обработки), а край, который служил для зажима, оформлялся ретушью в лезвие. У двойных боковых, угловых скребел и остроконечников один ретушированный край является на деле аккомодационным (рис. 7, *5*; 9, *3*, *4*; 10, *1*, *2*, *4—6*).

Остановимся более подробно на третьем варианте формообразования. У многих отщепов один или оба края ретушировались сразу, т. е. до их использования (рис. 6, *2*; 7, *5*; 8, *1*, *2*; 10, *3*, *4*). Конкретные причины могут быть следующие: 1) наличие ломких или очень острых краев (рис. 9, *1*, *2*); 2) присутствие на остром в целом крае зубчиков, выемок, забитости (рис. 10, *3*); 3) неровные очертания края (рис. 8, *1*; 10, *3*); 4) большой угол заострения края; 5) наличие граней, утолщений, закругленности на краях (рис. 10, *3*); 6) сильноизогнутый профиль

заготовки (рис. 8, *1*); 7) дугообразный край (рис. 7, *1*); 8) корочное покрытие и т. п.

Можно выделить две разновидности данного варианта. В первом случае у отщепов с острым лезвием оформлялся для зажима вначале пологой краевой, а затем крутой кромочной ретушью противоположный невыраженный край (7, *4, 5*; 9, *5, 6*). Реально это ножи с обушком, а формально простые боковые или угловые скребла. Однако немало и таких отщепов, у которых один край можно использовать в качестве естественного обушка, а противоположный край приходилось ретушировать, т. е. превращать его в лезвие (рис. 8, *3*; 10, 2, 7). Типологически это боковые простые или поперечные скребла. После подправки возникали двойные боковые, угловатые скребла, а также остроконечники и лимасы. Следовательно, формирование рассматриваемой группы изделий происходило как на стадии предварительной обработки, так и на стадии последующей подправки, т. е. после частичного использования изготовленных орудий. Заметное изменение формы исходных заготовок и возникновение различных типов орудий происходили постепенно, т. е. на разных ступенях формообразования. На его заключительной стадии исходная форма может быть полностью потеряна (рис. 9, *1—4*). Однако многие первоначальные типы орудий, пройдя даже полный цикл формообразования, остаются в итоге такими же (рис. 10, *5, 6*).

Во втором случае заготовки с полностью невыраженными краями в зависимости от их формы, толщины и угла заострения оформлялись ретушью, краевой и распространенной. С учетом перечисленных морфологических показателей заготовок можно выделить и другие разновидности ретуши: 1) оконтуривающую, слабо срезающую, сильно срезающую; 2) разновеликую, равновеликую; 3) регулярную, нерегулярную и т. п. Так, кромочная, слабо оконтуривающая, разновеликая и нерегулярная ретушь получалась в тех случаях, когда края заготовок были относительно ровными и острыми (рис. 9, *1, 2*). При обработке неровных, утолщенных или, наоборот, слишком тонких краев возникала ретушь сильно срезающая, равновеликая, регулярная и нередко распространенная (рис. 6, *4, 5*; 7, *4, 5*). Длина фасеток ретуши зависит прежде всего от формы края (ровный, вогнутый), его толщины, а, главное, наличия участков, которые можно использовать в качестве микроплощадок. В то же время распространенная ретушь чаще всего возникала при обработке утолщенного края, представляющего собой удачные поверхности, выступающие в роли ударных площадок (рис. 7, *5*). Прибегать к брюшковой и противолежащей ретуши приходилось с целью выравнивания поверхности (удаление гребней, неровностей и т. п.) и получения, таким образом, ровных лезвий. В зависимости от профиля, а также рельефа поверхностей краев исходной заготовки обработке подвергалась одна или обе ее стороны (рис. 7, *2, 3*; 10, *1—4*). Утончение основания, в частности срезание бугорков, осуществлялось как для удобства зажима, так и с целью удаления асимметричных участков заготовки. У невыраженных заготовок часто ретушировались оба края. Другими словами, двойные боковые и угловые скребла, а также остроконечники и лимасы получались сразу. Отличие, например, остроконечника от конвергентного скребла — это разница в форме, толщине и степени выраженности краев заготовки. Немаловажное значение здесь имеет и тип отбойника (каменный или мягкий). Названные причины обусловливают не только форму рабочих лезвий, но и типы скребел и остроконечников. При неоднократной подправке некоторые двойные боковые скребла переходили в конвергентные скребла или остроконечники, а конвергентные и отдельные угловые скребла — в остроконечники и лимасы (рис. 10, *1—4*). Таким образом, процесс формирования этой группы орудий имеет свои особенности. Он начинается собственно с изготовления орудий и заканчивается их подправкой.

Среди конкретных причин формообразования орудий в итоге можно выделить следующие: особенности сырья, форма, толщина и степень выраженности краев исходных заготовок, специфика технологии обработ-

ки, необходимость аккомодационного элемента, подправка затупившихся орудий, род деятельности и т. п. Не приходится сомневаться в том, что древние люди всегда стремились изготавливать орудия с эффективными рабочими лезвиями, удобные для зажима. Процесс формирования орудий, по нашему мнению, это не разовый технологический акт, освященный всего лишь той или иной традицией, имеющей этносоциальную природу, а сложный производственный цикл, охватывающий в равной мере стадии изготовления и использования орудий. В последнем случае изменение формы происходило не столько в результате работы, сколько подправки исходных или необработанных отщепов или орудий. Мы вовсе не склонны рассматривать процесс формообразования и вообще производственный процесс в целом как спонтанное стихийное явление, полностью обусловленное исключительно утилитарными причинами, другими словами, ситуацией. Эти процессы нельзя сводить к голому технологическому и функциональному детерминизму. Иначе все археологические комплексы были бы похожи друг на друга. Ашельские и мустьерские материалы указывают на обратное. Совершенно очевидно, что наряду с утилитарными важнейшую роль играли такие факторы, как привычки, стиль, манера исполнения, вкус, традиция и т. п. Эти факторы не только соответствующим образом сочетались с утилитарными, но и во многих случаях контролировали их. Тот факт, что невыраженный край того или иного палеолитического орудия не ретушировался и служил для зажима, свидетельствует скорей всего о целеполагании древнего мастера (привычке, традиции и т. п.). Тем не менее некоторые из факторов, например зависимость формы орудий от формы исходных заготовок, преимущественный выбор необработанных острых отщепов, а также боковых и поперечных скребел, выделение обушка, формирование в ходе подправки сложных типов орудий, переход одних типов в другие и т. п., являются более или менее объективными. В настоящее время пока еще трудно, а порой и невозможно связывать те или иные признаки с соответствующими факторами или с уверенностью выделять орудия, которые оформлялись постепенно, т. е. в процессе подправки, и те, которые изготавливались сразу. Не исключено, однако, что углубленное морфолого-технологическое и функциональное изучение палеолитических орудий, этнографических изделий, а также получение большого количества экспериментальных эталонов внесут ясность в этот сложнейший вопрос. Однако уже сейчас можно использовать результаты эмпирического объяснения при классификации орудий. Так, с учетом, например, функциональных и кинематических критериев уместно зачислять в одну группу скребла боковые и поперечные (возможно, и удлиненные остроконечники), с одной стороны, угловые скребла, остроконечники и косотронкированные сколы — с другой. Быть может, группировку орудий логичней проводить с учетом формы дистального конца, т. е. наличия острия. В этом случае в одну группу войдут, с одной стороны, все остроконечники и те скребла, у которых так или иначе выделено острие (по одному или двум краям), с другой — скребла без острия. В итоге мы получим две-три большие группы орудий с подгруппами (или типы с подтипами). При группировке остроконечников и скребел целесообразно в этой связи учитывать такие признаки, как угол заострения лезвий, их протяженность, форма, толщина, а также локализация и тип обушковых участков, тип ретуши и др. Важно уметь отличать ретушь обработки от ретуши использования, орудийную ретушь от обушковой. В последнем случае, как было показано выше, она может быть и кромочной, т. е. очень мелкой и нанесенной на острый край. Другими словами, нужен детальный морфологический анализ не только макро-, но и микропризнаков каменных орудий. Мы не ставим вопрос о создании исключительно функциональной классификации. Можно лишь согласиться с Л. Праделем, что наши классификации необходимо строить по функциональному принципу [21, с. 32]. Скорей всего они должны быть целевыми, т. е. разными по своему содержанию и направленности. Ясно одно, что целью одной синтетической или ряда конкретных классифи-

каций является изучение всех структурных и функциональных компонентов каменных орудий как сложной целостной системы с использованием приемов описания и элементарного объяснения одновременно.

В заключение остановимся на специфике макро- и микроследов износа. Отметим прежде всего, что первая попытка систематизировать признаки микроследов применительно к орудиям на отщепах принадлежит В. Е. Щелинскому [22, с. 193—196]. Фасетки выкрашивания, возникающие при разрубании мороженой кожи и от удара о кость, могут быть как крупные, так и мелкие (рис. 1, *3—7*; 3; 4, *4*). На бифасах они локализуются прежде всего на дистальном конце. При резании такого же вещества на лезвиях орудий появляются мелкие фасетки и нередко полуфасетки, которые часто имеют неясные очертания. Менее заметно выкрашивание лезвий при разрубании мягкой кожи, мышечных тканей, когда контакта с костью не происходит (рис. 5, *1*). Для этого случая также характерны мелкие фасетки и полуфасетки. Наблюдались, кроме того, забивание, истирание и пришлифовка лезвий. Понятно, что в процессе резания они выкрашивались главным образом от столкновения с костью. Довольно регулярные мелкие фасетки ретуши возникали и при пилении хрящей. Систематическая, но обычно мелкая ретушь образовывалась на лезвиях орудий, использовавшихся для резания кожи, мороженых мышц и сухожилий (рис. 6, *1*; 8, *5*). Редкие мелкие фасетки ретуши появлялись на орудиях, которые применялись для резания мягкого, нежного мяса (рис. 6, *5*). Во всех описанных случаях преобладает равновеликая ретушь. Фасетки, возникающие при разрубании и резании мяса и кожи, а также столкновении с костью, весьма своеобразны. Часто они срезают друг друга сверху вниз (рис. 1, *3*; 4, *4*; 9, *5*). В других случаях наблюдается горизонтальное наложение фасеток справа налево и наоборот (рис. 2, *4*; 4, *1*; 7, *6*). Фасетки выкрашивания, образующиеся при резании, меньше заходят одна на другую, чем при рубке. Ретушь использования лучше всего видна на неретушированных участках краев бифасов и необработанных отщепов. В зависимости от угла положения орудия при работе, степени прямизны лезвий ретушь может быть односторонней (чаще всего) или двусторонней [23, с. 258—263]. У отщепов с очень тонкими краями возникала кромочная ретушь, а кроме того, мелкие выемки (рис. 9, *6*; 8, *4*). В итоге получался мелкозубчатый пильчатый край. К важным признакам изнашивания, которые фиксируются под микроскопом, следует относить пришлифовку лезвий, межфасеточных ребер, кромки (полоска пришлифовки), линейные следы. Выкрашивание хорошо заметно и без микроскопа. При анализе экспериментальных орудий мы отмечали сильно (*а*) и умеренно (*б*) изношенные участки (рис. 1—10). На участке *а* пришлифовка — обычно сильная и заметная, на *б* — умеренная и слабая. То же следует сказать и в отношении пришлифовки кромки и межфасеточных ребер. Полоска пришлифовки на кромке даже на участке *а* может быть умеренной, что связано с его интенсивным выкрашиванием. Последнее обычно приводило к частичному или полному уничтожению линейных следов. Поэтому весь комплекс признаков не всегда хорошо фиксируется на лезвиях орудий.

Пришлифовка края, межфасеточных ребер, а также кромки лезвия лучше всего заметна на изделиях, применявшихся для резания и рубки мороженого, неполностью размороженного мяса, кожи, подсохших фасций. Заметная пришлифовка межфасеточных ребер и наличие полоски пришлифовки объясняются длительным использованием предмета. Однако на некоторых орудиях с интенсивной пришлифовкой лезвий фиксируется чрезмерно узкая полоска или она просто незаметна. Это связано в первую очередь с их выкрашиванием. Лезвия орудий, использовавшихся для разделки мокрого мяса, зашлифовывались довольно медленно. Орудия из песчаника, сланца, обсидиана и других недостаточно твердых пород не только интенсивно выкрашивались, но и вдобавок ко всему подвергались сильной пришлифовке, что заметно даже невооруженным глазом.

Линейные следы лучше всего видны на орудиях, которые использовались для резания и рубки грязного и мороженого мяса, а также кожи и мяса с подсохшей фасцией и сухожилий. Следы на таких орудиях появлялись через 15—20 минут работы. Пришлифовка их лезвий может быть совершенно слабой. На обсидиановых орудиях линейные следы фиксировались через 5—7 минут после начала работы. Напротив, следы на орудиях, применявшихся для разделки мокрого незагрязненного мяса, появлялись через 30—40 минут работы. Линейные следы представлены или в виде отчетливых штрихов (длинных, коротких), или толстых нечетких, часто сливающихся линий (рис. 6, *1;* 9, *6*). Следы первого типа характерны для орудий, применявшихся для резания и рубки загрязненных мышц и кожи. Следы второго типа выявлены на орудиях, которые использовались для разделки мокрого или с подсохшей фасцией мяса. На обсидиановых орудиях линейные следы (обычно очень длинные) хорошо видны невооруженным глазом (рис. 9, *6*). Линейные следы локализуются как непосредственно у кромки, так и на некотором расстоянии от нее.

Таким образом, разделка туш крупных животных каменными орудиями с технической точки зрения весьма сложный процесс. Кроме того, это в высшей мере динамичный процесс, и существуют объективные условия изменения первоначальной формы используемых орудий в ходе их подправки. Для более полного выяснения поставленных нами вопросов необходимо продолжить подобного рода эксперименты. Данные надо подкреплять и, если возможно, проверять в ходе изучения конкретных археологических коллекций.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Замятнин С. Н.* Очерки по палеолиту. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1961.
2. *L[eakey] S. B.* The progress and Evolution of Man in Africa. London — Oxford University — press — New York — Toronto. 1963.
3. *Clark J. D.* The Prehistory of Southern Africa. L.. 1959.
4. *Wymer J.* Lower Palaeolithic Archaeology in Britain. L. 1968.
5. *Семенов С. А.* Развитие техники в каменном веке. Л.: Наука, 1968.
6. *Clark J. D., Haynes Ir. C. V.* An Elephant Butchery Site at Mwanganda's villadge Karonga, Malawi and its Relevance for Palaeolithic.— World Archeology. 1970, v. 1, № 3.
7. *Щелинский В. Е.* Производство и функции мустьерских орудий: Автореф. канд. дис. Л.: ЛОИА АН СССР. 1974.
8. *Keeley L. H.* Experimental Determination of Stone Tool Uses. A Microwear Analysis. Chicago — London, 1980.
9. *Матюхин А. Е.* О структуре, гносеологическом и методологическом статусе первобытной археологии.— Тез. докл. конференции «Историзм археологии: методологические проблемы». М., 1976.
10. *Leakey M. D.* Olduvai Gorge. V. 3. Cambridge University press. 1971.
11. *Матюхин А. Е.* Экспериментальное изучение техники изготовления галечных орудий.— СА, 1976, № 3.
12. *Матюхин А. Е.* Технология изготовления и функции раннепалеолитических орудий: Автореф. канд. дис. Л.: ЛОИА АН СССР. 1977.
13. *Stekelis M., Picard L., Schulman N., Haas G.* Villafranchian Deposits near Ubeidiya in the Central Jordan Valley (Preliminari Report).— The Bull. of the Council of Israel, 1960. ser. G. v. 9, № 4.
14. *Stekelis M.* The Palaeolithic Deposits of Jisr Banat Yaqub.— The Bull. of the Research Council of Israil. 1960. ser. G, v. 9, № 2—3.
15. *Clark J. D.* Acheulian Occupation Sites in the Middle East and Africa. A Study in Cultural Variability.— Amer. Antropol., 1966, pt 2, v. 68. № 2.
16. *Howell F. C.* Observation on the Earlier Phases of the European Lower Palaeolithic.— Amer. Anthropol., 1966. pt 2, v. 68, № 2.
17. *Stekelis M., Gilead D.* Ma'ayan Barukh a Lower Palaeolithic Site in Upper Galilee.— Metqufat ha-Even, VIII. Jerusalem. Israel, 1966.
18. *Balout L., Biberson P., Tixier J.* L'Acheulen de Ternifine (Algériegisement de L'Atlantrope.— Anthropol., 1967, v. 71, № 3—4.
19. *Clark J. D.* The Middle Acheulian Occupation Site at Latamne, Northern Syria (first paper).— Quaternaria, 1967, v. IX.
20. *Колосов Ю. Г.* Аккайские мустьерские стоянки и некоторые итоги их исследования.— В кн.: Исследование палеолита в Крыму. Киев: Наук. думка. 1979.
21. *Pradel L.* Difficiltés inhérentes aux définitions et statistiques de l'outilage paleólithique.— Extrait de la «Revue Generale des Sciences», 1968. t. LXXV, № 1—2.
22. *Щелинский В. Е.* Экспериментально-трасологическое изучение функций нижнепалеолитических орудий.— В кн.: Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы. Л.: Наука, 1977.
23. *Матюхин А. Е.* Опыты по использованию чопперов и чоппингов в качестве рубящих орудий.— СА, 1977, № 1.

A. E. Matyukhin

EXPERIMENTS IN CUTTING CARCASSES OF LARGE ANIMALS WITH DUPLICATING PALAEOLITHIC TOOLS

Summary

The article deals with experiments in using duplicating Acheulian and Mousterian tools for cutting fragments of elephantine and giraffine carcasses with the three aims in view: 1. to establish the effectiveness of different tool types; 2. to trace the dynamics of form shaping through crumbling and setting working edges; 3. to obtain standard macro- and micro-wear traces. Bifaces, including their crude forms, demonstrated their high mechanical properties in cutting, tearing and separating muscular tissues from the hide (Figs. 1—5). Smaller and sharper choppers and choppings are not suitable for these operations (Figs. 1—2). Most effective among the flake tools are side and transversal scrapers and narrow sharp pointed tools (Figs. 6—10). Unprocessed flakes were found to be most effective as cutting tools (Figs. 6—10). The working properties of any tool depend on the material it is made from, the form of working edges, their sharpness and other constructive details. Main types of scrapers and sharp tools were formed in two ways: 1. setting of unprocessed blunt flake blades or flakes with one side processed for hafting; 2. the original retouching of flakes with poorly sharpened edges (Figs. 6—10). The setting also considerably changes the original form of pebble tools and bifaces (Figs. 2—5). The way the tool crumbled, the degree of such changes and the wear traces depend on the material the tool was made from, the material being processed and the frequency with which the tool knock against bones. The experimental data should be correlated with the results of traceological and morpological analysis of archaeological finds.

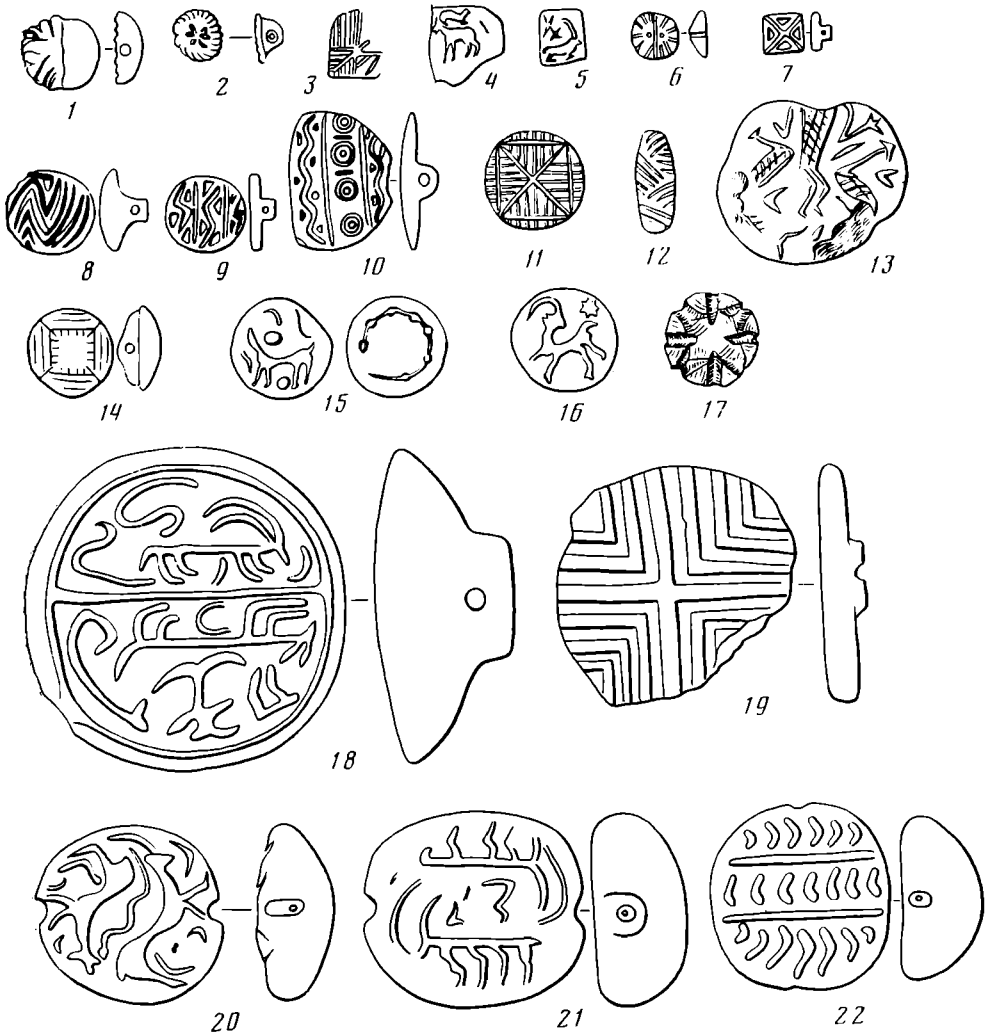
АНТОНОВА Е. В.

К ПРОБЛЕМЕ ФУНКЦИЙ ПЕЧАТЕЙ РАННИХ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ ВОСТОКА

Для комплексов материальной культуры древних земледельцев и скотоводов Старого Света не менее чем антропоморфные статуэтки или расписная керамика характерны небольшие предметы в форме штампов, изготавливавшиеся чаще всего из глины, но также из камня, а на поздних этапах первобытности — и из металла. Огромная роль, которую играет глиптика в изучении культуры, религии, общественных отношений, изобразительного искусства древних государств Передней Азии, заставляет более пристально посмотреть на внешне непритязательные вещи, к которым восходят великолепные печати Двуречья или Элама. Традиционна интерпретация функций штампов (или пинтадер) различных форм в отечественной и зарубежной литературе как знаков собственности, амулетов. Рельефные изображения на них, ручки, за которые предметы было удобно держать при изготовлении оттисков, указывают, что штампы использовали именно таким образом. Тем не менее их оттиски на глине появляются относительно поздно, систематически — лишь в древнейших государствах или на стадии их формирования. К этому времени печати существовали — в рамках первобытных культур — по меньшей мере два тысячелетия. Если допустить, что в пору первобытности они играли роль амулетов, то почему амулетам придавали такую явно специализированную форму? Как сочетаются форма штампов и изображений на них с другими реалиями тех культурных комплексов, к которым они принадлежали? Имеют ли эти предметы какое-либо отношение к ритуалу, к религиозно-мифологическим представлениям? Могли ли они служить знаками собственности в доклассовых обществах? Все эти вопросы пока далеки от решения, но интерес к ним растет [1—4]. В настоящей статье затрагиваются некоторые стороны проблемы использования печатей носителями культур поры первобытности и начальных этапов ее разложения. Наиболее подробно будут рассмотрены комплексы печатей, происходящие из культур, располагавшихся к востоку от Двуречья.

Штампы с геометрическими изображениями из глины и мягкого камня, с ручками или петельками на оборотной стороне появляются в поселениях неолитического и раннеэнеолитического времени. Глиняные штампы из обожженной глины найдены в VI—II слоях Чатал-Хююка; они круглые, овальные, прямоугольные с меандровидным рисунком. Известна одна печать в форме сложного креста [5, с. 220]. Каменные плоские печати с геометрическими изображениями происходят из хассунской и самаррской культур [6, с. 7; 7, с. 1; 8, с. 139, 140]. Оттиски таких печатей на глине в этих ранних поселениях — большая редкость [9, с. 175] (рисунок).

Представляется, что значение печатей, изображений на них, их форм и их назначение не могут рассматриваться изолированно друг от друга и от своего историко-культурного контекста. Решение частных вопросов невозможно без уяснения некоторых общих закономерностей бытования этих предметов. Необходимость комплексного подхода в изучении глиптики достаточно ярко продемонстрирована в исследованиях цилиндрических печатей Двуречья. Им посвящена громадная литература (из последних работ см. [10—13]).



Образцы печатей древних земледельцев Двуречья и Ирана. *1—3* — халафская культура; *4—5* — убейдская культура; *6—10* — Тепе Гисар, слой I; *11—17* — Тепе Гиян; *18—22* — Сузы I и Суза на (по П. Амье)

Изображения на печатях, трансформация их форм идут в Передней Азии и соседних с ней регионах в целом по одному пути, хотя, естественно, черты своеобразия были неизбежны. В первобытных коллективах изображения на печатях были геометрическими, они наносились на одну плоскость. Предпочтение тех или иных фигур определялось набором мотивов, присущих культуре, известных и в орнаментах керамики, в изображениях на статуэтках, на украшениях-амулетах. Чтобы убедиться в этом, достаточно просмотреть публикации материалов любой культуры неолита, энеолита и бронзы от Анатолии до Средней Азии. Преобладание геометрических мотивов на этой стадии вполне естественно: именно они принадлежат к числу наиболее распространенных символов, свойственных первобытным коллективам. Образы антропо- и зооморфных существ играют поначалу меньшую роль, но она заметно возрастает по мере разложения первобытно-общинного строя и усложнения форм общественной жизни. Значение геометрических и близких им по форме знаков может интерпретироваться путем сопоставления их с другими реалиями данной культуры; к сожалению, характер материальных остатков, с которым приходится иметь дело археологам, не всегда это допускает. Тем не менее в ряде случаев удается установить круг тех мифологических представлений, с которыми они связаны [14].

Преобладание геометрических мотивов среди изображений на печатях — признак ранней, первобытной стадии их развития, а сохранение их в от-

носительно позднее время — свидетельство архаичности того культурного комплекса (или комплекса ритуального характера), к которому они принадлежат[1]. В Двуречье изображения живых существ начинают распространяться с халафского времени, резкое увеличение их числа происходит в убейде, затем они практически полностью вытесняют геометрические мотивы [10]. В Иране, Афганистане, Средней Азии изображения животных и антропоморфных существ появляются и распространяются широко в эпоху бронзы [11, 15, 16]. Вскоре вслед за появлением одиночных фигур появляются многофигурные композиции, затем сюжетные. Плоскость штампа оказывается недостаточной для их передачи, поэтому изображения наносят на обе стороны пластинки (как это было на печатях с поселений Мургабского оазиса [2]). При этом изображения на обеих сторонах были, по всей вероятности, взаимодополняющими. В Двуречье была изобретена оптимальная форма для передачи многофигурных композиций — цилиндр, прокатка которого давала бесконечный ряд изображений.

Вряд ли можно усомниться в том, что изображения на печатях не были простыми декоративными мотивами. В их особом характере убеждает специфика первобытной культуры, не знавшей декоративного искусства в современном смысле. Об этом же свидетельствует глиптика более позднего этапа, поры существования древних государств, когда, казалось бы, должны были сложиться условия для формирования декоративных изображений. Напротив, сейчас есть основания полагать, что печати Двуречья, по крайней мере III тысячелетия до н. э., были полифункциональными, и, служа знаками собственности, они не переставали служить апотропеями, а их оттиски могли рассматриваться как ботивы. В особом назначении печатей поры первобытности убеждают и принадлежность их к ритуальным комплексам, и их формы.

В анауской культуре энеолитического времени известны каменные и глиняные пластинки с рельефными изображениями крестообразных форм [17, с. 39; 18]. В. И. Сарианиди именует их «амулетами» [2]. По всей вероятности, они ими и были, носили их отдельно или в составе ожерелий. Нет никаких оснований полагать, что эти подвески служили печатями, т. е. что с них делали оттиски, но мотив креста, встречающийся на них, в дальнейшем систематически варьируется на печатях эпохи бронзы, в орнаментах на керамике и на других вещах [19]. Относительно часто находят печати из бронзы, серебра, лазурита в погребениях эпохи Намазга V на Алтын-депе, где они входили в состав явно ритуального погребального облачения. От таких облачений сохранились многочисленные бусы, лежавшие на шее и груди, пришитые в прошлом к головным уборам и поясам. Печати носили чаще на поясе [20, с. 42, 52], но известны их находки и на шее, например печать в верхней части груди (погр. 109 Алтын-депе [21, с. 11]). На поселениях Мургабского оазиса печати находят близ челюстей погребенных: вероятно, их тоже носили на шее [2, с. 52].

Печати геометрической формы времени Намазга V, имевшие не только геометрические изображения, но и изображения реальных или фантастических животных (а в Мургабском оазисе и людей), располагались, таким образом, рядом с бусами. Среди последних, и это примечательно, были и бусы в форме уступчатого креста [20, табл. XXII]. Встречаются и такой же формы печати. Такая же близость мотивов в формах печатей и бус обнаруживается в поселении, культурно-исторически близком анауским эпохи бронзы, — Сапаллитепа. Здесь печати также обнаружены в погребениях [22, с. 42], причем в одном погребении было две печати [22, с. 140]. Печати в виде уступчатого креста из Сапаллитепа и соседнего Джаркутана идентичны по форме подвескам с фито- и зооморфными изображениями [22, табл. XLIV, XLV].

[1] Таким архаизмом отмечены глиняные штампы, происходящие, в частности, из Азербайджана и относящиеся к концу II — началу I тысячелетия до н. э. По убедительной интерпретации И. Г. Нариманова, они предназначались для ритуальных целей [3].

В Сапаллитепа оттиски печатей не найдены [22, с. 142], а на Алтындепе они единичны [20, табл. XVI, *13*]. В иранском памятнике Шахри-Сохте, обнаруживающем большое сходство с анаускими поселениями, оттиски печатей тоже редки. Примечательно, что один оттиск (печать с изображением козла) был нанесен на стенку сосуда до его обжига [23, рис. 48]. Изображения на печатях Шахри-Сохте, как и анауской культуры, дают примеры разительного сходства с изображениями, зафиксированными на сосудах.

О том, что в представлениях носителей культур эпохи бронзы рассматриваемого региона значение печатей связывалось со значением бус и амулетов, свидетельствуют и памятники Ирана. В Тепе Гияне II в погр. 68 на груди костяка лежало ожерелье из пастовых бус, в состав которого входила и каменная цилиндрическая печать с изображением коленопреклоненного персонажа под деревом и двух животных [24, с. 28]. Печати найдены и в погребениях других, более ранних слоев — III, IV [24, с. 36, 41]. Симптоматично, что в Тепе Гияне, как в Сузах и других поселениях, ожерелья составлялись не только из бус геометрических форм, но и фигурок птиц и животных[2]. Если в первом случае еще можно было бы предполагать их декоративное значение, то здесь оснований для этого остается меньше: в сакральной символике Древнего Востока образы животных всегда играли большую роль.

Значительный интерес с точки зрения соотношения штампов с резными изображениями с другими культурными реалиями представляют находки в Тепе Гисаре. В Гисаре I в одном погребении встречается иногда много пуговицевидных штампов, лежащих в определенном порядке у груди или рук скелета [27, с. 153, 154; 28, с. 54]. В изображениях на них варьируется мотив круга и креста. В погребениях их число доходит до 30. В слоях IC—IIA появляются экземпляры с изображениями антропоморфных существ, козлов, возможно, змей [28, с. 55]. Обращают на себя внимание предметы, имитирующие печати без изображений, гладкие. С точки зрения Э. Шмидта, эти образцы служат доказательством декоративной функции подобных предметов [28, с. 56]. В Гисаре I оттиски печатей не найдены.

В погребениях Гисара II печати встречаются реже, но зафиксирован случай, когда число их доходит до пяти в пределах одного погребения [28, с. 137]. Наряду с прежними материалами — гипсом, терракотой, различными породами камня — для их изготовления начинает применяться медь. По-прежнему встречаются имитации печатей без изображений [28, с. 118].

В Гисаре III наряду со штампами из меди, свинца, алебастра, серпентина и терракоты появляются цилиндрические печати [28, с. 198, 199]. Впервые зафиксированы отпечатки, имеющие форму торговых пломб с изображениями животных [28, с. 200]. В погребениях печати уже не встречаются в таком количестве, как прежде.

История бытования печатей (или псевдопечатей) в Тепе Гисаре может много дать для понимания трансформации этих предметов и их назначения в древнеземледельческой культуре поры первобытности и ее разложения. Неизвестно, были ли пуговицевидные штампы, обнаруженные в погребениях Гисара I и позже, печатями, но, очевидно, они играли роль амулетов. Их форма указывает на то, что прежде в этой культуре

---

[2] В Сузах II в ряде случаев покойного на тот свет сопровождали многочисленные амулеты в виде каменных фигурок львов, баранов, звезд, геометрических фигур, подвесок из раковин (кабаны, птицы, звезды, руки) [25, с. 227, 228]. Среди этих амулетов найдены несколько крупных цилиндрических печатей из синей пасты с изображениями львов и быков, резные печати-штампы, в том числе в виде животных и львиных голов [26, с. 144, 145]. Для изучения функций печатей носителей культур, обитавших к востоку от Двуречья, сузианские печати имеют исключительно важное значение, так как наряду с чертами, роднящими их с глиптикой Месопотамии, обнаруживают элементы сходства с печатями архаичных для того времени культур Тепе Гияна, Тепе Сиалка, Тепе Гисара [11, с. 24, 25 и др.]. На них относительно часты геометрические мотивы, сохраняющиеся вплоть до I тысячелетия до н. э. Дольше, чем в Двуречье, сохраняются на них изображения животных.

или в той, с которой она связана генетически, предметы такой формы служили штампами: иначе невозможно объяснить, почему амулетам придавалась такая специфическая форма. Вероятно, особое, сакральное значение придавали не только изображавшимся на них геометрическим фигурам, но и самим их формам, что и заставляло изготавливать их маленькие копии. Форме самой по себе придавалось определенное значение, поэтому не всегда на такую подвеску наносили изображение («гладкие» печати). Возможно, такими же «копиями» печатей были и упоминавшиеся энеолитические подвески анауской культуры, на которые наносился традиционный для анаусцев апотропеический и благожелательный знак — крестообразная фигура. Таким образом, и в форме подвески, и в изображении на ней повторялись важные для людей символы. Печати-прообразы этих подвесок, которые, возможно, продолжали существовать и одновременно с ними, не дошли до нас. Не исключено, что их делали из легко разрушающихся материалов, например из дерева, или они еще просто не были найдены. Важно отметить, что до определенного момента оттисков печатей на глине не зафиксировано.

И подвескам, имитирующим печати, и самим печатям придавалось, по всей вероятности, близкое значение. Поэтому были важны их форма, изображение на них и — по крайней мере с некоторых пор — материал, из которого они сделаны. Издавна на Востоке существовали представления о магической силе камня — лазурита, сердолика, бирюзы и т. д. Так, согласно верованиям ассирийцев, печать из хрусталя приносила богатство, из красной яшмы или сердолика — защиту бога-покровителя [29, с. 87, 88].

Каким же образом применяли те печати, оттиски которых не встречены при раскопках? Уже давно предполагали, что их могли использовать не только для изготовления оттисков на глине. Так, в известной энциклопедии европейской доистории и протоистории Яна Филипа говорится, что еще недавно южноамериканские индейцы пользовались подобными пинтадерами как предметами для нанесения рисунков на кожу [30, с. 1039]. Дж. Мелларт считает, что печати Чатал-Хююка скорее предназначались для нанесения узора на ткань, чем непосредственно на кожу человека [5, с. 200]. Такое назначение печатей поры первобытности нельзя отрицать, но нельзя и безусловно доказать, потому что никаких соответствующих остатков, вероятно, никогда не будет найдено. В то же время Л. Нидерле в своей известной работе сделал иное предположение, подтверждающееся сейчас убедительными материалами. Он полагал, что пинтадеры могли использоваться в древности так же, как их использовали гуанчи Канарских островов — для нанесения оттисков на хлеб [31, с. 85]. В Закавказье штампы с геометрическими изображениями и выступом-рукояткой на оборотной стороне найдены в составе явно культовых комплексов конца II — начала I тысячелетия до н. э. Так, в святилище в Катналихеви найдены в одном месте печать с изображением свастики для штампования хлебцев и модели самих хлебцев, камни молотильной доски, сосуд с косточками винограда, вкладыши серпов, зернотерки. В святилище Мецамора найдены статуя божества, сосуд с зерном, глиняные модели ритуальных хлебцев и штампы для их орнаментации [32, с. 45, 46, 58]. Подобные штампы найдены, как уже говорилось, и в Азербайджане [3].

Сохранившаяся на Кавказе традиция использования штампов для украшения ритуального хлеба позволила И. Г. Нариманову прийти к выводу об аналогичном назначении древних глиняных штампов. Примечательно, что символы, изображавшиеся на них, были принадлежностью кровнородственной семьи. Каждая семья в Азербайджане, по имеющимся сведениям, имела один такой штамп, поэтому хозяйки при печении хлеба пользовались им по очереди [3, с. 125]. Как уже говорилось, изображения на древнеземледельческих штампах также, вероятно, были связаны с родовой символикой.

Помимо непосредственного использования штампов их могли, быть может, применять и символически, т. е. прикладывая к каким-то пред-

метам. Так, в Афганистане [33, с. 203, 204] и Закавказье [3, с. 124] штамп накладывался на кучу зерна собранного урожая. Однако печать здесь скорее выступает в функции знака собственности, охраняемой магическим путем (о магической цели запечатывания урожая см. [3, с. 221—223]). Нанесение же оттиска на хлеб служило не охране от людей, а магическим знаком, защищающим его от вредоносных сил и одновременно сообщающим ему некоторые необходимые, с точки зрения людей того времени, свойства. До сих пор на Востоке праздничный (ритуальный) хлеб украшают разными способами [34, с. 39], в Средней Азии — в том числе с помощью специальных штампов.

Обряды с хлебом относятся к числу важных домашних (родовых, общинных) ритуалов земледельцев, в которых всегда большую роль играли женщины. В Хорезме женщины готовили ритуальное блюдо из зерен и муки — «сумаляк». Его приготовление и связанные с ним обряды неразрывно сочетаются с образом «пира женщин» Амбар-она. Исключительный интерес для нашей темы представляет сообщение Г. П. Снесарева об этом обряде и связанных с ним представлениях и образах: «В момент, когда сумаляк готов, все покидают помещение, и происходит якобы то, что весьма напоминает «опечатывание» собранного урожая святым Хызром (ранее божеством растительного мира)... незримо появляется Амбар-она и накладывает на готовый сумаляк свою руку, как бы санкционируя завершение обряда. Кроме того, само происхождение этого обряда связывают с Амбар-она; это она якобы первая прорастила пшеничные зерна, размельчила их и изготовила сумаляк, предписав женщинам ежегодно совершать этот обряд» [37, с. 244].

Печати-штампы появляются после утверждения производящего хозяйства, что дает основание связывать их с ритуалами собственно земледельческими. Дж. Мелларт, прослеживая развитие материальной культуры в Чатал-Хююке, высказал предположение, что охотничья и мужская символика, проявлявшаяся в его культуре первоначально так ярко, постепенно ослабевает. На смену прежним символам и обрядам приходят новые, в которых образы земледельческого круга и женские символы начинают играть преимущественную роль. С последней тенденцией связывает он и распространение глиняных печатей-штампов, неизвестных до VI слоя [5, с. 176].

Итак, можно думать, что печати-штампы появились в древнеземледельческих культурах как ритуальные предметы, посредством которых в обрядах находила воплощение магическая благожелательная символика первобытных коллективов. Но такая символика реализовалась не только в печатях, но и в различных амулетах, орнаментальных мотивах на сосудах и других предметах. Это приводило к сближению печатей и других амулетов, в том числе, как мы видели, подвесок[3]. Отличие печатей от подвесок-амулетов не столько в значении используемых ими мотивов (они одни и те же), сколько в возможности распространять заключающуюся в этих мотивах силу на различные пластичные предметы. Тем самым эти предметы наделялись положительными свойствами и попадали под магическую охрану. Магическая охрана гарантировала и сохранение собственности [21], поэтому в классовых обществах прежние магические предметы стали знаками собственности.

---

[3] Использование печатей из различных материалов в качестве амулетов и талисманов у древних и современных народов широко известно (см., например, [29]). Следует лишь отметить, что весь набор выражающихся в древних печатях мотивов — определенные формы геометрических фигур, зоо- и антропоморфные существа, растения и астральные знаки — все они, в отдельных регионах до сего дня, сохраняют свою актуальность в представлениях народов Востока. Листья и веточки растений, косточки и кожа животных, зашитые в мешочки квадратной, треугольной и прямоугольной формы,— распространеннейшие амулеты на Востоке [34, с. 48 сл.; 35, с. 126 сл.; 36]. Изображения существ, отгоняющих зло и посылающих благо, помещали на одежду и головные уборы, наносили на стены домов [36; 37, с. 225, 256, 276, 315].

Известно, что печати служили знаками собственности в государствах Двуречья и Эламе, хотя и там эта функция печатей не была единственной. В связи с рассмотрением этой функции представляет интерес анализ пола и возраста погребенных вместе с печатями людей в регионе к востоку от Двуречья.

В Алтын-депе (период Намазга V) печати найдены в трех женских погребениях (№ 271, 59, 24), и пять печатей происходят из погребений, для которых пол погребенных не установлен [20, с. 42, 52, 54]. В Сапаллитепа печати также происходят из погребений женщин (№ 82, 101, 113) [22, с. 42, 139, 140]. В погр. 101 печать лежала внутри хумчи, в погр. 82 — у грудной части скелета. В погр. 113, принадлежавшем молодой женщине, найдено две печати. К сожалению, пол погребенных не всегда установлен, поэтому данные такого рода для двух этих памятников неполны.

В Тепе Гисаре (слой I) в мужских погребениях штампы встречены в четырех случаях плюс один сомнительный [28, с. 69, 73—87]. В женских погребениях штампы встречены 8 раз, здесь их найдено в общей сложности 37 (в мужских погребениях всего 6 экз.). Не исключено, что и 11 штампов в двух погребениях неопределенного пола принадлежали женщинам (об этом говорит количество печатей: в мужских погребениях их не бывало помногу) [28, с. 83, 84]. В женских погребениях по 1 печати найдено в двух случаях, по 2 — в одном, по 3 — в трех погребениях, 5 и 9 — в одном, 13 — также в одном случае.

В Гисаре II в пяти мужских погребениях найдено 6 печатей и столько же происходит из двух женских погребений, причем в одном их было 5 экз. [28, с. 128—134]. И в Гисаре, насколько позволяют судить имеющиеся данные, число печатей в женских погребениях значительно больше, чем в мужских.

Не менее выразительны результаты изучения взаимосвязи печатей с полом погребенных и в Шахри-Сохте. Из имевших печати 12 погребенных, пол которых может быть определен, 9 принадлежало женщинам и только 3 — мужчинам. В одном случае печать была в погребении ребенка 6—7 лет. В коллективном погр. 132 из трех человек две женщины имели печати, причем при одной из них было сразу две, у мужчины печатей не было. В погр. 311 найдено шесть костяков, при них четыре печати. Две одинаковые, сделанные из лазурита, лежали при разных костяках [38].

Таким образом, если считать печати лишь знаками собственности, то придется заключить, что она в эпоху бронзы и на юге Средней Азии, и в некоторых областях Ирана преимущественно находилась в руках женщин. Хотя это и возможно, но на поздней стадии разложения первобытно-общинного строя кажется маловероятным. Возможно и другое объяснение преобладания печатей у женщин. Поскольку они были предметами полифункциональными, не только знаками собственности, но и оберегами, понятна частота их встречаемости именно у женщин. Они, продолжательницы рода, подвергались наибольшей опасности со стороны враждебных сил, поэтому нуждались и в большей защите. Печати служили не только амулетами, отвращающими зло, но и талисманами, которые должны были способствовать приобретению человеком тех или иных благ. Характерно, что печати носили (как это установлено для анауской культуры) на шее и на поясе, т. е. там, где обычно, судя по многим данным, в интересующем нас регионе всегда носили амулеты и талисманы. В. М. Массон отмечает сходство в погребальном облачении женщин на Алтын-депе и украшений, прочерченных на глиняных статуэтках [20, с. 52]. В том, что эти украшения имели магическое значение, не приходится сомневаться: из поясов, изображенных на статуэтках, растут деревья или другие растения [20, табл. VIII, *1, 2, 5*]. Пояса отмечают тот «плодоносный низ» (по терминологии М. М. Бахтина), защита которого от всяческого зла была столь актуальна для древних, в первую очередь, естественно, для женщин. Не исключено, что носимые женщинами

фертильного возраста печати служили защитой их и их еще не родившихся детей и считались способствующими плодовитости[4].

Необходимо еще раз подчеркнуть, что эта функция — служить оберегом — не противоречила возможности использования печати как знака собственности. Пока еще известно слишком мало о том, на чем делали оттиски печатей в культурах, находившихся, как Шахри-Сохте или Алтын-депе, на поздней стадии разложения первобытно-общинного строя. Итальянские исследователи, изучившие около 100 оттисков печатей на глине из Иранского Систана (эпоха бронзы), пришли к выводу, что они служили для запечатывания дверей хранилищ или сосудов для хранения [40]. В Шахри-Сохте найдено много оттисков печатей на глиняных затычках для сосудов [41, с. 61].

Относительная редкость печатей на поселениях Средней Азии и Ирана, сохранение в их формах и изображениях древней геометрической символики предполагают, по-видимому, что если они и предназначались для фиксации собственности, то собственности не личной, индивидуальной, а общинной. Тогда становится понятным факт преобладания печатей у женщин: вероятно, печать принадлежала хозяйке дома, отмечавшей посредством ее оттиска собственность того или иного коллектива — хозяйственной ячейки[5]. Собственность другого рода, в том числе личная, тоже должна была существовать, но на этом этапе общественного развития она, по всей вероятности, еще не подлежала фиксации с помощью печатей, как это было в древних государствах — Шумере, Аккаде, Эламе. Лишь в пору существования государства печати стали знаком лица, не потеряв, однако, при этом своих прежних значений — служить амулетом и талисманом[6].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Масимов И. С.* Новые находки печатей эпохи бронзы с низовьев Мургаба.— СА. 1981, № 2.
2. *Сариаиди В. И.* Печати-амулеты мургабского стиля.— СА, 1976, № 1.
3. *Нариманов И. Г.* Глиняные штампы из Западного Азербайджана.— В кн.: Материальная культура Азербайджана. Вып. VII. Баку: Елм, 1973.
4. *Антонова Е. В.* Мургабские печати в свете религиозно-мифологических представлений первобытных обитателей юга Средней Азии и их соседей.— В кн.: Кавказ, Средняя Азия и зарубежный Восток. М.: Наука, 1982.
5. *Mellaart J.* Çatal Hüyük. A Neolithic Town in Anatolia. L., 1967.
6. *Goff B. L.* Symbols of Prehistoric Mesopotamia. New Haven — L., 1963.
7. *El-Wailly F.* Tell as-Sawwan.— Sumer, 1967, v. 23, № 1, 2.
8. *Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я.* Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. М.: Наука, 1981.
9. *Wahida G.* The Excavations of the Third Season at Tell as-Sawwan, 1966.— Sumer, 1967, v. 23, № 1, 2.
10. *Amiet P.* La glyptique mésopotamienne archâique. P., 1961.
11. *Amiet P.* Glyptique Susienne. Des origines à l'époque des perses Achéménides (MDAI, t. XLIII). P., 1972.

[4] О семантической связи печати и потомства свидетельствуют данные древневосточных письменных источников. Согласно ассирийским сонникам, увиденные во сне печати так или иначе указывают на потомство. Если человеку приснится, что кто-то дает ему печать, у него родится сын. Если эта печать из красного камня, у него родятся сыновья и дочери. Печать с надписью или изображением предвещала рождение сына и спокойствие. Потеря же печати служила предвестием смерти детей [39, с. 276].

[5] Любопытно, что на Востоке обычай «запирать» что-либо при помощи куска глины и особого знака сохранился до недавнего времени. Интересные сведения мы находим в книге Н. Маева: «Один из сартов-торговцев нанял в русском городе сарай для склада ячменя на зиму. Ссыпав туда свой запас, он притворил двери и запечатал их комком глины, на котором сделал свой знак. Никаких замков не навесил он на дверь, вполне убежденный, что запечатанную дверь никто не станет отворять» [42, с. 295].

[6] В некоторых областях Передней Азии печати использовали для орнаментации сосудов, оттискивая или прокатывая их по сырой глине. Может ли это указывать на десемантизацию печатей, на превращение их в простой штамп для нанесения декора? Весь характер древневосточной культуры говорит об обратном. Хотя тенденция к десемантизации прежних сакральных мотивов и предметов в дифференцированных культурах и намечалась, все же они продолжали сохранять связь с ритуалом, с магическими действиями, с мифологическими образами. Так, оттиски, обнаруженные на кубках из Ларсы периода Исин-Ларса — I Вавилонская династия, указывают, вероятно, на посвятительный характер сосудов [43, с. 41].

12. *Афанасьева В. К.* Гильгамеш и Энкиду. Эпические образы в искусстве. М.: Наука, 1979.
13. *Антонова Е. В.* Духовная культура и глиптика древнего Двуречья.— НАА, 1981, № 6.
14. *Антонова Е. В.* Орнаменты на сосудах и «знаки» на статуэтках анауской культуры (к проблеме значения).— В кн.: Средняя Азия и ее соседи в древности и средние века. М.: Наука, 1981.
15. *Сариниди В. И.* Древние земледельцы Афганистана. М.: Наука, 1977.
16. *Sarianidi V.* Ancient Horasan and Bactria.— In: Le Plateau Iranien et l'Asie Centrale des origines à la conquête islamique. Colloques Internationaux du Centre National de la Recherche Scientifique. Paris, 22—24 mars 1976.
17. *Сариниди В. И.* Памятники позднего энеолита Юго-Восточного Туркменистана.— САИ, 1965, вып. Б3-8.
18. *Хлопин И. Н.* Орнаментальный геоксюрский крест.— КСИА, 1966, вып. 108.
19. *Массон В. М.* Цивилизация древневосточного типа на юге Средней Азии.— В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1975. М.: Наука, 1976.
20. *Массон В. М.* Алтын-депе. Л.: Наука, 1981.
21. *Массон В. М.* К семантике знаков собственности эпохи бронзы.— В кн.: Сибирь и ее соседи в древности. Новосибирск: Наука, 1970.
22. *Аскаров А.* Древнеземледельческая культура эпохи бронзы на юге Афганистана. Ташкент: Фан, 1977.
23. *Lamberg-Karlovsky C. C., Tosi M.* Shahr-i Sokhta and Tepe Yahya: Tracks on the Earliest History of the Iranian Plateau.— EW, 1973, v. 23, № 1. 2.
24. *Contenau G., Ghirshman R.* Fouilles du Tépé Giyan, près de Néhavend, 1931—1932. P., 1935.
25. *Przeworski S.* Personal Ornaments in the Pre-Achaemenid Iran.— In: A Survey of Persian Art. V. 1. L.— N. Y., 1938.
26. *Mecquenem R.* The Early Cultures of Susa.— In: A Survey of Persian Art. V. 1. L.— N. Y., 1938.
27. *Warren M.* The Early Cultures of Damghan (Tepe Hisar).— In: A Survey of Persian Art. V. 1. L.— N. Y., 1938.
28. *Schmidt E. F.* Excavations at Tepe Hissar. Philadelphia, 1937.
29. *Budge E. A. W.* Amulets and Talismans. N. Y., 1968.
30. *Filip J.* Enzyklopädisches Handbuch zur Ur- und Frühgeschichte Europas. B. 2. Prag, 1969.
31. *Нидерле Л.* Человечество в доисторические времена. Спб., 1898.
32. *Кушнарева К. Х.* Древнейшие памятники Двина. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1977.
33. *Вавилов Н. Н., Букинич Д. Д.* Земледельческий Афганистан. Л., 1929.
34. *Андреев М. С.* Таджики долины Хуф. Вып. 1. Сталинабад: Изд-во АН ТаджССР, 1953.
35. *Серебрякова М. Н.* Семья и семейные обряды в турецкой деревне. М.: Наука, 1979.
36. *Борозна Н. Г.* Некоторые материалы об амулетах-украшениях населения Средней Азии. М.: Наука, 1975.
37. *Снесарев Г. П.* Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М.: Наука, 1969.
38. *Piperno M.* Socio-Economic Implications of the Graveyard of Shahr-i Sokhta.— In: Fourth International Conference of South Asian Archaeology. 4—8 July, 1977. Abstracts and Papers. Napoli, 1977.
39. *Oppenheim A. L.* The Interpretation of Dreams on the Ancient Near East.— TAPS, N. S., 1956, v. 46.
40. *Ferioli P., Fiandra E.* The Administrative Functions of Clay Sealings in Prehistoric Iran.— Iranica (Istituto Universitario Orientale. Seminario di Studi Asiatici. Series Minor. X). Napoli. 1979.
41. *Tosi M.* Excavations at Shahr-i Sokhta, a Chalcolithic Settlement in the Iranian Sistan. Preliminary Report on the 1-st Campaing, 1967.— EW, 1968, v. XVIII.
42. *Маев Н.* Азиатский Ташкент.— В кн.: Материалы для статистики Туркестанского края. Вып. IV. Ташкент, 1876.
43. *Parrot A.* Fouilles de Larsa (Senkereh) 1967.— Sumer, 1968, v. XXIV, № 1, 2.

E. V. Antonova

ON THE USE OF SEALS BY EARLY ORIENTAL AGRICULTURISTS

Summary

The article deals with the uses of seals by early agriculturists and is based on the materials obtained to the east of Mesopotamia. The seals found in Tepe Gisar, Tepe Giyan, Shakhri-Sokhte, Altyn-Depe and Sapallitepa burials are analysed and the conclusion is drawn that their forms and the images they carried indicate that the seals being clan symbols were originally intended for magic purposes. It can be surmised that they were used in agricultural fertility rituals to stamp bread and other food. They also served as amulets and were mostly worn by women. In the Bronze-epoch complexes they probably were property signs of independent communities. The same is supported by the glyptics of ancient Oriental states.

ЗДАНОВИЧ Г. Б., ИВАНОВ И. В., ХАБДУЛИНА М. К.

ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В АРХЕОЛОГИИ ПАЛЕОПОЧВЕННЫХ МЕТОДОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

(курганы Кара-Оба и Обалы в Северном Казахстане)

Первые почвенно-археологические наблюдения относятся к концу XIX в. и связаны с именем основоположника генетического почвоведения В. В. Докучаева [1, с. 432, 424; 2, с. 130—132]. Специальное исследование почв под курганами впервые было проведено в Богодуховском уезде Харьковской губернии А. Н. Криштофовичем в 1913 г. [3, с. 33—45]. Однако только в третьей четверти XX в. была выработана надежная методика и заложены основы широкого использования палеопочвенных методов в археологии, четко определилась проблематика, сформировавшаяся на стыке двух наук [4, с. 3—13: 5: 6, с. 168—181; 7; 8, с. 17—28].

Совместные работы археологов и почвоведов постепенно становятся доброй традицией. И все же масштаб этих работ не соответствует современному размаху полевых археологических исследований и сегодняшнему уровню науки. На отдельных обширных территориях страны изучение погребенных почв на археологических объектах никогда не предпринималось. К одному из таких районов относится и Северный Казахстан.

В 1978—1980 гг. Урало-Казахстанской археологической экспедицией совместно с Институтом агрохимии и почвоведения АН СССР было изучено пять объектов на высоких террасах долины р. Ишим [9, с. 165—167]. В настоящей статье мы остановимся на некоторых результатах раскопок двух крупных курганов — Кара-Оба и Обалы, расположенных в Сергеевском р-не Северо-Казахстанской обл. Всего в степной полосе Среднего Приишимья в последнее десятилетие было вскрыто более 190 курганов различных размеров, относящихся к раннему железному веку. Особое место среди археологических памятников региона занимают крупные курганы, вероятно связанные с высшим социальным слоем древних кочевых обществ. Такие курганы часто встречаются по берегам Ишима и его притоков, на надпойменных террасах и междуречьях. Большинство курганов имеет высоту 2—3, диаметр 30—50 м, овальную форму; верхняя их часть уплощена, северо-западные склоны более крутые по сравнению с юго-восточными.

Основная зона распространения крупных курганов захватывает южную оконечность Западно-Сибирской низменности и прилегающие районы Казахского мелкосопочника в пределах Северо-Казахстанской и Кокчетавской областей. Рельеф здесь сложен, он представляет собой системы небольших возвышенностей и низменностей, и древние насыпи занимают самые высокие точки на местности, эффектно доминируя над окружающим степным ландшафтом. Расположены курганы обычно в 5—10 км друг от друга, так что, поднявшись на насыпь одного почти всегда можно увидеть в отдалении не менее двух-трех аналогичных памятников.

Погребальные сооружения Обалы и Кара-Оба находятся на водоразделе и удалены от русла Ишима на 5—8 км. Расстояние между курганами около 6 км. В их расположении на местности много общего, оба занимают высокие точки на всхолмлениях у ныне высыхающих озер.

Работы по вскрытию насыпей велись с помощью бульдозеров, которыми нарезались траншеи шириной 4 (Кара-Оба) и 8 м (Обалы) с оставлением бровок толщиной 0,6—0,7 м, с полным освобождением от грунта всей подкурганной площадки. От уровня древней поверхности вскрытие памятников продолжалось вручную. Наблюдения за планами и фикса-

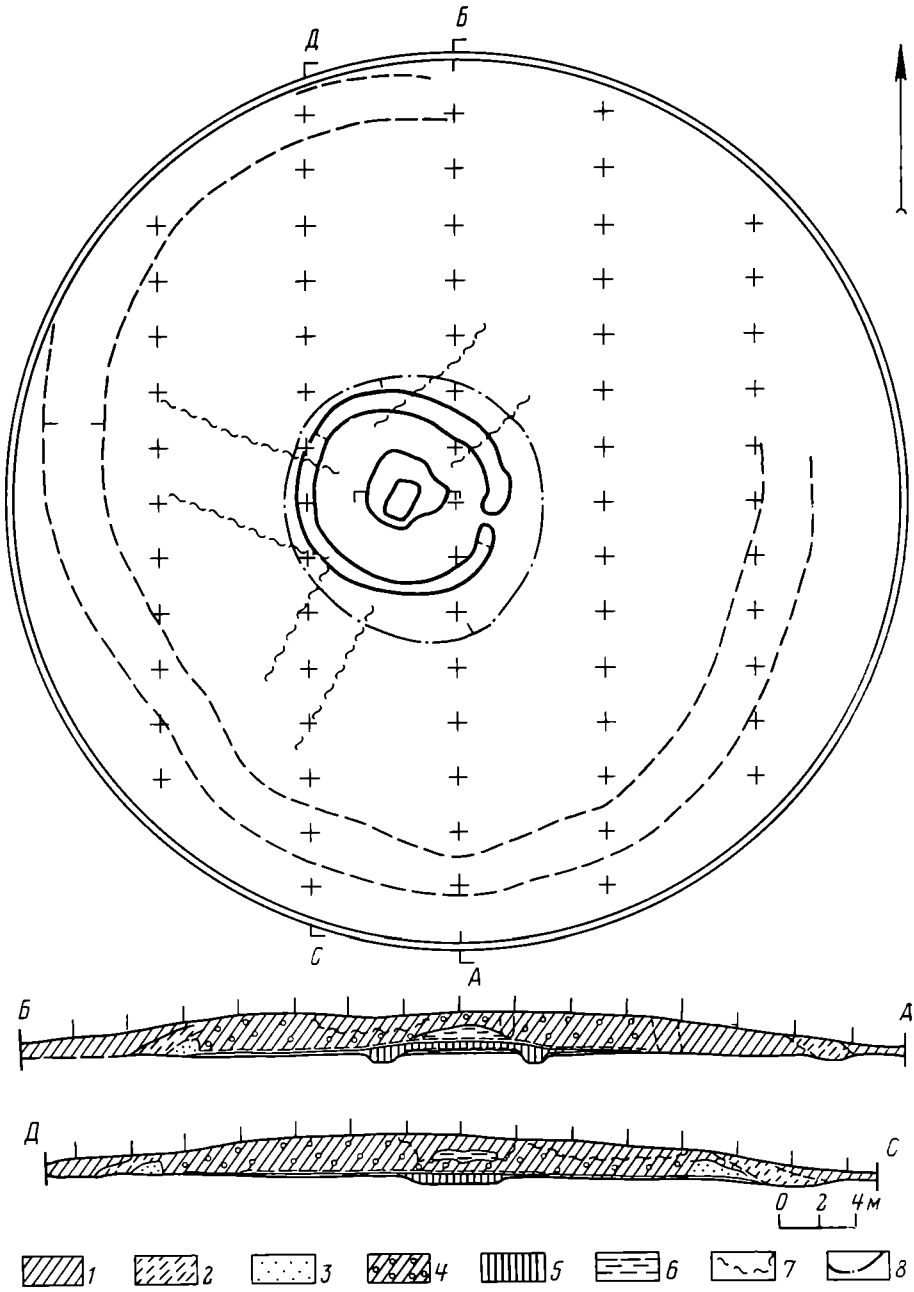


Рис. 1. Курган Обалы. План и разрезы насыпи. *1* — темно-серый гумусированный суглинок; *2* — серый гумусированный суглинок; *3* — светлый плотный суглинок; *4* – серый суглинок с участками желто-коричневой глины; *5* — светло-палевый суглинок; *6* — светло-коричневая глина; *7* — границы грабительских раскопов; *8* – граница древнего кургана

ция профилей позволили выявить сложные структуры насыпей и слои, связанные с их разрушением (рис. 1, 2).

Почвы изучались в траншеях и шурфах глубиной 2—3 м. Современные почвы исследованы в шести разрезах, почвы, погребенные под курганами,— в 11 разрезах.

Курган Обалы. Диаметр насыпи 48 м, высота в наивысшей точке 2,2 м от уровня современной поверхности[1]. При первичном обследовании

[1] За «0» принята точка на современной поверхности на распаханном поле у южного основания насыпи.

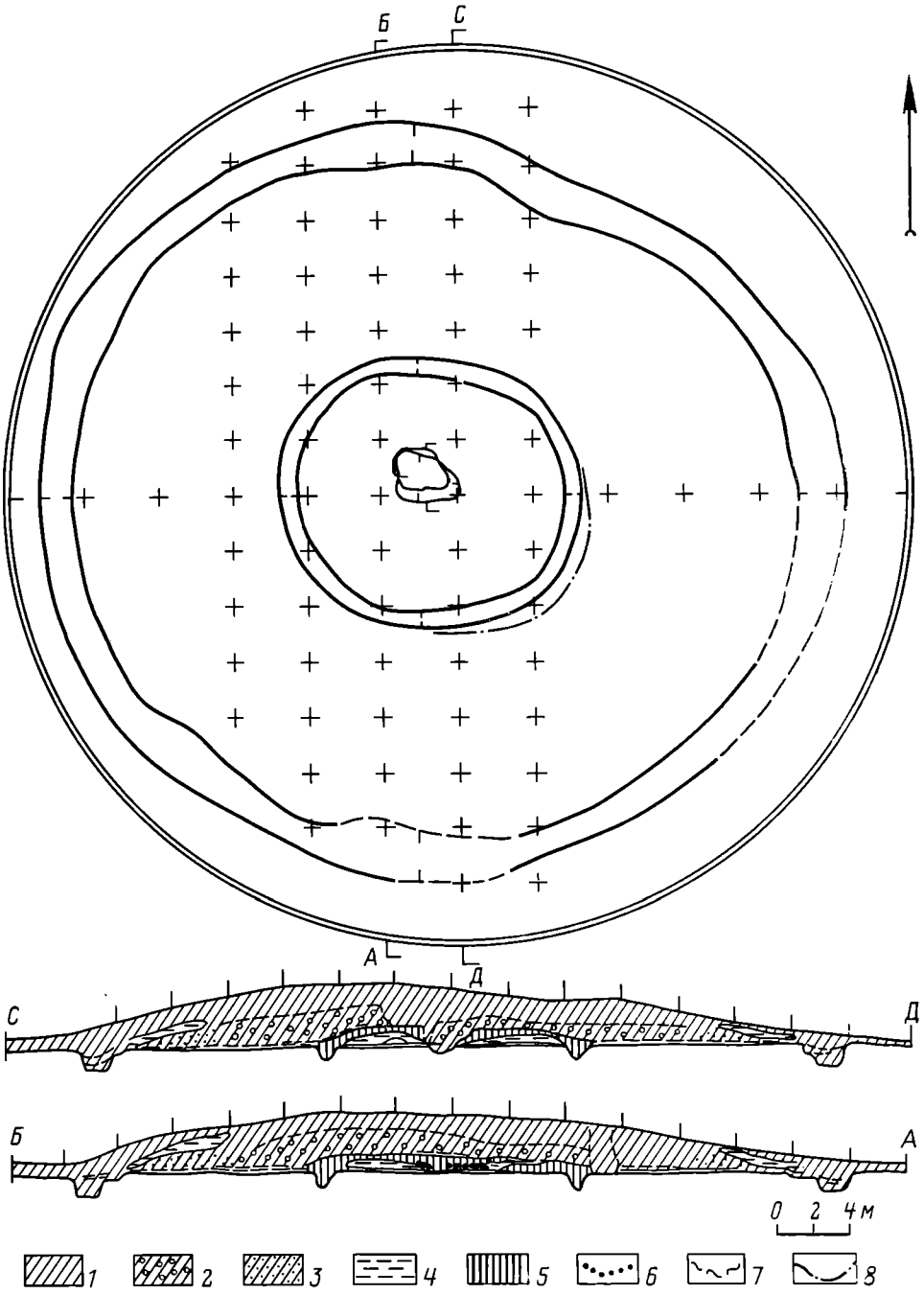


Рис. 2. Курган Кара-Оба. План и разрезы насыпи. *1* — темно-серый гумусированный суглинок; *2* — серый суглинок с участками желто-коричневой глины; *3* — светлый плотный суглинок; *4* — светло-коричневая глина; *5* — светло-палевый суглинок; *6* — древесный тлен; *7* — границы грабительских вкопов; *8* — граница древнего кургана

насыпь была хорошо задернована и на ее поверхности не прослеживались следы каких-либо грабительских раскопов. Только в средней части кургана, к северу от центра, фиксировался легкий прогиб. После вскрытия насыпи была обнаружена стратиграфия, представленная на рис. 1.

В основании кургана лежит тонкий гумусовый слой погребенной почвы мощностью 5—10 см. Древняя дневная поверхность почвенного горизонта сильно потревожена, местами прослеживаются короткие резкие изгибы, вкопы. Очертания дневной поверхности хорошо читаются благодаря тонкому слою глины, распределенному почти по всей территории подкурганной площадки (диаметр 30—35 м). Там, где глина отсутствует,

нижняя граница насыпи подчеркнута тонким солевым горизонтом, сформировавшимся на стыке грунтов разной плотности.

В центральной части кургана обнаружена насыпь от какого-то более древнего погребального сооружения[2]. Древнейшая насыпь отличается по светло-палевому плотному суглинку с равномерной окраской. Высота насыпи 0,6—0,7, диаметр 12 м. Первоначально она была окружена канавкой с наружным диаметром 10,5—11, шириной до 1 м и глубиной 0,3—0,5 м от уровня материка. С восточной стороны в канавке имеется проход шириной 0,3—0,4 м. Площадка древнейшего кургана также была перекрыта слоем глины толщиной до 10 см.

Основу насыпи более позднего кургана (Обалы II) составляет серый гумусированный суглинок с участками желто-коричневой глины. Вкрапления глины имеют неправильные овальные формы, их размеры 10—15 см, переход к суглинку ясный, часто резкий. В целом на 1 м² зачищенного профиля приходится от 10 до 16 пятен глины. Курган сильно потревожен грабительскими траншеями и ямами. Только по профилям можно насчитать до десяти колодцев шириной 1,0—1,5 м, которые прорезают насыпь и достигают материкового грунта. К центру кургана идут три траншеи шириной 3—5 м. Начинаются они в полах насыпи, чуть выше уровня современной поверхности (на 0,3—0,5 м), имеют вертикальные или пологие стенки и горизонтальное дно с резким углублением только в самом центре надмогильного сооружения. Наиболее древней, вероятно, была траншея, идущая с западной части кургана. Дно ее покрывал мощный слой глины — результат вторичного выкида из могильной ямы. Заполнения грабительских траншей и колодцев отличаются комковатой структурой и часто неравномерны по окраске. Во многих местах грунт основной насыпи потревожен норами крупных животных.

В периферийных частях кургана по всей окружности фиксируются два четких слоя, связанных с естественным разрушением насыпи. Наружный слой представляет собой мощный пласт, до 1 м, темно-серого гумусированного суглинка. Средний — толщиной тоже до 1 м и шириной 2,5—4 м — выделяется как серый, хорошо перемешанный суглинок. При изучении насыпи в полах кургана отмечался еще один своеобразный, компактно расположенный грунт, хорошо сохранившийся на северных участках насыпи. Это светлый гумусированный суглинок, который отличается особой плотностью. Его расположение на контактной зоне с основным грунтом, составляющим насыпь, не оставляет сомнения, что этот специально утрамбованный слой кольцом опоясывал курган. По разрезам восстанавливается его внутренний диаметр — 26 м, фиксируемая ширина по основанию 1,5—2 м, высота до 0.8—0,9 м.

Насыпь древнего кургана Обалы I была опоясана легким канавообразным углублением с внутренним диаметром по линии СЮ — 39 м, по линии ЗВ — 35 м, ширина на уровне материка до 3 м. Фиксируется канавка не везде достаточно четко, так как она углублена в материк не более чем на 10—15 см.

Могильная яма была обнаружена в центральной части подкурганной площадки и совпадала с центром древнейшего надмогильного сооружения. Четкие контуры неправильной окружности диаметром 4 м зафиксированы на глубине 0,3 м (рис. 3, *1*, *2*). С восточной стороны ямы прослежен выступ, вероятно связанный с входом в погребальную камеру. На глубине 2,1—2,3 м очертания ямы стали более правильными. Она приобрела прямоугольную форму с округлыми углами, ориентирована по линии СВ—ЮЗ, длина 3,8, ширина 2,2—2,6 м. Стенки опускаются вниз уступами. На дне могилы на глубине 4,6 м зафиксировано четыре округлых и две прямоугольных ямки от столбов глубиной 10—25 см (рис. 3, *2б*). Погребальная камера сильно пострадала при ограблениях. В плане и разрезах ямы прослеживается не менее пяти грабительских

[2] Для удобства назовем остатки раннего сооружения Обалы I, более позднего — Обалы II.

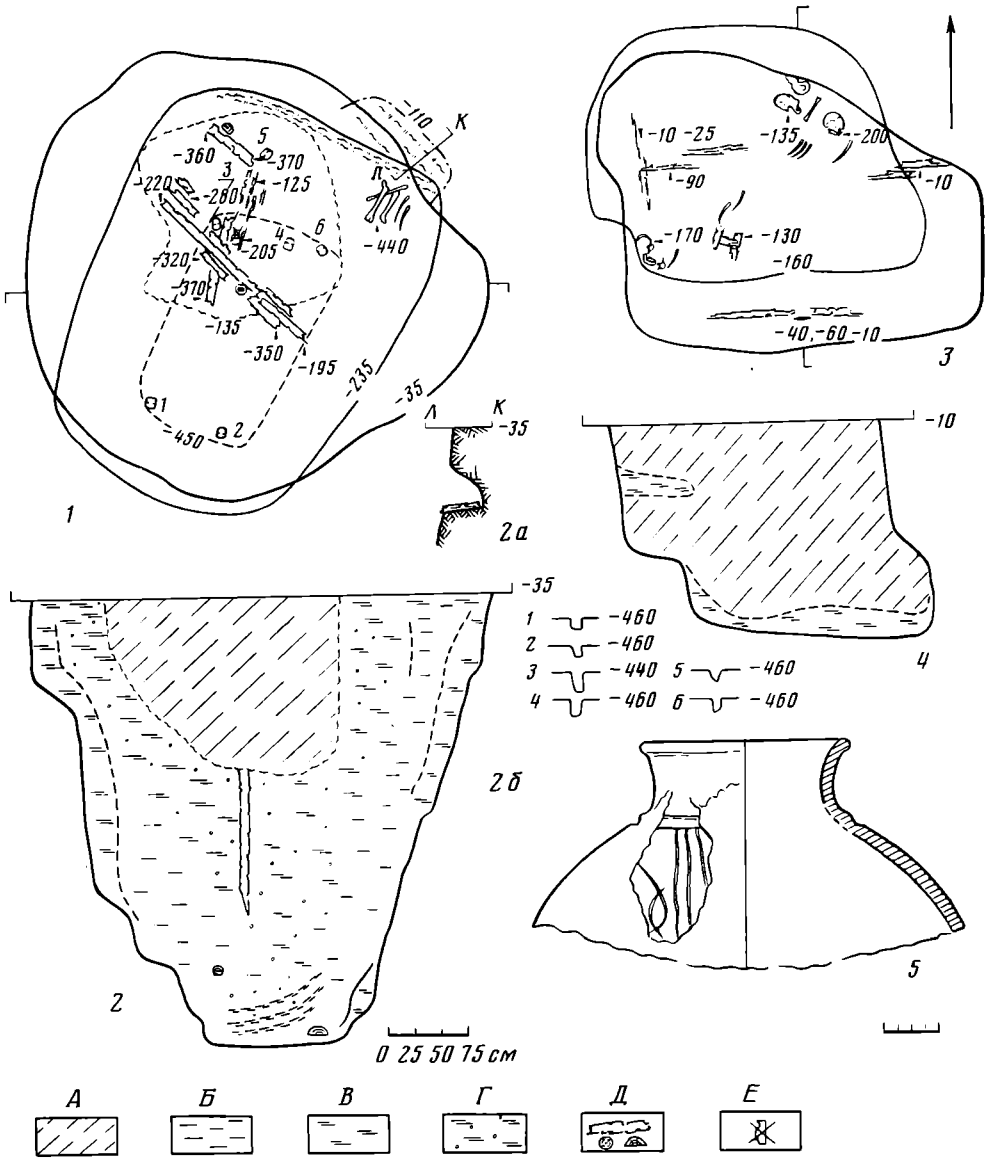


Рис. 3. Курганы Обалы и Кара-Оба. Планы и разрезы могильных ям. *1*, *2* — план и разрез могильной ямы Обалы; *2а* — разрез выемки на северо-восточной стенке ямы Обалы; *2б* — разрезы ямок на дне могильной ямы Обалы; *3*, *4* — план и разрез могильной ямы Кара-Оба; *5* — фрагмент сосуда со дна ямы Обалы. *А* — серый гумусированный суглинок; *Б*, *В* — светло-коричневая глина различных оттенков; *Г* — неравномерная по окраске темно-коричневая глина; *Д* — остатки бревен, древесный тлен; *Е* — фрагменты сосуда

колодцев, которыми почти полностью изменены первоначальные очертания стенок и дна могилы. В нижней части заполнения встречены разрозненные кости человеческого скелета, древесный тлен, многочисленные окислы от железных и бронзовых предметов, золотые пылинки, несколько мелких фрагментов от глиняной посуды (рис. 3, *5*).

В юго-восточной части раскопа за пределами подкурганной площадки обнаружено позднее мусульманское захоронение.

Курган Кара-Оба. Диаметр 43—44, высота насыпи 3,2 м. С северо-запада у подошвы заметен небольшой прогиб от древнего рва. Поверхность кургана задернована, в южной части прослеживается легкое углубление. Стратиграфия насыпи мало чем отличается от стратиграфии кургана Обалы (рис. 2).

На погребенной почве под всей площадкой надмогильного сооружения имеется тонкая органическая прослойка и белесая полоска солевого горизонта. Поверхность древней почвы неровная, с прогибами. Под центральной частью насыпи обнаружен более ранний курган (Кара-Оба I), который четко выделялся по светло-палевому суглинку. Высота древнейшего сооружения 1 м, диаметр 16 м. Оно было окружено ровиком с наружным диаметром 16, шириной до 1 м, глубиной 0,8—0,9 м. Дно рва округлое, стенки наклонные, в заполнении тот же светло-палевый суглинок, из которого сложена ранняя насыпь, но с легкими прослойками светлой глины. В основании кургана Кара-Оба I лежит погребенная почва, на ней слой плотной глины мощностью 0,4—0,6 и наружным диаметром 13—14 м. На отдельных участках между погребенной почвой и глиной лежит прослойка палевого суглинка, по цвету не отличающаяся от грунта насыпи. С внутренней стороны слой глины имеет уступчатый профиль. На уступах и ниже прослеживался древесный тлен. На поверхности раннего кургана сформировался четкий гумусовый горизонт толщиной до 4—5 см.

Насыпь позднего кургана Кара-Оба II состоит из гумусированного суглинка серого цвета с участками желто-коричневой глины. Количество глиняных пятен примерно соответствует той картине, которую мы наблюдали на кургане Обалы II. Насыпь из серого суглинка имеет высоту 1,5—2 м. Верхняя часть кургана состоит из темного, почти черного гумусированного грунта. В полах насыпи и в плане и в разрезах фиксировался слой чистой плотной глины мощностью до 0,5—0,8 м, который опоясывал все сооружение. Ширина глиняного кольца от 4 до 6 м. Слой суглинка, расположенный под глиной, тоже отличается плотностью. Окраска его более светлая и равномерная, здесь отсутствуют вкрапления глиняных пятен, так характерных для средней части насыпи.

Курган Кара-Оба II был окружен кольцевым рвом несколько неправильной формы, слегка вытянутым по линии СЗ—ЮВ, с наружными диаметрами 39—41 м. Ширина рва на уровне древней поверхности составляла 4,5 м, на уровне материка в пределах 2—3 м. Наибольшее расширение, 3,8 м, зафиксировано у южной стороны кургана. Глубина рва 1,2—1,5 м, стенки крутые, дно ровное, с внутренней, а иногда и с внешней стороны прослеживаются уступы. В его заполнении темный гумусированный грунт с включениями довольно мощных прослоек светлой глины, на дне встречаются кости домашнего скота.

Могильная яма находится в центре погребальной конструкции. На уровне материка она имеет неправильные подпрямоугольные очертания; размеры — 3,5×2,7 м; ориентирована по линии З—В. Яма неоднократно подвергалась ограблениям. Судя по планам и разрезу, это было сооружение подбойного типа. Подбой устроен под северной продольной стенкой, южная образует ступеньку на глубине 1,3 м. На дне (2,0 м) обнаружены разрозненные кости скелета и мелкие фрагменты изделий из бронзы.

Курганы Кара-Оба и Обалы имеют много общих черт. Они совершенно идентичны по расположению на местности, их сближают размеры наземных сооружений и характер сложения насыпи. В основании обеих конструкций лежат более древние курганы, значительная часть насыпей состоит из серого суглинка с четко определяемыми включениями глины, верхние слои насыпей и их развалы представляют собой темный гумусированный грунт, образовавшийся, безусловно, из материала древнего гумусового горизонта. Сходство насыпей часто доходит до деталей. Оно проявляется в потревоженности древних поверхностей подкурганных площадок и в наличии на них органических прослоек. В по́лах обоих курганов прослеживаются кольцевые валы из утрамбованного грунта, их внутренние диаметры совпадают (25—26 м). Подкурганные площадки обоих памятников имеют одинаковые размеры — внутренние диаметры канавок, которые их ограничивают, равны в среднем 37—38 м. Могильные ямы характеризуются значительными размерами и глубиной, и в одном, и в другом случае у восточных стенок фиксируются небольшие

выступы — своеобразные «входы» в погребальные камеры. Отличие описанных курганов сводится практически только к наличию в насыпи Кара-Оба крепиды из глины.

Общие черты исследованных курганов позволяют рассматривать эти памятники в единых культурных и хронологических аспектах. Датирующих вещей, за исключением фрагментов сосуда из могильной ямы Обалы, раскопки не дали. Однако большой сравнительный материал, накопленный при исследовании погребальных комплексов Петропавловского Приишимья, позволяет ставить вопрос о времени сооружения ранних (Обалы I, Кара-Оба I) и поздних (Обалы II, Кара-Оба II) курганов. На незначительной по площади территории в 100—150 км к югу от г. Петропавловска за 15 лет работ Северо-Казахстанской и Урало-Казахстанской археологических экспедиций раскопаны многочисленные могильники бронзового века, эпохи железа и раннего средневековья. Не останавливаясь подробно на материалах по относительной хронологии, укажем, что курганы Обалы I и Кара-Оба I следует датировать рубежом поздней бронзы — раннего железного века, началом эпохи железа. Ранние насыпи не могут быть отнесены к эпохе бронзы — многочисленные могильники бронзового века Петропавловского Приишимья располагаются только группами по десятку и более курганов и непременно у самой кромки речных террас. Одиночные курганные захоронения, тяготеющие к водоразделам, расположенные в степи на более или менее значительном расстоянии от реки, появляются только в начале эпохи железного века. Конструктивные особенности погребальных сооружений связывают их с комплексами VIII—VII вв. до н. э. Северного Казахстана (курганы 1,4 могильника Берлик) [10, с. 55—57]. К этому же времени с известной долей вероятности могут быть отнесены курганы Кара-Оба I и Обалы I.

Впервые крупные насыпи появляются в Петропавловском Приишимье в VI—V вв. до н. э. В основании их лежат мощные деревянные «шатровые» сооружения [10, с. 196—201]. В курганах Кара-Оба II, Обалы II эти традиции, вероятно, уже утрачены, конструкции из бревен заменены здесь выкладками из органических материалов (хворост, трава), которые подчеркнуто отделяют дневную поверхность от насыпи погребального надмогильного сооружения.

Время создания поздних насыпей уточняют находки в могильной яме Обалы II характерного сосуда горшечной формы (рис. 3, *5*). Он имеет высокую, оттянутую наружу горловину и раздутое тулово. По основанию шейки — легкий уступ, по плечикам — орнамент из прочерченных вертикальных линий и фигурных овальных росчерков. Подобная керамика известна в прохоровских комплексах IV—II вв. до н. э.

Таким образом, между возведением малых и больших курганов над ними прошло не менее 400—500 лет. Большой хронологический разрыв подтверждается фактом естественного разрушения малых насыпей, сформировавшимся слоем гумуса на их поверхности и рядом других почвоведческих наблюдений, о которых будет рассказано ниже.

Специальные палеопочвенные исследования, проведенные на курганах Обалы и Кара-Оба, позволили выявить изменения природных условий во времени. Сегодня район расположения курганов находится в зоне распаханных обыкновенных черноземов на месте богато-разнотравных красноковылковых степей. Среднегодовое количество осадков здесь равно 325 мм. Черноземы характеризуются относительно высоким содержанием гумуса (в верхнем горизонте 6—7%), мощность горизонта А составляет около 35 см. Углекислые соли вынесены на глубину до 40 см, в интервале 40—100 см их содержание равно 10—11% $CaCO_3$. Морфологически они представлены редкими пятнами и прожилками. Легкорастворимые соли вынесены глубже 230 см, где их содержание составляет 0,2%, гипс встречается только в интервале 400—500 см (0,3%). Почвы, подобные рассматриваемым, относят к роду языковатых, так как гумусовые затеки — «языки» — проникают до 70 см и разделяются заклинками породы. На горизонтальном срезе «языки» оконтуривают собой пяти- и четырехугольники (полигоны), диаметром 150×200 см. Образование полигонов

обусловлено в основном мерзлотным растрескиванием почвогрунтов. Размеры полигонов при одном литологическом составе пород обусловлены напряжениями при усадках грунта при промерзании, а также при термическом обезвоживании.

Исследования описанных археологических объектов показали, что почвы, погребенные под малыми и большими курганами, отличаются от современных. Эти различия вполне обоснованно могут быть отнесены за счет различных климатических условий этих эпох, поскольку современные и погребенные почвы имеют одинаковую литологию и находятся в идентичных условиях мезо- и микрорельефа.

Почвы, погребенные 2800 лет назад под малыми курганами, имели несколько меньшую мощность гумусового горизонта (до 20 см). Углекислые соли располагались ближе к поверхности (с 20 см) и были представлены обильной белоглазкой — плотными шаровидными стяжениями, в отличие от распространенных в настоящее время пятен и прожилок. Особенно отличались от современных форм выделения гипса. В погребенных почвах они представлены обильными гнездами (диаметр 2—3 см) мелких кристаллов гипса в интервале 90—150 см. Содержание гипса в нем 1,14%, т. е. в 10 раз больше, чем в современных почвах. В горизонтах A/B погребенных почв отмечена морфологически и химически выраженная солонцеватость (обменного натрия 10%), отсутствующая в современных почвах.

Совокупность перечисленных признаков вполне определенно свидетельствует о большей ксероморфности почв и сухости климата в эпоху сооружения малых курганов. Почвы того времени были близки к подтипу темно-каштановых солонцеватых, границы природных зон были смещены на одну зону или примерно на 250 км к северу, атмосферных осадков по сравнению с современными выпадало меньше на 50—77 мм. Характер полигональности и языковатости почв также был в прошлом несколько иным: полигоны имели меньшие размеры (100×100 см), трещины были несколько шире и мельче. Эти различия могут быть истолкованы как следствие большего промерзания почв. В целом, на основании приведенных факторов, климат на рубеже II—I тысячелетий до н. э., начале I тысячелетия до н. э. может быть реконструирован как сухой, жаркий, более континентальный.

Для примера покажем, насколько важны приведенные наблюдения для решения вопросов палеоэкономики кочевых и полукочевых обществ исследуемой эпохи. Продуктивность пастбищ при смещении природных зон на одну градацию заметно изменялась. Если на черноземах она составляет 5—6 ц/га и достигает 8—10 ц/га во влажные годы, то на темно-каштановых почвах продуктивность равна 3—5 ц/га и достигает 6—8 ц/га во влажные годы [12, с. 302].

Почвы, существовавшие 2200—2300 лет назад, были переходными от современных к охарактеризованным выше. Имеющиеся данные позволяют утверждать, что в период между VIII и II вв. до н. э. произошла крупная перестройка природных условий по сравнению с предшествующей эпохой: увеличение количества атмосферных осадков, ослабление континентальности. В какое-то время, предшествующее VIII в. до н. э., континентальность и засушливость климата были еще большими, а их выраженность в почвенном профиле более резкой. Изложенные представления согласуются с выводами и частично дополняют материалы В. А. Николаева [13, с. 17—23] об антропогенном этапе в истории степей Западной Сибири и Казахстана. Не противоречат они и топографии археологических памятников Среднего Приишимья [14, с. 7; 15, с. 127][3].

Следующий важный момент в использовании палеопочвенных методов был связан с выявлением конструктивных деталей курганных насыпей. Реконструкция надмогильного сооружения, сложенного из земли и легко разрушаемых органических материалов — травы, сучьев, коры деревьев,

[3] Фактический материал о погребенных почвах курганов Кара-Оба и Обалы и анализ вопроса о смещении природных зон в Северном Казахстане приведены в специальной работе И. В. Иванова [16].

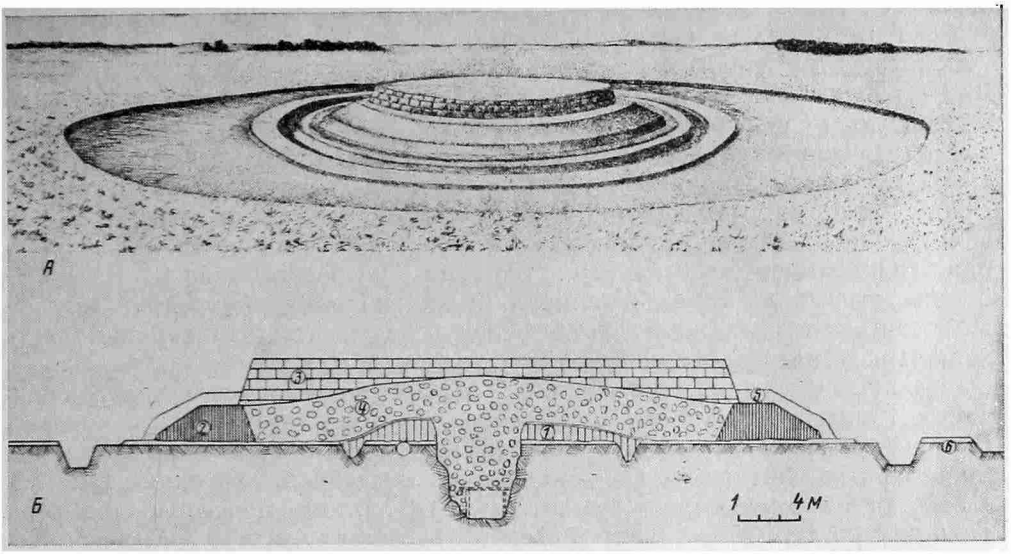


Рис. 4. Курганы Кара-Оба и Обалы. Реконструкции внешнего вида (*А*) и разреза (*Б*) надмогильного сооружения. *1* — насыпь раннего кургана; *2* — кольцевой вал; *3* — сооружение из дерновых пластов; *4* — насыпной грунт; *5* — глиняная крепида; *6* — материк

сложная и часто нереальная задача. В археологических исследованиях попытки реконструкций связаны с памятниками, в которых в качестве строительного материала наряду с земляным грунтом использовался камень [17, с. 13, 14; 18, с. 38, 39; 19, с. 56, 57]. Раскопки курганов Обалы и Кара-Оба, произведенные бульдозером, но со значительным объемом ручного труда при зачистке профилей и целого ряда планов на различных высотных отметках, показали, что и земляные сооружения могут давать информацию для достаточно надежной, хотя и не всеобъемлющей реконструкции. Решающее значение при этом имеют квалифицированные наблюдения за цветом, плотностью, структурностью и другими морфологическими особенностями грунта. Попытка представить первоначальный вид и этапы строительства описанных курганов тем более правомерна, что, как уже указывалось, в Петропавловском Приишимье нами вскрыты более 190 насыпей (среди них 8 крупных) раннего железного века. Это позволяет не только проводить корректировку при выявления ряда существенных конструктивных деталей, но уже сейчас наметить эволюцию в развитии сооружений погребальных комплексов Северного Казахстана во второй половине I тысячелетия до н. э.

В целом, на основании проведенных наблюдений, мы можем говорить о следующих этапах в создании курганов Кара-Оба и Обалы. Первоначально выбиралось место, пригодное по ряду признаков для свершения захоронения. Оно должно было располагаться около удобных мест традиционных выпасов скота, в относительной близости от воды (чаще всего на междуречье, у озер), непременно на возвышенном и свободном от леса участке степи. Желательным было и наличие микровозвышения — в данном случае древнего кургана. Затем площадка оконтуривалась мелким, но достаточно широким рвом. Грунт из него выбрасывался во внутреннюю сторону. Теперь на территории, четко отграниченной от остального пространства рвом, совершались какие-то действия, вероятно «очистительного» характера. Следами этих обрядов следует считать вытоптанность дневной поверхности, рытвины и прогибы в древней почве, а также распределение по всей территории органических материалов (трава, хворост) или светлой глины.

После того как площадка была подготовлена, приступали к сооружению могильной ямы. Выкид удалялся с помощью каких-то емкостей через «вход» — пандус или ступеньки у восточной стенки могилы. Значительное количество грунта высыпалось здесь же у «входа», но некоторая

часть его распределялась по площадке, увеличивая мощность первоначальной глиняной подсыпки.

Следующим этапом было сооружение кольцевого вала (рис. 4, *Б*, *2*). Для строительства его использовался гумусированный суглинок, который плотно утрамбовывался. Диаметр вала на 3—4 м меньше диаметра рва, так что расстояние между его наружной стенкой и рвом составляло 1,5—2 м. Насколько можно судить по разрезам, ширина вала в кургане Обалы была по основанию 1,5—2 м, сохранился он на высоту 0,8 м. Стенки вала довольно крутые, даже сейчас, с учетом разрушения, наружная стена имеет угол 65—70°. Ширина кольцевого вала в Кара-Обе 3—4 м, высота до 1,2 м, наружная стенка пологая, внутренняя крутая. По очертаниям глиняной крепиды можно полагать, что верхняя часть вала была горизонтальной (рис. 4, *Б*, *5*).

После сооружения погребальной камеры и свершения захоронения часть грунта, выбранного из могильной ямы, возвращалась обратно. Склоны древнего кургана вторично обкладывались хворостом и затем все пространство внутри вала заполнялось насыпным грунтом (рис. 4, *Б*, *4*). При этом высота засыпки в центре намного превышала размеры вала (в кургане Обалы насыпная часть достигает высоты 2 м; несомненно, в древности она была еще выше). Верхние конструкции курганов сооружались из дерновых пластов (рис. 4, *Б*, *3*). Темные, равномерно окрашенные слои гумусированной почвы залегают на пестроцвете насыпного грунта (мощность от 0,5 до 1 м) или в виде развалов фиксируются в полах насыпей (рис. 1, *1*; 2, *1*). Эти развалы уходят иногда далеко за пределы рвов, и толщина их по отдельным разрезам достигает 1 м. Благодаря глиняному кольцу, закрепляющему вал кургана Кара-Оба, мы имеем некоторые сведения и о дерновой конструкции. Сооружение имело диаметр 26—27 м, стенки крутые, почти вертикальные. Угол наклона стенок по центральным разрезам равен примерно 70° (рис. 4, *Б*, *3*).

Создание основных конструктивных элементов кургана завершалось, вероятно, строительством крепиды (Кара-Оба) (рис. 4, *Б*, *5*). Для этих целей кольцевой ров был углублен до 1,5 м (стенки первичного, более широкого ровика сохранились в виде уступов). Глиняный выкид укладывался на наклонную наружную стенку вала и его горизонтальную верхнюю площадку и утрамбовывался. При этом особое внимание уделялось уплотнению грунта вокруг сооружения из дерновых пластов. Возможно, что для прочности глина предварительно увлажнялась. Таким образом, глиняное кольцо толщиной 0,5—0,7 м укрепляло не только стенку вала, но и основание конструкции, сложенной из дерна. Следов крепиды в насыпи Обалы не прослежено. Однако относительно хорошая сохранность наружной стенки вала заставляет предположить, что она укреплялась бревнами или крупным хворостом.

Прежде чем переходить к описанию предлагаемой реконструкции внешнего вида курганов, целесообразно остановиться на материалах, отражающих характер и объем трудовых процессов, связанных с сооружением погребальных комплексов. При рытье могильных ям описанных памятников было выбрано более 60 м³ грунта. В кургане Обалы удалось зафиксировать некоторые детали, позволяющие более подробно судить о процессе создания погребальных камер. Глубина могильной ямы с учетом высоты древнего кургана была более 5 м, и для ее сооружения требовались значительное умение и устойчивые навыки.

Яма копалась, вернее долбилась, с помощью длинной палки, на конце которой был закреплен металлический или костяной наконечник с плоским рабочим краем. Следы такого инструмента зафиксированы на глиняной плоскости на северо-восточной стенке, на глубине 1,8—2,3 м. Ширина рабочего края инструмента равна 2,3 см, переход от лезвия к боковым граням слегка округлен. Длина сохранившихся отпечатков от 4 до 10,5 см. Удары по грунту наносились не вертикально, а с небольшим наклоном, расстояние между площадками для нанесения ударов до 3 см. Из археологически зафиксированных в Северном Казахстане предметов подобные следы могли быть оставлены костяными «наконечниками мо-

тыг», хорошо известными по находкам на поселениях эпохи поздней бронзы и раннего железного века [20, с. 150, рис. 3—20; 21, с. 442] или железной «мотыжкой», типа обнаруженной в кургане 2 Покровского могильника [22, с. 74].

На северо-восточной стенке ямы Обалы на глубине 0,7—1,1 м была прослежена горизонтальная ниша длиной 1,2 м, высотой около 40 см и глубиной по основанию 35 см. Пол ниши сохранил слой бересты от бревенчатых конструкций. Своеобразный разрез ниши (рис. 3, *2а*) не оставляет сомнения в том, что она была использована для закрепления перекидного настила из бревен, противоположный конец которого должен был лежать на уступе юго-западной стенки, зафиксированном на уровне 1,1—1,3 м. Действительно, поднимать грунт с большой глубины с помощью веревки и какой-то емкости из кожи, ткани или дерева практически невозможно, работая на краю ямы. В этом случае осыпается грунт, разрушаются стенки могилы и быстро выходит из строя емкость. Только стоя прямо над ямой, относительно легко и удобно выполнять такую работу. Поскольку значительная часть выкида из могилы была сосредоточена с восточной стороны у «входа», то остается предположить, что сюда, на ступенчатый уступ, тоже были положены какие-то слеги, по которым передавался грунт с центрального настила.

Земляные уступы в могильной яме кургана Обалы расположены как бы по спирали. Фиксировались они и в планах, и в профилях на различных глубинах и по приведенным разрезам хорошо видна их асимметричность (рис. 3, *2*). При таком расположении они никак не могли использоваться для создания какого-либо перекрытия. Вероятно, их назначение связано с конструктивными особенностями, они предохраняли стенки ямы от разрушения и служили только для спуска в погребальную камеру. Наличие на дне могилы ям от столбов и древесного тлена на отдельных участках стен показывает, что собственно погребальная камера была сооружена из дерева, а ее перекрытие опиралось на столбовые конструкции (рис. 3, *1*, *2*; 4, *Б*). К сожалению, ни о площади, ни о высоте деревянной камеры с достаточной достоверностью судить невозможно из-за грабительских колодцев.

Объем развалин погребальных сооружений[4] Обалы и Кара-Оба равен соответственно 2100 и 2000 м³. Немаловажный интерес представляет выяснение вопроса: откуда и как брали землю для строительства? Древние почвы, сохранившиеся под курганной насыпью, дают представление, какой грунт использовался для ее сооружения. Насыпь сложена материалом горизонтов А—А/В—Вк древней почвы, т. е. бóльшая часть грунта поступила с глубины до 0,5—0,6 м. Таким образом, для строительства курганов использовался равномерно снятый гумусовый горизонт и верхний слой материковой глины. Именно эта глина и фиксируется в виде четких вкраплений в сером гумусированном суглинке насыпей.

При использовании в качестве строительного материала верхних горизонтов почвы для удобства транспортировки грунта рационально вести работы не на отдельно выбранной площадке в стороне от памятника, а вокруг самого кургана по кольцу. При этом интересно отметить, что мощность гумусированного горизонта под ранними насыпями описанных объектов была больше, чем под более поздними сооружениями. И дело тут, наверняка, не только в том, что более поздние строители потревожили дерн подкурганной площадки, а в том, что весь материал древнего гумусированного горизонта был уложен в насыпь раннего кургана еще за 400—500 лет до создания погребальных памятников Кара-Оба II и Обалы II. Тот гумусовый горизонт почвы, который мы фиксируем под насыпями поздних курганов, представляет собой напластования, отложившиеся на обнаженной глине за хронологический отрезок, разделяющий время возникновения обоих памятников. Равномерная толщина этих напластований подтверждает, что гумусированный материал снимался не с какой-то одной стороны, а вокруг подкурганной площадки по кольцу.

[4] Подсчеты выполнены с учетом объемов древнейших погребенных насыпей.

Наблюдения, проведенные нами над почвами разновременных курганов, подтверждают устойчивость традиций в использовании грунта как строительного материала, традиций, которые сложились еще в эпоху бронзы. Исследователи погребальных памятников бронзового века неоднократно отмечали, что земля для насыпи берется рядом с курганом [18, с. 38]. Эти свидетельства подтверждаются многочисленными материалами с территории Северного Казахстана (мог. Алыпкаш, Аксайман, Кошкарбай и др.). Вокруг насыпей и оградок второй половины II тысячелетия до н. э. часто фиксируются широкие, но мелкие канавообразные углубления, едва затрагивающие материк. Вероятно, эти углубления со временем получили определенную смысловую нагрузку и послужили прообразом для создания рвов вокруг курганов уже эпохи раннего железного века. Любопытно отметить, что функции каменных оград курганов эпохи бронзы в сооружениях Кара-Оба и Обалы выполняют земляные валы.

Из приведенных выше наблюдений для нашего исследования важно, что грунт для создания надмогильных конструкций брался по кольцу памятников на глубину до 0,5—0,6 м. Зная объем насыпи, легко подсчитать, что для сооружения таких курганов, как Кара-Оба и Обалы, потребовалось снять верхний слой почвы на 0,35—0,4 га. Следовательно, кольцо обнаженной глины вокруг насыпи должно иметь ширину 20—22 м (рис. 4, *А*).

Для определения палеоэкономических характеристик важно установить объем тары, с помощью которой переносили грунт. Для этой цели мы использовали подсчеты включений глины в насыпную часть курганов (рис. 4, *Б*, *4*). Как уже отмечалось, на 1 м^2 насыпного грунта (серый суглинок) приходилось 10—16 пятен глины или по 40—64 включения на 1 м^3. Эти цифры отличались устойчивостью для обоих объектов раскопок. Если исходить из того, что на засыпку шла почва, залегающая под дерновым пластом на глубине 0,2—0,6 м, то почти в каждую тару кроме гумусированного грунта должна была попадать глина. Тому, что глина полностью не перемешивалась с гумусом, способствовали, вероятно, два обстоятельства. Первое — это жесткая тара (корзины?), и второе — специфика работы землеройным орудием с узким рабочим краем. Землю, видимо, «откалывали» такими же инструментами, какими рыли могильную яму, и при этом старались получить удобные для транспортировки цельные куски грунта. Если подобная технология отразилась в структуре насыпи, то количество глиняных вкраплений должно примерно соответствовать количеству единиц тары, и, следовательно, на переноску 1 м^3 земли приходилось от 40 до 64 таких единиц. Вес 1 м^3 сухого грунта составляет 1400—1600 кг. Следовательно, вес земли в одной единице тары, которую использовали при строительных работах на курганах Кара-Оба и Обалы, равнялся от 25 до 40 кг.

Добавим, что в насыпи фиксируются куски грунта, размеры которых в поперечнике 10—15 см, а площадь светлых пятен на уровне 0,4—0,5 м от поверхности древней почвы составляет 20—25% от площади среза. Все это, с учетом размеров отпечатков рабочих инструментов и соотношения пятен глины и гумусированного суглинка в насыпи, подтверждает правомерность предложенных выводов по технологии выемки и транспортировки грунта.

Для сооружения кургана объемом 2000 м^3 необходимо сделать от 75 до 120 тыс. ходок одной тарой (для удобства будем считать 100 тыс.). Если принять за среднюю длину ходки 30—40 м, а за время, необходимое на ходьбу и погрузку, 7—10 мин, то для подготовки грунта для насыпи потребуется $7 \cdot 10^5 — 10 \cdot 10^5$ мин. При 12-часовом рабочем дне это составляет от 1000 до 1400 сут при работе единицей тары.

Для переноса тары и копки нужен труд не менее двух-трех человек. Таким образом, для подготовки и транспортировки грунта требовалось минимально (фактически больше!) от 2000 до 4200 человеко-суток. Другими словами, для доставки земли при сооружении большого кургана необходимо было привлечь к работе на 10 сут от 200 до 420 человек или

на 1 мес от 70 до 140 человек. В течение рабочего дня каждый человек должен был погрузить и перенести от 2 до 2,7 м³ земли. Интересно, что полученные данные близки нормам, которые существовали в Шумере [23, с. 236, 23, 240—242].

В настоящей статье мы не приводим расчетов более или менее полного объема труда, связанного с созданием погребального комплекса (подготовка площадки, рубка бревен для перекрытий, рытье могильных ям и кольцевых рвов, сооружение валов и т. д.). Мы остановились на одном рабочем процессе, который удобно реконструировать с помощью палеопочвенных методов. Но уже и приведенного конкретного примера достаточно, чтобы показать, какой огромный труд необходимо было затратить, чтобы создать такие погребальные конструкции, как Кара-Оба и Обалы.

Археологические и почвоведческие данные позволяют предложить реконструкцию внешнего вида погребального сооружения (рис. 4, *А*). Оно имело форму ступенчатого усеченного конуса, вероятно, с плоской вершиной. Высота конструкции 4 м, ширина уступа-галереи не менее 1,5—1,6 м. Нетрудно представить, какое грандиозное впечатление производил подобный памятник в древности. Безусловно, все детали сооружения несли определенную смысловую нагрузку — и желтый от материковой глины круг (результат выборки грунта), опоясывающий курган, и черная площадка верхнего конуса, сложенная из дерна и высоко поднятая над степью, и уступ-галерея, и ров с костями животных. Большой интерес представляет узкое кольцо нетронутой погребенной почвы, примыкающее к внешней стенке рва. Не исключено, что вокруг основного сооружения на обнаженной глиняной площадке могли сохраниться следы «лучей» или каких-либо грунтовых выкладок, подобных сложным конструкциям из камня вокруг храма солнца Улуг-Хорум [24, с. 120, 121] или Большого Бесшатырского кургана [25, с. 28—31]. Разработанная нами методика палеопочвенных анализов, вероятно, могла бы зафиксировать в грунте и такие детали. Однако памятники Кара-Оба и Обалы находились на территории ценных сельскохозяйственных угодий и площадь для проведения земляных работ была жестко ограничена.

В нашу задачу не входит расшифровка семантики надмогильных памятников-храмов. Отметим лишь, что в погребальном обряде в наиболее завершенной форме воплощаются религиозно-мифологические концепции общества, а следовательно, надмогильные сооружения должны были отражать и какие-то системы организованного космоса.

Приведенный опыт еще раз показывает, что при исследовании курганов недопустимо, скажем прямо,— преступно, относиться к наземной их части как к простой насыпи. Надмогильное сооружение всегда имеет сложную структуру и несет обширную информацию по социально-экономической истории и идеологии древних обществ. И наконец, курганы являются памятниками природы. Только под ними сохраняются почвы относительно недавнего прошлого, являющиеся, как известно, и зеркалом ландшафта и его памятью. И с этой стороны курганы нуждаются в охране и изучении. Нужно согласиться с мнениями исследователей, которые отмечают, что участие почвоведов в раскопках курганов становится необходимостью [26, с. 299].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Докучаев В. В.* Русский чернозем.— Избран. соч. Т. I. М.: ОГИЗ, 1948.
2. *Докучаев В. В.* Наши степи прежде и теперь. М.: Сельхозгиз, 1953.
3. *Криштофович А. Н.* Исследование почвы под курганами в Харьковской губернии.— Почвоведение, 1914, № 1—2.
4. *Мерперт Н. Я., Смирнов А. П.* Археология и некоторые вопросы почвоведения.— СА, 1960, № 4.
5. *Маданов П. В., Войкин Л. М., Тюрменко А. М., Маданов В. П.* Вопросы палеопочвоведения и эволюции почв русской равнины в голоцене. Казань: Изд. Казанского ун-та, 1967.
6. *Золотун В. П.* Некоторые свойства палеопочв и вопросы датировки курганов на Юге Украины.— В кн.: Курганы степной части междуречья Дуная и Днестра (Материалы по археологии Северного Причерноморья. Вып. 6. Тр. Днепро-Дунайской новостроечной экспедиции 1963—1967 гг. Ч. 1). Одесса: Маяк, 1970.

7. *Золотун В. П.* Развитие почв юга Украины за последние 50—44 веков: Автореф. докт. дис. Киев: Украинская сельскохозяйственная академия, 1974.
8. *Иванов И. В.* Почвоведение и археология.— Почвоведение, 1978, № 10.
9. *Иванов И. В., Афонин М. М., Зданович Г. Б.* Изменение полигональности черноземов Северного Казахстана в позднем голоцене.— В кн.: Прогноз изменения криогенных почв под влиянием хозяйственного освоения территорий. Пущино: Научный центр биологических исследований, 1980.
10. *Зданович Г. Б., Зданович С. Я.* Памятники у с. Берлик Сергеевского района Северо-Казахстанской области. Отчет. Полевые исследования СКАЭ в 1972 г.— Архив СКОМ, № 577.
11. *Хабдулина М. К.* Курган раннего железного века у села Кенес.— В кн.: Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата: Наука, 1976.
12. *Копыл И. В.* Естественные кормовые ресурсы.— В кн.: География производительных сил Северного Казахстана. Т. I. Природные условия и ресурсы. М.: Изд-во МГУ, 1972.
13. *Николаев В. А.* Антропогенный этап в истории степей Западной Сибири и Казахстана.— Вестн. МГУ. Сер. географ., 1977, № 3.
14. *Зданович С. Я.* Саргаринская культура — заключительный этап бронзового века в Северном Казахстане: Автореф. канд. дис. М.: МГУ, 1979.
15. *Зданович Г. Б.* Стратиграфия поселения Новоникольское I.— В кн.: Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата: Наука, 1973.
16. *Иванов И. В.* Особенности изменения природных условий степной зоны в голоцене.— Изв. АН СССР. Сер. географ., 1983, № 2.
17. *Грязнов М. П.* Первый пазырыкский курган. Л.: Изд-во Эрмитажа, 1950.
18. *Сорокин В. С.* Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак I в Западном Казахстане.— МИА, 1962, № 120.
19. *Максименков Г. А.* Андроновская культура на Енисее. Л.: Наука, 1978.
20. *Зданович Г. Б.* Новое поселение эпохи бронзы в Северном Казахстане.— В кн.: По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1970.
21. *Хабдулина М. К.* Раскопки в окрестностях Петропавловска.— АО — 1979. М., 1980
22. *Зданович Г. Б.* Покровский могильник на реке Ишим.— В кн.: Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1969.
23. *Вайман А. А.* Шумеро-вавилонская математика III—II тысячелетия до н. э. М.: Восточная литература, 1961.
24. *Грач А. Д.* Древние кочевники в центре Азии. М.: Наука, 1980.
25. *Акишев К. А., Кушаев Г. А.* Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата: Наука, 1963.
26. *Клейн Л. С.*— СА, 1975, № 1.— Рец. на кн.: Курганы степной части междуречья Дуная и Днестра (Материалы по археологии Северного Причерноморья. Вып. 6. Труды Днепро-Дунайской новостроечной экспедиции 1963—1967 гг. Ч. I). Одесса: Маяк, 1970.

G. B. Zdanovich, I. V. Ivanov, M. K. Khabdulina

AN EXPERIENCE OF USING METHODS OF FOSSIL SOIL STUDY IN ARCHAEOLOGY
(Kara Oba and Obaly mounds in northern Kasakhstan)

Summary

The authors present the results of soil and archaeological investigations of early Iron Age burias in northern Kazakhstan and give a complete archaeological description of the mounds' complex structure. An analysis of fossil soils unfolds a picture of climatic changes in the region and of climatic zones' shifting boundaries in the Middle Ishim area in the 1st millennium B. C. Basing themselves on the archaeological data and soil analysis the authors make an attempt at reconstruction of the above-burial structure.

МЕДЫНЦЕВА А. А.

НОВГОРОДСКИЕ НАХОДКИ И ДОХРИСТИАНСКАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ НА РУСИ

Происхождение письменности на Руси, время ее возникновения, ее характер — одна из самых дискуссионных проблем русской истории. Литература, посвященная этому вопросу, весьма обширна, однако он до сих пор не находит однозначного решения.

Традиционная точка зрения связывает появление письменности на Руси с официальным принятием христианства и литературы из Болгарии около 988 г. Но уже в середине прошлого столетия стали накапливаться отдельные факты, в основном литературного характера, свидетельствующие о наличии христианства и письменности на Руси задолго до официального крещения. Некоторые летописные данные, прежде всего договоры Руси с Византией 911, 943, 971 гг., свидетельства восточных авторов, исследования о становлении древнерусского государства, позволили многим ученым предположить, что письменность на Руси появилась много ранее, чем считалось [1, с. 275—287].

Однако при полном отсутствии оригинальных письменных памятников этого времени и фрагментарности эпиграфического материала эти общие положения создают условия для возникновения совершенно не выдерживающих критики гипотез об «оригинальном» письме на Руси. В качестве такого письма предлагались и «черты и резы» — знаки на археологических находках, и «корсунские» книги, и знаки на монетах и печатях, и такие откровенные подделки, как «Велесова книга». Несостоятельность этих гипотез была подвергнута справедливой критике [2, с. 239, 240; 3, с. 130—133; 4, 5]. С другой стороны, недолговечность этих гипотез подрывает доверие не только к существованию оригинальной письменности, но и к возможности использования какой-либо письменности на Руси в дохристианскую эпоху. Какое-то время эта проблема почти не обсуждалась на страницах специальных изданий. Даже в такой солидной монографии, как «Историческая грамматика русского языка», вопросу о дохристианской письменности уделен лишь небольшой абзац. Авторы, отрицая наличие самобытной письменности, допускают только, что «в отдельных случаях древние восточные славяне могли использовать без строгого упорядочения знаки других народов, уже обладавших письменностью» [6, с. 27].

Таким образом, вопрос о письменности на Руси в дохристианское время (IX — X вв.) не выходит пока за пределы известных многие годы свидетельств. Это объясняется недостатком фактического материала, в первую очередь таких непосредственных источников, как памятники эпиграфики.

В последнее время вопрос о дохристианской письменности снова закономерно проникает в специальную литературу. Немалая заслуга в этом принадлежит С. А. Высоцкому, дискуссии, вызванной открытием азбуки в киевской Софии. Азбука, нацарапанная на стене Михайловского придела, состоит всего из 27 букв, из которых лишь четыре (Б, З, Ш, Щ) предназначены для звуков славянской речи. Это обстоятельство, так же как и необычный для славянских азбук порядок букв, дали основание С. А. Высоцкому утверждать, что софийская азбука представляет собой вариант греко-славянского письма с четырьмя добавочными буквами [7, с. 128—140; 8, с. 12—23, 223—240; 9, с. 74—83]. Однако такое объяснение необычной азбуки встретило решительные возражения со стороны лингвистов [10, с. 118—122; 11; 12, с. 192, 193].

Уникальность софийской азбуки, отсутствие письменных памятников, исполненных на ее основе, до сих пор оставляют ее интерпретацию дискуссионной.

Наиболее ранней (начало X в.) достоверной славянской надписью, найденной на территории Древней Руси, является широкоизвестная Гнездовская надпись. Ее первоиздатели не сомневались, что она выполнена кирилловским письмом, доказательством чего являлось наличие буквы «щ» (при чтении — «гороухща» — горькая пряность, горчичное семя) [13, с. 71—79]. Позднее были предложены новые прочтения и различная интерпретация надписи, так же как и некоторый пересмотр датировки комплекса (кург. № 13 Гнездовского могильника). Но несмотря на большой интерес ученых разных стран, который вызвала надпись, нельзя сказать, что прочтение ее и интерпретация полностью удовлетворительны. Существует несколько вариантов прочтения: гороухща, гороушна, гороунша гороух ѱа, гороун'а гороунща (горѫща). Различное прочтение предполагает и различное толкование надписи: как содержимое сосуда — нефть, горчичное семя или горчичное масло или как имя владельца корчаги. Бесспорным остается лишь положение, что надпись славянская, представляющая производное от глагола «горѣти» [14, с. 93, 94].

Проясняется вопрос с ее датировкой: анализ погребального инвентаря и обряда погребения свидетельствует о правильности первоначальной датировки кургана — первые десятилетия X в. [15, с. 74]. Но чтение и интерпретация надписи до сих пор остаются дискуссионными. Графические особенности надписи, ее краткость не позволяют пока дать ее достоверное прочтение и допускают различное истолкование смысла. Нет ясности даже относительно алфавита, которым выполнена надпись. Большинство исследователей считают ее кирилловской, другие полагают, что она выполнена греческими буквами. Л. П. Жуковская предприняла попытку применить софийскую азбуку, открытую С. А. Высоцким, для расшифровки Гнездовской надписи [16, с. 13]. Допуски при расшифровке касаются пропуска или обозначения специфически славянских знаков: глухих, передачи носового или йотованных. Поэтому логичным выглядит предположение, что Гнездовская надпись представляет вариант «неустроенного» славянского письма, в котором для передачи славянских звуков использовалось письмо или греческое, или вариант кириллицы [14, с. 94].

Таким образом, даже Гнездовская надпись, являющаяся фактическим доказательством использования письменности на Руси в начале X в., не дает точных данных о ее характере. Для решения этой проблемы требуются новые достоверные материалы. В этом плане трудно переоценить значение находок, сделанных в последнее время Новгородской археологической экспедицией. В. Л. Яниным опубликована статья «Археологический комментарий к Русской Правде» [17, с. 138—155]. Основанием для исследования явилась серия находок так называемых «цилиндров» с надписями и княжескими знаками. Первая находка из серии была сделана более 30 лет назад, но до последнего времени эти предметы оставались загадкой для археологов. Назначение деревянных цилиндров с двумя взаимно перпендикулярными каналами оставалось невыясненным, и только после находки некоторых из них с остатками деревянных пробок, забитых в поперечный канал, эти предметы получили, наконец, достоверное объяснение. В. Л. Янин предложил реконструкцию цилиндров как особых замков, гарантировавших сохранность ценностей в мешках, которые они запирали. Надписи называют принадлежность определенных сумм «емцу», «мечнику» или князю, а княжеские знаки дают основание связать эту категорию предметов с княжеским хозяйством. Такой комплексный анализ целой серии цилиндров (в настоящее время их найдено восемь) позволил не только дать убедительное объяснение их назначения, но и сделать важные исторические выводы относительно терминологии и содержания некоторых статей Русской Правды и системы княжеского фиска в новгородских землях X — XI вв. В результате В. Л. Янин доказал, что цилиндры маркировали мешки с долей доходов с верви, делив-

шихся, согласно нормам Русской Правды, между князем, церковью и княжеским доверенным лицом — вирником или мечником. На основании топографии находок цилиндров высказано предположение, что местная новгородская аристократия участвовала в сборе и распределении доходов, осуществлявшихся на основе кормлений, закрепившихся в дальнейшем за боярскими семьями на целые столетия [17, с. 150, 153]. Самостоятельное значение имеет проведенный попутно анализ форм княжеских знаков, встреченных на цилиндрах, что существенно дополняет наши знания в этой области. Определение княжеских знаков помогает значительно уточнить хронологию цилиндров; таким образом, цилиндр № 5 со знаком Владимира Святославича и цилиндр № 6 со знаком Ярополка Святославича отнесены ко времени их новгородских княжений — соответственно 970—980 и 977—980 гг. [17, с. 147—149].

Главное историческое значение находок цилиндров-замков В. Л. Янин видит в том, что они фиксируют применение запечатленных Русской Правдой принципов раздела государственных доходов во времена, отстоящие по крайней мере на полвека от первой его письменной фиксации. Из этого следует, что кодификации права, приходящейся на киевское княжение Владимира Святославича, предшествует более или менее длительный период внедрения новых правовых норм. В. Л. Янин считает, что для новгородских земель этим моментом можно считать установление погостов Ольгой в середине X в. [17, с. 153].

Трудно переоценить эти выводы, следующие из комплексного анализа цилиндров с надписями, не только для истории русского права, но и для процесса становления раннефеодальной государственности. Очевидно, нормы раздела государственных доходов между церковью (жречеством), князем и княжеской администрацией, отразившиеся в самых ранних находках и зафиксированные позднее Русской Правдой, были действенны и для других земель Русского раннефеодального государства.

Но хотелось бы обратить внимание на несколько иное направление в исследовании новгородских замков-цилиндров. Два древнейших цилиндра с надписями (№ 6 и 5) датируются по комплексу данных временем до официального принятия христианства. Тем самым надписи на них являются одним из немногих достоверных фактов использования письменности уже в это время и дают основания судить о ее характере. Поэтому необходимо рассмотреть надписи на этих двух цилиндрах именно с этой точки зрения.

Прежде всего еще раз вернемся к их датировке. Оба цилиндра найдены на Троицком раскопе в сходной стратиграфической ситуации: в слоях 22—25 строительных ярусов Черницыной улицы. Таким образом, стратиграфическая дата их по данным дендрохронологии довольно широка (973—1051 гг.). Наличие на цилиндре № 5 знака Владимира, хорошо известного по его монетам, позволяет отнести эту находку к ярусу 25 (973—991 гг.), тем самым к этому же ярусу относится и цилиндр № 6 со знаком, который В. Л. Янин определяет как знак Ярополка Святославича. Такая атрибуция подтверждается хронологией других находок со знаками Святослава и Владимира, в том числе и вне Новгорода [17, с. 148, 149].

Как видим, одна лишь стратиграфия не может хронологически разграничить дохристианский и более поздние периоды. Но сама категория находок, связывающая их со сбором и разделом государственных доходов, проводившихся от имени князя, позволила В. Л. Янину дать более точную датировку на основании исторических сведений. Владимир княжил в Новгороде с 970 по 980 г., но имел прямое отношение к новгородским доходам вплоть до 1014 г., так как правивший в это время в Новгороде Ярослав выплачивал отцу 2000 гривен ежегодно до самой его смерти. Но В. Л. Янин при этом специально замечает, что сборщики даней в Новгородской земле должны были собирать их уже от имени Ярослава и пользоваться его знаком, а не Владимира. Контекст сообщения об «уроках», выплачиваемых Ярославом в Киев, тоже свидетельствует, что они выплачивались от имени Ярослава: «Ярославу же сущу в Новгороде

и уроком дающе Киеву две тысячь гривне от года до года а тысячу гридем раздаваху» [18, с. 130].

Скорее всего и сбор дани, и ее раздел осуществлялись именно Ярославом (т. е. его доверенными лицами). Но если относительно цилиндра № 5 все же можно сделать предположение, хотя и маловероятное, о его более поздней дате, то по поводу цилиндра № 6 нельзя сделать даже такого допущения.

Как известно, посадники Ярополка появились в Новгороде в 977 г., когда Владимир «бежал за море» услышав, что Ярополк убил их брата Олега. Лишь в 980 г. Владимир вернулся в Новгород и отослал посадников Ярополка в Киев с объявлением войны: «Идите к брату моему и скажите: Владимир идет на тя». Война между братьями кончилась убийством Ярополка и единоличным правлением Владимира [18, с. 75]. Цилиндр-замок со знаком Ярополка нельзя датировать позже 980 г., так как сборщики даней не могли собирать их от имени умершего князя. Таким образом, датировка двух древнейших цилиндров, предложенная В. Л. Яниным, сомнений не вызывает. Следовательно, и надписи на них по крайней мере на 10 лет опережают официальную дату крещения и принятия письменности. Этот хронологически небольшой отрезок времени важен именно с этой точки зрения, так как обычно появление письменности на Руси связывается с принятием христианства и ставится в прямую зависимость от государственных мероприятий Владимира.

Между тем надписи на цилиндрах, относящихся ко времени новгородских княжений Владимира и Ярополка, свидетельствуют об использовании письменности в среде княжеской администрации в языческое время. Именно в эти годы Владимир, получив киевский стол, предпринимает попытку обновления языческого культа, устанавливая «кумиры на холме», а его дядя Добрыня, вернувшись в Новгород, тоже ставит «кумира над рекою Волховом и жряху ему людье Новгородские яко Богу» [18, с. 79].

Конечно, это не значит, что христианство не могло быть известно жителям Новгорода ранее официального крещения. В I новгородской летописи сведения о поставлении архиепископа в Новгороде помещены под 6497 (989) годом, в то время как по данным Иоакимовской летописи крещение новогородцев Добрыней и Путятой было насильственно проведено в 991 г. Е. Голубинский не видел противоречия в этих сообщениях, считая, что епископ должен быть послан в Новгород заранее для проповеди новой религии и подготовки жителей к крещению [19, с. 170—175].

Некоторые археологические данные подтверждают рассказ Иоакимовской летописи и в свою очередь свидетельствуют о наличии христианской общины в Новгороде до официального крещения [1]. Но важно то, что во время, когда официальной государственной религией было язычество, в системе государственного фиска используется письменность, о чем свидетельствуют надписи на замках-цилиндрах. Именно в этом плане надписи заслуживают дополнительного рассмотрения.

На цилиндре № 5 помимо изображения княжеского знака и меча тщательно вырезана надпись в шесть строк, утрачены концы четвертой и пятой строк. В. Л. Янин предложил следующее прочтение, восстановив утраченные буквы в четвертой строке: мєцъѵнц/ъ мѣхъ в/ъ тнхъ м(ѧ)тѣ[хъ] полътвъцъ (рис. 1). Термин «мечник» он объяснил в административно-должностном смысле, мех в данном контексте — мешок, слово «меты» — как метка, знак, клеймо, Полтвец — имя мечника в притяжательной форме от Полотва или Полотвица (Плотвица). Таким образом, надпись означает: мечнич мех в тех метах, Полотвец — цилиндр маркировал завязанный мешок с долей доходов, предназначавшихся мечнику по имени «Полтвица» (Плотвица). Такое прочтение и истолкование в целом не вызывает возражений. Хотелось бы, учитывая важность этой

[1] Сведения из доклада В. Л. Янина «Археологические исследования Новгорода за 50 лет» на научной сессии в МГУ, посвященной 80-летию со дня рождения А. В. Арциховского, в декабре 1982 г.

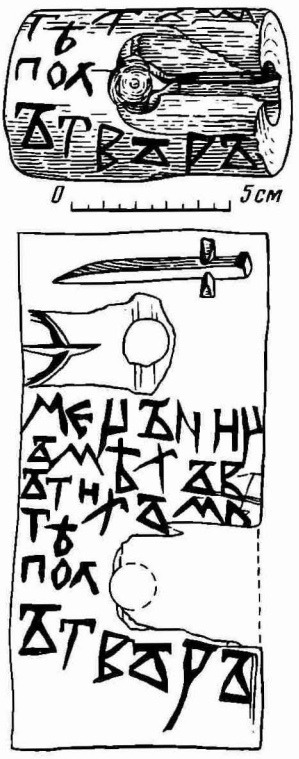


Рис. 1

Рис. 3

Рис. 2

Рис. 1. Прорись надписи на цилиндре № 5

Рис. 2. Надпись на цилиндре № 5 (фрагмент)

Рис. 3. Прорись надписи на цилиндре № 6

надписи для истории русской письменности, остановиться на возможных разночтениях и ее палеографических и фонетических особенностях.

Прежде всего возможно иное прочтение слова мѧтѣхъ — метах. В этом слове повреждена вторая буква, сохранившиеся ее черты отличаются и от верхней части ѧ и от є, встретившихся в надписи. К тому же это слово (мѣта), известное по памятникам XVI — XVII вв., пишется через ѣ [20, с. 277]. Скорее всего сохранившиеся штрихи можно понять как верхнюю часть буквы «О»; таким образом, это слово может быть прочитано как «мотѣ(хъ)» — им. п. мн. ч. м. р. от слова «мот», известного по относительно поздним памятникам в значении «часть пряжи, смотанная на пятину или мотовило» [20, с. 277], близком к современному — «моток». Значение этого слова, как и прочтение, до конца не ясно. Возможно, оно близко к современному от способа завязывания (заматывания) мешка с помощью замка-цилиндра. Форма окончания «мотѣхъ» вместо ожидаемого «мѣтѧхъ» говорит в пользу такого прочтения. Последние две буквы в этом слове восстановлены по контексту. Если допустить, что в четвертой строке находились эти две утраченные буквы (хъ), то не исключена иная возможность прочтения и последнего слова. Мы вправе ожидать, что и в пятой строке под ними были написаны две-три буквы (конец четвертой и пятой строк утрачен). Имя «Плотвица» (Полтвица) вполне вероятно, но если учесть, что в древнерусском языке был широко распространен счет половинами, то напрашивается и другое прочтение этого слова: как числительного, записанного словами. Сохранившиеся буквы последнего слова читаются так: пол _ / ѣтвѣѵѣ (черточками отмечено предполагаемое количество утраченных букв). Предпоследняя буква прочитана как ѵ («червь», рис. 2). Необычным является ее длинный вертикальный стержень, далеко выходящий в нижнее межстрочное пространство, и чашечка в виде «расщепа», тогда как традиционным для ранних памятников является «червь бокальчиком» [21, с. 115]. В данной надписи эта форма могла появиться как особенность вырезания по дереву, но обращает на себя внимание, что по верхнему краю буквы проходит граница утраты дерева, поэтому можно прочесть ее как «р», у которой утрачен верхний штрих головки. При таком прочтении слово приобретает следующий вид: пол_ _ѣтвръ, в реконструкции: пол[ъц]ѣтвръ [тѣ], для последних двух букв, вероятно, не хватило места. Таким образом, это слово можно понять как числительное: «мех... полчетвертной», или «мех...(в) полчетверть». Как и всякая реконструкция, это прочтение лишь дает предполагаемый вариант. Подкрепляет ее то обстоятельство, что на всех цилиндрах-замках с надписями помимо принадлежности указывается количественное или стоимостное обозначение содержимого: «емца три гривны» — цилиндр № 1; «емца десять гривен» — № 4; на цилиндре № 2 помимо указания — княж(е) — количество каких-то ценностей отмечено зарубками, вероятно, количество гривен (?) записано на цилиндре № 6 [17].

Таким образом, предполагаемая реконструкция вполне вероятна. Противоречит ей предполагаемое написание «полъцътвъртъ», с ъ, тогда как в старославянских и древнерусских памятниках слово «четыре» встречено в форме *ѵєтъıрє — с є, хотя некоторые исследователи и высказывали мнение о праславянской форме *čьt — čьtyr [22, с. 352]. Однако известны западно-славянские формы этого слова с редукцией первого гласного [23, с. 94], что дает основания предположить если не отражение праславянской формы, то промежуточную стадию редукции гласного. Контекст, лакуна в конце четвертой строки, распространенная система счета сыпучих тел четвертями вполне допускают именно такую реконструкцию.

Четверть как мера сыпучих тел в древней Руси составляла четвертую часть кади, которая делилась по системе двух на два половника, на четыре четверти, на восемь осмин. Помимо кади существовала и специально новгородская система меры сыпучих тел — «коробья», которая также делилась на четыре четверти [24, с. 30, 52]. Довольно часто обе меры встречаются в новгородских берестяных грамотах. А. В. Арциховский в комментарии к грамоте № 161 писал, что исчисление в кадях является более

архаичным, так как в новгородских летописях «кадь ржи» упоминается в 1170 г., а «коробья» — с 1445 г. [25, с. 45, 46]. К настоящему времени известны и более ранние упоминания коробьи в берестяных грамотах — начиная с рубежа XIII — XIV вв. (грамота № 196). В коробьях измерялись рожь, овес, пшеница, соль. Трудно сказать, что находилось в «мехе мечника», как и трудно определить реальный вес содержимого, так как неизвестно «полчетверть» — восьмую часть коробьи или кади оно составляло. Но если трудно определить реальный вес меха, то само определение «мех полчетвертной», или мех «в полчетверть» вполне вероятно. Термин «мех осминный» как тара и торговая мера сыпучих и жидких тел упоминается в источниках XVII — XVIII вв. [20, с. 130, 131]. Таким образом, возможно и такое прочтение надписи: мечнич мех (в) полчетверть в этих мот(ех).

Несмотря на относительную краткость, она отличается характерными палеографическими данными, хотя, конечно, нужно учитывать особенности вырезания по дереву, из-за чего некоторые буквы могли получить своеобразные (угловатые) начертания. Этим же объясняется невыдержанная линия строки и различные варианты начертания одной и той же буквы. Дважды в надписи встречено «Ц», в первом случае «хвост» ее выходит в нижнее межстрочное пространство, во втором — верхняя часть относительно невелика и вся буква почти целиком умещается в строке. Последняя форма характерна для древнейшей кириллицы. К этому же времени принадлежит «В» с равновеликими петлями. Характерно начертание М с наклонными одна к другой мачтами и остроугольной серединой, высоко поднятой над уровнем строки. Эта очень редкая форма: единственную аналогию представляют М в надписях на златниках и некоторых сребрениках Владимира I типа [26, с. 368; 27, табл. 1, рис. 15; 28, № 1—4], встречается изредка близкая форма и на сребрениках других типов. Отличие этой буквы в надписи на новгородском цилиндре № 5 — более широко расставленные мачты с большим наклоном к центру. На сребрениках же встречается и близкая форма є [28, № 7—8; 29, № 23], но в надписи на цилиндре более резко выделен перелом в центральной части буквы, может быть из-за особенностей вырезывания по дереву. Особенное начертание имеет ѕ, последовательно (во всех восьми случаях) верхний горизонтальный штрих буквы выдвинут далеко вправо, почти как «коромысло» в мачте ѣ. При этом в четырех случаях буква имеет очень крупную петлю, почти примыкающую к верхней горизонтальной линии. Такая форма, может быть, объясняет появление загадочного знака на сребрениках I типа в виде ⅄, где он замещает «ять» и «ер» [28, № 3, 4, 6]. Объяснить появление этого знака на монетах можно тем, что в протографе легенды был изображен ѕ формы, близкой к новгородской надписи — с большой петлей и сдвинутой вправо горизонтальной чертой, что делало его похожей на ѣ. Отсюда при копировании и получился загадочный знак (⍋ = ѣ = ⅄)

Но ѣ в новгородской надписи 1 раз вырезан с маленькой округлой петлей и коромыслом ниже уровня строки, другой — с треугольной петлей и коромыслом на уровне строки; Н — с горизонтальной перекладиной, своеобразен Х — в виде вертикальной черты, перечеркнутой наклонно. В целом, несмотря на своеобразие, надпись по палеографическим приметам близка к надписям на древнейших монетах: златниках и сребрениках (особенно к I типу), что лишний раз подтверждает ее датировку.

В надписи нашло отражение новгородское «цоканье» — бесспорно употреблено «Ц» вместо «Ч» 2 раза в первом слове. Исследователи считают, что «цоканье» — несомненно, древнее диалектное явление, хотя проявляется оно в рукописных памятниках только в конце XI в. Отражение этой диалектной черты в надписи конца X в. — фактическое доказательство этого положения. Написание «Н» вместо ѣ (ТНХЪ) — также диалектная черта, известная по новгородским памятникам XI в. [30, с. 263, 169]. Таким образом, перед нами надпись, в которой ярко проявилось новгородское произношение, что скорее всего говорит о новгородском происхождении ее автора. Надпись отличается и определенными графическими

особенностями, в ней используется только один знак ъ для обозначения обоих глухих: бесспорно — 2 раза в первом слове вместо ѣ (мєцѣнцъ), возможно — 2 раза в последнем слове, при любом варианте прочтения,— для короткой надписи «одноеровая» графика засвидетельствована довольно убедительно. Это явление уже имеет другие причины, на которых остановимся позднее . Сейчас же нужно подчеркнуть, что надпись на цилиндре, датированном 970—980 гг., безусловно кирилловская, относится к так называемым «одноеровым» памятникам, выполнена скорее всего жителем новгородской земли.

Надпись на втором древнейшем цилиндре (№ 6) со знаком Святополка (рис. 3), к сожалению, сохранилась плохо. В. Л. Янин предложил следующее прочтение: ВЪ ѲН/ГРНNЪ_ _ _ $\widehat{\text{ГРН}}$ (лигатуры ТР, НN, РН), с двумя вариантами перевода: В 9—Н гри(в)не(хъ) гри(вна), т. е. в мешке, запечатанном с помощью этого цилиндра, находятся девять гривен, из которых восемь предназначены одному лицу, а девятая — другому, вероятное мечнику. Этот вариант прочтения подкрепляется совпадением пропорций раздела, указанной статьей 82 Пространной Правды, где «5 кун мечника составляют восьмую часть от 40 кун князя». Как менее вероятный перевод предлагается другой вариант: «В 9 и гривне гривна» т. е. в 10 гривнах 9 принадлежит одному лицу, а десятая — другому, соответственно статье Церковного устава Владимира: «С суда давати 9 частей князю, а 10-я святей церкви» [17, с. 147].

Данная надпись очень трудна для понимания из-за плохой сохранности, затрудняет ее прочтение и наличие необычных лигатур, неожиданное для столь ранней надписи. Вероятно, нельзя дать достоверное ее истолкование, но все же хотелось бы обратить внимание на некоторые сомнения и возможные варианты чтения.

В первой строке отчетливо читаются две буквы, вѣ, и последняя, Н. Предпоследняя буква может быть прочитана как Ѳ, но поперечная ее линия едва просматривается. Во второй строке первая лигатура повреждена, чтение следующей вероятно, конечное ѣ, при современном состоянии цилиндра просматривается плохо. В начале третьей строки — утрата дерева, затем В. Л. Яниным прочитаны три буквы под титлом $\widehat{\text{ГРН}}$ с лигатурой Р + Н (гривен). Основные затруднения вызывает чтение второй строки. Необычна лигатура — Г + Р (первая буква дана на прориси едва заметным штрихом), вызывает сомнение и форма буквы Р — с округлой головкой во всю высоту строки, в то время как в последней строке она другой формы — с маленькой треугольной головкой и целиком умещается в строке. По сохранившимся штрихам, зафиксированным прорисью, эту предполагаемую лигатуру скорее всего можно принять за букву «Ф». Буквы ѲН, или ОН в конце первой строки могут быть цифровым обозначением, но могут означать и начало слова, так как титло над ними отсутствует. Таким образом, в надписи читается ВЪ (Ѳ)Н (Ф)Н ( ) _ _ ГРН — начало и конец более или менее ясны, достоверное прочтение середины, вероятно, невозможно. Но надпись, безусловно, кирилловская. Если судить по сохранившимся ее фрагментам и надписям на цилиндре № 5, в ней должны быть указаны название самого мешка (меха) или цилиндра-замка и количество гривен, вероятно, в начале третьей строки (на месте утраты дерева). Поэтому можно предпринять попытку прочтения трудного места в надписи как буквенную запись какого-то слова, а не цифровую. Но, как известно, в древнерусском языке X — XI вв. отсутствовал звук «Ф», хотя в кирилловской азбуке, принятой на Руси, были буквы Ф (ферт) и Ѳ (фита), которыми обозначался звук «Ф» в словах, заимствованных из греческого. Поэтому если считать букву Ѳ началом какого-то слова, то оно должно быть скорее всего заимствованным. При передаче звуков (Ѳ и Ф) возможны были ошибки, иногда Ѳ использовалась славянами для передачи и Ф, и Т, а иногда и П [31, с. 97]. В таком случае не исключено, что слово ѳнрнпѣ означает «пнрнпѣ» — от греческого слова (pira) — сума, котомка. Это слово известно уже древнейшим старославянским и древнерусским памятникам [32, стб. 932]. По смыслу надписи такое прочтение подходит, но сложные допущения: передача П через Ѳ,

наличие заимствованного слова, необычная лигатура (см. выше) хотя и вероятны, но делают такое прочтение малоубедительным. Можно лишь предположить, что в надписи идет речь о каком-то количестве гривен, находящихся в мешке (суме?), опечатанном с помощью замка-цилиндра.

Плохая сохранность надписи не дает возможности дать более обоснованное чтение, но, несмотря на это, ясно, что она выполнена кириллицей. Палеографические наблюдения также затруднительны. Можно отметить «геометрический» стиль письма, характерный для древнейших памятников. Буква В отличается почти равновеликими петлями, ъ — с правильной треугольной петлей, перекладина Н—горизонтальна, N — в виде латинского, с наклонной линией, доходящей до низа правой мачты, ѣ — в строке, Р — с треугольной головкой целиком умещается в строке. Неожиданным является значительное количество лигатур: Н + N, Р + Н, Г + Р, причем только первая из них является традиционной. Лигатуры в этой надписи, датируемой концом X в., заставляют с большей вероятностью говорить о возможности чтения лигатуры в Гнездовской надписи. Но следует еще раз подчеркнуть, что плохая сохранность надписи на цилиндре № 5 не дает полной уверенности в правильности ее прочтения.

Независимо от некоторых сомнений и предложенных уточнений в прочтении надписей на древнейших цилиндрах нужно отметить, что они не меняют общего смысла пояснительных надписей и объяснения назначения цилиндров. Эти надписи — документальное свидетельство использования кириллицы в государственном фискальном аппарате Древней Руси до официального принятия христианства и письменности. Надпись на цилиндре № 6 сохранилась плохо, но в надписи на цилиндре № 5 отразились как новгородские диалектологические особенности, так и определенные графические: использование одного знака ъ для обозначения обоих редуцированных.

Эта особенность заставляет вспомнить еще одну недавнюю новгородскую находку — древнейшую азбуку на бересте (грамота № 551). Эта грамота была найдена в 1981 г. в слоях, датированных не позже первой половины XI в. В предварительном сообщении В. Л. Янин как главную ее особенность отметил наличие только одного редуцированного — ъ и отсутствие некоторых других букв: ъі, Ю, Щ. В начале азбуки пропущены еще три буквы — Н, І, К, а буквы Л и М обменены местами. По убедительному предположению В. Л. Янина, это объясняется тем, что при написании букв автор азбуки произносил про себя их названия, и, изобразив «земля», машинально написал за ней те согласные, которые следовали за ней в этом слове. Но отсутствие других букв в азбуке, как отмечает В. Л. Янин, нельзя объяснить ни нехваткой места (его на большом листе бересты более чем достаточно), ни плохим знанием азбуки. Дело в том, что в слое начала XII в. в 1969 г. была найдена еще одна азбука (грамота № 460), и в ней отсутствуют те же самые буквы. Именно это обстоятельство позволило В. Л. Янину утверждать, что в обоих случаях необычный состав азбук — не случайность, а отражение того раннего этапа, когда славянская азбука не сформировалась окончательно [2] [33, с. 34—36].

Находка двух новгородских азбук, разделенных территориально и хронологически, представляет те необходимые доказательства неслучайного характера появления азбуки сокращенного состава, каких не хватает киевской находке (азбуке, обнаруженной С. А. Высоцким). В связи с новой находкой В. Л. Янин высказал предположение, что и киевская азбука демонстрирует использование на Руси иной азбучной системы, максимально приближенной к системе греческого алфавита, наличие разных вариантов азбук в ранний период бытования кирилловского письма 33, с. 35, 36].

Сразу нужно отметить, что так называемые «одноеровые» памятники известны уже давно, причем встречаются они как у южных славян, так

[2] Доклад В. Л. Янина на сессии в МГУ, посвященной памяти А. В. Арциховского, в декабре 1981 г.

и на Руси. Исследователи по-разному объясняют происхождение одноеровых памятников и время их появления. В то время как некоторые ученые в использовании одного редуцированного видят сравнительно поздние языковые явления, другие склонны считать, что именно «одноеровость» — явление, характерное для первоначальной кириллицы [34, с. 51, 52].

К настоящему времени можно считать доказанным, что помимо одноеровых среднеболгарских памятников письменности существует сравнительно большое количество старославянских (и глаголических, и кирилловских), появление которых возможно отнести к более древней эпохе — к X — XI вв., а по мнению некоторых исследователей, даже к IX — X вв. [35, с. 24—28].

Для одноеровых памятников характерны две главные графико-орфографические особенности: 1. Почти исключительное использование одной буквы для обозначения редуцированного — либо ъ либо ь 2. Ограниченный состав йотированных букв [36, с. 97]. Состав йотированных букв в каждом памятнике свой, для некоторых присущи и другие отличия: использование двух форм юса малого, наличие или отсутствие ѱ, особенности начертания ъı и т. д. Но первые две особенности присущи всем одноеровым памятникам.

Рассмотрим с этой точки зрения обе новгородские азбуки (XI в.— грамота № 551 и XII в.— грамота № 460). Обе объединяют следующие черты: из редуцированных в наличии только ъ, отсутствует ъı, ограничен состав йотированных — в азбуке XI в. только ѩ, а в азбуке XII в.— только Ю, в обеих один знак для юса малого, в обеих имеется «ижица». Но несмотря на почти полное совпадение букв и их порядка, между этими азбуками наблюдаются и различия. В азбуке XI в. отсутствуют θ, ѱ, ξ, ѱ, ѡ. Вероятно, не имеет существенного значения замена ѩ на Ю в азбуке XII в., так как на русской почве в древнейшей азбуке ѩ должен был обозначать именно Ю. Но другие несовпадения требуют выяснения. Можно объяснить появление ѱ в азбуке XII в. как сравнительно позднюю черту. Но бросается в глаза отсутствие следующих букв, а именно θ, ѡ, ξ, ѱ, т. е. в азбуке XI в. отсутствуют буквы, специально предназначенные для обозначения цифр и почти не употреблявшиеся для письма: для всех из них есть дублеты (Ф, О, кс, пс), использовавшиеся для обозначения звуков. Из этого следует вывод, что азбука XI в. (грамота № 551) включала лишь буквы, предназначенные для письма, в то время как азбука XII в. (грамота № 460) включала в себя и буквы-цифры, за исключением Ф — на его месте Θ.

На первый взгляд нарушает указанный порядок лишь наличие «зело» в форме буквы «земля», перечеркнутой поперечной чертой. На русской почве «зело» использовалось для обозначения цифры 6 (в начертании S). Но в старославянском (древнеболгарском) языке существовал звук «дз», который на письме передавался буквой «зело». Наличие этого знака в новгородской азбуке XI в. указывает на болгарский источник, где этот знак использовался для обозначения сложного звука «дз». Таким образом, обе новгородские азбуки — азбуки особого состава, отражающие графические особенности, характеризующие так называемые «одноеровые» памятники. Но древнейшая азбука не включает буквы, обозначающие цифры, азбука XII в.— более полная, в ее состав включены и буквы для обозначения цифровой системы (за исключением Ф). Надпись на цилиндре № 5 демонстрирует ту же особенность, что и древнейшая азбука — использование одного ъ для обозначения обоих редуцированных звуков. Хотя в этой надписи нет примеров с йотированными буквами, все же мы вправе отнести ее к одноеровым памятникам.

Нельзя сказать, что одноеровые памятники не были известны на Руси. Исследователи выделили по этому признаку некоторые рукописи русской редакции, относящиеся к XI в. [36, с. 96—99]. В последнее время Л. П. Жуковская выдвинула гипотезу о том, что одна из одноеровых рукописей русской редакции — кириллическая часть Реймского евангелия — написана в первой половине XI в., т. е. раньше, чем древнейшая русская

датированная рукопись — Остромирово евангелие [16, с. 22, 23]. Есть одноеровые древнейшие берестяные грамоты: давно уже отмечено, что в берестяной грамоте № 109, хотя она в целом отражает сохранение редуцированных, используется только один знак ъ, при этом отсутствуют йотированные (по крайней мере ѥ) [37, с. 98, 99]. Среди новгородских надписей-граффити одноеровая графика проявилась в надписи № 145, содержащей сравнительно длинный текст. По палеографическим данным и архитектурной истории Софии Новгородской эта надпись датируется второй половиной XI — рубежом XI — XII вв. В надписи последовательно сохраняются редуцированные, но для их обозначения используется только ъ. При публикации надписи было высказано предположение, что графическое совпадение редуцированных произошло благодаря отчеркиванию верхней части ѣ, характерному и для других букв [38, с. 98]. Однако открытие одноеровых памятников письма русской редакции заставляет пересмотреть это утверждение и отнести эту надпись к одноеровым. В ней проявились и другие особенности этой графической системы, а именно отсутствует ѥ. Таким образом, одноеровая графическая система нашла свое отражение и в древнейших памятниках эпиграфики, и в рукописях XI в.

Надписи на цилиндрах № 5 (и № 6, где прочитан ъ в предлоге, примеров с ѣ нет) ставит ряд важных вопросов о времени появления кириллицы на Руси, ее буквенного состава и источников заимствования. Хотя сразу нужно отметить, что эти вопросы не могут быть сейчас решены окончательно, но новгородские находки дают первые фактические данные, чтобы эти вопросы поставить. Надписи на древнейших цилиндрах, некоторые берестяные грамоты и граффити представляют комплекс новгородских памятников «одноерового» типа, появление которых, судя по надписи на цилиндре № 5, следует отнести к дохристианскому времени.

При всей гипотетичности и незначительном количестве имеющихся фактов они позволяют сделать некоторые предположения о пути проникновения кириллицы на Русь. Древнейшая надпись этого типа (цилиндр № 6) относит использование ее к новгородскому княжению Ярополка Святославича. Отметим, что по некоторым данным именно с этим князем связывается начало русского летописания [39, с. 185]. Сопоставляя эти данные и новгородские находки, мы можем утверждать, что по крайней мере при старшем сыне Святослава в среде княжеской администрации использовалась письменность кирилловского типа. Очевидно, Новгород не был исключением: специфически новгородские условия сохранности культурного слоя донесли до нас следы этой письменности на деревянных замках-цилиндрах, но можно предполагать, что система учета и сбора даней, как и использовавшаяся при этом письменность, была в основном единой для всего раннефеодального древнерусского государства.

Сторонники раннего проникновения письменности (до официального крещения) традиционно связывают ее с распространением на Руси христианства, с наличием в Киеве христианской общины и, в частности, с принятием христианства Ольгой — матерью великого князя. Безусловно, распространение христианской религии приобщало население Руси к письменности и к обширной богослужебной литературе на славянском языке. Но нужно подчеркнуть, что известные до сего времени памятники эпиграфики свидетельствуют об использовании письменности в первую очередь в государственной жизни, в частности в системе государственного фиска. Вероятно, и в более раннюю эпоху, как следует из литературных источников, письменность использовалась в дипломатии и торговле.

Можно предположить, что после просветительской миссии Кирилла и Мефодия (середина IX в.) славянская письменность начинает проникать и на Русь. Но бесспорных фактов, и в первую очередь памятников эпиграфики этого времени, до сих пор не обнаружено. С уверенностью можно связать более широкое использование кирилловской письменности с эпохой Святослава, со временем его Дунайских походов (70-е годы X в.). К этому времени славянская письменность в Болгарии прошла уже значительный путь развития и славянский язык был здесь не только госу-

дарственным языком, но и языком официальной религии — христианства. Деятельность древнейших религиозно-литературных центров в Болгарии по пропаганде славянской письменности, по переводу на славянский язык греческой богослужебной литературы, по обучению грамоте продолжалась к этому времени почти столетие, а грамотность, судя по памятникам эпиграфики, получила уже значительное распространение и в более демократической среде. В таких условиях, при тесных административных, военных, культурных и особенно торговых контактах, знакомство Руси с письменностью на языке, чрезвычайно близком, было просто неизбежным. Об этом и свидетельствуют первые бесспорные кирилловские надписи, найденные в Новгороде, относящиеся к годам правления сыновей Святослава — Святополка и Владимира. Тот факт, что эти надписи являются так называемыми «одноеровыми» памятниками, имеет самостоятельное значение для датировки болгарских памятников этой школы, датируя последние временем не позже 70-х годов X в. Конечно, находка древнейших «одноеровых» кирилловских надписей не исключает того, что на Руси в это время была известна кириллица в более развитой системе. Можно надеяться, что новые находки помогут более достоверно осветить вопросы, относящиеся ко времени проникновения письменности на Русь и ее источников. Сейчас же мы вправе отметить, что государственные реформы Владимира по принятию славянской письменности, как это уже отмечалось для самого христианства, были подготовлены более или менее длительным периодом практического ее использования.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Истрин В. А.* Развитие письма. М.: Изд-во АН СССР, 1961.
2. *Рыбаков Б. А., Янин В. Л.* По поводу так называемых открытий Н. В. Энговатова.— СА. 1960. № 4.
3. *Иванова Т. А.* Вопросы возникновения славянской письменности в трудах советских и болгарских ученых за последнее десятилетие (1950—1960).— Изв. АН СССР. Отд. лит. и языка, 1963, т. XXII, вып. 2.
4. *Жуковская Л. П.* Поддельная докириллическая рукопись. (К вопросу о методе определения подделок).— ВЯ, 1960, № 2.
5. *Буганов В. И., Жуковская Л. П., Рыбаков Б. А.* Мнимая древнейшая летопись.— Вопр. истории, 1977, № 6.
6. *Борковский В. И., Кузнецов П. С.* Историческая грамматика русского языка. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
7. *Высоцкий С. А.* Древнерусская азбука из Софии Киевской.— СА, 1970, № 4.
8. *Высоцкий С. А.* Средневековые надписи Софии Киевской. Киев: Наук. думка, 1976.
9. *Висоцький С. О.* Азбука з Софійському собору в Києві та деякі питання походження кирилиці.— Мовознавство, 1976, № 4.
10. *Иванова Т. А.* Об азбуке на стене Софийского собора в Киеве.— ВЯ. 1972, № 3.
11. *Иванова Т. А., Рождественская Т. В.* Новое исследование о граффити Киевской Софии (рец.).— Вестн. ЛГУ, 1979, № 2.
12. *Филин Ф. П.* Истоки и судьбы русского литературного языка. М.: Наука, 1981.
13. *Авдусин Д. А., Тихомиров М. Н.* Древнейшая русская надпись.— ВАН, 1950, т. IV.
14. *Медынцева А. А.* Начало письменности на Руси по археологическим данным.— Доклады советской делегации на IX Международном конгрессе славистов. М.: Наука, 1983.
15. *Авдусин Д. А., Пушкина Т. А.* Гнездово в исследованиях Смоленской экспедиции.— Вестн. МГУ. История, 1982, № 1.
16. *Жуковська Л. П.* Гіпотези й факти про давньоруську писемність до XII ст.— В кн.: Літературна спадщина Київської Русі. Українська література XVI—XVIII ст. Київ: Наук. думка, 1981.
17. *Янин В. Л.* Археологический комментарий к Русской Правде.— Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М.: Наука, 1982.
18. ПСРЛ, 1962, т. 1.
19. *Голубинский Е.* История русской церкви. Т. 1. Первая половина тома. М., 1901.
20. Словарь русского языка XI—XVII вв. Т. 9. М.: Наука, 1982.
21. *Щепкин В. Н.* Русская палеография. М.: Наука, 1967.
22. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. IV. М.: Прогресс, 1973.
23. Этимологический словарь славянских языков. Т. 4. М.: Наука, 1977.
24. *Каменцева Е. И., Устюгов Н. В.* Русская метрология. М.: Высш. школа, 1975.
25. *Арциховский А. В., Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.). М.: Изд-во АН СССР, 1958.
26. *Толстой И. И.* Древнейшие монеты X—XI вв.— ЗОРСА. Нов. сер., 1893, т. VI.
27. *Толстой И. И.* Древнейшие монеты великого княжества Киевского. Спб., 1882.
28. *Сотникова М. П.* Сребреники киевского клада 1876 г.— НиС, 1968, вып. 3.

29. *Сотникова М. П.* Нежинский клад серебреников 1852 г. (реконструкция состава).— НиС, 1971, вып. IV.
30. *Филин Ф. П.* Происхождение русского, украинского и белорусского языков. М.: Наука, 1972.
31. *Селищев А. М.* Страославянский язык. Ч. 1. М.: Учпедгиз, 1951.
32. *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Т. II. Спб, 1895.
33. *Янин В. Л.* Берестяные грамоты древнего Новгорода.— Наука и жизнь, 1982, № 3.
34. *Гълъбов И.* Старобългарски език с увод в славянското езикознание. София, 1980.
35. *Добрев И.* Съдержа ли Македонският кирилски лист откъс от произведения на Константин Философ — Кирил за преводческото изкуство? — Старобългарска литература, 1981, кн. 9.
36. *Тот И.* К палеографии одноеровых памятников XII в.— Славянская палеография и дипломатика. София, 1980.
37. *Жуковская Л. П.* Новгородские берестяные грамоты. М.: Учпедгиз, 1959.
38. *Медынцева А. А.* Древнерусские надписи новгородского Софийского собора. М.: Наука, 1978.
39. *Рыбаков Б. А.* Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. М.: Изд-во АН СССР. 1963.

A. A. Medyntseva

NOVGORODAN FINDS AND PRE-CHRISTIAN RUSSIAN WRITING

Summary

The author deals with the date writing first emerged in Rus and discusses its character. She bases her investigations on Cyrillic inscriptions found on pre-Christian cylindrical locks from Novgorod, offers several variants of their interpretation, gives their linguistic and palaeographic analysis which, combined with other written monuments, has led the author to conclude that the Cyrillic writing was regularly used in Rus prior to 988, in the period of Svyatoslav's and his sons' rule.

КОВАЛЕНКО В. П., ШЕКУН А. В.

ЛЕТОПИСНЫЙ ЛИСТВЕН

(к вопросу о локализации)

Изучение древнерусских городов по-прежнему является одной из важнейших задач советской археологии. Исходной точкой в изучении древнерусского города зачастую служит локализация географических названий, сохранившихся в письменных источниках. Одним из летописных городов, локализация которого до сих пор спорна, является город Листвен, упомянутый в «Повести временных лет» под 1024 г. в связи с битвой между Ярославом и Мстиславом Владимировичами [1, стб. 134—136]. Несмотря на то, что дискуссия по этому вопросу длится уже около 200 лет, исследователи все еще не пришли к единому мнению. Так, историки XIX в. для локализации названий летописных населенных пунктов «в большинстве случаев пользовались способом, состоявшим из двух последовательных приемов. Их можно охарактеризовать как ориентировочный и условно-топонимический приемы. По данным источника приблизительно определялся район нахождения города и затем по карте или спискам населенных мест находился топоним, созвучный или тождественный летописному» [2, с. 21]. Однако неподалеку от Чернигова расположены два населенных пункта с названиями, тождественными летописному: села Великий Листвен Городнянского района и Малый Листвен Репкинского района [3, с. 264, 588]. Некоторые исследователи для определения местонахождения летописных городов уже с конца XVIII в. обращали внимание на существование в месте поисков городищ и курганов. Однако в окрестностях обоих упомянутых сел имеются и городища, и курганы.

Видимо, именно поэтому мнения и дореволюционных, и советских исследователей разделились: одни — М. Н. Погодин [4, л. 70, 71, 77, 78, 85, 86], Н. П. Барсов [5, с. 114; 6, с. 172], К. А. Неволин [7, с. 432, 433], Филарет [8, с. 248—250], М. Грушевский [9, с. 19], Е. А. Рыдзевская [10, с. 231], Б. А. Рыбаков [11, с. 30], И. М. Шекера [12, с. 113] и др.— отождествляли летописный Листвен с сел. Великий Листвен Городнянского района; другие — Н. Марков [13, с. 166—168], П. В. Голубовский [14, с. 19, 20], А. Н. Насонов [15, с. 226], А. К. Зайцев [16, с. 78] и др.— с сел. Малый Листвен Репкинского района. Сторонники обеих теорий приводили разнообразные аргументы и соображения, однако крайняя фрагментарность летописных данных заставила еще А. Шафонского признать, что «нет никаких описаний, которое из сих двух сел было местечко Листвено» [17, с. 198].

Действительно, летописная статья 1024 г. не содержит прямых указаний на место расположения Листвена. Однако тщательный анализ письменных источников и политической ситуации, сложившейся на Руси накануне Лиственской битвы, позволяет все же сделать некоторые выводы.

После нескольких лет ожесточенной борьбы за Киев между сыновьями Владимира Святославича в 1019 г. великокняжеский стол занял Ярослав Мудрый. К этому времени большинство Владимировичей погибли в междоусобицах или занимали второстепенные столы и в общерусских делах активного участия не принимали [18, с. 57; 19, с. 259]. Единственным соперником Ярослава и претендентом на великокняжеский стол мог быть только энергичный Мстислав Владимирович Тмутараканский, проводивший активную политику по расширению своих владений [1, стб. 134]. В 1023 г., как сообщает В. Н. Татищев, «Мстислав посылал к Ярославу, прося у него части в добавок из уделов братних, которыми он завладел.

И дал ему Ярослав Муром, чем Мстислав не хотя быть доволен, начал войско готовить на Ярослава, собрав своих, а к тому козар и косог присовокупя ожидал удобного времени» [20, с. 76].

Такая возможность представилась в 1024 г., когда Ярослав подавлял восстание волховов в Суздальской земле. Как сообщает Густинская летопись, «прийде Мстислав со множеством вой ко Киеву, но кияне не приняша его...» [19, с. 265]. Не решившись осаждать Киев, Мстислав «отшед седе в Чернигове» [19, с. 265].

Получив сообщение о событиях в Руси, Ярослав быстро вернулся в Новгород и «посла за море по Варяги» [19, с. 265]. Связанный благодаря династическому браку со Швецией, он и ранее неоднократно прибегал к их помощи [1, стб. 115, 131]. Теперь же, после очередного конфликта с новгородцами, закончившегося ссылкой в 1020 г. новгородского посадника Константина [18, с. 79], Ярослав, по-видимому, мог рассчитывать лишь на наемную варяжскую дружину. «И приде Якун с Варягы, и бе Якун слеп, и луда оу него златом исткана... И Ярослав с Якуном поиде на Мстислава» [1, стб. 135]. О количестве варягов источники умалчивают, однако вряд ли их было намного более тысячи человек, как и во время похода 1015 г. на Киев [1, стб. 128]. Заметим, что ни здесь, ни при описании битвы и ее последствий летопись, обычно тщательно фиксирующая состав княжеских дружин, ни слова не говорит о новгородцах или киевлянах в составе Ярославова войска.

Общеизвестно, что в Древней Руси основным видом сообщения были водные дороги. Кроме того, организация столь серьезного мероприятия предполагала наличие значительного снаряжения и запасов. Поэтому представляется несомненным, что из Новгорода на Русь Ярослав (как и в 1016 г.) двинулся в ладьях по днепровскому пути. Его главной целью было изгнание Мстислава из пределов своих владений. Поэтому Ярослав стремился к генеральному сражению и должен был идти кратчайшим путем, чтобы не дать Мстиславу возможности еще более укрепить свои позиции. Этот кратчайший путь пролегал через Любеч — важный стратегический пункт на Днепре, который Б. А. Рыбаков назвал «северными воротами внутренней Руси» [21, с. 486].

Мстислав также был заинтересован в решающей битве, однако, кроме того, он должен был прикрывать центр своих владений — Чернигов от возможных посягательств противника. Поэтому Мстислав, опасаясь разминуться с врагом, вероятно, до последнего дня оставался в Чернигове.

Из Любеча Ярослав мог двигаться двумя путями: вниз по Днепру до устья Десны и затем вверх по Десне до Чернигова (около 500 км), либо прямо на Чернигов (около 60 км). Считая за норму дневного перехода расстояние 30—35 км, Мстислав в первом случае получил бы дополнительно две недели на подготовку к сражению. Поэтому представляется несомненным, что Ярослав выбрал второй вариант: прямой путь Любеч—Чернигов. Как показали работы Черниговской областной археологической секции (при областной организации Украинского общества охраны памятников истории и культуры), в древности Чернигов и Любеч соединялись водным путем[1]. Путь этот шел по р. Белоус (правый приток Десны), до ее верховий, затем с помощью небольшого (500—800 м) волока можно было попасть в оз. Кораблище, из которого вытекает р. Муравля, впадающая в оз. Болгачь, которое, в свою очередь, соединено системой протоков с оз. Любечским — древней днепровской старицей, соединенной с основным руслом Днепра. В районе предполагаемого волока известен топоним «Пересаж», вблизи которого зафиксированы курганный могильник и поселение древнерусского периода [22]. Таким образом, общая протяженность пути составляет 60—70 км. В свете этих данных значительный интерес представляет исландская сага о Барди, сыне Гудмунда. По мнению Е. А. Рыдзевской, она содержит описание Лиственской битвы.

---

[1] Доклад председателя Черниговской областной археологической секции А. В. Шекуна в ЛО ИА АН СССР. Май 1979 г.

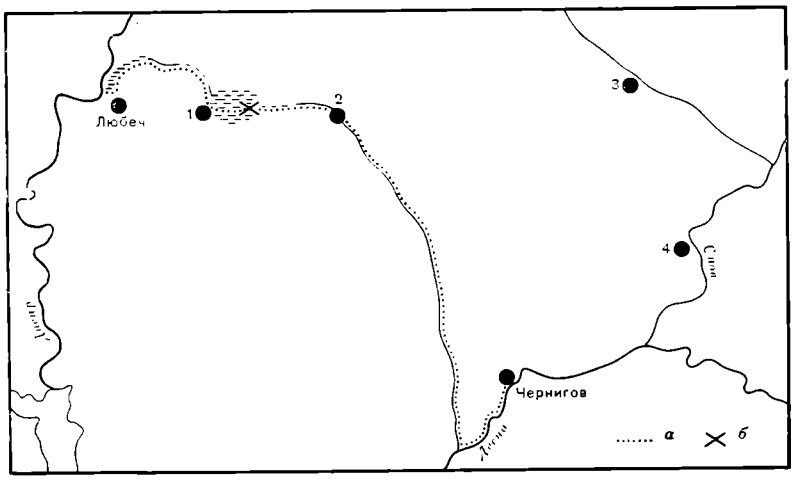


Рис. 1. Схема водного пути Чернигов — Любеч. *а* — водный путь; *б* — предполагаемое место волока; *1* — оз. Караблище; *2* — М. Листвен; *3* — В. Листвен; *4* — Сновск

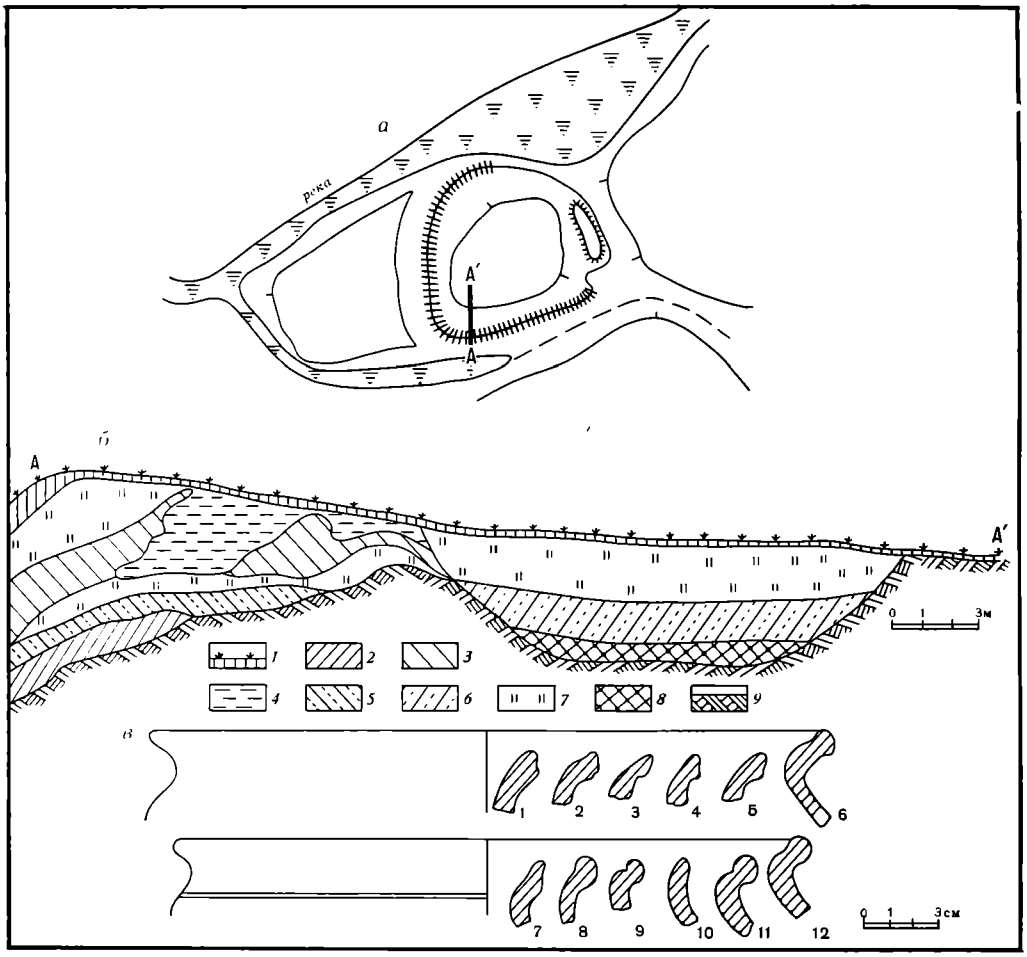


Рис. 2. Городище у с. Великий Листвен Городнянского района. *а* — план городища; *б* — профиль западной стенки траншеи: *1* — дерновый слой; *2* — аморфный серый слой; *3* — темно-серая супесь; *4* — пятнистый светло-желтый суглинок с включениями глины; *5* — темно-серая гумуспрованная супесь; *6* — темно-серый увлажненный суглинок; *7* — светло-серая супесь; *8* — темный переувлажненный суглинок; *9* — материк; *в* — керамика из городища (*1—6*) и поселения (*7—12*)

Барди, главный герой саги, бывший в составе варяжской дружины Ярослава, погиб в ходе сражения. Для нас важно одно: из текста саги ясно, что «дело происходит где-то на реке: дружина находится на судах...» [10, 231].

Таким образом, наша задача значительно упрощается: Ярослав из Любеча водным путем движется на Чернигов. Мстислав, получив сообщение о приближении противника, выходит ему навстречу, которая и произошла у летописного Листвена. Достаточно даже беглого взгляда на карту, чтобы прийти к выводу о расположении Листвена (рис. 1). Село Великий Листвен, лежащее на р. Руде (приток р. Крюковы, правого притока р. Снови), находится далеко в стороне от этого маршрута. Село же Малый Листвен, наоборот, расположено на берегу р. Белоус, примерно посередине между Любечем и Черниговом, и, несомненно, ему больше подходит роль летописного Листвена.

В 1980 г. археологические комплексы у обоих сел обследовались экспедицией Черниговского исторического музея и областной археологической секции [23, с. 1—30]. Комплекс археологических памятников у с. Великий Листвен Городнянского района состоит из городища, группы селищ и курганного могильника [24, с. 33]. Городище расположено на мысу, образованном слиянием рек Руда и Крюкова (притоки р. Снов), в 1,5—2 км на юго-восток от села, в уроч. Городок (рис. 2, *а*). Оно достаточно широко известно в литературе [17, с. 323; 25, с. 92; 8, с. 248—250; 26, с. 77; 27, с. 105]. В 1960 г. городище обследовано Среднеднепровской экспедицией Института археологии АН СССР под руководством Э. А. Сымановича [28, с. 4]. Площадка городища имеет округлую форму (80×87 м). Пологая оконечность мыса обрезана валом и рвом. С юга площадка городища ограничена руслом ручья Руда, с северо-запада и севера — руслом р. Крюкова. Склоны мыса, выходящие к воде, эскарпированы; по верху насыпан вал, ныне сильно оплывший (сохранился на высоту до 2 м). С востока (с напольной стороны) площадка городища ограничена мощным валом и рвом. Здесь высота вала достигает 4 м, при ширине в основании около 12 м. Ров сильно заплыл, но и сейчас глубина его около 2 м при ширине около 20 м. Ров соединялся с обеими реками и в древности был обводнен. В северной части площадки городища вал отсутствует. Вся площадка городища здесь плавно понижается к воде, образуя как бы ворота для выхода к реке, которая в этом месте значительно расширяется, образуя обширную естественную гавань. Центральная часть городища приблизительно на 1 м выше его периферийной части, примыкающей к валу. Въезд находился с юго-восточной (напольной) стороны.

В юго-западной части городища, на месте древней промоины, заложена траншея 30×2 м, прорезавшая оборонительные сооружения и доведенная до центральной части площадки (рис. 2, *б*). Работы показали, что вал городища насыпан единовременно из грунта, взятого тут же на площадке. Насыпь вала частично сползла по склону мыса. При насыпке вала (ширина в основании около 6 м, высота свыше 2 м) сначала была произведена нивелировка склона. Затем за счет выброса грунта из внутреннего рва формируется центральная часть насыпи из суглинка и супеси. Деревянные конструкции не прослежены. По-видимому, вал был полностью земляной подобно укреплениям на городищах в Суздале, Владимире, Юрьеве-Польском, Осовце и др. [29, с. 99—102]. Судя по отдельным находкам фрагментов керамики (рис. 2, *в*; *1—4*) в насыпи и основании вала (рис. 2, *в*, *5—6*), он был насыпан на месте поселения X—XI вв., не ранее конца XI в.

Сразу за валом находился внутренний ров, грунт из которого пошел на подсыпку вала. Его ширина 7,5 м, глубина около 2,5 м. Судя по заполнению рва (болотный чернозем, в придонной части прослойка светлого речного песка) и его выходу к реке в северной части городища, в древности он был обводнен.

Незначительный (0,20—0,40 м) культурный слой выявлен только в центральной части городища, причем во многих местах он вообще отсут-

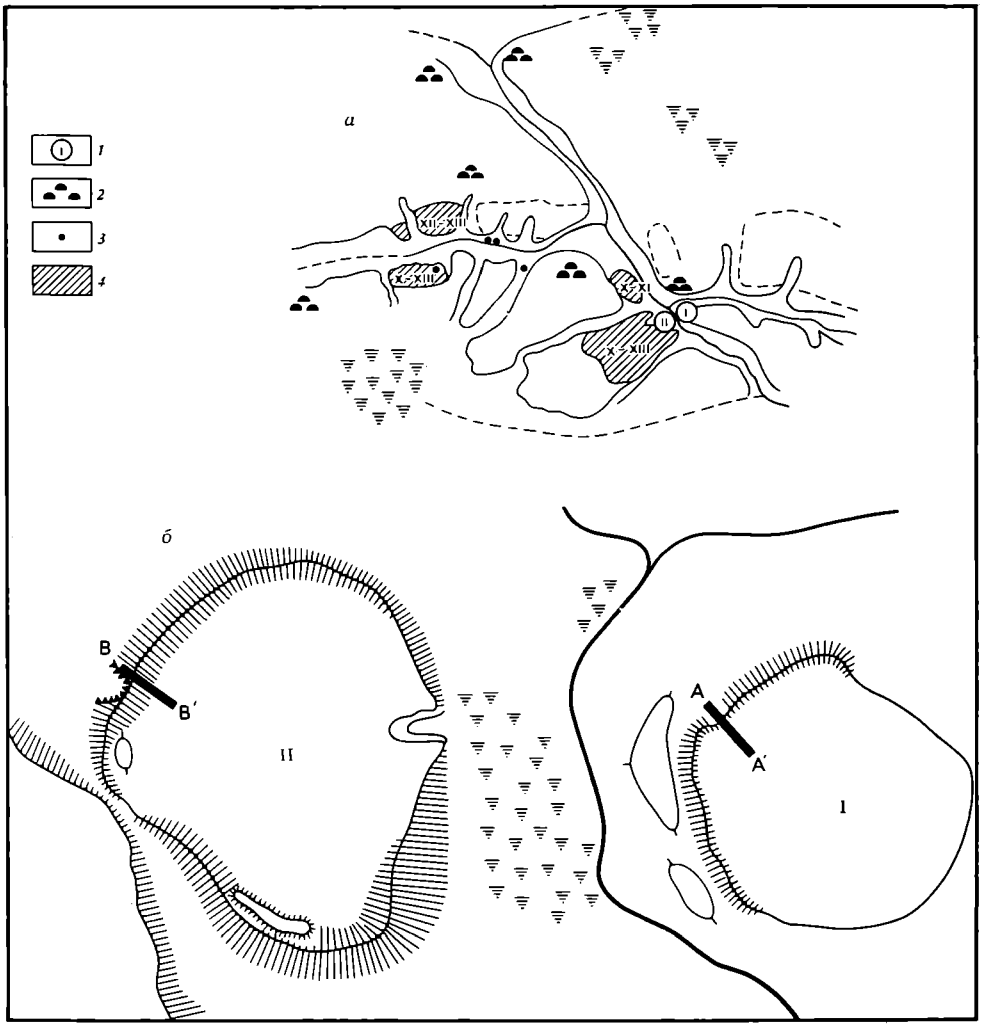


Рис. 3. Комплекс археологических памятников у с. Малый Листвен Репкинского района. *а* — схема расположения археологических памятников: *1* — городище; *2* — курганный могильник; *3* — места находок боевых топоров; *4* — селище; б — план городищ I и II

ствует. Стратиграфически это однородный темно-серый супесчаный слой очень слабой насыщенности, залегающий сразу под дерновым слоем.

С юга, северо-запада и востока к городищу примыкают селища, которые на основании подъемного материала могут быть датированы X—XIII вв. (рис. 2, *в*, *7—12*). Группа небольших селищ периода Киевской Руси выявлена несколько ниже по течению р. Крюковы. В ряде источников есть сведения о наличии у с. Великий Листвен курганного могильника [8, с. 248; 25, с. 92; 30, с. 199], который, к сожалению, не сохранился.

Таким образом, на основании предварительных исследований комплекса археологических памятников у с. Великий Листвен Городнянского района можно сделать вывод, что Великолиственское городище было сооружено не ранее конца XI в. и с летописным Лиственом отождествляться не может. По-видимому, оно играло роль убежища для населения окрестных поселений.

Комплекс памятников у с. Малый Листвен Репкинского района состоит из двух городищ, двух поселений и курганных могильников (рис. 3, *а*). Малолиственские памятники тоже широко известны в научной литературе [1, с. 197, 198; 13, с. 166—168; 25, с. 105; 31, с. 20; 14, с. 19—20; 26, с. 77; 15, с. 226; 24, с. 32].

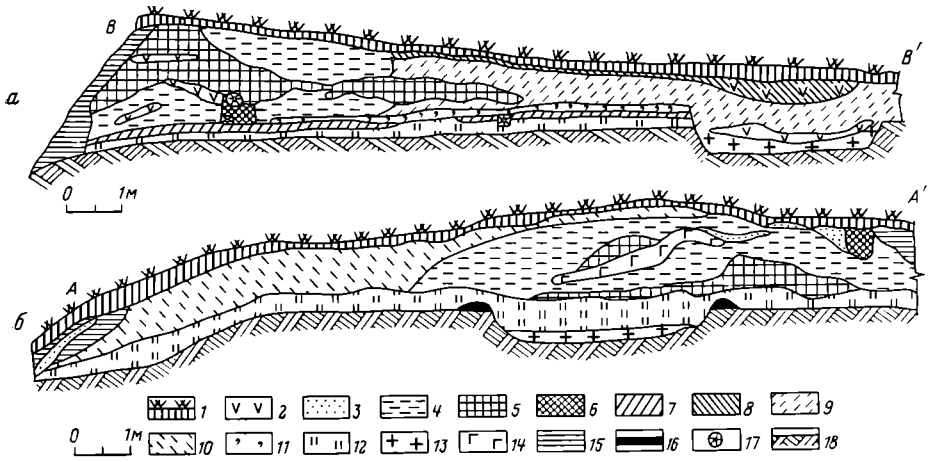


Рис. 4. Профили северных стенок траншей. *а* — городище II; *б* — городище I: *1* — дерновый слой; *2* — горелый слой; *3* — песок; *4* — пятнистый светло-желтый суглинок с включением глины и угля; *6* — перекоп; *7* — серая супесь с включениями углей; *8* — темно-серая супесь; *9* — светло-серая супесь; *10* — светло-желтая супесь; *11* — серо-желтая супесь с отдельными включениями глины; *12* — темно-серая гумусированная супесь; *13* — черная супесь, насыщенная углями и золой; *14* — темно-серая супесь с включениями глины и песка; *15* — серый аморфный слой; *16* — материковый светлый суглинок; *17* — следы истлевшего дерева; *18* — материк

Городище I расположено на мысе первой надпойменной террасы, образованной реками Белоус и Глинянка, на западной окраине с. Малый Листвен (рис. 3, *б*). Площадка городища округлой формы (75×78 м), укреплена валом и рвом, сохранившимся в западной части городища. Ров, обрезавший западную, пониженную оконечность мыса, сильно заплыл и ныне имеет ширину 8 м при глубине до 2 м. В древности он был, по-видимому, обводнен и отделялся от вала широкой бермой. Северо-западный склон мыса (высота над поймой 3—4 м), кроме того, был эскарпирован. Вследствие многолетней распашки оборонительные сооружения с напольной стороны не сохранились, однако по свежей распашке следы вала и рва четко читаются. Въезд находился с напольной стороны.

В северо-западной части городища заложена траншея (20×2 м), разрезавшая оборонительные сооружения (рис. 4, *б*). Она показала, что вал в древности имел ширину в основании свыше 13 м (сохранившаяся высота 1,8 м). Ядро вала стоит из нескольких слоев материкового суглинка и супеси. Его верхняя часть вследствие многолетней распашки сползла по склону. Следы каких-либо деревянных конструкций не выявлены.

Вал сооружен на месте более раннего поселения, так что культурный слой (мощность до 0,40 м) подстилает его подошву, причем средняя часть насыпи перекрыла полуземляночное жилище (глубина в материке 0,6 м, длина вскрытой части около 4 м). Судя по обилию угольков в заполнении, жилище погибло в огне. По керамическому материалу оно может быть датировано второй половиной X в. (рис. 5, *6—25*). Близкую дату дает и железный наконечник стрелы, обнаруженный в жилище. В схеме А. Ф. Медведева его можно расположить между типами 39 (VIII—IX вв.) и 40 (X—XIV вв.) [32, с. 64, 65, табл. 30 Б] и считать промежуточным звеном между ними. По мнению А. Ф. Медведева, данный экземпляр может быть датирован временем не позднее начала XI в. (рис. 6, *1*). Кроме того, под валом, в культурном слое вне жилища, обнаружено несколько украшений из бронзы: витая проволочная шейная гривна с многогранной головкой, литые широкорогая лунница с псевдозернью и пуговица, а также стеклянная бусина — «малинка» (рис. 6, *2—5*). Шейная гривна сплетена из трех круглых в сечении (диаметр 0.2 см) проволок и имеет многогранную головку. Подобные гривны известны достаточно широко. М. В. Фехнер датирует этот тип гривен XI в. [33, с. 71, 83], однако их находки совместно с дирхемами X в. [33, с. 83]

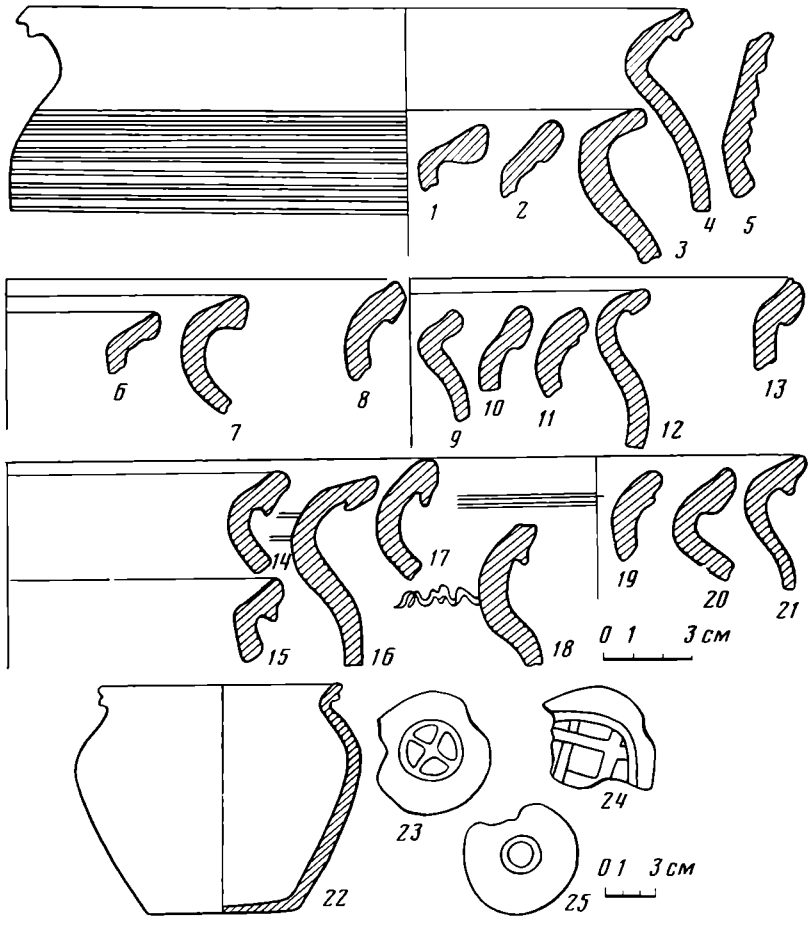


Рис. 5. Керамика из траншеи на городище I, с. Малый Листвен. *1—5* — под подошвой вала; *6—25* — из заполнения жилища

и другими категориями вещей позволяют говорить о существовании таких гривен и в конце X в. Широкорогие литые лунницы, по мнению А. В. Успенской, стали входить в употребление в конце X в. [34, с. 102, 103, 121, 122]. Бронзовые литые пуговицы являются распространенной категорией находок и датируются X—XII вв. [34, с. 21].

Таким образом, создание оборонительных сооружений на городище I у с. Малый Листвен можно отнести к концу X — началу XI в. В целом же оно существовало, судя по керамике, до середины XIII в.

Городище II расположено на противоположном, правом берегу р. Белоус, напротив городища I (расстояние между ними около 100 м). Площадка округлой формы (105×90 м), несколько вытянута с севера на юг (рис. 3, *б*). Высота берега над поймой 3—8 м, склоны в некоторых местах эскарпированы. С напольной стороны площадка городища отделена от высокого коренного берега рвом (ширина около 25 м, глубина около 3 м), который в древности был, по-видимому, обводнен и отделялся от вала узкой (0,6 м) бермой. С напольной стороны в двух местах сохранились остатки вала (высота 2—7 м, ширина в основании 8 м). Городище имело два въезда: с западной (напольной) и юго-восточной сторон. Русло р. Белоус здесь значительно расширяется, образуя большой затон, который вплотную подходит к городищу II и в древности мог использоваться в качестве естественной гавани.

В западной части городища заложена траншея (20×2 м), разрезавшая вал (рис. 4, *а*). Судя по керамическому материалу, обнаруженному в его основании, вал (ширина подошвы около 5 м, сохранившаяся высота 0,95 м) был возведен в конце XI — начале XII в. на месте поселения

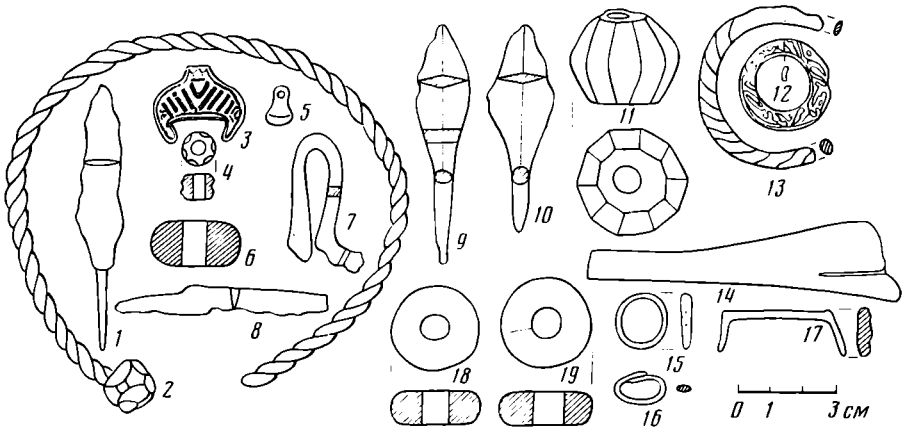


Рис. 6. Малый Листвен. *1—8* — городище I; *9—19* — городище II; *7—11, 13* — железо; *2, 3, 5, 12, 15—17* — бронза; *4* — стекло; *6, 14, 18, 19* — камень

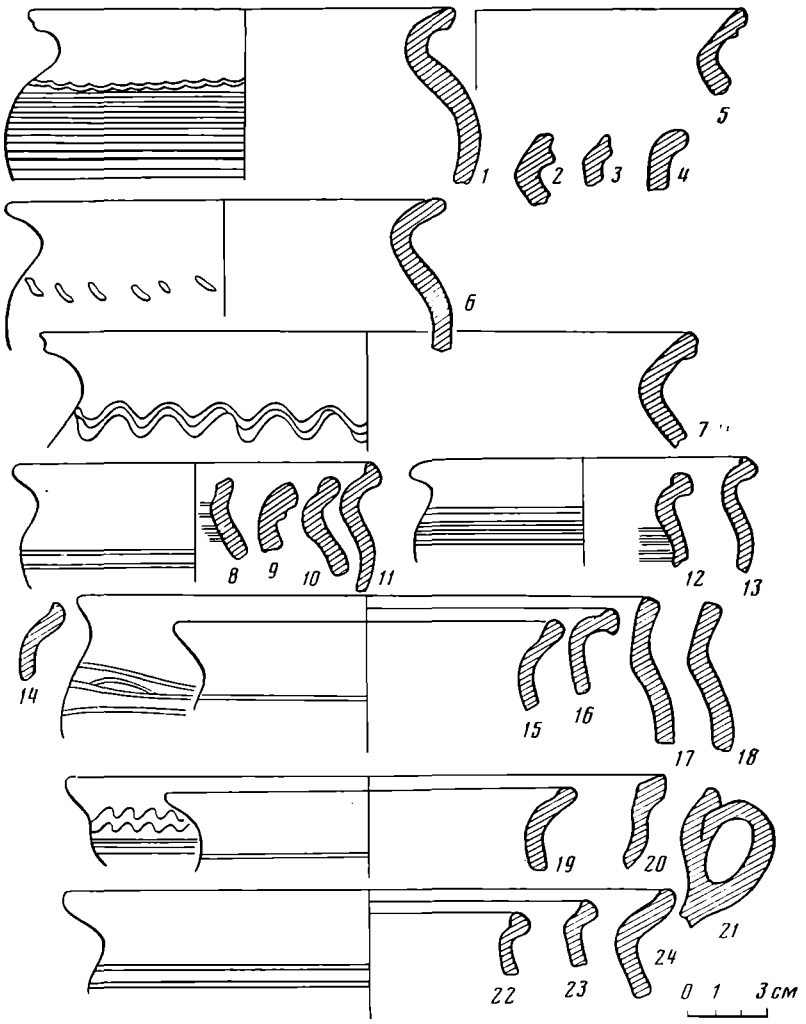


Рис. 7. Керамика из траншеи на городище II, с. Малый Листвен. *1—7* — под подошвой вала; *8—24* — под слоем пятнистой супеси, на гребне первого вала

X—XI вв. (рис. 7, *1—7*). Насыпался он из светло-желтого материкового суглинка. Внешний склон вала был укреплен какими-то деревянными конструкциями, характер которых выяснить не удалось. В 5 м от вала находилось полуземляночное жилище (глубина в материке 0,6 м) с глинобитной печью каркасной конструкции, погибшее в пожаре. В жилище найдены: железный многогранный кистень, оселки из мелкозернистого песчаника, пряслица из розового и лилового шифера, фрагменты стеклянных браслетов и перстня, бронзовое поясное кольцо, стеклянная бусина, фрагмент железного витого кольца (от сбруи?), два железных наконечника стрел, фрагменты керамики XII в. (рис. 6, *9—17*).

Кистень по форме очень близок V типу наверший булав [36, с. 49, рис. 10], которые имеют шаровидную форму. Самые древние образцы этого типа имеют гладкую поверхность (славянский слой Саркела — Белой Вежи), в XII в. у них появляются грани и к XIII в. V тип булав развивается в шестопер. В нашем образце грани только намечаются, в результате чего кистень имеет в плане форму многоугольника. Это дает нам основание рассматривать его в числе ранних образцов и датировать первой половиной XII в.

Наконечники стрел черешковые, ромбические без упора — тип 47 [32, с. 68, табл. 30, 43], с пером в форме правильного ромба с прямыми сторонами и плечиками. Длина пера 4,3 и 4 см, ширина соответственно 1,8 и 2,0 см. По мнению А. Ф. Медведева, в Поднепровье наконечники этого типа встречаются лишь на памятниках конца XI—XIV вв. [32, с. 68]. Бронзовое поясное кольцо (диаметр 2,7 см, диаметр отверстия 1,8 см), украшенное растительным орнаментом, датируется XI—XII вв. [35, с. 23—24]. Таким образом, в целом жилище может быть отнесено к XII в., возможно, к его первой половине, чему не противоречит и собранная в его заполнении керамика (рис. 8, *1—23*).

В XII в. и жилище, и укрепления городища II погибли в огне, после чего была произведена реконструкция оборонительных сооружений. За счет подсыпки ширина основания вала увеличилась почти вдвое (до 9 м). Вал был укреплен какими-то деревянными конструкциями, характер которых из-за ограниченного объема работ выяснить не удалось. В профиле траншеи зафиксированы следы бревна (диаметр 20 см) и бруса (16×10 см). На гребне первого вала найдена керамика XI—XII вв., что позволяет время реконструкции оборонительных сооружений отнести к этому периоду (рис. 7, *8—24*). Как показала шурфовка, центральная часть городища II не была застроена. Культурный слой здесь практически отсутствует.

С запада к городищу II примыкает обширное (свыше 5 га) селище X—XIII вв., на котором в разное время были найдены серпы, ножи, оселки, проколки и др. В XII—XIII вв. поселение, по-видимому, играло роль посада Листвена. В 800 м на северо-восток от городища II, на северной окраине села, расположено другое селище X—XIII вв. Некогда обширный курганный могильник у с. Малый Листвен [13, с. 166—168], находившийся на северо-восточной окраине села и в уроч. Курганье, ныне практически полностью уничтожен.

Таким образом, комплекс археологических памятников у с. Малый Листвен Репкинского района может отождествляться с летописным Лиственом. Косвенно наш вывод подтверждают находки трех боевых топоров на берегу р. Белоус, в 1 км выше по течению от городищ, на предполагаемом месте Лиственской битвы 1024 г. Первый из них (рис. 9, *1*) относится к типу IV [36, с. 29, рис. 6] и датируется X — началом XI в. Он имеет оттянутое вниз лезвие, две пары боковых щекавиц и удлиненный вырезной обух. Топоры этого типа считаются универсальными. В русском войске XI в. они предпочитались другим формам и во многих русских областях являлись господствующими [36, с. 36, 37]. Широкому распространению этой группы топоров способствовала их совершенная конструкция и надежное устройство обуха. Вследствие некоторой изогнутости лезвия книзу они наряду с рубящими имели и режущие свойства. Второй топор относится ко II типу рабочих топоров по А. Н. Кирпичникову [36, табл. XVI]

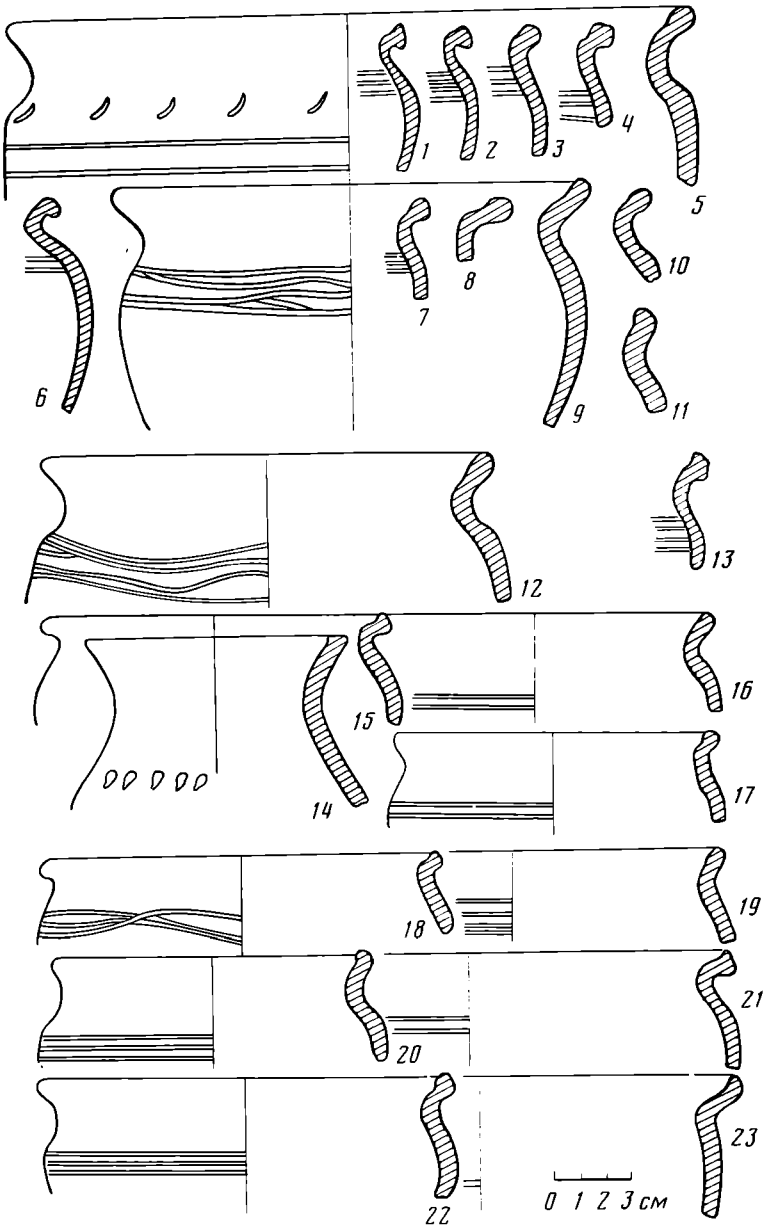


Рис. 8. Керамика из заполнения жилища на городище II. с. Малый Листвен. *1—17* — над горелым слоем; *18—23* — под горелым слоем

и датируется, видимо, тем же временем (рис. 9, *2*). Оба топора были найдены на осушенном берегу р. Белоус после понижения уровня воды, причем, по свидетельству местных жителей, в проушинах находились остатки деревянных рукоятей. Третий топор (не сохранился) найден при торфоразработках на правом берегу р. Белоус. Судя по описаниям, он относился, вероятно, к IV типу боевых топоров. В 300 м выше по течению, на окраине поселения «Лесковое», в культурном слое был найден еще один такой топор (рис. 9, *3*). Возможно, эти топоры принадлежали северянской части дружины Мстислава, принимавшей участие в битве под Лиственом.

В 2 км от городищ выше по теченью р. Белоус находится известное селище X—XIII вв. в уроч. Лесковое (рис. 3, *а*), которое в X—XI вв. имело ряд признаков открытого торгово-ремесленного поселения. Так, здесь зафиксированы остатки ремесленных мастерских (ювелирной, косторезной), смолокуренного и других промыслов и т. д. [37, с. 401, 402; 38, с. 423, 424; 39, с. 352, 353].

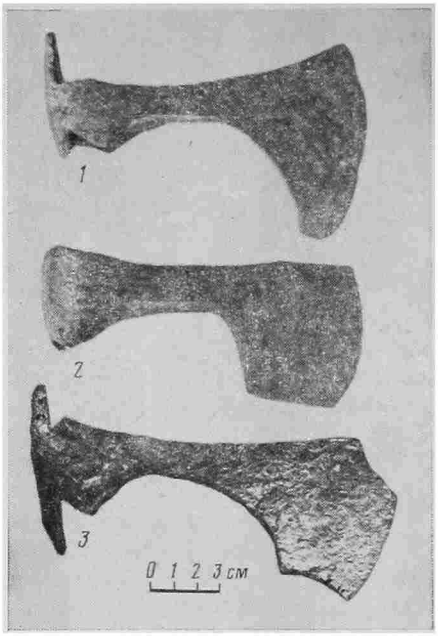


Рис. 9. Железные топоры, найденные у с. Малый Листвен. *1—2* — на левом берегу р. Белоус; *3* — на поселении в уроч. Лесковое

На основании даже столь небольших по объему исследований комплекса археологических памятников у с. Малый Листвен можно предложить следующую предварительную схему развития летописного Листвена. В связи с активизацией в X в. торговли по Днепровскому водному пути начинает функционировать и одно из его ответвлений — водный путь Любеч—Чернигов. Это связало Чернигов кратчайшим водным путем с Днепром и Любечем — «северными воротами Руси». Вдоль водного пути возникает ряд поселений, население которых, по-видимому, в какой-то степени было связано с его обслуживанием. Некоторые из этих поселений уже в X в. имели значительные размеры («Лесковое» — 4,5 га, «Шумлай» — около 15 га). Примерно посередине этого маршрута, на расстоянии одного дня пути от Любеча и Чернигова, неподалеку от волока располагалось поселение «Лесковое», которое могло служить местом остановки.

В конце X — начале XI в. в 2 км ниже по течению, при слиянии рек Белоус и Глиненка, был основан небольшой городок Листвен. Поставленный в самом узком месте водораздела рек Белоус и Стрижень, окруженный со всех сторон заболоченными низинами и болотами, он явился ключом к этому пути и позволял полностью его контролировать. Не случайно именно это место выбрал Мстислав для решающего сражения с братом: обойти Листвен было практически невозможно. Расположенный в довольно плотно заселенном районе, Листвен не только позволял собирать мыто с купцов и контролировать подступы к Чернигову с севера и северо-запада, но и являлся, вероятно, важным административным и фискальным центром, переняв все главные функции поселения в уроч. Лесковое. В результате «Лесковое», пережив в X — начале XI в. период расцвета, постепенно приходит в упадок, площадь его неуклонно сокращается, и в XII в. оно представляет собой уже обычное поселение. В начале XI в. поселение пережило разгром, который, вероятно, можно связывать с событиями 1024 г.

В XI — XIII вв. роль пути Чернигов — Любеч еще более возрастает. По сообщению летописца, здесь находилась «вся жизнь» черниговских князей [1, стб. 361]. Именно этот район стремились в первую очередь разорить противники черниговских князей, чтобы ослабить их мощь.

На рубеже XI—XII вв. на противоположном, правом берегу р. Белоус строится второе городище, что позволило усилить контроль за водным путем. Судя по форме городища, наличию предметов дружинного обихода и особенности планировки (незастроенная центральная часть площадки), это был, видимо, феодальный замок, к которому примыкал обширный неукрепленный посад. Удобная естественная гавань позволяла устроить около городища II пристань. Гибель первоначальных укреплений городища II можно предположительно связать с событиями середины XII в., когда в ходе междоусобной феодальной войны владения черниговских князей были подвергнуты жестокому разгрому киевским князем Изяславом Мстиславичем. Через семь лет черниговский князь, описывая состояние своей вотчины, в которую наряду с Черниговом, Любечем, Оргощем, Моровийском, Всеволожем входил, по-видимому, и Листвен, говорил о «7 городах пустых, а в них же седять

псареве да половцы» [1, стб. 500]. Однако учитывая выгодное положение района, он все же отказался обменять свой удел на другой.

В настоящий город, как центр ремесла и торговли, Листвен, вероятно, так никогда и не вырос. Видимо, именно поэтому имя его и не встречается больше на страницах летописей, хотя район между Черниговом и Любечем упоминается в них неоднократно. В 1239 г. летописный Листвен, вероятно, разделил судьбу других древнерусских городов, жизнь и развитие которых оборвало монголо-татарское нашествие. В XV в. источники фиксируют здесь уже сельский населенный пункт.

ЛІТЕРАТУРА

1. ПСРЛ. 1962, т. 2.
2. *Зайцев А. К.* Домагош и границы «Вятичей».— В кн.: Историческая география России XII — нач. XX в. М.: Наука, 1975.
3. Історія міст і сіл УРСР. Чернігівська область. Київ: Головна редакція Української Радянської енциклопедії АН УРСР, 1972.
4. *Погодин М. Н.* Древняя русская история до монгольского ига. Т. III, ч. I. М., 1871.
5. *Барсов Н. П.* Материалы для историко-географического словаря России. Т. 1. Географический словарь Русской земли (IX—XIV ст.). Вильна, 1865.
6. *Барсов Н. П.* Очерки русской исторической географии. География начальной (Нестеровой) летописи. Варшава, 1885.
7. *Неволин К. А.* Исследования о городах русских. Общий список русских городов.— ЖМВД, 1844, № XII.
8. *Филарет.* Историко-статистическое описание Черниговской епархии. Кн. 6. Чернигов, 1874.
9. *Грушевский М.* Історія України — Русі. Т. II. Львів, 1905.
10. *Рыдзевская Е. А.* Древняя Русь и Скандинавия IX—XIV вв. М.: Наука, 1978.
11. *Рыбаков Б. А.* Схематическая карта населенных пунктов домонгольской Руси, упоминаемых в русских письменных источниках.— В кн.: История культуры Древней Руси. Т. 1. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1948.
12. *Шекера І. М.* Київська Русь XI ст. у міжнародних відносинах, Київ: Наук, думка, 1967.
13. *Марков Н. С.* О городах и селениях в Черниговской губернии, упоминаемых в Нестеровой летописи, как они в оной следуют по порядку годов.— Периодические сочинения об успехах народного просвещения. Т. XV. Спб., 1815.
14. *Голубовский П. В.* Историческая карта Черниговской губернии до 1300 г.— Тр. XIII АС. Т. II. М., 1908.
15. *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М.: Изд-во АН СССР, 1951.
16. *Зайцев А. К.* Черниговское княжество.— В кн.: Древнерусские княжества X—XIII вв. М.: Наука, 1975.
17. *Шафонский А.* Черниговского наместничества топографическое описание. Киев, 1851.
18. ПСРЛ. 1965, т. 9.
19. ПСРЛ. Т. II. Густинская летопись. Спб., 1843.
20. *Татищев В. Н.* История Российская. Т. II. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1963.
21. История СССР. Т. 1. М.: Наука, 1966.
22. *Ширинский С. С.* Курганы X в. у дер. Пересаж.— КСИА, 1969, вып. 120.
23. *Коваленко В. П.* Отчет об исследованиях летописных городов на Черниговщине в 1980 г.— Архив ИА АН УССР, 1980/52.
24. Древности железного века в междуречье Десны и Днепра.— САИ, вып. Д1-12. М., 1962.
25. Сведения 1873 г. о городищах и курганах.— ИАК, 1903, вып. 5.
26. *Уварова П. С.* Городища и курганы. Выборка из дел Черниговского статистического Комитета общества Нестора-летописца и архива гр. П. С. Уваровой.— Тр. Московского предварительного комитета по устройству XIV АС. М., 1906, вып. 1.
27. *Самоквасов Д. Я.* Северянская земля и северяне по городищам и могилам. М., 1908.
28. *Сымановіч Э. А.* Отчет о разведках Средне-Днепровской экспедиции ИА АН СССР в 1960 г.— Архив ИА АН УССР, 1960/26, № 3494.
29. *Раппопорт П. А.* Очерки по истории военного зодчества северо-восточной и северо-западной Руси X—XV вв.— МИА, 1961, № 105.
30. Журнал раскопок Н. Е. Бранденбурга. 1888—1902 гг. Спб., 1908.
31. *Самоквасов Д. Я.* Древние города России. Спб., 1873.
32. *Медведев А. Ф.* Ручное метательное оружие. Лук и стрелы. Самострел. VIII—XIV вв.— САИ, вып. Е1-36. М., 1966.
33. *Фехнер М. В.* Шейные гривны.— Тр. ГИМ, 1967, вып. 43.
34. *Успенская А. В.* Нагрудные и поясные привески.— Тр. ГИМ, 1967, вып. 43.
35. *Русанова И. П.* Курганы полян X—XII вв.— САИ, вып. Е1-24. М., 1966.
36. *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие.— САИ, вып. Е1-36. Т. 2. М.— Л., 1966.

37. *Шекун А. В., Косолапов Л. Ф., Кривицкая И. В., Кузнецов Г. А.* Исследования на Черниговщине.— АО-1978. М., 1979.
38. *Шекун А. В.* Исследования на Черниговщине.+ АО-1978. М., 1979.
39. *Шекун А. В.* Раскопки и разведки на Черниговщине.— АО-1979. М., 1980.

V. P. Kovalenko, A. V. Shekun

LISTVEN IN THE CHRONICLE
(Towards localisation problem)

Summary

Localisation of Listven mentioned in the *Tale of Bygone Years* under the year of 1024 as a site where a battle between princes Yaroslav and Mstislav took place is still uncertain. Some researchers identify it with the village of Veliky Listven, Gorognya District, others—with the village of Maly Listven of the Repki District, Chernigov Region. In 1980, an expedition of the Chernigov Historical Museum studied archaeological complexes at both villages and established that a fortified settlement at Veliky Listven had been founded in the late 11th century and therefore had nothing in common with the Listven in the chronicle. It was surrounded by a number of Old Russian settlements. Gorodishche I at Maly Listven dates to the late 10th-early 11th centuries, Gorodishche II—to not earlier than late 11th century. A large 10th-13th-century settlement was discovered nearby. Four Old Russian battle axes were found on the tentatively localised site of the Listven battle. In all probability, in the 12th century, Listven was a part of the Chernigov prince's possessions. Its further development was cut short by the Tatar-Mongol invasion. Fifteenth-century sources mention a rural settlement there.

ГОЛУБЕВА Л. А.

ЖЕНЩИНЫ-ЛИТЕЙЩИЦЫ

(к истории женского ремесленного литья у финно-угров)

В истории литейного ремесла финно-угорского населения Северо-Восточной Европы был период, когда литейным делом занимались преимущественно женщины. Этнокультурные традиции и идеологические представления обусловили появление в женском уборе и одежде восточных финнов множества бронзовых украшений, в том числе шумящих. Количество и набор украшений были связаны также с экономическим, социальным и семейным положением женщины.

Впервые вопрос о женском ремесленном литье как социальном явлении и известном этапе в истории литейного ремесла финно-угров был поставлен Б. А. Рыбаковым в книге «Ремесло Древней Руси» [1, с. 90—94]. Им были сформулированы следующие основные положения: 1. Женщины финно-угров занялись литейным делом, когда на северо-востоке Европы распространился стиль «шумящих подвесок», которые изготавливались в технике литья по восковой модели. 2. Приготовление модели из провощенных нитей («восковое вязанье») близко исконным женским рукоделиям — вязанью, плетению и вышиванию, поэтому естественно, что литьем украшений и овладели женщины. 3. Погребения женщин с орудиями литья свидетельствовали о специализации ювелирного дела, процессе выделения женского литейного ремесла. Дата этого процесса, установленная по погребениям литейщиц,— VIII—X вв. 4. Работа с металлом требовала от женщин определенных знаний, навыков, специальных орудий, короче — профессионализма. Но так как основной процесс — плавка металла происходил в домашних условиях на очаге (редко в горне), литейное дело почти не выходило за рамки домашнего производства и дальнейшего развития женского литейного ремесла не произошло. Мужчины-кузнецы, пользуясь специальными приспособлениями (горнами), сосредоточили в своих руках ковку и литье, и с «матриархальной монополией на литье» было покончено [1, с. 94].

Эти положения сохранили значение и в настоящее время. Предложенная Б. А. Рыбаковым интереснейшая тема о женском ремесленном литье у финно-угров еще ждет исследователей. К настоящему времени накоплен новый обширный археологический материал, позволяющий проследить судьбу женского литейного производства у финно-угров с более ранней даты и в течение более продолжительного времени. Настоящая статья не претендует на полноту раскрытия темы. Задачей автора являлось собрать и обобщить сведения о погребениях женщин-литейщиц Поволжья[1]. Данные о литейном производстве на поселениях почти не используются. Рассматриваемая эпоха — вторая половина I тысячелетия н. э.— первые века II тысячелетия делится на два периода: первый — конец V—VIII в., второй — IX—XII вв.

Первый период (конец V—VIII в.). Орудия литья (глиняные тигли и льячки, каменные и глиняные литейные формочки) обнаружены археологами в женских погребениях. В погребениях кузнецов этого периода в могильниках Азелинском [2, с. 31, табл. XXIV], Младшем Ахмыловском [3, с. 76; 4, с. 48, 49], Гремячинском [5], Тюм-Тюм [6] инструментов для литья нет. Можно предполагать, что данные кузнецы не совмещали ковку с литьем.

[1] Погребения женщин-литейщиц известны и у камских (пермских) финнов.

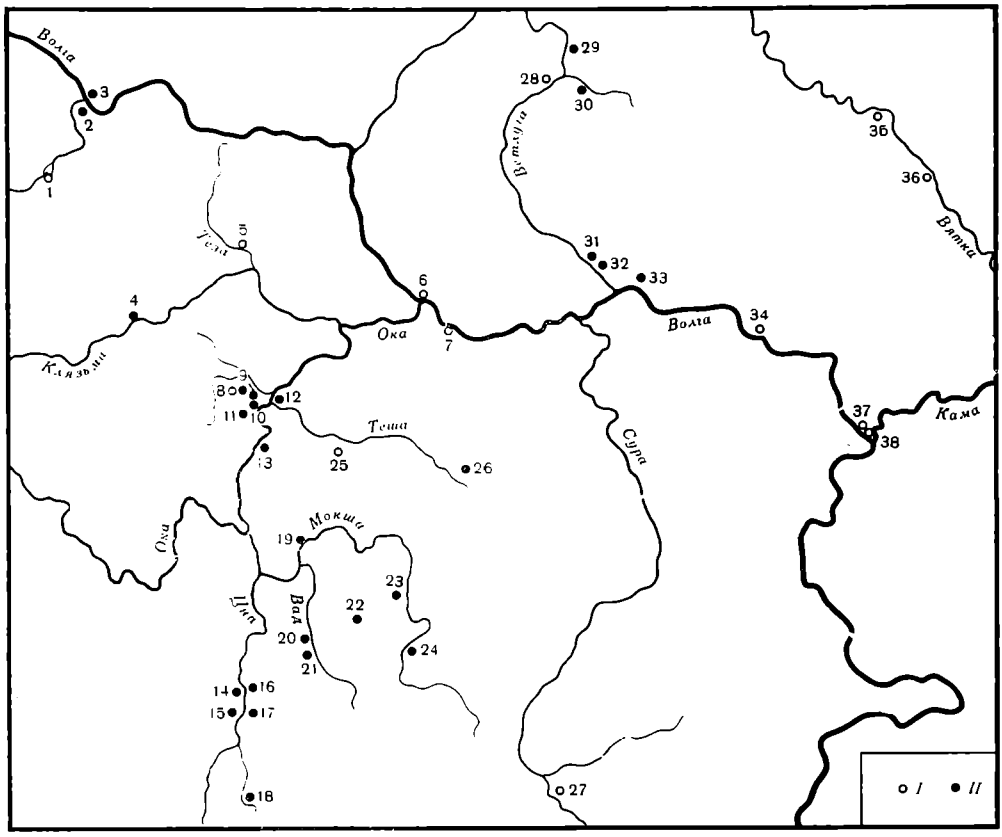


Рис. 1. Погребения литейщиц. I — Погребения конца V—VIII в.; II — погребения IX—XIII вв. *1* — Сарский мог.; *2* — Петровское: *3* — Михайловское; *4* — Васильки; *5* — Хотимльский мог.; *6* — Желтухино; *7* — Безводное; *8* — Малышево; *9* — Максимовка; *10* — Пятницкий мог.; *11* — Подболотня; *12* — Корнпловка; *13* — Нижняя Верея; *14* — Томниково; *15* — Крюково-Кужново; *16* — Елизавет-Михайловка; *17* — Паново; *18* — Лядинский мог.; *19* — Шокшинский мог.; *20* — Журавкино; *21* — Старое Бадиково; *22* — Кельгинино; *23* — Ефаево; *24* — «Красный Восток»; *25* — Старший Кужендеевский мог.; *26* — Перемчалок; *27* — Армпево; *28* — «Чертово городище»; *29* — «Черемисское кладбище»; *30* — Веселовский мог.; *31* — Выжумский III мог.; *32* — Починок; *33* — Дубовский; *34* — Мари-Луговской мог.; *35* — Тюм-Тюм; *36* — Суворово; *37* — Нармонский мог.; *38* — Рождественский V мог.

Ареал погребений литейщиц (их известно 16) охватывает в основном этнические территории мари, муромы, мордвы и мери (рис. 1). Наибольшее количество (7) погребений обнаружено в регионе междуречья Волги, Ветлуги, Вятки и правобережья нижнего течения Камы. Западная часть этой территории (Поветлужье) была заселена потомками позднегородецких племен, а восточная входила в ареал азелинской культуры [2, рис. 3]. Путем слияния позднегородецкого и азелинского компонентов образовались древние марийцы [3, с. 102]. Позднейшие азелинцы бассейна Вятки вошли в состав удмуртов, а в Нижнем Прикамье были частично ассимилированы пришлыми именьковскими племенами [7, с. 31] или оттеснены в более глухие лесные районы [8, с. 43].

Погребения литейщиц обнаружены в пяти азелинских могильниках: Суворовском (погр. 5) [2, с. 31, 111], Тюм-Тюм (погр. 45) [9], Нармонском (погр. 10) [10, рис. 4, с. 85], Рождественском Пятом (погр. 33 [11, с. 168—172] и погр. 6[2]), Мари-Луговском (погр. 35) [12, с. 168, табл. XXXVII, 7).

В каждом из первых четырех погребений были найдены наковаленки, ювелирные и простые молоточки, а в трех также и каменные формочки для отливки мелких украшений. В погр. 5 Суворовского и погр. 33

[2] Погребение 6 не издано, обнаружено в 1970 г. разведкой Татарской археологической экспедиции. Благодарим П. Н. Старостина за сведения о нем.

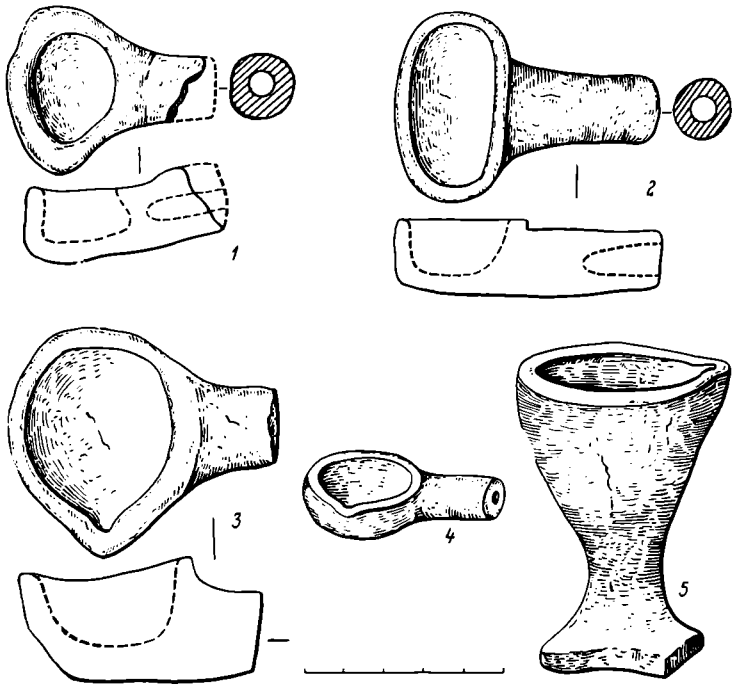


Рис. 2. Льячки и тигель конца V—VIII в. *1*, *5* — Кубашевское городище; *2* — «Чертово городище», погр. 3; *3* — Томниковский мог., погр. VII; *4* — Мари-Луговской мог., погр. 35

Рождественского могильника обнаружен металлический лом в виде проволочек, латунных пластинок и стружек. В Суворовском и Нарманском могильниках найдены также слитки латуни, а в погр. 33 Рождественского — отливки олова. Орудия труда литейщицы в погр. 5 Суворовского могильника лежали в берестяном коробе, поставленном в головах покойной. В погр. 33 Рождественского могильника набор инструментов находился в ногах скелета; в Нармонском и погр. 6 Рождественского Пятого могильника (льячка) — у правого бедра. В могиле 35 Мари-Луговского могильника захоронены женщина и подросток (судя по красным пастовым бусинам — девочка). У таза последней лежала льячка. В потревоженном погр. 3 на «Чертовом городище» были найдены льячка и обломок каменной литейной формочки. Погребение датируется концом V—VI в. Льячки имеют вид небольшого плоскодонного овального или округлого ковшичка с круглой полой ручкой, куда вставлялась деревянная рукоять (рис. 2, *2*, *4*).

Верхняя дата азелинской культуры колеблется в пределах VI—VII вв. Дата, предложенная В. Ф. Генингом (V в.), неоднократно оспаривалась. Позднее исследователи называли VI и VII вв. [14, с. 107; 15, с. 96].

На территории мордвы обнаружены три погребения литейщиц. Два более ранних происходят из Старшего Кужендеевского (погр. 6) и Армиевского (погр. 56) могильников. В погребениях найдены только литейные формочки из белого известняка. В Армиевском могильнике формочка лежала у ног покойной [16, с. 61, рис. 128]. Одна из формочек из погр. 6 и формочка из погр. 56 предназначались для отливки крошечных шариков (бисер?). Вторая формочка из погр. 6 считается М. Ф. Жигановым незавершенным изделием [17, с. 225, рис. 8]. П. С. Рыков относил погр. 56 Армиевского могильника к IV—V вв. А. К. Амброз предложил для всего могильника более позднюю дату — VII в. [14, с. 113, 115], а М. Р. Полесских — VI—VII вв. [18, с. 50], что нам кажется более справедливым.

В 1908 г. при раскопках Томниковского могильника найдено погребение (VII) с большим количеством бронзовых женских украшений.

Там же были льячка, снаряжение всадника (удила, стремена) и наконечник стрелы [3]. Неясно, было ли погребение парным (женское и мужское) или оно принадлежало женщине-воительнице (всаднице). Женские погребения с оружием (копья, стрелы) и снаряжением всадника в мордовских могильниках встречаются. Так, в богатом женском погр. 177 Армиевского могильника (VII в.) находились удила, наконечники стрел и даже меч [18, с. 38]. Известно также, что женщина-всадница — один из персонажей мордовского фольклора. Льячка из Томниковского могильника имеет ковшичек округлой формы со сливом слева и массивную полую ручку (рис. 2, *3*). Поясные бляшки-тройчатки и в виде буквы *X*, височные привески с пирамидальным грузиком, рассеченным выемкой, серьга салтовского типа с выступом на кольце, стремена с круглой подножкой позволяют датировать погребение с льячкой VIII в.

Следующий район с находками погребений литейщиц — побережье Волги в пределах Горьковской области. Здесь обнаружено два погребения в двух разных могильниках. О Желтухинском могильнике сведения скудны. Он расположен в Городецком районе, выше г. Горького. В 1974 г. было вскрыто 23 погребения, среди которых одно, с богатым инвентарем, принадлежало литейщице. Могильник датируется V—VIII вв. [19, с. 35, 36; 20, с. 180]. Могильник Безводнинский открыт ниже г. Горького, в Кстовском районе. В нем насчитывается 169 могил. Льячка из женского погр. 134 (единственная в могильнике) лежала у черепа [21, рис. 50, *6*; с. 72, 175]. Погребение выделялось обилием бронзовых украшений. Датируется оно VI—VII вв.

Желтухинский и Безводнинский могильники по ряду этнокультурных признаков близки муромской группе памятников. Позднее население этого региона было, очевидно, ассимилировано мордвой. На основной этнической территории муромы к рассматриваемому периоду относятся два погребения (76 и 61) литейщиц из Малышевского могильника [4]. В каждом погребении у головы покойной лежали льячка и шило, а в погр. 61 еще и глиняная литейная формочка. Первое погребение отнесено А. Ф. Дубыниным к VI, второе — к VIII в. Льячки из обоих погребений одинаковые: ковшички овальные (7×3 см), со сливом слева, ручки круглые; орнамент отсутствует.

На территории мери погребения литейщиц (трупосожжения) обнаружены в Хотимльском и Сарском грунтовых могильниках. В погр. 9 Хотимльского могильника, раскопанного А. Ф. Дубыниным в 1945 г., найдены льячка, обломок медной проволочки, бубенчик, медная булавка с расплющенным щитком и фрагмент пластинчатого браслета [22]. По треугольной форме верхнего края ковшичка льячка сходна с находками с Синьковского городища и Попадьинского селища [23, рис. 17, *8*; 36, *5*]. Ориентировочно погребение может быть отнесено к VII—VIII вв.

П. Н. Третьяков опубликовал каменную литейную формочку для отливки зерненых украшений из погребения, раскопанного Д. А. Крайновым на Сарском могильнике [24, с. 94, рис. 52]. Там же были глиняная льячка и остатки пережженных украшений пояса. Он сомневался в принадлежности этого погребения ремесленнику-мужчине. Вполне допустимо считать его погребением литейщицы и отнести (условно) к концу рассматриваемого периода.

Создавая для себя орудия труда, женщины финно-угров привносили в это производство этнические традиции, возникшие в недрах домашнего гончарства. Так, в каждом регионе несколько различна форма льячек. Различны и тигли (последние известны лишь по находкам на поселениях). В ареале позднегородецкой и азелинской культур тигли рюмкообразные (рис. 2, *5*). В Нижнем Прикамье на селище около с. Шербеть найдены тигли с конусовидным дном и трехгранным венчиком [25]. Они

[3] Эрмитаж, ОИПК, секция Северо-Запада, кол. 758; раскопки Шереметьева. Отчет о раскопках отсутствует. Благодарим З. А. Львову за присланный нам рисунок льячки.

[4] Благодарим А. Ф. Дубынина за разрешение использовать неизданный материал из Малышевского могильника.

Таблица 1

Погребения литейщиц в могильниках мари X–XIII вв.

Исследователь	Могильник	Дата и номер погребения			Количество погребений в могильнике
		X в.	X–XI вв.	XII–XIII вв.	
Г. А. Архипов, А. Х. Халиков	Веселовский	20	–	–	1
Г. А. Архипов	Выжумский III	–	11, 13, 24	–	3
»	Дубовской	36	–	–	1
»	Починковский	–	–	7	1
В. И. Каменский	«Черемисское кладбище»	VI, VIII	–	–	2
Итого		4	3	1	8

обнаружены в специальных литейных мастерских, где открыт склад латунных слитков (67 экз.). П. Н. Старостин датирует эти находки V–VII вв. [25, с. 233–237]. Подобные слитки найдены в погребениях литейщиц из Суворовского и Нармонского могильников [10, рис. 4, 7]. Есть предположение, что слитки могли служить и денежными единицами [26, с. 85–87]. Орудия литья и остатки производственных сооружений на поселениях анонимны. Связать их с деятельностью женщин-литейщиц в данном случае можно лишь предположительно.

Было ли производство литейщиц этого периода товарным? В. Ф. Генинг полагал, что азелинские мастера уже превращались в ремесленников, работавших на сбыт своей продукции соседним общинам [2, с. 67, 68]. Не соглашаясь с выводами В. Ф. Генинга, А. П. Смирнов [27, с. 246] и П. Н. Старостин [11, с. 172] утверждали, что относительно высокий технический уровень производства литейщиц еще не является показателем полного выделения ремесленниц из общины, что нам кажется справедливым.

Второй период (IX–XII вв.). Развитие производительных сил привело к разложению родового строя у средневолжских финно-угров. Однако этот процесс не был завершен и у отдельных народностей протекал с различной интенсивностью. Так, развитие деревенского ремесла у мари и мордвы не перешло в свою высшую стадию – ремесло городское. У муромы племенной центр оформился как город лишь с появлением русского населения на месте муромского селища в начале XI в. [23, с. 203]. Только у мери и веси в конце IX–X в. возникли ремесленно-торговые поселки (Сарское городище, Тимеревское селище[5], Белоозеро, Крутик), на появление которых оказал непосредственное воздействие Великий Волжский путь.

Все возраставший спрос на украшения из цветных металлов и в этот период с успехом удовлетворяли женщины-литейщицы, представлявшие собой деревенское ремесло. Количество археологически известных погребений литейщиц этого периода значительно больше, чем предыдущего. В одном и том же могильнике, как правило, встречено по нескольку погребений литейщиц.

Восточная территория волжских финно-угров – земли мари. Отсюда происходит всего восемь погребений литейщиц. В семи погребениях из восьми (табл. 1) найдены льячки. В погр. VI и VIII «Черемисского кладбища» было по две льячки, по формочке для отливки мелких украшений и по слитку свинца и сплава олова с медью[6]. В погр. 24 Выжумского III могильника [28], а также в погр. 36 Дубовского [29] и погр. 7 Починковского могильника [30] вместе с льячками лежали

[5] В археологической литературе эти два поселения отнесены к протогородам.

[6] МАЭ. Коллекция В. И. Каменского из раскопок «Черемисского кладбища» в 1908 г. Инв. № 1265.

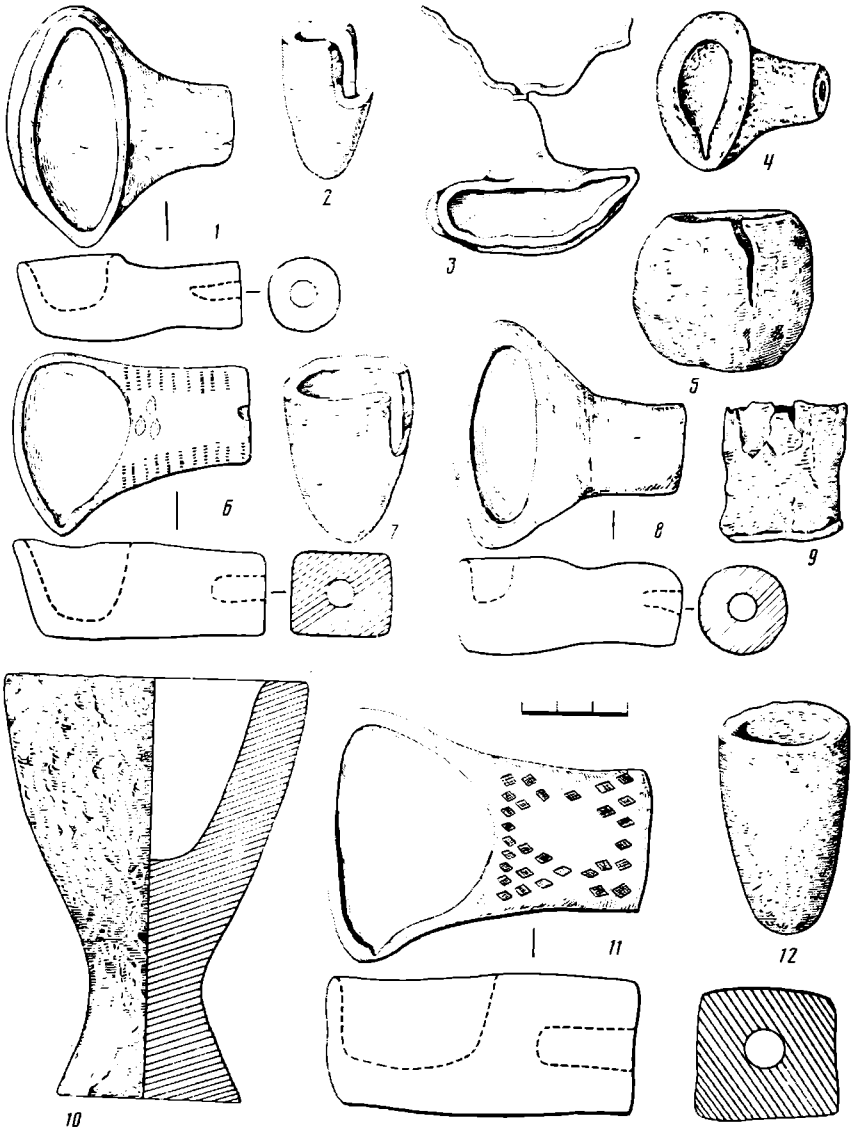


Рис. 3. Льячки и тигли IX—XII вв. *1* — Малышевский мог., погр. 93; *2* — Тумовское селище; *3* — Васильки, кург. 61; *4* — Петровский мог., кург. 118; *5*, *9* — Васильки; *6* — Выжумский III мог., погр. II; *7*, *12* — Крюково-Кужновский мог., из разрушенных погребений; *8* — Кельгининский мог., из разрушенных погребений; *10* — Ижевское городище; *12* — «Черемисское кладбище», погр. XV—XVI

шилья. В погр. 20 Веселовского могильника найдены только формочка и шило [31].

В погребениях литейщиц из Выжумского III могильника литейные инструменты лежали в ногах погребенных; в Починковском мог.— у правого колена, в Дубовском — у головы. Частой находкой в погребениях являлись топоры и котлы, обычно помещавшиеся в ногах. В погр. VI «Черемисского кладбища» найден саманидский дирхем 907—962 гг. Дирхемы-подвески были и в погребениях Выжумского могильника[7].

В таблицу погребений литейщиц не внесены данные о двух погребениях могильника «Черемисское кладбище». Это двойные захоронения:

[7] Приносим благодарность Г. А. Архипову за разрешение использовать неопубликованные материалы из его раскопок.

Таблица 2

Погребения литейщиц в могильниках мордвы IX–XIII вв.

Исследователь	Могильник	Дата и номер погребения					Количество погребений в могильнике
		IX в.	IX–X вв.	X в.	X–XI вв.	XII–XIII вв.	
П. П. Иванов	Елизавет-Михайловский	120	–	71, 76, 81, 90, 97, 106, 116	2, 33	–	10
Е. И. Горюнова	Ефаевский					13	1
И. М. Петербургский	Журавкинский II			16, 32			2
А. С. Воскресенский	Кельгининский				4		1
П. П. Иванов	Крюково-Кужновский	183, 249, 550	204, 566	7, 58,68, 73, 83,395 442, 508, 527, 571	193, 216, 241, 252, 378, 388, 413, 421, 449, 468, 479, 507, 569	–	28
В. Н. Ястребов	Лядинский			73, 124, 134, 163, 182, 183	101, 116		8
П. П. Иванов	Пановский	25	8	16, 111	21, 33, 50, 94, 96		9
М. Р. Полесских	«Красный Восток»			6, 28			2
Е. И. Горюнова	Пересчалкинский		6				1
И. М. Петербургский	Старобадиковский II			203			1
И. И. Воронцов-Дашков, В. Н. Ястребов	Темниковский				10		1
А. В. Циркин	Шокшинский			227, 234			2
Итого		5	4	32	24	1	66

IX–X (трупосожжения) и XV–XVI (трупоположения), судя по инвентарю – мужские и женские. В коллекционную опись погребальный инвентарь внесен не по погребениям, а суммарно, хотя и в определенном порядке: сначала описаны вещи явно мужские, а затем женские. Предположительно мы относим литейную формочку из погребений IX–X к женскому погребению. В погребениях XV–XVI орудия литья сопровождали как мужское, так и женское захоронение. Так, в описи после копья, топора, тесла и котла упомянуты две льячки, слиток олова, формочка из белого камня. После перечня женских украшений названы ножи, шило, формочка для отливки мелких украшений. Те и другие погребения датируются X в.

Две льячки найдены в погр. 9 Юмского (Загребинского) могильника (трупосожжение). Пол погребенного не определен [32; 3, рис. 63, *3–4*). В погр. 2 Веселовского могильника льячка найдена в засыпи могильной ямы. Захоронение мужское, датируется X–XI вв. [13, с. 24, 25, рис. 20, *9*).

Все 14 льячек из перечисленных погребений принадлежат к одному типу. У них массивные прямоугольные ручки, расположенные на одном уровне с краем ковшика. Последний имеет овальную или подтреугольную форму; слив слева (рис. 3, *6*, *11*). Размеры льячек варьируют: от

крупных, длиной 9 см, при толщине ручки 4 см, с ковшиками 7,3×5 см, до небольших, длиной 5,5 см, с размером ковшика 3,5×2,8 см, при толщине ручки 2,3 см. Льячки описанного типа в большом количестве найдены и на городищах X—XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья [3, с. 77]. Исключение составляют льячки с круглым ковшиком (Починковский могильник). Как правило, льячки не орнаментированы. Мне известны две льячки с оттисками ромбовидного штампа и насечками в виде решетки (рис. 3, *6*, *11*).

Из раскопок мордовских могильников известно 66 погребений литейщиц (табл. 2). 46 из них обнаружены в среднем течении р. Цны, где сосредоточены могильники Крюково-Кужновский [33], Елизавет-Михайловский и Пановский [34], Томниковский [35] и раскопано свыше 800 погребений. В обряде захоронений литейщиц мордвы прослеживаются некоторые местные черты. Постоянной находкой являются льячки (обычно одна в погребении) и слитки металла. В среднем течении Цны в 19 погребениях вместе с льячками найдены литейные формочки (от одной до восьми в могиле). Во многих льячках на днищах — застывшее олово. Слитки олова в виде прямоугольных и треугольных брусочков найдены вместе с льячками и формочками в семи погребениях (погр. 7, 116, 421, 449, 527, 566, 569) Крюково-Кужновского могильника, в погр. 97 и 116 Елизавет-Михайловского и погр. 8, 21 Пановского могильников. Известны и погребения без литейных инструментов, но со слитками олова, бронзы и серебра, которые мы вслед за А. Е. Аликовой [36, с. 11] относим к погребениям литейщиц. В Крюково-Кужновском могильнике это следующие погребения: 183, где найдены слитки олова и бронзы, и 204, 395, 508, 550, где обнаружены только отливки олова. В трех погребениях Пановского могильника четыре слитка олова находились у головы, по одному — у левой голени (погр. 16, 111), а в погр. 25 кусочек олова был вложен в руку покойной. В Елизавет-Михайловском могильнике слитки олова найдены в одном погребении (120), а слитки серебра — в трех. В погр. 2 и 97 слитки были положены в льячки, а в погр. 76 помещались у бедра покойной, слева, вместе со слитком бронзы. Вместе с орудиями литья в Крюково-Кужновском могильнике в двух погребениях были железные шильца, еще в двух — вязальные крючки, в одном — ножницы, а в Пановском могильнике — бронзовый пинцет. Производственный инвентарь помещался у головы или в ногах. Очень часты находки пряслиц (от одного до семи в погребении).

Погребения литейщиц выделяются множеством бронзовых и оловянных украшений, покрывающих одежду, головной убор, обувь. В редких случаях в них встречаются вещи, обычные для мужских погребений, и оружие. Так, в погр. 50 Пановского могильника найдены бронзовое ведро с ковшом и копье; в погр. 25 и 33 того же могильника были узколезвийные топоры. Топоры в ногах литейщиц отмечены также в погр. 7, 249 Крюково-Кужновского могильника. Топор-молот найден в погр. 120 Елизавет-Михайловского могильника. Среди инвентаря женского погр. 10 Томниковского могильника В. Н. Ястребовым упомянуты топор, пешня, копье, удила. Скелет в погребении был только один. Возможно, что оружие и конское снаряжение должны были подчеркнуть особое социальное положение литейщицы. Набор женских украшений здесь также очень богат.

В Лядинском могильнике из восьми погребений литейщиц льячки найдены в пяти, в головах или у ног. В двух случаях вместе с льячками были слитки олова. В трех погребениях находились только отливки олова [35]. В могильниках на р. Вад — Старобадиковском II и Журавкинском II в трех погребениях литейщиц было по льячке, а в одном — также обломок литейной формы. Орудия литья помещены у ног, у головы и в центре могилы [37; 38, с. 71, 73, рис. 13, *17*; 18, *2*].

Четыре погребения литейщиц известны в могильниках по р. Мокше. В могильнике «Красный Восток» в двух погребениях вместе с льячками у ног покойниц были в одном случае вязальный крючок, в другом —

Таблица 3

Погребения литейщиц в могильниках муромы IX–XI вв.

Исследователь	Могильник	Дата и номер погребения			Количество погребений в могильнике
		IX в.	X в.	X–XI вв.	
	Пятницкий			7	1
Ф. Я. Селезнев	Корниловский		9		1
В. Б. Антонович, А. С. Уваров	Максимовский	–	5	–	1
А. Ф. Дубынин	Малышевский	17, 33, 136, 145, 167, 176	143, 216	5, 93, 100, 107, 193, 197	14
В. Ф. Черников	Нижневерейский	–	9	–	1
В. А. Городцов	Подболотьевский	–	69, 95, 129, 143, 149	–	5
Итого		6	10	7	23

слиток белого сплава [39, с. 116–133]. В Шокшинском могильнике в двух погребениях найдено по две каменные литейные формочки, а в одном – также льячка и слиток олова. Орудия литья лежали у тазовых костей [40, рис. 3, *28, 29*].

В погр. 6 Перемчалкинского могильника на притоке р. Пьяны льячка находилась у черепа погребенной [41, рис. 3; 42]. Такое же положение льячки отмечено в погр. 4 Кельгининского могильника [43].

Формочки (большинство их разбито) предназначались для отливки мелких украшений. У некоторых очертания отливаемых предметов неясны; возможно, они служили для пробных отливок. Среди хорошо сохранившихся – формочки из погр. 7, 68, 241, 249 Крюково-Кужновского могильника для отливки оловянных пуговок и бисера. Для этой же цели, очевидно, употреблялись формочки из погр. 106, 116 Елизавет-Михайловского могильника [34, табл. 44, *7, 8* и табл. 41, *6*]. По наблюдениям Р. Ф. Ворониной, бисером и мелкими пуговками из олова вышивались ворот, рукава, боковые швы, иногда подол и по́лы. Особенно пышно украшена погребальная одежда старых женщин-литейщиц [44, с. 37]. П. П. Иванов отмечал, что пуговки на женской одежде погр. 7 Крюково-Кужновского могильника были отлиты в глиняной формочке, найденной в том же погребении [33, с. 14]. Глиняная формочка из двух половинок (погр. 571 Крюково-Кужновского могильника) служила для отливки серьги салтовского типа [33, с. 180, рис. 10, *1*]. В погр. 2 Елизавет-Михайловского могильника по оттиску в глиняной формочке отливалась деталь головного украшения.

Льячки из погребений мордвы однотипны. Эллипсоидная форма ковшика позволяла сливать металл на две стороны – направо и налево. Размеры ковша льячки обычно равны 7,5×3, 6×2,5 см; иногда меньше (рис. 3, *8*). Такие же льячки найдены на городищах и селищах мордвы X–XII вв. в Горьковской обл. и на территории Мордовской АССР. Большинство льячек без орнамента. По изданиям известны лишь три орнаментированные льячки: с косыми нарезками по краю венчика [33, табл. 44, *1*], со сдвоенными оттисками миниатюрной палочкой по ручке и венчику [34, табл. V, *7*] и схематическим изображением птичьей лапы на ручке [34, табл. XLI, *2*]. В XII–XIII вв. мужские погребения с льячками у мордвы уже не являлись редкостью. Так, в Кельгининском могильнике их было четыре.

У муромы известно 23 погребения литейщиц (табл. 3). Льячки найдены в 20 погребениях по одному экземпляру. В четырех погребениях

Подболотьевского могильника[8] (95, 129, 143, 149) и трех Малышевского были только льячки. Льячки с формочками обнаружены в погр. 69 Подболотьевского и 143 Малышевского могильников. В погребениях часто встречаются шилья. Льячки, формочки и шилья найдены в пяти погребениях Малышевского могильника. Дважды в том же могильнике, а также в погр. 9 Нижневерейского могильника[9] обнаружены льячки с шильями. В ряде погребений — погр. 5 Максимовского[10] [46], погр. 7 Пятницкого [47], погр. 33 Малышевского могильников встречены только формочки. Формочки с шильями найдены в двух погребениях — погр. 216 Малышевского и погр. 9 Корниловского [47] могильников.

Погребальный инвентарь помещался в головах покойниц (в 10 погребениях) — в ногах (4 погребения); в одном случае — у груди, в другом — у колена. В семи случаях положение орудий в погребении неизвестно. Формочки из погребений чаще всего представлены обломками. Сохранившиеся глиняная (Малышевский могильник, погр. 61) и две каменные (погр. 69 Подболотьевского и погр. 5 Максимовского могильника) предназначались, вероятно, для отливки зерни. Слитков олова или других металлов не зафиксировано.

У льячек муромских литейщиц форма ковшика овальная, приближающаяся к эллипсу. Однако чаще всего льячки имеют один, более четко выраженный слив, слева. Обычные размеры ковшичков 7×3,5 и 6×2,5 см. Льячки не орнаментированы. Нам известна только одна льячка из Нижневерейского могильника, на ручке которой процарапан косой крест. Возможно, что этот знак, как и упоминавшееся изображение птичьей лапы на льячке из Крюково-Кужновского могильника,— тамга, знак собственности.

Специфических мужских орудий труда и оружия в погребениях муромских литейщиц не обнаружено. В пяти погребениях литейщиц из Малышевского могильника найдены дирхемы X в. В одном из таких погребений найдено 18 сломанных серебряных дирхемов первой половины X в., завернутых в ткань, очевидно, предназначавшихся для переплавки.

В Подболотьевском могильнике найдено погребение кузнеца с льячкой, половинкой литейной формы и богатым набором женских украшений [45; 1, рис. 13]. Как бы ни объяснять наличие женских вещей и орудий литья в данном погребении (дар вдовы, захоронение женщины?), оно, по мнению Б. А. Рыбакова, уже указывает на тесную связь кузнечного и литейного дела [1, с. 94]. Погребение датируется X в. В этом же могильнике найдено второе мужское погребение X в. с льячкой (погр. 124).

В грунтовых могильниках мери погребения литейщиц не известны. В курганах с трупосожжениями Владимирской земли, раскопанных А. С. Уваровым и его помощниками, есть несколько погребений с орудиями литья. Это кург. 61 у дер. Васильки, где найдены льячка (рис. 3, *3*), горшок, обломки костяного гребня и обгорелых бронзовых изделий [48, с. 111; Атлас, табл. II, *3*]. Переиздавший льячку А. А. Спицын датировал ее X в. [49, с. 111]. В пяти других курганах этой группы найдены тигельки (?), по одному в каждом погребении [48; Атлас, табл. II, *4*, *5*]. Они имеют форму плоскодонных горшочков или чаш. Отнести эти погребения к женским и финским можно только предположительно.

Достоверные погребения литейщиц обнаружены в трех курганах X в. с трупосожжениями Ярославского Поволжья [50, с. 33]. Исследователи

---

[8] В. А. Городцов ошибочно назвал льячки в погребении литейщиц Подболотьевского могильника тиглями [45].

[9] Могильник расположен в Выксунском районе Горьковской обл. В 1962 г. было раскопано девять погребений. Благодарим В. Ф. Черникова за сведения об этом памятнике.

[10] Погребение 5 Максимовского могильника по найденной в нем абассидской монете 754 г. было отнесено Б. А. Рыбаковым к VIII в. [1, с. 90]. Однако вещевой инвентарь — гривна глазовского типа, парные полуцилиндрические пронизки с привесками в виде гусиных лапок, узкий топор с двумя щековицами — позволяет датировать погребение не ранее IX—X вв.

Таблица 4

Погребения литейщиц IX–XII вв.

Дата	Мари	Мордва	Мурома	Меря	Количество погребений в могильниках
XII–XIII вв.	1	1	–	–	2
X–XI вв.	3	24	7	–	34
X в.	4	32	10	4	50
IX–X вв.	–	4		–	4
IX в.	–	5	6	–	11
Итого	8	66	23	4	101

ярославских курганов относят погребения литейщиц к финским. Это кург. 1 (1902 г.) и 6 (1938 г.) Михайловского и кург. 118 Петровского могильников [51; Приложение, с. 132, 137, 139 и таблицы]. Во всех погребениях найдены льячки, а в кург. 1 Михайловского могильника и две каменные литейные формочки. В. А. Мальм считает, что формочки служили для пробных отливок. Льячка из Петровского могильника издана [52, рис. 11]. Льячки имеют овальные ковшички с одним сливом и короткие полые ручки. В качестве рукояти льячки из Васильковского кургана использованы железные проволоки (рис. 3, *3*). Льячка из кург. 1 Михайловского могильника орнаментирована точечными вдавлениями. Аналогичной формы льячки найдены на Дурасовском и Сарском городищах [23, рис. 43, *10* и рис. 53, *16*, *17*, *41*] и на Тимеревском селище IX–X вв.

В 1960 г. в курганной группе Бугриха близ дер. Киучер (50 км юго-восточнее Переяславля-Залесского) Е. И. Горюнова раскопала мужское погребение (№ 5) с льячкой, лежавшей в ногах. Сохранились остатки кожаного пояса с ножом и колчан из луба с железными наконечниками стрел; топорик, два горшка. Дата погребения — начало XI в. [53].

У веси четыре погребения литейщиц обнаружены в 1982–1983 г. А. Н. Башенькиным в трех курганах с трупосожжениями на р. Суде. Найдены глиняные льячки, часть которых орнаментирована, каменные и глиняные литейные формочки.

Подведем некоторые итоги. Судя по данным табл. 4, наибольшее количество погребений литейщиц у всех волжских финно-угров приходится на X в., но и в XI в. их еще довольно много. Единичные погребения у мари и мордвы встречаются в XII–XIII вв. В процессе эволюции женского литейного производства особое место занимал IX в. В это время мастерицы овладели сложнейшими приемами ювелирной техники. В изготовлении украшений они применяли зернь, скань; комбинировали сборку отдельных частей украшений (резные пластинки) и деталей, отлитых по восковой модели. Особой сложностью изготовления отмечены ажурные треугольные подвески[11] и коньковые подвески с квадратным щитком муромы [54, табл. 20]. X в.— вершина в развитии женского ремесленного литья. Тогда же наметились черты серийного производства многих типов украшений. Их стали отливать целиком, вместе с «ложной зернью». Это предполагает работу мастериц на рынок, на массового покупателя.

Превращение литейного дела в ремесло совпало с появлением в археологических памятниках X–XI вв. погребений литейщиков-мужчин. Однако еще в первой половине XI в. у муромы, мордвы и мари деревенское литейное ремесло в значительной мере оставалось в руках женщин. Семь известных погребений девочек с орудиями литья[12] дают основание предполагать, что литейному делу учили с малолетства. Из поколения в поколение закреплялись передаваемые женщинами традиционные черты в из-

[11] В погр. 167 литейщицы из Малышевского могильника найдены также формочка, льячка, шило.

[12] Могильники: Подболотьевский, погр. 69, 149; Малышевский, погр. 5, 193; Крюково-Кужновский, погр. 7; Елизавет-Михайловский, погр. 25; Михайловский, кург. 6 (1938).

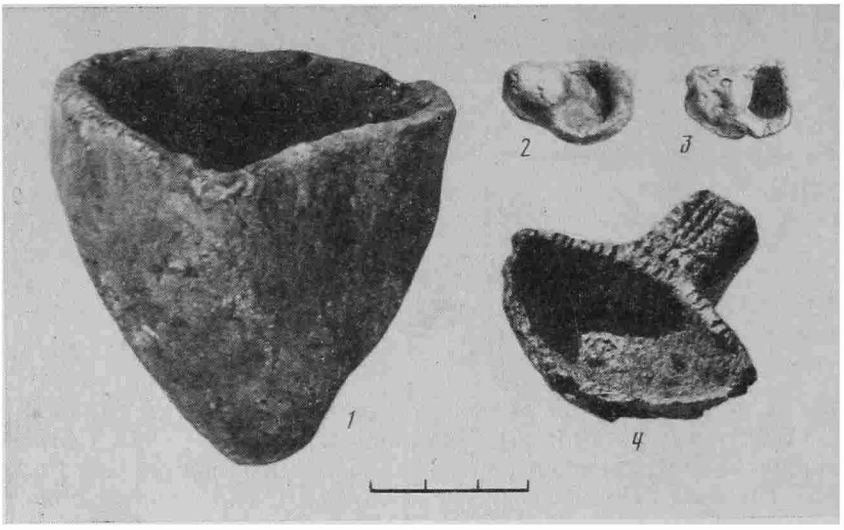


Рис. 4. Поселение Крутик. *1* — Тигель; *2*, *3* — льячки-игрушки; *4* — льячка с орнаментом

готовлявшихся ими орудиях литья. Отмеченные нами для V—VIII вв. областные различия в формах льячек и тиглей сохранялись и в IX—XI вв. Г. А. Архипов первым отметил, что льячки мари имеют иную форму, нежели льячки мордвы и мери [3, с. 48]. Между последними также имеются некоторые различия. Если для льячек мордвы традиционна форма ковшичка в виде эллипса, то у мери распространены как эллипсоидная, так и овальная форма льячек с одним сливом. Льячки муромы имеют овальный, реже округлый ковшичек с односторонним сливом.

Этнические традиции домашнего гончарства сказались и в украшении льячек. Так, у муромы и мордвы льячки, как и лепная посуда, как правило, не орнаментировались. Узор из штрихованных ромбов на льячках мари отмечен исследователями в качестве излюбленного мотива в украшении посуды, костяных изделий и в вышивке древних марийцев [3, рис. 71, *2*]. Крестовидные и треугольные точечные орнаменты на льячках мери известны на посуде и глиняных грузиках с дьяковского времени.

Выше указывалось на различия в форме тиглей. Так, рюмкообразная форма тиглей сохранялась у мари с VI по X в. (рис. 3, *10*). У мери тигли имели форму плоскодонных баночных и округлых чашевидных сосудов. У муромы (рис. 3, *2*) и мордвы[13] (рис. 3, *7*, *12*) известны узкие цилиндрические тигли с круглым сечением верхнего края и округлым или конусовидным дном. Для эпохи женского ремесленного литья локальные особенности в формах льячек и тиглей предположительно могут рассматриваться в качестве этнических признаков.

На позднем этапе женского ремесленного литья последнее сосуществовало с мужским. Так, на поселении веси X в.— Крутик[14] [55], плавка цветных металлов производилась в основном в домашних условиях, на очагах: 50% найденных льячек и их обломков орнаментировано (4, *4*). Здесь, вероятно, трудились женщины. У очагов же найдены миниатюрные льячки и тигельки, вероятно, служившие игрушками (и своеобраз-

[13] Благодарим Р. Ф. Воронину за предоставленные нам рисунки тиглей из разрушенных погребений Крюково-Кужновского могильника.

[14] Поселение Крутик расположено в 6 км от правого берега р. Шексны у дер. Городище Кирилловского р-на Вологодской обл., исследовалось Белозерской экспедицией ИА АН СССР под руководством автора настоящей статьи в 1974—1978, 1980—1981 гг.

ными наглядными пособиями) для девочек — будущих литейщиц (рис. 4, *2*, *3*). Тигли и льячки обнаружены также у двух кузнечных горнов и литейного горна, где, возможно, работали мужчины.

Признаками все возраставшей роли мужчин-литейщиков в археологических материалах с X в. являются следующие. 1. Погребения литейщиков, о которых говорилось выше. 2. Унификация орудий литья. На Крутике — поселении веси и на Сарском городище — поселении мери использовались тигли одинаковой формы с конусовидным дном и трехгранным в сечении верхнем краем[15] (рис. 4, *1*). Вероятно, распространение этой формы тиглей шло по Великому Волжскому пути из Старой Ладоги[16]. Здесь она известна с горизонта Е3 (вторая половина VIII в.), а в X в.— господствовала [56, рис. 2, *1*; с. 90—92; 57, с. 52, 63, рис. 3, *10*]. 3. Исчезновение орнамента на льячках. В городах Белоозере, Пскове, Ладоге, Новгороде, где литейным делом занимались, очевидно, мужчины, уже с X в. орнаментированные льячки не встречаются.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси. М.: Изд-во АН СССР, 1948.
2. *Генинг В. Ф.* Азелинская культура, III—V вв.— ВАУ, 1963, вып. 5.
3. *Архипов Г. А.* Марийцы IX—XI вв. Иошкар-Ола: Маркнигоиздат, 1973.
4. *Архипов Г. А.* Археологические свидетельства о ремесле древних марийцев.— В кн.: Из истории хозяйства населения Марийского края. (Археология и этнография Марийского края, вып. 4). Иошкар-Ола, 1979.
5. *Старостин П. Н.* Работы на Гремячинском могильнике летом 1976 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 6420.
6. *Ошибкина С. В.* Отчет о работе Вятской экспедиции 1972 г.— Архив ИА СССР, р-1, № 4740.
7. *Старостин П. Н.* Памятники именьковской культуры.— САИ, 1967, вып. Д1-32.
8. *Старостин П. Н.* Этнокультурные общности предбулгарского времени в Нижнем Прикамье.— В кн.: Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Прикамья. Казань, 1971.
9. *Ошибкина С. В.* Отчет о работе Вятской археологической экспедиции 1970 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 3499.
10. *Старостин П. Н.* Памятники предболгарского времени Нижнего Прикамья.— В кн.: Плиска — Преслав 2. София, 1981.
11. *Старостин П. Н., Кузьминых С. В.* Погребение литейщицы из Пятого Рождественского могильника.— В кн.: Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.: Наука, 1978.
12. *Халиков А. Х.* Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа.— Тр. МАЭ, 1962, т. II.
13. *Халиков А. Х., Безухова Е. А.* Материалы к древней истории Поветлужья (Археологические исследования в Ветлужском районе Горьковской области в 1957 г.). Горький, 1960.
14. *Амброз А. К.* К проблеме раннесредневековой хронологии Восточной Европы.— СА, 1971, № 3.
15. *Архипов Г. А.* Марийский край в памятниках археологии. Йошкар-Ола: Маркнигоиздат, 1976.
16. *Рыков П. С.* Культура древних финнов в районе р. Узы. Саратов, 1930.
17. *Жиганов М. Ф.* Старший Кужендеевский могильник в долине р. Теша.— СА, 1959, № 1.
18. *Полесских М. Р.* Армиевский могильник.— В кн.: Археологические памятники мордвы первого тысячелетия н. э.: Тр. НИИЯЛИЭ, 1979, вып. 63.
19. *Черников В. Ф.* Желтухинский могильник.— В кн.: Поволжское археолого-этнографическое совещание. Казань, 1974.
20. *Черников В. Ф.* Исследования в Горьковской области.— АО — 1974. М., 1975.
21. *Краснов Ю. А.* Безводнинский могильник. М.: Наука, 1980.

---

[15] В коллекции из Сарского городища (раскопки 1924—1925 и 1930 гг.) насчитывалось по инвентарной книге Ростовского музея-заповедника 15 целых и обломки еще семи тиглей с тремя сливами (1962 г.). На Крутике найдено 31 целый и 420 обломков трехгранных конусовидных тиглей и только три цилиндрических круглодонных.

[16] Раскопки Е. А. Рябинина на Земляном городище Старой Ладоги в 1975 г. Благодарим Е. А. Рябинина за присланный нам рисунок фрагмента венчика такого тигля (шифр $\frac{\text{С.С.АЭ.75}}{\text{3.т.9}}$).

22. *Дубынин А. Ф.* Отчет по археологическим исследованиям в Ивановской области, проводившимся Ивановским областным краеведческим музеем в 1945 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 40.
23. *Горюнова Е. И.* Этническая история Волго-Окского междуречья.— МИА, 1961, № 95.
24. *Третьяков П. Н.* К истории племен Верхнего Поволжья в первом тысячелетии н. э.— МИА, 1941, № 5.
25. *Старостин П. Н.* Остатки раннесредневековых литейных мастерских Шербетьского поселения.— СА, 1970, № 4.
26. *Валеев Р. М.* К вопросу о товарно-денежных отношениях ранних булгар (VIII—X вв.).— В кн.: Из истории ранних булгар. Казань, 1981.
27. *Смирнов А. П.*— СА, 1964, № 4.— Рец. на кн.: *Генинг В. Ф.* Азелинская культура III—V вв. Очерк истории Вятского края в эпоху великого переселения народов (ВАУ, 1963, вып. 5).
28. *Архипов Г. А.* Отчет I Марийского отряда Чебоксарской археологической экспедиции ИА АН СССР за 1971 г. Отчет о раскопках Выжумского могильника.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 4560.
29. *Архипов Г. А.* Отчет о раскопках Дубовского могильника летом 1980 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 7791.
30. *Архипов Г. А.* Починковский могильник.— В кн.: Древности Волго-Камья. Казань, 1974.
31. *Архипов Г. А., Халиков А. Х.* Отчет о раскопках Веселовского могильника летом 1958 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 1874.
32. *Генинг В. Ф.* Отчет о работах Марийской археологической экспедиции за 1957 г. Загребинский могильник.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 1470.
33. *Иванов П. П.* Материалы по истории мордвы VIII—XI вв. Моршанск, 1952.
34. Материальная культура среднеокской мордвы VIII—XI вв. (по материалам раскопок П. П. Иванова за 1927—1928 гг.). Саранск: Морд. кн. изд-во, 1969.
35. *Ястребов В. Н.* Лядинский и Томниковский могильники.— МАР, 1893, № 10.
36. *Алихова А. Е.* Среднеокская мордва. (Введение).— В кн.: Материальная культура среднеокской мордвы VIII—XI вв. (по материалам раскопок П. П. Иванова за 1927—1928 гг.). Саранск: Морд. кн. изд-во, 1969.
37. *Петербургский И. М.* Отчет о раскопках Второго Старобадиковского могильника в 1978 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 7065.
38. *Петербургский И. М.* Второй Журавкинский могильник.— Тр. НИИЯЛИЭ СМ Морд. АССР, 1970, вып. 63 (Археологические памятники мордвы первого тысячелетия н. э.).
39. *Полесских М. Р.* Некоторые памятники мордвы-мокши конца I и начале II тысячелетия н. э.— Тр. НИИЯЛИЭ СМ МордАССР, 1970, вып. 39 (Исследования по археологии и этнографии Мордовской АССР).
40. *Циркин А. В.* Шокшинский могильник.— СА, 1972, № 1.
41. *Жуков Б. С.* Очерк трехлетних работ антропологической комплексной экспедиции по ЦПО Антропологического научно-исследовательского института (1925—1927).— Изв. Ассоциации научно-исследовательских институтов при физ.-мат. факультете I МГУ. Т. 1. Вып. 1—2. М., 1928.
42. *Алихова А. Е.* Перемчалкинский могильник.— Археологический сборник, I. Саранск, 1948.
43. *Воскресенский А. С.* Отчет о работе I Мордовского отряда Поволжской экспедиции — Архив ИА АН СССР, р-1, № 2782.
44. *Воронина Р. Ф.* О некоторых деталях одежды среднеокской мордвы VIII—XI вв.— КСИА, 1974, вып. 140.
45. *Городцов В. А.* Археологические исследования в окрестностях г. Мурома в 1910 г.— Древности, 1914, т. XXIV.
46. *Уваров А. С.* Каталог собрания древностей. Отд. III—VI. М., 1907.
47. *Селезнев Ф. Я.* Археологические исследования в окрестностях Мурома. Культура финнов Средней Оки.— В кн.: Материалы по изучению Владимирской губернии: Тр. Владимирского гос. обл. музея. Вып. II. Владимир, 1926.
48. *Уваров А. С.* Меряне и их быт по курганным раскопкам.— Тр. II АС. Т. 2. М., 1871.
49. *Спицын А. А.* Владимирские курганы.— ИАК, 1905, вып. 15.
50. *Мальм В. А.* Орудия труда.— В кн.: Ярославское Поволжье. X—XI вв. М.: Сов. Россия, 1963.
51. Ярославское Поволжье X—XI вв. Приложение. Таблицы. М.: Сов. Россия, 1963.
52. *Фехнер М. В.* Петровский могильник.— В кн.: Ярославское Поволжье X—XI вв. М.: Сов. Россия, 1963.
53. *Горюнова Е. И.* Отчет о работе Верхневолжского отряда Волжской экспедиции 1960 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 2101.
54. *Голубева Л. А.* Зооморфные украшения финноугров.— САИ, 1979, вып. Е1-59.
55. *Golubeva L. A.* The White Lake Area and the Volga Water-Way.— Fennougri et Slavi.— 1978. Helsinki, 1980.
56. *Львова З. А.* Стеклянные бусы Старой Ладоги.— АСб. ГЭ, 1970, вып. 12.
57. *Давидан О. И.* Бронзолитейное дело в Ладоге.— АСб. ГЭ, 1980, вып. 21.

L. A. Golubeva

WOMEN-SMELTERS
(on the history of female handicrafts)

Summary

Ethnocultural traditions and ideological notions brought about wide use of bronze female ornaments among the Finno-Ugric tribes of the Volga basin. In the second half of the 1st and the first centuries of the 2nd millennium A. D. they were made primarily by women. Archaeologists have discovered 16 burials of women-smelters of the late 5th-8th centuries with complete sets of smelting implements, jeweller's tools and a great number of semi-finished articles. Rich burial dresses and occasional armaments testify to the high social status of women-smelters. There are 101 burials of women-smelters dated from the 9th-early 13th centuries, 50 of them being attributed to the 10th century and 34—to the 10th-11th centuries. Seven burials belonged to girl teenagers, evidently apprentices. This was mainly a rural handicraft. Its successful development was hindered by male competition. From the 10th century onwards men had been dominating the forging and smelting of non-ferrous metals, putting an end to female monopoly in this field. Archaeological finds: burials of men-smelters dated from the 10th-12th centuries, uniform implements (crucibles), disappearance of ornaments from trimming spoons bear witness to it.

ФАХРУТДИНОВ Р. Г.

ИССЛЕДОВАНИЯ СТАРОЙ КАЗАНИ

(итоги раскопок 1970-х годов)

Историография Иски (Старой) Казани, насчитывающая более 200 лет, включает в себя работы ряда видных представителей исторической науки: Н. П. Рычкова, И. Г. Георги, Д. Зиновьева, И. Ф. Яковкина, М. С. Рыбушкина, П. Малова, В. Л. Борисова, И. Н. Смирнова, П. А. Пономарева, М. М. Хомякова, И. Н. Бороздина, Н. Ф. Калинина, А. П. Смирнова[1]. Еще в дореволюционное время была проведена предварительная работа по изучению памятников Старой Казани: топографически описана цитадель древнего города под названием Иски-Казанского (Камаевского) городища на высоком правом берегу р. Казанки напротив д. Камаево (Князь-Камаево) с частичной фиксацией следов разрушенных каменных зданий. Установлено наличие остатков второй части города — посада в левобережье реки между деревнями Камаево и Русский Урмат; началось накопление нумизматического и вещевого материала с обоих памятников Старой Казани. Были определены три кладбища, два из них с сохранившимися надгробиями (одно близ городища, другое на территории селища), являющиеся предметами поклонения татарского населения. Эти археологические сведения дополнялись сообщениями из сборника исторических повествований под названием «Дафтар- и Чингиз-намэ» и других татарских рукописей («Ферхет-намэ», «Таварих уд-даваир», «Беан Дастан уд-тарих» и др.) и произведениями народного эпоса о строительстве Казани (Иски Казани) двумя булгарскими царевичами — Алим-беком и Алтын-беком — после разрушения Аксак-Тимуром города Булгара. Далее рассказывалось о том, что население города проживало в этой Казани 104 года (по некоторым произведениям устного народного творчества — 100, 150, 300 лет), однако затем это место не понравилось жителям города и они построили новый город в устье Казанки на месте современной Казани. Спустя 158 лет город был взят войсками Ивана Грозного, и прекратилась династия татарских ханов. Многие рукописи и предания передают эту историю в увлекательной форме, содержат подробности строительства Старой и Новой Казани[2]. Весь этот богатый исторический и фольклорный материал свидетельствовал о построении Казани волжскими булгарами и в определенной степени обогащался археологическими сведениями, собранными разведочными поисками дореволюционного времени.

Первое стационарное исследование остатков Иски Казани связано с именем казанского историка и археолога Н. Ф. Калинина, который проводил там раскопки в 1956—1957 гг. (до этого им были проведены небольшие предварительные раскопки в 1945, 1951 гг.). В коллекции представлены помимо керамики находки, относящиеся к гончарному и металлургическому производству, ювелирные изделия, эпиграфические

---

[1] Библиографию см. в работе Р. Г. Фахрутдинова [1, с. 114, 115].

[2] Исторические источники и произведения народного эпоса, выявленные И. Г. Георги, К. Ф. Фуксом, И. Хальфиным, Н. Н. Кафтанниковым, К. Насыри, С. Вахиди и другими исследователями, были опубликованы в специальных изданиях и в общих работах по средневековой истории Среднего Поволжья, помимо отдельных публикаций С. Хальфина, Р. Джиганшина, К. Насыри на татарском языке, переизданных позднее Н. Ф. Катановым на русском языке [2, с. 160—162; 3, с. 57—59; 4—8]. Сводные сведения о Старой Казани по дореволюционным сборам даны также в работе С. М. Шпилевского [9, с. 32, 35, 68—87].

памятники. Собран материал, характеризующий жилища. Н. Ф. Калинин уделил особое внимание, характеристике керамического материала, что дало ему возможность прийти к выводу, что в своей основе этот материал булгарский и иски-казанские мастера являлись хранителями традиций булгарских мастеров, более того, попросту переселенцами из центральной Булгарии. Правда, при датировке керамики Н. Ф. Калинин отнес ее всю только к золотоордынскому периоду, однако основной вывод автора о булгарской принадлежности иски-казанской керамики подтвердился последующими нашими раскопками. Проводя сравнительный анализ вещевого и керамического материала с обоих памятников Старой Казани, Н. Ф. Калинин обратил внимание на ценность находок с городища, позволяющих подкрепить новыми аргументами высказанное некоторыми его предшественниками мнение о том, что здесь находилась резиденция князя с дружиной, игравшая одновременно роль форпоста для защиты собственно города, расположенного на месте селища. Среди объектов, вскрытых исследователем на селище, представляют интерес остатки металлургических и гончарных горнов, имеющих аналогии в Булгаре XIV в. Два раскопанных жилища являются остатками полуземлянок с полом из досок и с подпольем. Наиболее замечательным открытием в Иски Казани была находка на территории селища эпиграфического памятника довольно архаичных форм, размерами 145×35×17 см с сохранившейся датой 680 г. (22 апреля 1281 г.— 11 апреля 1282 г.). Это самое древнее булгарское надгробие, известное до настоящего времени. Рядом с ним тогда же был найден еще один камень, но со стершейся надписью. Среди находок с селища были и джучидские монеты 1280-х годов, в значительной степени синхронные с эпитафией 1281/82 г.[3]

Запланированные Н. Ф. Калининым раскопки Иски Казани, к сожалению, не были им осуществлены[4]. Стационарные исследования были продолжены лишь в 1972 г. Однако еще до этого, в 1960 г., А. П. Смирнов провел на объектах древнего города рекогносцировочные исследования, уточняя одновременно датировку памятников и характер их культурных слоев. А. П. Смирнов впервые обратил внимание на наличие заметной доли домонгольских элементов в составе керамики селища, высказав сомнение в правильности существующего мнения о позднем освоении булгарами Предкамья. Осмотрев городище и изучив шурфовкой его культурный слой, А. П. Смирнов (в отличие от Н. Ф. Калинина, предполагавшего здесь лишь наличие княжеской резиденции и военного форпоста) высказал соображение о возможности отождествления Камаевского городища в целом с Иски Казанью. Исследователь отметил поздний характер материала городища, указав на глазурованную керамику XIV—XV вв. [13, с. 25—28].

Проводя сплошную разведку бассейна Казанки в 1969 г., отряд под руководством автора этих строк тщательно обследовал площади объектов Иски Казани и всю ее окрестность. На распаханной поверхности селища собран богатый материал (керамика, железные и бронзовые изделия). В ближайшей округе Старой Казани выявлен ряд новых памятников. По Урматке, выше известного Русско-Урматского [1] селища, т. е. посада Иски Казани, было обнаружено второе Русско-Урматское селище площадью в 30 000 м². На действующем кладбище д. Татарский Урмат в 3 км выше по той же речке зафиксировано несколько больших обломков надгробий первой половины XVI в., привезенных туда старожилами этой деревни из Русского Урмата, где они были найдены при строительных работах в 1920-х годах. Севернее этой деревни, т. е. ближе к урматским селищам, зафиксировано «Иски зират» («Старое кладбище») со сле-

---

[3] Результаты исследований 1945 и 1951 гг. на развалинах Старой Казани были опубликованы Н. Ф. Калининым [10, с. 96—104]. Иски-казанская эпитафия была опубликована Г. В. Юсуповым [11, табл. 1]. Монеты упомянуты в подготовленной Н. Ф. Калининым докторской диссертации [12, л. 156].

[4] После длительной болезни Н. Ф. Калинин скончался в 1960 г., и результаты последних его раскопок остались неопубликованными.

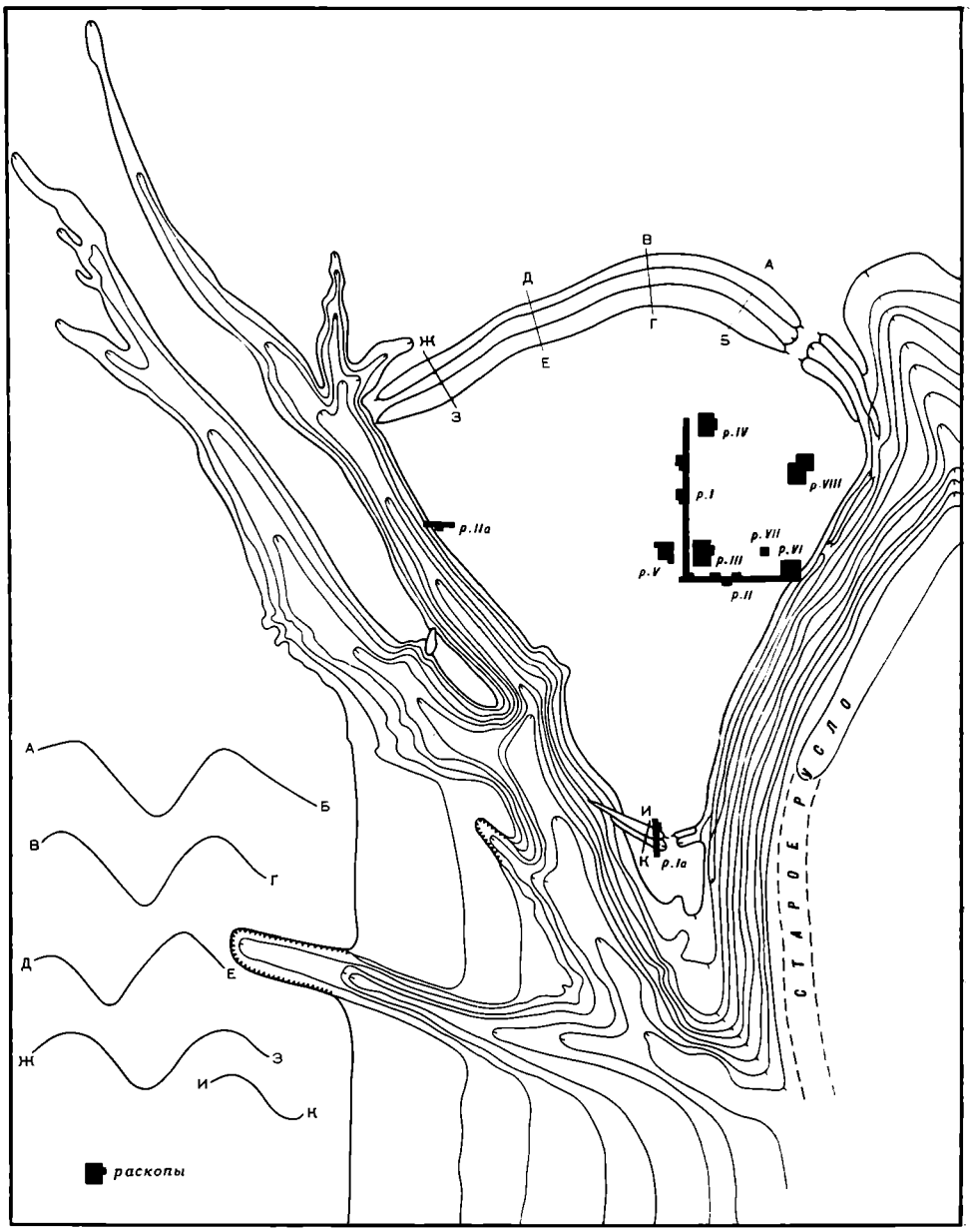


Рис. 1. План Камаевского городища

дами могильных ям с западной ориентировкой, которое старожилы считают кладбищем Старой Казани. На правом берегу Казанки, северо-восточнее с. Татарская Айша, рядом с кладбищем, где находится могила Гайши-бикэ, героини «Повести о несгораемой царевне» (она же сестра вышеупомянутых царевичей Алим-бека и Алтын-бека), обнаружено селище с четко выраженным позднебулгарским материалом. Помимо этого, в окрестностях Иски Казани, в радиусе 5—10 км разведки 1969—1970 гг. обнаружили 13 новых памятников, в том числе и девять селищ, пять из которых судя по керамике, возникли в домонгольское время [1, с. 120; 14, с. 47, 48]. Проводя раскопки Камаевского городища в 1972 г., мы попутно собрали на Русско-Урматском селище дополнительный и еще более богатый подъемный материал, прежде всего керамику с явными домонгольскими чертами, а также лемех, ножи, цилиндрические замки из железа, обломки чугунных котлов, медные и стеклянные изделия, целый жернов из белого известняка. Весь этот подъемный материал (1300 на-

ходок), собранный в два этапа и в разные годы после очередной распашки территории селища, значительно обогащает наши представления об иски-казанской материальной культуре и позволяет удревнить время возникновения поселения.

В 1972 г. Иски-Казанская археологическая экспедиция ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФ АН СССР (руководитель Р. Г. Фахрутдинов) возобновила раскопки Старой Казани. В 1972 и 1979 гг. велись исследования городища, в 1976—1977 гг.— селища (руководитель работ в 1976 г. А. Г. Мухамадиев, при участии автора). В результате всех этих работ на обеих частях древнего города собран богатый материал, получены ценные сведения о производственных и жилых комплексах, об исторической и социальной топографии города, о его возникновении и дальнейшем росте. На городище (см. общий план памятника, рис. 1) в общей сложности вскрыта площадь в 1268 м². Мощность культурного слоя — в пределах 15—45 см, и он в значительной степени распахан. Однако нижние его горизонты местами не тронуты плугом и здесь сохранились основания отдельных сооружений каменной кладки. Так, на раскопе III (1972 г.), заложенном недалеко от центра городища в сторону террасы Казанки, вскрыта часть пола и обвалившейся стены белокаменного дома ремесленника (кузницы). Сохранились основания двух печей, где найдено большое число разнообразных железных изделий и заготовок. Еще более интересны уникальные в своем роде каменные «котлы» круглой и удлиненной форм, в которых, по всей вероятности, калили железо. Остатки кузницы свидетельствуют о том, что цитадель являлась не только местом обитания княжеско-феодальной верхушки и административного аппарата, но и пунктом определенного сосредоточения производственных комплексов, что вообще характерно для средневековых городов. В этой же восточной части выявлены плохо сохранившиеся остатки нижней части какого-то каменного, очевидно, жилого сооружения (раскоп VIII, 1979 г.). Сохранились также остатки каменного пола и упавшей стены с заметными следами пристроя (или входной части) с севера. Сооружение было огорожено деревянным забором, хорошо заметные следы которого примыкают к основанию каменных ворот. Непосредственно за оградой выявлено несколько хозяйственных ям с большим количеством костей, в основном домашних животных.

Восемью раскопами и сборами на поверхности городища выявлены всего 3957 единиц находок, из них 3378 — керамика, и 579 составляют вещевые находки. По способу производства керамика делится на гончарную и лепную с явным преобладанием первой; притом каждая из групп представлена несколькими разновидностями, имеющими аналогии в булгарской и местной керамике. Преобладающее количество гончарной посуды (в пределах 80—85% всего керамического комплекса) представлено характерной булгарской орнаментированной керамикой, которая по цвету, форме и орнаментации относится к золотоордынскому периоду. Лощение на керамике редко, что характерно для времени поздней Золотой Орды и Казанского ханства. Есть и другое небольшое отличие — розовый оттенок внешней поверхности, что присуще керамике средневековых памятников района Нижней Волги. Хотя ее немного (в пределах 5% гончарной посуды), но сам факт ее наличия в какой-то степени свидетельствует о включении в состав населения политического центра Иски Казани этнических элементов южного, собственного золотоордынского происхождения. Другие виды гончарной керамики в незначительном количестве представлены обломками посуды джукетауского типа (темно-серая или оранжевато-бурая керамика из глины с примесью большого количества песка, плотного обжига, с волнистым или гребенчатым орнаментом); темно-серых, почти черных сосудов из глины с примесью мелкого песка, без лощения и орнамента; грубоватой керамики коричневатого, бурого или даже желтовато-красного цвета из глины с примесью песка и дресвы или мелкого шамота, с редким орнаментом из линейных и волнистых узоров (последние две группы являются новыми для иски-казанской керамики).

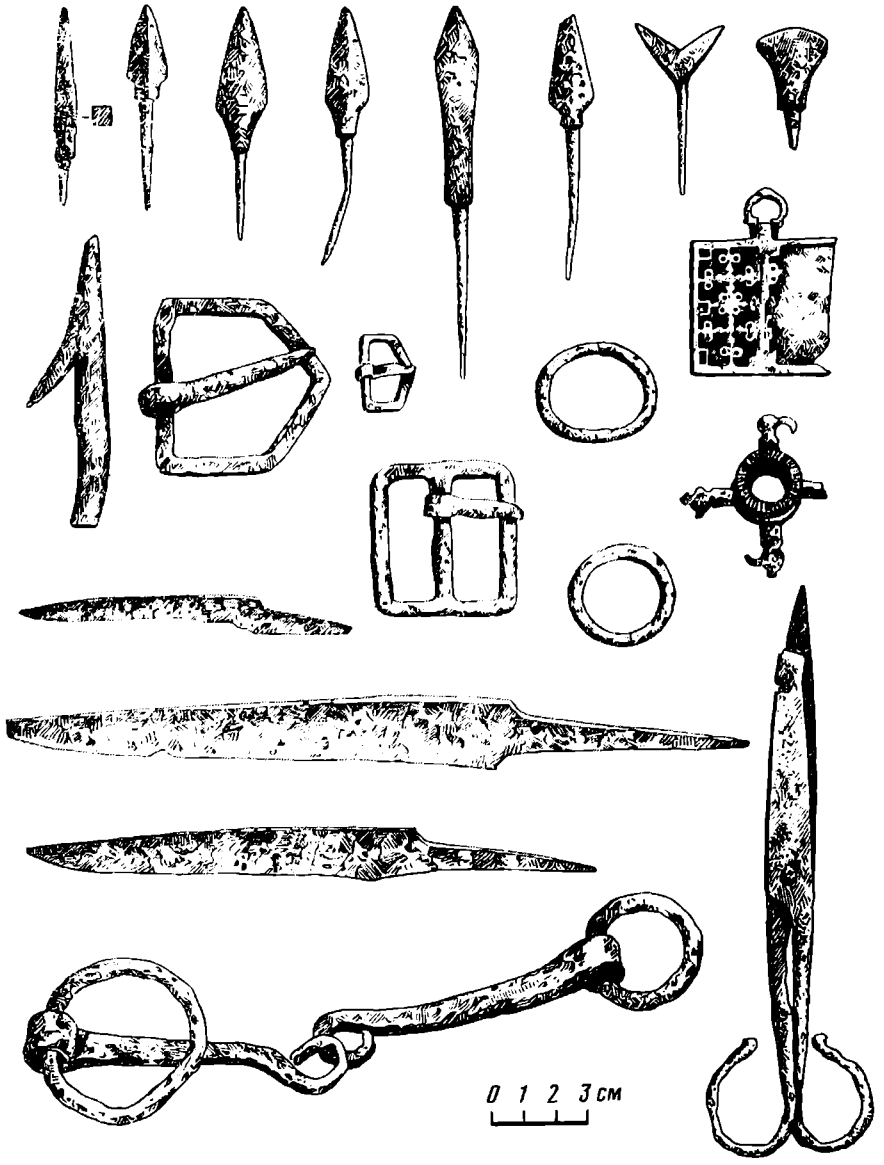


Рис. 2. Железные изделия с Камаевского городища

В целом керамика Камаевского городища представляется более поздней по сравнению с керамикой Урматского селища, особенно за счет находок значительного числа (намного больше, чем на селище) поливной посуды кашинного (тимуридского) типа XIV—XV вв. Лепной же керамики намного меньше, в пределах 1,5—2% всех керамических сборов. Это прежде всего серая или темно-серая посуда из глины с примесью толченой раковины и с веревочным орнаментом на шейке, известная еще с домонгольских времен, а в золотоордынский период встречающаяся при раскопках Булгара и Сувара. Выявлено также несколько других незначительных разновидностей лепной керамики чисто местного характера, связанных, по всей вероятности, с племенами иной этнической группы, например финской, сыгравшими определенную роль в сложении этноса и культуры казанских татар.

Вещевой материал с городища богат и разнообразен. Здесь много железных изделий, часто встречающихся на обычных булгарских памят-

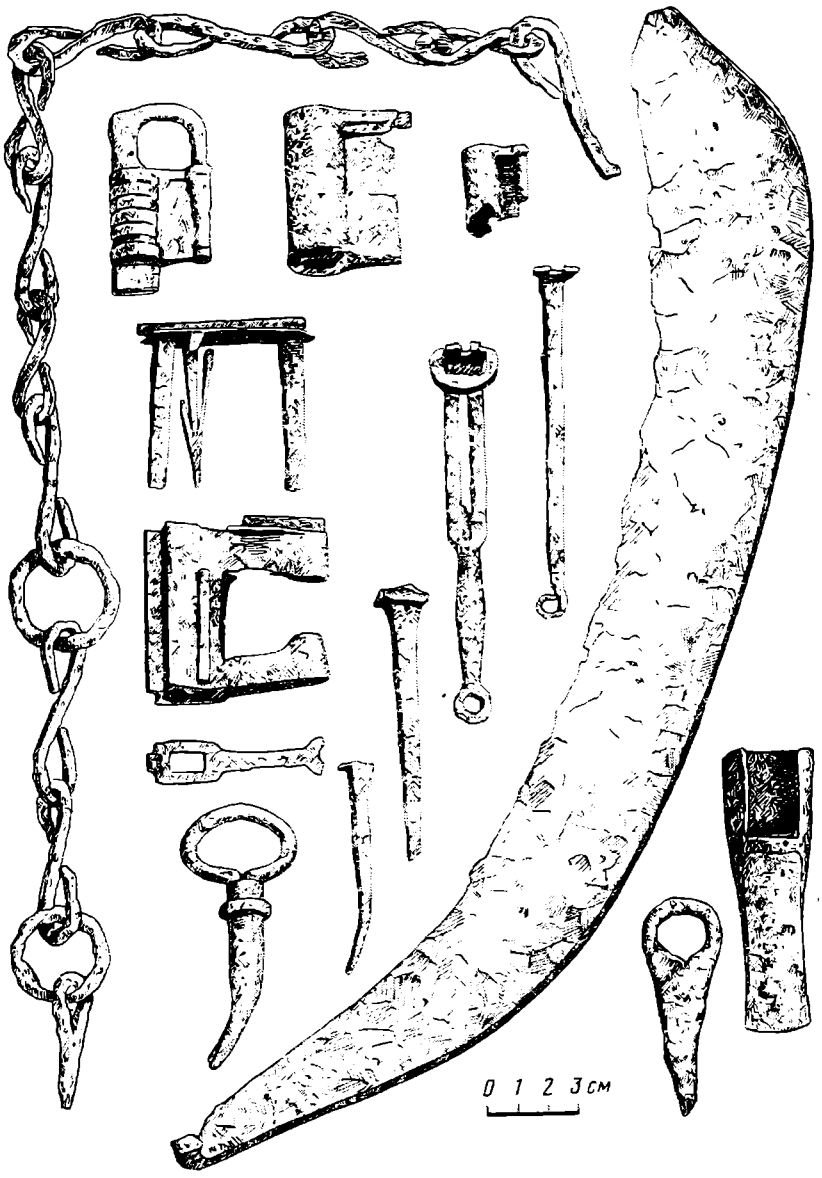


Рис. 3. Железные изделия с Камаевского городища

никах: цилиндрические замки и ключи к ним, ножи различной длины (в том числе и с костяной рукояткой), ножницы, удила, пряжки, кольца, петли, цепи, зубила, гвозди, долота и др.; из оружия — наконечники стрел различных, в основном поздних форм (некоторые виды железных предметов представлены на рис. 2 и 3). Довольно много обломков чугунных котлов. Ассортимент изделий из цветного металла также любопытен: серебряные перстень с орнаментированным щитком и небольшой полый сосудик, медные накладки, цепочка, миниатюрный кинжальчик-амулет, половина какого-то декоративного предмета с изображением утки и аморфной головы хищника (рис. 4).

За 2 года раскопок на городище обнаружены 53 джучидские монеты (51 серебряная, 2 медные). Основная их часть (45) относится к XV в., лишь две — к XIV в., остальные не определимы. В 12 случаях они имеют чекан города Булгара, в одном — Нового Булгара («Булгар ал-Джадид»), по два раза — Хаджи-Тархана, Сарая и Нового Сарая и один раз —

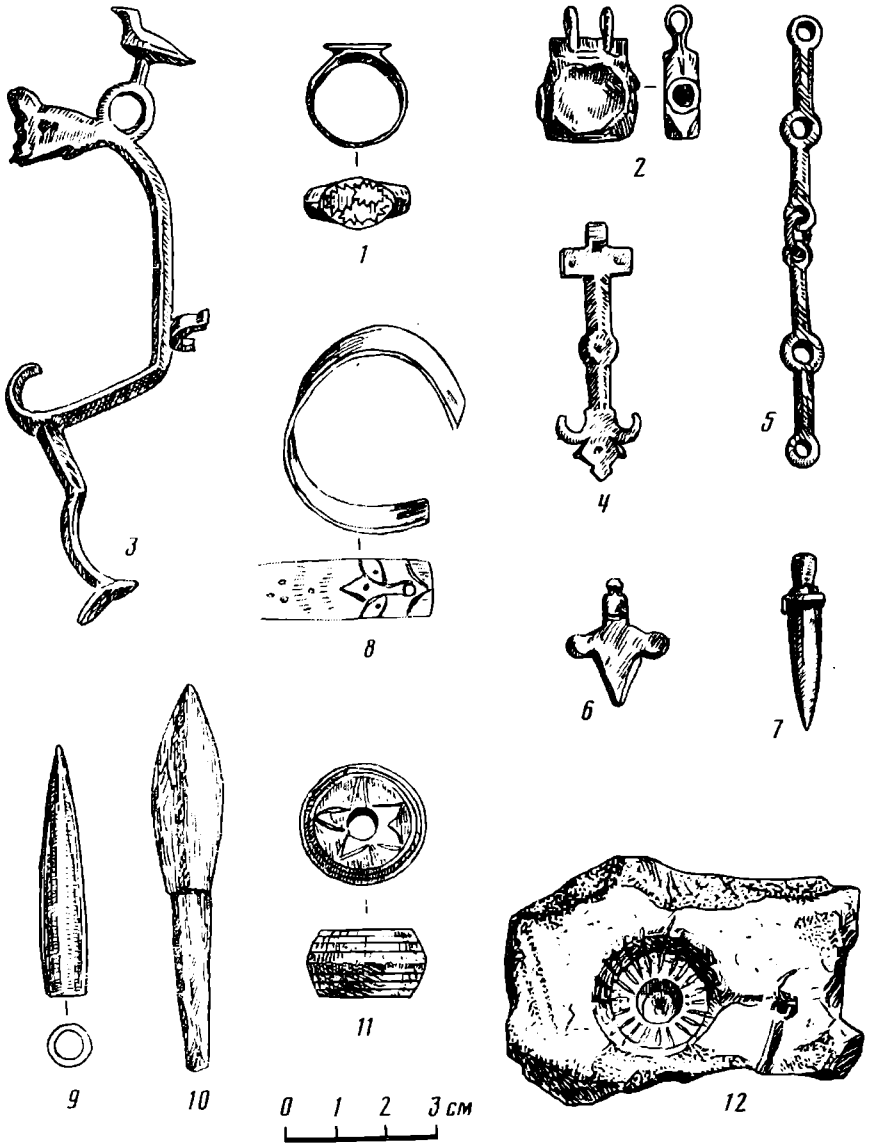


Рис. 4. Серебряные, медно-бронзовые, костяные и каменные изделия с Камаевского городища (*1—7*) и Русско-Урматского селища (*8—12*)

Орду Базара. Восемь монет чеканены от имени хана Мухаммеда (т. е. Улу-Мухаммеда), две монеты — от имени Гиаз ад-дина, по одной монете — Девлет-Берди, Дервиша, Чегре; на остальных имена правителей отсутствуют. Имеются две русские — Василия II, одна из них времени начала его правления[5]. Отметим, что находка монеты «Булгар ал-Джадид» является еще одним подтверждением превращения Казани (Иски Казани — Нового Булгара) в центр новобулгарских земель, что было отмечено исследователями [15, с. 71; 16, с. 120, 188; 17, с. 259, 262; 18, с. 57, 59, 61, 66]. Да и остальные монеты чекана Булгара, по всей вероятности, имеют отношение к Старой Казани, ибо в XV в. Булгар уже не чеканил монет.

[5] Определение Г. А. Федорова-Давыдова, которому автор выражает свою искреннюю признательность.

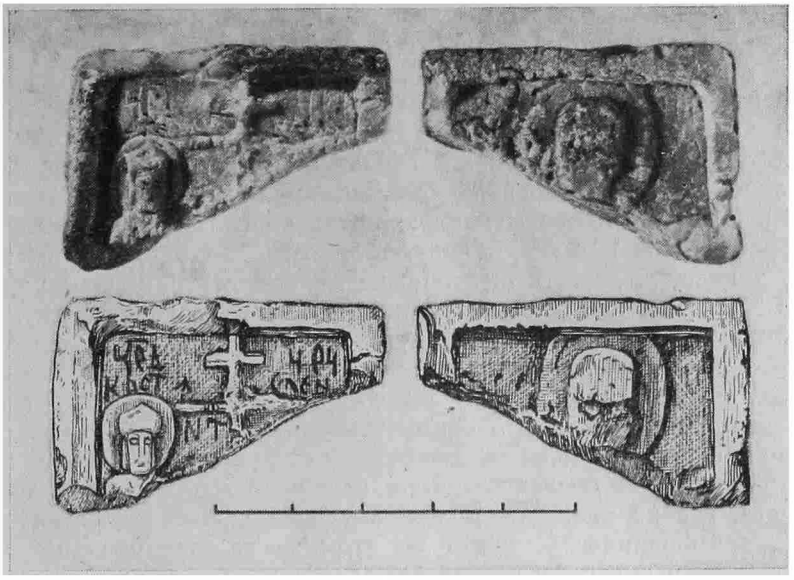


Рис. 5. Янтарная иконка XIII—XIV вв. с Камаевского городища

Остеологический материал с городища по раскопкам 1972 и 1979 гг. также представляет немалый интерес, к тому же, подобный анализ впервые проводится в иски-казанской археологии. На первом месте стоит крупный рогатый скот — 1191/97 (в числителе указано количество костей, в знаменателе — число особей), на втором — лошадь: 490/25 и на третьем — мелкий рогатый скот: 111/15. Далее идут: лось — 3/1, лисица — 2/1, верблюд и осел — по 1/1, птица — 8, рыба — 2[6]. Обращаем внимание читателя на полное отсутствие костей свиньи.

Одним из любопытных и совершенно новых открытий не только для Иски Казани, но и в целом для Заказанья является выявление в центральной части городища человеческого захоронения с частичными останками коня — передней части черепа и костей двух ног. Костяк лежал в скорченном положении на правом боку, головой на северо-северо-восток. Связывать погребение с определенным слоем городища и говорить о наличии какой-либо каменной насыпи не приходится из-за распаханности слоя почти до материка. Погребальный инвентарь в могиле отсутствовал, кроме одного лепного пряслица черного цвета, анатомический порядок расположения костей коня был нарушен. Погребение, бесспорно, кочевническое: по северной ориентировке костяка и наличию костей коня оно относится к отделу «Е» по классификации Г. А. Федорова-Давыдова [19, с. 127] и связывается с кипчаками, свидетельствуя о проникновении кипчакского этноса не только в южные, но и в северные районы Среднего Поволжья.

Среди находок с городища необходимо отметить несколько русских вещей, весьма любопытных и даже уникальных в своем роде. Это прежде всего верхняя часть маленькой янтарной иконки с изображением двух святых — царя Константина и царицы Елены с соответствующими надписями на одной стороне и третьего — Николая — на другой (рис. 5). Иконка датируется второй половиной XIII—XIV вв. Интересен также крест-складень (энколпион) XIV в. с изображением распятия с предстоящими Богородицею и Иоанном Богословом, а в медальонах на концах — архангелов. Найдены также два несколько более поздних медных крестика, датируемых XVI в[7]. Эти находки (кресты с городища были извест-

[6] Определение А. Г. Петренко. Пользуюсь случаем выразить ей свою признательность.

[7] Русские вещи определены М. Д. Полубояриновой, которой мы весьма признательны за ее любезную помощь.

ны и раньше, по сборам П. Малова и П. А. Пономарева), по нашему мнению, вполне могут быть связаны с русскими пленниками. О том, что это были пленники, а не часть свободного населения города, свидетельствует фактическое отсутствие остатков русской материальной культуры бытового характера (посуды, орудий труда и т. п.) и костей свиньи. Иными словами, указанные вещи связаны с людьми, которые были лишены возможности пользоваться своими орудиями труда и иметь свое хозяйство. С русскими же мы предварительно связываем тяжелую бронзовую орнаментированную булаву—шестопер, находящую аналогию в русских, правда, железных шестоперах, возникших как ударно-дробящее орудие в XIII в. и бытовавших до конца XVI в. [20, с. 28, табл. XI, *3*].

Раскопками 1972 и 1979 гг. выяснены некоторые детали исторической топографии политического центра Иски Казани. Вдоль края речной террасы — по восточному рубежу городища и в его мысовой части, внутри дополнительной боковой обороны, выявлены хорошо заметные следы деревянной ограды — стены с подпорками с внутренней же стороны. Небольшой траншеей обследован западный край городища по берегу Лесного оврага, где по внешним признакам наблюдалась старинная дорога. Сильная утрамбованность грунта на этом месте, превращение глины в мелкий ореховый суглинок в верхнем слое свидетельствуют именно о дороге, которая, видимо, существовала долго и была по существу единственным путем от города вниз к реке и лугам. С восточной стороны такой возможности не было — там был крутой склон (75°) береговой террасы высотой до 80 м, ниже края которой имеются остатки дополнительной боковой обороны.

Таковы краткие результаты, достигнутые раскопками Камаевского городища за последние годы [6]. Они, вопреки мнению некоторых авторов (М. М. Хомяков, И. Н. Бороздин), исключавших здесь наличие какого-либо города, свидетельствуют о значительной интенсивности жизни в этой части Старой Казани. Для окончательного определения характера, исторической и социальной топографии Камаевского городища, безусловно, потребуются новые раскопки (не исследованы основные и боковые укрепления, не выявлены ясно выраженные остатки административных и культовых сооружений), но накопленный материал уже позволяет высказать соображения о его назначении. В свое время А. П. Смирнов считал, что здесь располагался весь город. Вряд ли это так. Площадь городища в 61 200 м^2 мала для вмещения такого большого средневекового центра, как Иски Казань. Здесь был, конечно, ее кремль, политический центр города, где кроме князя и его дружины находились административный аппарат и высшее духовенство. Одновременно имелись и некоторые производственные комплексы, возникшие для удовлетворения потребности верхушки и гарнизона в вооружении и средствах первой необходимости. Поэтому трудно полностью согласиться и с мнением Н. Ф. Калинина о проживании здесь лишь князя с прислугой и дружиной. Однако он был прав в главном — в оценке городища как остатков политического центра и военного форпоста, охранявшего города. Городище занимает весьма удобное стратегическое положение в бассейне всего среднего и верхнего течения Казанки, и с его площади открывается широкая панорама окрестности в радиусе до 40 км.

Основная часть Иски Казани, занятая городским населением — ремесленно-торговым людом, располагалась, как утверждали прежние исследователи (М. С. Рыбушкин, П. Малов, И. Н. Бороздин, Н. Ф. Калинин) и как подтвердили наши работы, на месте Русско-Урматского [1] селища, находящегося в левобережье Казанки по обоим берегам (больше по правому) ее притока Урматки между современными деревнями Русский

[6] В 1981 г., когда статья уже находилась в редакции, были проведены новые раскопки Камаевского городища, в результате чего выявлено 2326 единиц находок (не считая 16,5 тыс. костей животных): 1800 обломков позднебулгарской поливной и простой (гончарной и лепной) керамики и более 500 вещей, среди которых выделяется оружие из железа. Обнаружены 24 серебряных джучидских монеты, целый ряд медно-бронзовых, костяных, стеклянных и янтарных изделий.

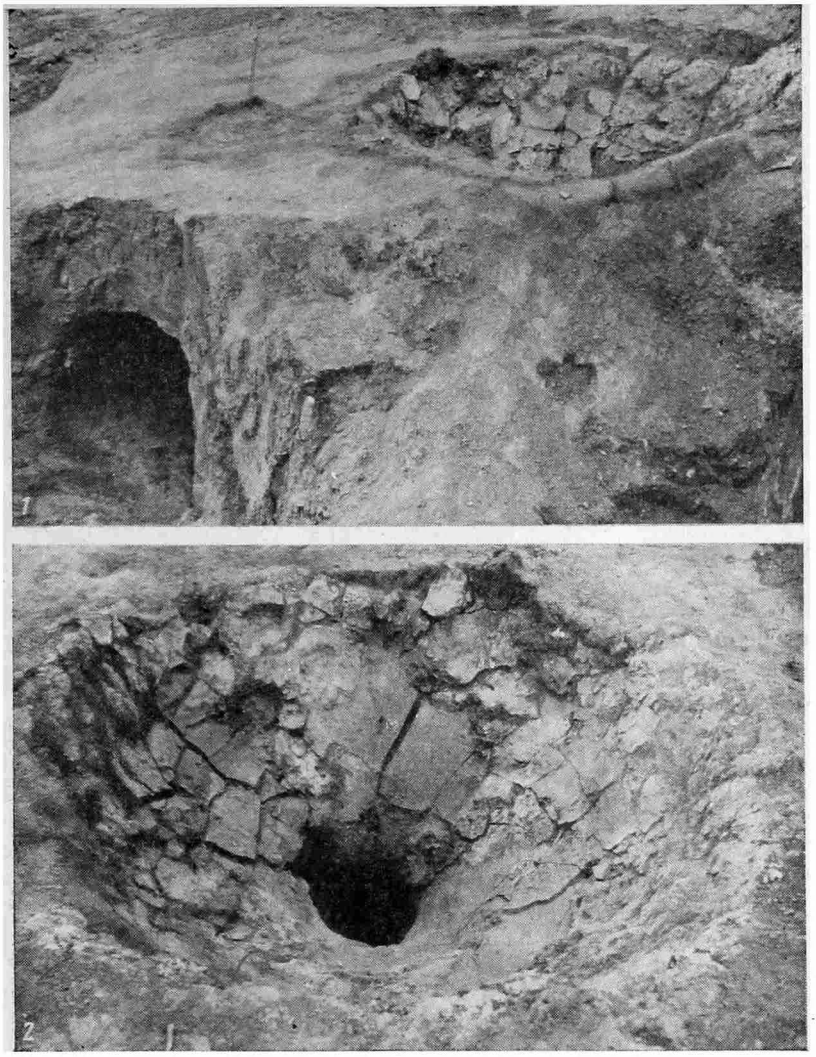


Рис. 6. Горн для обжига поливной керамики с Русско-Урматского селища. *1* — общий вид (слева — топка, справа — нижняя конусообразная часть обжигательной камеры); *2* — нижняя часть обжигательной камеры (вид сверху)

Урмат и Камаево Высокогорского района ТатАССР. По своим размерам (124 га) это самое крупное открытое поселение на всей территории Волжской Булгарии и Казанского ханства. Работы, проведенные нами в 1976—1977 гг., сосредоточились на основной, правобережной части селища, в его южной половине, где шестью раскопами вскрыта общая площадь 990 м². Исследованы остатки нескольких производственных комплексов и связанных с ними жилищ; собран весьма богатый, особенно керамический материал, позволяющий судить о времени возникновения здесь большого открытого поселения, превратившегося позднее в посад средневекового города, и в целом пересмотреть вопрос о заселении булгарами северной зоны Среднего Поволжья.

К производственным комплексам в первую очередь относятся керамические горны. Раскоп I (1976 г.) выявил пять горнов, вделанных в крутой берег Урматки. Наиболее интересен из них большой горн с потеками поливы и оригинальной воронкообразной формой сохранившегося основания обжигательной камеры, что позволяло, очевидно, ослаблять силу поступавших из топки горячих газов, а это наводит на мысль, что горн предназначался для обжига поливной посуды (рис. 6). Большой интерес представляют горны (раскоп II, 1976 г.), в которых обжигалась простая

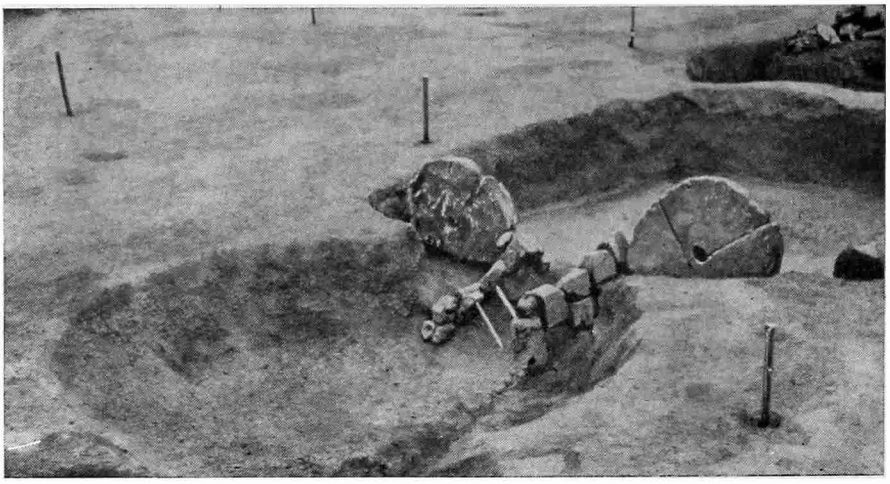


Рис. 7. Русско-Урматское селище. Нижняя часть одного из горнов для обжига простой керамики

гончарная посуда. Сохранились топочные части горнов с хорошо выраженными печами, сложенными из кирпичей малых размеров и несколько удлиненных форм: 9×10×6,5 см; 10×12×7 см. и др. Топка одного из горнов имеет котлообразное дно с глиняной стенкой (рис. 7). Топка другого имеет цилиндрическую форму, и вся ее стенка, сложенная из кирпичей квадратных форм (12,5—13×12,5 — 13×6,5—7 см), сильно ошлакована в результате длительного функционирования; днища топки и печи покрыты толстым слоем золы. В топке найдена масса (до 10 000 обломков) керамических остатков и производственного брака, а также несколько целых сосудов. Для подпорки печей с двух сторон горнов поставлены характерные булгарские ручные жернова (рис. 7). Поблизости выявлены остатки двух жилищ с глинобитными печами, связанных, по-видимому, с гончарным производством.

Раскопаны производственные и жилые комплексы несколько другого характера. Интересен комплекс (раскоп V, 1977 г.), состоящий из остатков двух сгоревших жилищ, какой-то дополнительной пристройки к основному жилищу и нижней части третьего сооружения, которое по характеру сохранившихся объектов и находок можно было бы назвать небольшим домом ремесленника. В северо-восточном углу дома сохранилась нижняя часть печи с топкой, где обнаружена интересная находка в виде каменной матрицы для отливки какого-то украшения (бляшки или пуговицы) с резными радиальными линиями. На глиняном полу найдена серебряная монета 50-х годов XIV в. Представляют интерес ямы возле жилищ, служившие вначале в качестве летних печей, о чем свидетельствуют ниши в ямах, заполненные большим количеством угля и золы, затем использовавшиеся в качестве хозяйственных ям. При этом содержимое в ямах несколько раз обжигалось и засыпалось глиной, что свидетельствует о соблюдении необходимых санитарных норм (подобная картина была замечена также при раскопках Камаевского городища в 1979 г.). Уникальной не только для Старой Казани, но и всего Среднего Поволжья является обнаруженная на дне ямы рядом с указанным жилищем находка отшлифованного костяного пряслица с удивительно ровными круговыми линиями по краям, говорящая об изготовлении его на станке. На одной поверхности пряслица изображена пятиконечная звезда, встречающаяся в декоративном искусстве ряда средневековых народов Евразии.

За два года раскопок на селище обнаружено 29 223 единиц находок, из которых 104 составляют вещи, а 19 119 — обломки керамики. Такое соотношение по сравнению с находками на городище свидетельствует о значительном однообразии материальной культуры, присущем основному

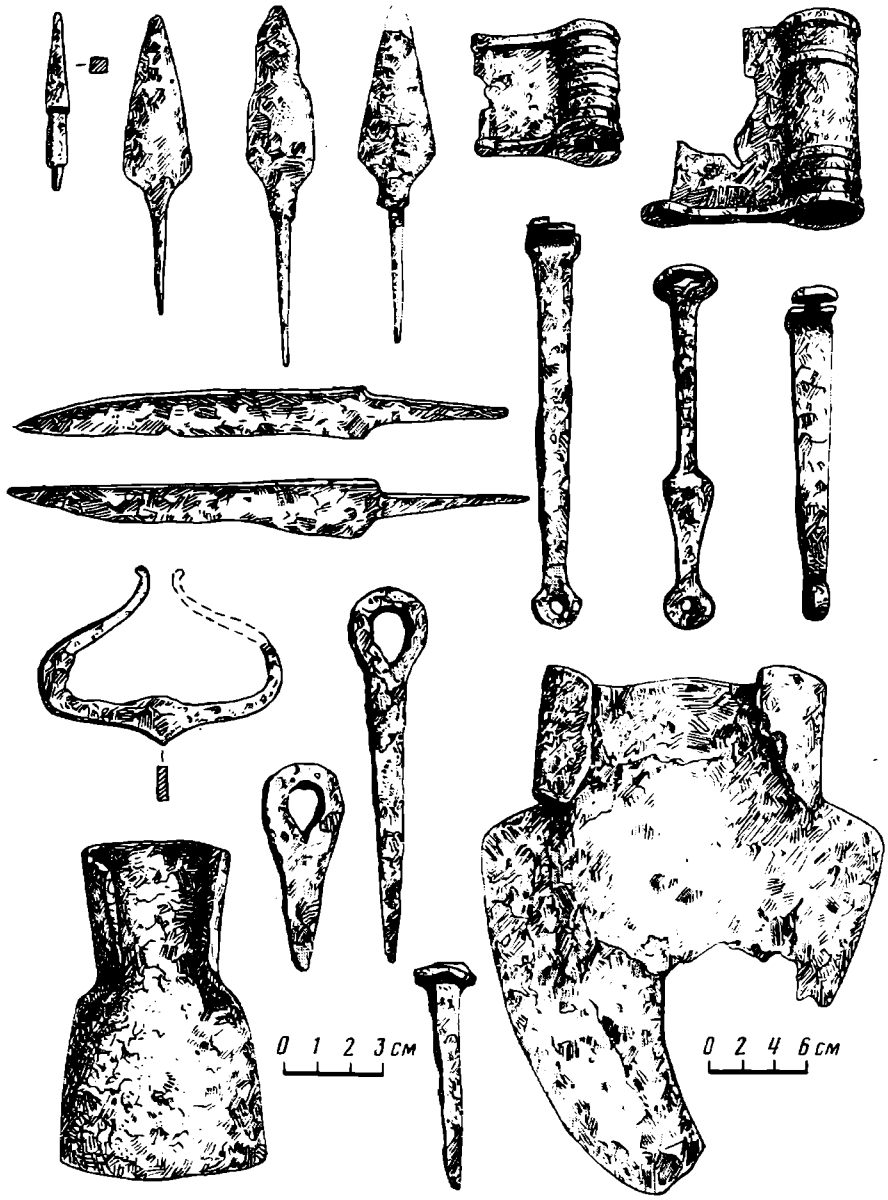


Рис. 8. Железные изделия с Русско-Урматского селища

трудовому населению города, хотя вещевой комплекс сам по себе не беден: железные орудия труда и оружие, характерные для булгарской культуры (рис. 8), медно-бронзовые, костяные и каменные изделия (рис. 4, *11*, *12*). Керамика, как и на городище, гончарная и лепная. Безусловно, преобладает основной тип гончарной посуды — широко известная булгарская лощеная, богато орнаментированная керамика коричневого желто-красного, серого и серо-бурого, отчасти желтого, кирпично-красного и стального серого цвета. На долю этой посуды приходится 94,2% всех керамических находок. Основная часть данной группы относится к домонгольскому периоду, о чем говорят прежде всего характерные формы и элементы орнаментации: венчики больших горшковидных сосудов-корчаг с наружным желобчатым утолщением края; вертикальные ручки сосудов с «шишечками», имитирующие животных; характерный ободок по нижнему краю днища; А-образные тамги; прямые линии, крутая и плав-

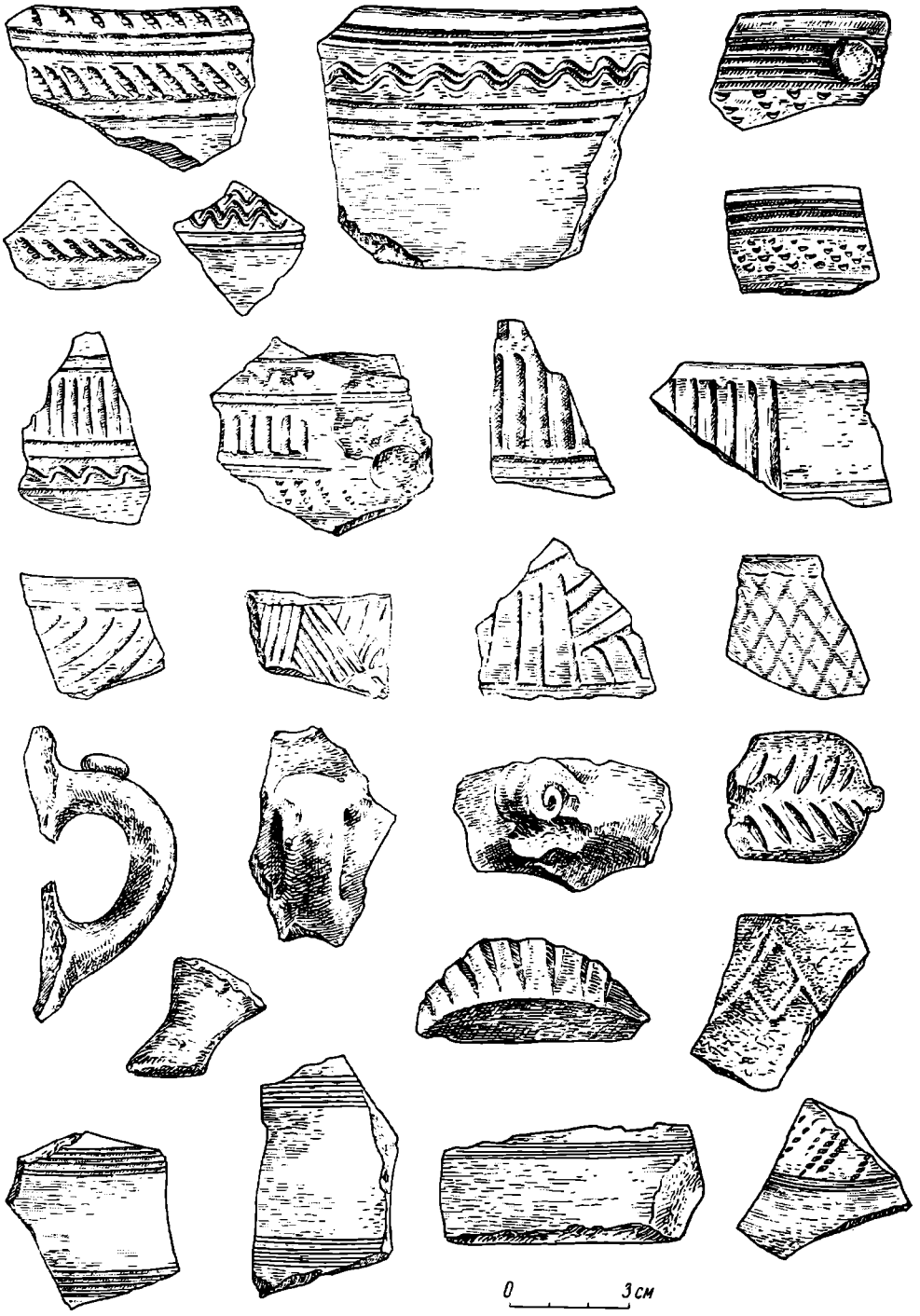


Рис. 9. Булгарская гончарная керамика с Русско-Урматского селища

ная волна, оттиски гребенчатого штампа, разного типа ямки; насечки в виде ногтевых вдавлений, полумесяца, красивые каннелюры, фаски, заштрихованные линии. Часто встречаются сложные узоры в различном сочетании указанных элементов (см. рис. 9 и 10). Все основные мотивы этой богатой орнаментации имеют ближайшие аналогии в керамике большинства домонгольских памятников основных земель Волжской Булгарии [21—24]. Отметим, что названный выше раскоп II с горнами и жилищами, заложенный в южной части поселения, дал лишь домонголь-

скую керамику. Здесь же выявлена посуда из глины с растительной примесью, как гончарная, так и лепная, характерная лишь для раннебулгарского времени. Именно поэтому трудно, да и невозможно согласиться с Н. Ф. Калининым, отнесшим раннюю керамику с Урматского селища к золотоордынскому времени.

Естественно, на селище есть и позднебулгарская керамика. Она отмечается на южной, более ранней части поселения, и количество ее возрастает по мере расширения раскопов к северу. Так, намного севернее указанного гончарного района, в раскопе с горнами для поливной керамики среди прочей обнаружена булгарская гончарная посуда XIII—XIV вв. Там же выявлена поздняя глазурованная керамика тимуридского типа. Эти находки дополняет медный пластинчатый браслет с изображением головы львицы на концах (рис. 4). Этот орнамент на подобных браслетах, как медных, так и серебряных, хорошо известен по кладам из Булгара [15, табл. V, рис. 78, 25, с. 106, 107] села Карашам [10, с. 117—119]. Карашамский клад датируется XV в. Кстати, такие же браслеты известны у казанских татар еще в XVIII—XIX вв. [26, табл. 45, *1*, *2*]. В районе этого же первого раскопа, в небольшой траншее обнаружена джучидская монета, чеканенная в Булгаре в середине XIII в. Еще севернее, на береговом срезе зафиксированы четкие выходы позднебулгарской керамики. Более того, раскоп IV (1977 г.), заложенный рядом с первым, также дал позднебулгарский керамический и вещевой материал. А вот раскоп III (1977 г.), заложенный значительно южнее этого, но севернее V раскопа с раннебулгарским материалом, выявил керамику обоих периодов, т. е. домонгольского и золотоордынского без наличия стерильного слоя между ними. Некоторые образцы и характерный орнамент позднебулгарской керамики Урматского селища представлены на рис. 9 и рис. 10, *37—41*. Таким образом, после проведения раскопок на селище с учетом результатов прежних работ, а также хорошо прослеженных обнажений культурного слоя в различных местах береговой полосы поселения и обильного подъемного материала проявляется картина постепенного территориального расширения его к северу (в сторону городища) и в целом роста этого памятника в золотоордынскую эпоху.

Говоря о результатах исследований Русско-Урматского селища, необходимо привести данные анализа остеологического материала 1977 г., проведенного А. Г. Петренко. Здесь, как и на городище, на первом месте стоит крупный рогатый скот — 433/15, на втором — лошадь: 191/7, на третьем — мелкий рогатый скот: 164/8. Далее идут: лось — 5/2, собака — 4/3, птица — 4/3, рыба — 2. Здесь, так же как и на городище, отсутствует кость свиньи, за исключением пяти костей одной особи из раскопа I (1976 г.). Такое наличие костей свиньи, хотя и в незначительном количестве, в определенной степени свидетельствует о представителях немусульманской этнической группы в составе населения торгово-ремесленного посада города. О возможном наличии представителей местной финской группы мы писали выше, разбирая керамический материал городища. Кстати, среди керамических остатков раскопа I на селище, где выявлены кости свиньи, а также соседнего с ним раскопа IV, датированных в основном золотоордынским временем, имеется небулгарская местная керамика из глины с примесью шамота. Синхронность этих находок на обоих памятниках Старой Казани является вполне закономерным отражением включения финно-угорского компонента в формирование этноса казанских татар.

Выше мы весьма кратко упомянули татарские исторические источники XVII—XVIII вв. и народные предания, в которых излагалась история сооружения Старой Казани после разрушения Аксак-Тимуром города Булгара, а также история возникновения Новой Казани взамен Старой. В вопросе хронологии более стабильны письменные источники (главы «Дафтар- и Чингиз-намэ» под названием «Дастан фи-т-тарих», «Дастан Аксак-Тимур», целый ряд других рукописей): годом разрушения Булгара и сооружения Казани (Иски Казани) называется 1300 г., что трудно связать с деятельностью Аксак-Тимура (Тамерлана), жившего в 1337—

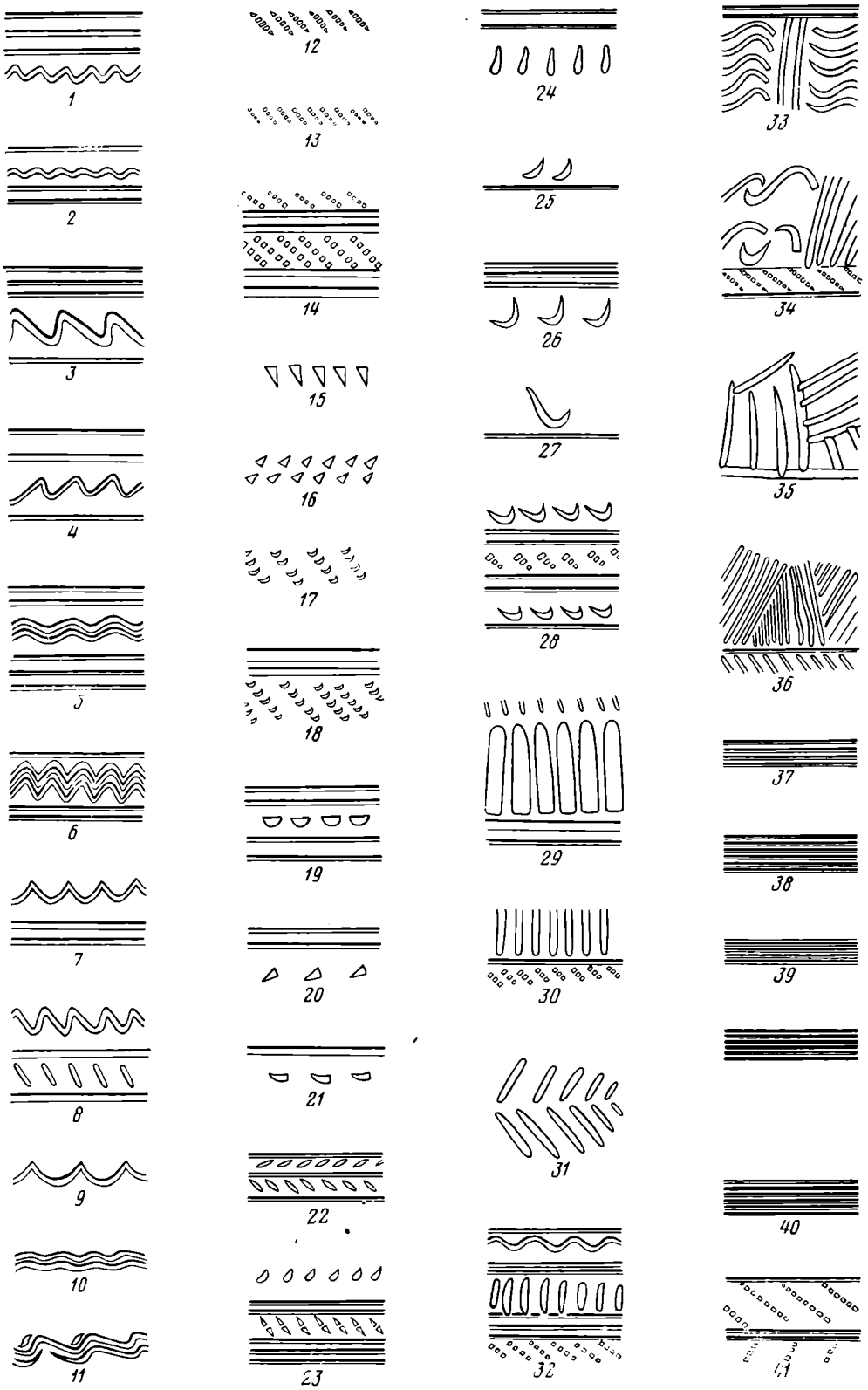


Рис. 10. Орнамент на булгарской гончарной керамике с Русско-Урматского селища

1405 гг. Вопрос завоевания Тамерланом города Булгара и булгарской земли до сих пор является дискуссионным, и, не затрагивая этой проблемы, требующей специального исследования, хочется только предположить, что в рассказах о завоеваниях Тамерланом Волжской Булгарии могли быть отражены события времен Батыя, естественно, с хронологическими искажениями, вызванными большой отдаленностью тех исторических событий.

Источники (все варианты «Дастан фи-т-тарих», рукописи по И. Г. Георги и К. Ф. Фуксу, историческая песня под названием «Казан байты») одинаково отмечают время существования Старой (104 года) и Новой Казани, (158 лет), после чего она была взята войсками Ивана Грозного. Так вот, если из 1552, т. е. года покорения Казани, вычесть 158, получится 1399, иными словами — год основания Новой Казани. На первый взгляд должен был получиться 1394 г., однако здесь надо учитывать, что мусульманский лунный год на 11 дней короче христианского солнечного. Указанный 1399 г. нельзя считать единственной датой: в «Беан Дастан уд-тарих» без упоминания 158 лет, отмечено возникновение Новой Казани в 1401 г. Следовательно, Новая Казань по татарским источникам имеет две близкие даты: 1399 и 1401 (в русских летописях Новая Казань, т. е. Казань на современном месте, впервые упоминается под 1395—1399 гг., что не очень противоречит татарским источникам).

Если же из 1399 вычесть 104 лунных года, получится 1298, т. е. год основания Старой Казани. Отнимая те же 104 из 1401, получим 1300. Выше было отмечено, что в большинстве рукописей годом разрушения города Булгара, когда была построена Старая Казань, отмечается 1300 г. Таким образом, для Иски Казани в татарских источниках также имеются две близкие даты: 1298 и 1300[9] г.

В русских летописях ранние сообщения о Старой Казани отсутствуют. Это объясняется, на наш взгляд, тем, что она находилась в стороне от больших водных путей — Волги и Камы, где были расположены крупные булгарские города, на которые обращали внимание русские летописи при описании событий внешнеполитического характера.

Кратко охарактеризованные выше археологические, письменные и фольклорные материалы не только согласно свидетельствуют о построении Иски Казани волжскими булгарами, но и поддерживают друг друга в вопросе ее даты, указывая на конец XIII в. Если эпиграфический памятник 1281/1282 г., а также монеты 1280-х годов, которые были упомянуты выше, немного удревняют дату города по письменным источникам, то его следует рассматривать коррективой последних, составленных в значительно позднее время. Более надежной во всей совокупности источников является эпиграфическая дата, которую условно можно считать исходной датой Казани. Хочется обратить внимание на то, что первое упоминание городов в летописях берется за их исходные даты также условно, ибо год упоминания не всегда является годом строительства.

Накопленный к настоящему времени богатый археологический материал, подкрепленный письменными источниками, дает право сделать некоторые общеисторические выводы о возникновении, развитии и запустении Старой Казани, одного из больших средневековых городов Поволжья. В связи с ростом социально-экономического и политического развития Волжской Булгарии в XII в. происходит значительное расширение ее владений — начинается освоение новых земель, в том числе и на севере, вплоть до р. Казанки. В ее среднем течении возникает ряд поселений, одному из которых суждено было превратиться со временем в центр консолидации пришлого булгарского населения. Однако для превращения этого поселения в средневековый город в самом начале его возникнове-

---

[9] Метод хронологических вычислений по татарским рукописям для установления начальной даты Казани был предложен в прошлом веке С. М. Шпилевским [9, с. 86], однако он не учитывал разницы в мусульманской и христианской хронологиях. Необходимость такой поправки была отмечена М. Г. Худяковым [27, с. 242] и Н. Ф. Калининым [12, л. 160].

ния еще не было достаточно социальной основы, не хватало тех сил, которые могли бы повести за собой деревню. Такие силы появляются несколько позднее, во второй половине XIII в. Данный процесс связан с большими переменами в жизни народов Среднего Поволжья, вызванными монгольским завоеванием, которое на первых порах внесло заметные изменения в государственное управление порабощенных народов. В то же время нарушить основу социального строя и сложившуюся до них земледельческо-городскую культуру оседлых народов монголы были не в силах. Временно покоренные народы ищут новые пути, иные земли для сохранения этого строя и этой культуры. Определенная часть населения во главе с потерявшими власть предводителями оставляет исконные земли и уходит дальше на север, что отражено в письменных источниках и в народном эпосе как отголоски о завоеваниях булгарской земли Батыем. Именно в этом районе относительно спокойного лесного севера, т. е. в среднем течении р. Казанки, в месте, ранее уже известном булгарам, возникает опорный военный пункт, превратившийся вскоре в административный центр (кремль) того поселения, которое выделялось среди остальных значительностью территории и населения, следовательно, сосредоточением сил, обуславливающих рост производительных сил и общественного разделения труда — консолидацию ремесленного производства и торговли.

Так возникли многие средневековые города. Возьмем лишь два наиболее характерных примера. Один из них — Хаджи-Тархан (позднее Астрахань), южный сосед Казани, ставший впоследствии политическим центром Нижнего Поволжья и столицей другой группы татарского населения — астраханских татар. Известный арабский географ-путешественник XIV в. Ибн-Батута, посетивший этот город, писал, что на том месте, которое было получено одним хаджием беспошлинно, на правах тархана от золотоордынского хана, вначале возникла деревня, которая росла и сделалась городом [28, с. 301]. Другой яркий пример — Москва, западный сосед Казани, впоследствии политический центр бассейна Верхней Волги и столица новых русских земель. Несмотря на то что в районе Москвы и раньше существовали славянские поселения, начальной ее датой как города считается 1147 г., когда Юрий Долгорукий отобрал селения боярина Кучки для превращения этих стратегически удобных мест в новый русский город. Именно под этим годом Москва впервые упоминается в летописях в качестве города, сделавшегося вскоре центром образовавшегося Московского княжества, основой объединения русских земель. Примерно такую же роль на Средней Волге сыграла первоначальная Казань, ядро Казанского (Иски-Казанского) княжества, превратившегося со временем в политический, экономический и культурный центр новых булгарских земель.

Город растет и получает дальнейшее развитие: развиваются ремесло и торговля, зодчество, изобразительное и прикладное искусства, которые по своему происхождению являются подлинно булгарскими. Об этом наглядно свидетельствуют остатки материальной культуры, полученные при археологических исследованиях: керамика, ювелирные изделия, орудия труда и оружие, железные и медно-бронзовые бытовые предметы, жилища, производственные комплексы (горны) и эпиграфика. Казань становится одним из центров чеканки монет, вначале параллельно с Булгаром, в качестве Нового Булгара («Булгар ал-Джадид»), а позднее как самостоятельный центр обращения новых монет.

Однако расположение Казани в среднем течении Казанки вдали от больших рек, которое в самом начале своего возникновения было удобным для населения разоренной Волжской Булгарии, со временем перестало устраивать растущие социальные и политические силы княжества, превратившегося впоследствии в самостоятельное государство — Казанское ханство. Казань переносится к устью Казанки, на место впадения ее в Волгу, центральную реку Восточной Европы. Перенос Казани на новое место ярко отражен в татарских исторических источниках и произведениях устного народного творчества.

С возникновением Новой Казани постепенно запустела основная часть Старой Казани — ее ремесленно-торговый посад. Городок же, представленный Камаевским городищем, хотя и потерял значение административного центра, но как удобный и необходимый опорный стратегический пункт продолжал еще существовать. Первое время, в период, предшествовавший образованию Казанского ханства, он даже оставался центром чекана джучидских монет в северной зоне [16, с. 120]. Это подтверждается и нашими работами последних лет: преобладающая часть монет, найденных на городище, относится к XV в.

В последний раз этот городок упоминается в русских летописях под 1536 г. в связи с событиями в Казани и убийством хана Джан-Али (Яналея): «...Яналея царя, которого им князь великий Василей Иванович всеа Русии дал им на Казань царем, и князи казанские, выпустив его изс Казани **на Иски-Казани** (подчеркнуто нами.— *Р. Ф.*) велели его убити...» [29, с. 20; см. также 30, с. 100]. Следовательно, хана привели на казнь в Иски Казань, превратившуюся к тому времени в место политической ссылки, в крепость-тюрьму, где, очевидно, как и раньше, содержались и иноземные пленники (о чем в определенной степени свидетельствуют упомянутые выше поздние крестики). Одновременно она продолжала играть и былую роль военного форпоста на Казанке. Вполне возможно, что Иски Казань имелась в виду в числе «великих крепостей», упомянутых русскими летописями при сообщении о походе русского войска на Арск перед взятием Казани в 1552 г. [29, с. 101, 102, 197; 30, с. 211, 507].

В специальной и общей исторической литературе дореволюционного и советского периодов Иски Казань рассматривается в качестве первоначальной, ранней Казани [31, стлб. 313; 32, стлб. 783]. Наконец, она весьма почитается местным населением, считающим ее именно Старой — Иски Казанью.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Фахрутдинов Р. Г.* Задачи археологического изучения Казанского ханства.— СА, 1973, № 4.
2. *Фукс К. Ф.* Краткая история города Казани. Казань, 1817 (позднее переиздана в ИОАИЭ, 1905, т. XXI, вып. 2).
3. *Кавелин А.* Древние болгары (из бумаг Кафтанникова).— Библиотека для чтения. Спб., 1847, т. 82.
4. *Заринский П.* Сборник исторических и археологических исследований о Казанском крае. Казань, 1880.
5. *Катанов Н. Ф.* Исторические песни казанских татар.— ИОАИЭ, 1899, т. XV, вып. 3.
6. *Катанов Н. Ф., Покровский И. М.* Отрывок из одной татарской летописи о Казани и Казанском ханстве.— ИОАИЭ, 1906, т. XXI, вып. 4.
7. *Катанов Н. Ф.* Татарские рассказы о Старой Казани.— ИОАИЭ, 1920, т. XXX, вып. 3.
8. *Вахидов С. Г.* Татарские легенды о прошлом Камско-Волжского края.— ВНОТ, 1926, № 4.
9. *Шпилевский С. М.* Древние города и другие булгарско-татарские памятники в Казанской губернии. Казань, 1877.
10. *Калинин Н. Ф., Халиков А. Х.* Итоги археологических работ за 1945—1952 гг.— Тр. КФ АН СССР. Сер. ист. наук. Казань: Тат. кн. изд-во, 1954.
11. *Юсупов Г. В.* Введение в булгаро-татарскую эпиграфику. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1960.
12. *Калинин Н. Ф.* История Казани с древнейших времен до XVII века. I—V главы. Докт. дис.: ИЯЛИ КФ АН СССР, 1956.— Архив КФ АН СССР, ф. 8, оп. 1, ед. хр. 202.
13. *Смирнов А. П.* Работы Поволжской экспедиции 1960 г.— КСИА, 1962, вып. 90.
14. *Фахрутдинов Р. Г.* Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. Казань: Тат. кн. изд-во, 1975.
15. *Смирнов А. П.* Волжские булгары.— Тр. ГИМ, 1951, вып. 19.
16. *Федоров-Давыдов Г. А.* Клады джучидских монет.— НЭ, 1960, т. I.
17. *Мухамадиев А. Г.* Два клада татарских монет XV века.— СА, 1966, № 2.
18. *Мухамадиев А. Г.* Об обрезанных монетах в Волжской Булгарии в конце XIV в. (Мало-Атрясинский клад).— НЭ, 1970, т. VIII.
19. *Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: Изд-во МГУ, 1960.
20. *Кирпичников А. Н.* Военное дело на Руси. Л.: Наука, 1976.
21. *Хлебникова Т. А.* Гончарное производство волжских болгар X — начала XIII вв.— МИА, 1962, № 111.

22. *Фахрутдинов Р. Г.* Новые археологические памятники Волжской Булгарии в закамской Татарии.— СА, 1969, № 1.
23. *Фахрутдинов Р. Г.* Новые археологические памятники Волжской Булгарии.— СА, 1978, № 1.
24. *Фахрутдинов Р. Г.* Исследования булгарских городищ в Татарии и Ульяновской области (по разведкам 1967, 1970, 1971 гг.).— СА, 1981, № 1.
25. *Калинин Н. Ф.* К вопросу о происхождении казанских татар.— В кн.: Происхождение казанских татар. Казань: Таткнигоиздат, 1948.
26. *Валеев Ф. Х.* Орнамент казанских татар. Казань: Тат. кн. изд-во, 1969.
27. *Худяков М. Г.* Очерки по истории Казанского ханства. Казань, 1923.
28. *Тизенгаузен В.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Спб., 1884.
29. ПСРЛ. Т. XXIX. Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича. Александро-Невская летопись. Лебедевская летопись. М.: Наука, 1965.
30. ПСРЛ. Т. XIII. Патриаршая или Никоновская летопись. М.: Наука, 1965.
31. *Черемных П. С.* Буржуазия.— БСЭ, 2-е изд., 1951, т. 19.
32. *Кузьмин В. В., Смыков Ю. И.* Казань.— СИЭ, 1965, т. 6.

R. G. Fakhrutdinov

STUDIES OF OLD KAZAN
(the 1970s diggings)

Summary

The author summarises the results of the 1972, 1976-1977, 1979 diggings and N. Kalinin's studies of the 1950s. Both Old Kazan sites (the Kamaevo fortified settlement and the Russko-Urmatskoe settlement) have yielded rich ceramic material and objects mainly of the Bulgar origin. The finds make it possible to recreate the history of Old Kazan, its emergence, heyday and decline when its functions were taken over by New Kazan, the future capital of the Kazan Khanate. Archaeological material is supported by historical and epic sources.

Публикации

ХАЙКУНОВА Н. А.

НУКЛЕУСЫ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ СУПОНЕВО

Стоянка Супонево открыта в 1925 г. и исследована Г. Ф. Мирчинком [1, с. 13], а позже, в 1926—1929 гг.,— экспедицией под руководством П. П. Ефименко, Б. С. Жукова [2, с. 319—320; 3, с. 1] и В. А. Городцова [4, с. 14—43].

Стоянка находится в 3—4 км южнее г. Брянска, на правобережье р. Десны, на правом борту приустьевой части древней балки, в 80—100 м от борта долины [5, с. 1010].

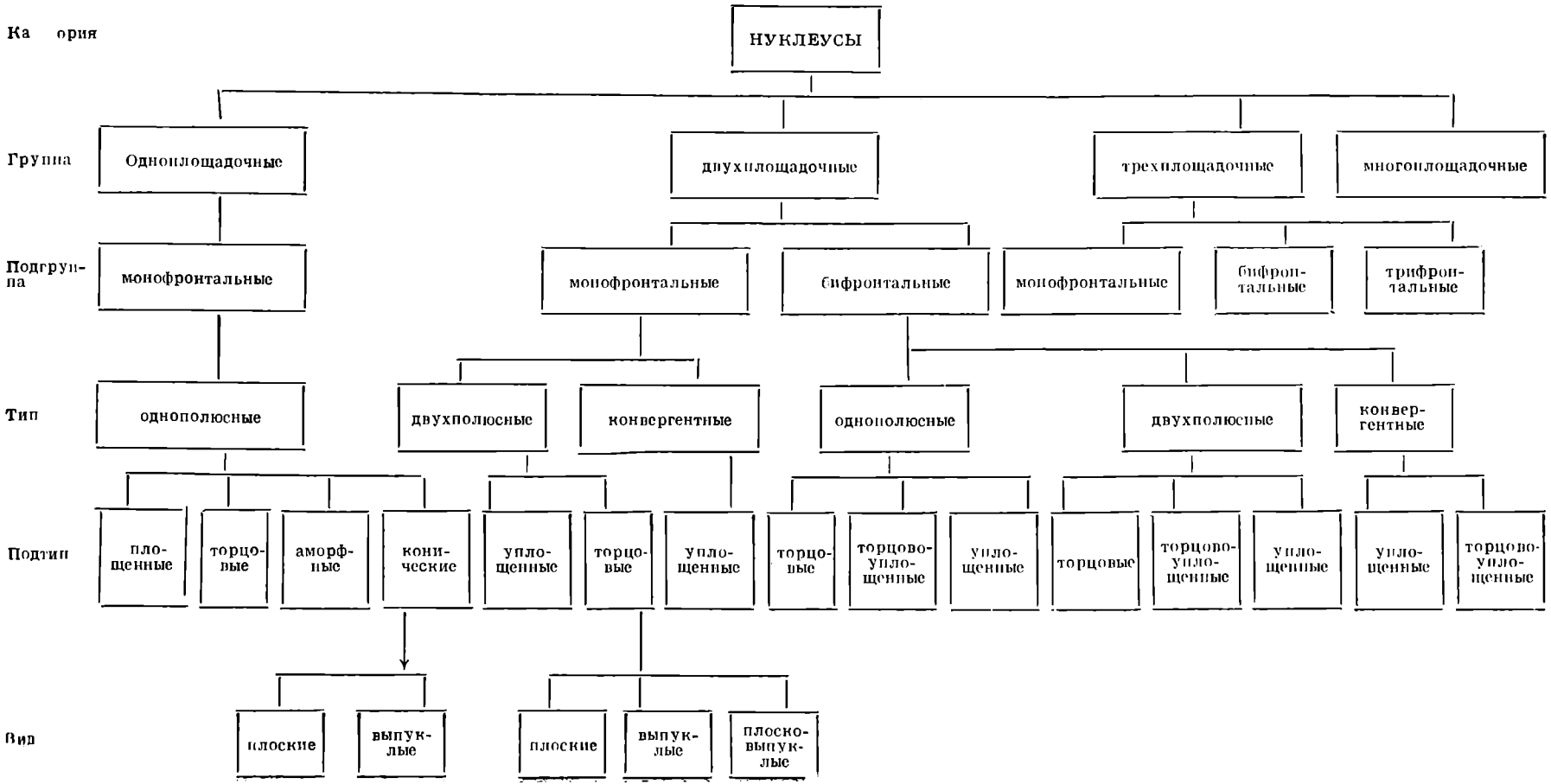
За годы раскопок получена коллекция кремневых изделий, включающая различные категории верхнепалеолитических орудий, нуклеусы и отходы производства, всего более 30 тыс. единиц. Кремневый инвентарь обладает рядом специфических особенностей. Поэтому для более полной его характеристики обработка коллекции начата с категории нуклеусов, как предметов, позволяющих изучить состояние сырьевой базы стоянки, технику первичного расщепления и ее особенности. Данная статья ставит целью дать классификацию нуклеусов на основе ряда морфологических признаков и краткую их характеристику [1].

В коллекции имеется 100 нуклеусов из темного слабопатинизированного кремня. Преобладают экземпляры, не превышающие 7 см в длину. В то же время на стоянке встречаются пластины и отщепы, превосходящие средний размер нуклеусов. В Супонево представлены нуклеусы разных степеней сработанности, однако предметов, характеризующих первые стадии, особенно пренуклеусов, практически нет. Преобладают артефакты последней стадии утилизации, сильно сработанные и, вероятно, отбракованные за невозможностью их дальнейшего использования. Некоторые предметы были оставлены из-за плохого качества сырья (каверны, микротрещины, стяжения). Кроме нуклеусов в коллекции выделяется группа предметов (21 экз.), которые строго типологически отнести к нуклеусам нельзя. В основном это массивные сколы или обломки, по размерам не превышающие средние нуклеусы. У некоторых одним-двумя ударами выделена ударная площадка, у других ею служит удобный участок узкой грани заготовки, с которого произведен один, реже два скола. У нескольких предметов на фронте скалывания кроме негатива большого скола имеется несколько негативов маленького размера, возможно, от неудачных ударов. Это не пренуклеусы, так как в некоторых случаях заведомо выбиралась заготовка, с которой невозможно получить более одного-двух хороших сколов. Специальной обработки латералей и контрфронта предметы не имеют. Поэтому данная группа на настоящем этапе исследования в категорию нуклеусов не включена. Из собственно нуклеусов многие оформлены очень небрежно, но наряду с ними имеются хорошо выраженные четкие формы. Возможно, это сочетание является характерной чертой техники первичного расщепления кремня стоянки Супонево.

В целом отмечается тяготение большинства нуклеусов к подтреугольной и подчетырехугольной форме. Особенно хорошо это выражено у тор-

[1] В работе использованы материалы коллекции, хранящейся в Музее антропологии МГУ, шифр 346, 426, 433. Вторая часть коллекции находится в МАЭ ИЭ АН СССР, шифр 5081.

Таблица


Ка ория
НУКЛЕУСЫ
Группа
Однолощадочные
двухлощадочные
трехлощадочные
многолощадочные
Подгруп-па
монофронтальные
монофронтальные
бифронтальные
монофронтальные
бифрон-тальные
трифрон-тальные
Тип
однополюсные
двухполюсные
конвергентные
однополюсные
двухполюсные
конвер-гентные
Подтип
пло-щенные
торцо-вые
аморф-ные
кони-ческие
упло-щенные
торцо-вые
упло-щенные
торцо-вые
торцово-упло-щенные
упло-щенные
торцовые
торцово-упло-щенные
упло-щенные
упло-щенные
торцово-упло-щенные
Вид
плоские
выпук-лые
плоские
выпук-лые
плоско-выпук-лые

цовых нуклеусов (в профиль), а также у одного из типов двухплощадочных полюсных со смежными фронтами. Кроме того, подтреугольные (в плане) заготовки встречаются и у одноплощадочных артефактов.

В классификации нуклеусов стоянки Супонево использована номенклатура, предложенная иркутскими археологами [6, с. 60—90]. Классификационная схема состоит из шести таксономических уровней (таблица). 1. Категория — выделяется по общепринятой классификационной схеме. 2. Группа — по количеству ударных площадок. 3. Подгруппа — по количеству фронтов скалывания. 4. Тип — по взаиморасположению ударных площадок. 5. Подтип — по расположению фронта скалывания на широкой или узкой грани артефакта. 6. Вид — по степени выпуклости сечения (берется сечение фронта, имеющее наибольшее количество негативов сколов).

Категория нуклеусов делится на группы: одноплощадочных, двухплощадочных, трехплощадочных и многоплощадочных.

Группа — одноплощадочные (39 экз.). Все относятся к подгруппе монофронтальных, типу однополюсных. Далее они подразделяются на подтипы уплощенных и торцовых [2]. Фронт скалывания уплощенных нуклеусов занимает бо́льшую часть поверхности артефакта по сравнению с подтипом торцовых. Фронт скалывания торцовых нуклеусов занимает узкую грань заготовки [7, с. 14].

Подтип — уплощенные (18 экз.). Фронт скалывания нуклеусов имеет подтреугольную или подчетырехугольную (в том числе и трапециевидную) форму. По степени выпуклости фронта скалывания (фронт прямой или выпуклый в сечении) они подразделяются на плоские и выпуклые. Среди нуклеусов встречаются экземпляры, у которых часть ударной площадки в плане прямая, а часть выпуклая (соответственно и сечение фронта скалывания). Обычно к таковым относятся артефакты, у которых фронт скалывания несколько заходит на латераль. Ударные площадки у всех нуклеусов скошены.

Вид — плоские нуклеусы — 3 экз. (рис. 1, *3*, *4*; рис. 2, *1*). Ударные площадки в плане оформлены одним или двумя сколами. Контрфронт одного предмета подправлен сколами и имеет следы известковой корки, два экземпляра имеют фасетки снятий, видимо, от более ранней стадии утилизации нуклеусов.

Вид — выпуклые — 15 экз. (рис. 1, *1*, *2*; рис. 2, *2*). Два экземпляра с ретушированными ударными площадками в плане, у остальных она оформлена одним — тремя сколами. У трех нуклеусов контрфронт покрыт известковой коркой (у одного — частично), у шести он подправлен оббивкой, у трех — сколом, у трех — несколькими гранями предшествующего раскалывания. Ретушь и оббивка не покрывают всей поверхности контрфронта. Часто на нем есть и фасетки сколов более раннего раскалывания, видимо, от первичного оформления или переоформления нуклеусов. У трех нуклеусов фронт скалывания заходит на латераль (рис. 2, *2*).

В целом латерали подтипа уплощенных нуклеусов слабо выражены, часто сливаются с контрфронтом. У тех экземпляров, где они есть, подработка их обычно совершена одним, реже несколькими сколами или она совсем отсутствует. Из-за сильной степени утилизации нуклеусов определение их заготовки затруднительно. В некоторых случаях это массивный скол, в других — желвак или конкреция кремня.

Подтип — торцовые — 10 экз. (рис. 2, *3*, *4*; рис. 3, *1*, *2*). Так как ударная площадка у всех нуклеусов в плане округлая, а фронт скалывания несколько заходит на латераль, то все они относятся к виду выпуклых.

Данный подтип включает в себя собственно торцовые и клиновидные нуклеусы, так как точных критериев их разделения мы не имеем на данной серии предметов, а и у тех, и у других фронт скалывания располагается на более узкой грани заготовки. У большинства нуклеусов этого подтипа плоский контрфронт отсутствует. Его заменяет гребень,

[2] К подтипу торцовых отнесены также и клиновидные нуклеусы.

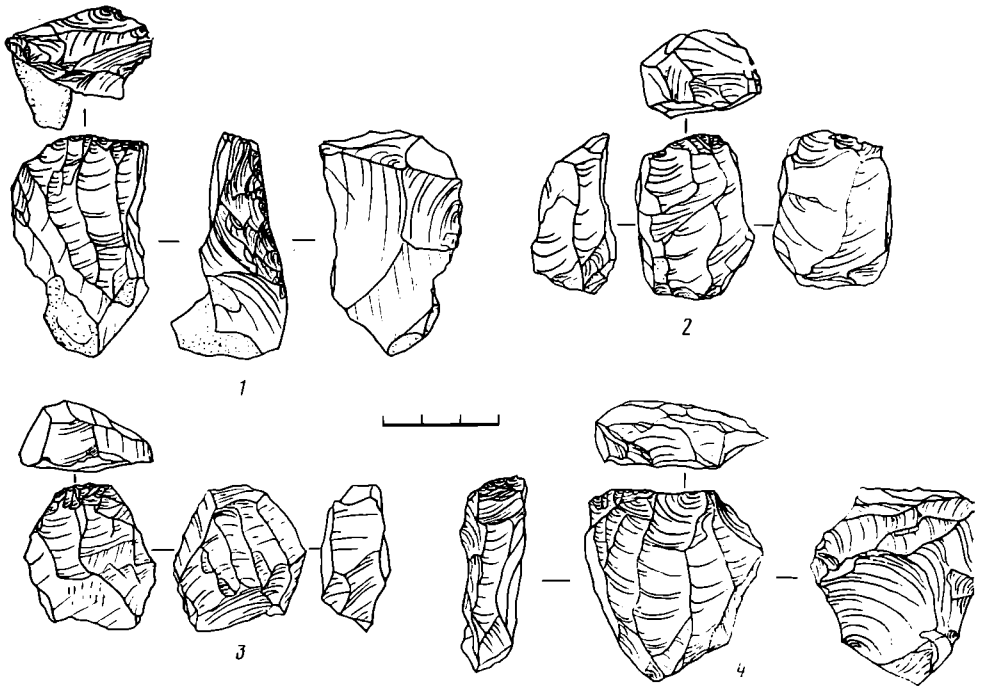


Рис. 1. Нуклеусы одноплощадочные, монофронтальные, однополюсные, уплощенные. *1*, *2* — выпуклые; *3*, *4* — плоские

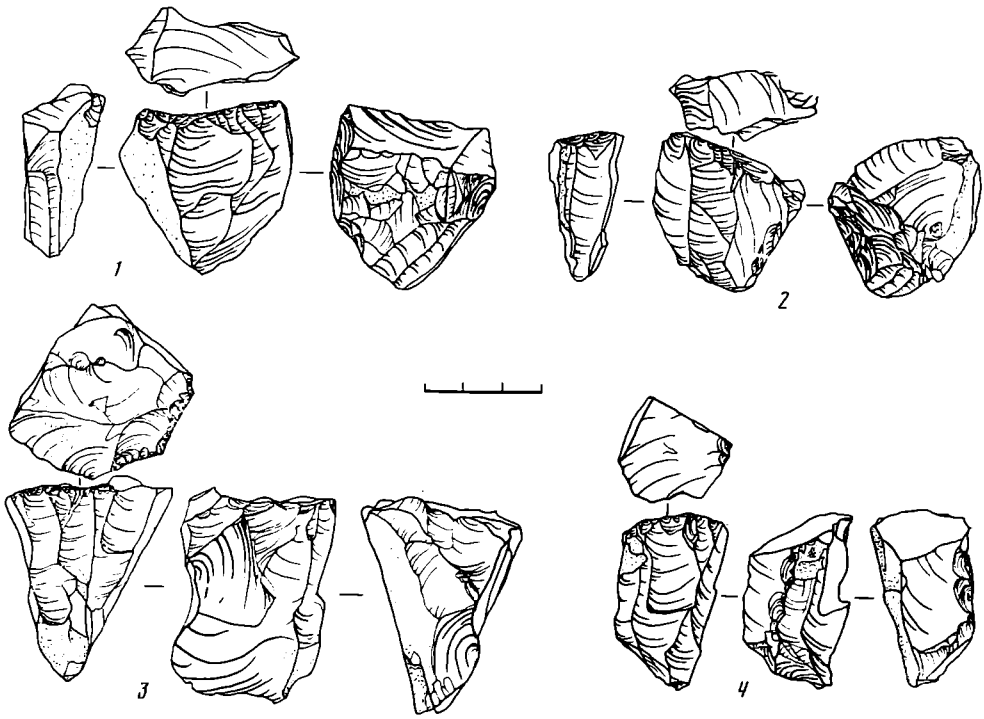


Рис. 2. Нуклеусы одноплощадочные, монофронтальные, уплощенные и торцовые. *1* — уплощенный плоский; *2* — уплощенный выпуклый; *3*, *4* — торцовые выпуклые

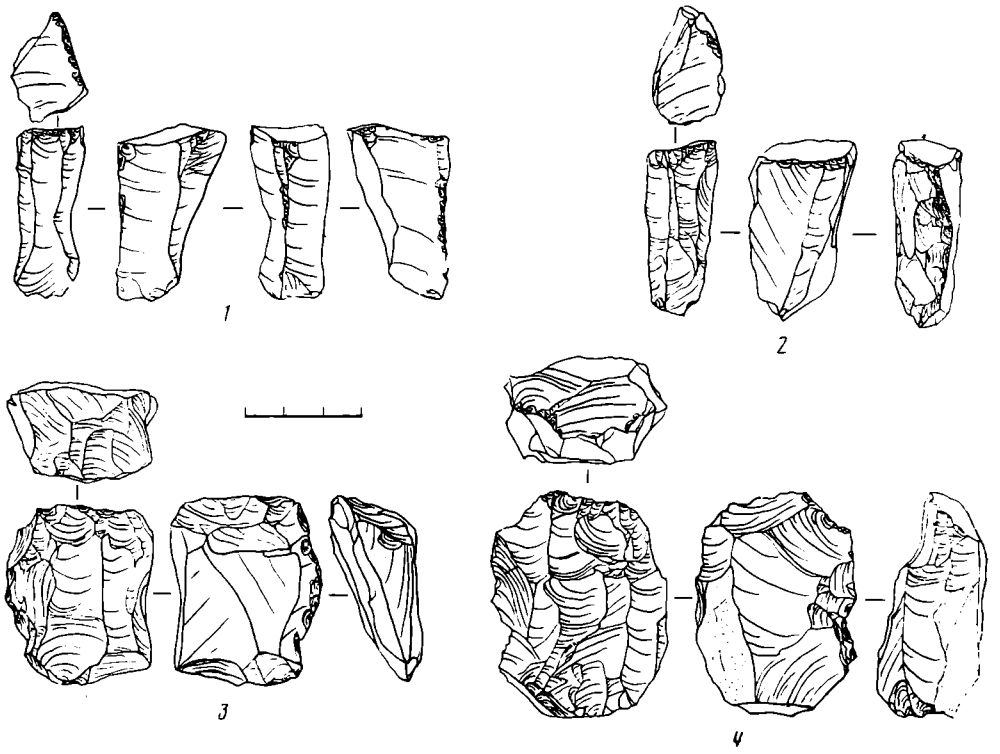


Рис. 3. Нуклеусы одноплощадочные и двухплощадочные монофронтальные, двухполюсные, уплощенные. 1, *2* — одноплощадочные, торцовые, выпуклые; *3* — двухплощадочный, плоский; *4* — двухплощадочный, выпуклый

образованный сходящимися латералями. В профиль клиновидные и торцовые нуклеусы в некоторых случаях имеют подтреугольную форму. Она образуется за счет сильно скошенной ударной площадки и сходящегося с ней углом гребня. В целом угол скоса ударных площадок торцовых нуклеусов больше, чем уплощенных.

У двух торцовых нуклеусов фронт скалывания заходит на обе латерали несколько больше, чем у остальных. Возможно, это иной подвид нуклеусов, но недостаточность серии вынуждает отнести их к торцовым, отметив эту особенность. Ударная площадка одного нуклеуса оббита, у остальных оформлена одним-двумя сколами.

У трех предметов контрфронт имеет подтреугольную форму, узким концом к дисталу, покрыт известковой коркой (2 экз.) и оббит (1 экз.), в самом низу прослеживается небольшой гребень, переходящий в киль. Гребень у трех нуклеусов этого подтипа ретуширован или оббит с одной из латералей (рис. 2, *3*, *4*; рис. 3, *2*).

Почти у всех нуклеусов одна из латералей более плоская. Особенно наглядно это там, где латералью является плоскость раскола. Вторая латераль обычно образована несколькими гранями. У четырех экземпляров латераль частично оббита.

Подтип — торцово-плоские (5 экз.). Это нуклеусы, выполненные на небольших массивных сколах. Фронт скалывания у них расположен на узкой и широкой гранях. Возможно, они представляют собой промежуточный вариант между торцовыми и уплощенными нуклеусами. Выполнены они очень небрежно, без подправки контрфронта и латерали. У одного площадка грубо оббита, у прочих оформлена сколом.

Подтип — конические, вид — выпуклые (1 экз.). Возможно, это вариант торцового, так как у некоторых торцовых (клиновидных) нуклеусов прослеживается тенденция к растягиванию рабочей кромки ударной площадки на бóльшую часть периметра [8, с. 14—15]. Скалывание про-

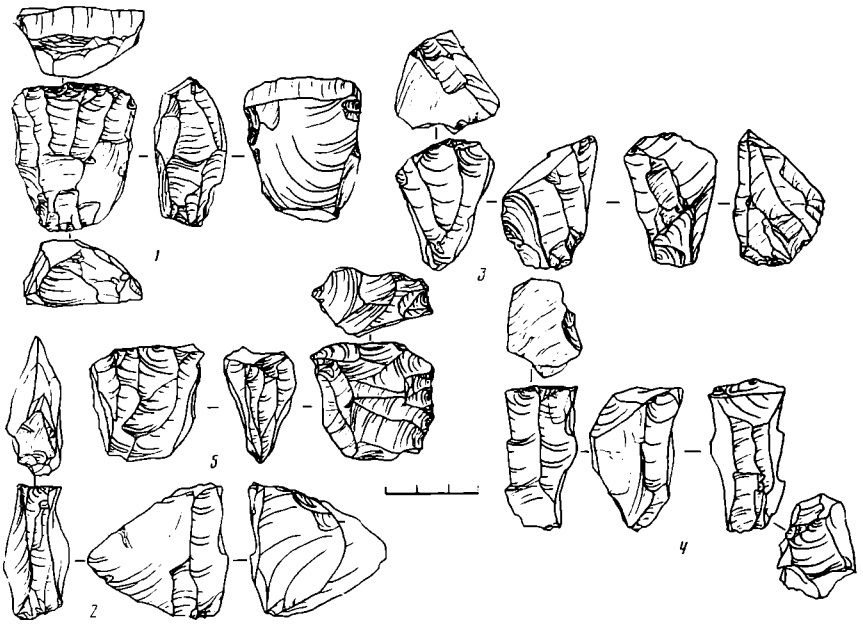


Рис. 4. Нуклеусы двухплощадочные, моно- и бифронтальные. *1* — монофронтальный, двухполюсный, уплощенный, выпуклый; *2* — монофронтальный, двухполюсный, торцовый, выпуклый; *3* — бифронтальный, торцово-уплощенный, выпуклый; *4* — бифронтальный, торцовый, альтернативный, выпуклый; *5* — бифронтальный, уплощенный, плоско-выпуклый

изводилось по всему периметру. Ударная площадка оббита, нуклеус сильно сработан.

Подтип — аморфные (1 экз.). Ударная площадка не лежит в одной плоскости, а изгибается, рабочая кромка занимает 0,6 периметра площадки и переходит на контрфронт уже в качестве гребня. Весь нуклеус обколот и сильно забит. Возможно, он переоформлялся несколько раз.

Подтип — прочие (4 экз.). Это очень сильно сработанные остаточные нуклеусы. Их высота не превышает 4 см, а ширина 1,9 см. Ударные площадки оформлены одним и двумя сколами. По форме нуклеусы напоминают карандашевидные. Фронт скалывания очень узок, несет на себе негативы одного—трех сколов. Отнести их конкретно к какому-либо подтипу из вышеперечисленных невозможно.

Группа — двухплощадочные — 54 экз. (рис. 3, *3*, *4*; рис. 4).

Подработка ударных площадок не отличается от одноплощадочных нуклеусов. Кроме того, наблюдается та же закономерность в степени скоса ударных площадок для уплощенных и торцовых нуклеусов — у вторых она больше. Двухплощадочные нуклеусы подразделяются на подгруппы монофронтальных и бифронтальных.

Подгруппа — монофронтальные (29 экз.). Делится на типы двухполюсных и конвергентных. Далее они подразделяются по принципу вышеописанных одноплощадочных.

Тип — двухполюсные, подтип — уплощенные (17 экз.).

Вид — выпуклые подчетырехугольные (15 экз.) (рис. 3, *4*; рис. 4, *1*). Ударные площадки находятся на противоположных концах нуклеуса и имеют один фронт скалывания, выпуклый в сечении. Один из нуклеусов очень сильно выпуклый, тяготеет к торцовому, у которого ударная площадка заходит на обе латерали. Два нуклеуса переоформлены, у них на контрфронте есть параллельные фасетки старого фронта скалывания.

У одного нуклеуса обе площадки ретушированы, две имеют одну площадку ретушированную (1 экз.) и оббитую (1 экз.) и вторую — оформленную сколом. У 12 нуклеусов обе площадки выполнены одним—тремя сколами. Семь предметов имеют оббивку и один ретушь и оббивку, которые не покрывают полностью весь контрфронт, за исключением одного

экземпляра; у трех контрфронтом является вентрал заготовки нуклеуса; у трех — грани предшествующего раскалывания; у одного — известковая корка, частично снятая сколом. У нуклеусов с выраженными латералями последние оформлены одним или несколькими сколами, в одном случае галечная корка покрывает бо́льшую часть латерали.

Вид — плоские — 2 экз. (рис. 3, *3*). Отличаются от предыдущего подтипа тем, что сечение фронта нуклеуса плоское. Один нуклеус с площадками, оформленными ретушью, второй — с площадками, оформленными двумя и тремя сколами. Контрфронт одного нуклеуса покрыт известковой коркой, частично снятой скошенными ударными площадками, у второго им является плоскость древнего раскола. Латерали одного нуклеуса покрыты известковой коркой, у второго на одной латерали она частично сбита, а другой является плоскость раскола.

Подтип — торцовые, вид — выпуклые — 11 экз. (рис. 4, *2*). Шесть нуклеусов обычные. Три из них в профиль подтреугольны, три — трапециевидны, что достигается за счет скоса ударных площадок, почти смыкающихся под углом на контрфронте. У пяти предметов фронт скалывания слабовыпуклый в профиль, особенно в месте пересечения негативов сколов с ударных площадок.

У всех нуклеусов одна из ударных площадок оформлена одним сколом, вторая у семи — тоже одним, у четырех — ретушью. Четыре нуклеуса имеют плоский контрфронт, но у трех из них его более чем на 0,6 площади занимают плоскости ударных площадок; у четырех нуклеусов контрфронт оббит и у трех это гребень. У трех из шести обычных нуклеусов одна из латералей покрыта желвачной коркой, вторая оббита (1 экз.). или является неподправленным вентралом заготовки артефакта (2 экз.), у двух нуклеусов латерали являются плоскостями раскола; у одного латералью является плоскость раскола, вторая оббита.

Пять нуклеусов составляют особую серию. У них кромка одной из ударных площадок заходит на латераль, с которой, как и с торца, происходит скалывание. Возможно, это связано со сработанностью нуклеусов. Все они небольших размеров (от 4,8×1,8×2,4 до 3,3×2,0×3,0).

Заготовкой для торцовых нуклеусов служила плоская подтреугольная плитка или массивный скол, иногда сохраняющий часть желвачной или известковой корки.

Тип — монофронтальные конвергентные, подтип — уплощенные, вид — выпуклые — 1 экз.

Одна ударная площадка ретуширована, вторая оформлена одним сколом. Контрфронт оббит. На фронте скалывания сохранился маленький участок известковой корки. Ударные площадки не смыкаются.

Подгруппа — бифронтальные — 25 экз. (рис. 4, *3—5*). По численности она мало отличается от монофронтальных, но более дробная, так как вариантов взаиморасположения двух ударных площадок с разными фронтами скалывания гораздо больше, чем с единым фронтом.

Тип — однополюсные, подтип — торцовые — 5 экз. У всех нуклеусов ударные площадки оформлены одинаково. Это, видимо, связано с тем, что обе площадки находятся на одной плоскости. Противолежащие фронты скалывания расположены на узких гранях заготовки. У двух нуклеусов обе площадки ретушированы со стороны одной из латералей, у трех оформлены одним сколом.

У трех предметов одна латераль покрыта известковой коркой, вторая обработана одним сколом (2 экз.) или покрыта частично оббитой известковой коркой; у двух обе латерали оформлены сколом, нанесенным на одной из латералей с плоскости ударной площадки. Он покрывает бо́льшую часть латерали. Собственно, эти нуклеусы могли бы рассматриваться как своеобразные трехплощадочные торцово-плоские, но мастером не была сделана попытка продолжить расщепление в данной плоскости. Поэтому автор считает возможным пока оставить нуклеусы в данном подтипе.

Подтип — торцово-плоские, вид — выпуклые — 14 экз. (рис. 4, *3*). Нуклеусы несколько похожи на клиновидные с килем. Латераль только

одна, она же является контрфронтом уплощенному фронту скалывания. Контрфронтом торцовому фронту является гребень (в одном случае скол). Все нуклеусы сработаны. У двух нуклеусов ударная площадка на торце ретуширована, у остальных оформлена сколом. Площадка на гребне у трех оформлена оббивкой, у 11 — одним-двумя сколами. Девять предметов имеют оббитую латераль; два — латераль с одним сколом; у трех она с остатками известковой корки. Определение заготовки для данного подтипа нуклеусов затруднено из-за их сработанности.

Подтип — торцовые альтернативные, вид — выпуклые — 5 экз. (рис. 4, *4*). У них два противоположных фронта скалывания, расположенных на узких гранях заготовки. Ударные площадки находятся на прилегающих к фронтам узких сторонах, а плоские грани между фронтами являются латералями. У двух нуклеусов одна из площадок не строго перпендикулярна длинной оси фронта скалывания, а немного скошена к латерали. У двух предметов одна ударная площадка ретуширована, вторая оформлена одним-двумя сколами; у трех обе площадки оформлены одним сколом.

Обе латерали у трех нуклеусов образованы плоскостями раскола, а у двух одна латераль оббита, вторая образована сколом. Один нуклеус имеет сильно ретушированный в плане край ударной площадки со стороны одной из латералей. Возможно, это переоформление его в орудие.

Тип — конвергентные (1 экз.). К этому типу относятся нуклеусы, у которых скалывание происходило в разных плоскостях со смежных ударных площадок, причем направление снятий на разных фронтах перпендикулярно или находится под углом друг к другу.

Подтип — уплощенные, вид — плоско-выпуклые подчетырехугольные — 1 экз. (рис. 4, *5*). У нуклеуса два противолежащих фронта скалывания, а ударной площадкой каждому из них служит край латерали другого. Одна ударная площадка заходит на торец и снимает часть фасеток второго фронта скалывания. Направления снятий на фронтах почти перпендикулярны одно другому. Латерали практически не выражены. В известном смысле можно сказать, что скалывание производилось с краев фронтов, но ударные площадки лежат несколько в иной плоскости, чем фронты скалывания. Одна ударная площадка подправлена сколом — вторая — оббивкой.

Группа — трехплощадочные (4 экз.).

Подгруппа — трехфронтальные, тип — полюсно-конвергентные (1 экз.). Из-за сильной степени утилизации артефакта затруднительно проводить его более дробную атрибутацию. Все фронты скалывания находятся в разных плоскостях: два — параллельно один другому, третий — перпендикулярно первым. Одна ударная площадка ретуширована, две оформлены одним сколом. Из-за сработанности нуклеус имеет почти аморфную форму.

Подгруппа — бифронтальные, тип — полюсно-альтернативные (3 экз.). Все относятся к подтипу уплощенных, виду плоско-выпуклых. Две площадки находятся на противоположных концах одного фронта скалывания. Снятия с них производились во встречных направлениях, а на втором фронте — параллельно первым. Третья ударная площадка расположена на участке первого фронта скалывания, смежном с первой ударной площадкой. Ударные площадки оформлены сколом, одна площадка у одного из нуклеусов оббита.

Фронты скалывания у одного нуклеуса смыкаются; у другого смыкаются с одной стороны, а второй латералью является плоскость раскола; у третьего обе латерали образованы плоскостями раскола.

Группа — многоплощадочные, подгруппа — бифронтальные, тип — двухполюсные — 1 экз. Нуклеус сильно сработан. Имеет два фронта скалывания и четыре ударные площадки со встречным направлением снятий. Две ударные площадки на одной плоскости оббиты, две на другой плоскости оформлены двумя сколами и сильно забиты с фронта.

Группа — неопределимые — 2 экз. Нуклеусы бессистемные, аморфные из-за сильной степени сработанности.

Анализ данной категории предметов кремневой индустрии Супоневской стоянки показывает, что первичная обработка сырья производилась на территории стоянки. Об этом свидетельствует коллекция нуклеусов и так называемых отходов производства (около 27 тыс. единиц): отщепов и пластин без ретуши, чешуек, осколков и обломков [1, с. 72—118].

Все нуклеусы призматического принципа скалывания. В целом значительная степень использования отмечается для всех нуклеусов стоянки. В большей степени это касается уплощенных нуклеусов. С уплощенных нуклеусов получали как пластины, так и отщепы. С торцовых, видимо, основным типом заготовки были пластины или пластинчатые отщепы. Можно отметить, что на бо́льших по размерам артефактах встречаются негативы и пластин, и отщепов, на меньших же — в основном отщепов. Торцовые нуклеусы чаще имеют пластинчатые негативы.

Вторичное использование нуклеусов на данной серии материала не наблюдается, за исключением вышеописанного случая.

Одноплощадочных нуклеусов (39 экз.) меньше, чем двухплощадочных (54 экз.). Последние дают почти равное деление на моно- (29 экз.) и бифронтальные (25 экз.). Трехплощадочных нуклеусов 4 экз., многоплощадочных — 1 экз., неопределимых — 2 экз. Возможно, увеличение количества ударных площадок связано с переоформлением нуклеусов.

Все нуклеусы имеют скошенную ударную площадку, причем угол скоса у уплощенных меньше, чем у торцовых, что отмечалось выше.

В целом преобладает подправка ударных площадок одним — тремя сколами, нуклеусов с оббитой или ретушированной площадкой меньше. Ретушь в большинстве случаев грубая, близкая к оббивке. Подправка фронта скалывания встречается всего на нескольких экземплярах. Она невыразительна, сколы подправки почти сняты в процессе использования нуклеусов. Нуклеусы подправлялись с контрфронта и латералей. Подправка всей плоскости встречена у единичных артефактов, чаще это ретушь или оббивка по краям. Во многих случаях от фасеток подправки остается только часть из-за сработанности нуклеуса. Экземпляры, имеющие в качестве контрфронта или латерали плоскость раскола, обычно не подправлялись. Известковая корка в большинстве случаев частично снималась ретушью или отдельными сколами.

В тех случаях, где можно определить заготовку, она была обычно массивным сколом, плиткой или уплощенной конкрецией.

В заключение можно сказать, что нуклеусы Супоневской стоянки, обладая рядом признаков, характерных для всех верхнепалеолитических нуклеусов, имеют ряд особых черт: сильная утилизация артефактов, отсутствие пренуклеусов, общее тяготение к подтреугольной форме заготовки и к торцовым и клиновидным формам. Введение в научный оборот нового систематизированного материала даст возможность в будущем определить место Супоневской стоянки в системе деснинского палеолита и палеолита Русской равнины.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Шовкопляс И. Г.* Супоневская палеолитическая стоянка. Канд. дис. Киев: ИА АН УССР, 1949.— Архив ИА АН УССР. Н-Арх/877.
2. *Ефименко П. П.* Экспедиция для изучения палеолитических культур.— СГАИМК, 1927, вып. 1.
3. *Ефименко П. П.* Описание кремня Супоневской стоянки.— Архив ЛОИА АН СССР, 1926, ф. 2, с. 1, д. № 235.
4. *Городцов В. А.* Техника и типологическая классификация резцов Супоневской и Тимоновской палеолитических стоянок из раскопок 1928 и 1929 гг.— ТСА РАНИОН, 1930, вып. V.
5. *Величко А. А.* Палеогеография стоянок позднего палеолита бассейна средней Десны.— В кн.: Природа и развитие первобытного общества. М.: Наука, 1969.
6. *Медведев Г. И., Михнюк Г. Н., Лежненко И. Л.* О номенклатурных обозначениях и морфологии нуклеусов в докерамических комплексах Приангарья.— В кн.:

Древняя история народов юга Восточной Сибири. Вып. 1. Иркутск: Изд-во Иркутского гос. ун-та, 1974.
7. *Абрамова З. А.* Микронуклеусы в палеолите Енисея.— КСИА, 1971, вып. 126.
8. *Паничкина М. З.* Палеолитические нуклеусы.— АСб. ГЭ, 1959, вып. 1.

N. A. Khaikunova

CORES FROM THE SUPONEVO SITE

Summary

There are 100 flint cores among the materials from Suponevo, an Upper Palaeolithic site. The author has undertaken their classification with the aim of broadening our ideas of the primary chipping and forwarded a core classification containing six taxonomic levels (Fig. 1). The cores of the prismatic principle of flaking represent mainly the last stage of their use. They are worn out to a great degree and often bear traces of reshaping. There are 39 one-platform cores and 54 two-platform ones. At the same time the author notes a tendency of some more flattened forms to the butt-ended one, and their coexistence in one and the same core (a flattened-butt-ended subtype) (Figs. 2-5). The cores display careless flaking on the one hand, and, clear-cut, distinct forms on the other. It is easy to tell whether massive flakes, plates or flattened flint concretions served as a core blank.

ЖУРАВЛЕВ А. П.

ДАТИРОВКА ПОСЕЛЕНИЙ МЕЗОЛИТА — РАННЕГО МЕТАЛЛА В УНИЦКОЙ ГУБЕ ОНЕЖСКОГО ОЗЕРА *

В Уницкой губе Онежского озера в настоящее время известно более 45 памятников археологии. При определении их возраста использованы различные методы: датировка высотным методом и радиокарбоновый анализ, палеогеографические реконструкции и типологический анализ вещей из раскопок. Рассматривая вопросы датировки, мы делаем упор на памятники, содержащие чистые комплексы мезолита, неолита и раннего металла, датированные радиокарбоновым методом.

Корреляция данных C^{14} с палеогеографическими реконструкциями водоема, высотными отметками и типологическим анализом археологического материала позволяет проследить последовательность существования памятников различного типа в Уницкой губе Онежского озера от мезолита до средневековья. Относительное датирование поселений производится прежде всего по высоте их расположения над уровнем Онежского озера. Такой метод датировки памятников на Онежском озере был впервые применен Б. Ф. Земляковым [1]. В 40—60-е годы им пользовалась Н. Н. Гурина [2], а в 70-е годы — Г. А. Панкрушев [3]. Суть метода заключается в том, что в результате векового поднятия Фенноскандии поверхность Карелии тоже испытывает поднятие, замедляющееся с северо-запада на юго-восток. В результате этого происходит перекос ванн озер и сливание их на юго-восток. Поэтому на северо-западных берегах Онежского озера за тысячелетия образовалась лестница древних террас и валов. Чем древнее терраса или вал, тем они расположены выше и дальше от берега.

Высотный метод, будучи пригоден в большинстве случаев (хотя и не во всех) для относительной датировки памятников на Онежском озере, сам по себе не гарантирует точности абсолютных датировок. Возможные неточности могут возникнуть благодаря следующим обстоятельствам. Статистическая закономерность расположения памятников на большей высоте относительно поздних поселений не гарантирует невозможность расположения последних на более высоких отметках, чем обычно, из-за заболоченности древней прибрежной полосы, крутого профиля берегового склона, неудобной площадки террасы или из-за приуроченно-

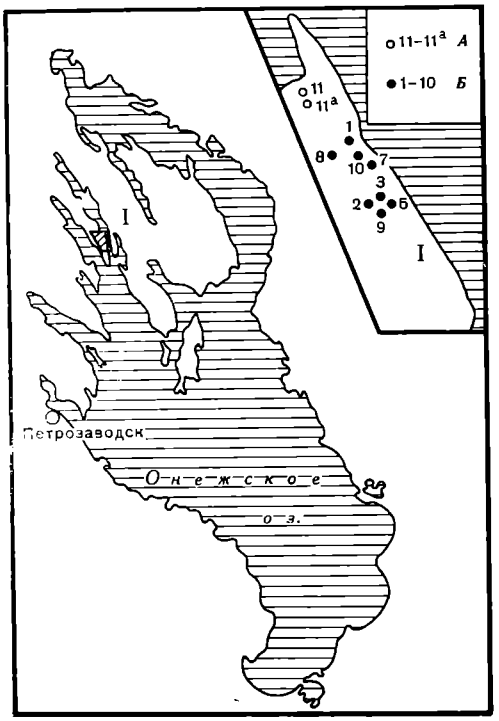


Рис. 1. Схема расположения поселений мезолита — раннего металла в окрестностях Пегремы и в Палайгубе. *I* — Пегрема

* Доклад на секторе палеолита ЛОИА 1 февраля 1982 г.

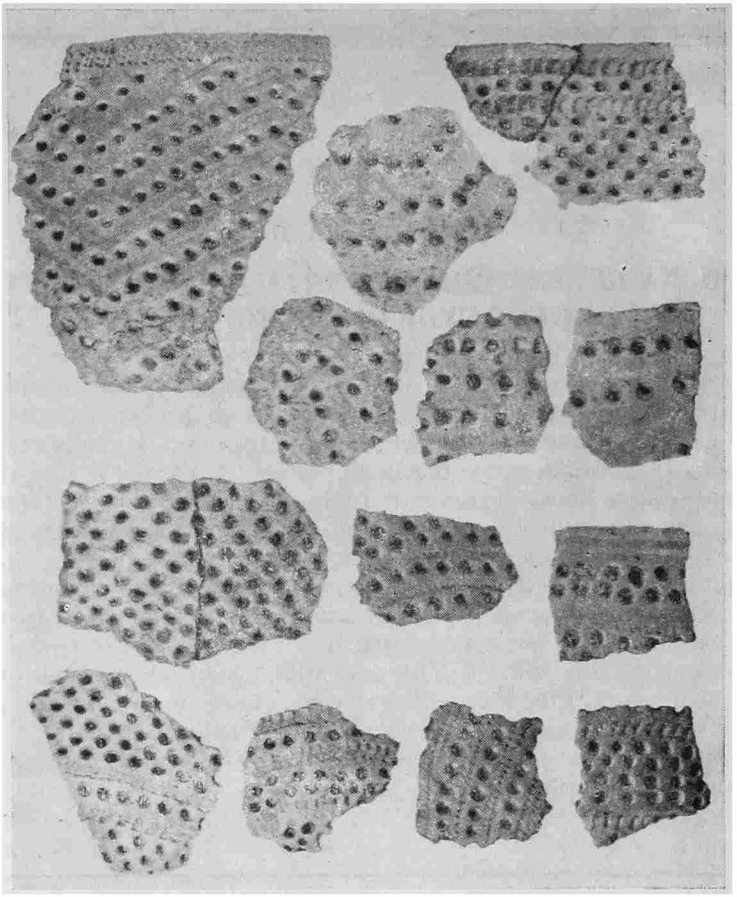


Рис. 2. Поселение Пегрема V. Керамика льяловского типа

сти памятника к профилю речной долины в районе приустья. Сам постулат, согласно которому побережье Онежского озера испытывало равномерно-замедленное поднятие, является спорным, поскольку геологи констатируют неравномерный блоковый характер поднятия на отдельных участках побережья. Следует учитывать также регрессивно-трансгрессивные стадии палеоводоема. Наконец, обе исходные точки отсчета абсолютного времени, на который опирается график датировок, предложенный Г. А. Панкрушевым, определены с помощью сравнительно-типологического метода и являются условными [1]. При использовании высотного метода датировок должна учитываться вероятность ошибки, которая может быть значительной. Один из путей повышения его надежности заключается в уточнении основных положений с помощью радиоуглеродных и палинологических датировок, а также палеогеографических изысканий в опорных микрорайонах. Такие работы велись, в частности, на побережье Уницкой губы [4].

Особый интерес представляют археологические памятники в Пегреме и Палайгубе. Здесь на небольшой площади в несколько квадратных километров сосредоточено более 40 поселений (рис. 1). Многие поселения однослойные. Для определения их возраста в настоящее время ведутся исследования, базирующиеся на увязке береговых террас с расположенными на них поселениями, датированными радиоуглеродным методом [5]. В результате изучения геологического строения разрезов террас в Пегреме и Палайгубе выяснено, что освоение этой территории шло на фоне неоднократных колебаний уровня Онежского озера.

[1] В качестве опорных дат Г. А. Панкрушев берет начало широкого применения керамики сперрингс в Карелии (5000 лет назад) и время ее исчезновения (примерно 3900 лет назад) [3, с. 40].

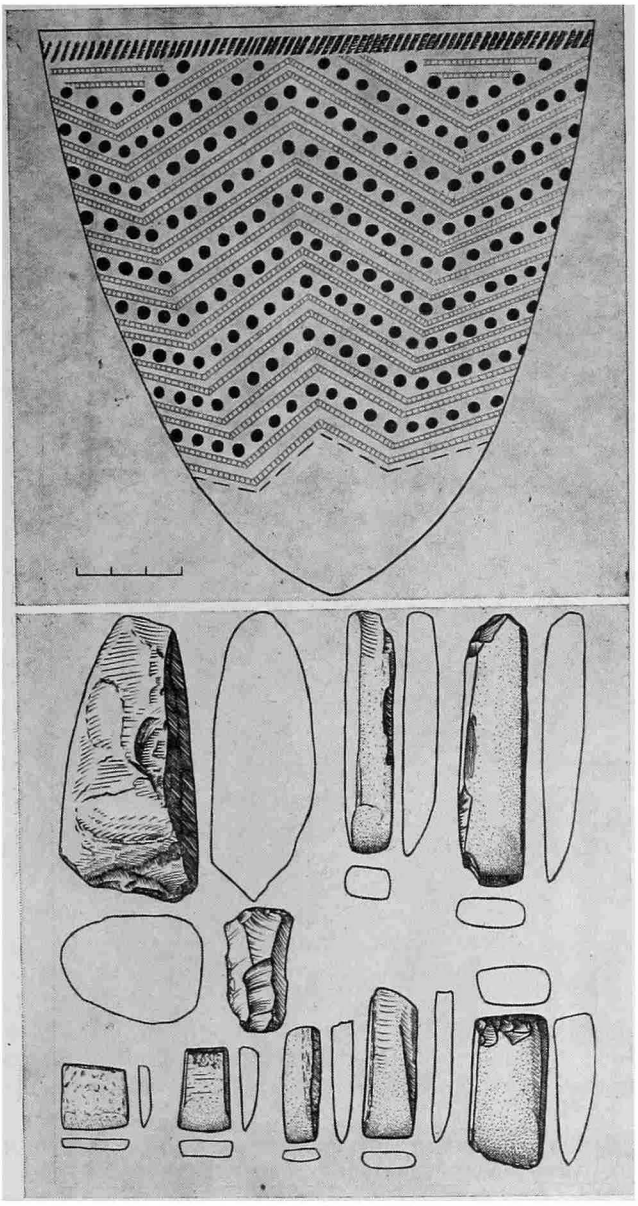


Рис. 3. Поселение Пегрема V. Находки

Гипсометрическое положение поселений подтверждает вышеуказанную общую закономерность. Наибольшую высоту над уровнем Онежского озера имеет стоянка Пегрема VIII (13—16 м). Результаты радиоуглеродного датирования памятника — 7050±150 (ТА), 7140±80 (ТА), 7100±50 (ТА) (уголь взят из очага жилища). Позднемезолитический возраст стоянки подтверждает и анализ археологических материалов: здесь обычны кварцевые орудия позднемезолитического облика (желобчатые долота, скребки, нуклеусы), аналогичные орудиям культуры Суомусярви в Финляндии. Отмечается также техника скалывания пластин [6].

Два местонахождения кварцевых изделий — Колгостров II и Викша, судя по высотным отметкам (более 30 м над уровнем Онежского озера), относятся, возможно, к еще более раннему времени, так как благоприятные климатические условия в принципе способствовали появлению здесь небольших стойбищ охотников уже в раннем мезолите. В позднем же мезолите, когда от воды освободились террасы у Пегремы, здесь возникло постоянное поселение с жилищами.

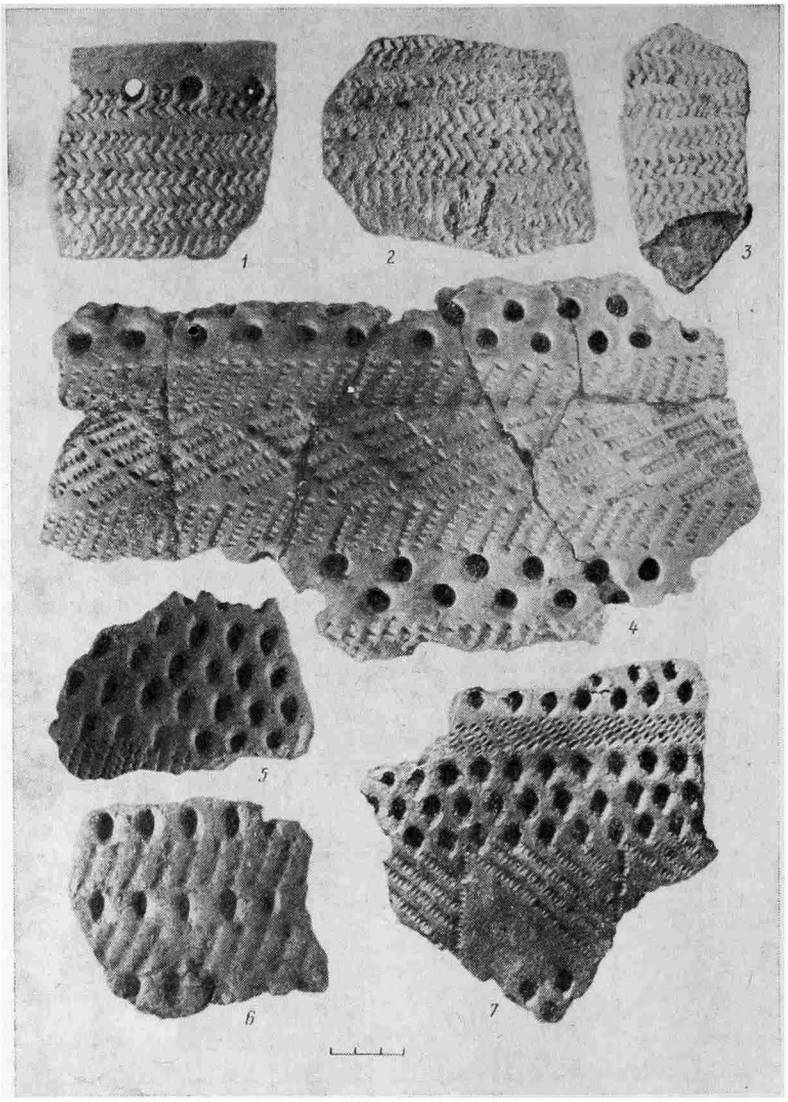


Рис. 4. Поселение Пегрема II. Керамика (*1—3* — сперрингс, *4* — ямочно-гребенчатая, *5—7* — ромбо-ямочная)

Существование неолитических поселений Пегрема IX и Пегрема V сопровождалось постепенным понижением уровня Онежского озера. Поселение Пегрема IX содержит чистый комплекс керамики сперрингс и преимущественно кварцевый инвентарь архаичного облика [7]. Радиоуглеродная дата стоянки 6510±90 (ТА) (уголь из хозяйственной ямы с керамикой на кв. 9). Высотные отметки ее над уровнем озера 11 м. Ниже, на террасе высотой около 6 м над водой, расположено поселение Пегрема V, содержащее чистый комплекс неолитической керамики льяловского типа (рис. 2, 3).

Палеогеографические реконструкции, проведенные Э. И. Девятовой, фиксируют значительное понижение уровня Онежского озера во время существования поселения Пегрема V. Последующая затем трансгрессивная стадия палеоводоема отмечается полосой галечниковых отложений, развитых на поселении Пегрема II (5070±120—ТА, уголь из кв. 46,56; 4750±120 — ТА, уголь из кв. 58; 4550±90 — ТА, уголь из кв. 59; 4240±90 — ТА, уголь из кв. 186), содержащей керамику сперрингс, ямочно-гребенчатую и ромбо-ямочную (см. рис. 4, 5). Эта полоса оконтуривает невысокий абразионно-аккумулятивный уступ. Уровень Онежского озера на данном участке в то время по меньшей мере на 8—9 м пре-

вышал современный. По времени трансгрессия предшествовала энеолитической культуре, так как широкий береговой вал фиксирует последующее понижение береговой линии озера. Пегрема III, датировка которой 4200±90 (ТА), уже содержит чистый комплекс ромбо-ямочной керамики; эта стоянка в сущности является продолжением стоянки Пегрема II, что подтверждает типологический анализ их материалов (рис. 6).

Дальнейшее понижение уровня озера способствовало образованию террас, на которых возникли поселения с ромбо-ямочной керамикой: Пегрема I (4200±90 – ТА, 4200±50 – ТА, уголь из жилища № 3; 4980±60 – ЛЕ, уголь из хозяйственной ямы; 5145±110 – ТА, уголь из хозяйственной ямы), Пегрема VII, X (рис. 7–9). Радиокарбоновые даты поселений Пегрема I, II неустойчивы. Разброс дат можно объяснить тем, что энеолитическая эпоха возникла на местной неолитической основе и ее корни уходят глубоко в местный самобытный неолит Заонежья.

Рис. 5. Поселение Пегрема II. Сланцевые кирки

Все наиболее поздние даты на трех поселениях падают на вторую половину III тысячелетия до н.э. Вряд ли можно объяснить случайным стечением обстоятельств совпадение радиоуглеродной даты явно однослойного поселения Пегрема III и наиболее поздних дат поселений Пегрема I, II. Поэтому мы их принимаем в качестве опорных.

Таким образом, приведенные данные позволяют считать, что энеолитические поселения в Уницкой губе Онежского озера существовали в III тыс. до н. э. Верхняя их граница в районе Пегремы, судя по всему, совпадает с концом III тысячелетия до н. э. Нижняя граница пока точно не установлена, но в целом даты показывают, что террасы, на которых находятся энеолитические поселения, могли быть заселены с рубежа IV и III тыс. до н. э.

В конце энеолита палеогеографическая обстановка в Пегреме снова изменилась. Более поздняя регрессивная стадия палеоводоема отмечена Э. И. Девятовой и А. Л. Александровским на поселениях в Палайгубе. Эта стадия синхронна поселению с поздней ромбо-ямочной керамикой (Палайгуба II-а), погребенной под осадками, на которых (гипсометрически несколько ниже – 4,5 м) расположено поселение эпохи бронзы с асбестовой керамикой – Палайгуба II – 3150±100 (ТА) (уголь из очага жилища). Новая трансгрессивная стадия связывается с поселением Па-

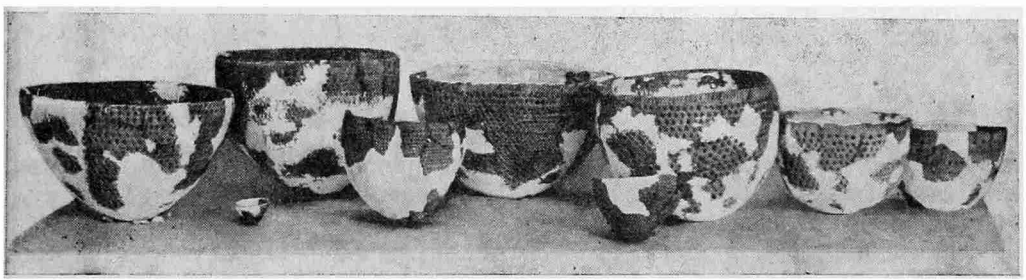


Рис. 6. Реставрированные сосуды

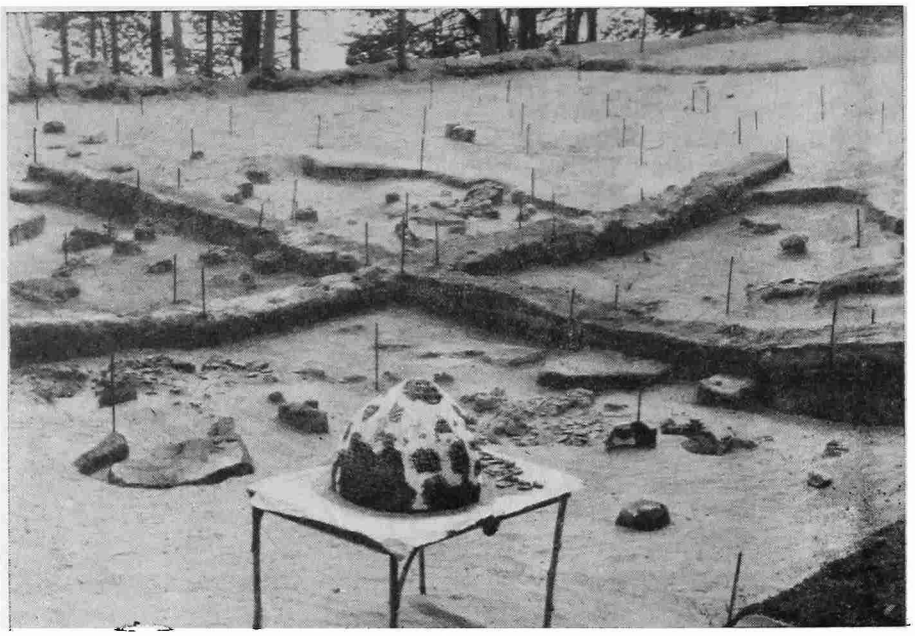


Рис. 7. Поселение Пегрема I. Жилище

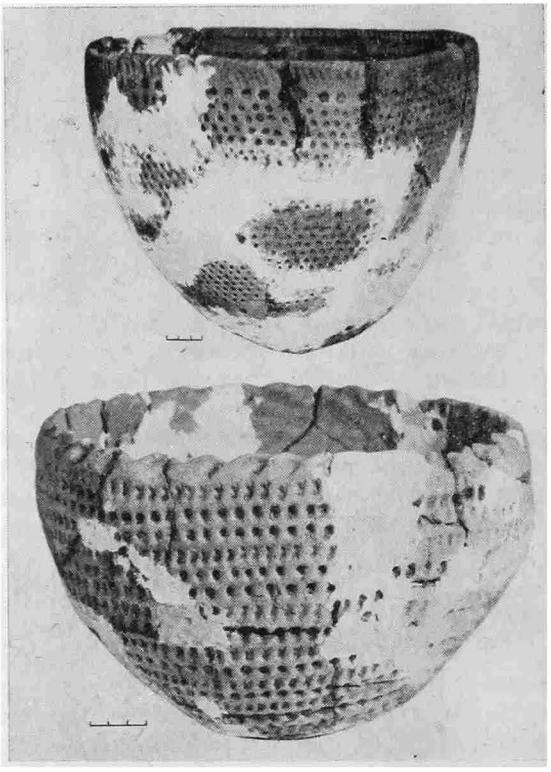


Рис. 8. Поселение Пегрема I. Сосуды

лайгуба X (2670±120 — ТА, уголь из кострища), расположенным уже на более высоких отметках (7,4 м) и содержащим асбестовую керамику эпохи раннего железа (рис. 10).

Таким образом, данные археологии, радиокарбона, палеогеографии (рис. 11) свидетельствуют о сложной природной обстановке, в которой формировались поселения эпохи мезолита — раннего металла в рассматриваемом регионе.

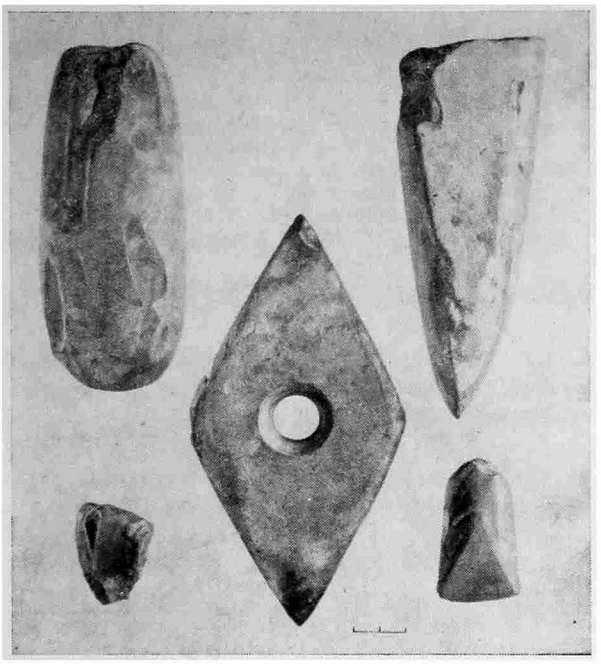


Рис. 9. Поселение Пегрема I. Находки

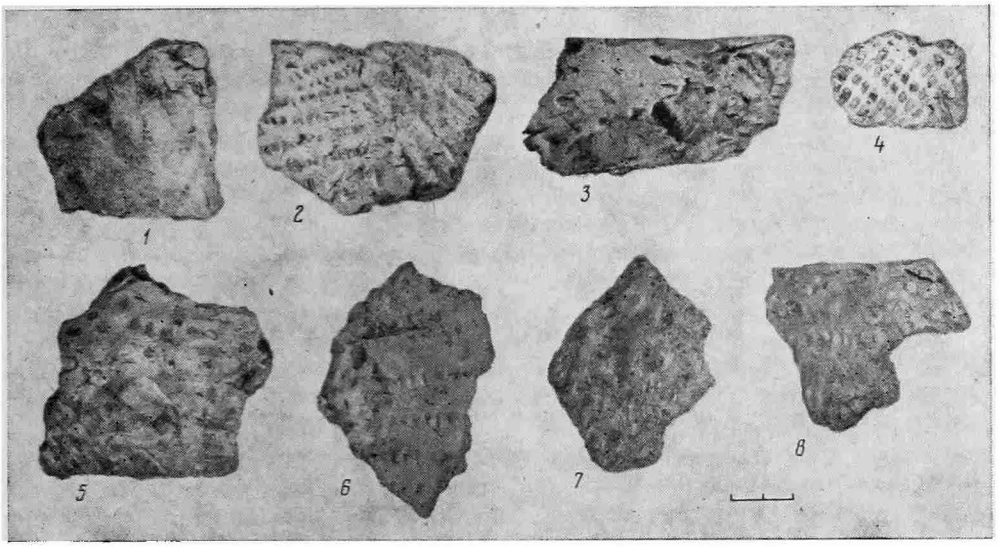


Рис. 10. Асбестовая керамика (*1—4* — поселение Палайгуба II; *5—8* — поселение Палайгуба X)

Нужно сказать, что полученные в Уницкой губе датировки не соответствуют традиционной археологической периодизации, согласно которой неолит и энеолит Карелии датируются более поздним временем. В частности, Г. А. Панкрушев датирует энеолит первой — началом четвертой четверти II тыс. до н. э. [8]. К этому времени у нас относится упомянутое выше поселение с асбестовой керамикой Палайгуба II и поселение с такой же керамикой на северо-западном побережье Онежского озера: Войнаволок XXIV (3540±80 — ТА; 4200±90 — ТА) и Вигайнаволок II на западном берегу Онежского озера (3370±110 — ТА).

Приведенные выше факты позволяют внести коррективы в традиционную датировку памятников неолита — раннего металла региона. Уже отмечалась возможность относительно раннего зарождения ромбоямочной энеолитической культуры Карелии [9]. В свете новых данных

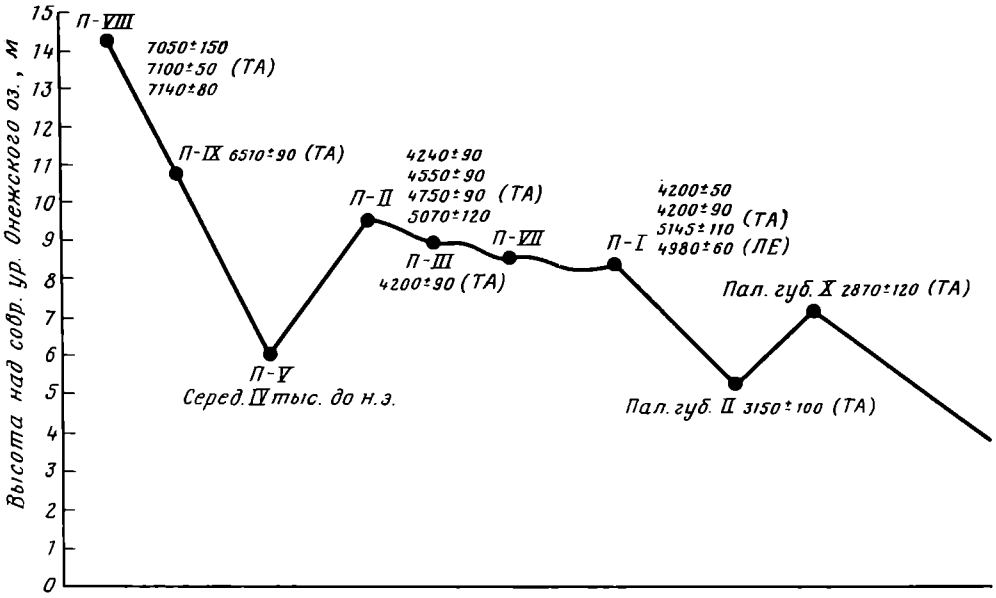


Рис. 11. Корреляционная шкала датировок поселений в Уницкой губе Онежского озера

мы приходим к выводу о том, что нижняя граница неолита и энеолита в Уницкой губе Онежского озера удревняется по сравнению с типологическими датировками не менее чем на 600 лет.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Земляков Б. Ф.* Работы на строительстве Беломорско-Балтийского канала.— ИГАИМК, 1935, вып. 109.
2. *Гурина Н. Н.* Древняя история северо-запада европейской части СССР.— МИА, 1961, № 87.
3. *Панкрушев Г. А.* Мезолит и неолит Карелии. Ч. I. Л.: Наука, 1978.
4. *Журавлев А. П., Врублевская Э. Л., Девятова Э. И., Лийва А. А., Горлов В. И., Васильева Э. С.* Комплексное изучение энеолита Карелии.— VIII Всесоюзная Скандинавская конференция (тезисы докладов). Петрозаводск, 1979.
5. *Журавлев А. П., Лийва А. А.* О датировке археологических памятников Пегремы.— В кн.: Геохронология четвертичного периода. М.: Наука, 1980.
6. *Журавлев А. П.* Мезолитическое поселение Пегрема VIII в Карелии.— В кн.: Изыскания по мезолиту и неолиту СССР. Л.: Наука, 1983.
7. *Журавлев А. П.* Ранненеолитическое поселение Пегрема IX СА, 1983, № 1.
8. *Панкрушев Г. А.* Результаты радиоуглеродной датировки археологических памятников Карелии.— В кн.: Изотопные и геохимические методы в биологии, геологии и археологии. Тарту, 1981.
9. *Журавлев А. П.* Энеолитический этап в Карельской археологической культуре и проблема его датировки.— КСИА, 1978, вып. 157.

A. P. Zhuravlev

DATING OF MESOLITHIC-EARLY METAL AGE SETTLEMENTS AT THE UNITSA INLET OF LAKE ONEGA

Summary

There are more than 45 archaeological sites at the Unitsa Inlet. Various dating methods were used to establish their age: spot height, C_{14} analysis, palaeogeographic reconstruction and typological analysis of finds. It goes without saying that the sites yielding either purely Mesolithic, Neolithic or Eneolithic complexes already dated by the C_{14} method were subjected to the dating by other methods.

The correlation of the radiocarbon data with the palaeogeographic reconstruction of the water body, spot heights and typological analysis of the finds reveals the sequence of the sites at the Unitsa Inlet spanning the period from the Mesolithic to the Middle Ages. Relative dating of the settlements is based primarily on their height above the Lake Onega level.

The data thus obtained do not coincide with traditional concepts and periodisation making the dating of the Mesolithic-Early Metal Age sites in the region more precise. Thus, new data, an analysis of archaeological material supported by natural scientific data make the Neolithic and the Eneolithic in the Unitsa Inlet older that it was considered before on the strength of typological dating by not less than 600 years.

НЕЧИТАЙЛО А. Л.

О СОСУДАХ МАЙКОПСКОГО ТИПА В СТЕПНОЙ УКРАИНЕ

В последнее время в результате широких полевых исследований на Украине, в частности в степном Поднепровье, Поингулье, Приазовье, Крыму, увеличилось количество находок импортных сосудов майкопского типа и подражаний им. Основным принципом выделения этих сосудов явилось, с одной стороны, их явное отличие от керамики степных культур эпохи ранней бронзы, с другой — их близость к майкопской группе керамики. Характеристика материалов, основанная на таких показателях, как стиль, профиль, тесто, характер поверхности, позволила вычленить эти сосуды в самостоятельный компонент, не только инородный в среде памятников степной Украины, но близкий к майкопскому. Именно это обстоятельство и дает возможность рассматривать их как важный источник по установлению возможных связей степной Украины и Северного Кавказа.

В данном случае исследуемая группа керамики происходит в основном из погребальных комплексов, хотя это и ограничивает круг источников, так как представлен один вид памятников, однако позволяет четко фиксировать место и характер находки.

В настоящей статье выделенные нами сосуды можно рассматривать как один из конкретных источников по изучению связей в достаточно широком хронологическом диапазоне от середины III тысячелетия до н. э. до начала II тысячелетия н. э. и при широком территориальном охвате, включая такие степные массивы, как Поднепровье, Крым, Приазовье. Картографирование этого явно пришлого компонента позволяет проследить его распространение, сгруппированность в определенных районах и в какой-то степени направление движения.

Наиболее ранним примером импорта майкопской керамики в Поднепровье является образец, найденный в нижнем слое Михайловского поселения в Нововоронцовском районе Херсонской области [1]. Это фрагмент лощеного, кирпичного цвета сосуда из хорошо отработанного теста (рис. 1, *1*). Масса черепка достаточно ровная, характерной окраски и структуры и имеет вид, аналогичный посуде раннемайкопского типа. Этот фрагмент был нами обнаружен в 1980 г. при просмотре коллекции № 231, хранящейся в научных фондах ИА АН УССР.

Целый сосуд такого же образца происходит из погр. 6а (нижнемихайловского типа) из кург. 1 у с. Соколовка Баштанского района Николаевской области на левом берегу р. Ингула. К сожалению, нижнемихайловское погребение было разрушено в древности. Однако его исследователю И. Н. Шарафутдиновой [2, с. 76, рис. 4, *3*] удалось установить, что погребенный лежал головой на северо-запад в овальной яме в центре кромлеха, в юго-западной части которого и были найдены обломки собранного затем полностью красно-желтого лощеного до блеска сосуда округло-шаровидной формы, с резко отогнутым наружу венчиком и слегка уплощенным дном, высота его 12,4, диаметр горла 11,5 см (рис. 1, *2*). Сосуд, переданный в 1974 г. в научные фонды ИА АН УССР (кол. № 751), нами тщательно изучен и определен как майкопский. Определение не вызывает сомнений [3, с. 8].

Типология майкопской керамики еще недостаточно разработана. Первая классификация ее проведена в 1965 г. А. А. Формозовым, когда еще подобная посуда была мало известна. Он выделил три основные формы посуды: первая — «сосуды с прямым или отогнутым наружу вен-

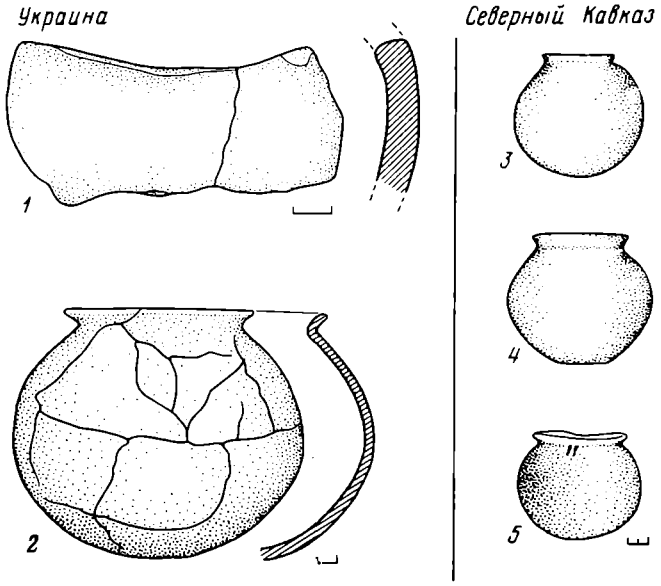


Рис. 1. Керамика раннего этапа майкопской культуры. *1* — Михайловка, поселение; *2* — Соколовка, кург. 1, погр. 6а; *3*, *4* — Майкопский курган; *5* — Усть-Джегута, кург. 11

чиком и яйцевидным или шаровидным туловом»; вторая — «сосуды с очень низким венчиком и резко вздутым в плечах бомбовидным туловом»; третья — миски [4, 118]. При этом исследователь отметил, что первая форма посуды присуща всем стадиям майкопской культуры, тогда как вторая характерна только для поздней. Он также определил, что «керамика ранней майкопской культуры ... более тонкостенна, лучше обожжена и тщательнее обработана, чем керамика позднемайкопская» [4, с. 119]. Исследователь аргументированно подчеркнул резкое ее отличие от посуды более северных районов. В качестве одного из характерных признаков он считал отсутствие у нее орнамента и наличие ручек. Р. М. Мунчаев уточнил вывод А. А. Формозова в том плане, что первая форма (тип) сосудов, широко распространенная в раннемайкопских памятниках, в более поздних встречается только спорадически [5, с. 327—328]. Нашими наблюдениями также установлено, что керамика этого облика характерна для ранней стадии майкопской культуры и преобладает в материалах древнейшей группы Усть-Джегутинских курганов, а во второй, более поздней, встречается изредка [6, с. 27]. Эти сосуды среди других керамических материалов Усть-Джегутинского могильника были выделены нами в первый тип и по своим особенностям могут быть соотнесены с наиболее ранними формами сосудов майкопской культуры (по А. А. Формозову).

Одним из вариантов выделяемого первого типа являются невысокие горшки (от 8 до 15 см) с округло-шаровидным туловом, резко отогнутым наружу венчиком, уплощенным дном. Изготовлены они из хорошо отработанного теста, ровно обожжены, тонкостенны; их охристо-желтая или красно-желтая поверхность залощена до блеска [6]. Помимо Усть-Джегутинского могильника такая керамика представлена в самом Майкопском кургане [7, с. 10], а также в нижних слоях поселения Мешоко [4, с. 75] и других раннемайкопских памятниках [5] (рис. 1, *3—5*).

Описываемый сосуд из Соколовки по размерам, форме, цвету, составу глины, обработке поверхности и другим технологическим особенностям, несомненно, соответствует этому варианту посуды.

Тщательное исследование фрагмента из нижнемихайловского поселения и сопоставление его с соколовским сосудом позволяет с достаточной достоверностью отнести его к этой же группе раннемайкопской керамики и считать, что оба могут рассматриваться как показатель майкопского импорта в степной Украине.

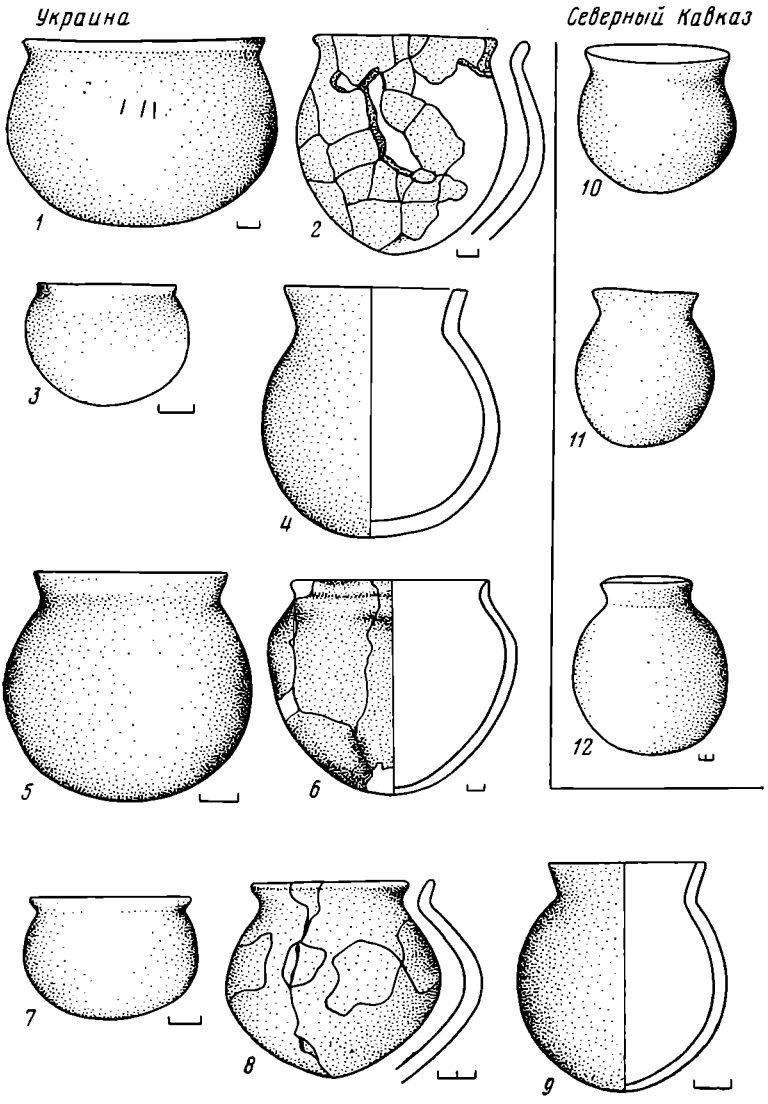


Рис. 2. Керамика майкопского типа, средний этап. *1—4* — Крым; *5*, *6* — Приазовье; *7—9* — Поднепровье; *10—12* — Северный Кавказ; *1* — Каюм-Коба; *2* — Целинное, кург, 12, погр. 6; *3* — Марьино, кург. 1, погр. 5; *4* — Заозерное, кург. 14, погр. 6; *5* — Константиновка, курган; *6* — Первоконстантиновка, кург. 18; *7* — Тарасовка, разрушенное погребение; *8* — Любимовка, кург. 7, погр. 5; *9* — Широкое, кург. 1, погр. 18; *10* — Скала, погребение; *11* — Ходжох I, поселение; *12* — Усть-Джегута, кург. 46

В настоящее время на основе анализа коллекции из памятников степных культур и изучения литературных данных удалось выделить подобные керамические импорты и даже образцы в виде подражаний, которые относятся и к более поздним этапам майкопской культуры, в частности к средней и поздней группам ее памятников (по А. А. Формозову). С ними и будет в дальнейшем изложении сопоставлен отобранный материал.

Условно можно выделить на Украине три основные географические области — Крым, Приазовье и Поднепровье с Поингульем, где четко фиксируется направление движения импорта и подражающих им образцов керамики. Группа импортных вещей и подражаний, синхронных среднему майкопу, представлена фактически для всех выделенных областей. Так, в Крыму, к числу импортных сосудов могут быть отнесены сосуды из пещеры Каюм-Коба в горном Крыму[1] и из кург. 12 погр. 6

[1] Гос. Эрмитаж. кол. № 4105/38.

у с. Целинное Джанкойского района[2]. В то же время здесь есть два сосуда, которые по некоторым признакам относятся к местному производству, но с явными следами майкопских влияний, на чем подробнее остановимся ниже. Это сосуд из кург. 1 (погр. 5) у с. Марьино близ Симферополя[3] и из кург. 14 (погр. 6) дер. Заозерное у Евпатории[4].

Каюм-Кобинский сосуд, найденный в 1923 г. Г. А. Бонч-Осмоловским, имеет округлый корпус, невысокий, отогнутый наружу венчик и маленькое уплощенное дно, на плечах процарапаны три короткие параллельные линии, высота его 7 см. Сосудик красноглиняный, тонкостенный с ангобированной поверхностью (рис. 2, *1*). По характеру теста, обработке и профилировке этот сосуд ближе всего стоит к типичному для майкопской культуры круглодонному лощеному горшку из погребения в каменном ящике, открытом на поселении Скала близ ст. Каменномостской в Адыгее [8, с. 9—10, рис. 9]. Время этого погребения (по А. А. Формозову) — средний этап майкопской культуры [4, с. 83]. Оно синхронно стоянке Скала и близко времени первой группы Усть-Джегутинских курганов. Характерно, что на одном из Усть-Джегутинских горшков отмечено наличие точно такой же детали — короткие процарапанные полоски по корпусу [6, с. 22, рис. 7, 6], как и на каюм-кобинском сосуде. Этот вариант майкопской керамики характеризуется менее отогнутым наружу венчиком, более широким горлом (оно почти равно диаметру тулова), таков и крымский сосуд.

Следующий вариант этого типа керамики отличается более вытянутыми пропорциями. К нему принадлежит красноглиняный тонкостенный лощеный сосудик из Целинного[5]. Тулово его округло-удлиненное, венчик слегка отогнут, глиняная масса с хорошим обжигом. Высота его 11, диаметр горла 10 см (рис. 2, *2*). Найден он в погребении ямной культуры у правого плеча, скорченного на спине костяка, лежащего головой на северо-восток. Этот сосуд по всем показателям согласуется с майкопскими и наиболее близок к сосуду (рис. 2, *11*) из навеса Ходжох I [4, с. 118, рис. 57]. По периодизации А. А. Формозова, Ходжох занимает первое место в ряду поздней группы майкопских памятников, т. е. смыкается со срубной культурой [4, с. 83].

Приведенные нами данные о материалах, отличающихся от керамики степных районов и имеющих явное сходство с керамикой памятников Прикубанья именно среднего этапа майкопской культуры, позволяют в какой-то степени говорить о возможной направленности контактов Крыма с Прикубанскими поселениями.

Кроме образцов посуды «чисто майкопской» или явного импорта для степей Украины вычленяется группа сосудов, которая может быть охарактеризована как подражание отдельным формам сосудов майкопской культуры. По характеру теста они близки обычной степной керамике, в то же время по форме и пропорциям соответствуют майкопской посуде. К таковым относятся уже названные сосуды из Марьино и Заозерного в Крыму (рис. 2, *3*, *4*).

Сосуд из Марьино по своим пропорциям и профилировке ближе всего к тому варианту майкопской керамики, к которому относится каюм-кобинский сосуд. Это серолощеный тонкостенный круглодонный сосуд со слегка отогнутым венчиком. Высота его 6,5, диаметр горла 7 см. Однако в его тесте явно прослеживается толченая раковина или битый ракушечник. Черепок по своей легкости и пористости совершенно не майкопский, а скорее всего соответствует кеми-обинской или поздней нижнемихайловской посуде. Найден сосудик в 1954 г. при раскопках левобережной группы курганов Симферопольского водохранилища во впущенном в древний гумус погр. 5. Он находился у тазовых костей скорченного

---

[2] Научные фонды ИА АН УССР, кол. № 930.

[3] Крымский краеведческий музей, 12809/17.

[4] Евпаторийский краеведческий музей, А-25647.

[5] Выражаем искреннюю благодарность В. Н. Корпусковой и Л. А. Черных за возможность использовать данный материал в работе.

на левом боку скелета, лежащего головой на северо-восток — восток. Это погребение можно включить в число древнейших в кургане, связанных с первичной насыпью и относимых авторами к позднеямной культуре [9, с. 122; 10, с. 54, рис. 13, *3*].

К какой бы культуре ни относилось это погребение, ясно, что найденный сосудик повторяет одну из форм майкопской посуды среднего этапа и в связи с этим может рассматриваться как отражение влияний майкопской культуры на данный тип керамики местного населения Крыма, скорее всего кеми-обинской культуры. Тем более что проявление майкопских влияний в данном случае ощущается не только в керамике. По стратиграфическим наблюдениям описанное погребение синхронно основной могиле и некоторым другим в этом кургане, также сооруженным на уровне древнего горизонта. Все они были перекрыты одной насыпью. Характер погребальных сооружений сближает их с майкопскими, в частности с курганами второй группы Усть-Джегутинского, Бамутского могильника и курганом у с. Лескен на Северном Кавказе. Так же как в майкопских курганах, погребения совершены прямо на древнем горизонте или с небольшим углублением в слой погребенной почвы, часто с использованием подсыпки из гальки [9, с. 121, погр. 1, 2, 5]. Кроме того, курганы этой крымской группы (№ 1, 5, 13) и указанные северокавказские, особенно Усть-Джегутинские (№ 3, 32, 33) близки между собой по наличию под насыпью в центре каменных курганчиков или куполообразных набросок над погребением, а также существованию каменных поясов и кромлехов [10, с. 53, 57, 61; 11, с. 146—147]. Это сходство погребальных сооружений является важным показателем безусловных контактов носителей названных культур, что подтверждается и характером керамики. О близости памятников Крыма и Кавказа в эпоху бронзы писали многие исследователи, в частности А. А. Щепинский [12, с. 82—83; 13, с. 16—19; 14, с. 20—21], однако без специального изучения материала. Мы хотели на конкретных керамических образцах показать непосредственные майкопские воздействия, в частности в определенной группе памятников, которая связывается с Северным Кавказом и по другим показателям, в данном случае погребальным сооружениям.

Примером подражания является также заозерненский сосуд. Он близок тому варианту, в который уже включен сосуд из Целинного. Это кирпично-розовый круглодонный горшок со слегка отогнутым наружу венчиком, с хорошо заглаженной поверхностью. Изготовлен он из чистой глиняной массы, слабо обожжен. Высота его 13, диаметр горла 10 см (рис. 2, *4*). Погребение, в котором он найден, оказалось сильно разрушенным. Судя по имеющемуся в отчете чертежу, можно предположить, что костяк лежал на левом боку, головой на северо-восток. Вероятно, это наиболее древнее погребение в кургане. Оно совершенно справедливо отнесено А. А. Коноваловым к эпохе бронзы [15, с. 343—344; 16, с. 28, рис. 20].

Явные подражания керамике майкопской культуры этого периода отмечены и в Приазовье. Среди них два сосуда, один из которых происходит из каменного ящика в кургане с. Константиновка[6] Мелитопольского района Запорожской области, раскопанного в 1973 г. Б. Д. Михайловым, второй — из кург. 18 с. Первоконстантиновка[7] Чаплинского района Херсонской области, найденный Ю. А. Шиловым в 1971 г. вне комплекса. Сосуд из константиновского кургана по форме очень близок к майкопским, а по тесту аналогичен местным сосудам: в глине светлые вкрапления камешков, слюды, поверхность его неоднотонна от светлой до темно-серой, лощеная, но в профиль — тот же отогнутый венчик и округлое тулово. Высота его около 10 см (рис. 2, *5*). Сосуд найден в ящике, в котором от костяка сохранилась только локтевая кость,

---

[6] Хранится в экспозиции Мелитопольского краеведческого музея.

[7] Хранится в научных фондах ИА АН УССР, кол. № 678. Б. Д. Михайлов и Ю. А. Шилов любезно предоставили свой материал, за что их искренне благодарим.

а кроме фрагментов сосуда — нефритовый топор-клевец, кремневая пластина и две стрелы, одна с боковыми выемками, как на поселении Мешоко [4, с. 110], другая — с обломанным основанием. Находки засыпаны охрой. Б. Д. Михайлов, исследовавший это погребение, относит его к майкопской культуре [17, с. 308—309]. В пользу такого определения свидетельствует как будто и топор-клевец, и кремневые стрелы, а также форма сосуда, явно повторяющая майкопские образцы.

Сосуд из Первоконстантиновки имеет менее выраженные майкопские формы, однако также близок к тому варианту майкопской керамики, к которому относится сосуд с поселения Скала (рис. 2, *10*), отличаясь иным тестом, неровным обжигом, и несколько иной округленностью дна. Высота его 12, диаметр горла 12 см (рис. 2, *6*). Ю. А. Шилов считает, что этот сосуд может быть связан с кенотафом и относит его к позднему нижнемихайловскому типу.

Подражания майкопским изделиям находим и в другом географическом районе, связанном непосредственно с Днепровским бассейном. Это сосуды из сел Тарасовка Томаковского района Днепропетровской области (разрушенное ямное погребение) [8], Любимовка Каховского района Херсонской области (кург. 7, основное ямное погр. 5)[9], Широкое на Криворожье (кург. 1, погр. 18 эпохи ранней бронзы) [10].

Сосуд, найденный в Тарасовке, дополняет серию подражаний того типа, который был найден на поселении Скала. Это сероглиняный округлодонный сосуд со слегка отогнутым наружу венчиком и заглаженной поверхностью. Высота его 6,5, диаметр горла 8,5 см (рис. 2, *7*).

Более подробно остановимся на сосуде из Любимовки, который принимают иногда за типично майкопский [18, с. 20, рис. 27]. Однако, некоторые детали позволяют предполагать его изготовление на месте, но по образцу и подобию указанных. Выражается это как в форме, он имеет зауженное и очень маленькое дно, так и в наличии в составе глины примеси ракушки, что совершенно отсутствует в майкопских образцах. Высота сосуда 10,5, диаметр горла 9 см (рис. 2, *8*). Найден он у черепа погребенного, который лежал на спине, головой на северо-восток, с отогнутыми в коленях ногами, упавшими вправо [19, с. 254]. Ближе всего любимовский сосуд к упомянутому нами сосуду из навеса Ходжох I, который имеет такой же венчик-раструб, но округлое дно [4, с. 118, рис. 57]. Таким образом, исследование керамики степной Украины позволило выделить не только импорты посуды подобного варианта, но и подражания ему. Уместно вспомнить о сосуде, почти идентичном любимовскому, из погр. 24 кург. «Радутка» (пос. Койсуг) на левобережье Донской дельты [20, с. 252, рис. 3, *2*], т. е. как раз на территории, граничащей с украинскими степями. Здесь и находился такой майкопский «форпост», как Константиновское поселение, в состав керамики которого входило свыше 8% типично майкопской посуды [21, с. 159; 22, с. 9]. Вероятно, в данном районе могли происходить непосредственные контакты кочевых скотоводов Приднепровья с племенами майкопской культуры и вырабатывались новые, но близкие формы керамики, доказательством чему служат сосуды из Любимовки, Радутки и самого Константиновского поселения.

К группе образцов подражаний относится серобежевый сосуд яйцевидно-шаровидной формы с венчиком-раструбом, с примесью раковины в глине, высотой 18, диаметр горла 14 см из Широкого на Криворожье (рис. 2, *9*). Он происходит из числа «вытянутых» на спине погребений в удлиненно-овальной яме с костяком, ориентированным головой на северо-восток. В могиле найдена статуэтка позднетрипольского серезлиевско-ермолаевского типа и кусок охры. Л. П. Крылова, исследовавшая криворожские курганы, совершенно справедливо связывает найденный инвентарь, с одной стороны, с позднетрипольскими, а с другой — с майкопской культурой [23, с. 19, табл. III, *3*]. Нам представляется, что дан-

[8] Гос. историко-культурный заповедник на о. Хортица. Фонды, № 510.
[9] Научные фонды ИА АН УССР, кол. № 623.
[10] Днепропетровский исторический музей, инв. № А-85-65.

ный сосуд по своим пропорциям, технологии лепки и обработке поверхности ближе всего к несколько более крупным сосудам (рис. 2, *12*) из Усть-Джегутинских курганов [6, с. 26, рис. 10, *1*, *3*] стоянки Ходжох I [4, с. 118, рис. 57]. Имеется близкий сосуд и в самом Майкопском кургане [24, с. 11, рис. 14], реконструируется подобная форма П. А. Дитлером[11] и на поселении Ясенова Поляна [25, табл. V]. Так как данный тип керамики на Северном Кавказе встречается в основном в памятниках промежуточного, среднего этапа майкопской культуры, следовательно, и памятники степной Украины с подобными сосудами могут быть отнесены к этому же времени.

Исследование керамики степной бронзы позволило выделить еще одну, наиболее позднюю группу сосудов. Они могут быть соотнесены со вторым типом майкопской керамики (по А. А. Формозову), подробно охарактеризованы ранее, и соответствуют новосвободненским образцам. Среди этой группы имеются сосуды, которые можно связать только с намечающимся в настоящее время условно названным нами центральнокавказским вариантом керамики, отличающимся биконической формой, резным или пролощенным орнаментом. Эти сосуды, найденные в последнее время на позднемайкопских памятниках Пятигорья и Кабардино-Балкарии, естественно, не могли войти в классификацию А. А. Формозова. Итак, в этой группе имеются импортные майкопские сосуды и подражания двум вариантам позднемайкопской керамики. К числу подражаний первому варианту позднемайкопской керамики (сосудам с низким и широко раздутым туловом) можно отнести следующие: с территории Крыма — два сосуда, один из погр. 65, кург. 1, у с. Рисовое [26, с. 130, рис. 79, *10*], второй — у с. Танковое близ Красноперекопска [26, с. 197, рис. 74, *11*]; с территории Приазовья — сосуд из основного погребения кургана у с. Александровки Старобешевского района Донецкой области [27, с. 110, 111, рис. 1], и, наконец, сосуд из погр. 20 кургана в Слободке-Романовке, г. Одесса [28, с. 134—142, табл. II, *12*]. Так как комплексы позднеямной культуры, в которых найдены перечисленные сосуды, неоднократно публиковались, то можно остановиться только на керамике. Начнем с крымских сосудов (рис. 3, *1*, *2*). Оба они с шаровидным круглодонным корпусом, с прямым низким венчиком, слегка залощенной поверхностью. Сосуд из Танкового[12], который нам довелось видеть в Крымском краеведческом музее, отличается сильно раздутыми боками и некоторой приплюснутостью тулова, большими примесями мела в глине, что не характерно для новосвободненской керамики и свидетельствует о его местном изготовлении по прикубанскому образцу. Поэтому вполне справедливо, что А. А. Щепинский и Е. Н. Черепанова сближают их «с посудой из погребений майкопской культуры на Северном Кавказе» [26, с. 60], а мы относим эти сосуды к определенной группе подражаний новосвободненским образцам.

Красноглиняный округло-шаровидный сосуд (в тесте большие примеси ракушки) с невысокой шейкой из Приазовья (рис. 3, *4*) также отличается от новосвободненских наиболее приземистой формой корпуса, что дает основание считать его не импортом, а только подражанием этому варианту позднемайкопской керамики.

И наконец, сосуд из Одесского кургана (рис. 3, *3*), появление которого в Причерноморских степях ряд исследователей совершенно справедливо связывает с кавказским влиянием [29, с 35; 30, с. 184]. Этот широкоизвестный бомбовидный сосуд ближе всего стоит к майкопскому красноглиняному сосуду сферической формы из подкурганного разрушенного погребения (Кучугуры III) с п-ова Фонтан (рис. 3, *7*). Только последний сосуд более крупный [31, с. 219, рис. 19, *3*]. Есть такого типа сосуды и в позднемайкопских погребениях Кабардино-Балкарии, Пяти-

---

[11] Образцы керамики Ясеновой Поляны просмотрены нами в 1981 г. в археологическом кабинете Адыгейского НИИ ЭЯЛИ с любезного разрешения П. А. Дитлер и при содействии Н. Г. Ловпаче.

[12] Крымский краеведческий музей, КП-13207/69; А-19491.

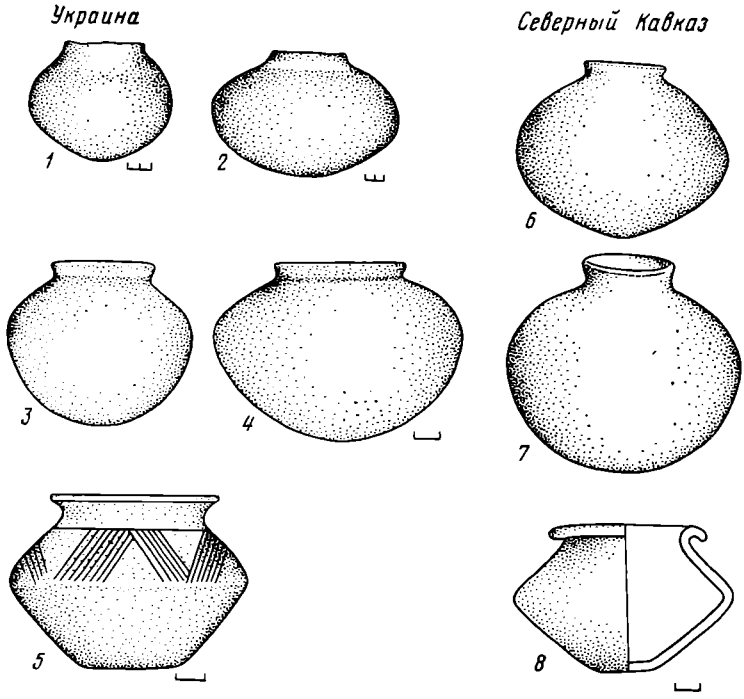


Рис. 3. Керамика майкопского типа, поздний этап. *1* — Рясовое, кург. 1, погр. 65; *2* — Танковое, кург. 9, погр. 17; *3* — Одесский курган, погр. 20; *4* — Александровский курган; *5* — Соколово, кург. 6, погр. 4; *6*, *7* — Полуостров Фонтан, Кучугуры III, курган; *8* — пос. Новомихайловский, гробница Псыбе

горья и Прикубанья, к сожалению не опубликованные[13]. Сосуд из Слободки-Романовки[14] очень близок последним, однако его специфика состоит не только в кососрезанном бортике, но и в менее тщательной технике изготовления, что выражается в неровном обжиге, неполной залощенности, менее чистой глине с белыми вкраплениями. Несомненно, он является как бы повторением или подражанием указанному типу майкопской керамики. Таким образом, можно проследить направление распространения этого варианта майкопской посуды — с Северного Кавказа по Кубани через Таманский полуостров в степной Крым, а отсюда в Северо-Западное Причерноморье и Приазовье.

Явным импортом поздней майкопской керамики является сосуд из Соколово Новомосковского района Днепропетровской области (кург. 6 погр. 4). В предварительном плане к этому типу относим сосуд из погребения в кургане на левом берегу Ингульца, у с. Чечелиевка Петровского района Кировоградской области. О нем нам любезно сообщила Н. М. Бокий[15], исследовавшая курганы у Чечелиевки в 1981 г. Это красноглиняный биконической формы сосуд с ребром несколько ниже центральной части тулова с лощеной поверхностью. В нем как бы сочетаются майкопские и трипольские черты. Найден он в прямоугольной могиле с вытянутым на спине костяком.

Более подробно остановимся на сосуде из Соколово, найденном в 1976 г. в яме с заплечиками с костяком, лежащим на левом боку, головой на север. И. Ф. Ковалева, исследовавшая это погребение, относит его к так называемому животиловскому типу и предполагает сложение подобной формы посуды под влиянием майкопской культуры, так как ни

[13] Например, из раскопок в 1978 г. А. А. Нехаева у п. Верхнего, Кореневского района Краснодарского края: кург. 2, погр. 3; из раскопок В. А. Сафронова у Темрюка в 1978 г., кург. 1, погр. 3.

[14] Хранится в Одесском археологическом музее за № А-25538.

[15] Искренне благодарим Н. М. Бокий за возможность ознакомления с этим сосудом.

в Усатовских, ни в Днестровских курганах сосуды такого типа не обнаружены [32, с. 46—48]. Действительно, данный сосуд весьма своеобразен своей округло-биконической формой, отогнутым наружу и слегка утолщенным по краю венчиком. Горло от плеча отделено у него лощеной полосой с круговой нарезкой и отходящими от нее короткими косыми нарезками (по 8—11 в ряд), доходящими до ребра сосуда и создающими орнамент в виде треугольников. Поверхность сосуда кирпичного цвета, лощеная и как бы затертая мелом, тесто плотное, хорошо отработанное. Дно сосуда уплощенное. Высота его 11, диаметр горла 8 см, дна 6 см (рис. 3, *5*).

Такого типа сосуды обнаружены большей частью на территории Центрального и Западного Кавказа в позднемайкопских погребениях, а именно: в Соломенском кургане у Нальчика [33, табл. XI, *6*, *7*], при выборке камня в кургане к востоку от станицы Горячеводской близ Пятигорска[16], в разрушенной подкурганной гробнице к западу от Кисловодска [34, с. 14]. Наиболее близкими аналогами по форме, размерам и технологии являются два сосуда (рис. 3, *8*) из позднемайкопской гробницы Псыбе с Черноморского побережья Западного Кавказа, раскопанной в 1981 г. М. К. Тешевым у пос. Новомихайловского Туапсинского района [35, с. 18]. Последние отличаются только отсутствием орнаментации. Однако близкие узоры как по рисунку, так и по технике исполнения встречены на позднемайкопских сосудах Кабардино-Балкарии из раскопок у с. Кишпек[17], а также у пос. Иноземцево в Пятигорье, в последнем случае они пролощены [36, с. 107—108].

Таким образом, указанные сосуды из бассейна Днепра, вероятно, могут служить фактом контактов степной Украины не только с западной, но и с примыкающей к нему центральной частью Северного Кавказа. Именно отсюда они и попадали в степь. Такого рода сосудик[18] происходит, например, из основного погребения кург. 3 Шахаевской группы II на левобережье Маныча, исследованной в 1972 г. Э. А. Федоровой-Давыдовой [37, рис. 109, 110]. Его плечи украшены глубоко пролощенными косыми полосками, расположенными по несколько в ряд под углом друг к другу. Поверхность его светло-серая, хорошо лощенная. Он найден в сочетании с сероглиняным сосудом, на поверхности которого местами сохранился черный ангоб, встречаемый на новосвободненской керамике. Причем этот последний сосуд повторяет форму уже упомянутого сосуда из погребения на стоянке Скала. Принадлежность шахаевских сосудов к майкопской культуре не вызывает сомнений и является показателем «движения вещей», а вместе с ними и людей из предгорной части Северного Кавказа в степь, несущих с собой новые формы керамики и декора.

Итак, дополнительное исследование керамического материала степных культур эпохи ранней бронзы Украины для выявления сосудов майкопского типа позволило не только расширить их круг, но и более четко выделить импорты и образцы подражания, что требует объяснения. Анализ выделенных групп керамики и сопоставление их с майкопской керамикой позволили проследить явную близость для целой группы сосудов, которые не только по форме но и по тесту соответствуют майкопским. Такая связь этих изделий позволяет считать их импортами. Кроме того, группа сосудов, которые по сумме признаков (форма, характер поверхности) близки майкопской посуде, но отличаются от нее некоторыми деталями или составом теста, выделяются в серию образцов подражания. Все это может служить одним из источников для изучения связей племен степной бронзы с носителями майкопской культуры. Удалось не только констатировать эти связи, но и зафиксировать их устой-

---

[16] Рисунок этого сосуда и историю находки нам любезно предоставил А. П. Рунич, за что выражаем ему искреннюю благодарность.

[17] Кишпек, 1974 г. Курганная группа 2, кург. 2 погр 3; кург. 3 погр. 2 и др. Материалы не опубликованы. Просмотрены нами в КБ НИИ с любезного разрешения авторов раскопок И. М. Чеченова и И. М. Мизиева.

[18] Сосуд хранится в ГИМе.

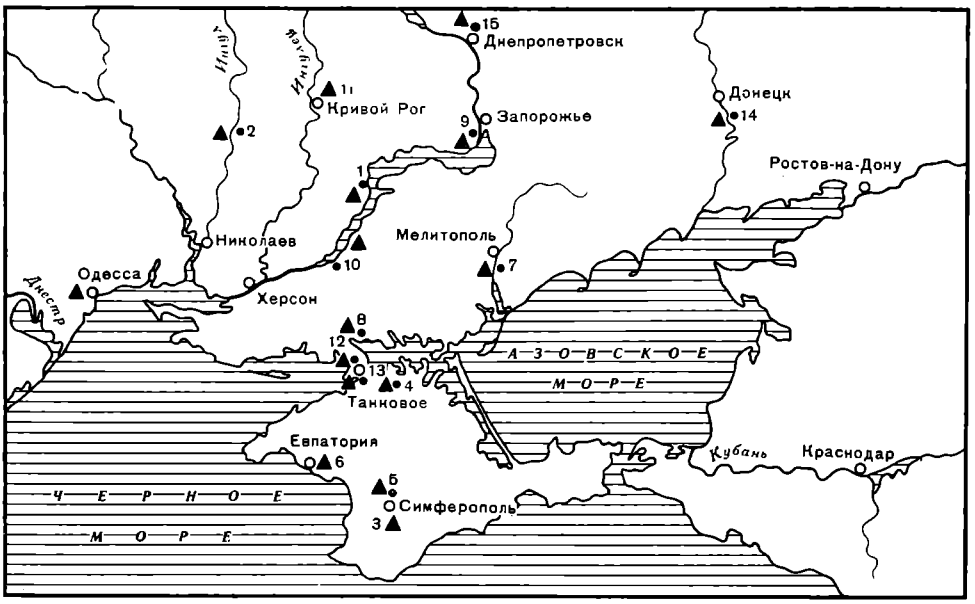


Рис. 4. Карта распространения керамики майкопского типа в степной Украине. *1* — Михайловка; *2* — Соколовка; *3* — Каюм-Коба; *4* — Целинное; *5* — Марьино; *6* — Заозерное; *7* — Константиновка; *8* — Первоконстантиновка; *9* — Тарасовка; *10* — Любимовка; *11* — Широкое; *12* — Рисовое; *13* — Танковое; *14* — Александровка; *15* — Соколово

чивость, например, повторением образцов подражания и импортов на протяжении длительного периода существования майкопской культуры. Причем наименьшее их количество падает на самый ранний этап, что, вероятно, свидетельствует о спорадических связях в этот период, наибольшее — на средний, что говорит о более углубленных контактах, так как расширяется не только число импортных сосудов, но и появление подражаний. И наконец, картографирование материала (рис. 4) позволило установить реальные пункты, для которых может быть предположено существование контактов с майкопской культурой. Наблюдается размещение компонентов по бассейнам рек, впадающих в Азовское и Черное моря, а также локализация керамических импортов и образцов подражания в большей степени в Нижнем Поднепровье и Крыму. Вероятно, последний и явился той ближайшей областью, через которую и осуществлялись контакты степного Поднепровья с Северным Кавказом. Все это является одним из факторов, который может быть использован для характеристики связей степной Украины с населением Северного Кавказа в эпоху ранней бронзы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лагодовська О. Ф., Шапошникова О. Г., Макаревич М. Л.* Михайлівське поселення. Киев: Изд-во АН УССР, 1962.
2. *Шарафутдинова И. Н.* Северная курганная группа у с. Соколовка.— В кн.: Археологические памятники Поингулья. Киев: Наук. думка, 1980.
3. *Шапошникова О. Г., Бочкарев В. С., Шарафутдинова И. Н.* О памятниках эпохи меди — ранней бронзы в бассейне р. Ингула.— В кн.: Древности Поингулья. Киев: Наук. думка, 1977.
4. *Формозов А. А.* Каменный век и энеолит Прикубанья. М.: Наука, 1965.
5. *Мунчаев Р. М.* Кавказ на заре бронзового века. М.: Наука, 1975.
6. *Нечитайло А. Л.* Верхнее Прикубанье в бронзовом веке. Киев: Наук. думка, 1978.
7. ОАК за 1897 г. СПб., 1900.
8. *Формозов А. А.* Поселения Адыгеи эпохи раннего металла.— В кн.: Сборник материалов по археологии Адыгеи. Т. III. Майкоп, 1972.
9. *Колосов Ю. Г.* Розкопки кургана № 1 на лівому березі Салгиру.— Археологія, 1961, т. XII.
10. *Шульц П. Н., Столяр А. Д.* Курганы эпохи бронзы в долине Салгира.— КСИИМК, 1958, вып. 71.
11. *Мунчаев Р. М., Нечитайло А. Л.* Комплексы майкопской культуры в Усть-Джегутинском могильнике.— СА, 1966, № 3.

12. *Щепинский А. А.* Об элементах общности культур III—I тысячелетий до н. э. в Крыму и на Кавказе.— В кн.: Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. в СССР. Баку: Изд-во АН АзССР, 1965.
13. *Щепинский А. А.* Культуры энеолита и бронзы в степи.— СА, 1964, № 2.
14. *Щепинский А. А.* Энеолит Крыма: Автореф. канд. дис. Киев: ИА АН УССР, 1975.
15. *Коновалов А. А.* Раскопки некрополя у дер. Заозерное.— АО — 1971, М., 1972.
16. *Коновалов А. А.* Отчет о раскопках некрополя близ д. Заозерное летом 1971 г.— Архив ИА АН УССР, 1971/91, ф. э. № 7094.
17. *Михайлов Б. Д.* Раскопки на р. Молочной.— АО — 1973, М., 1974.
18. *Leskow A. M.* Die Skythischen kurgane.— Antike welt, 1974, S. 20.
19. *Лесков А. М.* Раскопки Каховской экспедиции.— АО-1968, М., 1969.
20. *Максименко В. Е.* Новые материалы по эпохе ранней бронзы на Нижнем Дону.— СА, 1973, № 1.
21. *Кияшко В. Я.* Константиновское поселение эпохи энеолита.— В кн.: Материалы XIII конференции ИА АН УССР. Киев: Наук. Думка, 1972.
22. *Кияшко В. Я.* Нижнее Подонье в эпоху энеолита и ранней бронзы: Автореф. канд. дис. М.: ИА АН СССР, 1974.
23. *Крилова Л. П.* Археологічні розкопки стародавніх курганів на Криворіжжі в 1964—1966 рр.— В кн.: Наш край. Вып. 1. Дніпропетровськ: Промінь, 1971.
24. ОАК за 1897 г. Спб., 1900.
25. *Дитлер П. А.* Отчет археологической экспедиции Адыгейского научно-исследовательского института, проведенной в 1964 г. в поселке Колосовка на р. Фарс в Краснодарском крае.— Архив Адыгейского НИИЭЯЛИ, 1964.
26. *Щепинский А. А., Черепанова Е. Н.* Северное Присивашье в V—I тыс. до н. э. Симферополь: Крым, 1969.
27. *Привалова О. Я.* Дослідження Олександрівського кургану.— Археологія, 1978, № 25.
28. *Добровольский А. В.* Раскопки кургана в предместье Одессы «Слободка-Романовка».— ЗООИД, 1915, т. XXXII.
29. *Збенович В. Г., Лесков А. М.* О стратиграфии и классификации Одесского кургана.— КСИА, 1969, вып. 115.
30. *Алексеева И. А.* О древнейших энеолитических погребениях Северо-Западного Причерноморья.— МАСП, 1976, вып. 8.
31. *Кубланов М. М.* К истории азиатского Боспора.— СА, 1959, т. XXIX—XXX.
32. *Ковалева И. Ф.* Погребения животноловского типа в Присамарье.— В кн.: Курганные древности Степного Приднепровья. Днепропетровск: ДГУ, 1978.
33. *Круглов А. П., Подгаецкий Г. В.* Долинское поселение у Нальчика.— МИА, 1941, № 3.
34. *Березин Я. Б.* Отчет о работах 4-го отряда предгорно-плоскостной археологической экспедиции в 1981 г.— Фонды Кисловодского краеведческого музея. Д. 2231.
35. *Тешев М. К.* Гробница Псыбе — новый памятник позднемайкопской культуры на Черноморском побережье Западного Кавказа.— В кн.: Конференция по археологии Северного Кавказа. XII Крупновские чтения. М. 1982.
36. *Кореневский С. Н., Петренко В. Г.* Курган майкопской культуры у поселка Иноземцево.— СА, 1982, № 2.
37. *Федорова-Давыдова Э. А.* Отчет о работе Богаевского отряда Донской археологической экспедиции в 1972 г.— Архив Ростовского краеведч. музея, ф. 2, ОП 11, д. 58.

A. L. Nechitailo

ON THE MAIKOP-TYPE VESSELS FROM THE STEPPE UKRAINE

Summary

The author has succeeded in revealing a broader range of the Maikop-type vessels and in delimitating between imported and copied objects. The description of the whole body of objects including style, form, material and surface treatment definitions has led the author to conclude that the vessels constituted an independent and alien component in the material culture of the steppe Ukraine close to the Maikop culture. It is precisely this circumstance that makes it possible to use the vessels as a guide for tracing possible connections between Ukraine and Northern Caucasus. The author has not only traced them but also revealed their stable character basing himself on the presence of imported and copied objects spanning a long period in the Maikop culture history. The lesser amount is found in the earliest period which probably testifies to sporadic ties, the greatest amount of finds coincides with the middle period of the Maikop culture development, which indicates broader contacts, bringing with it a greater number of copied objects. Mapping of the archaeological material has made it possible to establish the localities of direct contacts with the Maikop culture (Fig. 4).

СМИРНОВ А. С., СОРОКИН А. Н.

ПОСЕЛЕНИЕ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ В ВЕРХОВЬЯХ СЕВЕРСКОГО ДОНЦА

Поселение Шоссейное расположено на левом берегу р. Северский Донец в Шебекинском районе Белгородской области. Оно занимает мыс первой надпойменной террасы, образованный впадением в пойму реки обширной долины небольшого безымянного ручья. Мыс вытянут по направлению с запада на восток. Его превышение над уровнем поймы составляет 4—4,5 м. Поверхность имеет легкий уклон к югу, в сторону реки. По продольной оси мыса проходит небольшое асфальтированное шоссе (что и дало название памятнику), уничтожившее культурный слой на одной трети площади.

Поселение обнаружено Р. Л. Розенфельдтом в 1969 г. [1]. Памятник раскапывался в связи со строительством Белгородского водохранилища в течение полевых сезонов 1978—1979 гг. В результате вскрыта площадь около 2000 м², в основном в южной, прибрежной части поселения (раскоп I). На северной оконечности памятника раскопано 200 м² (раскоп II).

Культурный слой поселения, перекрытый стерильным светлым наносным песком толщиной до 1 м, состоит из двух напластований: светло-коричневого песка и залегающего ниже слоя темно-коричневого песка, покоящегося на материке — плотным зернистом светлом песке. Мощность каждого из горизонтов составляет около 0,3—0,4 м. Культурный слой беден находками. Из-за песчаного грунта вертикальная стратиграфия на памятнике не прослеживается. Однако на основании планиграфических наблюдений, а также анализа ряда случаев прямой стратиграфии удалось выяснить, что нижний, темно-корпчневый слой датируется временем поздней бронзы. Верхние напластования относятся к более позднему времени [1].

На вскрытой площади выявлены остатки семи жилищ и ряда хозяйственных ям (рис. 1). Ямы, округлой в плане формы, вырыты в материке и заполнены культурным слоем. Находки в них представлены, как правило, немногочисленными фрагментами керамики.

Обнаруженные жилища представлены сооружениями двух типов — наземными и полуземлянками. Сосуществование наземных и углубленных жилищ известно на поселениях срубного времени [2]. Полуземлянки, несмотря на ряд отличий, имеют много общего. Это подпрямоугольные сооружения, углубленные в материк на 0,6—0,8 м. По периметру котлованов хорошо прослеживаются остатки деревянных конструкций в виде мощных углистых полос. Возможно, это были сооружения в виде сруба, так как ям от столбов по границам и в центре жилищ не обнаружено. Вход располагался в середине одной из длинных сторон и представлял собой пологий пандус, укрепленный деревянными конструкциями. Над котлованами полуземлянок прослеживались остатки перекрытия в виде обширных линз темно-коричневого песка, в ряде случаев с углистыми включениями. Хозяйственных ям внутри жилищ нет. От типичных для позднесрубного времени полуземлянок сооружения на поселении Шоссейное отличаются отсутствием земляных нар и следов столбов внутри жилищ.

---

[1] Кроме поселения эпохи бронзы на памятнике обнаружены остатки селища I тысячелетия н. э.

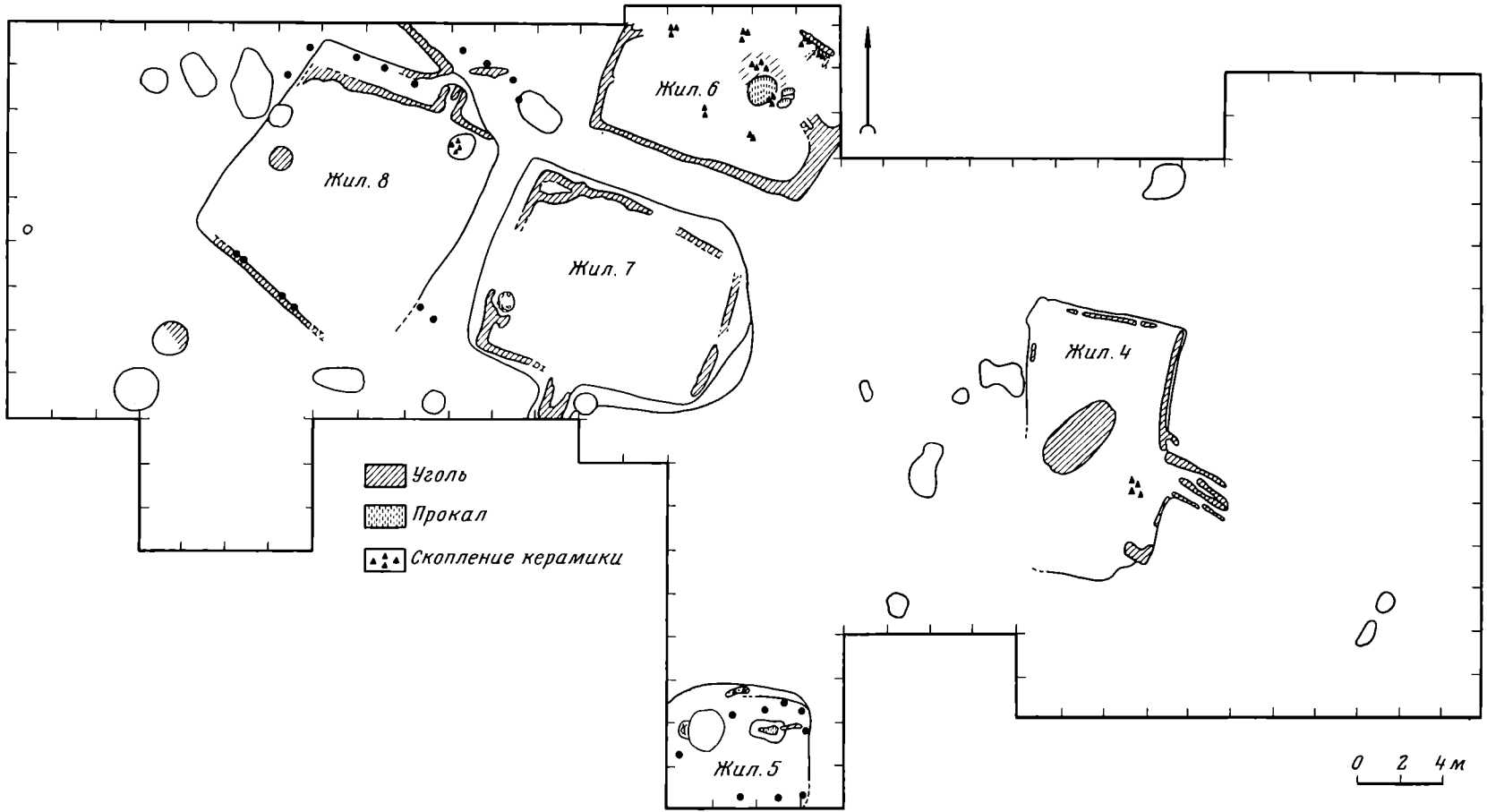


Рис. 1. Поселение Шоссейное, раскоп I. План

В то же время среди полуземлянок можно выявить две конструктивно различные группы. Первая представлена обширными полуземлянками площадью свыше 100 м². Они расположены компактной группой, практически вплотную друг к другу, в центральной части раскопа I. Подобные жилища известны на поселении Быково II [3, рис. 6, *1*], Максютовском [4, с. 204, рис. 4] и Успенском [4, рис. 15] поселениях и ряде других памятников.

Полуземлянки второго типа обнаружены только на северной оконечности поселения, в раскопе II. Они также подпрямоугольной формы, со следами деревянных конструкций, но меньшие по размеру (6×4 м). Эти две группы жилищ отличаются и хронологически. Небольшие землянки, обнаруженные в раскопе II, наиболее поздние на памятнике. Не исключено, что здесь имеет место процесс эволюции жилищ. Обширные полуземлянки на несколько семей постепенно заменяются сооружениями, в четыре раза меньшими по площади. Сходную картину можно отметить и на других поселениях срубного времени, как, например, Ильичевка на Северском Донце. От сабатиновского времени на нем остались исключительно крупные полуземлянки. В более поздние периоды имели место и небольшие сооружения [5, с. 156 и др.].

Жилище 5[2], наземное, расположено в южной части раскопа I, на границе поселения. Оно подпрямоугольной формы, со слегка округлыми углами, размером 7×5 м, ориентировано по оси запад — восток. Дно выровнено до горизонтали, поэтому в северной части оно врезалось в склон на глубину 0,2 м. По периметру расположены шесть столбовых ям диаметром 20—30 см и глубиной до 0,3 м. Почти в центре жилища имеется открытый очаг, представляющий собой пятно прокаленного грунта с кусками разложившейся обмазки, окруженное углистым слоем. Вокруг очага найдены остатки нескольких сосудов. Скопление керамики и кусков обмазки обнаружено и в северной части жилища, близ его границы. Из этих двух скоплений и получены все находки, так как сооружение оказалось поврежденным более поздними ямами, а юго-западный угол уничтожен полуземлянкой I тысячелетия н. э.

Сосуды в основном двух форм — баночные, с более или менее выраженным перегибом тулова, и округлотелые. В первом случае горшки имели вертикальный или слабоотогнутый венчик. Орнамент либо отсутствует, либо нанесен на плечиках сосудов в виде неглубоких вдавлений, насечек (рис. 2, *1—3,5*). Эти горшки, в особенности неорнаментированные, имеют еще много общего с сосудами раннесрубных поселений [6, рис. 1].

Горшки второй группы, как правило, украшены, имеют хорошо выраженный, отогнутый венчик. Встречены сосуды с утолщенным венчиком (рис. 2, *7*), с цилиндрическим горлом (рис. 2, *15*). Орнамент представляет собой различного вида насечки, треугольники, выполненные прочерченными линиями (рис. 2, *7, 9, 11—16*), узор в виде пересекающихся под прямым углом гребенчатых отпечатков (рис. 2, *10*). Эти горшки выглядят более поздними, нежели предыдущие.

Некоторые орнаментальные мотивы, присутствующие на сосудах из жилища 5, близки орнаментам, встреченным на керамике Комаровского [7, рис. 12, *16*], Успенского [4, рис. 27] поселений.

На площади жилища обнаружено погребение срубного времени, совершенное в яме. На дне покоились сложенные в кучу длинные кости скелета, поверх которых находился череп, лежащий на левой части затылочной кости лицевой частью на северо-восток. Сохранность костяка довольно плохая. Скорее всего, он принадлежал женщине средних лет[3]. Вещей и керамики в погребении не встречено. К сожалению, значительная часть могильной ямы уничтожена более поздней хозяйственной ямой срубного времени, чем, скорее всего, и объясняется смещение костей скелета. Можно лишь сказать, что погребение было ориентировано по оси запад — восток.

[2] Нумерация жилищ включает полуземлянки I тысячелетия н. э., описание которых в настоящей работе не приводится.

[3] Определение Г. Н. Романовой.

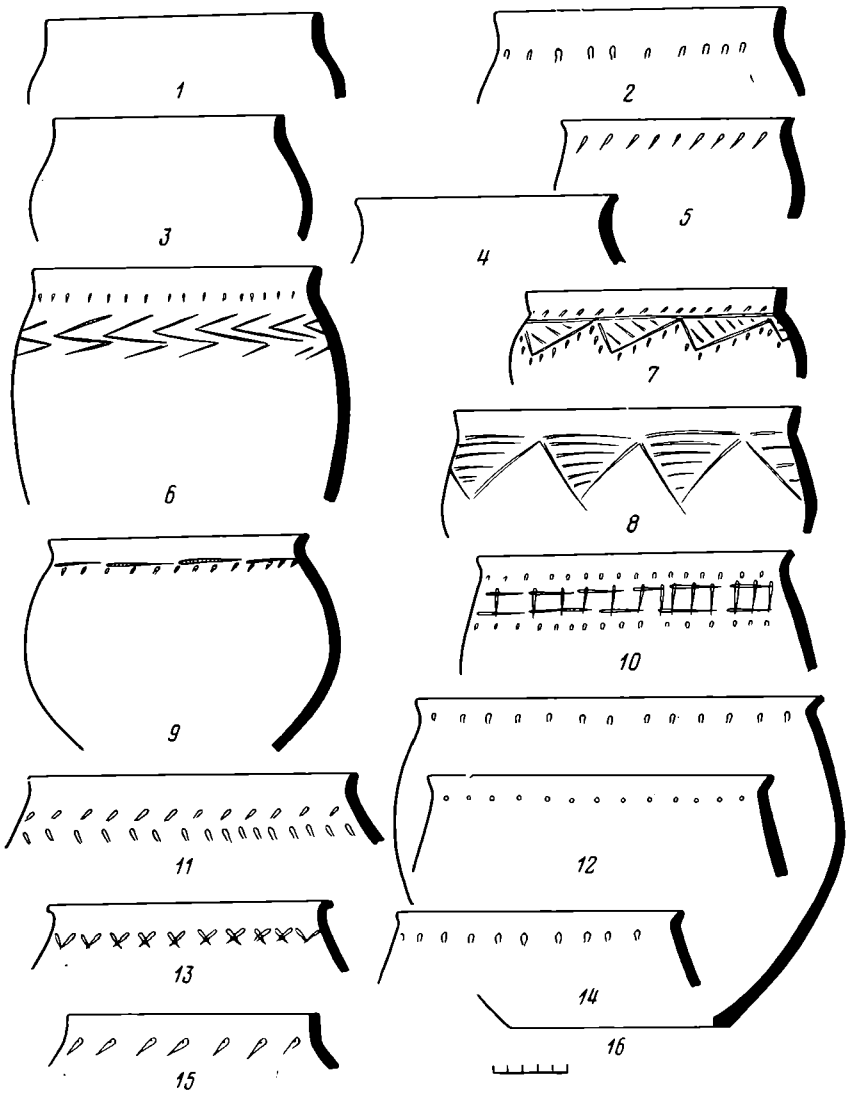


Рис. 2. Керамика из жилища 5

Погребения на поселениях срубного времени встречены на ряде поволжских памятников. Они известны на Ивановском поселении [8, с. 41], на поселении Утес Степана Разина [9, с. 19], Гуселка II [9, с. 16, 17], Быково [3, с. 278] и некоторых других. На Танавском городище открыт целый могильник [9, с. 17].

Жилище 6 расположено в северной части раскопа I и представляет собой обширную полуземлянку, углубленную в материк примерно на 0,6 м, размером 11×10 м (к сожалению, северная часть сооружения уничтожена при строительстве дороги). Своей продольной осью полуземлянка ориентирована по оси северо-запад — юго-восток. По периметру сохранились остатки сгоревших бревен. Вход в жилище обнаружить не удалось; скорее всего, он был с северной стороны. В центре полуземлянки находился открытый очаг в виде пятна прокаленного грунта диаметром 1,3 м, окруженного углистыми вкраплениями. С восточной части очага располагалось более десятка глиняных «блоков» различной формы и размера, лежащих в куче.

На дне жилища обнаружены развалы нескольких сосудов. По форме их можно разделить на несколько типов. Первый представлен сосудами вытянутых пропорций с отогнутым, в ряде случаев утолщенным венчиком (рис. 3, *5*) и слабовыраженными плечиками (рис. 3, *1*, *2*). Орнаментированы они диагональными либо зигзагообразными прочерченными

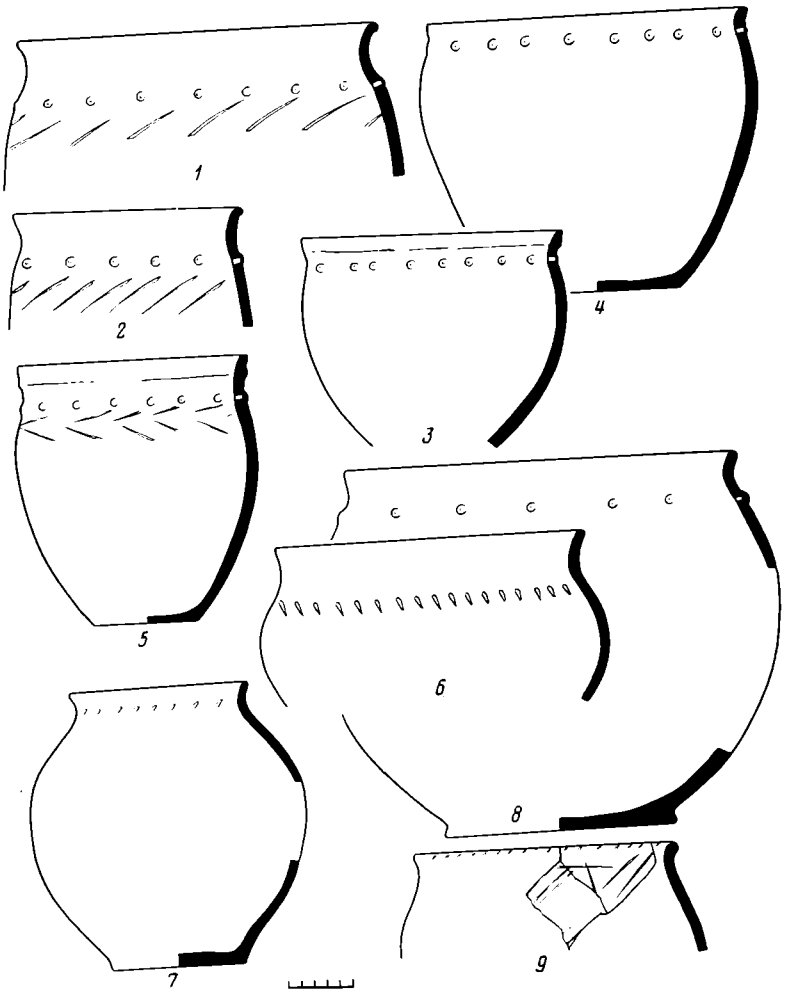


Рис. 3. Керамика из жилища 6

линиями в сочетании с рядом жемчужин на шейке. Сосуды с шаровидным туловом украшены, как правило, только жемчужинами (рис. 3, *8*) или же неглубокими насечками (рис. 3, *7*). Встречен лишь один сосуд с прочерченным орнаментом, представлявшим собой, по всей видимости, заштрихованные треугольники (рис. 3, *9*). Имеется крупный горшок баночной формы (рис. 3, *4*).

Следует добавить, что некоторые горшки, особенно первого типа, напоминают тюльпановидные сосуды белогрудовской культуры [10, рис. 4—6]. Орнамент в виде наклонных прочерченных полос имеется на горшках поселения Гостомель на р. Ирпень [11, рис. 2, *2*, *6*].

Среди прочих находок в этом жилище необходимо упомянуть небольшое плоское глиняное пряслице с отверстием в центре.

Жилище 7 — полуземлянка, ориентированная по оси северо-запад—юго-восток, размером 11×11 м, углубленная в материк на 0,8 м. По периметру котлована прослеживаются остатки сгоревших деревянных конструкций. С юго-западной стороны жилища находится вход в виде пандуса шириной 1,4 м, также ограниченный сгоревшими плахами.

Каких-либо следов очага в жилище не обнаружено, так как на значительной площади оно потревожено более поздней полуземлянкой I тысячелетия н. э. По этой же причине найдено всего несколько развалов сильнофрагментированных сосудов (рис. 4, *1—8*). Как правило, эти горшки баночной формы или вытянутых пропорций с округлыми плечиками. На них имеется орнамент в виде заштрихованных треугольников, различного вида насечек и неглубоких вдавлений. На половине сосудов

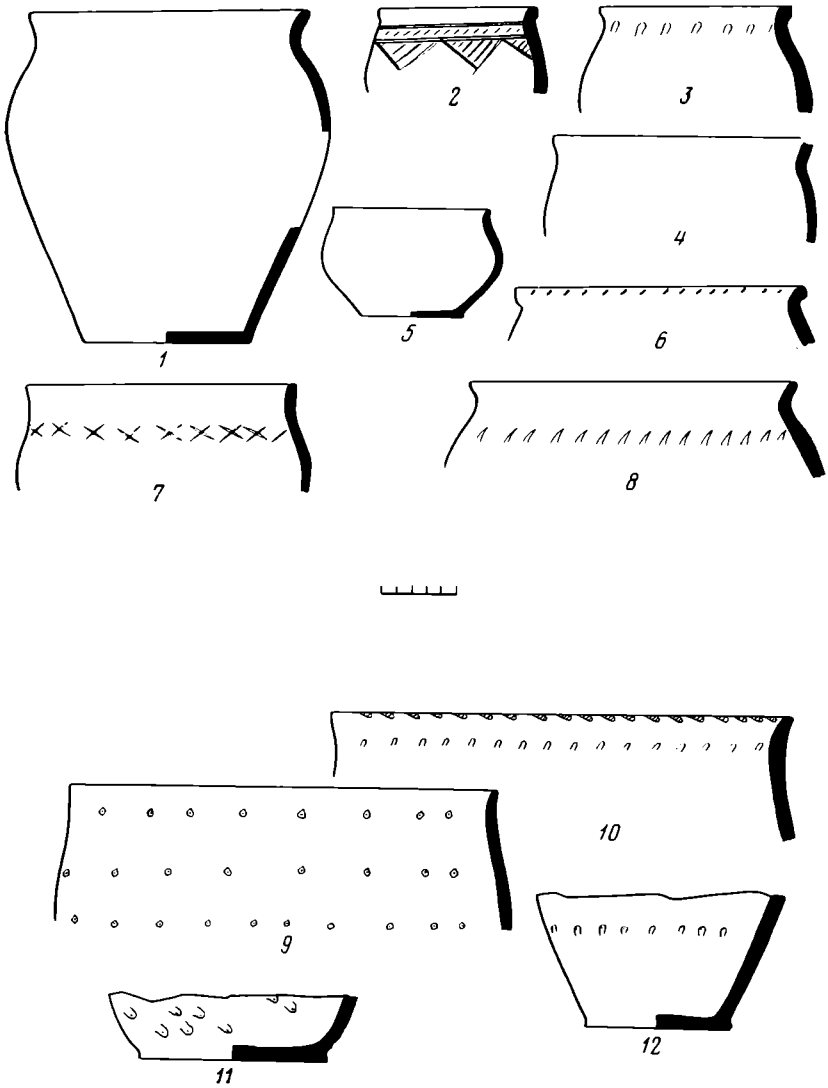


Рис. 4. *1—8* — керамика из жилища 7; *9—12* — керамика из заполнения ямы на площади жилища 7

орнамент отсутствует, если не считать встречающихся иногда насечек по обрезу венчика. В заполнении землянки найдена небольшая шаровидная глиняная подвеска с отверстием в центре.

Жилище 8 расположено почти вплотную к предыдущему жилищу, примерно в 1 м к западу от него. Это полуземлянка, также ориентированная по оси северо-запад — юго-восток, имеет размеры 11×11 м и углублена в материк на 0,7 м. В северо-восточной и юго-западной частях жилища вдоль контура котлована прослеживаются остатки деревянных конструкций. Вход в северо-восточной части в виде пандуса, ограниченного деревянными плахами. Отличительной особенностью этого сооружения является наличие по периметру небольших ям от столбов. В северо-восточной части они, попадая в контуры котлована жилища, находятся за внешними пределами деревянных конструкций, на расстоянии около 1 м. Были ли эти ямы следами ремонта сооружения или являлись подпоркой несколько выступающей крыши, установить трудно. К сожалению, и это жилище повреждено обширной поздней ямой.

Среди керамики имеются сосуды баночной формы и с округлым туловом (рис. 5). Венчики горшков вертикальные или же отогнутые, в единичных случаях утолщенные (рис. 5, *1*). Подобная форма сосудов, а также приемы орнаментации близки керамике поселений эпохи позд-

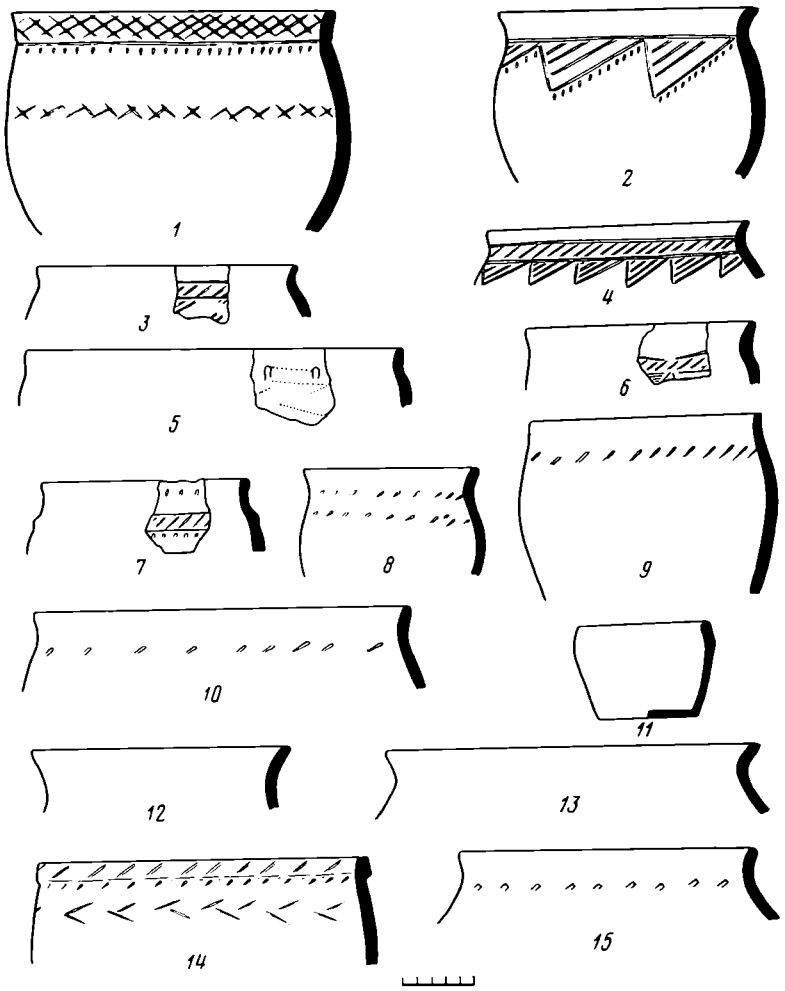


Рис. 5. Керамика из жилища 8

ней бронзы Южного Зауралья [12, рис. 2, *3*]. Неорнаментированных сосудов мало. Встречены горшки, украшенные различного рода заштрихованными треугольниками (рис. 5, *2*, *4*, *6*). Распространены приемы орнаментации прочерченными линиями и неглубокими вдавлениями (рис. 5, *9*, *10*, *14*, *15*). Имеется один сосуд с налепными валиками по плечикам (рис. 5, *7*). Сам валик покрыт неглубокими насечками.

Интересен горшок, украшенный оттисками крупнозубого гребенчатого штампа в сочетании с неглубокими ямчатыми вдавлениями (рис. 5, *5*). Этот тип орнаментации в целом не характерен для керамики срубных памятников. Однако подобные приемы были широко распространены в малобудковской культуре [13, табл. II, *5*]. На Северском Донце керамика малобудковского типа присутствует на поселениях Студенек-2 и Студенек-5 [14, с. 76; 15, с. 74]. В Белгородской области она обнаружена на памятниках эпохи поздней бронзы в урочищах Междуречье, Борисовка, Порубежное III и ряде других [16, с. 85—86].

Сосуды с утолщенным венчиком, украшенные наклонными насечками (рис. 5, *14*), напоминают керамику Кайбельского поселения в Поволжье [17, рис. 24].

В жилище обнаружен также обломок каменного полированного бруска.

Жилище 4 наиболее восточное из всех исследованных на поселении. Это полуземлянка размером 7×11 м, углубленная в материк на 1 м и ориентированная по линии север — юг. В восточной части сооружения прослеживается вход шириной 1,6 м. По периметру котлована, особенно

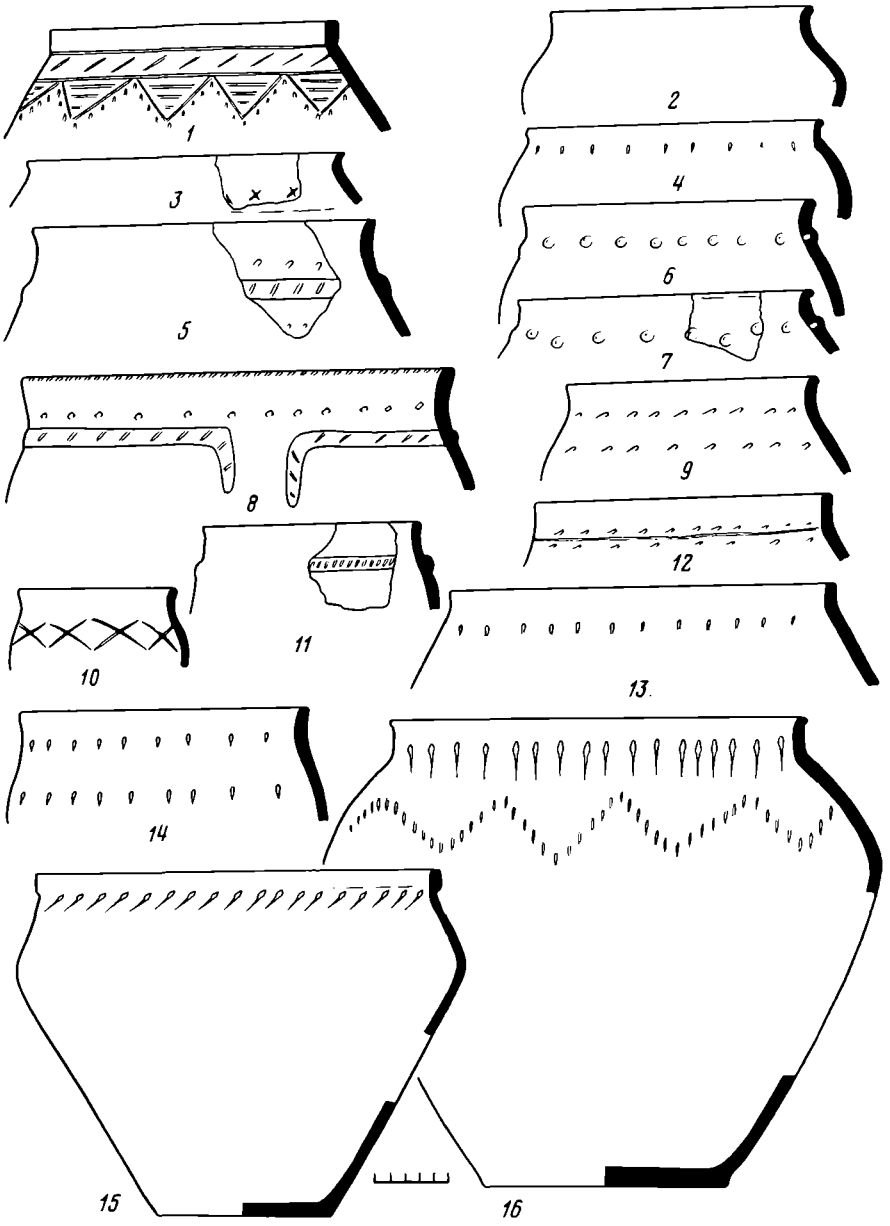


Рис. 6. Керамика из жилища 4

в северной и восточной частях, обнаружены остатки сгоревших плах и фрагменты обмазки. В центре, на дне, имеется углистое пятно размером 3,9×2,0 м — остатки очага. Юго-западный угол сооружения поврежден небольшой полуземлянкой I тысячелетия н. э.

Среди керамических форм из этого жилища практически не встречено баночных сосудов. Здесь присутствуют горшки с хорошо развитым туловом, выраженными плечиками (рис. 6). Венчики отогнуты, часто утолщены. Большое распространение получают сосуды с небольшой прямой шейкой (рис. 6, *1*, *12*, *13*, *16*). Весьма своеобразны и приемы орнаментации. Всего один горшок оказался украшенным орнаментом, выполненным прочерченными линиями и представляющим собой заштрихованные треугольники (рис. 6, *1*). Основная масса орнаментирована различного рода ямочными вдавлениями, жемчужинами, налепными рассеченными валиками, в том числе с разомкнутыми и опущенными вниз концами (рис. 6, *8*).

Форма и орнаментация некоторых сосудов (рис. 6, *15*, *16*) во многом напоминает керамику, встреченную на срубных памятниках Поволжья

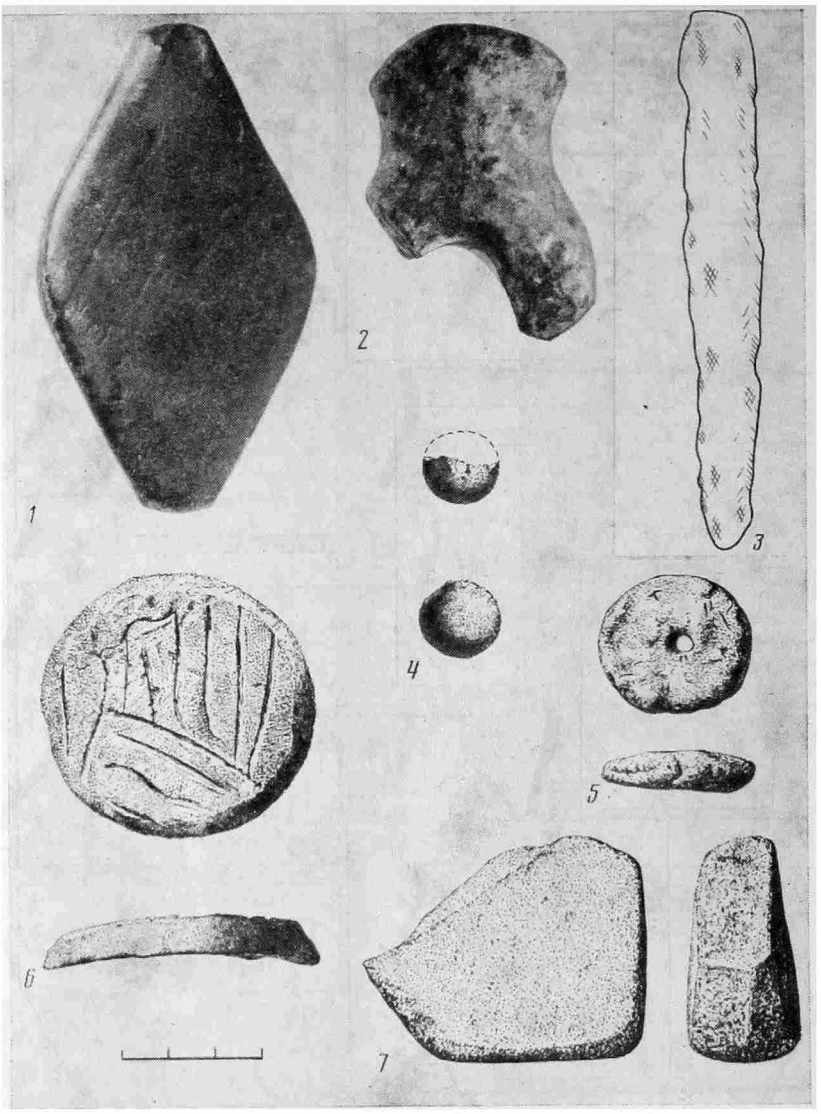


Рис. 7. Вещи из жилищ. *1—3* — жилище 4; *4* — 7; *5* — 6; *6* — раскоп II; *7* — жилище 8. *1, 2, 7* — камень; *3* — бронза, *4—6* — глина

[3, рис. 5, *26*, рис. 7; 4, рис. 12; 17, рис. 24]. Необходимо отметить и появление совершенно нового типа орнаментации — глубоких ямок, нанесенных концом щепки,— приема, характерного для бондарихинской культуры (рис. 6, *9*, *12*, *14*) [18].

Кроме керамики в заполнении жилища встречены каменное полированное точило ромбической формы (рис. 7, *1*), обломок каменного сверленого топора с имитацией литейного шва (рис. 7, *2*) и бронзовый двулезвийный нож белозерского типа (рис. 7, *3*), выполненный из оловянистой бронзы[4].

На площади раскопа II, заложенного в 50 м севернее раскопа I, за дорогой, удалось обнаружить остатки двух жилищ эпохи поздней бронзы. Первоначально был выявлен довольно обширный котлован, в котором оказались остатки двух сооружений, расположенных вплотную друг к другу.

Жилище 2 — полуземлянка размером 5,5×3,75 м, углублена в материк на 0,8 м и ориентирована по линии север — юг. По периметру сооружения сохранились остатки деревянных конструкций. Вход, по всей

[4] Анализ проведен в лаборатории ИА АН СССР, № 28136: Cu — основа, Sn — 0,7%, Pb — 0,035, Bi — 0,002, Ag — 0,005, Sb — 0,08, As — 0,5, Fe — 0,1, Ni — 0,004%.

видимости, находился с южной стороны. В северной части жилища был обнаружен небольшой очаг в виде пятна разложившейся обмазки, перемешанной с угольками и золой, в котором находилось несколько глиняных «блоков».

Жилище 3 вошло в раскоп лишь своей восточной частью. Судя по остаткам деревянных плах, оно было аналогично жилищу 2 и имело примерно те же размеры.

Площадь жилищ неоднократно использовалась впоследствии, после прекращения их функционирования. Об этом говорят остатки нескольких очагов и углистых пятен, перерезающих заполнение жилищ, а в ряде случаев и разрушивших остатки деревянных стен полуземлянок.

Материалы из этих сооружений представлены почти исключительно керамикой, весьма немногочисленной. Так, в жилище 2 найдено всего лишь не более трех десятков фрагментов, принадлежащих сосудам с вогнутой шейкой и округлыми выделенными плечиками. Из орнаментов встречаются косые насечки по плечикам, жемчужины, иногда в сочетании с гребенчатым штампом, редко ямочные вдавления. Один сосуд украшен налепным рассеченным валиком с разомкнутыми и опущенными вниз концами. Удалось реконструировать нижнюю часть одного сосуда с небольшим дном и резко расширяющимся в средней части туловом. Подобная форма горшков характерна для сосудов бондарихинской культуры. Кроме того, обнаружен обоюдоострый нож, аналогичный найденному в жилище 4 (раскоп I), также выполненный из оловянистой бронзы[5].

В жилище 3 встречено менее двух десятков черепков, что весьма затрудняет интерпретацию форм сосудов. Горшки украшены жемчужинами, ямчатыми вдавлениями, а также налепными рассеченными валиками.

За пределами жилищ найден небольшой керамический диск диаметром 7 см, украшенный прочерченным орнаментом, напоминающим заштрихованные взаимопроникающие треугольники (рис. 7, *6*).

Несомненное сходство керамических комплексов, обнаруженных в жилищах поселения Шоссейное, не оставляет сомнения в принадлежности этого памятника к поздним этапам срубной культуры.

В то же время нельзя не отметить целый ряд различий, проявляющихся как в формах сосудов, так и в приемах их орнаментации. Это обстоятельство позволяет разделить все жилища на две хронологические группы.

К первой можно отнести сооружения 5,6 — 8 из раскопа I. В керамическом материале этих жилищ присутствуют горшки баночных форм, в ряде случаев еще раннесрубного облика. Орнамент, как правило, геометрический, представлен заштрихованными треугольниками, зигзагообразными линиями и прочими сходными с ними типами. В этих жилищах мало сосудов с вертикальными цилиндрическими шейками; как правило, отсутствуют горшки с налепными валиками. В целом подобная керамика типологически близка материалам срубных поселений типа Гуселка II [9], Максютовское, Успенское [4]. В пользу хронологической близости этих жилищ говорит также их компактное размещение на небольшой площади и одна и та же ориентировка полуземлянок. Полуземлянки на Ильичевском поселении, основная масса которых относится к сабатиновскому времени, имеют ту же ориентировку [5, с. 156]. В абсолютных датах нам кажется правильным отнести этот комплекс к XIII—XI вв. до н. э.

Ко второй хронологической группе относится жилище 4 из раскопа I и оба жилища из раскопа II. В них практически отсутствуют баночные формы. Превалирующее значение приобретает орнаментация неглубокими вдавлениями, ямками, щепкой, налепными валиками, в том числе и с разомкнутыми концами. Подобные приемы орнаментации характерны для позднесрубных поселений белозерского этапа [19; 5, с. 166, рис. 8]. В то же время орнаментация ямками, выполненными щепкой, находит

[5] Анализ произведен в лаборатории ИА АН СССР, № 28135: Cu — основа, Sn — 2,0%, Pb — 0,35, Bi — 0,002, Ag — 0,009, Sb — 0,09, As — 0,18, Fe — 0,03, Ni — 0,007%.

аналогии в приемах украшения сосудов бондарихинской культуры [18]. Эти жилища можно датировать X—IX вв. до н. э.

Наши выводы, полученные путем типологического анализа керамического материала жилищных комплексов, подтверждаются и стратиграфическими наблюдениями. О неодновременности жилищ говорит следующее. Залегание костей погребения на уровне пола жилища 5 указывает на существование поселения после прекращения функционирования жилища, тем более что оно разрушено ямой позднесрубного времени. Кроме того, на площади жилища 8 имеется хозяйственная яма, перерезающая его заполнение. В яме обнаружена керамика исключительно бондарихинского типа (рис. 4, *9—12*). Это обстоятельство может указывать также на то, что здесь существовало и чисто бондарихинское поселение, однако твердых данных для этого утверждения у нас нет.

Интересны результаты спектрального анализа бронзовых ножей из жилища 4 (раскоп I) и жилища 2 (раскоп II). Эти обоюдоострые ножи были изготовлены из оловянистой бронзы волго-камских месторождений, что характерно для памятников белозерского времени. Ранее, на сабатиновском этапе, здесь господствовала бронза юго-западного происхождения [20, с. 48, 62]. Эти данные подтверждают нашу датировку жилищ второй группы.

Таким образом, мы можем говорить, что поселение Шоссейное, позднесрубное по своему облику, существовало в сабатиновское и белозерско-бондарихинское время и датировать его XIII—IX вв. до н. э.

Полученный материал говорит о достаточно выраженном культурно-хронологическом единстве памятника. Для него не свойственны черты классических позднесрубных поселений типа Сабатиновки или поселения на Белозерском лимане. Поселение Шоссейное по своему облику гораздо ближе памятникам восточного ареала позднесрубной культуры, известным в Поволжье, Заволжье и далее к востоку. Сходство прослеживается как в конструктивных особенностях жилищ, так и в формах сосудов и приемах их орнаментации. Описываемый памятник расположен на западной границе этого обширного региона.

В то же время в керамике поселения отразились следы взаимодействия с белогрудовской культурой, расположенной в Среднем Поднепровье, и с более северной, малобудковской культурой.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Розенфельдт Р. Л.* Отчет о разведках в зоне проектируемого Белгородского водохранилища в 1969 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 3858.
2. *Шарафутдинова Э. С.* Жилища эпохи бронзы на Кобяковском городище.— КСИА, 1963, вып. 93.
3. *Попова Т. Б.* Памятники срубной культуры в окрестностях села Быково.— МИА, 1960, № 78.
4. *Синицын И. В.* Поселения эпохи бронзы степных районов Заволжья.— СА, 1949, т. XI.
5. *Шаповалов Т. А.* Поселение срубной культуры у с. Ильичевка на Северском Донце.— В кн.: Энеолит и бронзовый век Украины. Киев: Наук. думка, 1976.
6. *Чередниченко Н. И.* Поселение срубной культуры на Луганщине.— СА, 1970, № 1.
7. *Алихова А. Е.* Комаровское поселение у Моечного озера.— МИА, 1958, № 61.
8. *Орехов В. Ф.* Две раскопки на церковной земле села Ивановки Хвалынского уезда Саратовской губернии.— ТСУАК, 1916, вып. 33.
9. *Синицын И. В., Фисенко В. Н.* Поселение срубной культуры Гуселка II в окрестностях Саратова.— В кн.: Археология и античный мир. Вып. 1. Саратов, 1972.
10. *Ильинская В. А.* О происхождении культур раннего железного века на левобережье Среднего Днепра.— КСИИМК, 1957, вып. 70.
11. *Евстропова Н. Т.* Стоянка периода поздней бронзы в районе с. Гостомель.— КСИА АН УССР, 1960, вып. 9.
12. *Потемкина Т. М.* О соотношении алексеевских и замараевских комплексов в лесостепном Зауралье.— СА, 1979, № 2.
13. *Іллінська В. А.* Нові дані про пам"ятки доби бронзи в Лівобережному Лісостепу.— Археологія, 1957, вип. X.
14. *Телегін Д. Я.* Дослідження поселень епохи бронзи на Дінці.— АП, 1956, т. IV.
15. *Телегин Д. Я.* Оскольская экспедиция 1955—1956 гг.— КСИА АН УССР, 1959, вып. 8.
16. *Евминова А. Ф.* Поселения поздней бронзы верхнего течения р. Ворсклы.— КСИА АН УССР, 1961, вып. 11.

17. *Мерперт Н. Я.* Из древней истории Среднего Поволжья.— МИА, 1958, № 61.
18. *Ильинская В. А.* Бондарихинская культура бронзового века.— СА, 1961, № 1.
19. *Ильинская В. А.* Поселение поздней бронзы у с. Бабино.— КСИА АН УССР, 1955, вып. 5.
20. *Черных Е. Н.* История древнейшей металлургии Восточной Европы. М.: Наука, 1966.

A. S. Smirnov, A. N. Sorokin

A LATE BRONZE AGE SETTLEMENT ON THE UPPER SEVERSKY DONETS

Summary

The authors publish materials obtained at Shosseinoe on the left bank of the Seversky Donets (Shebekino District, Belgorod Region). The site revealed seven mostly semi-underground dwellings, only one being a ground one. There are two types of the semi-underground dwellings—vast constructions of more than 100 sq. m. and smaller ones, of about 25 sq. m. Along their perimeters traces of burned wooden constructions are found. Shosseinoe is a site of the eastern area of the timber-grave culture and is dated to the 13th-9th centuries B. C.

КРУТСКИХ Н. А., ШОРИН А. Ф.

ЧЕРКАСКУЛЬСКИЕ МОГИЛЬНИКИ В ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ

Черкаскульская культура, выделенная в 1964 г. К. В. Сальниковым, долгое время была известна преимущественно по поселенческим комплексам [1, с. 5—23]. Так, в последней работе К. В. Сальникова упоминаются только два погребальных памятника этой культуры: могильник Тартышево I и курган у с. Ахуново [2, с. 372—373].

За последние годы число подобных комплексов стало увеличиваться, во-первых, за счет переосмысления культурной принадлежности некоторых могильников, воспринятых К. В. Сальниковым как федоровские (Новобурино, Большая Караболка) [3, с. 172—185], которые В. С. Стоколос [4, с. 86—88] и Е. Е. Кузьмина [5, с. 153—164] считают черкаскульскими, и, во-вторых, в связи с открытием новых, как чисто черкаскульских [6, с. 97—108; 7, с. 173—182; 8, с. 145—160], так и «смешанных» памятников, где наряду с черкаскульскими встречены федоровские и алакульские погребения [5, с. 153—164; 9, с. 220—230; 10, с. 16, 219—220; 11, с. 171—172].

В 1976 г. авторами статьи были открыты еще два черкаскульских могильника: Березки Vг и Перевозный 1а, расположенные на островах Аргазинского водохранилища в Аргаяшском районе Челябинской обл.

Могильник Березки Vг находится в юго-восточной части о. Большой Вишневый (Актуба) на высоком мысу. Общая площадь его пока не ясна, так как на поверхности надмогильные сооружения — каменные оградки — никак не фиксируются. Они появляются сразу же под дерновым слоем или на глубине 20 см от уровня современной поверхности. За 2 года работ обнаружено девять оградок и два навала камней, видимо, связанных с сооружением оградок. Все оградки представляют собой каменные кольца, сооруженные из крупных и мелких необработанных камней, положенных на древнюю поверхность вокруг могильных ям обычно в один ряд по вертикали и горизонтали.

Оградки располагаются, как правило, на определенном удалении друг от друга и только первая-вторая и четвертая-пятая смыкаются между собой (рис. 1).

Оградка 1 находится в 5,25 м северо-западнее оградки 9, которая является самой восточной в могильнике (рис. 1). Она имеет форму круга размером 2,5×2,4 м, разомкнутого в северной части. Здесь зафиксирована могильная яма подпрямоугольной формы, размером 1,05×0,8×0,08 м[1], ориентированная в широтном направлении (рис. 2, IIа). В могиле обнаружен плохо сохранившийся костяк человека (раздавленный череп, две позвоночных и бедренная кости, часть таза и голени), лежащий на правом боку скорченно, головой на восток.

Слева от головы найден сосуд, орнаментированный в верхней трети горизонтальным желобком и двумя желобчатыми ломаными линиями (рис. 3, *1*).

---

[1] Последняя цифра — глубина могильной ямы от уровня фиксации могилы — не отражает действительную глубину ямы, так как могильник возник на месте неолитического — раннебронзового поселения, имеющего культурный слой — темно-серую гумусированную супесь — мощность ок. 30—40 см. Фиксация же могильных ям возможна только на уровне материка — суглинка преимущественно желтого и коричневого цвета. Поэтому для определения действительной глубины могильных ям следует прибавлять еще и глубину культурного слоя поселения.

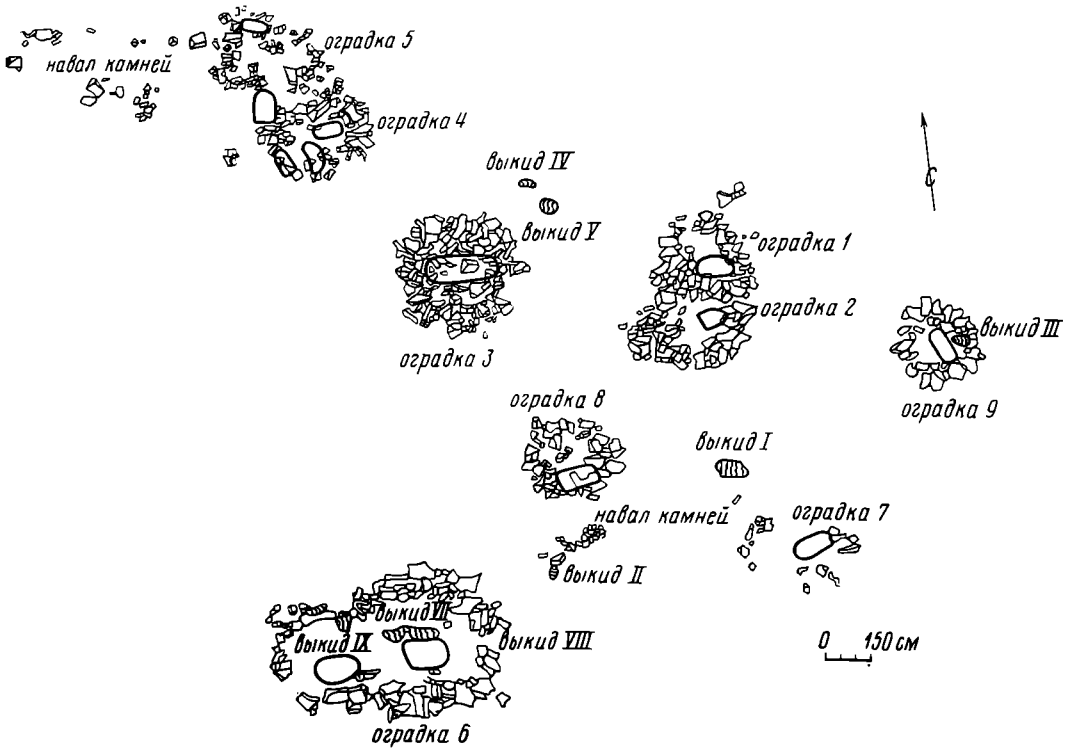


Рис. 1. Могильник Березки Vг. План расположения каменных оградок, навалов камней и могильных выкидов

Оградка 2 примыкает к первой с южной стороны (рис. 1), имеет вытянуто-овальную форму, ориентирована по линии запад—восток. Размер ее 3,7×2,5 м. Здесь обнаружена могильная яма подпрямоугольной формы с сильно округленными углами, ориентированная по линии ВСВ — ЗЮЗ (рис. 2, II*б*). Размер ямы 1,15×0,8×0,22 мм. В могиле обнаружен плохо сохранившийся костяк человека (раздавленный череп, кости бедра и голени), лежащий, по всей вероятности, на правом боку скорченно, головой на ВЮВ. На уровне голени слева от нее зафиксировано прокаленное пятно размером 0,16×0,12 и мощностью до 0,07 м. Слева от головы найден горшок, орнаментированный рядом желобков в сочетании с изящным меандром, обрамленным желобками (рис. 3, *2*).

Оградка 3 расположена в 3 м западнее оградки 1 (рис. 1), имеет форму кольца размером 4,7×4,3 м. Центр кольца в поперечном направлении перекрывают пять камней, уложенных в линию.

Здесь обнаружена могильная яма подпрямоугольной формы, ориентированная в широтном направлении (рис. 2, III). Размер ее 2,46×0,86× ×0,36 м. В могиле найден костяк человека, лежащий на правом боку скорченно, головой на запад, ноги согнуты в коленях, кисти рук, вероятно, были подтянуты к лицу. За головой стояли два сосуда горшечной формы. Орнаментальную композицию первого сосуда составляют желобки в сочетании с гребенчатыми треугольниками и меандром, обрамленным желобками (рис. 3, *3*). Второй сосуд меньше первого. Орнаментация его типична для черкаскульской посуды, но выполнена резной техникой (рис. 3, *4*).

Оградка 4 находится в 3 м к ССЗ от оградки 3 (рис. 1), представляет собой кольцо размером 3,8×3,5 м. К северо-западной части этой оградки примыкает оградка 5. С западной стороны к северной части оградки 4 и южной части оградки 5 примыкает еще одно небольшое кольцо размером 1,6×1,3 м, составляющее единое конструктивное целое с обеими оградками. Под оградкой 4 и малым кольцом зафиксированы пять ям. Небольшие размеры, отсутствие костяков и погребального инвентаря делает назначение их неясным (рис. 2, I*б*).

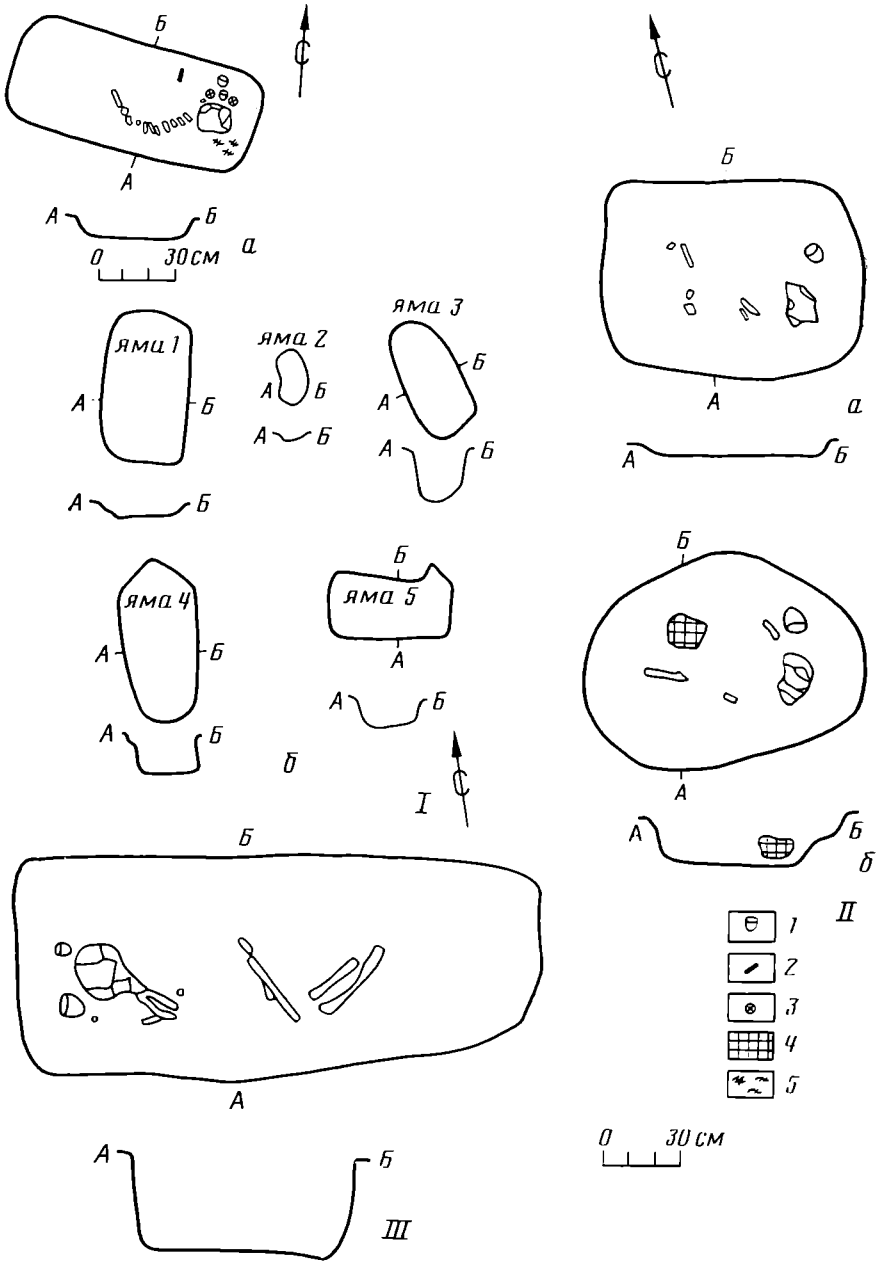


Рис. 2. Могильник Березки Vг. Планы и профили могильных ям. Iа — оградка 5; Iб — ямы под оградкой 4; IIа — оградка 1; IIб — оградка 2; III — оградка 3. *1* — сосуды; *2* — бронзовая игла; *3* — бронзовые височные подвески; *4* — прокаленная земля, *5* — угли

Оградка 5 имеет вытянуто-овальную форму и ориентирована по линии ССЗ—ЮЮЗ (рис. 1). Размер ее 3,5×2,6 м. Оградка делится на две части семью камнями, уложенными в линию по наименьшей ее длине. В северо-западной половине зафиксирована могильная яма подпрямоугольной формы, ориентированная по линии ССЗ—ЮЮЗ (рис. 2, Iа). Размер ямы 0,9×0,44×0,06 м. В могиле найден костяк человека, погребенного на правом боку скорченно, головой на восток. Ноги согнуты в коленях, кисти рук подтянуты к лицу.

Это захоронение является наиболее богатым из раскопанных. Здесь обнаружены два горшка, стоящие за головой, две бронзовые височные подвески, лежащие севернее головы: одна у пальцев руки, другая около

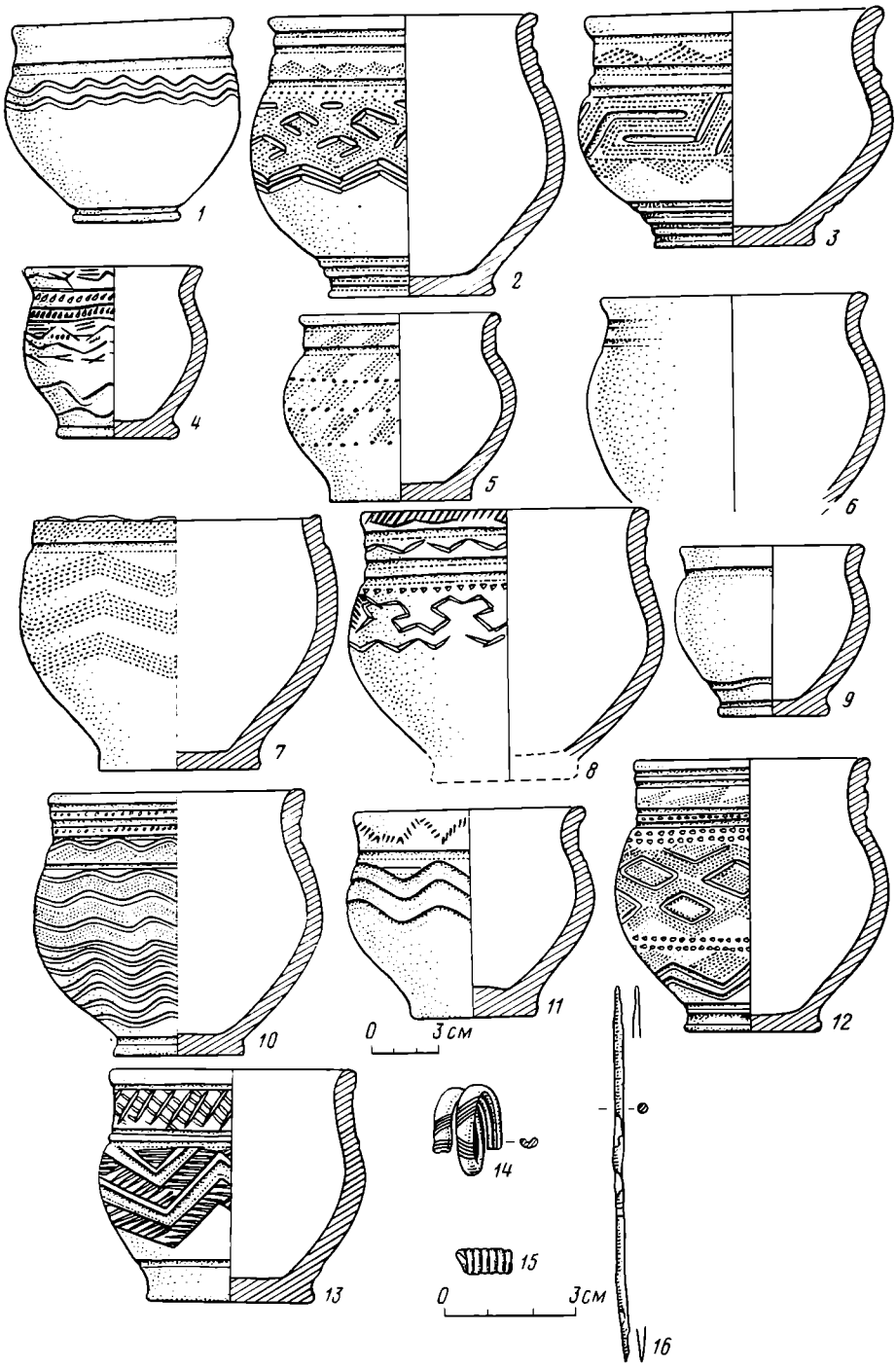


Рис. 3. Могильник Березки VI. Сосуды и бронзовые вещи. *1* — оградка 1; *2* — оградка 2; *3, 4* — оградка 3; *5, 6* — оградка 5; *7* — оградка 6 (могильная яма 2); *8* — оградка 7; *9* — рядом с оградкой 6; *10* — оградка 8; *11, 13* — оградка 9; *12* — рядом с оградкой 5; *14* — височная подвеска; *15* — трубчатая пронизка; *16* — игла

сосуда 1, бронзовая игла, найденная севернее костяка, у грудной клетки, и семь пронизок, найденных в сосуде 2.

Височные подвески в полтора оборота имеют утолщения на концах пластины, сечение их В-образное, орнаментированы косопоставленными насечками (рис. 3, *14*). Пронизки изготовлены из свернутого в трубочку бронзового листа, поверхность их ребристая (рис. 3, *15*). Игла длиной 10 см имеет круглое сечение, ушко сломано (рис. 3, *16*).

Сосуд 1 орнаментирован двумя слабо выраженными желобками в переходной части от шейки к тулову (рис. 3, *6*). Сосуд 2 имеет несколько меньшие размеры, чем первый, но орнаментирован гораздо богаче. Орнаментальная зона покрывает $^2/_3$ сосуда и представлена двумя горизонтальными желобками по шейке, между которыми заключены группы отрезков гребенчатого штампа (по четыре отрезка в группе), и такими же тремя группами отрезков, отделенными друг от друга рядами горизонтальных вдавлений, причем отрезки здесь располагаются в шахматном порядке (рис. 3, *5*).

Кроме того, следует отметить еще один раздавленный сосуд, найденный у оградки 5. Вероятно, он связан с отправлением погребального культа. Вся поверхность сосуда орнаментирована. Геометрические элементы орнамента — косые треугольники, меандр, ромбы — выполнены изящным мелкогребенчатым штампом (рис. 3, *12*). Несмотря на наличие федоровских косых треугольников, сосуд по всем показателям (форма, примесь, орнамент) черкаскульский.

Оградка 6 расположена в 4 м юго-восточнее оградки 2 (рис. 1). Она самая крупная в комплексе и отличается от других формой, размером и количеством могильных ям внутри ее[2]. Форма оградки вытянуто-овальная, размер 8×5,7 м, ориентирована она в широтном направлении. В западной и восточной частях оградки зафиксированы две могильные ямы.

Яма 1 имеет подпрямоугольную форму с небольшим подтреугольным выступом в северной части. Ориентирована по линии ЗСЗ—ВЮВ. Размер ямы 1,38×0,91×0,36 м. От костяка сохранилась только небольшая кость. Отсутствовал и погребальный инвентарь. Вероятно, могила ограблена.

Яма 2 расположена в 1,75 м западнее первой, имеет подпрямоугольную форму, ориентирована по линии СЗ—ЮВ. Размер ее 1,38×0,7×0,36 м. Погребенный лежал на правом боку скорченно, головой на восток с незначительным отклонением к югу. Ноги согнуты в коленях, кисти рук, видимо, подтянуты к лицу (рис. 4, III).

Севернее головы погребенного найден сосуд горшечной формы. Верхняя часть шейки отломана. Орнамент представлен наклонными отрезками гребенчатого штампа, которые сверху и снизу ограничивают желобки, и тремя рядами горизонтальных зигзагов (рис. 3, *7*). Кроме того, еще один горшок, орнаментированный двумя желобками, найден чуть восточнее этой оградки (рис. 3, *9*).

Оградка 7 находится в 11 м южнее оградки 2 (рис. 1). Она разрушена, вероятно, еще в древности. Остались только три группы камней (от 4 до 11 в каждой). Судя по их расположению, оградка имела форму круга приблизительно размером 3,75×3,65 м. Могильная яма также частично разрушена: не фиксируются очертания ее южной части. Вероятно, яма имела подчетырехугольную форму, ориентирована в широтном направлении. Предположительный размер ее 1,75×1,05×0,19 м.

В центре ямы обнаружен человеческий череп, челюсть которого найдена в 40 см от него. У восточной стенки находился раздавленный горшок.

В отличие от других сосудов геометрические фигуры орнамента нанесены здесь техникой гладкого штампа (рис. 3, *8*).

Оградка 8 расположена в 5,5 м к ЮЮЗ от оградки 2 (рис. 1). Имеет форму кольца размером 3,5×3 м. В южной части кольца зафиксирована могильная яма подпрямоугольной формы размером 1,33×0,65×0,19 м. Ориентирована она в широтном направлении.

От погребенного сохранились лишь девять зубов, лежащих компактной группой в восточной части могилы. Сосуд, найденный в могиле, плохой сохранности, орнаментирован по всей поверхности. Основой орнаментального мотива служат волнистые желобки, между которыми заключены гребенчатые зигзаги (рис. 3, *10*).

---

[2] Не исключено, что оградка 6 фактически состояла из двух смыкающихся оградок, но камни на месте стыка в послечеркаскульское время были разобраны.

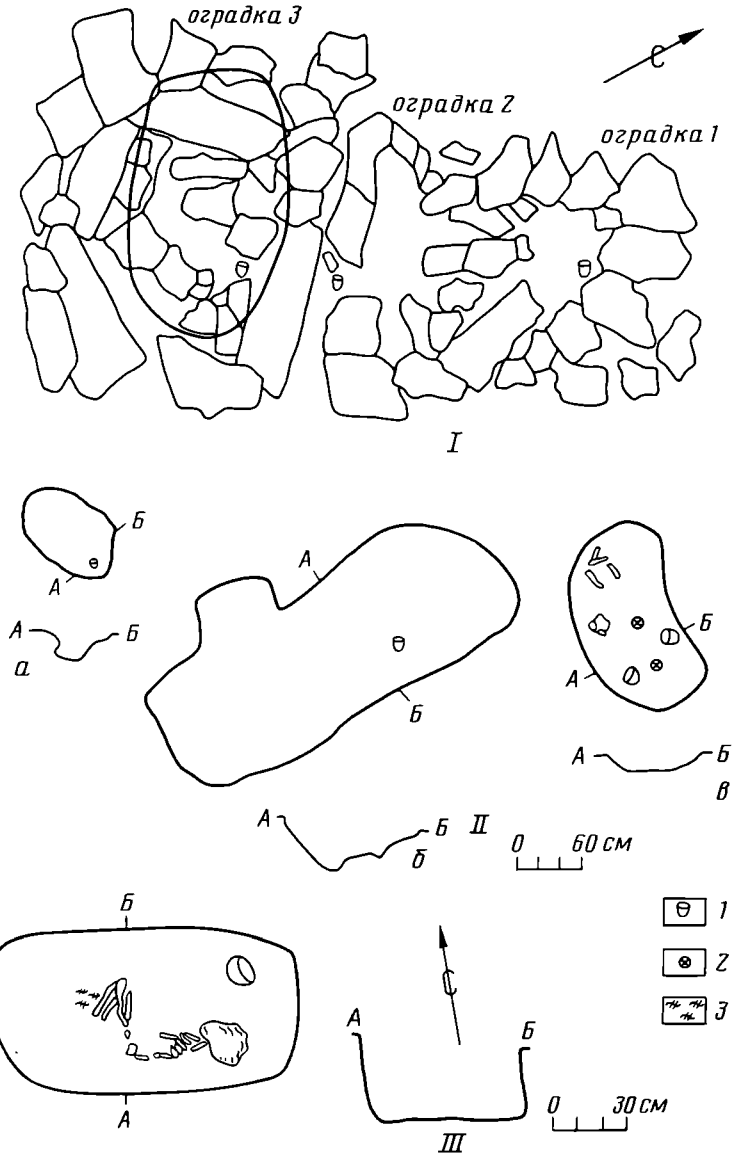


Рис. 4. Могильники Перевозный Ia и Березки Vг. Планы и профили могильных ям. I — могильник Перевозный Ia, оградки 1—3; II — могильник Перевозный Ia, (*а* — оградка 6; *б* — оградка 7; *в* — оградка 4); III — могильник Березки Vг, оградка 6, могильная яма 2. *1* — сосуды; *2* — бронзовые височные подвески; *3* — уголь

Оградка 9 находится в 6,8 м восточнее оградки 7 (рис. 1), представляет собой кольцо размером 3,5×3 м. Здесь зафиксирована могильная яма неправильно-прямоугольной формы размером 1,2×0,7×0,14 м. Ориентирована она по линии СЮ. Костяк погребенного, за исключением двух небольших косточек в северной части могилы, не сохранился. Сопровождающий захоронение инвентарь представлен двумя сосудами, стоящими в южной части ямы.

Сосуд 1 орнаментирован группой нарезок (по четыре—шесть в группе), составляющих горизонтальный зигзаг, ниже которого нанесены горизонтальный желобок и три ряда волнистых желобков (рис. 3, *11*). Сосуд 2 орнаментирован полностью, кроме венчика и дна. Ромбическая сетка на шейке и зигзагообразные полосы на плечике выполнены резной техникой (рис. 3, *13*).

Как уже упоминалось, на могильнике обнаружены два навала камней рядом с оградками 5 и 8. Отсутствие под ними следов могильных ям и захоронений заставляет предполагать, что это не могильные оградки. Мо-

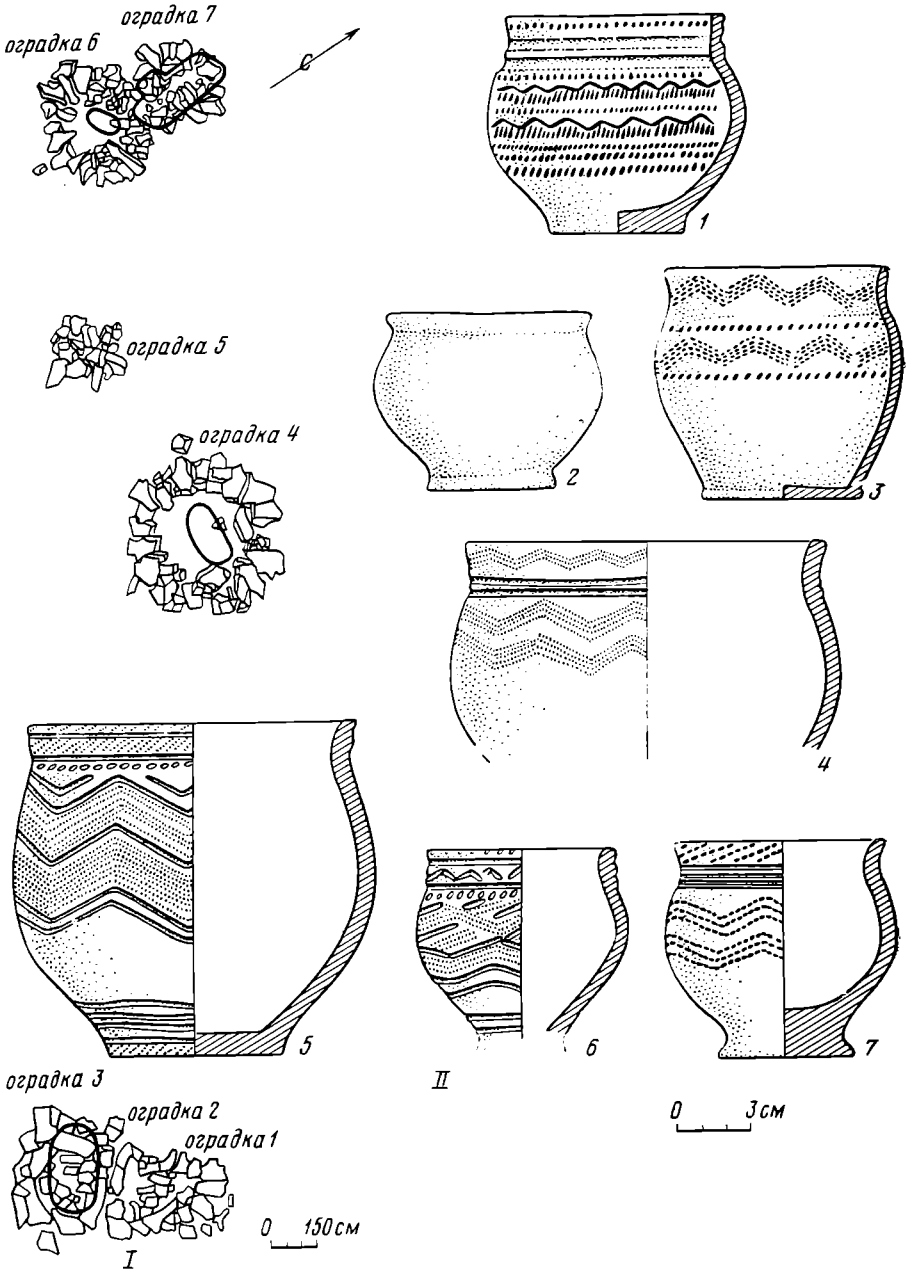


Рис. 5. Могильник Перевозный Ia. I — план расположения каменных оградок; II — сосуды: *1* — оградка 1; *2* — оградка 2; *3* — оградка 3; *4*, *5* — оградка 4; *6* — оградка 6; *7* — оградка 7

жет быть, это те камни, которые предназначались для сооружения новых оградок, но по каким-то причинам для этих целей не были использованы. Следует отметить наличие 12 могильных выкидов, обнаруженных в районе оградок (рис. 1).

Могильник Перевозный 1а расположен в юго-западной части одноименного острова. Площадь распространения памятника полностью пока не известна, так как она на поверхности никак не фиксируется. Он обнаружен во время раскопок многослойного поселения Перевозный I, северную периферию которого занимает. Оградки выявляются сразу же под дерном и полностью обнаруживаются на глубине 40 см от уровня современной поверхности. Они представляют собой каменные выкладки округлой и овальной форм, состоящие из необработанных крупных и мелких

камней, положенных на древнюю поверхность вокруг могильных ям обычно в один ряд по вертикали и горизонтали.

Из семи вскрытых оградок только две (4 и 5) являются одиночными, а оградки 1—3, как и оградки 6—7, смыкаются между собой (рис. 5, *1*).

Оградка 1 вместе со второй и третьей является самой юго-восточной в памятнике (рис. 5, *1*; 4, *1*). Она представляет собой кольцо диаметром 2,5 м. Могильная яма не обнаружена[3]. На уровне древней поверхности в восточной части оградки стоял сосуд, орнаментированный вдавлениями, заштрихованными фестонами, выполненными гладким штампом и желобками (рис. 5, II, *1*).

Оградка 2 примыкает к первой с ЮЮЗ (рис. 4, *1*); имеет вытянуто-овальную форму (2,7×0,8 м), ориентирована по линии ССЗ—ЮЮВ. Могильная яма не зафиксирована, возможно, по той же причине, что и в первом случае. В южной части оградки найден неорнаментированный сосуд горшечной формы (рис. 5, II, *2*).

Оградка 3, самая крупная в группе, примыкает ко второй с юго-запада (рис. 4, *1*), имеет вытянуто-овальную форму (3,2×2,8 м), ориентирована по линии ССЗ—ЮЮВ. Центр оградки практически полностью закрыт камнями. Здесь обнаружена могильная яма подпрямоугольной формы, ориентированная по линии ССЗ—ЮЮВ. Размер ее 2,4×1,4×0,2 м. Костяк не сохранился. Погребальный инвентарь представлен сосудом, стоящим в юго-восточной части ямы. Сосуд орнаментирован. Шейка украшена горизонтальным гребенчатым загзагом, ниже которого следует ряд вдавлений. На тулове та же орнаментальная композиция (рис. 5, II, *3*).

Оградка 4 находится в 20,5 м северо-восточнее оградок 1—3 (рис. 5, I), имеет форму круга диаметром 4,4 м. В центре оградки обнаружена могильная яма подчетырехугольной формы с сильно скругленными углами, ориентированная по линии СВ—ЮЗ (рис. 4, IIв). Ее размер 1,7×0,7×0,16 м. В могиле обнаружен плохо сохранившийся костяк человека (череп, кости ног), лежащего, по всей вероятности, на правом боку, головой на восток. Возможно, захоронение произведено в скорченном положении. Погребальный инвентарь представлен двумя височными подвесками плохой сохранности, аналогичными подвескам из-под оградки 5 могильника Березки Vг и двумя сосудами горшечной формы. Сосуд 1 орнаментирован наклонными зигзагообразными оттисками гребенчатого штампа в сочетании с вдавлениями и желобками (рис. 5, II, *5*). Сосуд 2 плохой сохранности, неясна форма придонной части. Орнамент нанесен в верхней половине горшка и представлен тремя гребенчатыми зигзагами и двумя горизонтальными желобками, расположенными между первым и вторым зигзагами (рис. 5, II, *4*).

Оградка 5 расположена в 3,5 м к западу от оградки 4 (рис. 5, I). Она представляет сплошной навал камней, имеющий форму овала и размер 2,7×2,2 м. Могила, погребенный и сопровождающий его инвентарь не обнаружены. Не исключено, что это такой же навал камней, что и навалы рядом с оградками 5 и 8 в могильнике Березки Vг.

Оградки 6 и 7 находятся в 4,2 м северо-западнее оградки 5 (рис. 5, I). Первая из них имеет вытянуто-овальную форму размером 4×3 м, ориентирована в широтном направлении. Здесь обнаружена могильная яма подпрямоугольной формы с сильно скругленными углами, ориентированная по линии ЗСЗ—ВЮВ (рис. 4, II, а). Размер ее 0,9×0,6×0,24 м. Костяк не сохранился, погребальный инвентарь представлен сосудом горшечной формы, стоящим в юго-восточной части ямы. Он украшен сложным гребенчатым орнаментом в сочетании с желобками и вдавлениями, нанесенными острым концом палочки (рис. 5, *6*).

Оградка 7 примыкает к оградке 6 с северной стороны (рис. 5, I), имеет форму кольца диаметром 3,2 м. Могильная яма, обнаруженная здесь, имеет подпрямоугольную форму и выступ у западного угла

[3] Возможно, могильная яма имелась, но неглубокая. Она была вырыта в культурном слое поселения, не прорезала материк, поэтому зафиксировать ее невозможно.

(рис. 4, II, б), ориентирована в меридиональном направлении. Размер ямы 3×1,1×0,4 м, выступа — 0,6×0,4 м. Костяк не обнаружен. Погребальный инвентарь представлен сосудом, стоящим в северо-восточной части могилы. Он по форме несколько отличается от остальных наличием относительно высокого, хорошо выраженного поддона. Орнамент же и техника его выполнения типичны для других сосудов из могильника (рис. 5, 7).

Приведенная характеристика аргазинских черкаскульских могильников позволяет сделать некоторые предварительные выводы о погребальном обряде носителей этой культуры на данной территории.

Касаясь формы надмогильных сооружений, следует отметить, что на черкаскульских могильниках Аргазинского водохранилища встречаются только оградки, сооруженные из необработанных камней, уложенных на землю вокруг могильной ямы. Земляные насыпи, характерные для носителей этой культуры в других районах Зауралья [5, с. 221—227; 3, с. 172—174], Башкирии [2, с. 372—373; 7, с. 173] и Южной Татарии [8, с. 145—157], здесь полностью отсутствуют.

Довольно стабилен и характер могильных ям: неглубокие (от 6 до 40 см от уровня фиксации) ямы без дополнительного крепления стенок и дна. Вариации в их размерах (от 0,9×0,44 до 3×1,1 м) объясняются скорее всего возрастом погребенного. Так, по определению В. А. Дремова, в могиле под оградкой 2 могильника Березки Vг был захоронен ребенок старше 2 лет. Учитывая, что примерно такие же размеры ям наиболее часто встречаются на обоих могильниках, мы вправе допустить, с известной долей вероятности, что основная масса захоронений может быть охарактеризована как детские. Если наше предположение верно, то, возможно, мы имеем дело с преимущественно детскими могильниками или с обособленным расположением детских могил на общем кладбище. Подобные примеры известны как по данным археологии [12, с. 23, 26; 13, с. 56; 14, с. 246], так и этнографии [15, с. 171].

Обращает на себя внимание небольшая глубина могильных ям. Возможно, такая глубина характерна только для детских погребений, но не исключено, что это вообще характерный признак черкаскульского погребального обряда. Во всяком случае на Туктубаевском [5, с. 154—156], Кинзерском [9, с. 221—227], Подгорно-Байларском [8, с. 157], Такталачукском [8, с. 147—148] могильниках и Кокшаровском погребении [6, с. 106] глубина могильных ям также колеблется от 0,25 до 0,95 м.

Стабилен и способ захоронения. Там, где это удалось проследить, погребенные положены на правый бок скорченно, головой на восток или юго-восток. Только в одном случае ориентировка погребенного диаметрально противоположна — на запад (Березки Vг, оградка 3).

Сопровождающий погребальный инвентарь и его место в могиле также довольно унифицированы: один сосуд (10 случаев) или два (4 случая) располагались за головой погребенного; бронзовые изделия (подвески в полтора оборота, трубчатые пронизки, игла) найдены только в двух погребениях (Березки Vг, оградка 5, Перевозный Iа, оградка 4).

Подвески в полтора оборота, аналогичные аргазинским, встречены только в трех случаях: на могильнике Черноозерье I [16, с. 56, рис. 2, 3], разрушенных погребениях могильника Карьер II близ Тюмени[4], и могильнике Такталачук [8, с. 150, рис. 3, 12]. Их отличительной чертой от близких по форме андроновских подвесок является наличие орнамента в виде сгруппированных линий. Данный тип подвесок встречен в памятниках, расположенных на границе леса и лесостепи и, возможно, характерен именно для культур этой полосы. Ребристые трубчатые пронизки, как и иглы, распространены в эпоху бронзы достаточно широко.

Все бронзовые изделия аргазинских могильников имеют длительный период бытования — вторая половина II тысячелетия до н. э.

---

[4] Материал не опубликован. Хранится в кабинете археологии Уральского государственного университета.

Сосуды, за исключением двух (Перевозный Ia, оградки 3, 7) (рис. 5, II, *3*, *7*), идентичны по форме и отличаются лишь по абсолютным размерам. Для них характерны горшечная форма, округлый венчик, невысокая прямая утолщенная шейка, слабо раздутое тулово, которое резко переходит ко дну, имеющему закраину; отношение диаметра горловины к диаметру дна 2 : 1.

Сосуд из оградки 3 могильника Перевозный Ia отличается от остальных лишь более плавным переходом от тулова ко дну, а сосуд из оградки 7 того же могильника — хорошо выраженным поддоном, хотя следует отметить, что у всех сосудов дно имеет закраины, которые можно рассматривать как намечающийся поддон (или его прообраз). Таким образом, даже эти два сосуда, в принципе по форме не выпадают из серии. По орнаментальным мотивам и технике их нанесения они также близки между собой. Прежде всего для них характерны желобки, особенно на шейке (один-два), переходной зоне (один—три), у дна (один—четыре), вдавления, гребенчатые зигзаги, меандры, обрамления желобками.

Какое же место занимают аргазинские погребальные комплексы среди других подобных памятников черкаскульской культуры?

Прежде всего следует отметить специфику погребальных сооружений могильников Березки Vг и Перевозный Ia. Правда, камень использовался при захоронении в могильниках Кокшарово I, Туктубаевском, Кинзерском и Приплодный Лог I, но в Кокшаровском погребении камнями был обложен только один сосуд [6, с. 107], а в могильниках Туктубаевском [5, с. 154—156], Кинзерском [9, с. 221—227] и Приплодный Лог I [11, с. 172] каменные оградки находились в насыпи курганов.

Надмогильные же сооружения башкирских могильников Тартышево I, Ахуново [2, с. 372—373], Красногорский [7, с. 173] и могильников Южной Татарии (Такталачук и Подгорно-Байлары) [8, с. 145, 157] резко отличаются от аргазинских. Здесь представлены только земляные курганы или грунтовые захоронения, камень полностью отсутствует.

Традиция хоронить умерших на правом боку скорченно, головой преимущественно на восток кроме Аргази встречена еще в могильниках Тартышево I, Ахуново [2, с. 372—373] и Такталачук [8, с. 147—148]. Это дает основание предположить, что подобный способ погребения был одним из характерных для черкаскульской культуры.

Другим широко распространенным способом являлось трупосожжение. Оно представлено в Кокшаровском погребении [6, с. 106—107], в могильниках Туктубаевский [5, с. 154—156], Кинзерский [9, с. 221—227], Новобуринский, Большая Караболка [13, с. 172—174] и Приплодный Лог [11, с. 172].

Если учесть, что один случай трупосожжения зафиксирован в Красногорском могильнике [7, с. 180], кострища имеются на Подгорно-Байларах [8, с. 157—158] и небольшой прокал встречен в яме под оградкой 2 могильника Березки Vг, то следует признать, что трупосожжение и культ огня играли значительную роль у черкаскульского населения.

В литературе высказывалась мысль о заимствовании черкаскульцами обряда трупосожжения от федоровцев [6, с. 108]. Не отрицая полностью это предположение, заметим, что подобный обряд мог возникнуть у некоторых групп черкаскульцев независимо от федоровцев и имеет свои корни в среде местного населения Зауралья эпохи неолита и ранней бронзы, участие которого в процессе формирования черкаскульской культуры никто не отрицает [2, с. 369; 17, с. 61; 18, с. 46]. В погребениях этого периода часто встречаются охра, наличие которой в могилах рассматривается как проявление культа огня, и реже — небольшие кострища и обожженные человеческие кости [19, с. 164—165; 20, с. 106; 21, с. 99, 110, 114—116; 22, с. 197—200; 6, с. 105—106]. Не исключено, что трупосожжение у федоровцев могло возникнуть на этой же основе. Близость же посуды федоровцев [5] и черкаскульцев по форме, элементам орнамента

[5] Здесь мы имеем в виду только федоровские сосуды Южного Зауралья, на основании которых появилось представление о федоровском типе керамики.

Таблица

Черта погребального обряда		Территория			
		Лесное Зауралье	Лесостепное Зауралье	Башкирия	Южная Татария
Характер надмогильных сооружений	Земляные курганы без каменных оградок			+	+
	Земляные курганы с каменными оградками		+		
	Каменные оградки без земляных насыпей	+			
	Грунтовые захоронения	x			+ ?
Способ захоронения	Скорченно на боку — правом	+		x	+
	Скорченно на боку — левом			x	+
	Вытянуто на спине			+	+
	Расчленение костяка и вторичное его захоронение			+	
	Трупосожжение	x	+	x	

Примечание. Знак «+» — признак имеет массовое распространение, «x» — признак встречается редко.

(желобки, меандр, «косые» и равнобедренные треугольники и т. д.), технике орнаментации (преобладание зубчатого штампа), сосредоточение памятников на одной территории и даже нередко черкаскульской и федоровской керамики в одном могильнике или поселении могут быть объяснены не только тесными контактами их в Южном Зауралье, но и общностью их происхождения от культур предшествующего времени. Последнее предположение уже высказывалось [6, с. 108; 23, с. 17].

В могильниках, расположенных на периферии черкаскульского мира, например Красногорском [7, с. 21] и отчасти Такталачукском и Подгорно-Байларском [8, с. 149, рис. 2], встречаются несколько необычные для черкаскульцев типы захоронений. Это, во-первых, положение покойника вытянуто на спине, и, во-вторых, расчленение костяка и вторичное его захоронение. Мы склонны объяснять их появление как результат влияния каких-то соседних племен. Это подтверждается материалами Такталачукского могильника, где Е. П. Казаковым отмечается сильное абашевское влияние [8, с. 154—158].

Суммируя сказанное, отметим, что аргазинские могильники имеют как общие черты с другими погребальными комплексами, так и отличия и тем самым расширяют представления о погребальном обряде этой культуры и позволяют наряду с известными в литературе подобными памятниками наметить некоторые типичные особенности черкаскульского погребального обряда. Для него характерно наличие четырех типов надмогильных сооружений: простые земляные курганы (Тартышево I, Ахуново, Подгорно-Байлары) — распространен в Приуралье; земляные курганы с каменными оградками в насыпях (Туктубаево, Кинзерово, Приплодный Лог I) — лесостепное Зауралье; каменные оградки без земляных насыпей (Березки Vг, Перевозный Iа) — лесное Зауралье; грунтовые могильники (Такталачук) [6] — Приуралье или одиночные захоронения (Кокшарово I) — лесное Зауралье [7].

В способе захоронения господствуют скорченное положение погребенных на правом боку преимущественно головой на восток (Тартышево I, Ахуново, Такталачук, Березки Vг, Перевозный Iа) и трупосожжение

[6] Е. П. Казаков, правда, отмечает, что, возможно, на могильнике Такталачук существовали невысокие насыпи, позднее распаханные [8, с. 145].

[7] Вполне возможно, что на Кокшарово I есть еще и другие черкаскульские погребения, пока не выявленные.

(Туктубаево, Кинзерово, Новобурино, Большая Караболка, Кокшарово 1, одно погребение Красногорского могильника, Приплодный Лог I).

Представление о сочетании определенных типов надмогильных сооружений и способов захоронения в отдельных районах бытования черкаскульской культуры дает таблица.

Сопровождающий инвентарь беден почти во всех могильниках и представлен в основном сосудами. Лишь изредка в могилы клались бронзовые вещи. Наиболее богатым в этом отношении оказался Такталачукский могильник, где в 58 погребениях найдены 12 бронзовых изделий [8, с. 149—150]. Крайняя скудость бронзовых изделий и практическое отсутствие радиоуглеродных дат (исключение — Туктубаевский могильник)[8] во многом затрудняют датировку черкаскульских могильников, в том числе аргазинских. В определении возраста последних можно опираться преимущественно только на керамический материал. Мы считаем, что по керамике аргазинские могильники являются одними из наиболее ранних памятников черкаскульской культуры (орнаментация всей поверхности сосуда или большей его части, обрамление меандров и некоторых других элементов желобками, большой процент использования желобков, изящность в нанесении орнамента, большой удельный вес гребенчатого штампа и, наконец, форма) и могут быть синхронизированы или быть даже старше селищ Новая III, Черкаскуль II и Липовая Курья, которые исследователями относятся к ранним черкаскульским памятникам и датируются XIII—XI [4, с. 9, 94] и даже XIV вв. до н. э. [17, с. 5]. В то же время Такталачукский могильник, датируемый третьей четвертью II тысячелетия до н. э. [8, с. 157], по керамическому материалу явно моложе аргазинских.

Учитывая эти факты, можно предполагать, что аргазинские могильники должны быть датированы XIV—XIII вв. до н. э.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сальников К. В.* Некоторые вопросы истории лесного Зауралья в эпоху бронзы.— ВАУ, 1964, вып. 6.
2. *Сальников К. В.* Очерки древней истории Южного Урала. М.: Наука, 1967.
3. *Сальников К. В.* Раскопки у села Ново-Бурино.— СА, 1959, т. XXIX—XXX.
4. *Стоколос В. С.* Культура населения бронзового века Южного Зауралья. М.: Наука, 1972.
5. *Кузьмина Е. Е.* Могильник Туктубаево и вопрос о хронологии памятников федоровского типа на Урале.— В кн.: Проблемы археологии Урала и Сибири. М.: Наука, 1973.
6. *Старков В. Ф.* Кокшарово I — многослойный памятник неолита и бронзового века в Среднем Зауралье.— СА, 1970, № 1.
7. *Горбунов В. С., Обыденов М. Ф.* Курганный могильник эпохи поздней бронзы в Южной Башкирии.— СА, 1980, № 3.
8. *Казаков Е. П.* Памятники черкаскульской культуры в восточных районах Татарии.— СА, 1979, № 1.
9. *Кузьмина Е. Е.* О соотношении типов андроновских памятников Урала (по материалам Кинзерского могильника).— В кн.: Памятники древнейшей истории Евразии. М.: Наука, 1976.
10. *Стоколос В. С.* Памятники эпохи бронзы — могильник Черняки 2.— Уч. зап. ПГУ, 1966, № 191.
11. *Зданович Г. Б., Малютина Т. С., Мартынюк О. И.* Могильник Приплодный Лог I.— АО-1978. М., 1979.
12. *Хлобыстина М. Д.* Вопросы изучения структуры андроновских общин «алакульского типа».— СА, 1975, № 4.
13. *Хлобыстина М. Д.* Некоторые вопросы палеосоциологической интерпретации Оленеостровского могильника.— СА, 1978, № 3.
14. *Молодин В. И., Нечепуренко Н. Я., Полосьмак Н. В.* Раскопки в Барабе.— АО-1975. М., 1976.
15. *Соколова З. П.* О некоторых погребальных обычаях северных хантов и мансп.— В кн.: Этнография народов Алтая и Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 1978.
16. *Генинг В. Ф., Ещенко Н. К.* Могильник эпохи поздней бронзы Черноозерье I (предварительное сообщение).— В кн.: Из истории Сибири. Вып. 5. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1973.
17. *Хлобыстин Л. П.* Поселение Липовая Курья в Южном Зауралье. Л.: Наука, 1976.
18. *Членова Н. Л.* О природе черкаскульской культуры.— В кн.: VI Уральское архео-

[8] Имеются две даты: 1230±70 и 1070±60 лет до н. э. [5, с. 103].

логическое совещание. Тезисы пленарных и некоторых дискуссионных докладов. М., 1977.
19. *Бадер О. Н.* Неолит Урала.— МИА, 1970, № 166.
20. *Бадер О. Н.* Неолитическое погребение в гроте у каменного кольца на Урале и его аналогии.— В кн.: Проблемы археологии Урала и Сибири. М.: Наука, 1973.
21. *Бибиков С. Н.* Неолитические и энеолитические остатки культуры в пещерах Южного Урала.— СА, 1950, т. XIII.
22. *Берс Е. М.* Позднеолитическое погребение на р. Аять в Среднем Зауралье.— СА, 1976, № 4.
23. *Потемкина Т. М.* Алакульская культура.— СА, 1983, № 2.

N. A. Krutskikh, A. F. Shorin

CHERKASKUL BURIALS IN CHELYABINSK REGION

Summary

The authors describe Berezki V_r and Perevozny I_a burials discovered by them in 1976 in the south Transurals. Simple ground shallow burials were encircled with small stone oval or circular fences. The burial rite is uniform: the dead were placed on their right sides in a crouched position with their arms bent at the elbows and raised to the face and the feet bent at the knees. Eastern orientation predominated. Grave goods are represented by one or two vessels placed at the head of the buried, and occasional bronze artifacts: temple rings decorated with slanting cuts, fluted tubular beads, a needle or an awl. The grave goods refer the burials to the earliest Cherkaskul sites and date them froom the 14th-13th centuries B. C.

ВОЗНЕСЕНСКАЯ Г. А.

МЕТАЛЛООБРАБОТКА НА ПОЗДНЕЛАТЕНСКОМ ПОСЕЛЕНИИ ГАЛЛИШ-ЛОВАЧКА

Успехи полевой археологии, открывшей в последние годы крупнейшие железодобывающие центры рубежа нашей эры на территории Восточной Европы, вновь оживили интерес к истории развития черной металлургии и металлообработки — ведущих ремесел, определяющих технический уровень производства.

Настоящее исследование техники и технологии кузнечного производства завершило тот этап работ по изучению металлообработки у племен лесостепной части Восточной Европы, который хронологически относится к рубежу нашей эры и первой половине I тысячелетия н. э. Вопросы, связанные с металлургией железа и кузнечным ремеслом указанного хронологического периода, важны не только в историко-техническом и социально-экономическом аспектах, не менее интересна проблема формирования производственных традиций как отражение одной из сторон культурного развития восточнославянских племен. Эти проблемы давно привлекли к себе внимание ученых, работающих в области истории древней металлургии железа. Наиболее полно история кузнечного ремесла Европы, в том числе позднелатенского и римского времени, представлена в монографии Р. Плейнера «Древние кузнецы Европы», где автором приведены итоги собственных изысканий и обобщен материал предшествующих исследователей [1].

Общеизвестно, какую значительную роль сыграли в истории Европы многочисленные племена кельтов. Они обогатили европейскую цивилизацию яркими достижениями во многих отраслях производства и культуры, но особенно значительным был их вклад в развитие железоделательного производства и кузнечной техники. Богатство железного инвентаря кельтской культуры, особенно эпохи позднего латена, многочисленные находки кузнечного инструментария, раскопки кузниц и производственных сооружений послужили хорошей базой для изучения кузнечного ремесла кельтов. Наиболее полное представление о развитии техники и технологии дали металлографические исследования кузнечной продукции.

Р. Плейнер обобщил и интерпретировал весь материал о кельтской металлообработке, который был опубликован к 1960 г. Автор исследовал также 18 предметов, преимущественно позднелатенских, происходящих из кельтских памятников на территории Чехословакии. Кузнечная техника латенского периода в Западной Европе (и в частности, техника изготовления оружия) прекрасно представлена многочисленными экземплярами мечей. Наиболее обширное технологическое исследование на основе металлографического анализа провел А. Франс-Ланор, изучивший более 300 клинков кельтских и галло-римских мечей из собрания музеев Франции [2]. Вслед за этой работой Е. Шульц и Р. Плейнер опубликовали результаты исследования еще шести латенских мечей, найденных на территории Центральной Европы [3, с. 38—51]. По материалам, известным к началу 60-х годов, Е. Пясковский написал статью обзорного характера [4, с. 264—268], где высказывает суждения относительно технологии металлообработки у кельтов, аналогичные тем, к которым ранее пришел Р. Плейнер. Опубликованы результаты металлографических исследований кузнечных изделий из оппидума Магдаленсберг, которые позволяют судить о технике получения и обработки железа в Норикуме к моменту завоевания этой области римлянами [5]. В 1971 г. была опубли-

кована работа Р. Шпера о роли металлообработки в хозяйственной структуре оппидума Штейнсберг в Южной Тюрингии, достигшего особого расцвета в эпоху позднего латена [6, с. 486—503]. Одно из главнейших ремесленных производств на поселении составляла обработка железа. Работа, проделанная Р. Шпером, представляется очень важной, так как техника и технология кузнечного производства рассмотрена на основе анализа массового материала, в связи с общей экономической структурой оппидума.

Суммируя результаты изысканий в области кельтской металлообработки, можно наметить некоторые основные положения, которые характеризуют технику и технологию кузнечного производства кельтов.

В латенский период по сравнению с предшествующей эпохой железо использовалось очень широко. В позднелатенский период производительность кельтского кузнечного ремесла возрастает в несколько раз, ассортимент железных изделий увеличивается до 90 наименований по сравнению с 30 видами изделий в гальштаттский период [7, с. 84]. Известны все основные виды кузнечных инструментов, орудий труда сельскохозяйственных и ремесленных, которые почти без изменений сохранились до расцвета средневековья. Что касается техники и технологии изготовления кузнечной продукции, то существуют большие различия в их качестве и мастерстве исполнения даже среди изделий одного вида. С технологической точки зрения кузнечную продукцию кельтов можно разделить на две группы. В первую входят предметы, откованные из железа или очень мягкой, неравномерно науглероженной (так называемой сырцовой) стали, без каких-либо попыток улучшить их рабочие качества. Другую группу составляют изделия, где используется более твердая сталь и применены технологические операции, направленные на улучшение рабочих качеств орудий труда или оружия. В эту группу входят предметы из твердой стали, откованные из пакетного металла, с цементированными лезвиями, термически обработанные; очень редко, но встречаются предметы с вварными или наварными лезвиями.

По данным А. Франс-Ланора, в позднелатенское время очень распространены мечи со сварным клинком (пакетный металл), лезвия которых, возможно, специально науглероживались, а иногда и наварные из твердой стали. В эту же эпоху (между 200 и 100 гг. до н. э.) кельтские кузнецы совершенствуют технику пакетажа и начинают целенаправленно подбирать полосы чистого железа и твердой стали и сваривать их в различных сочетаниях. Так постепенно рождается техника сварочного дамаска — вершина ручной кузнечной ковки [2, с. 315—327]. По мнению исследователей, изготовлением мечей с дамаскированным клинком и наварным лезвием в позднелатенскую эпоху, по-видимому, владели лишь некоторые оружейники. Расцвет эта техника получила в провинциально-римских оружейных мастерских [3, с. 48—49].

Среди позднелатенских кузнечных изделий, исследованных Р. Плейнером, наиболее качественные и совершенные представляют технологию цементации лезвий с последующей закалкой (ножницы, долото и пила из Страдониц); пакетирования металла с последующей цементацией лезвия и закалкой (топор из Страдониц).

Металлографические исследования орудий труда и инструментов из оппидума Магдаленсберг (I в. до н. э.— I в. н. э.) показывают, что местные кузнецы владели процессом цементации, наварки стальных лезвий на железную основу предмета, знали и употребляли закалку стальных лезвий, возможно, использовали также отпуск [5, с. 129—204].

Р. Шпер, исследовавший коллекцию из 80 предметов из Штейнсбурга, пришел к заключению, что в позднелатенское время кузнецы (или металлурги) путем вторичного науглероживания криц, железных полос и полуфабрикатов умели получать твердую сталь. Широко использовалось пакетирование сырья, причем не только путем простого многократного складывания и сварки полос в бруски, но, возможно, и целенаправленным подбором полос с учетом твердости (степени науглероженности). Почти каждое изделие было термически обработано, причем характерна местная

закалка: в закалочную среду погружалась только рабочая часть предмета. Эта закалочная техника хорошо известна в кельтском ремесле позднего латена. Автор исследования отмечает, что в позднелатенское время происходит значительное повышение производительности труда (в среднем на 25%); и, по-видимому, для эпохи позднего латена можно уже говорить о некоторой специализации в кузнечном ремесле [6, с. 486—503].

Таким образом, исследования в области техники и технологии кельтского кузнечного производства, так же как и металлургии, показали, что в период расцвета латенской культуры кельтские ремесленники владели почти всеми производственными процессами и создали основу для дальнейшего развития производства и обработки железа в Средней и Северной Европе.

Кельтское влияние и латенская культура проникли в эпоху расцвета далеко за пределы собственно кельтской территории и способствовали быстрому социально-экономическому развитию соседних племен. Одним из замечательных памятников латенской культуры на восточной окраине кельтского мира является поселение Галлиш-Ловачка, расположенное в окрестностях г. Мукачева Закарпатской области. Поселение получило широкую известность прежде всего благодаря удивительной по богатству коллеции железных изделий, в основном орудий труда и ремесленных инструментов. Материалы, связанные с металлообрабатывающим производством, позволяют отнести Галлиш-Ловачку к одному из крупнейших ремесленных центров Средней Европы II—I вв. до н. э., продукция которого распространялась далеко за границы поселения [8, с. 107—121; 9, с. 92—143; 10].

Сырьевой базой для ремесленного поселения Галлиш-Ловачка служила продукция синхронного Новоклиновского металлургического центра, расположенного на расстоянии 30 км от Галлиш-Ловачки. Следы железодобычи обнаружены и на самом поселении, но она не была сколько-нибудь значительной и не могла, естественно, обеспечить металлом кузнечные мастерские. Кузнецы Галлиш-Ловачки получали сырье, по-видимому, в виде грубых горновых криц, которые подлежали дальнейшей кузнечной проковке для подготовки к собственно кузнечной работе [10, с. 134—135].

Специализация поселений по железодобыче и железообработке соответствует социально-экономическому уровню развития латенской культуры в эпоху ее расцвета, а многочисленные находки железных полуфабрикатов разных форм в латенских древностях свидетельствуют о широкой торговле железом.

Об уровне технического развития и характере кузнечного производства Галлиш-Ловачки можно судить прежде всего по наличию производственных сооружений, кузнечного инструментария, разнообразной и многочисленной продукции, необходимой не только для жителей поселения, но и явно предназначенной для продажи. К сожалению, отсутствие четкой научной документации раскопок не позволяет установить количество кузниц на поселении. Помимо несомненной кузницы в жилище № 3 их было на поселении, по-видимому, еще, как минимум, две. О существовании нескольких мастерских прежде всего свидетельствует ассортимент кузнечных инструментов: наковальни представлены в коллекции Галлиш-Ловачки шестью экземплярами, молоты-кувалды — двумя, молотки-ручники — пятью. Найдены также кузнечные клещи, пробойник, три кузнечных зубила [10, с. 35; 9, с. 105—107].

Основные виды кузнечной продукции из Галлиш-Ловачки представлены земледельческими орудиями труда, инструментами ремесленников, орудиями домашних промыслов и бытовыми предметами, оружием и предметами конского снаряжения [9, с. 105—107].

Для технологического изучения отобрана коллекция в 137 образцов. Металлографически исследовано: 11 наральников, 11 серпов, 8 кос, 2 зубила, 1 пробойник, 24 топора, 5 тесел, 4 долота, 2 стамески, 3 ножа-секача, 8 кухонных ножей, 2 ножа для обработки кожи, 6 шильев, 2 ножниц, 40 разнообразных изделий, связанных с домашним обиходом

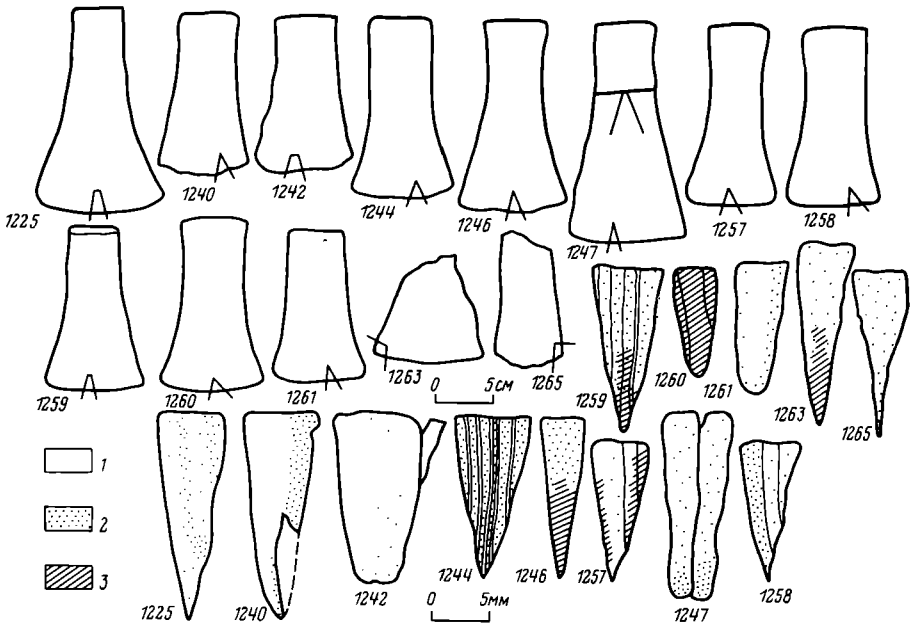


Рис. 1. Технологические схемы изготовления втульчатых топоров. Номера схем соответствуют номеру анализа конкретного предмета. *1* — железо; *2* — сталь; *3* — термически обработанная сталь

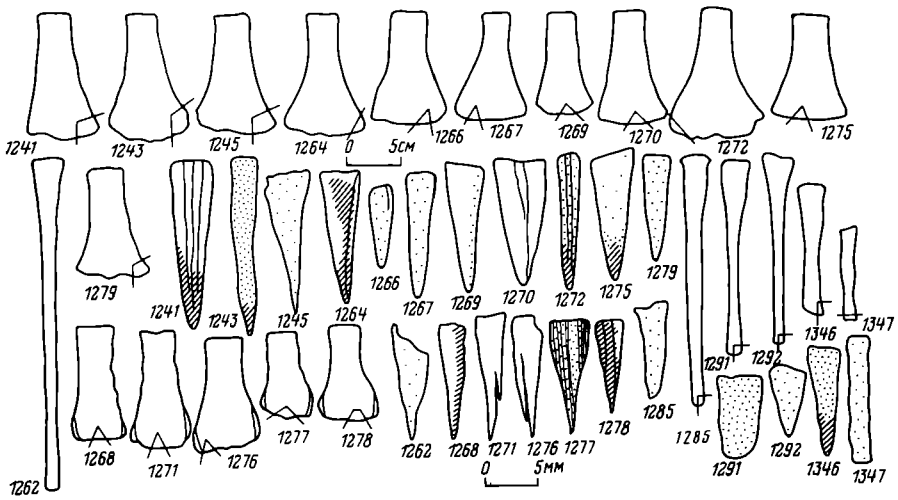


Рис. 2. Технологические схемы изготовления втульчатых топоров, тесел, долот (условные обозначения см. рис. 1)

и хозяйственной деятельностью (всевозможные стержни, оковки, крючки, пешни и т. п.), 8 наконечников копий.

Не имея возможности в настоящем издании дать подробную технологическую характеристику всем изученным изделиям, обратимся сразу к итогам проведенного исследования, проиллюстрировав рисунками технологические схемы изготовления основных групп кузнечной продукции (рис. 1—5).

Прежде всего можно судить о качестве исходного сырья. Кузнецы Галлиш-Ловачки имели в своем распоряжении кричное железо и сырцовую сталь, полученную непосредственно в металлургическом горне, преимущественно мягкую, отличающуюся неравномерным содержанием и распределением углерода; высокоуглеродистую сталь, полученную путем дополнительной цементации, и пакетный металл, полученный своеобразной кузнечной обработкой железного полуфабриката. Металл, как правило, очень хорошо прокован, содержит незначительное количество шлака.

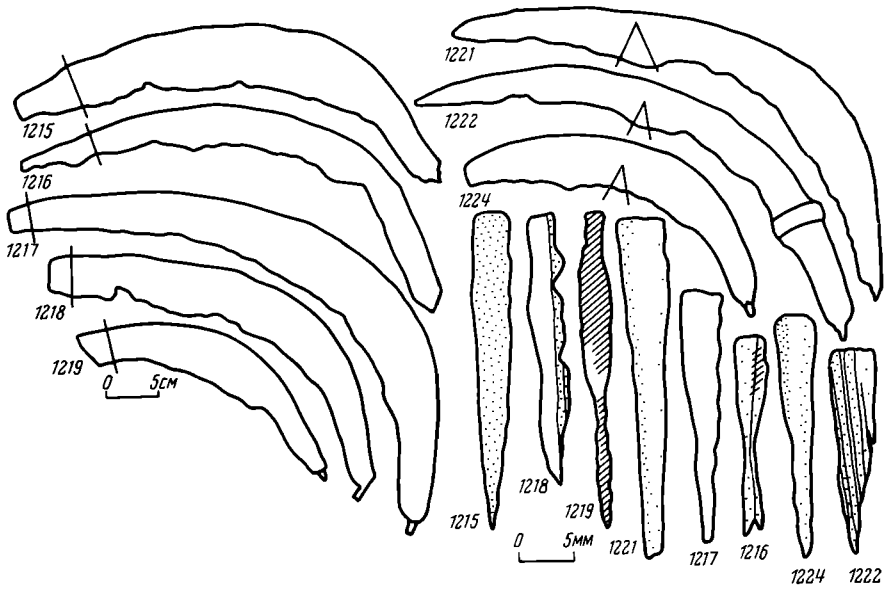


Рис. 3. Технологические схемы изготовления кос

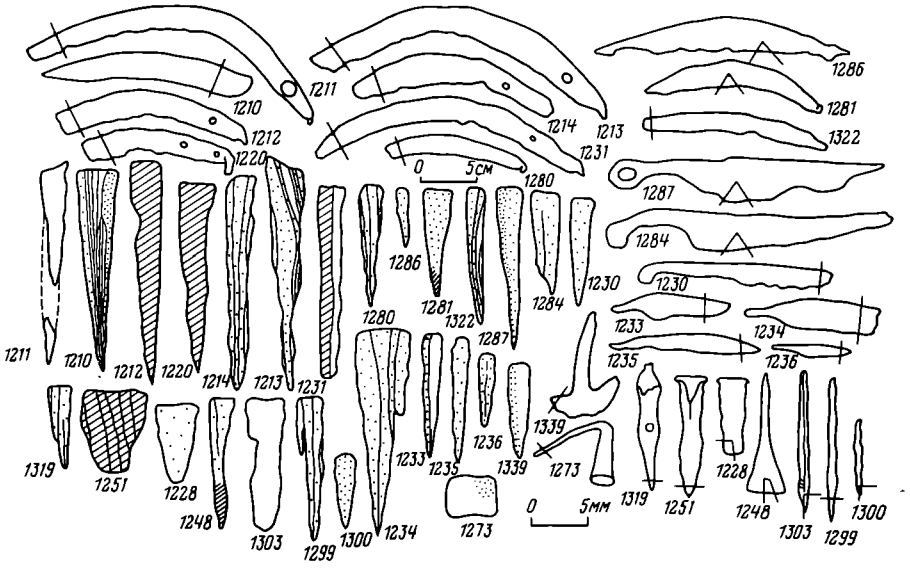


Рис. 4. Технологические схемы изготовления серпов, ножей, инструментов

Это обстоятельство свидетельствует не только о высоком мастерстве кузнецов в области ковки металла вгорячую, но, вероятно, может служить определенной характеристикой как процесса обработки горновой крицы для получения товарного полуфабриката железа, так и самого характера металлургического процесса [11].

В совершенстве владея всеми операциями свободной ковки металла, кельтские кузнецы придавали изделию любую конструктивную форму, создавая поистине произведения художественной ковки. К такого рода изделиям в Галлиш-Ловачке можно отнести железные пояса разной формы и назначения, железные цепочки, поясной крючок-застежку, фибулы и др. [9, с. 124—126]. Пропзводство многих предметов сложной конфигурации требует применения кузнечной сварки металла. Обычно кузнечная сварка производилась с металлом одинакового состава, но некоторые изделия показывают, что технически процесс сварки мягкого железа с твердой сталью был уже освоен местными кузнецами.

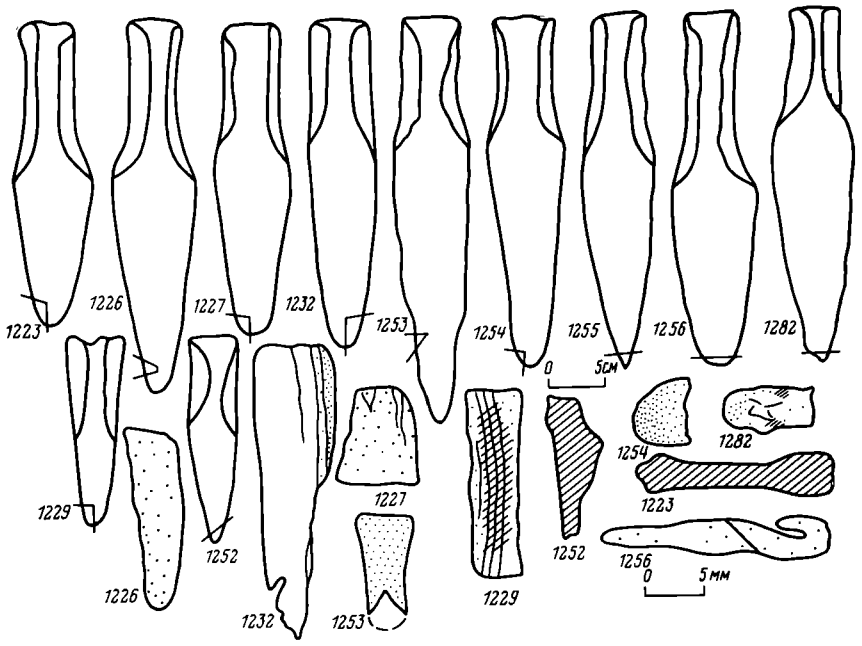


Рис. 5. Технологические схемы изготовления наральников

Выше говорилось о том, что исследователи, изучавшие технику и технологию кельтского кузнечного производства, отмечали, что кельтские кузнечные изделия по технологическим признакам можно разделить на две основные группы. К одной можно отнести предметы, откованные из железа или мягкой стали, без дополнительных технологических операций, направленных на улучшение рабочих качеств изделия. Другую группу составляют те предметы, при изготовлении которых мастер целенаправленно использовал приемы кузнечной техники и технологические операции, которые непосредственно связаны с задачей улучшения качеств исходного сырья и повышения эксплуатационных возможностей изделия.

Естественно, что простые изделия бытового назначения ремесленники из Галлиш-Ловачки ковали либо из железа, либо из мягкой сырцовой стали, не используя никаких других технологических операций, кроме приемов свободной ковки. Эти предметы при их металлографическом изучении дают информацию лишь о степени совершенства ковки вгорячую. Когда же ставится цель определить, сколь характерны для позднелатенского кузнечного производства такие операции, как цементация, наварка стальных лезвий, термообработка, которые свидетельствуют о практическом овладении сталью, имеет смысл оперировать только той частью кузнечной продукции, где наличие этих технологических особенностей диктуется функциональным назначением изделия. Этих так называемых качественных кузнечных изделий, изучено 97 — орудий труда, инструментов, предметов вооружения. Около половины из них (47%) представляют простейшую технологию изготовления: откованы вгорячую из железа или сырцовой стали. Лишь в некоторых случаях встречается термическая обработка — закалка поковок. Среди таких изделий находим разные виды: косы, серпы, наральники, топоры, тесла, долота, ножи, зубила и все изученные наконечники копий. Ни одно копье не имеет следов термообработки.

Более половины изученных качественных изделий откованы либо из металла, предварительно прошедшего специальную обработку, повысившую его механические свойства (высокоуглеродистая сталь, пакетный металл), либо во время их изготовления использовались определенные технологические приемы, улучшавшие рабочие качества инструментов (локальная цементация, наварка стального лезвия).

Цементация, т. е. процесс насыщения углеродом мягкого железа для получения стали, широко употреблялась мастерами Галлиш-Ловачки: около $^1/_3$ качественных кузнечных изделий откованы с применением этой древнейшей технологической операции, известной в кузнечном производстве с самого начала железного века. Цементировались насквозь железные заготовки для получения хорошей высокоуглеродистой стали, использовалась также локальная (на рабочей части изделия) поверхностная цементация с целью создания твердого стального слоя. Часто науглероживалось лезвие инструмента (локальная сквозная цементация). Локальная цементация (сквозная или поверхностная) отмечена на таких изделиях, как топоры, тесла, долота, ножи, наральники (рис. 1, 1240, 1246, 1257, 1247, 1259, 1260; рис. 2, 1241, 1243, 1264, 1268, 1272, 1275, 1346; рис. 4, 1248, 1281, 1287, 1339). Цементацию лезвий серпов и кос практически осуществить трудно из-за длины и изогнутой формы клинка. Она, вероятно, и не употреблялась в данном случае. Однако встречены и серпы, и косы, откованные из заготовок металла, предварительно цементированных для получения однородной высокоуглеродистой стали.

Четвертая часть рассматриваемых изделий (24 предмета) откована из пакетного металла. В пакет соединены при помощи кузнечной сварки полосы железа и мягкой стали, иногда полосы железа и стали с повышенным содержанием углерода или полосы только железа, или стальные полосы с разной степенью науглероженности.

Наличие в изученной коллекции пакетных структур, полученных путем сварки двух полос металла: железной и стальной, с выходом стальной полосы на лезвие инструмента, а также сварка в пакет железных полос и полос высокоуглеродистой стали заставляет предположить сознательный подбор полос металла разного качества при изготовлении конкретных изделий (рис. 1, 1258; рис. 4, 1210, 1214, 1231, 1233; рис. 3, 1218, 1222; рис. 5, 1232). В одном случае серп (ан. 1210) откован из пакетной заготовки, состоящей из полос железа со слабой науглероженностью, и с одного бока клинка наварена полоса высокоуглеродистой стали. В данном случае мы фиксируем не только целесообразность подбора полос металла в пакете, но с некоторой долей вероятности предполагаем как самостоятельный технологический прием боковую наварку высококачественного стального лезвия на основу клинка серпа.

Пакетный металл употреблялся при ковке разных категорий изделий — наральников, серпов, кос, ножей, топоров, тесел, пробойников, зубил. Однако чаще всего мы наблюдаем использование пакета при производстве втульчатых топоров. Примечательно, что только у втульчатых топоров встречена следующая технологическая схема изготовления: ковка топора из пакетного металла с дополнительной цементацией лезвия и его закалкой (рис. 1, 1259; рис. 2, 1241, 1272).

Кузнецы Галлиш-Ловачки были хорошо знакомы с процессом тепловой обработки поковок: около $^1/_3$ качественных кузнечных изделий были термообработаны. Чаще всего использовалась резкая закалка изделий, встречается мягкая закалка, закалка с отпуском. Широко применялась местная закалка: в воду погружалось, например, только острие лезвия. Эта закалочная техника, как считает Р. Шпер, господствовала в кельтском кузнечестве в эпоху позднего латена [6, с. 495]. Удивительно, что часто калилось лишь острие лезвия у серпов: как ремесленник справлялся с такой задачей при изогнутом клинке серпа, можно лишь гадать. Однако далеко не все изделия, термообработка которых технологически целесообразна и сталь которых могла практически ее воспринять, были термообработаны.

На первый взгляд кузнечная продукция из Галлиш-Ловачки демонстрирует разнообразие как в качестве сырья, так и в технике изготовления, что характерно, по мнению исследователей, вообще для кельтской металлобработки [1, с. 95, 235]. Однако при массовом металлографическом изучении серий предметов можно выделить несколько основных технологических признаков, наиболее характерных для продукции из куз-

ниц Галлиш-Ловачки: 1) совершенное владение техникой пластической обработки металла в горячем состоянии, что, в частности, выражается в тщательном освобождении железа от шлаковых включений и в отсутствии следов перегрева металла при ковке; 2) широкое использование определенной системы обработки сырья, приводящей к получению пакетного металла; 3) основной технологический прием для улучшения рабочих качеств инструментов — цементация изделий и железных полуфабрикатов; 4) активное использование термической обработки поковок. Все варианты технологических схем изделий из Галлиш-Ловачки связаны с употреблением перечисленных приемов. Причем следует отметить стабильное сочетание технологических приемов в одном изделии: цементации и закалки рабочей части; пакета и закалки; пакета, цементации и закалки. Такое устойчивое сочетание нескольких технологических операций, направленных на улучшение рабочих качеств изделия, встречается у наиболее ответственных инструментов — у топоров-кельтов, пробойников, тесел, долот.

Следует признать, что ремесленники этого производственного центра не употребляли, по-видимому, техники наварки стальных лезвий на железную основу инструмента, которая была известна кельтскому кузнечному ремеслу. Инструменты с наварными стальными лезвиями известны из раскопок оппидума Магдаленсберг [5, с. 129—204]. Е. Пясковский исследовал косу с вварным стальным лезвием из Выценже под Краковом [12, с. 7—98]. Однако наварка стальных лезвий на рабочую часть орудий была редким приемом. Во всяком случае, среди 80 кузнечных изделий из Штейнсбург-оппидума, исследованных металлографически, также не обнаружено наварки высокоуглеродистых лезвий [6, с. 495]. Впрочем, на огромной территории, занятой кельтами, существовали, вероятно, многочисленные производственные центры, технологические традиции и уровень специализации которых в области металлообработки могли значительно отличаться.

Несомненно, что кузнечное ремесло, являясь основной формой производственной деятельности жителей поселения Галлиш-Ловачка, в своем развитии достигло того этапа, сущность которого определяется товарностью ремесленного производства. Ведь комплекс кузнечных изделий из поселения и особенно такие находки, как связка кос, приготовленных для торговых операций, косы, серпы и топоры, не бывшие в употреблении и не имеющие следов эксплуатации, наглядно свидетельствуют об изготовлении продукции на продажу. О несомненной торговле продукцией кузнечных мастерских Галлиш-Ловачки свидетельствует находка в жилище № 3 (кузнице) серебряных тетрадрахм, а также сам факт чеканки на поселении собственной монеты [10, с. 35, 140].

Для товарного хозяйства характерна специализация различных производств, особенно заметная в области обработки металлов. Кузнечное ремесло Галлиш-Ловачки отделилось от железодобывающей промышленности, сконцентрированной в другом крупном производственном центре Закарпатья эпохи позднего латена — Новоклинове. Есть данные, что обработка цветных металлов также выделилась в самостоятельную отрасль ремесла [10, с. 139].

В железном инвентаре поселения помимо ремесленного инструментария, связанного с обработкой металлов, и изделий бытового назначения превалируют находки сельскохозяйственных орудий труда, различные виды которых исчисляются десятками экземпляров. Вероятно, кузнечные мастерские Галлиш-Ловачки специализировались на изготовлении орудий труда для земледельческих хозяйств. Масштабы производства позволяют считать, что эта продукция удовлетворяла не только потребности местных племен, но шла на широкий межплеменной рынок [10, с. 138, 148—149]. О более узкой специализации говорить не приходится, так как ни археологический материал, ни данные технологических исследований не позволяют осветить этот вопрос. В основном простые технологические решения позволяли мастерам выпускать продукцию дешевую и в большом количестве, что и требуется при сбыте товара на широкий

рынок. Это не означает, что изжила себя другая, более архаичная форма производства — изготовление изделий по заказу непосредственного потребителя. Но основная масса готовых изделий шла не только на продажу местным племенам Закарпатья, но, возможно, и дальше, так как эта территория в последних веках до нашей эры была в сфере кельтского экономического рынка. Естественно, что такая форма сбыта должна была быть организованной; возможно, она осуществлялась при помощи посредников — торговцев-скупщиков.

Определение технологических особенностей кузнечного производства разных археологических культур не является самоцелью в исследованиях древнего металла. Наличие сравнительного материала позволяет ставить вопрос о путях сложения производственных традиций в области обработки железа. В этом плане аналитический материал из Галлиш-Ловачки, отражающий технологические особенности восточнокельтского кузнечного ремесла эпохи позднего латена, представляется чрезвычайно важным. Он дает основание рассматривать проблему возможного влияния традиций кельтской металлообработки на производственную деятельность племен рубежа и первой половины нашей эры на территории украинской лесостепи, в материальной культуре которых археология фиксирует контакты с кельтским миром или возрождение кельтских традиций.

С этой целью составлена технологическая характеристика кузнечного производства для археологических культур интересующего нас времени и региона. Были суммированы данные технологических исследований кузнечной продукции культур зарубинецкой, пшеворской, черняховской, проведенные автором и другими исследователями [13—16]. Кроме того, новый аналитический материал получен благодаря изучению 60 предметов из раскопок восточнопшеворских памятников Верхнего Поднестровья, липицкой культуры, культуры карпатских курганов и типа Поянешты-Лукашевка.

Исследования показали, что технический уровень зарубинецкого кузнечного ремесла стоит, в сущности, на той ступени развития технологии обработки железа, которая ограничивается приемами свободной ковки металла в горячем состоянии. Однако некоторые технологические особенности, отмеченные в нескольких случаях в изделиях среднеднепровской группы зарубинецкой культуры (цементация лезвий инструментов с последующей их местной закалкой, пакетирование сырья) позволяет сближать их с устойчивыми традициями латенской металлообработки. Что касается технологии железообработки на памятниках верхнеднепровской и полесской групп зарубинецкой культуры, то она несколько отличается от среднеднепровских. Кажется, что при более высоком уровне мастерства в области пластической обработки металла вгорячую, технологически она более примитивна, и в этом плане особенности металлообработки данного региона зарубинецкой культуры несколько сближают ее с техническим уровнем кузнечного производства германских культур позднелатенского времени и оксывской культуры в Польше [17]. Не менее актуальная проблема возможного влияния традиций высокоразвитой скифской железообработки на кузнечное производство населения украинской лесостепи рубежа и начала I тысячелетия н. э. требует пристального рассмотрения, но пока не находит своего решения. Наиболее характерные особенности скифской металлообработки — широкое использование высокоуглеродистой стали, цементации и целенаправленной сварки железа и стали в одном предмете (наварки стальных лезвий) [18, 19]. Именно этих приемов, определяющих лицо скифской технологии обработки железа, не знает кузнечное производство зарубинцев.

Технологическая характеристика кузнечной продукции пшеворской культуры составлена в основном по итогам изучения Е. Пясковским более 300 предметов. Согласно его данным, основной технологический прием пшеворских кузнецов — горячая кузнечная ковка. Искусство пластической деформации металла в горячем состоянии при помощи приемов свободной ковки достигло совершенства. Некоторые стальные изделия, найденные на поселениях и сохранившие структуру закалки, свидетель-

ствуют о том, что кузнецы в практике работы использовали термообработку. Е. Пясковский полагает, что кузнецы пшеворских племен не применяли цементации для улучшения рабочих качеств орудий труда. Исключение составляет лишь небольшой район окрестностей Кракова и Новой Гуты в Южной Польше, где использование цементации изделий в сочетании с последующей их закалкой было известно еще на позднекельтских поселениях (Выценже, Нова Гута), и эта, по-видимому, кельтская технологическая традиция сохранилась в этом районе на поселениях пшеворской культуры позднеримского времени — Иголоми, Зофиполе, Новой Гуте, Могиле [20, с. 18—23; 21]. Технологии сварки железа и высокоуглеродистой стали в одном изделии (как основы технологической схемы) кузнечное ремесло пшеворцев практически не знает. Единичные вещи, изготовленные в такой технике и найденные на пшеворских памятниках,— импортного происхождения [17, 22—24].

В последнее время в лаборатории ИА АН УССР проведено металлографическое изучение серии кузнечных изделий (30 экз.) из пшеворских памятников, относящихся к восточному ареалу распространения культуры: могильники у с. Звенигород и с. Гринев, поселения Подберезцы и Сокольники Львовской области. Технологическая характеристика этой группы изделий почти идентична той, которая присуща кузнечной продукции пшеворских племен на территории Польши. Но все же следует заметить, что кузнецы восточнопшеворских поселений чаще применяли термообработку изделий (7 закаленных стальных предметов из 30 исследованных), чаще работали с пакетным металлом (технику пакетирования сырья представляют 5 изделий из 30). По-видимому, локальная цементация изделий из железа не свойственна кузнечной технике пшеворцев. Но все же среди кузнечной продукции пшеворских ремесленников встречаются изделия из высокоуглеродистой стали. Они есть в сериях, исследованных Е. Пясковским, встречены и в коллекции восточнопшеворского металла. Получение массы однородной высокоуглеродистой стали при сыродутном способе производства связано с необходимостью дополнительного науглероживания железного полуфабриката (цементацией). Изготовление поковок из твердой стали косвенным образом связано с техникой цементации, которой владели, вероятно, далеко не все мастера.

Наконечник стрелы из Подберезцев откован с использованием технологии наварки из высокоуглеродистых стальных шипов пера стрелы на железный стержень, противоположный конец которого был раскован и из него свернута втулка. Этот технологический прием, не свойственный ремеслу пшеворцев, встречается у кельтов и составляет основу технологии провинциально-римского кузнечного производства. Думается, что эту находку можно связать с провинциально-римским импортом.

Таким образом, в формировании производственных традиций металлообработки пшеворской культуры проявляется влияние кельтской технологии обработки железа, особенно заметное в позднеримское время. Влияние это наиболее ощутимо не только в некоторых районах Южной Польши, где наиболее теснными были контакты кельтских племен с пшеворской цивилизацией, но и в восточных районах распространения пшеворских племен на территории Прикарпатья. Основная же линия развития технологии обработки железа пшеворской культуры связана с производственными традициями местного населения северо-западных и центральных районов Польши. Во всяком случае, технологические характеристики кузнечных изделий культур пшеворской, оксывской, ясторфской эпохи позднего латена и раннеримского времени (северо-запада Польши и северо-востока ГДР) почти идентичны, за исключением химического состава, где существенную разницу составляет содержание фосфора, что является отражением различных рудных источников [18].

По данным Е. Пясковского, технологическая характеристика более древнего металла на территории Польши (лужицкая культура на последних этапах ее существования) также близка вышеупомянутым [18, с. 204].

В лаборатории Института археологии АН УССР проведено металлографическое изучение около 30 изделий из раскопок памятников типа Поянешты-Лукашевка, культур липицкой и карпатских курганов, относящихся к тому кругу культур позднелатенского времени и рубежа нашей эры, в которых нашли свое отражение контакты и взаимовлияния местного населения с соседними разноэтничными племенами.

Изучение 7 серпов из клада в жилище № 3 поселения Круглик Хотинского р-на Черновицкой обл. показало, что три из них откованы из пакетной заготовки, состоящей из полос железа и мягкой стали. Если принять во внимание наблюдение исследователей об определенной связи лукашевских памятников с кельтским миром и в частности с латенской металлургической традицией [25, с. 92], то наличие в кузнечной продукции лукашевских племен пакетного металла — столь характерной особенности позднекельтской металлообработки — можно рассматривать как сохранение кельтских традиций.

Исследователь липицких древностей в Верхнем Поднестровье В. Н. Цигилик полагает, что навыки в железообработке липицкое население, этнически родственное дакам, принесло с собой из Дакии [26, с. 133—134], где расцвет культуры и ремесла в значительной степени обязан тесным контактам с античной цивилизацией и кельтским миром. Исследование шести кузнечных изделий из липицких поселений Ремезовцы и Майдан Гологирский позволили заключить, что мастерством кузнечной ковки металла в горячем состоянии ремесленники липицкой культуры владели в совершенстве. Широко использовался пакетный металл, получение которого связано с кузнечной сваркой в блок железных или слабонауглероженных пластин. В принципе кузнецы технически могли осуществить сварку железа с твердой сталью,— об этом свидетельствует технология изготовления напильника из жилища 17 поселения Ремезовцы, откованного из пакетного металла, в котором соединены в блок полосы железа и высокоуглеродистой стали. По-видимому, владели они и техникой цементации,— изделия из высокоуглеродистой стали указывают на такую возможность. Используется закалка поковок.

Технологию кузнечного производства населения Верхнего Потисья, принадлежащего к одной из групп северофракийской этнической общности, представляют исследования железных предметов из раскопок могильников Братово, Иза-1. Изучение даже небольшого количества изделий культуры карпатских курганов позволило определить, что кузнецы местных племен, в совершенстве владея техникой ковки железа и стали в горячем состоянии, были знакомы также с операцией цементации, пользовались пакетированием сырья, владели термообработкой.

В позднеримскую эпоху наиболее яркой и своеобразной группой древностей Восточной Европы были памятники черняховской культуры. Уровень развития производительных сил в области металлургии и металлообработки черняховского общества был предметом специального исследования, выполненного на основе технологического изучения кузнечной продукции [27, с. 8—49]. Исследования выяснили, что в технологическом отношении черняховское кузнечное производство имеет много общего с металлобработкой других варварских культур римской эпохи. Широкое использование таких технических приемов, как поверхностная и сквозная цементация изделий и заготовок, пакетирование сырья, термическая обработка, а также устойчивое сочетание технологических приемов в изготовлении одного предмета, а именно пакетирования, цементации и закалки, восходят к традициям кельтского кузнечного производства. Эти производственные традиции в кузнечном ремесле черняховской культуры проявляются особенно наглядно. Возможно, что определенным образом сказалось также влияние высокой кузнечной техники провинциально-римского мира, где кузнечное ремесло достигло исключительного расцвета.

Установленный факт существования кельтских технологических традиций в кузнечном ремесле культур рубежа и первых веков нашей эры, разумеется, не раскрывает полностью сложной картины формирования

производственного опыта у населения первой половины I тысячелетия н. э. на территории украинской лесостепи. Один из важных аспектов этой темы — вклад скифо-сарматской техники, также во многом связанной с древнегреческим наследством, ждет своего пристального рассмотрения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Pleiner R.* Staré evropské kovářstvi. Praha, 1962.
2. *France-Lanord A.* La fabrication des épees de fer Gauloises.— Rev. d'histoire de la sidérurgie. T. V. Nancy, 1964.
3. *Schulz E. H., Pleiner R.* Untersuchungen an klingen eiserner Laténschwerter.— Technische Beiträge zur Archäologie. T. II. Mainz, 1965.
4. *Piaskowski Y.* Technologia żelaza i stali u starożytnych celtów.— Z otchlani wieków, 1965, t. XXXI.
5. *Schaaber O.* Beiträge zur Frage des norischen Eisens. Metallkundliche Grundlagen und Untersuchungen an Funden vom Magdalensberg.— Carinthia, 1963, t. I, № 153.
6. *Spehr R.* Die Rolle des Eisenverarbeitung in der Wirtschaftsstruktur des Steinsburg-oppidums.— Archeologické rozhledy, 1971. № 4.
7. *Pleiner R.* Eisenschmiede im frühmittelalterlichen Zentraleuropa. Die Wege zur Erforschung eines Handwerksweiges.— Frühmittelalterliche Studien. B. 9. B.— N. Y., 1975.
8. *Брайчевський М. Ю.* До історії обробки заліза населенням Східної Європи в кінці I тисячоліття до н. е.— В кн.: Нариси з історії техніки. Вип. 2. Київ, 1955.
9. *Бідзіля В. І.* Поселення Галліш-Ловачка.— Археологія, 1964, № XVII.
10. *Бідзіля В. І.* Історія культури Закарпаття на рубежі нашої ери. Київ, 1971.
11. *Колчин Б. А.* Металлургия и металлообработка в Древней Руси.— МИА, 1953, № 32.
12. *Piaskowski Y.* Metaloznawcze badania zabytków archeologicznych z Wyciaża, Ygolomi, Yadownik Mokrych i Piekar.— Studia ż dziejów gornictwa i hutnictwa, 1958, t. II.
13. *Барцева Т. Б., Вознесенская Г. А., Черных Е. Н.* Металл черняховской культуры.— МИА, 1972, № 187.
14. *Гопак В. Д., Хавлюк П. І.* Технологія обробки заліза у зарубинецьких племен Південного Побужжя.— Археологія, 1972, № 6.
15. *Piaskowski Y.* The Achievement of Research Carried out in Poland on the History of Early Technology of Iron.— Archaeologia Polona, 1970, t. XII.
16. *Пясковский Е.* Металловедческие исследования древних железных предметов, найденных на польских землях.— Вопр. истории естествознания и техники, 1972, № 2/39.
17. *Piaskowski Y.* Metallkundliche Untersuchungen an archäologischen Eisengegenständen der vorrömischen Eisen und der römischen Kaiserzeit aus dem Nordosten der DDR.— Ethnografisch-archäologisch, 1969, H. 3.
18. *Шрамко Б. А., Солнцев Л. А., Фомин Л. Д.* Техника обработки железа в лесостепной и степной Скифии.— СА, 1971, № 4.
19. *Шрамко Б. А., Фомин Л. Д., Солнцев Л. А.* Новые исследования техники обработки железа в Скифии.— СА, 1971, № 4.
20. *Piaskowski Y.* Metaloznawcze badania zabytków archeologicznych z Wyciaza, Ygolomi, Yadownik Mokrych i Piekar.— Studia z dziejów górnictwa i hutnictwa. 1958, t. II.
21. *Piaskowski Y.* Metaloznawcze badania przedmiotow zelaznych z osady w Nowej-Hucie-Mogile z okresu rzymskiego.— Materialy starożytne, 1964, t. X.
22. *Piaskowski Y.* Metaloznawcze badania starożytnych przedmiotów zelaznych z dorzecza Pripecy, Dnestru i Bugu.— Materialy archeologiczne, 1967, t. VIII.
23. *Piaskowski Y.* Metaloznawcze badania wyrobów żelaznych z cmentarzysk Wielkopolski z okresu wplywów rzymskich.— Fontes archaeologici Posnanienses, 1961, v. XII.
24. *Piaskowski Y.* Niekotore dziwerowane miecze rzymskie na ziemiach Polski.— Z otchlani wieków, 1965, № 1.
25. *Романовская М. А.* Об этнической принадлежности населения, оставившего памятники типа Лукашевка.— МИА, 1969. № 150.
26. *Цигилик В. М.* Населення Верхнього Подністров'я перших століть нашої ери. Київ: Наук. думка, 1975.
27. *Барцева Т. Б., Вознесенская Г. А., Черных Е. Н.* Металл черняховской культуры.— МИА, 1972, № 187.

G. A. Voznesenskaya

METALWORKING IN GALLISH-LOVACHKA SETTLEMENT

Summary

Gallish-Lovachka, a settlement in the vicinity of Mukachevo, Transcarpathian Region, is one of the remarkable sites of the late La Tené period on the eastern fringes of the Celtic world. Materials related to metalworking permit to consider it a most significant centre of handicrafts in Central Europe in the 2nd-1st centuries B. C.

The author has conducted metallographic investigations of the main types of forged products from the shops of Gallish-Lovachka thus determining technological peculiarities and techniques of the late La Tené East Celtic metalworking. One hundred and thirty-seven objects were studied, 97 of them being high-quality forged products: land-tilling implements, tools, objects of every-day use and weapons.

Basic technological chracteristics were singled out: 1. high techniques of hot forging, 2. wide use of special processing methods to obtain faggots, 3. carburising of finished and semi-finished products with the aim of improving working characteristcs, 4. wide use of heat treatment. It should be mentioned that a stable technological pattern was used: faggoting, carburising and hardening.

The author has set herself an aim of establishing the degree of Celtic influences on the production activities of the tribes whose material culture reveals contacts with the Celtic world at the turn and first half of the 1st millennium A. D.

ЛЕОНТЬЕВ А. Е.

НОВЫЕ ДАННЫЕ О КОСТРОМСКИХ КУРГАНАХ

Понятие «костромские курганы» указывает не только на географическое положение памятников в бассейнах мелких притоков Волги в районах Костромы, Плеса, Нерехты. Их отличает ряд особенностей в погребальном обряде и инвентаре захоронений, не свойственных погребальным памятникам других территорий древней Руси. Появление курганных групп отразило процесс освоения Поволжья древнерусскими поселенцами в конце XI—XIII вв. и как следствие этого этническую пестроту населения края [1, 2].

Источниковедческой базой для изучения костромских курганов служат материалы 1,5 тыс. исследованных насыпей. Большинство из них раскопано в 90-е годы прошлого века. Последние раскопки проводились более 50 лет назад [3]. Относительно хорошее состояние коллекций, сохранившиеся отчеты и опубликованные дневники И. Миловидова [4], Н. М. Бекаревича [5], Ф. Д. Нефедова [6] позволяют плодотворно использовать старые источники и в современных исследованиях [7, 8]. Однако лаконичность отчетов и неполнота коллекций не дают полной информации. Нет данных по стратиграфии насыпей, отсутствуют чертежи, почти неизвестна керамика.

Вернуться к полевому изучению уже известных могильников невозможно: авторы наиболее масштабных работ — Н. М. Бекаревич и Ф. Д. Нефедов, как правило, раскапывали все насыпи в группах, причем часто на снос. Разведки последних лет показали, что вероятность нахождения новых, еще неизвестных памятников очень мала. Одним из немногих исключений, явились уцелевшие курганы у дер. Коряково близ Костромы. В 1976—1978 гг. группа была полностью раскопана.

Курганы располагались на краю надпойменной террасы правого берега р. Волги в 1,5 км северо-восточнее деревни. Судя по растительности, здесь еще несколько десятилетий назад был лес, благодаря чему сохранился могильник.

Группа насчитывала 20 насыпей, разделенных на две части — западную и восточную. В первой насчитывалось 7 курганов, во второй — 12. Топографическим центром группы являлся еще один курган (№ 2) — единственный не содержавший захоронения, однако по внешним признакам не отличавшийся от остальных насыпей.

Курганы копались на снос с вскрытием окружающей их поверхности. Рядом стоящие курганы попадали в пределы одного раскопа, что благодаря общим для насыпей бровкам позволило в некоторых случаях определить относительную хронологию захоронений. В результате раскопок была исследована большая часть поверхности могильника (рис. 1).

Погребальный обряд

Каждая насыпь содержала одно захоронение. Данные по всем раскопанным курганам приведены в табл. 1. Ниже дается пояснение отдельным выделенным элементам обряда, отражающим как конструктивные особенности погребений, так и зафиксированные детали похоронного ритуала.

1. Форма насыпей. В 17 случаях из 20 зафиксирована овальная насыпь, вытянутая по линии С—Ю. Все исключения (курганы 1, 5, 20) объясняются плохой сохранностью насыпей. Нет никакой уверенности в том, что им была специально придана круглая в плане форма. Наблю-

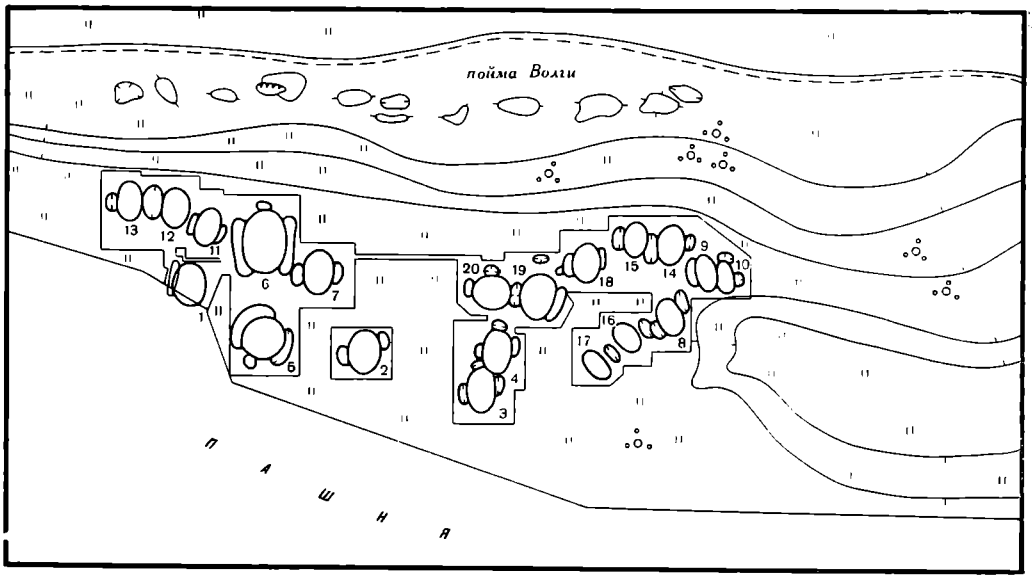


Рис. 1. План курганной группы у дер. Коряково

дения, сделанные при раскопках, заставляют предполагать, что истинная форма насыпей была даже не овальной, а прямоугольной. Это подтверждается наличием деревянных конструкций и в отдельных случаях стратиграфией насыпей.

2. **Ровики.** Традиционными для всех курганов были два боковых ровика с востока и запада, примыкавшие к полам насыпи. Единственный ровик кургана 1 объясняется скорее всего неполными раскопками[1]. Курган 9 был насыпан одновременно с соседним курганом 10, поэтому для восточного ровика не было места. У позднего кургана 17 следы второго ровика с юго-западной стороны прослеживаются, но нечетко.

В пяти случаях зафиксированы дополнительные ровики с севера у подножия и однажды — с юга. Но эти ровики малых размеров, мелкие и заметны только на уровне материка. Форма ровиков овальная, иногда серповидная вдоль полы насыпи.

3. **Размеры насыпей.** По своим параметрам курганы единообразны (см. табл. 1). Размерами выделялись лишь насыпи 5 и 6, высота которых достигала 0,7 м, в поперечнике — 8 м. Они же отличались самыми крупными и глубокими ровиками. Некоторые курганы в юго-восточной части были настолько низкими, что на поверхности прослеживались с трудом (например, курган 20 — высотой 0,2 м).

4. **Уровень погребений.** В 14 случаях из 19 зафиксировано погребение на уровне материка Отмеченная подсыпка (курганы 1, 4, 16) не бесспорна, так как эта особенность выделена только по стратиграфическим данным. Не исключено, что площадку перед захоронением просто подровняли. Два женских погребения в подкурганных ямах (курганы 9, 10) отличаются от остальных целым рядом особенностей (расположение на окраине могильника, ориентировка, инвентарь).

5. **Деревянные конструкции и остатки луба в погребениях.** Отмечены в 11 случаях. Сохранность конструкций различная. Как правило, удавалось зафиксировать лишь полосы древесного тлена, сохранившегося на месте стенок бывшей домовины. Последняя представляла собой, по-видимому, бревенчатый сруб из тонких стволов едва ли более чем в два венца, судя по размерам курганов (рис. 2, *4—6*). Средние размеры домовин — 2,5×1,2 м, что исключает возможность применения долбленых колод. О характере перекрытия судить затруднительно, но оно, несом-

[1] Первый курган был «опознан» уже после закладки шурфа, настолько невыразительной была сама насыпь. Поэтому не исключено, что его восточный ровик остался за пределами раскопа.

Элементы обряда			Номера курганов						
			1	2	3	4	5	6	7
			м		ж	ж	м	м	м
Конструктивные особенности курганов и погребений	Форма насыпи	овальная		+	+	+		+	+
		округлая	+				+		
	Количество ровиков	1	+						
		2		+					+
		3			+	+	+	+	
	Высота	≤0,45 м	+	+	+	+			+
		>0,45 м					+	+	
	Поперечник по основанию	<5 м	+		+	+			+
		≥5 м		+			+	+	
	Уровень погребения	подсыпка	+			+			
		материк			+		+	+	+
		яма							
	Конструкции и луб в погребении		+		+		+		+
	Канавка в материке		+						
	Ориентировка	С	+		+	+	+	+	+
		ССЗ							
		СЗ							
Детали похоронного ритуала	Кострища	на материке			+				+
		в насыпи							
		в ровиках	+	+	+	+	+	+	+
		у подножия		+	+				
	Сожжение конструкций		+						
	Сосуды	в погребении	+			+		+	
		в насыпи		+		+		+	
		в ровиках							
	Фрагменты керамики	в насыпи	+	+	+		+	+	+
		в ровиках	+	+			+	+	
	Кости животных в ровиках								
	Вещи-приношения				+	+			
	«Обол мертвых»								+
	Вещи в насыпи				+				
	Вещи и керамика за насыпью				+	+			

ненно, не было массивным — лишь в некоторых случаях удавалось уловить слабый древесный тлен над погребениями, иногда также шедший полосками. Что касается обертывания покойника лубом, то эта деталь обрядности зафиксирована с несомненностью только в кургане 1, где ритуальный костер помог сохранить бересту, закрывавшую не только погребенного, но и лежавший у ноги топор. В остальных курганах о при-

Таблица 1

коряковских курганов

и пол погребенного														
8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	Всего
М	Ж	Ж	М	Ж	М	М	М	Ж	М	Ж	Ж	Ж	
+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+		17
												+	3
	+								+				3
+		+	+	+	+	+	+	+		+	+		12
												+	5
+	+	+		+	+	+	+	+	+	+	+	+	17
			+										3
+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	17
													3
								+					3
+			+	+	+	+	+		+	+	+	+	14
	+	+											2
			+	+	+	+	+			+	+		11
													1
			+	+	+	+	+			+	+		13
+	+	+											3
								+	+				2
						+	+	+					5
+	+	+											3
+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	20
			+	+									2
													3
				+									
							+	+	+		+		8
													3
+		+					+		+	+	+		6
+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+		17
	+		+	+									7
		+											1
				+							+		4
													1
+								+					3
													3

сутствии луба можно только догадываться по тонким прослойкам тлена. Особого рода конструкции вскрыты в курганах 11 и 12, но о них речь пойдет ниже.

6. **Канавка на материке.** Обнаружена только в кургане 1. Ограничивала прямоугольную площадку, на которой было совершено погребение.

7. **Ориентировка погребений.** Для курганов группы наиболее характер-

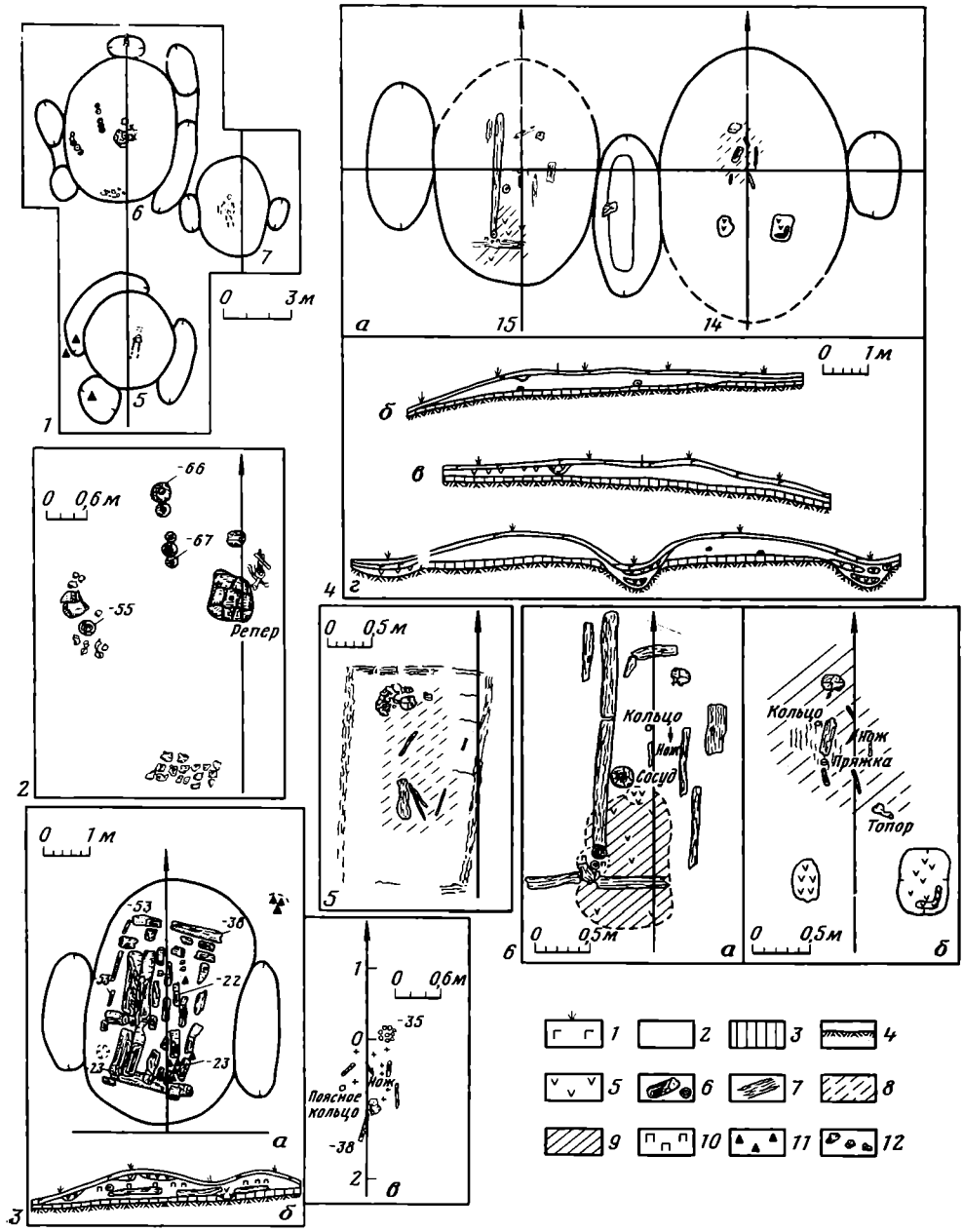


Рис. 2. Погребения коряковских курганов. *1* — кург. 5—7; *2* — погребение в кург. 6; *3* — кург. 11 (*а* — план, *б* — профиль бровки С — Ю, вид с востока, *в* — план погребения); *4* — кург. 14, 15 (*а* — план, *б* — профиль бровки С — Ю кургана 15, вид с запада, *в* — профиль бровки С — Ю кургана 14, вид с востока, *г* — профиль общей бровки З — В, вид с севера); *5* — погр. в кургане 19 (без указания находок); *6а* — погребение в кург. 15; *6б* — погр. в кургане 14. Условные обозначения: 1 — дерн, 2 — насыпь, 3 — погребенный дерн. 4 — материк, 5 — угли, 6 — обожженное дерево, 7 — древесный тлен, 8 — тлен органических веществ, 9 — углистые пятна, 10 — прокаленный грунт, 11, 12 — керамика

но положение погребенных головой на север с допустимыми отклонениями к западу или востоку (13 захоронений). В трех случаях зафиксирована ориентировка на север — северо-запад (отклонение более 15°) и в двух — северо-западная. Примечательно, что погребения головой на СЗ и ССЗ расположены группой на юго-восточной окраине могильника. Курган 2, как уже отмечалось, был пустым; в кургане 20 положение костяка определить не удалось. Покойника всегда клали на спину с вытяну-

тыми ногами. Положение рук, как правило, не фиксируется из-за плохой сохранности костей.

8. **Следы кострищ на материке.** Отмечены в пяти курганах. Это или мелкие кострищные пятна, или остатки сгоревших плах, лежавших на уровне погребения. Отдельные угольки на материке встречены почти во всех курганах, однако только в отмеченных в таблице 1 случаях костер был бесспорен (рис. 2, *б*).

9. **Сожжение деревянных конструкций.** Этот уникальный обряд зафиксирован в трех курганах. Рассмотрим его на примере мужского захоронения в кургане 11. Покойник был положен, как обычно, на материке, головой на север, с некоторым отклонением к востоку. Затем над ним был сооружен настил из березовых бревен размерами 3,2×1,5 м. Прослежены остатки семи бревен поперечником до 25 см. Перекрытие покоилось на четырех переводинах, две из которых были положены по краям с севера и юга. По хорошо сохранившемуся юго-западному углу можно предполагать, что бревна в местах соединения были врублены в переводины. Никаких явных следов столбов или стенок, поддерживавших переводины перекрытия, существование которых, казалось бы, диктуется логикой конструкции, не обнаружено, кроме одной возможно, столбовой ямки в 0,5 м севернее юго-западного угла (рис. 2, *3а*, *б*).

Перекрытие вместе с лежащим под ним покойником было подожжено и в момент наивысшего жара засыпано землей. Об этом говорит то, что бревна, не потеряв формы, превратились в древесный уголь, но сверху местами сохранилась кора. Земля насыпи поверх бревен прокалена до оранжевого цвета. От погребенного сохранились лишь кальцинированные кости в мелких фрагментах. Ориентировка восстанавливается по положению костей черепа (рис. 2, *3в*).

По аналогичному обряду погребена женщина в соседнем кургане 12 и мужчина в близко расположенном кургане 1. В последнем случае ритуал был выдержан не столь строго: конструкция сгорела не полностью, в области ног сохранился даже обожженный луб, в который был завернут покойник. Курганы со сгоревшими деревянными сооружениями расположены в западной части могильника единой группой (рис. 3, *б*).

10. **Следы кострищ в насыпи.** Отдельные угли или тонкие углистые прослойки под дерном зафиксированы у всех курганов группы. В таблице отмечены лишь наиболее яркие случаи. Все три кургана (№ 8—10) группируются на восточной окраине (рис. 1), что, казалось бы, может говорить в пользу признания кострищ в насыпи особой чертой обряда. Однако отмеченные выше углистые прослойки в остальных курганах, спускающиеся в ровики, и тот же углистый горизонт, прослеженный под современной почвой в стороне от курганов, заставляют склониться к мысли, что все это — следы лесного пожара.

11. **Кострища в ровиках.** Отмечены повсеместно. Как правило, улавливаются в двух прослойках. В средней или верхней части заполнения, выходящие на поверхность,— это скорее всего следы упомянутого пожара. В придонной части и по стенкам — явные остатки ритуальных кострищ. Костры разводились слабые и горели недолго: слабый прокал зафиксирован лишь в немногих случаях.

12. **Кострища у подножия.** Округлые кострищные линзы на материке за пределами насыпи отмечены в двух случаях: близ южной оконечности курганов 2 и 3. Возможно, костры были разведены на местах предполагавшихся ровиков.

13. **Сосуды в погребениях.** Отмечены в восьми случаях, в мужских и женских погребениях как в восточной (кург. 1, 6, 12), так и в западной (кург. 5—17, 19) частях. Ставились и у головы (кург. 12, 19), и в ногах (кург. 4, 6, 15—17). В курганах 4, 6, 12, 19 сосуды были поставлены вверх дном, в остальных — устьем вверх. В заполнении последних никаких следов обрядовой пищи не отмечено.

Необычен обряд захоронения мужчины в кургане 6, где покойника сопровождало пять разнообразных, стоявших вверх дном вдоль тела сосудов (рис. 2, *1*, *2*). При сооружении кургана в насыпь было поставлено

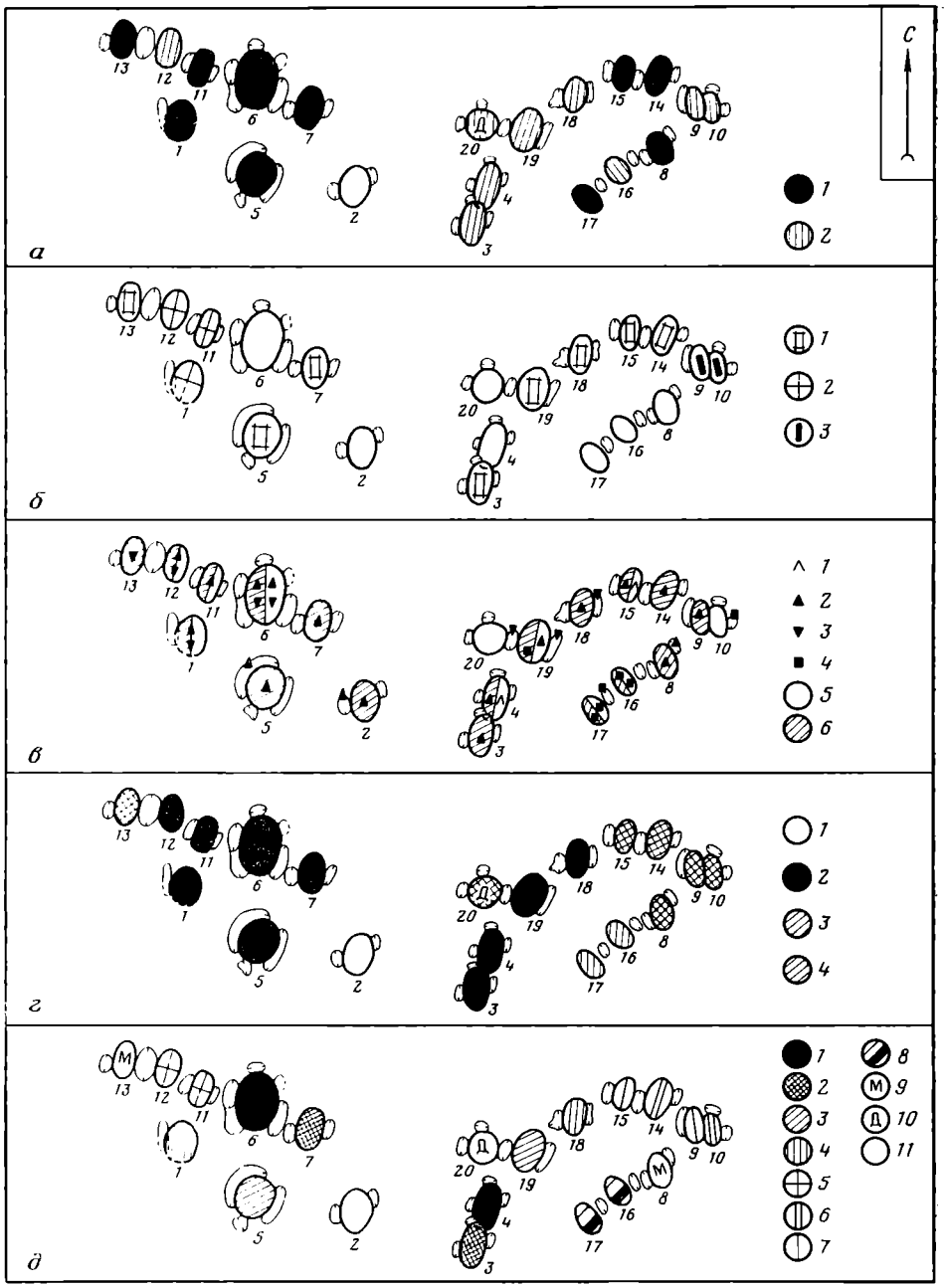


Рис. 3. *а* — расположение курганов с мужскими и женскими захоронениями: *1* — мужские погребения, *2* — женские, *Д* — детское; *б* — некоторые детали погребального обряда: *1* — захоронения в домовинах, *2* — сожжение деревянных конструкций, *3* — захоронения в подкурганных ямах; *в* — керамика в курганах: *1* — лепные сосуды, *2* — сосуды первой группы, *3* — сосуды второй группы, *4* — наиболее поздняя гончарная керамика, *5* — керамика в погребениях, *6* — керамика в насыпи или на поверхности; *г* — захоронения разных поколений: *1* — курганы первого поколения, *2* — второго, *3* — третьего; *д* — вероятные погребения семейных пар. (*1—8*), *9* — захоронения холостых мужчин (?); *10* — детское погребение, *11* — пустой курган

еще не менее семи горшков. Само погребение потревожено геодезическим репером. В остальных случаях в погребениях было по одному сосуду.

14. **Сосуды в насыпи.** Кроме упомянутого кургана 6 обряд постановки сосудов в насыпи над погребением зафиксирован также в курганах 2 (пустом) и 4. В обоих случаях сосуды были поставлены на вершине: в кургане 4 — вверх дном, в кургане 2 положение сосуда определить не удалось (распался).

15. **Сосуды в ровиках.** Встречались чаще, нежели в насыпи: известно шесть случаев. В курганах восточной части горшки ставились на дно ровика, на уровень золистого слоя, по-видимому, после того, как гас ритуальный костер. В кургане 19 сосуды были поставлены в обоих ровиках.

16. **Фрагменты керамики в насыпи.** Разрозненные, иногда в скоплениях, обломки сосудов встречаются часто: отмечены в 17 курганах. Иногда фрагменты одного горшка встречались в разных частях насыпи, что говорит о возможном существовании ритуала битья посуды на могиле. Не исключено, что в некоторых случаях отмеченная разрозненность черепков — результат повреждения корнями целых сосудов, поставленных на вершине. В целом же это, безусловно, особый ритуал. Об этом свидетельствует неполнота собранных фрагментов, принадлежащих разным сосудам. Их положение непосредственно под дерном может указывать на позднее в сравнении с самим погребением происхождение: поминание покойных уже после похорон.

17. **Фрагменты керамики в ровиках.** Отмечены в семи случаях. Как правило, находились в верхней части заполнения и связаны с оползанием насыпи. Это часть обломков битых сосудов из насыпи, что подтвердилось на примере кургана 9, где части одного горшка были найдены и в насыпи, и в ровике.

18. **Кости животных в ровиках.** Встречены лишь однажды — в восточном ровике кургана 10. Сам ровик для курганов необычен — он имеет не серповидную, а округлую в плане форму. В кострищном пятне средней части заполнения лежали обломки двух сосудов, отдельные истлевшие кости вместе с несколькими обожженными камнями и крупными углями. Расположение кострища в средней части ровика заставляет предположить, что по происхождению оно позже захоронения. В таком случае кости и обломки сосудов — остатки поминок.

19. **Вещи-приношения.** Встречаются только в женских захоронениях (кург. 3, 4, 12, 19). Отдельные предметы, преимущественно украшения, завернутые в луб, клались в погребение рядом с покойницей — около рук или головы. В кургане 12 (сожжение) вещи были положены под бревна сгоревшей конструкции. Вещи-приношения повторяют обычные украшения одежды погребенной и дополняют их. Так, в кургане 3 одна шумящая треугольная подвеска была найдена в области груди, а другая, идентичная первой, была завернута в луб вместе с ножом и положена к востоку от умершей. С западной стороны лежал браслет, также обернутый в луб. В кургане 19 в дополнение к двум перстнеобразным височным кольцам из головного убора покойной невдалеке на кусочке луба находилось еще одно — браслетообразное, явно не входившее в основной набор украшений. В кургане 4 отдельно друг от друга лежали завернутые в кожу или луб(?) браслет и нож.

20. **Вещи в насыпи.** Трижды в насыпи были встречены предметы, стратиграфическое положение которых не позволяет отнести их к погребальному инвентарю. Это шиферное бочонковидное пряслице из кургана 3, льячка из кургана 8 и наконечник стрелы или сулицы из кургана 16 с женским захоронением. Хронологически все три находки сопоставимы с древностями исследованной группы. Случайные ли это вещи в кургане — решить затруднительно.

21. **«Обол мертвых».** В мужском захоронении кургана 7 была найдена серебряная монета Экберта Фрисландского (1068—1090 гг.), чеканенная в г. Болсварде. Она была заткнута под пряжку (рис. 4, *1*). Как особую деталь положенную в погребение монету можно рассматривать со значительной долей условности. Не менее правдоподобно, что это всего лишь одно из немногочисленных достояний покойного наравне с остальными вещами в захоронении. Еще одна неопределимая медная монета найдена в кургане 13. Скорее всего она использовалась как нашивная бляшка: в центре ее пробиты отверстия для прикрепления к поясу или одежде (рис. 4, *6*).

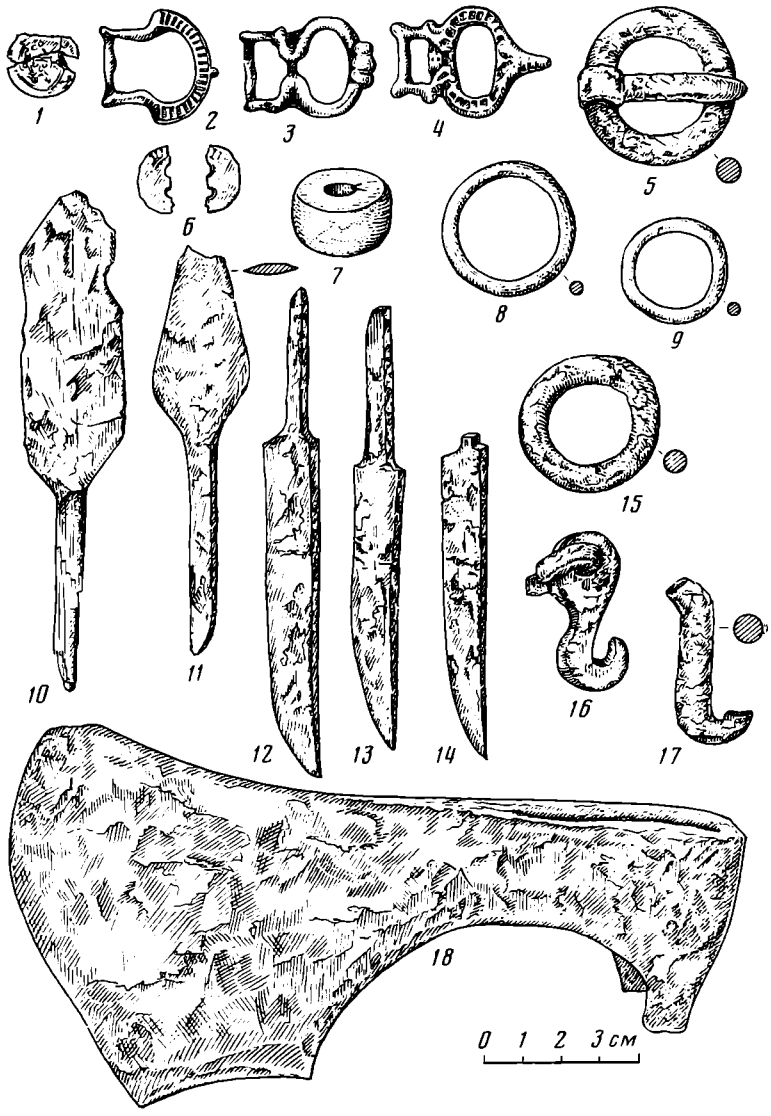


Рис. 4. Вещи из погребений. *1* — серебряная монета; *2—4* — бронзовые пряжки; *5* — железная пряжка; *6* — медная монета; *7* — шиферное пряслице; *8, 9* — бронзовые поясные кольца; *10, 11* — наконечники стрел или сулиц; *12—14* — ножи; *15* — железное поясное кольцо; *16, 17* — железные крюки; *18* — топор (*1—2* — кург. 7; *3, 8, 18* — кург. 1; *4, 15* — кург. 17; *5, 13* — кург. 14; *6* — кург. 13; *7, 16, 17* — кург. 3; *9* — кург. 12; *10* — кург. 16; *11, 12* — кург. 18; *13* — кург. 4 (за насыпью)

22. **Вещи и керамика за насыпью.** Скопление разрозненных фрагментов керамики на уровне материка наблюдалось близ западного ровика кургана 3. Около курганов 4 и 13 также на материке найдены ножи. Если обломки сосудов у кургана 4, возможно, результат отмеченного обряда «битья посуды», то ножи — просто случайные вещи, ничто не указывает на их связь с погребальными комплексами.

Погребальный инвентарь

Вещи в погребениях представлены в основном деталями костюма. Данные по мужским и женским захоронениям приведены в табл. 2 и 3.

Обязательным в каждом погребении был нож. Этот необходимый в жизни инструмент носили при себе на поясе как мужчины, так и женщины. По форме ножи обычные для XII—XIII вв., со сравнительно коротким черенком и тонкой спинкой (рис. 4, *12—14*). Металлографический ана-

Таблица 2

Инвентарь мужских погребений

Инвентарь		Номера курганов										Кол-во находок и число комплексов
		1	5	6	7	8	11	13	14	15	17	
Ножи		1	1		1	1	1	1	1	1	1	9(9)
Топоры		1	1			1			1			4(4)
Поясные кольца	бронзовые	1	1					2	1	1		6(5)
	железные					2	1				1	4(3)
Пряжки	бронзовые	1			1						1	3(3)
	железные					2			1			3(2)
Бронзовые перстнеобразные кольца		1						1				2(2)
Кресало								1				1(1)
Наконечник стрелы								1?				1(1)
Монеты					1			1				2(2)
Обломки неясных железных предметов								+			+	+(2)

Примечание. Погребение в кургане 6 потревожено. Крестиком обозначено неясное число предметов в погребении. В итоговой графе в скобках указано число комплексов.

лиз одного из них (кург. 4) показал, что клинок сделан из железа с большим количеством шлаковых включений [2].

В четырех мужских погребениях найдены топоры. Все они рабочие, относятся к типу V по классификации А. Н. Кирпичникова [9, с. 37, 38, рис. 6, табл. 16, *6*] и схожи между собой по всем параметрам (рис. 4, *18*). Топор клали рядом с покойным справа или слева у ног (рис. 2, *6б*). Один раз в захоронении найдено сломанное пополам овальное кресало и наконечник стрелы (кург. 13). Кроме того, дважды обнаружены части каких-то железных предметов, определить которые невозможно из-за плохой сохранности металла (кург. 13, 17). Также два раза при костяках обнаружены бронзовые проволочные колечки небольшого размера (кург. 1, 13). Их назначение неясно — найдены в области ног.

Остальные предметы представлены частями поясов — пряжками и поясными кольцами. Те и другие изготовлялись из железа и бронзы. В погребениях иногда встречались попарно. Железные пряжки с круглой и четырехугольной рамкой, три — бронзовые лировидные разных форм (рис. 4, *2—4*). Бронзовые поясные кольца литые, диаметром 2—2,7 см, железные — кованые того же размера (рис. 4, *8*, *9*, *15*).

За счет украшений более разнообразен инвентарь женских погребений. В семи курганах из девяти были найдены височные кольца, количество которых в погребениях различно — от семи (кург. 3), до одного (кург. 4, 8). В употреблении были 10 различных форм височных колец, в том числе и перстни, использованные в двух случаях (кург. 3, 18) как височные кольца (табл. 2, *б*; рис. 5, *7—9*; 6, *1—7*, *11—13*).

Большинство украшений сделаны из бронзовой проволоки и представлены перстнеобразными и браслетообразными по размерам кольцами, отличающимися способом соединения концов, наличием напускных бусин (два случая; материал бусин неясен — видимо, белый металл). Встреченные дважды серебряные ромбощитковые кольца (рис. 6, *18*, *19*) найдены в курганах 9 и 10. Последние, как указывалось, расположены на окраине

[2] Исследование проведено Л. С. Хомутовой в лаборатории ИА АН СССР. Ан. № 1470.

Таблица 3

Инвентарь женских погребений

Инвентарь			Номера курганов									Всего
			3	4	9	10	12	16	18	19	20	
Височные кольца	перстнеобразные	I	1		1						2	4(3)
		II	1(б)							1(а)		2(2)
		III		1								1(1)
	перстни	IV	4						1			5(2)
		V	1									1(1)
		VI	1									1(1)
	браслетообразные	VII			2?					1		3(2)
		VIII								1		1(1)
		IX			1	2						3(2)
Венчики					1				1	1	1	4(4)
Бусы, бисер			+	1	+	+				+		+(5)
Подвески		X	2		1		2			2	1	8(5)
		XI			1							1(1)
		XII						4		12		16(2)
		XIII									1	1(1)
Перстни		XIV						1				1(1)
		XV								2		2(1)
Браслеты		XVI	1	1			1	1				3(3)
		XVII										1(1)
Ножи			1	2	1		1		1	1	1	8(7)
Фибула										1		1(1)
Игольник					1?							1(1)
Поясное кольцо							1					1(1)
Пряжка									1			1(1)
Пряслице			1									1(1)
Наконечник сулицы								1	1			2(2)
Неопределимые предметы			+	+	+		+	+	+	+		+(7)

Примечание. I — перстнеобразные височные кольца с сомкнутыми концами; II — перстнеобразные с завитком (а — гладкие, б — крученые); III — с напускной бусиной; IV — перстни литые тонкоконечные; V — крученые; VI — пластинчатые; VII — с завязанными концами; VIII — с завитком и напускной бусиной; IX — ромбощитковые; X — треугольные каркасные подвески; XI — полый конек; XII — конусовидные подвески-пронизки; XIII — подвеска-лапка; XIV — пластинчатый перстень; XV — литые перстни; XVI — пластинчатые браслеты; XVII — витой браслет. Крестиком обозначено неясное число предметов в погребении.

группы и отличаются обрядом — захоронения совершены в подкурганных ямах (рис. 3, *б*).

В четырех погребениях зафиксированы остатки головных венчиков в виде ложновитых трубочек белого металла или бронзовых проволочных спиралей пронизок (рис. 5, *1*, *2*). Плохая сохранность находок не позволяет реконструировать головной убор.

У четырех погребенных на шее были низки бисера желтого и синего цвета (рис. 6, *9*). В кургане 4 встречена золотостеклянная бочонковидная бусина (рис. 6, *10*).

Из подвесок наиболее распространены треугольные шумящие, найденные в пяти погребениях. В трех погребениях подвески парные, в двух было по одному экземпляру. Носились подвески на груди. В курганах, 4, 12 и 19 они входили в состав вещей-приношений. Почти все подвески сделаны в одной технике (спаяны из отдельных проволок, для корпуса — двойных) и по одному образцу (рис. 4, *22*, *23*). Лишь один экземпляр из кургана 19 выделялся привесками-бубенчиками вместо обычных лапок (рис. 5, *14*). По иному образцу изготовлена подвеска из кургана 9

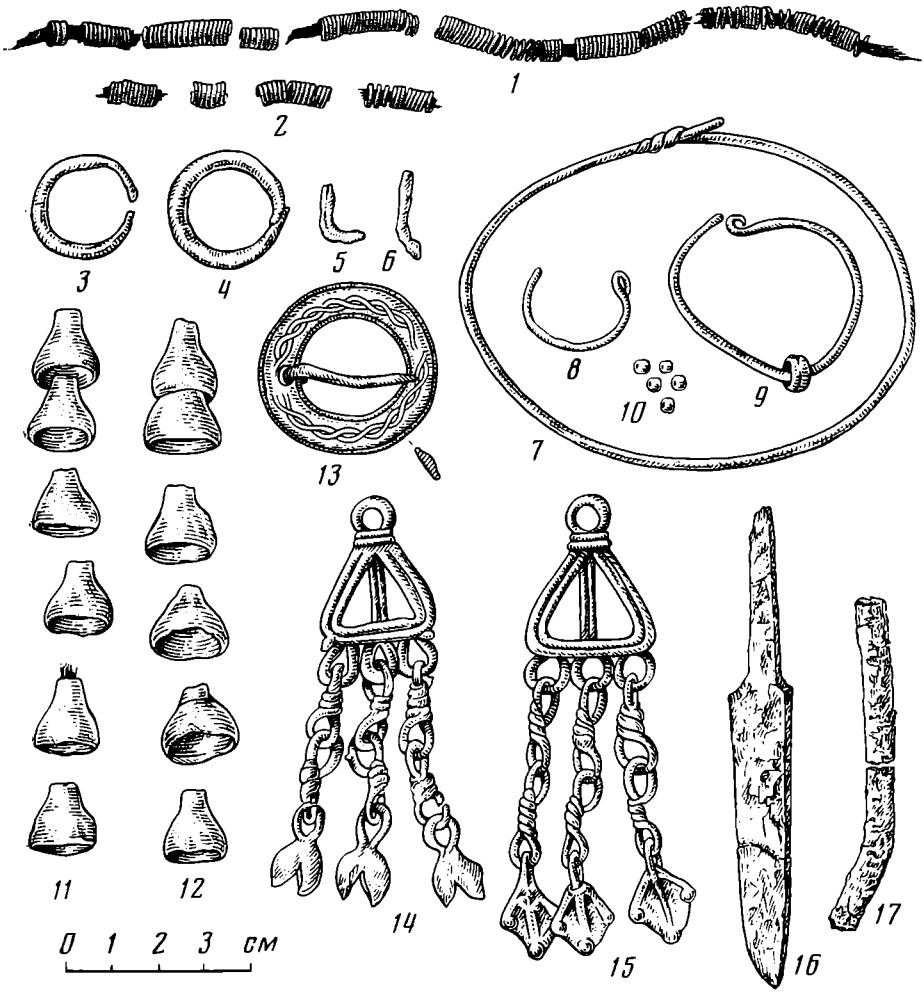


Рис. 5. Инвентарь женского погребения в кургане 19. *1*, *2* — части головного венчика; *3*, *4* — перстни; *5*, *6* — обломки височного (?) кольца; *7* — *9* — височные кольца; *10* — бисер; *11*, *12* — конусовидные подвески; *13* — кольцевидная фибула; *14*, *15* — треугольные каркасные подвески; *16* — нож; *17* — обломок железного предмета; *1—9*, *11—15* — бронза

(комплекс с ромбощитковыми кольцами). При сохранении той же технологии украшение сделано в упрощенном варианте: нет цепочек, лапки заменены трапециевидными привесками (рис. 6, *21*).

В том же кургане 9 найдена единственная поясная полая подвеска-конек, крепившаяся к поясу пронизью из бронзовых колечек на кожаном шнурке (рис. 6, *20*).

Погребения в курганах 16 и 19 сопровождались конусовидными подвесками (4 и 12 экз.; рис. 5, *11*, *12*). Судя по сохранившимся в кургане 19 остаткам кожаного ремешка с узелком, продетого сквозь две подвески, последние составляли пронизь. Положение девяти из них в линию вдоль ног до уровня таза погребенной позволяет предположить, что пронизи из конусовидных подвесок в сочетании с ложновитыми пронизками белого металла составляли украшение пояса или одежды [10, с. 53].

Перстни встречены в двух погребениях: в кургане 16 — пластинчатый с суженными заходящими концами (рис. 6, *8*), в кургане 19 — два литых с несомкнутыми концами (рис. 5, *3*, *4*). Аналогичные перстни были использованы как височные кольца в погребениях кургана 4 и 18 (рис. 6, *1—5*).

Бронзовые браслеты входили в состав интвентаря четырех погребений, по одному в каждом. В трех случаях это были пластинчатые браслеты

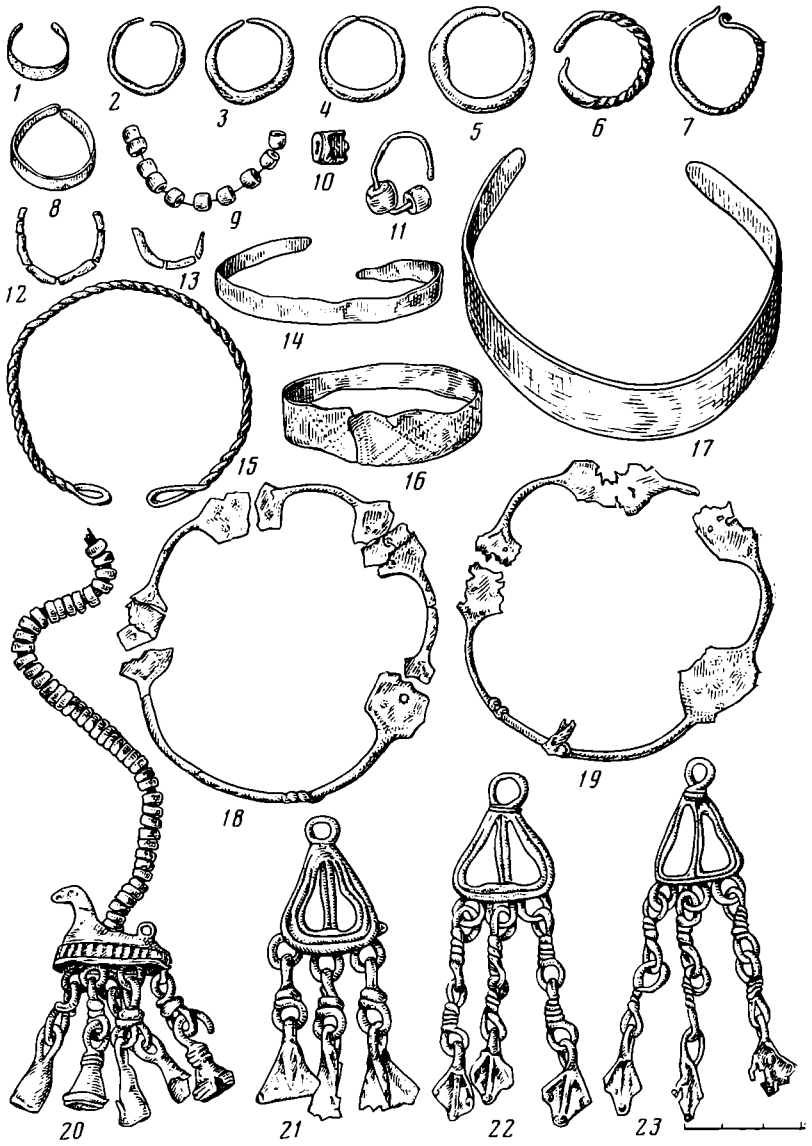


Рис. 6. Украшения из женских погребений. *1—7*, *11—13*, *18*, *19* — височные кольца; *8* — перстень; *9* — бисер; *10* — золотостеклянная бусина; *14—17* — браслеты; *20—23* — подвески (*1—7*, *9*, *13*, *14*, *22—23* — кург. 3; *10*, *11*, *16* — кург. 4; *8*, *15* — кург. 16, 18; *19* — кург. 10; *20*, *21* — кург. 9) *1—8*, *11—16*, *20—23* — бронза, *17* — железо и бронза, *18*, *19* — серебро

(кург. 3, 4, 12), найденные среди вещей-приношений. Ширококонечный браслет из кургана 4 орнаментирован (рис. 6, *16*). После расчистки выяснилось, что украшение из кургана 12 изготовлено в необычной технике: железный остов плакирован бронзой (рис. 6, *17*). В кургане 16 найден витой из двух проволок браслет с петлевидными концами (рис. 6, *15*).

Единственная нагрудная застежка — бронзовая кольцевидная фибула — обнаружена в кургане 19. По технике изготовления она близка известному типу плоских поясных колец: внешняя сторона инкрустирована серебряной двухрядной плетенкой (рис. 5, *13*).

Дважды в женских захоронениях встречены характерные мужские вещи: в кургане 12 — два бронзовых поясных кольца, в кургане 18 — железная пряжка и наконечник стрелы (рис. 4, *11*). Кроме того, в погребениях зафиксированы такие единичные вещи, как бронзовая лапка-подвеска (кург. 20, детское захоронение), бронзовое проволочное колеч-

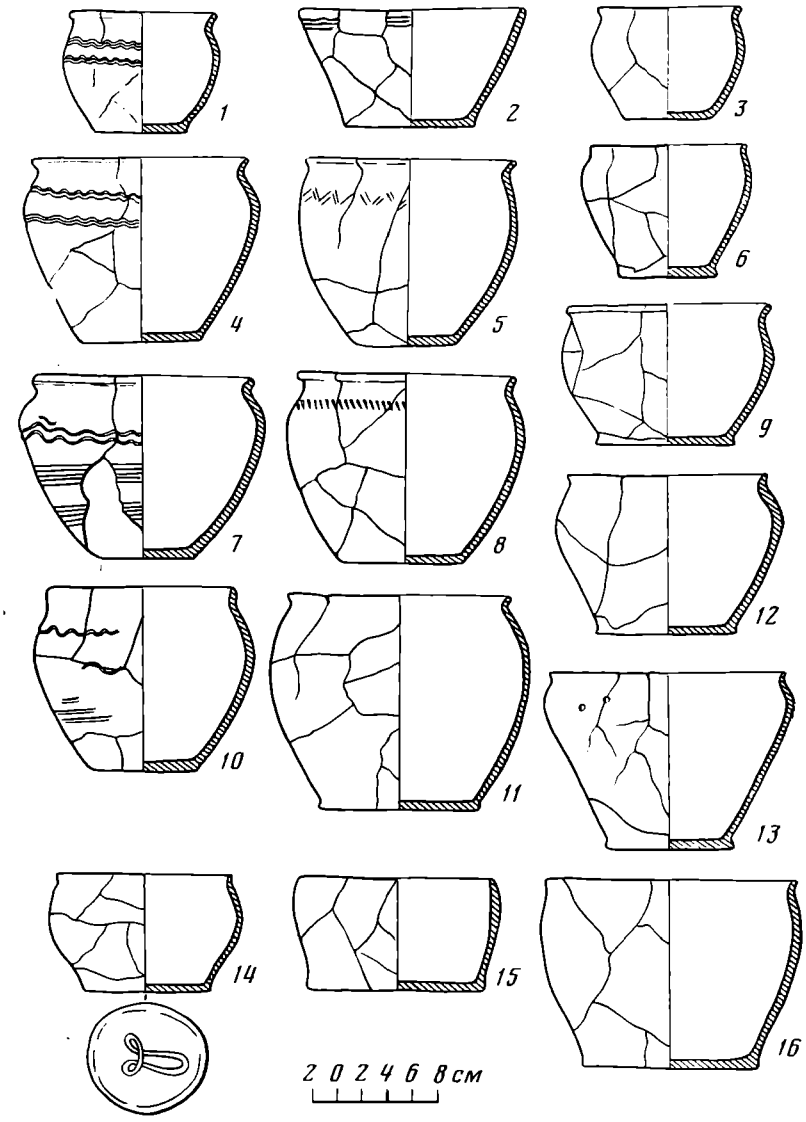


Рис. 7. Керамика коряковских курганов. *1—13* — кург. 6; *14, 15* — кург. 4; *16* — кург. 8 (ровик)

ко, лежавшее в ногах (кург. 18), игольник (?) белого металла, следы которого отмечены в погребении 9, обломки неясных железных предметов в курганах 3, 4, 19 (рис. 5, *17*). В насыпях, содержавших женские погребения, найдены также шиферное пряслице (кург. 3, рис. 4, *7*) и наконечник стрелы (кург. 16, рис. 4, *10*).

Керамика. В коллекции коряковских курганов насчитывается 50 сосудов, целых или в обломках. Из них 12 происходят из погребений, 6 — из ровиков, остальные найдены в насыпях, преимущественно в верхней части (рис. 3, *в*). Как уже указывалось, наиболее крупный комплекс происходит из кургана 6 — 12 сосудов. Керамика настолько разнообразна, что лишь условия находки заставляют верить в их принадлежность к одному комплексу.

По технике изготовления все сосуды можно разделить на две группы, в которые входит как керамика из погребения, так и из насыпи. Первая представлена пятью неорнаментированными горшками, которые, несмотря на разнообразие форм (рис. 7, *6*, *10—13*), сближаются по признакам, свидетельствующим об определенных гончарных традициях. Это характерная формовка невысокого слабо отогнутого и скругленного по краю венчика и наличие у некоторых сосудов утолщения у дна. Основ-

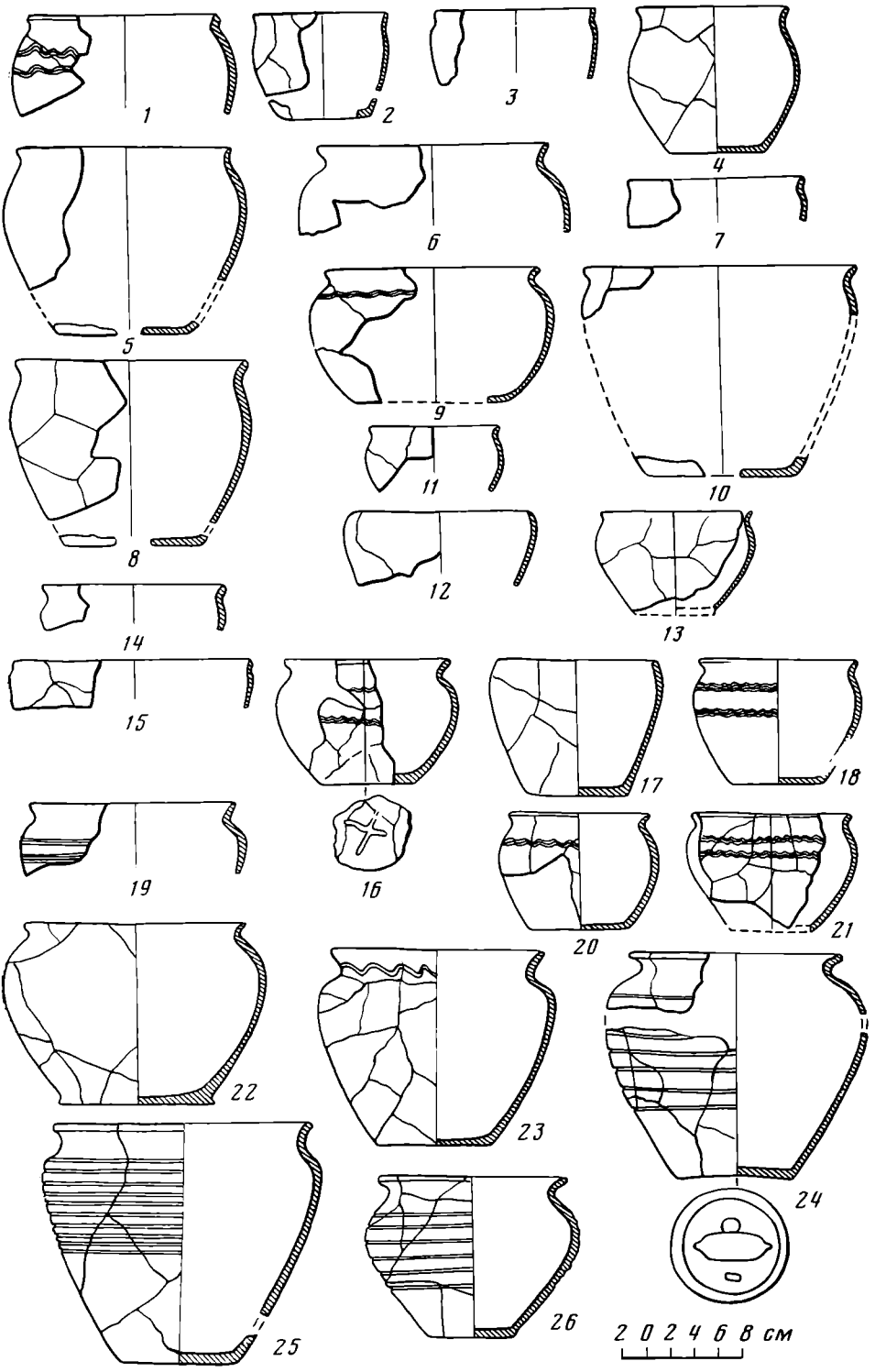


Рис. 8. Керамика коряковских курганов. *1*, *5*, *8* — кург. 1; *2*, *3* — кург. 2; *4* — кург. 5 (погр.); *6* — кург. 3; *7* — кург. 9; *9* — кург. 11 (насыпь); *10* — кург. 11 (погр.); *11*, *12* — кург. 12; *13* — кург. 13; *14* — кург. 14; *15* — кург. 15 (насыпь); *16* — кург. 15 (вост. ровик); *17* — кург. 15 (погр.); *18* — кург. 18; *19* — кург. 19 (насыпь); *20* — кург. 19 (зап. ровик); *21* — кург. 19 (вост. ровик); *22* — кург. 19 (погр.); *23* — кург. 16; *24* — кург. 17 (погр.); *25* — кург. 10 (ровик); *26* — кург. 17 (ровик)

ная примесь в тесте — песок. Асимметричность тулова, неровный край венчика позволяют считать их лепными. Однако на дне сосуда из кургана 4, изготовленного в той же технике и даже более грубого, было гончарное клеймо (рис. 7, *14*). По мнению А. А. Бобринского, это свидетельство применения гончарного круга как поворотного столика [11, с. 37, рис. 6, *5*]. На одном из сосудов (рис. 7, *10*) заметны следы неоконченного линейно-волнистого орнамента.

Вторую группу составляют шесть профессионально изготовленных горшков, пять из которых орнаментированы многорядным волнистым орнаментом или насечками по плечику (рис. 7, *1*, *3—5*, *7*, *8*). Утолщение в придонной части отсутствует, венчик сформован более тщательно. В тесте кроме песка есть примесь дресвы. К шести упомянутым горшкам примыкает изготовленная в той же технике глубокая миска с неровным линейным орнаментом по краю (рис. 7, *2*). Наконец, один сосуд, выделяющийся своей приземистостью, сочетает признаки обеих групп (рис. 7, *9*). У него имеется утолщение в придонной части, однако по характеру оформления венчика и составу теста он близок сосудам второй группы.

Большинство сосудов из других курганов относятся к тем же группам. В женском погребении кургана 19 найден горшок, аналогичный одному из сосудов кургана 6 первой группы (рис. 8, *22*). Обломки неорнаментированных сосудов первой группы обнаружены в насыпях всех курганов западной части, а также в курганах 9, 14, 15, 19 восточной части (рис. 8, *4—15*). К этой же группе принадлежат сосуды, обломки которых найдены в насыпи пустого кургана 2 (рис. 8, *2*, *3*).

Небольшие горшки с волнистым орнаментом по тулову помимо кургана 6 встречены также в ровиках курганов 15, 18, 19 (2 экз.; рис. 8, *16*, *18*, *20*, *21*) и в насыпях курганов 1 и 12 (в обломках).

Особо следует отметить два грубых лепных горшка баночной формы, сделанные из теста с примесью крупной дресвы,— из насыпи кургана 4 и погребения кургана 15 (рис 7, *15*; 8, *17*). В других захоронениях подобной посуды не было. Своеобразна широкая миска из насыпи кургана 11, которую можно рассматривать как не очень умелое подражание гончарным сосудам второй группы (рис. 8, *9*). На дне двух горшков были клейма: из погребения кургана 4 и из ровика кургана 15 (рис. 7, *14*; 8, *16*).

Выделяется керамика из курганов 16 и 17 — наиболее поздняя из всей группы, представленная горшками с линейным орнаментом по тулову (рис. 8, *23*, *24*, *26*). Обжиг хороший, тесто плотное с незначительными примесями.

Интересны данные, подтверждающие обряд поминания покойных: фрагменты поздней керамики обнаружены в верхних частях ранних курганов 3 и 19, а также в средней части ровика кургана 10 вместе с необожженными костями животных (рис. 8, *25*).

Хронология коряковских курганов

Датировка группы определяется находками отдельных вещей, имеющих достаточно определенные рамки бытования, и некоторыми формами керамики, аналогии которой происходят из хорошо датированных комплексов. Важное значение имеет находка западноевропейской монеты в кургане 7 (Экберт II, 1068—1090 гг., Фрисландия, г. Болсвард). По существующим данным, монеты XI в., чеканенные в г. Болсварде, на территории Руси встречены в составе 14 кладов, из которых 11 относятся к тому же столетию и лишь 3 — к XII в. [12, табл. 18, 19]. Отдельные монеты Болсварда до раскопок в Коряково известны не были. Монета не служила подвеской, и, очевидно, период ее бытования при учете времени чеканки был сравнительно невелик. По мнению Т. В. Равдиной, западноевропейские монеты лишь в очень редких случаях продолжали существовать на Руси в XII в. [13, с. 319]. Следовательно, с большой долей вероятности захоронение в кургане 7 можно датировать в пределах

последней четверти XI в. Найденная в этом же комплексе пряжка специфической формы (рис. 4, *2*) не противоречит предложенной дате [14, с. 258, рис. 7, *11*]. Обнаруженная в кургане 1 лировидная пряжка с тремя выступами на щитке также может быть отнесена к древностям XI в. [14, рис. 7, *5*], хотя период бытования подобных вещей более широк. Следует отметить, что для костромских курганов, бóльшая часть которых относится ко времени не ранее XII в., лировидные пряжки не характерны. Это обстоятельство свидетельствует в пользу ранней даты комплекса кургана 1.

К концу XI в. скорее всего относится женское погребение в кургане 4. Найденная здесь крупная бочонковидная золотостеклянная бусина с узкой каймой по краю обычна для указанного столетия [15, с. 85]. Подобные бусы для костромских курганов нетипичны — в XII в. на этой территории они уже выходят из употребления. Раннюю датировку комплекса подтверждает и орнаментированный ширококонечный браслет подтипа «б» по классификации В. П. Левашовой [16, с. 237]. Несмотря на широкое в целом время бытования этого вида украшений (XI—XII вв.), следует учитывать, что для костромских курганов они не характерны. Следует упомянуть и грубую керамику, сопровождавшую захоронение.

Большинство остальных вещей из погребений датируется на основании современных данных концом XI—XII вв., иногда и более широким периодом существования. Для поздних погребений показателен витой из двух проволок петлеконечный браслет, найденный в окраинном кургане 16. Однако время распространения и этих украшений определяется периодом в два столетия — XI—XII вв. [16, с. 249].

Столь же общие датировки существуют и для керамики. Но если небольшие сосуды с волнистым орнаментом из курганов 6, 15, 18, 19 можно отнести к XI—XII вв. [17, с. 230, тип II В, рис. 2], то горшки из курганов 16, 17 принадлежат периоду XII—XIII вв. [17, с. 231, типа III Г; 18, с. 90, 92, типы III Б, VI].

Таким образом, курганную группу у дер. Коряково можно датировать в пределах последней четверти XI—XII в. Учитывая небольшое количество захоронений, можно полагать, что истинный период функционирования могильника был короче.

Динамика развития курганной группы и история населения

Топография могильника позволяет восстановить картину его возникновения и существования. «Уравновешенное» расположение насыпей относительно общего центра — пустого кургана 2, близкое по численности количество захоронений мужчин и женщин (девять мужских и семь женских при одном детском) заставляют видеть определенную систему в строении могильника, обусловленную как родственными связями внутри оставившего курганы населения, так и относительной хронологией отдельных насыпей. По расположению мужских и женских погребений можно выделить центральное ядро могильника — четыре мужских с западной стороны и четыре женских с одним детским — с востока (рис. 3, *а*). Среди этих погребений находятся все определимые ранние захоронения и оба мужских погребения, отличающиеся крупными размерами насыпей (№ 5 и 6). Женские погребения центрального ядра отличаются полнотой костюма, в состав украшений которого входят нагрудные треугольные подвески с цепочками из двух звеньев.

К указанным погребениям примыкают мужское и женское захоронения в курганах 11 и 12 — с сожженными деревянными конструкциями. Кроме этой характерной обрядовой черты, объяснение которой следует искать в неизвестных нам отношениях внутри древнего коллектива, ничто другое не отличает их от остальных ранних насыпей. Детали той же обрядности, но не столь ярко выраженные зафиксированы в кургане 1.

Положение насыпей относительно друг друга при учете остальных данных (инвентарь, обрядность) позволяет предположить первоначальное

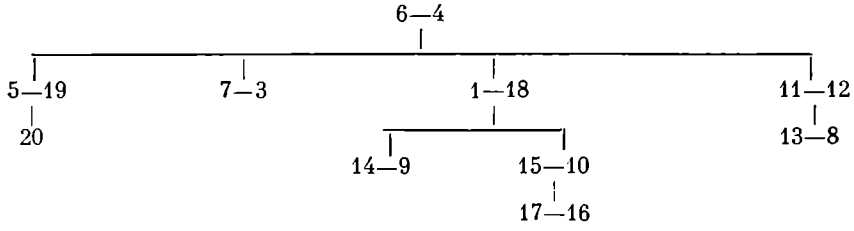
разделение могильника на мужскую и женскую половины и существование кладбища на протяжении жизни трех поколений. Возможно, счет родства велся по женской линии — могильник разрастался к востоку, с «женской стороны», выходя на склон.

К погребениям второго поколения относятся мужские в курганах 14 и 15 и женские в курганах 9, 10 (рис. 3, *г*). Располагаясь в линию на северо-восточной окраине, они в свою очередь также разделены на мужскую и женскую половины. Интересно, что курган 15, расположенный ближе к центру группы, по данным стратиграфии был, видимо, насыпан позже кургана 14, в то время как насыпи с погребениями женщин сооружались скорее всего одновременно (общий ровик отсутствует, рис. 1). Второму поколению принадлежит курган 13 на северо-западной окраине, насыпанный явно позже кургана 12, а также (по своему расположению) и курган 8.

Наконец, третье поколение представлено мужским и женским погребениями в курганах 16 и 17 в окраинных юго-восточных насыпях.

С определенной долей условности можно выделить семейные пары и родственные связи по поколениям, основываясь в основном на взаимном расположении насыпей.

Схема предполагаемого родства выглядит следующим образом (цифрами указаны номера курганов):



Выделяются погребения, которые можно считать принадлежащими «родоначальникам». В кургане 6, самом крупном в группе, отличающемся обилием керамики, был похоронен мужчина весьма почтенного по тем временам возраста — около 60 лет[3]. В восточной половине могильника (по расположению относительно центрального кургана 2) этому погребению более всего соответствует погребение 4 — самое раннее из всех женских, судя по находке золотостеклянной бусины. Достаточно определенно можно говорить о связях курганов 7 и 3 по их взаимному расположению относительно первоначальных насыпей, а также о связях курганов 11 и 12 — по единству обряда. Выделение остальных пар и связей более условно (рис. 3, *д*).

Разумеется, резкой хронологической границы между захоронениями разных поколений не было — насыпи сооружались постепенно. Однако некоторые отличия в обряде и инвентаре все же существуют. Если мужские погребения второго поколения сохраняют в целом традиционную обрядность и инвентарь вплоть до керамики, то женские чужды по обряду (захоронения в подкурганных ямах с измененной ориентировкой) и инвентарю (появление ромбощитковых колец, полой подвески-конька, иного вида треугольной шумящей подвески). В третьем поколении обряд теряет свою четкость: изменяется ориентировка, курганы едва заметны на поверхности, нет обычных симметричных ровиков. Появляется более совершенная керамика, а из всех традиционных украшений в женском погребении 16 остается только несколько конусовидных подвесок.

Центральное положение пустого кургана в группе позволяет предполагать его особое значение. Обычно пустые насыпи (кенотафы) трактуются как памятники умершим в стороне от родного дома. В нашем случае такое объяснение не подходит. Курган 2 не входит ни в мужскую, ни в женскую части могильника, хотя при его сооружении полностью соблюден погребальный ритуал и есть основания предполагать наличие

[3] Определение Л. П. Яблонского.

поминального обряда. По-видимому, курган служил символом могил предков. Сооружение подобного рода «символа» вполне оправданно для людей, переселившихся в новые места.

Материалы могильника позволяют реконструировать историю древнего населения, оставившего коряковские курганы. Поселившаяся здесь группа насчитывала 10 человек взрослых (курганы первого поколения) и не менее 4 человек детей (мальчики, мужские захоронения второго поколения). Определить социальный характер первоначального коллектива сложно, но есть основания считать его членов родственниками в рамках одной большой семьи или нескольких малых, сохранявших определенное единство [19, с. 186—188]. В пользу такого вывода говорит характерная особенность курганов второго поколения. В отличие от ранних погребений среди них преобладают захоронения мужчин, а оба женских погребения явно принадлежат женам, сосватанным «на стороне» (очевидное свидетельство экзогамности). Этим же объясняется и отсутствие женских погребений по традиционной обрядности — свои девушки тоже были выданы «в чужую сторону».

Заметна тенденция к сокращению численности населения. Соотношение захоронений по поколениям — 10—6—2. Имеющиеся косвенные данные говорят о тяжелых условиях жизни. Из пяти антропологически определимых останков умерших только в курганах 6 и 14 захоронены люди пожилого возраста. В остальных возраст погребенных не превышал 30 лет (кург. 7 и 15 — мужчины, 18-летняя женщина в кургане 19). Единственное детское погребение свидетельствует, конечно, не о малом проценте детской смертности, а о слабой рождаемости. Вполне возможно, что погребения в курганах 8 и 13 принадлежат холостым мужчинам, не оставившим потомства, а одновременные захоронения в курганах 9 и 10 наводят на мысль о болезнях. Минимальная, чисто символическая высота последних по времени курганов 16 и 17 (до 0,2 м) и нечеткость погребального ритуала объясняются, очевидно, тем, что некому было ни следить за исполнением обряда, ни соорудить как следует насыпь.

Вернемся к вопросу о датировке могильника. Учитывая, что в группе имеются насыпи, оставленные жителями трех поколений (со «старейшинами», строго говоря,— четырех), из которых лишь представителей последнего можно с уверенностью считать родившимися на месте, период функционирования могильника не может превышать 50 лет. Таким образом, исходя из определимой по инвентарю начальной даты, курганную группу следует датировать в рамках последней четверти XI — первой четверти XII в.

Этническая принадлежность населения

Характерный набор женских украшений и некоторые особенности керамики, орудия труда в погребениях, господство северной ориентировки указывают на явные финно-угорские традиции в материальной и духовной культуре населения, оставившего курганы. К числу традиционных финно-угорских элементов погребальной обрядности некоторые исследователи относят обычай класть умершему вещи-дары [20, с. 116].

Треугольные шумящие подвески, считающиеся обычными для мери, ранняя для костромских курганов датировка могильника дают основания предполагать принадлежность коряковских курганов обрусевшим представителям именно этого летописного племени, что не противоречит установившемуся в науке взгляду на костромские древности [2, с. 234—238; 8, с. 40]. Однако проблема сложнее.

История коряковского могильника отражает довольно быстрое вымирание маленькой деревни, населенной родственными друг другу людьми. Основная причина столь короткой истории — крайне узкий круг социальных и экономических связей населения. Такая ситуация объяснима для переселенцев, но не для местных жителей, характер всевозможных связей которых должен быть традиционным и достаточно обширным. Нельзя рассматривать жителей деревни и как остатки некогда жившего

здесь многочисленного населения: памятников предшествующего времени, вплоть до эпохи бронзы, в ближайшей округе нет. В связи с этим остается неясным, где и как могло произойти «обрусение» населения, коль скоро коряковские курганы относятся к числу наиболее ранних костромских.

В близлежащих могильниках по обеим сторонам Волги в пределах возможной прямой связи между жителями отдельных поселений нет курганов, сопоставимых полностью с коряковскими. При полном преобладании западной (62,9%) и северо-западной (31%) ориентировок погребенных лишь 5% составляет характерная для Коряково ориентировка головой на север [8, с. 39]. Но даже наиболее близкая по обряду группа Боровиково II все же несколько более поздняя по времени возникновения и отличается по составу инвентаря и некоторым чертам обряда. У двух из восьми насыпей отмечена обкладка основания камнями, а в погребениях встречены вещи, неизвестные в коряковских курганах: нательный крест, височные лунницы, кольчатая треугольная подвеска и др. [5, с. 373—376]. Определяющие специфику женского костюма в Коряково треугольные каркасные подвески с двухзвенными цепочками в других географически близких памятниках неизвестны: среди инвентаря курганов собственно костромского региона есть лишь немногочисленные находки позднего варианта этого украшения типа подвески из кургана 9 (рис. 6, *21*).

Таким образом, предыстория населения, оставившего коряковские курганы, не связана с рассматриваемой территорией. Встает вопрос об участии аборигенного населения в становлении культуры костромских курганов. Особая костромская группа мери выделена в основном именно по курганным материалам с привлечением данных топонимики (Галич-Мерский, Мерский стан, некоторые гидронимы с характерными формантами) и лексики (курганы-паны, язык галичских рыболовов) [2, с. 232; 21; 22, с. 32, рис. 3; 23, с. 98—100]. Однако при детальном рассмотрении археологических материалов выясняется, что многие предметы находят аналогии в древностях других областей древней Руси, но практически нет вещей, которые можно было бы считать оригинальными, исконно местными по происхождению. Отсутствует и материал для сравнения: кроме разрушенного Подольского могильника с неясной датировкой [2, с. 122—124], известного Дурасовского городища, нескольких поселений близ Галичского озера с характерной лепной керамикой [24] и далеко отстоящих от Волги, находящихся в малоисследованном районе городищ по р. Унже, другие памятники, которые могут принадлежать местному финно-угорскому населению, неизвестны. Из перечисленных поселений только селища около Галича могут предположительно считаться в какой-то мере синхронными курганам, остальные более ранние. После проводимых в последние годы сплошных обследований в районах наибольшего распространения курганов, особенно около Костромы (К. И. Комаров, Е. А. Рябинин), отсутствие поселений предшествующей появлению курганов поры может свидетельствовать только об очень слабой заселенности края на протяжении столетий вплоть до конца XI в. Косвенным подтверждением этого тезиса может служить неоднократно отмечавшееся в литературе отсутствие кладов восточных монет на участке Волги от Ярославля до устья Оки.

Очевидно, местное население в силу своей малочисленности не могло быть сколько-нибудь существенным элементом в формировании древнерусской народности на территории Костромского Поволжья.

Давно отмеченный факт заселения края со стороны Ростово-Суздальских земель и иным путем — от новгородских территорий [2, с. 240; 7; 8] — помогает объяснить появление финно-угорских традиций в материальной культуре и погребальной обрядности костромских курганов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Третьяков П. Н.* Костромские курганы.— ИГАИМК, 1931, т. X, вып. 6—7.
2. *Горюнова Е. И.* Этническая история Волго-Окского междуречья.— МИА, 1961, № 94.
3. *Смирнов В. И.* Отчет об археологических изысканиях в окрестностях г. Костромы.— Архив ЛОИА, ф. 2, оп. 1, 1927, № 157, е.
4. *Миловидов И.* Древности костромского края.— Костромская старина. Вып. 1. Кострома, 1890.
5. *Бекаревич Н. М.* Дневники раскопок курганов в 1895—1899 гг.— Костромская старина. Вып. V. Кострома, 1901.
6. *Нефедов Ф. Д.* Раскопки курганов в Костромской губернии, произведенные летом 1895 и 1896 гг.— МАВГР, 1899, т. III.
7. *Рябинин Е. А.* Финно-угорские элементы в культуре Северной Руси X—XIV вв.: Автореф. канд. дис. Л.: ЛОИА АН СССР, 1974.
8. *Глазов В. П.* О курганах Костромского Поволжья.— КСИА, 1977, вып. 150.
9. *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. Вып. 2.— САИ, 1966, вып. Е1—36.
10. *Савельева Э. А.* Пермь Вычегодская. М.: Наука, 1971.
11. *Бобринский А. А.* Гончарство Восточной Европы. М.: Наука, 1978.
12. *Потин В. М.* Древняя Русь и европейские государства в X—XIII вв. Л.: Искусство, 1968.
13. *Равдина Т. В.* Археологические замечания к нумизматическим работам — СА, 1975, № 1.
14. *Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода. (X—XV вв.) — МИА, 1959, № 65.
15. *Шапова Ю. Л.* Стекло Киевской Руси. М.: Изд-во МГУ, 1972.
16. *Левашова В. П.* Браслеты.— Тр. ГИМ, 1967, вып. 43.
17. *Смирнова Г. П.* Опыт классификации керамики древнего Новгорода.— МИА, 1956, № 55.
18. *Седова М. В.* Ярополч Залесский. М.: Наука, 1978.
19. *Щапов Я. Н.* Большая и малая семьи на Руси в VIII—XIII вв.— В кн.: Становление раннефеодальных славянских государств. Материалы научной сессии польских и советских историков. Киев: Наук. думка, 1972.
20. *Успенская А. В.* Курганы близ дер. Пекуново на Верхней Волге.— Тр. ГИМ. 1980, вып. 51.
21. *Самарянов В. А.* Следы поселений мери, чуди, черемисы, еми и других инородцев в пределах Костромской губернии.— Древности, 1876, т. VI.
22. *Седов В. В.* Гидронимические пласты и археологические культуры Центра.— Вопр. географии, 1974, вып. 94.
23. *Попов А. И.* Названия народов СССР. Л.: Наука, 1973.
24. *Горюнова Е. И.* Отчет о работе Костромского отряда Волжской экспедиции в 1961 г.— Архив ИА АН СССР, Р-1, № 2437.

A. E. Leontiev

NEW DATA ON THE KOSTROMA MOUNDS

Summary

The author discusses the results of diggings of a mound group at Koryakovo village, near Kostroma. It is one of the few surviving so-called Kostroma mounds. Exhaustive field investigation yielded comprehensive information on burial rites, grave goods and ceramics. Dated to the period between the last quarter of the 11th century and early 12th century these mounds are the earliest in the Kostroma Volga area. The study of prominent features of the burial rites, grave goods and ceramics has brought to light the fact that three generations had been buried there. The ancient burial ground at Koryakovo belonged to a family community which had resettled to the Volga area. Decorations found in the burials permit suggestion that the settlers' ancestors came from the ancient Finno-Ugric tribe of Merya.

НАЗАРЕНКО В. А., ОВСЯННИКОВ О. В., РЯБИНИН Е. А.

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПАМЯТНИКИ ЧУДИ ЗАВОЛОЧСКОЙ

Об отдельных находках «чудских» древностей и «кладов» в бассейне р. Ваги известно давно. В 1977 г. О. В. Овсянниковым обнаружен и исследован грунтовый могильник у дер. Корбала, а в 1979 г. В. А. Назаренко нашел и частично раскопал грунтовый могильник у устья р. Пуи (Шенкурский район Архангельской области) [1] (рис. 1). Эти памятники явились первыми исследованными памятниками летописной «чуди заволочской» [6, с. 10] [2]. Можно предполагать, что летописец именем «заволочской чуди» назвал племена, которые, по крайней мере, в XI—XII вв. занимали территорию Заволочья. Н. П. Барсов считал, что уже в XI в. Заволочьем называлась огромная территория между бассейнами рек Онеги и Печоры, а А. Н. Насонов называл Заволочьем преимущественно бассейн Северной Двины [8, с. 17; 9, с. 101]. Любопытно предположение Ю. С. Васильева о том, что термин «Заволочье» не оставался неизменным и первоначально, в XI—XIII вв. обозначал лишь отдельный район Севера — бассейн Ваги [10, с. 103—109]. Речь идет о территории, лежащей к северу от бассейна р. Сухоны, с запада ограниченной бассейном Ваги, а с востока — средним и нижним течением р. Северной Двины. Именно эта территория, которая позднее стала называться Важской землей, в XI—XIII вв. представляла собой новгородскую волость по Ваге. Среди новгородских владений на севере важская волость занимала особое место. Лучшие для хлеборобства земли на севере находились здесь, климатические условия позволяли собирать неплохой урожай. Не случайно земли по Ваге упомянуты в найденных новгородских берестяных грамотах XIII в. [11, № 52]. Если признать, что упомянутые погосты в Уставе 1136—1137 гг. новгородского князя Святослава Ольговича церкви святой Софии в Новгороде от Усть-Ваги до Вели перечислены по порядку, то их довольно много: Усть-Ваг, Пуя, Чюдин, Лигуй, Вавдит, Вель [12, с. 82—84]. Сведения Устава не дают основания безоговорочно утверждать о заселении перечисленных погостов новгородцами. «Можно предполагать,— пишет Л. В. Данилова,— что перечисленные... погосты сложились на базе территориально-административного деления дорусского населения [13, с. 208]. Вероятно, район важской волости уже в раннее время стал контактной зоной, в которой пришлое славянское земледельческое население селилось рядом с местными охотниками и рыболовами. На рубеже XIII—XIV вв., о чем свидетельствуют письменные документы, на этой территории идет процесс сложения крупных феодальных вотчин новгородских бояр [13, с. 282—286]. Представляется, что памятники аборигенного населения на территории важской контактной зоны (могильники и поселения) представляют особо большой интерес [3].

Корбальский могильник. Могильник расположен на левом берегу р. Ваги, в 1,5 км к юго-востоку от дер. Корбала, на второй надпоймен-

---

[1] Предварительные сообщения об этих находках см. [1, с. 21—22; 2, с. 9—10; 3, с. 73—74; 4, с. 228—236; 5, с. 22].

[2] Этнографическое введение в летописи является вставкой, сделанной около 1113 г. при составлении первой редакции летописного свода, причем сведения историко-географического характера взяты из более раннего источника [7, с. 219 и сл.].

[3] Рядом с Корбальским могильником, в 250 м к северо-западу от него, в обрыве берега р. Ваги, зафиксированы следы селища того же времени, что и могильник.

ной (боровой) террасе. На поверхности могилы выражены западинами глубиной от 0,25 до 0,6 м (рис. 2—4), в заполнении ям прослежено от одной до трех гумусно-золотистых прослоек и линз.

Могила 1. Дно ямы на глубине 0,9 м (здесь и далее дно ям фиксировано от древней дневной поверхности). На дне сруб шириной 0,65 м. Сохранились его восточная и юго-восточная части. В средней части сруба — череп. Здесь же височное кольцо, бусина, бубенчик, несколько мелких бус и фрагменты горшка. В средней и северной его частях фрагменты трех сосудов. За пределами сруба у восточной стенки ямы — фибула, бусы, кресало и сланцевая пластинка.

Рис. 1. *1* — Корбальский могильник; *2* — Усть-Пуйский могильник

Могила 2. Дно ямы на глубине 0,7 м. На дне сруб размером 0,7×2,2 м. В северо-западной части сруба — фрагменты лицевых костей черепа и остатки трубчатых костей. Здесь же фрагмент кресала и кусок кремня.

Могила 3. Дно ямы на глубине 0,95 м. На дне сруб шириной 0,8 м. Сохранилась юго-восточная часть сруба. У северо-восточной его стенки две стрелы, в южной части два поставленных один в другой горшка, в меньшем две бусины.

Могила 4. Дно ямы на глубине 0,7 м. На дне сруб размером 0,8×1,80 м из бревен диаметром 0,22 м. В южной его части — плечевая кость, фрагмент сосуда и бусы. В северной части — умбоновидные украшения, в средней — череп и топор.

Могила 4а. Дно ямы на глубине 0,6 м. На дне сруб длиной 1,7 м. В северной его части — умбоновидная подвеска, в северо-западном углу могилы — фрагмент копья или сулицы.

Могила 5. Дно ямы на глубине 1,1 м. На дне сруб размером 1,4×2,4 м. Северная стенка сруба не сохранилась. В северо-восточном углу сруба на кусках кожи — фрагмент кожаного пояса с пряжками и накладными луновидными бляшками, крестовидная подвеска, витой браслет, копье и сулица. В центре сруба — фибула, фрагменты двух ножей с костяными рукоятями и сланцевая пластина с прикипевшими к ней кусками железа. Здесь же небольшое угольное пятно и кальцинированные кости.

Могила 6. Дно ямы на глубине 0,9 м. На дне сруб длиной 2,5 м. Вдоль западной его стенки — прорезные коньки, бубенчики, подвеска-уточка, подвеска-«всадница», фрагменты цепочки, фрагмент железного предмета. В юго-западном углу сруба — одна кальцинированная косточка.

Могила 7. Дно ямы на глубине 1,0 м. На дне сруб размером 0,7×2,2 м. В южной его части — горшок, в котором находились три бусины. У восточной стенки сруба — две стрелы, фрагмент ножа с деревянной рукоятью, топор, две фибулы. Третья фибула — в центре сруба со скоплением бус. Здесь же человеческие зубы.

Могила 8. Дно ямы на глубине 1,0 м. В юго-восточной части могилы — фрагмент сосуда.

Могила 9. Дно ямы на глубине 0,85 м. На дне сруб размером 0,60×2,2 м. Вдоль западной его стенки в северной части и в северо-восточном углу — кости ног (правая бедренная и большие берцовые). В области таза — фибула, а у коленного сустава левой ноги — нож и кресало. В центре сруба, ближе к его восточной стенке, топор. Погребенный положен головой на юго-восток.

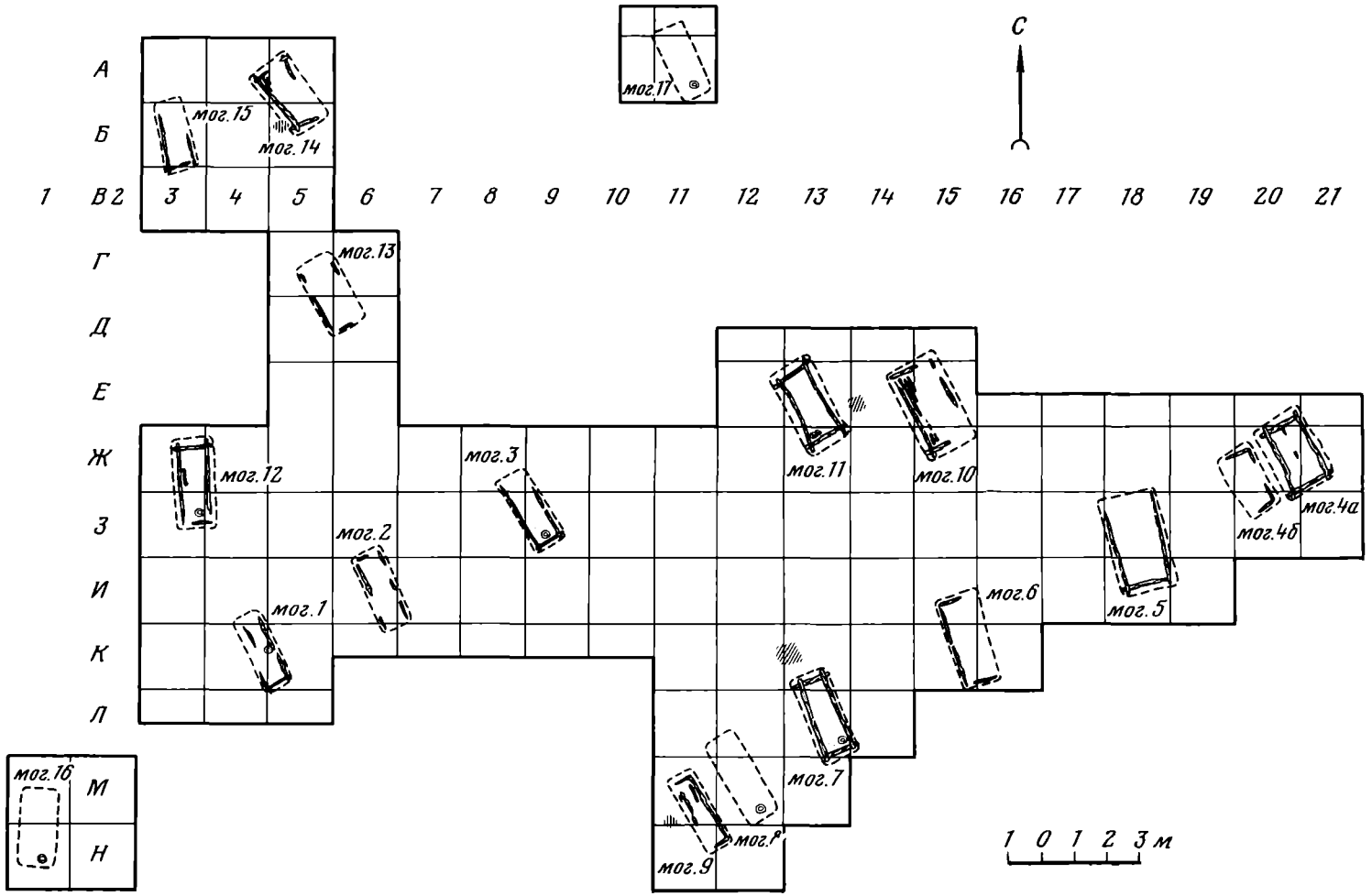


Рис. 2. План Корбальского могильника

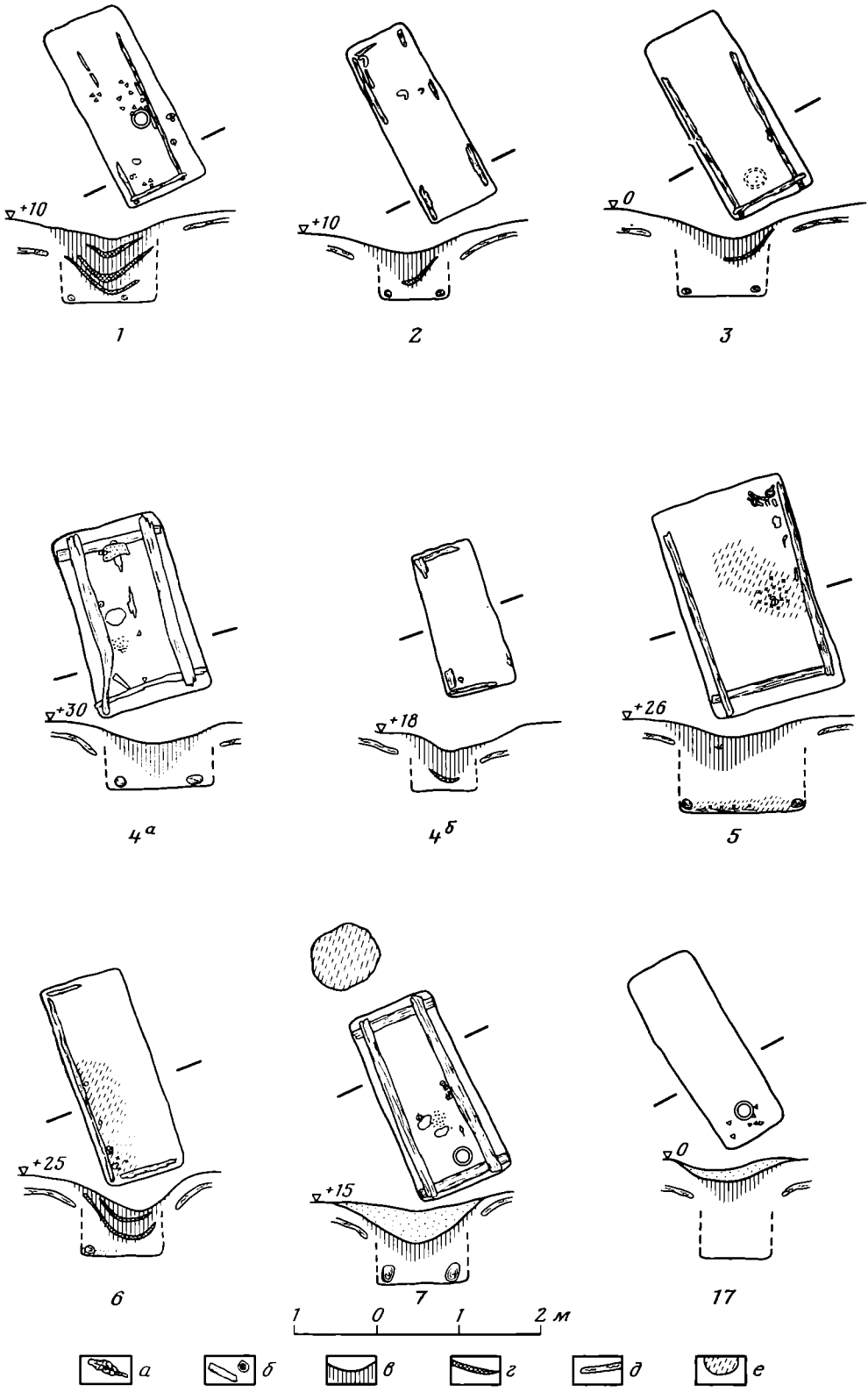


Рис. 3. Корбальский могильник. Планы и разрезы мог. 1—7, 17. *а* — горелое дерево; *б* — дерево; *в* — гумус; *г* — слабовыраженная гумусная прослойка; *д* — подзол; *е* — углистый слой

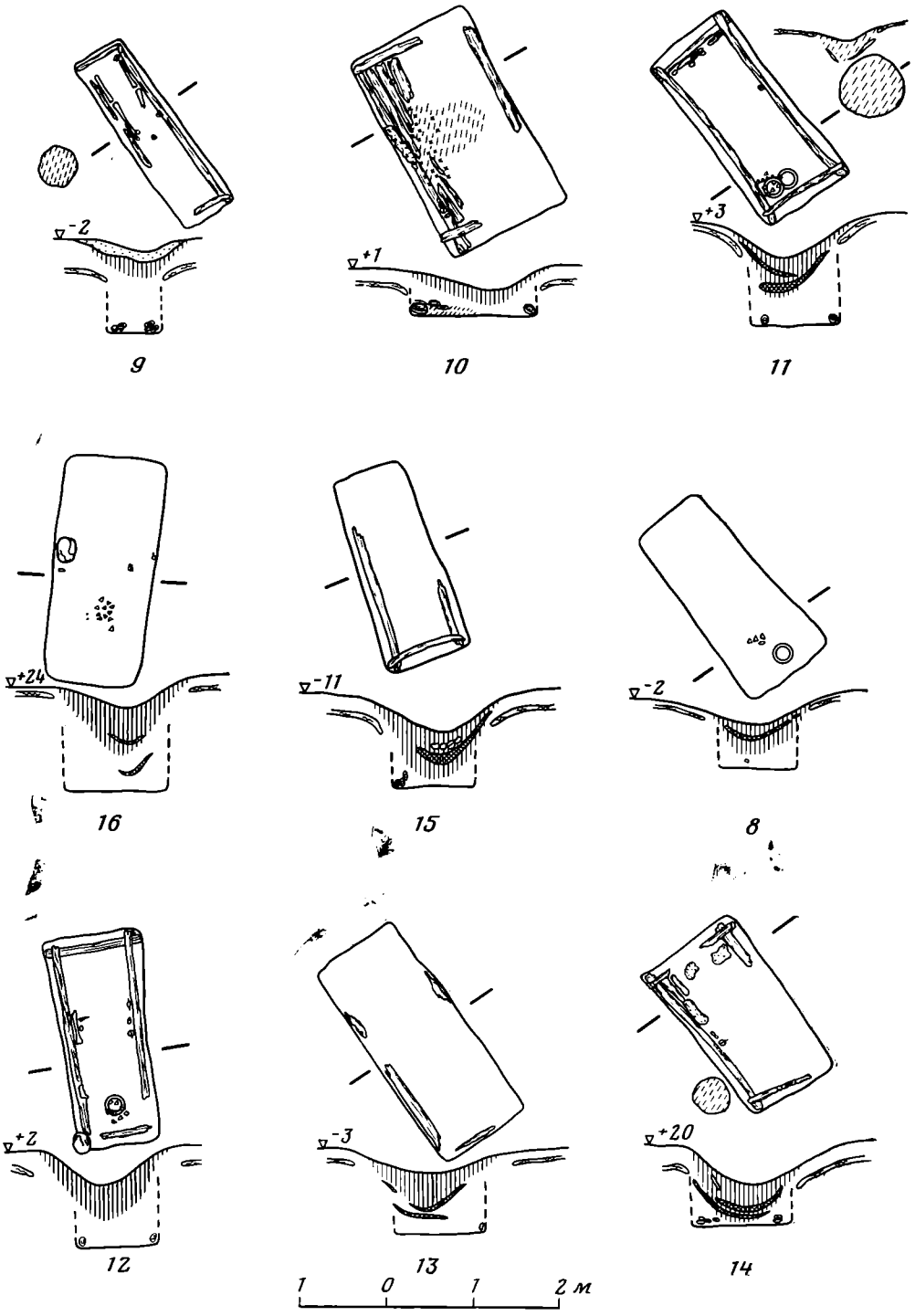


Рис. 4. Корбальский могильник. Планы и разрезы могил 8—16 (условные обозначения те же, что на рис. 3)

Могила 10. Дно ямы на глубине 0,45 м. На дне обугленный сруб размером 1,2×2,05 м. Вдоль его западной стенки — пережженные кости. Здесь же куски бересты и обожженного дерева (остатки кровли и западной стенки сруба). В западной же части сруба — умбоновидная подвеска, две колоколовидных пронизки, треугольная и стилизованная коньковая подвески и фрагмент оплавленной фибулы, бляшки и колечко.

Могила 11. Дно ямы на глубине 1,3 м. На дне сруб размером 0,9×2,3 м. Стенки его прогнулись внутрь. В юго-западной части сруба —

фрагменты двух сосудов, рядом с ними — три бусины. В центре сруба — стрела, у его восточной стенки — «усатый» перстень, у северной стенки — две умбоновидных подвески, лежавших на больших кусках ткани. У восточного края ямы на 0,1—0,15 м от древней дневной поверхности — углисто-золистая линза диаметром 0,7 м и мощностью 0,3 м.

Могила 12. Дно ямы на глубине 1,1 м. На дне сруб размером 0,8×2,3 м. У южной его стенки — фрагменты горшка, в середине нож, у восточной стенки — фибула, колоколовидная пронизка, стрела, в южной части — бусы. У юго-западного угла сруба — череп. По дну могилы разбросаны трубчатые кости.

Могила 13. Дно ямы на глубине 1,1 м. На дне сруб шириной 0,9 м, в котором найдены два фрагмента сосуда.

Могила 14. Дно ямы на глубине 0,9 м. На дне сруб размером 0,9×1,8 м. В западной его части — куски бересты и остатки рухнувшей стенки и перекрытия. В северном углу сруба сохранилось три венца, а в южном — пять. Часть дна ямы прокалена. В средней части сруба — фибула, ключ-подвеска и бубенчик. Рядом с могилой у ее южного угла — ямка с золисто-угольным заполнением диаметром 0,5 и мощностью 0,15 м. На дне ямки, особенно в ее западной части, встречено значительное скопление перегорелых мелких костей.

Могила 15. Дно ямы на глубине 1,0 м. На дне сруб шириной 0,7 м. У восточной его стенки — стрела.

Могила 16. Дно ямы на глубине 1,3 м. В южной части ямы — фрагмент двух сосудов и две бусины. У западной стенки — череп, рядом с ним височное украшение. В средней части могилы — ушко от ведра, бубенчики и пряжка.

Могила 17. Дно ямы на глубине 0,8 м. В юго-восточной части могилы — фрагменты сосуда.

В срубах, являвшихся по существу «домиками мертвых», обнаружены захоронения по обряду трупосожжения и трупоположения, причем оба обряда представлены почти равным числом захоронений (8 и 10). Можно отметить некоторые элементы горизонтальной стратиграфии памятника: могилы, содержащие трупосожжения, по размерам больше остальных и сосредоточены главным образом в восточной части могильника (4, 4а, 5, 6, 10). Конструкция погребальных сооружений в могилах с кремацией и ингумацией идентична. В ряде могил, преимущественно содержащих погребения по обряду кремации, наблюдается прокаленность незначительных участков дна могилы, чаще всего в центре, и частичная обугленность погребальной камеры.

В ряде могил с трупоположением вполне определенно удалось определить ориентировку погребенных: преобладает южная ориентировка, с небольшим отклонением к востоку. Об этом же свидетельствует расположение погребального инвентаря: глиняные сосуды найдены в южной части могил, около головы погребенного, скопления стеклянных бус, находки фибул зафиксированы с верхней части туловища погребенного, а умбоновидные бляшки с привесками в виде утиных лапок, вероятно являвшиеся частью украшения обуви,— в северной части могил, у ног (могилы 4, 7). Можно выделить захоронения мужские (с топорами, наконечниками стрел) и женские (обилие бронзовых украшений, ожерелья из бус).

Погребальный инвентарь. Характеризуется значительным богатством находок и сочетанием разнородных по своему происхождению металлических изделий. Анализ инвентаря позволяет выявить те составные элементы, на основе которых сложился своеобразный облик местной чудской культуры.

Височные украшения представлены в могильнике двумя экземплярами. Из могилы 1 происходит серебряная серьга со щитком, украшенным точечным штампом и насечками (рис. 5, 7). Подобные украшения в X—XI вв. были широко распространены на финно-угорском Севере, известны в Прикамье, Поветлужье, на Вычегде и Выми, на западе в ареале приладожской курганной культуры [14, с. 61—63; 15, с. 46; 16, с. 20, 131,

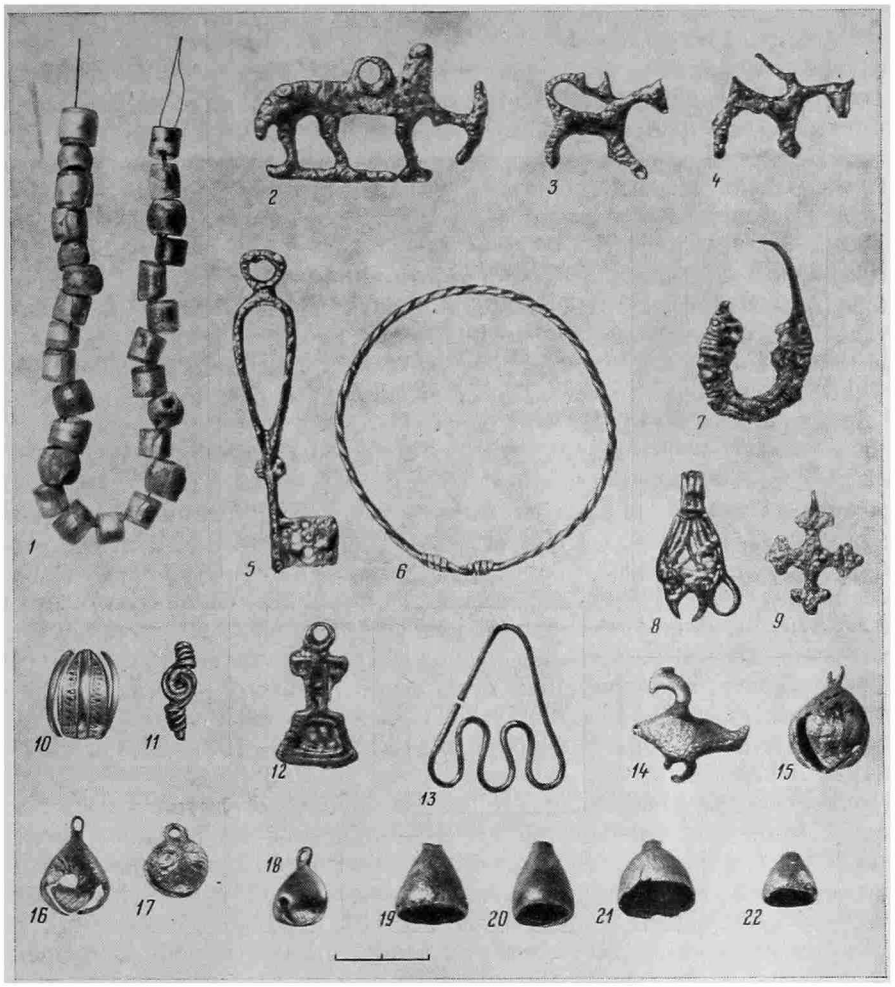


Рис. 5. Находки из Корбальского могильника. *1* — стеклянные позолоченные и посеребренные бусы; *2—6*, *8*, *9*, *11—22* — украшения из бронзы; *7*, *10* — серебряные изделия

рис. 17, *14—18*]. Отдельные находки серег зафиксированы в верховьях р. Суды [17, с. 62—69] и на оз. Лача[4] в Архангельской области. Такие же височные украшения были обнаружены у д. Аксеновской на р. Ваге в ареале летописной «чуди заволочской»[5].

У головы женского захоронения (могила 16) найдена круглопроволочная бронзовая серьга подтреугольной формы с петельными изгибами в нижней части (рис. 5, *13*). Серьги этого типа локализуются в восточных районах финно-угорского расселения и представлены, в частности, целой серией находок в древнемарийских могильниках IX—XI вв. [16, с. 20, 131, рис. 17, *4—5*].

Многочисленную группу металлических украшений женской одежды составляют нагрудные поясные подвески. Трупосожжение в могиле 6 сопровождалось набором зооморфных амулетов, включавшем поздний вариант подвесок-«всадниц» (тип XI, 2), полую фигурку уточки (тип XVII, 3) и два изображения коньков обычного типа (тип XIV) (рис. 5, *2—4*, *14*)[6].

Ареал стилизованных подвесок-«всадниц», датируемых преимущественно XI — началом XII в., охватывает зону финно-угорского расселения от Прикамья до Приладожья. Поздний вариант таких изделий, ана-

[4] Грунтовый могильник Попово (сведения автора раскопок Н. И. Макарова).

[5] Гос. Эрмитаж, ОИПК, инв. 655.

[6] Типология зооморфных подвесок приведена по классификационной схеме одного из авторов настоящей работы [18].

логичных корбальской находке, встречен, в частности, у д. Аксеновской на р. Ваге.

Полая птицевидная подвеска принадлежит к типу зооморфных изделий, сформировавшемуся в Юго-Восточном Приладожье. Амулеты третьего варианта датируются XI—XII вв. и известны в памятниках Приладожья, Вологодской и Архангельской областей, на востоке в бассейне Камы и Вычегды. Аналогичные украшения известны и в бассейне р. Ваги (Васпльевское городище у с. Воскресенского) [19, с. 240—244, рис. 39; 20, с. 114, рис. 6] [7].

Коньковые подвески «обычного» типа пользовались особой популярностью у населения Верхнего Поднепровья и Юго-Восточной Прибалтики, где было налажено их ремесленное производство. В XI—XII вв. «обычные» коньки широко распространяются на финно-угорском Севере. Корбальские находки принадлежат к ранней серии амулетов, бытовавшей преимущественно в XI — начале XII в.

Из могилы 10 происходит пластинчатая фигурная подвеска, отличающаяся крайней стилизацией изображения (рис. 5, *12*). Ее ближайшей аналогией является находка из финно-угорского курганного захоронения XI—XII вв. на р. Капше в Приладожье (Пирозеро 6) [21, л. 87]. Вместе с фигурным украшением в могиле 10 встречена треугольная литая подвеска с петлями для прикрепления шумящих (лапчатых) привесок (рис. 5, *8*). Вполне вероятно, что эта форма украшений является дериватом треугольных каркасных подвесок, распространенных в X—XI вв. в зоне расселения летописной мери (центральные районы Владимиро-Суздальской земли), а в XII—XIII вв. бытовавших в Костромском Поволжье и Марийском крае (см. [22, с. 98—103; 23, с. 112—113, рис. 1, *8*, *16*]).

Приладожское происхождение имеет бронзовый литой ключик с петлей для привешивания, входящий в комплекс погребального инвентаря могилы 14 (рис. 5, *5*). В курганах Юго-Восточного Приладожья они встречены преимущественно в женских погребениях с южной ориентировкой второй половины XI — начала XII в. [24, с. 31, 32].

В трех женских захоронениях, совершенных по обряду кремации и ингумации, обнаружены четыре колоколовидные бронзовые привески (рис. 5, *19—22*). Ареал привесок-колокольчиков, наиболее характерных для финно-угорских древностей X—XI вв., охватывает Приладожье и Белозерье; аналогичные изделия известны и в памятниках поволжских финнов [15, с. 43]. Целой серией представлены колоколовидные привески в комплексе находок у с. Воскресенского на р. Ваге.

С финно-угорскими культурными традициями связана и одна из наиболее многочисленных категорий женского металлического убора, встреченная в Корбальском могильнике — девять умбоновидных бляшек со спиральновитым узором, часть которых украшена пирамидками из зерни и снабжена шумящей «бахромой» из семи—девяти лапчатых привесок (рис. 6, *1—4*). Такие бляшки обнаружены в четырех погребениях и, судя по их положению в могильных ямах, использовались для украшения обуви. Не подлежит сомнению то обстоятельство, что, по крайней мере, часть рассматриваемых находок являлась продукцией местного производства (рис. 6, *5—7*). Умбоновидные бляшки встречены в погребальных комплексах Южного и Юго-Восточного Приладожья, на Верхней Волге, в памятниках Заволочья (Аксеновская, Воскресенское), в муромских и древнемарийских могильниках X—XI вв. [14, рис. 5; 25, с. 28; 26, с. 280—287; 27, табл. XXV, *10*, XXXIV, *3*]. Сходные изделия известны в памятниках вымской культуры Вычегодского края [28, с. 52, табл. 13, *16*, *17*, *22*]. Заслуживает особого внимания то обстоятельство, что лишь в Ветлужско-Вятских могильниках, где сконцентрирована значительная часть привесок рассматриваемого типа, последние являлись исключительно украшениями обуви. Это позволило Г. А. Архипову отнести умбоновидные бляшки к типично марийским обувным украшениям [16, с. 41].

[7] Архангельский областной краеведческий музей, инв. 349.

В других же районах (кроме указанных выше находок в Заволочье способ использования которых остается неизвестным) умбоновидные бляшки являлись в основном височными, поясными или нагрудными украшениями.

К нагрудным женским украшениям принадлежат такие изделия древнерусского происхождения, как бронзовый трехлопастноконечный крестик (рис. 5, *9*) и решетчатая подвеска, входившие в состав инвентаря могилы 10, а также грушевидные и шаровидные бубенчики. Решетчатые привески наиболее характерны для населения Новгородской земли XII—XIII вв., а их появление на более восточных территориях объясняется, скорее всего, новгородской колонизацией этих районов [23, с. 108][8]. Несомненно, однако, что значительная часть таких украшений распространялась в землях финно-угорского Севера путем торговли или же изготовлялась на месте по привозным образцам. В XII—XIV вв. решетчатые подвески появляются в памятниках перми вычегодской, проникая вместе с другими новгородскими формами изделий и к востоку от Северной Двины, в земли лузской пермцы [28, табл. 11, *13*; 31, с. 14 табл. 14, *18*; 16, *10*].

Бубенчики найдены в трех женских захоронениях (рис. 5, *15—18*). В могилах 6 и 16 встречены бубенчики грушевидной формы с крестообразной прорезью, датируемые по новгородской стратиграфии X — началом XII в., в могиле 4 — шаровидный бубенчик с щелевидной прорезью и тройным рельефным пояском по тулову (конец XI — начало XIII в.).

Из могилы 5 происходит находка фрагментированной ложновитой гривны, относящейся к типу, не характерному для сельского населения северорусских территорий [32, с. 74].

Всего несколькими экземплярами представлены в рассматриваемом могильнике украшения рук — браслеты и перстни (рис. 5, *6*, *10*, *11*). Витые завязанные браслеты, принадлежащие к древнерусским формам изделий, особенно характерны для Юго-Восточного Приладожья и Суздальского Ополья. В. П. Левашева относит появление завязанных браслетов к X—XI вв., отмечая бытования единичных экземпляров украшений и в XII в. [33, с. 218—219]. Данный тип браслетов представлен лишь в первой, наиболее ранней группе вятичских древностей, датируемой рубежом XI—XII вв. [34, с. 17, 136; 35, с. 122—129], и на первой хронологической стадии верхневолжских курганных захоронений (XI — первая половина XII в.) [36, с. 31—41].

К ранним типам перстней относится овальнощитковый «усатый» серебряный перстень с продольным ребром на щитке, орнаментированным «волчьим зубом». На территории Руси выделяются два основных района их концентрации — Волго-Окское междуречье и запад Новгородской земли, а за пределами Руси «усатые» перстни получили распространение в памятниках Юго-Восточной Прибалтики и в могильниках древней мордвы. Дата рассматриваемых находок — конец X — начало XII в. [37, с. 257—259, 267]. К ранней серии украшений рук принадлежит и завязанный проволочный перстень со спиральновитым щитком из могилы 9.

Значительную группу металлических изделий образуют подковообразные и кольцевые фибулы (8 экз.), входящие в состав погребального инвентаря шести могил. Подковообразные застежки с круглым, овальным и треугольным сечением дуги заканчиваются спиральными и многогранными головками (рис. 7, *4—9*). Вторую серию находок (рис. 7, *1—3*) лишь условно можно отнести к разряду кольцевидных фибул, так как фактически такие застежки с сомкнутыми концами представляют собой отливки с подковообразных фибул, выполненные в имитационной технике (литью по оттиску). Несомненно местное производство этих украше-

[8] В Новгороде ажурные решетчатые подвески встречены в слоях XIII—XIV вв., однако малочисленность серии таких находок из Новгорода оставляет открытым вопрос о времени появления решетчатых украшений на Руси [29, 30, с. 233].

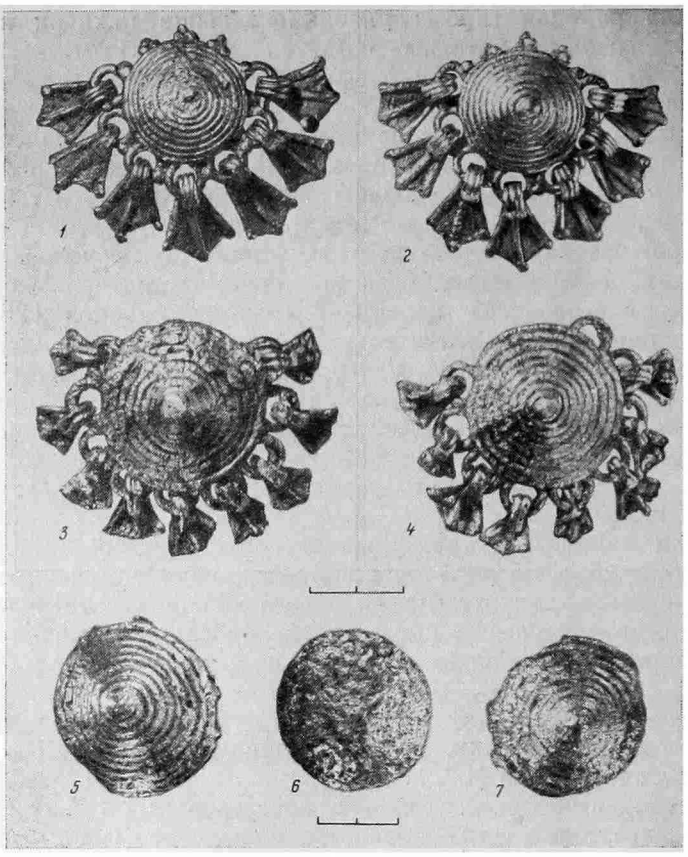


Рис. 6. Бронзовые умбоновидные подвески из Корбальского могильника

ний по привозным образцам. Не исключено, впрочем, что и подковообразные застежки также были изготовлены мастерами Заволочья — на это косвенно указывает грубость исполнения всех обнаруженных в Корбальском могильнике бронзовых отливок фибул. В любом случае рассматриваемые изделия являются ярким показателем усвоения чудским населением бассейна Ваги западного типа нагрудных застежек[9] и его переработки на основе местной литейной техники. Поверхность одной из корбальских фибул с соединенными перемычкой круглыми головками покрыта рельефной имитацией «косоплетки» — этого характерного технического и орнаментального элемента культуры финно-угорских племен Волго-Окского междуречья и Прикамья.

Примечателен ограниченный ареал бронзовых застежек типа подковообразных фибул с сомкнутыми, слитыми вместе концами. Такие украшения, различающиеся по сечению дуги, орнаментации и форме головок, встречены в Марийском Поветлужье [23, с. 112—113, рис. 1, *7*], Архангельской [40, с. 78, рис. 8, *12*] и Вологодской [41, с. 129, 134, рис. 4, *1*, *4*] областях, в Костромском[10] и Ярославском[11] Поволжье. Рельефный поперечный выступ имеется также на пряжке, найденной в грунтовом захоронении Пустошинского могильника (бассейн Сухоны) [42, с. 197, рис. 1, *6*]. Фибулы со слитыми головками найдены и в других местностях бассейна Ваги — на Васильевском городище у с. Воскре-

[9] Подковообразные фибулы составляют характернейший элемент балтийского и прибалтийско-финского металлического убора. В древнерусское время локализуются преимущественно в районах восточного побережья Балтийского моря, на северо-западе новгородских земель, в Приладожье, в Верхнем Поднепровье и на Верхней Волге, т. е. в зоне славяно-балтийских и славяно-прибалтийско-финских контактов [38, с. 150; 39, с. 123—124].

[10] Гос. Эрмитаж, ОИПК, инв. 1043/180; Костромской музей, инв. 15475, хр. СУ.

[11] ГИМ, инв. 80135, хр. Р12/26 б.

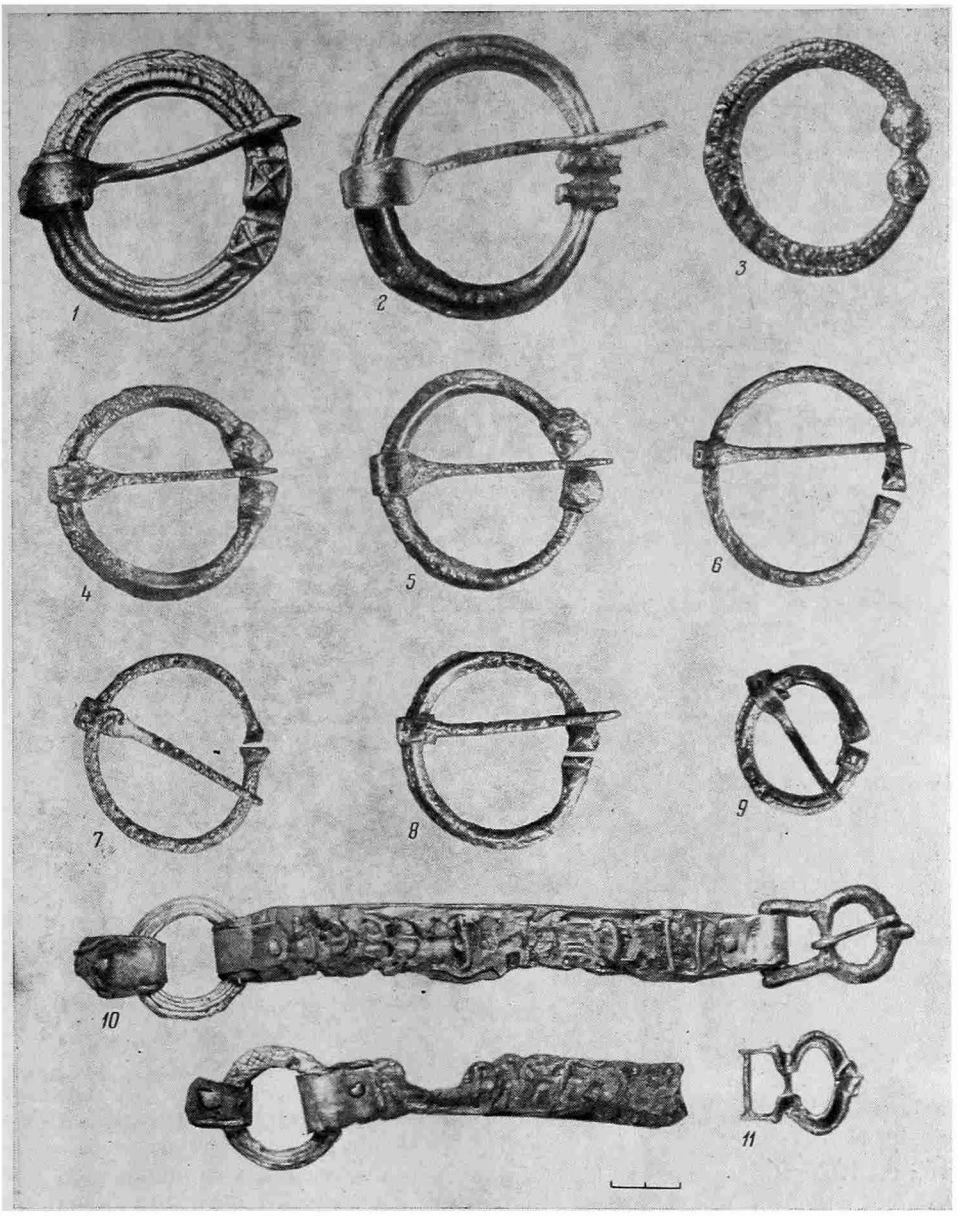


Рис. 7. Корбальский могильник. Подковообразные бронзовые застежки (*1—9*) и часть поясного набора (*10, 11*)

сенского и близ дер. Шухлиха на правом берегу притока Ваги р. Кокшеньги [20, рис. 6; 43]. Большинство аналогичных украшений использовалось в качестве поясных застежек; встречены они в комплексах XII—XIII вв. с яркими финно-угорскими традициями.

Пояса, зафиксированные в мужских захоронениях, изготовлялись из кожи и были снабжены бронзовыми лировидными пряжками и плоскими поясными кольцами (рис. 7, *10, 11*). Хорошо сохранившийся пояс из могилы 5 оказался покрытым с наружной стороны тонкими бронзовыми пластинками с рельефным орнаментальным узором.

В семи женских захоронениях найдены стеклянные и пастовые бусы. Обращает на себя внимание малочисленность в погребениях таких бус, образующих ожерелья из двух-трех экземпляров. Исключение составляет набор из 28 золотостеклянных цилиндрических и бочковидных бус, сопровождавший кремированные останки умершей в могиле 7 (рис. 5, *1*). Датируются золоченые бусы данного типа в основном концом X — началом XII в. [44, с. 159—161], встречаясь в Новгороде и в слоях XII в.

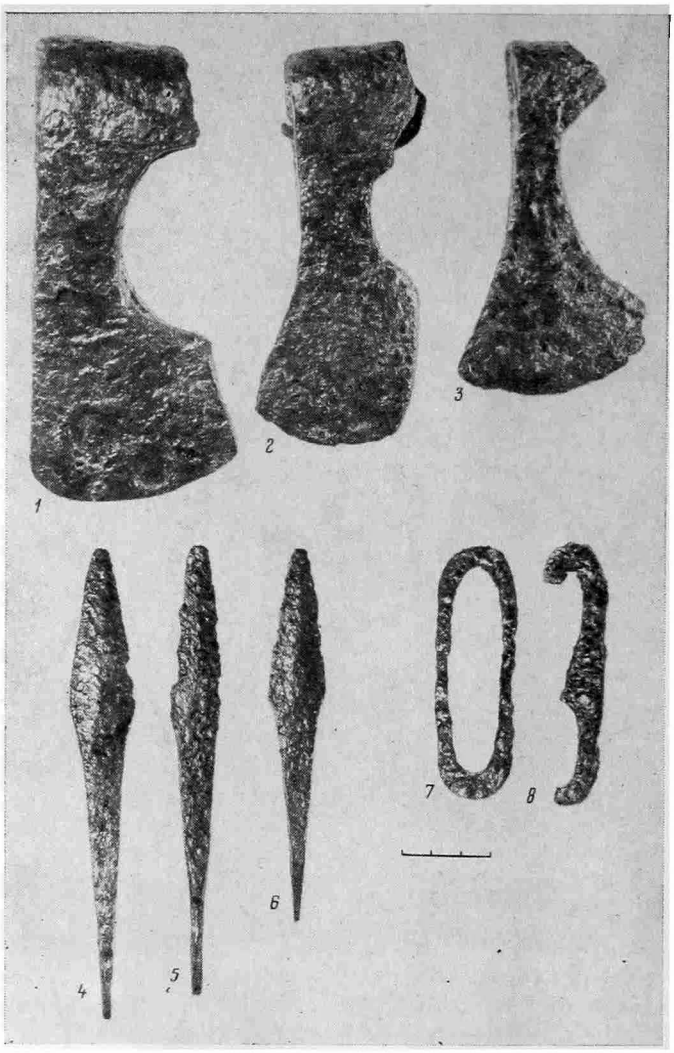


Рис. 8. Бытовой инвентарь, орудия труда и оружие из Корбальского могильника

[45, с. 102—105, рис. 7]. Остальные и крайне немногочисленные стеклянные изделия представлены мелкими зонными бусами ярко-зеленого, голубого, желтого и бирюзового цвета, а также единичными экземплярами пастовых мозаичных бус. Такие украшения бытовали на древнерусских территориях преимущественно в XII и XIII в. [46, с. 165—175].

Группа железных изделий включает топоры, наконечники стрел и копий, кресала и ножи. Два массивных топора с выемкой и опущенным лезвием, характерной особенностью которых является прямая верхняя грань и боковые щекавицы только с нижней стороны обуха, относятся к рабочей разновидности топоров типа V по классификации А. Н. Кирпичникова (рис. 8, *1*, *2*). Время их бытования на Руси — X — первая половина XII в. [47, с. 37—38]. Аналогии топорам этого типа хорошо известны в слоях Новгорода, где прослеживается их существование от X до середины XII в. [48, с. 24, 30, рис. 9А; 12]. Третий топор, отличающийся наибольшими размерами и также имеющий боковые щекавицы с нижней стороны обуха, может быть отнесен к боевой серии топоров (рис. 8, *3*).

Из трех найденных кресал лишь одно сохранилось в целом виде. Это огниво овальной формы (рис. 8, *7*), датируемое по новгородской хронологии XIII—XV вв. [48, с. 100, 101]. Встречено оно, однако, в погребальном комплексе с более ранним набором инвентаря (могила 1). Не исключено, что это местная модификация удлиненно-овальных кресал,

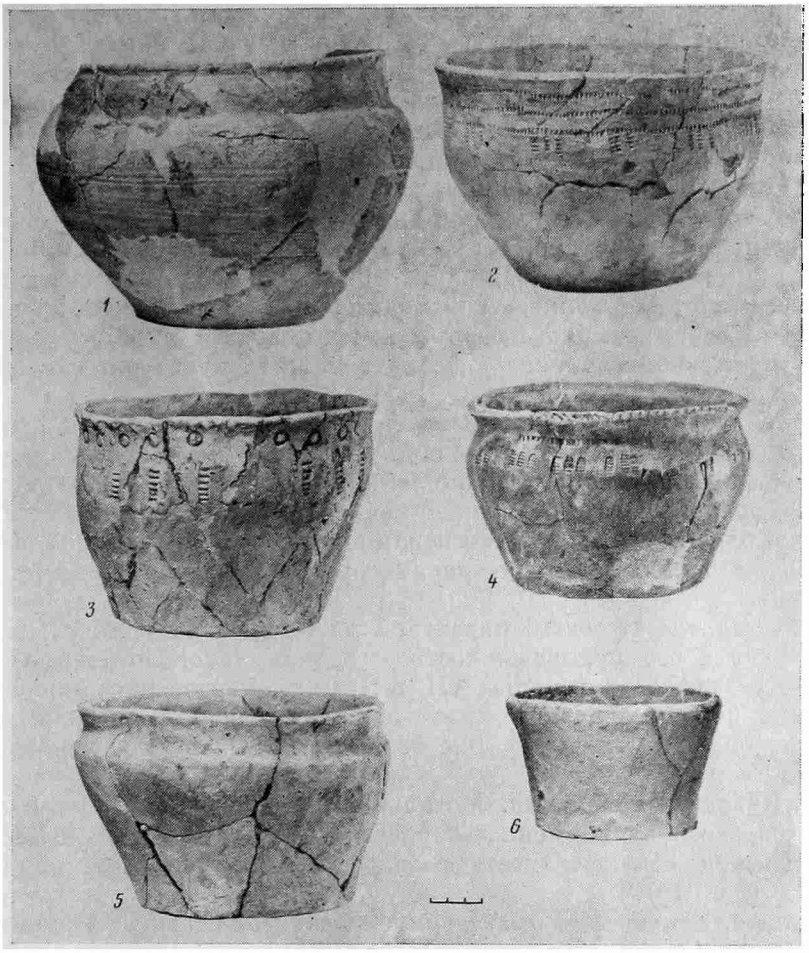


Рис. 9. Керамика из Корбальского могильника. *1* — мог. 17; *2* — мог. 7; *3* — мог. 3; *4*, *6* — мог. 11; *5* — мог. 1

бытовавших с первой половины XII до конца XIII в. Из могилы 9 происходит фрагмент калачевидного кресала с язычком (рис. 8, *8*), датируемого по новгородским аналогиям X — серединой XII в. [48, с. 99, рис. 85].

Наконечники стрел и метальных копий-сулиц входили в инвентарь четырех погребальных комплексов (рис. 8, *4—6*). Все сулицы имеют черешковые наконечники с довольно узким и прочным лезвием шириной 1,8—2,3 см; последняя особенность указывает на боевое назначение корбальских находок [47, с. 23].

В восьми могилах обнаружены глиняные сосуды или их фрагменты, располагавшиеся обычно в южной части ямы. Керамика встречена как в мужских, так и в женских погребениях, причем в трех случаях зафиксированы остатки не одного, а двух-трех сосудов.

Почти вся корбальская керамика изготовлена без применения гончарного круга. Керамическое тесто содержит примесь мелкой дресвы, поверхность имеет серый или серовато-желтый обжиг. Преобладают лепные приземистые горшки с соотношением высоты и диаметра приблизительно 2 : 3 (рис. 9, *2—4*). Диаметр венчика или равен, или несколько меньше наибольшего расширения тулова, приходящего на $^1/_4$—$^1/_5$ высоты сосуда (рис. 9, *3—5*) или же на его первую треть (рис. 9, *1, 2*). Плечики горшков высокие, округлые, слабовыпуклые. Из четырех восстановленных керамических форм этой серии три имеют слабопрофилированные стенки и лишь у одного образца наблюдается заметный переход от отогнутого наружу венчика к шейке сосуда. Орнаментированы горшки гребенчатым чеканом или сочетанием гребенчатого и кольцевидного узоров, у одного сосуда по срезу венчика имеется насечка. Эта керамика имеет несомнен-

ное финно-угорское происхождение. Плоскодонность сосудов резко отличает их от круглодонной посуды, бытовавшей у восточных соседей средневекового населения Заволочья — древних пермян [28, с. 48—50]. Ближайшие аналогии как в форме горшков, так и в орнаментальных мотивах корбальские находки имеют в слоях древнего Белоозера и в угро-финских курганных могильниках Вологодской области [15, с. 54—55, 146—150, рис. 8, *53*, *55—57*; 49, л. 2, 18, рис. 5, *68*].

Кроме горшковидной керамики в Корбале встречен один лепной сосуд баночной формы (рис. 9, *6*). Это небольшой сосуд высотой 7,5 см, с диаметром венчика 12 см, днища — 9 см. Стенки его расширяются от днища к венчику, плечики и шейка не выделены. Такая архаическая форма финской керамики известна по материалам раскопок Белоозера, где она в основном сконцентрирована в нижних культурных напластованиях X — начала XI в. [15, с. 146—147].

Наряду с лепной посудой в рассматриваемом могильнике встречены и горшки, изготовленные на гончарном круге. Количественно они уступают местной продукции ручной лепки, но находки их весьма показательны. Гончарные горшки с линейной орнаментацией (рис. 9, *1*) типологически близки древнерусским керамическим формам и являются ярким показателем усиливающегося славянского влияния на культуру «чуди» Заволочья.

Весь комплекс вещевого инвентаря из Корбальского могильника свидетельствует о его принадлежности к единому хронологическому этапу (конец XI — первая половина XII в.). Для определения нижней даты памятника важное значение имеет и находка в могиле 4 серебряной западноевропейской монеты 70-х годов XI в.— денария, чеканенного в графстве Евер [12].

Усть-Пуйский могильник. Могильник расположен на узком останце второй (боровой) надпойменной террасы, при впадении Пуи в Вагу, близ д. Аксеновской. На поверхности могилы выражены западинами глубиной 0,1—0,3 м (рис. 10).

Могила 1. Заполнение ямы — гумусированный песок, в верхних слоях более темный. Стенки ямы покатые.

Могила 2. Заполнение ямы — гумусированный песок, в верхних частях более темный. Стенки ямы покатые.

Могила 3. Заполнение ямы — гумусированный песок, в верхних частях более темный. Стенки ямы покатые. У восточного края ямы, на глубине 0,5 м от современной дневной поверхности,— горшок.

Могила 4. Заполнение ямы — гумусированный песок с несколькими темными гумусно-золистыми прослойками. На дне остатки сруба с перемешанными останками трупоположения. Не потревоженными оказались лишь кости черепа и левой ноги. Погребенный положен головой на юг. У черепа слева — фрагменты кожи с заклепками, птицевидная подвеска и кремень. На груди слева — ткань и обломки нижней челюсти. Правее их — бусы и мелкий бисер. Ниже и левее — фибула. У восточного края ямы среди обломков дерева — фрагменты цепочки, кольца и остатки решетчатой подвески. Здесь же кусок кремня. В области пояса — птицевидная подвеска и пронизка. У западного края ямы — нож и калачевидное кресало. У бедренной кости правой ноги — топор. На правой же руке — перстень.

Могила 5. Максимальная глубина западины — 0,1 м. Заполнение ямы — гумусированный песок с несколькими темными гумусно-золистыми прослойками. Стенки ямы отвесные. На дне могилы сруб, местами сохранившийся на высоту трех венцов. В срубе два женских костяка головой на запад. Погребение 1 (левое): на черепе от одного виска к другому через теменные кости лежит тканый венчик. У висков луновидные серьги, на шее — гривна, у левого плеча — нож, на груди справа — бубенчик. В области груди — два кольца. На поясе — две подвески-конь-

[12] Пользуемся случаем выразить признательность В. М. Потину за определение этой нумизматической находки.

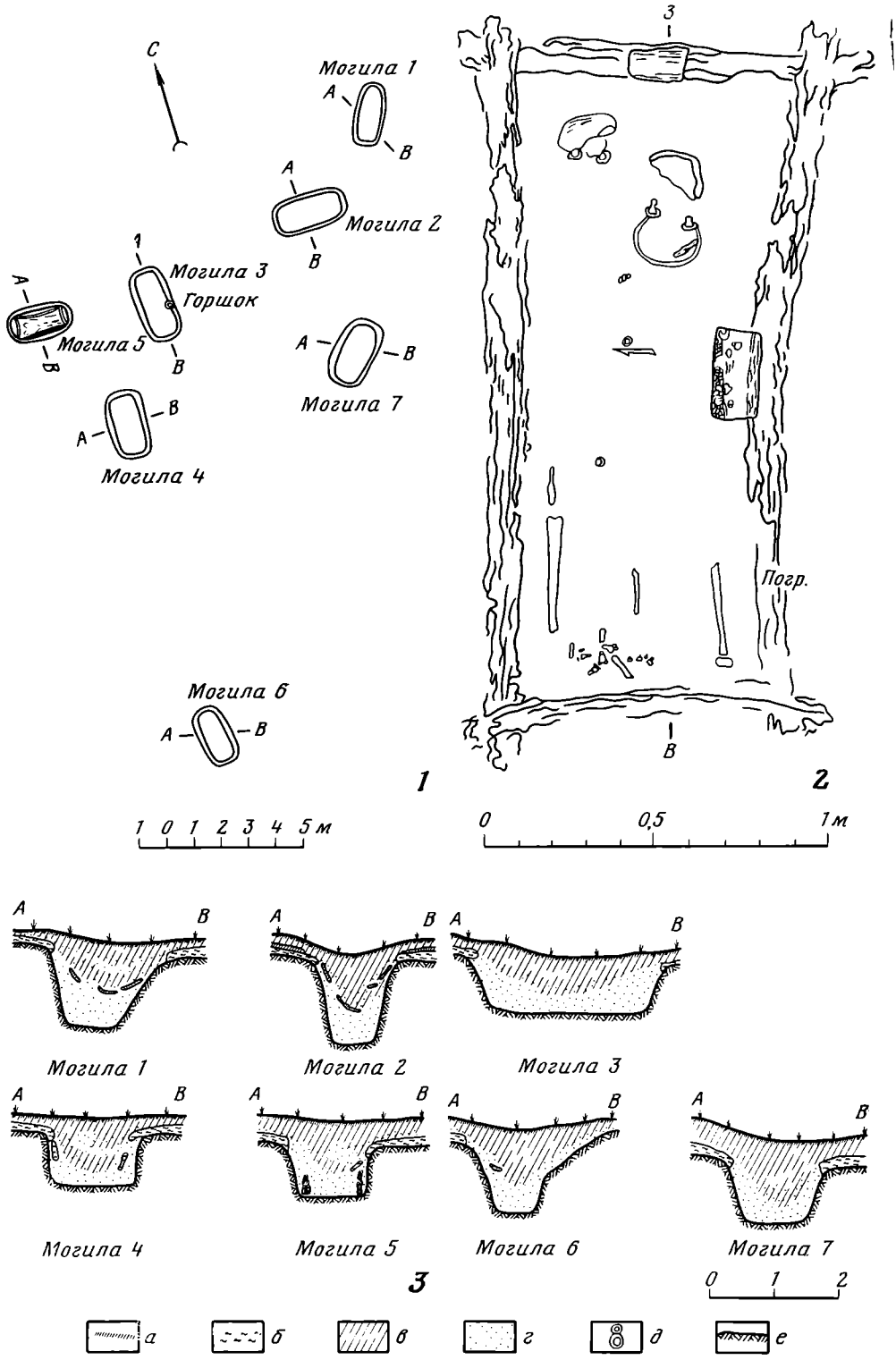


Рис. 10. Усть-Пуйский могильник. *1* — план могильника; *2* — мог. 5; *3* — разрезы могил. *а* — дерн; *б* — подзол; *в* — гумус; *г* — золистые вкрапления; *д* — дерево; *е* — материк

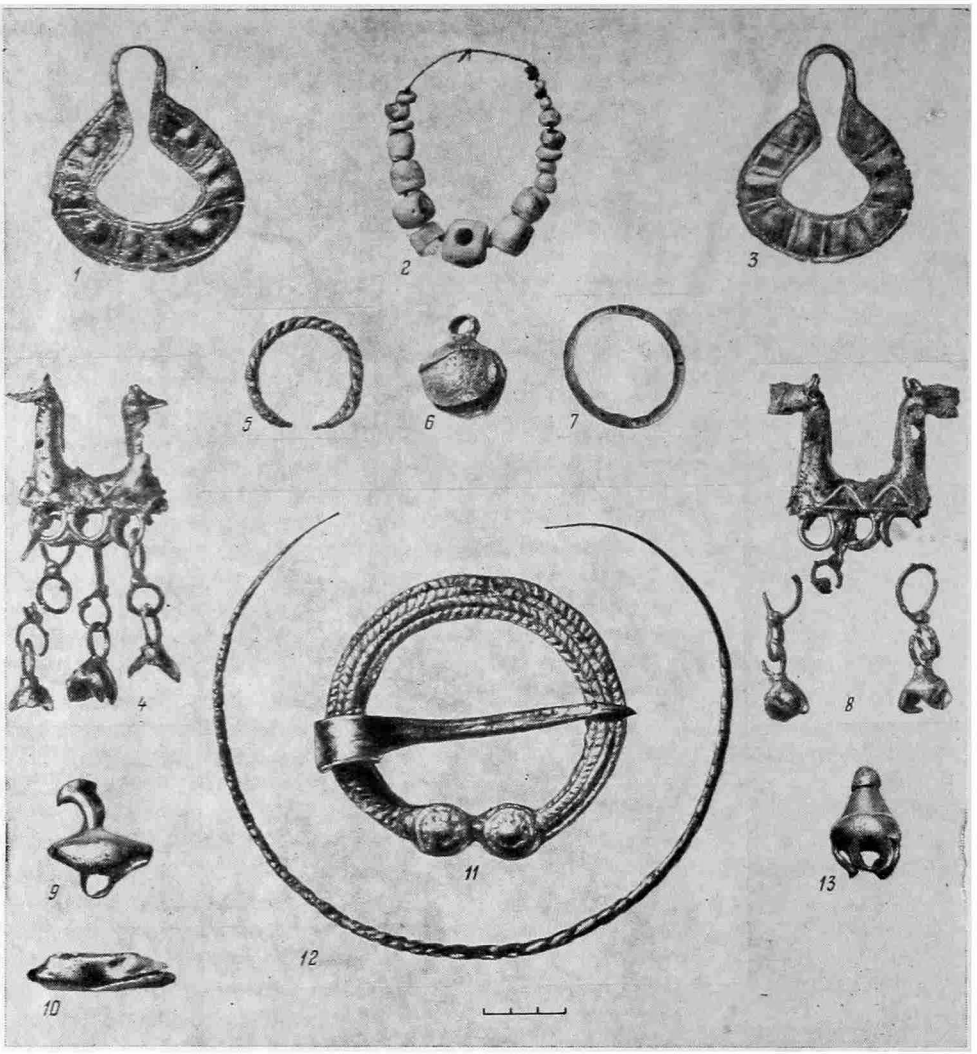


Рис. 11. Находки из Усть-Пуйского могильника. *1, 3—13* — бронзовые украшения; *2* — стеклянные бусы

ка, два бубенчика, справа еще один нож и на пальце правой руки перстень. Здесь же куски грубой шерстяной ткани и тканого пояса, завязанного узлом. Погребение 2 (правое): на черепе венчик, несколько ниже — две серьги. На пальце правой руки — перстень, справа у коленного сустава — нож. У ног — четыре колоколовидные подвески без привесок и четыре оковки-трубочки. В последних обнаружены шерстяные грубые шнурки.

Могила 6. Заполнение ямы — гумусированный песок, в верхних частях довольно темный. Стенки ямы пологие.

Могила 7. Заполнение ямы — гумусированный песок, довольно темный в верхних частях. Стенки ямы пологие.

Погребальный инвентарь. Наиболее ранним по составу вещевых находок является женское захоронение с южной ориентировкой в могиле 4. Инвентарь этого комплекса почти целиком повторяет набор изделий, представленных в Корбальском могильнике. Здесь встречен тот же вариант полых подвесок-уточек, а поясная бронзовая пряжка с сомкнутыми концами и имитацией «косоплетки» полностью тождественна застежке из вышерассмотренного памятника (рис. 11, *9*, *11*). Несомненно, что и по времени погребение 4 оказывается близким корбальским захоронениям. Это подтверждается и наличием в составе шейного ожерелья поздних золотостеклянных бус, и находкой в том же комплексе калачевид-

ного кресала без язычка. Такие кресала, судя по новгородской хронологии, появляются в конце XI в., бытовали весь XII в. и исчезли в следующем столетии. Происходящий из этой же могилы топор аналогичен находкам из Корбалы; дата бытования орудий этого типа — X — середина XII в. Погребение в могиле 4 совершено в конце XI — первой половины XII в.

Несколько иной облик имеет целый ряд металлических украшений, сопровождавших два женских трупоположения в могиле 5. Последние, как отмечалось выше, имели уже не меридиональную (финно-угорскую), а западную ориентировку.

У висков обоих костяков встречены пластинчатые луновидные серьги, украшенные штриховым орнаментом и выпуклинами, оттиснутыми с оборотной стороны (рис. 11, *1*, *3*). Эта форма подвесок является поздней модификацией височных украшений, представленных в Корбальском могильнике. Ареал лунничных украшений включает бассейн Сухоны (Пустошинский и Кудринский могильники — 3 экз.) [42, с. 197—199, рис. 1, *8*, *11*, 2, *4*], Костромское Поволжье (курганные группы у д. Татариново и Залогино — 5 экз) [50, с. 342—343, 424—425] [13] и территориально близкий к последнему бассейн Тезы (курганный могильник у дер. Семухино в Ивановской обл.— 1 экз.) [51, с. 217—218, рис. 1, *13*]. Л. А. Голубева датирует находки из бассейна Сухоны XII в. [15, с. 46], в Семухинском могильнике лунничное кольцо встречено в комплексе XII в., наиболее вероятная дата таких изделий, установленная В. П. Левашовой для находок из курганов — конец XII — начало XIII в. [52, с. 36] [14].

У пояса первого захоронения встречены две подвески в виде полых коньков с разносмотрящими головками (тип XX, по нашей классификации; рис. 11, *4*, *8*). Они принадлежат к стандартной и многочисленной серии зооморфных украшений, изготовлявшихся новгородскими ремесленниками и распространявшихся из Новгорода в земли финно-угорского Севера. Такие подвески появляются в конце XII в. и бытуют на протяжении двух последующих столетий.

«Чудской» формой изделий являются и конические подвески, служившие, судя по их положению при втором женском захоронении, украшением обуви (рис. 11, *13*). В XII—XIII вв. они пользовались большой популярностью в среде различных финно-угорских группировок — от Приладожья на западе до Прикамья на востоке. Известны они и в Белозерье, в грунтовых могильниках бассейна Сухоны, представлены и в коллекции находок из д. Аксеновской.

Остальные металлические украшения — проволочные и ложновитые перстни, шейная гривна из тонкого дрота с перекрученной передней частью и заостренными концами, шаровидный бубенчик с щелевидной прорезью — относятся к числу общераспространенных древнерусских типов изделий, наиболее характерных для XII—XIII вв. По характеру инвентаря могила 5 может быть датирована концом XII—XIII в. (скорее всего XIII в.).

Таким образом, два погребальных комплекса Усть-Пуйского могильника фиксируют разные хронологические этапы развития культуры местного населения. Весь облик вещевых находок из могилы 4 свидетельствует о принадлежности обитателей поселка к той же этнокультурной группировке, памятником которой является Корбальский могильник. Потомками этого населения оставлены захоронения, совершенные в могиле 5. Связующим звеном между ранним и поздним комплексами служит, в частности, такая этнографическая деталь, как наличие в них единого типа головного убора, изготовленного из кожи или шерсти и орнаментированного бронзовыми заклепками (могила 4) или спиральками (могила 5). Но поздний погребальный комплекс Усть-Пуйского могильника

[13] Костромской музей, инв. 15453, 15468.

[14] Очевидно, концом XII в. следует датировать появление и остальных лунничных колец данной формы. Именно с этого времени фиксируется широкое распространение орнаментации из круглых выпуклин, прослеживаемое, в частности, и на щитковых височных кольцах «новгородского» типа (ср.: [52, с. 24, 25]).

интересен именно тем, что он фиксирует новые явления в жизни финноязычных обитателей Заволочья, не прослеживаемые на материалах Корбалы. Меняется облик материальной культуры, наблюдается изменение в такой устойчивой и консервативной сфере этнокультурных традиций, как погребальная обрядность. Появление захоронений с нехарактерной для финно-угорских племен западной ориентировкой может быть поставлено в прямую связь с усилившимся славяно-русским влиянием. По-видимому, не случайно, что в XIII в. фиксируется проникновение в местную среду изделий собственно новгородского ремесленного производства.

При характеристике инвентаря Корбальского могильника отмечалась его несомненная близость с группой вещей, добытых в 1914 г. при рытье погреба в дер. Аксеновской [53, с. 179—180]. Кроме изделий финно-угорского происхождения (прорезная фигурка уточки, подвеска-«всадница», конические и умбоновидные украшения, луновидная серьга) в эту коллекцию входили крестопрорезные грушевидные бубенчики, узкомассивный браслет со стилизованными звериными головками и широкопластинчатый браслет, принадлежащий к типу, наиболее характерному для северо-западной окраины Руси и Прибалтики XI в. Все украшения относятся к единому хронологическому периоду (XI — начало XII в.).

Не вызывает сомнения принадлежность этих изделий к инвентарю разрушенного грунтового захоронения, особенно после открытия в окрестностях дер. Аксеновской Усть-Пуйского могильника. Однако вопрос об их топологической взаимосвязи с новым погребальным памятником представляется более сложным. Усть-Пуйский могильник расположен на заметном удалении (до 600 м) от самой деревни, более того — на противоположном берегу реки. По утверждению старожилов, площадь грунтового кладбища никогда не застраивалась, погребов здесь не рыли, место же находки 1914 г. они локализуют в самой деревне. Можно предполагать наличие не одного, а двух территориально близких «чудских» кладбищ, располагавшихся по обоим берегам Пуи. Возможно также, что относились они к разным хронологическим этапам и предполагаемый Аксеновский могильник с его инвентарем «корбальского» круга древностей предшествовал более позднему, Усть-Пуйскому, хотя эта асинхронность была относительной. Предлагаемая реконструкция комплекса средневековых памятников в устье Пуи имеет под собой ряд оснований, однако состояние источников придает ей известную гипотетичность. Первые археологически изученные памятники финно-угорского населения, обитавшего в бассейне Ваги, содержат важную информацию о культурном своеобразии одной из группировок летописной Чуди Заволочской. Можно констатировать несомненную близость обитателей Заволочья с прибалтийско-финским этническим массивом, хотя намечаются связи и с более восточными финно-угорскими племенами. Интересным представляется и наблюдаемый процесс усиливающегося древнерусского (новгородского) воздействия на культуру «чуди», разрушавший ее прежние племенные традиции.

Открытие первых финно-угорских могильников в обширном «белом пятне» на этнокультурной карте средневековой Восточной Европы знаменует лишь начало планомерного и целенаправленного изучения этого региона. Последующее исследование в бассейне Ваги позволит более полно и детально реконструировать этническую историю загадочного летописного объединения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Овсянников О. В.* Шенкурск. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1978.
2. *Назаренко В. А., Овсянников О. В., Пескова А. А.* Археологические работы в Архангельской и Вологодской областях.— АО — 1977. М., 1978.
3. *Овсянников О. В.* Археологические памятники «чуди заволочской» в бассейне Ваги — В кн.: Вопросы финно-угроведения. Этнография, антропология, археология, фольклористика, литературоведение. Тез. докл. на XVI Всесоюзной конференции финно-угроведов. Сыктывкар, 1979.
4. *Ovsyannikov O. V.* First-discovered burialfield of «Zaloche tschuud».— In: Finno-ugri et slavi. Helsinki, 1980.

5. *Овсянников О. В.* Археологические работы в Архангельской области в 1979 г.— АО — 1979. М., 1980.
6. Повесть временных лет. Т. I. М.— Л., 1950.
7. *Рыбаков Б. А.* Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
8. *Барсов Н. П.* Очерки русской исторической географии. Варшава, 1885.
9. *Насонов А. Н.* Русская земля и образование территории древнерусского государства. М.: Изд-во АН СССР, 1951.
10. *Васильев Ю. С.* О историко-географическом понятии «Заволочье».— В кн.: Проблемы истории феодальной России. Л.: Изд-во ЛГУ, 1971.
11. *Арциховский А. В.* Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1952 г. М.: Изд-во АН СССР, 1954.
12. Русские достопамятности. Ч. I, М., 1815.
13. *Данилова Л. В.* Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV—XV вв. М.: Изд-во АН СССР, 1955.
14. *Голубева Л. А.* Археологические памятники веси на Белом озере.— СА. 1962, № 2.
15. *Голубева Л. А.* Весь и славяне на Белом озере. X—XIII вв. М.: Наука, 1973.
16. *Архипова Г. А.* Марийцы IX—XI вв. К вопросу о происхождении народа. Йошкар-Ола, 1973.
17. *Тухтина Н. В.* Новый памятник веси на р. Суде.— В кн.: Ежегодник ГИМ, 1965—1966. М.: Сов. Россия, 1970.
18. *Рябинин Е. А.* Зооморфные украшения Древней Руси X—XIV вв. САИ, вып. Е1—60. Л., 1981.
19. *Спицын А. А.* Археологический альбом.— ЗОРСА, 1915, т. XI.
20. *Tallgren A. M.* Biarmia.— ESA, 1931, t. VI.
21. *Спицын А. А.* Западные финны.— Архив ЛОИА АН СССР, ф. 5, д. № 374.
22. *Горюнова Е. И.* Этническая история Волго-Окского междуречья.— МИА, 1961, № 94.
23. *Архипов Г. А.* Починковский могильник.— В кн.: Древности Волго-Камья. Казань, 1977.
24. *Кочкуркина С. И.* Юго-Восточное Приладожье в X—XIII вв. Л.: Наука, 1973.
25. *Ушаков Я. А.* Раскопки в Мышкинском уезде 1887 г.— Тр. XII АС, т. I, М., 1890.
26. *Ушаков Я. А.* Отчет о раскопках в Угличском уезде, произведенных в 1876 г.— ИОЛЕАЭ, 1878—1879, т. XXXI.
27. *Спицын А. А.* Древности бассейнов рек Оки и Камы.— МАР, 1901, № 25.
28. *Савельева Э. А.* Пермь вычегодская. М.: Наука, 1971.
29. *Успенская А. В.* Нагрудные и поясные подвески.— Тр. ГИМ, 1967, вып. 43.
30. *Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.).— МИА, 1959, № 65.
31. *Савельева Э. А.* Лузская пермца. Сыктывкар, 1972.
32. *Фехтер М. В.* Шейные гривны.— Тр. ГИМ, 1967. вып. 43.
33. *Левашева В. П.* Браслеты.— Тр. ГИМ, 1967, вып. 43.
34. *Арциховский А. В.* Курганы вятичей. М., 1930.
35. *Равдина Т. В.* О датировке вятичских курганов.— СА, 1965, № 1.
36. *Никольская Т. Н.* Хронологическая классификация верхневолжских курганов.— КСИИМК, 1949, вып. XXX.
37. *Недошивина Н. Г.* Перстни.— Тр. ГИМ, 1967, вып. 43.
38. *Мальм В. А.* Подковообразные и кольцевидные застежки-фибулы.— Тр. ГИМ, 1967, вып. 43.
39. *Седов В. В.* Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья.— МИА, 1970, № 163.
40. *Савельева Э. А., Малышев Н. П.* Чабровское городище.— МАЕСВ, 1977, вып. 6.
41. *Тухтина Н. В.* Об этническом составе населения бассейна реки Шексны в X—XII вв.— Тр. ГИМ, 1966, вып. 40.
42. *Черницын Н. А.* Угро-финские могильники на территории Вологодской области.— СА, 1966, № 4
43. Дело Археологической комиссии о высылке на рассмотрение Комиссии древностей, хранящихся в Вологодской семинарии. Архив ЛОИА АН СССР, ф. 1, д. № 12 за 1871 г.
44. *Фехтер М. В.* К вопросу об экономических связях древнерусской деревни.— Тр. ГИМ, 1959, вып. 33.
45. *Колчин Б. А.* Хронология новгородских древностей.— СА, 1958, № 2.
46. *Шапова Ю. Л.* Стеклянные бусы древнего Новгорода.— МИА, 1956, № 55.
47. *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. Вып. 2.— САИ, вып. Е1-36. Л., 1966.
48. *Колчин Б. А.* Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого.— МИА. 1959, № 65.
49. *Никитин А. В.* Археологический отчет о раскопках курганов у дер. Новинка в 1969 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 3982 а.
50. *Бекаревич Н. М.* Дневники раскопок курганов в 1895—1899 гг.— В кн.: Костромская старина. Вып. V. Кострома, 1901.
51. *Ерофеева Е. Н.* Курганный могильник у д. Семухино на р. Тезе.— В кн.: Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М.: Наука, 1976.
52. *Левашева В. П.* Височные кольца.— Тр. ГИМ, 1967, вып. 43.
53. ОАК за 1913—1915 гг. Пг., 1918.

V. A. Nazarenko, O. V. Ovsyannikov, E. A. Ryabinin

MEDIAEVAL SITES OF THE CHUD ZAVOLOCHSKAYA

Summary

In 1977-1979, burials of Finno-Ugric population mentioned in mediaeval written monuments as Chud Zavolochskaya were first discovered and studied in the Vaga basin (Shenkursk District, Arkhangelsk Region). Seventeen ground burials were opened at the village of Korbala. The dead were both cremated and inhumed, the laying of the body in all of them was south-oriented. According to the grave goods the site is dated to the late 11th-first half of the 12th century. The second burial ground dated to the late 11th-13th centuries, at the Puya mouth, the Vaga tributary, had seven ground burials. In two cases the dead were south- and west-oriented. The burials have revealed rich and varied material contributing to our general idea of the Chud Zavolochskaya's culture. The data obtained testify to the affinity between Finno-Ugric population of the western part of the Dvina basin and the Finno-Baltic ethnic enclave. At the same time, distinct elements typical for the Eastern Finnish mediaeval tribes can be discerned in the local culture. The materials from the burials make it possible to trace the Slavonic-Finnish interaction and the gradual loss by the Chud communities of their traditions.

ЗАЛЕССКАЯ В. Н.

ВИЗАНТИЙСКИЕ БЕЛОГЛИНЯНЫЕ РАСПИСНЫЕ КРУЖКИ И КИЛИКОВИДНЫЕ ЧАШКИ

Византийская белоглиняная расписная посуда принадлежит к относительно немногочисленному, но художественно совершенному виду керамики. Характер изображений на дошедших до нас образцах обнаруживает связь с идейными и стилистическими тенденциями искусства средневизантийского периода, что дает основание рассматривать эту керамику как показательное культурно-историческое явление.

Среди разнообразных по форме сосудов выделяется группа небольших по емкости чаш, обычно называемых при публикации чашками или чашечками. Они имеют низкий кольцевой поддон и снабжены одной или двумя ручками; высота стенок колеблется от 6,9 до 8,9 см, а диаметр ножки — от 4,5 до 6,9 см. [1, № 185, 187, 214, 216, 220, 332—333, 343, 350, 352—355]. Такие сосуды уменьшенные в размерах и упрощенные по форме килики — назывались в византийских и в античных источниках — τὰ κυλίχνια [2, с. 46, 47]. Среди более чем тридцати хранящихся в различных музеях мира фрагментированных сосудов интересующего нас типа лишь немногие настолько сохранились, что можно с уверенностью судить об их изначальной форме. Такие образцы были найдены в Афинах [3, с. 457—458, рис. 19], Коринфе [1, с. 65, рис. 48, *а—п*], Херсонесе [4, с. 138—139, рис. 2, № 8—10; рис. 4, № 1—4, 14, 16, 18] и Преславе [5, № 110—111]. В прочих случаях наличествуют только донца сосудов с нанесенным на них черной краской крестом и фрагменты стенок с растительной или геометрической полихромной росписью. Стратиграфическая дата этих чашек колеблется в пределах двух или даже трех веков. Так, к IX—X вв. относятся предметы из Херсонеса [6, с. 358, табл. XVIII, № 4, 5], Саркела [7, табл. 45] и Несебра [8, с. 202—212, № 84, 85]; фрагменты, обнаруженные на месте Большого Дворца в Константинополе, датируются монетами в пределах X в. [9, с. 44—46, табл. XXII; № 1—2]; донце чашки из Новгорода найдено в 26—27 ярусах, попадающих во временной промежуток между 972—989 гг. [10, с. 270, табл. 4, № 1]; X в. датируются белоглиняные расписные чашки из Преславы [11, с. 52]. Периодом между второй половиной IX и началом XI в. датируются сосуды из Коринфа [1, с. 67], Фессалоник [12, с. 422], Керчи и Тамани [13, с. 11—16, табл. II, рис. 1—3, табл. V, рис. 1—3]. Наконец, X—XI вв. датируются чашки из Диогетии [14, с. 277, табл. XXII, № 7—8] и Афин [3, с. 433]. Следует отметить, что предметы из Херсонеса, Несебра, Фессалоник и Афин найдены при обстоятельствах, не фиксирующих точной археологической даты, их временная атрибуция дана издателями по аналогии.

Каталогизация византийской белоглиняной расписной керамики Эрмитажа [15] привела к обнаружению еще пяти фрагментов. Четыре из них — донца (рис. 1, 2*а—б*, 3, 4); пятый — часть стенки чашки (рис. 5). Дно чашки с крестом (инв. № X-985) было найдено в Херсонесе в 1949 г. при раскопках дома IX—X вв. возле базилики 1935 г. (рис. 1); дно и части стенок чашки (рис. 2, *а—б*), декорированной помимо креста растительным орнаментом, заключенным в прямоугольники, также происходит из Херсонеса (точное время и место находки не зафиксированы). Аналогичный фрагмент стенки чашки с полихромной двусторонней росписью был найден в XX квартале северной части Херсонеса при снятии холма, искусственно созданного монастырем Св. Вла-

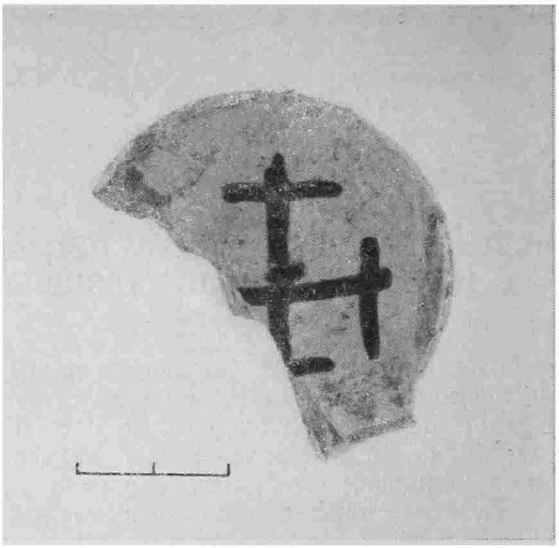


Рис. 1. Дно чашки с крестом. Эрмитаж

димира для сооружения беседки [16, с. 10]. Оттуда же происходят дно чашки, декорированное заключенной в голубовато-зеленый круг крестообразной фигурой с точками в перекрестьях (рис. 3) [17, с. 3, табл. VIII] и донце с крестом (рис. 4) [18, с. 9].

По тем данным, которыми мы сейчас располагаем, белоглиняные расписные сосуды являются изделиями византийских керамистов, работавших предположительно в районе Константинополя и северо-западной части Малой Азии в IX—XI вв. [1, с. 67; 4, с. 125—126, 139; 9, с. 38, 58; 13, с. 11—20; 19, с. 379—380]. При всем внешнем сходстве между собой византийские κυλίκια неоднородны по структуре и характеру росписи. Они имеют неодинаковую форму тулова и ручек, различаются очертаниями венчика и формой помещенного на внутренней стороне поддона креста. Существуют два типа сосудов: киликовидные чашки с двумя петлеобразными ручками, соединяющими венчик сосуда с основанием (рис. 6), и кружки с кольцевыми (реже петлеобразными) ручками, расположенными в наиболее выпуклой части тулова (рис. 7). Форма кружек достаточно разнообразна: у одних стенки и венчик прямые, другие имеют бочкообразное тулово и воронковидное горло, третьи — почти подобны киликовидным чашкам, но снабжены одной ручкой. Роспись на дне сосудов имеет то форму креста, то крестообразной или даже ромбовидной фигуры. Киликовидные сосуды с росписью по своей форме подобны белоглиняным с зеленой поливой без рисунка чашкам (рис. 8), столь характерным для X в. [20, с. 83—84].

Датировка кружек менее определенна. Кружки с кольцевыми ручками, овальным в профиле туловом и воронковидным горлом появляются в Византии в VIII—IX вв. под влиянием восточных, в отдельных случаях варварских (аварских) образцов VII—VIII вв., занесенным в империю из степей Евразии [21, с. 15, рис. на обложке]. Так, расписная кружка из Херсонесского музея (ХМ, инв. № 2289/11; рис. 7) обнаруживает некоторое сходство с деревянной с золотой обкладкой кружкой-кувшинчиком из Перещепина: у обоих предметов весьма близки венчик и форма ручки. Последняя имеет весьма характерный декор. Если на изделиях аварских торевтов ручка-кольцо составлена из шариков, то на керамических византийских кружках кольцевые ручки покрыты нанесенными черной краской штрихами или каплями, которые, располагаясь друг за другом, подражают металлическим шарикам. В этой связи любопытно отметить, что керамическая кружка X в. с росписью из Гнездова [13, с. 14, табл. III, № 7], отличная по своей форме от κυλίκια также обнаруживает явное подражание металлическому образцу: налеп

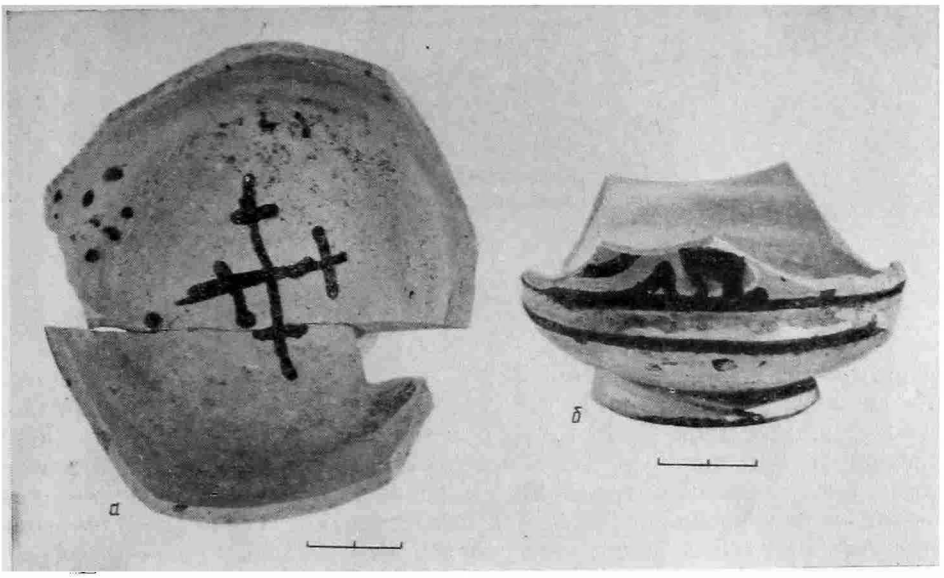


Рис. 2

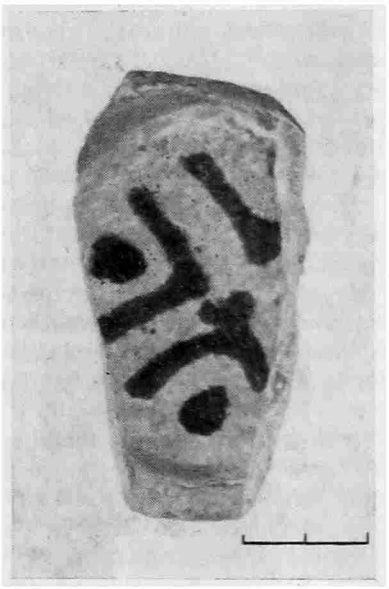


Рис. 3

Рис. 4

Рис. 2*а*, *б* — дно и части стенок чашки с крестом. Эрмитаж

Рис. 3. Дно сосуда с крестообразной фигурой. Эрмитаж

Рис. 4. Дно чашки с крестом. Эрмитаж

на ее кольцевой ручке подобен аналогичному украшению на изделиях восточных торевтов. Таким образом, коль скоро уже в IX в. бытовали белоглиняные кружки с росписью, именно они могут характеризовать начальную стадию развития расписной полихромии в византийской керамике. Сосуды другого типа, с признаками киликовидных чашек, как уже отмечалось (рис. 8), тяготеют к X в. Что касается декора на дне рассматриваемых предметов, то кресты наличествуют как на кружках, так и на киликовидных чашках; произведенный же от креста орнамент встречается только на киликовидных сосудах. Итак, интересующие нас памятники неоднородны по своей структуре и, очевидно, разновременны. К более ранним образцам (IX в.) следует отнести сосуды с крестами,

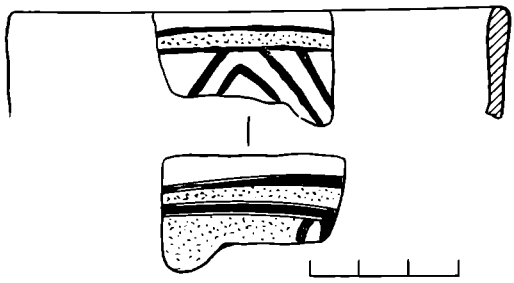


Рис. 5. Фрагмент стенки чашки. Эрмитаж

имеющими перекрещенные концы, так называемые кресты иконоборческого типа [22, с. 175—207], датируемые сфрагистическим материалом VIII—IX вв. [23, табл. 2, № 15—17], и бытующие, согласно памятникам миниатюрной живописи, в IX—X вв. [24, табл. XLII, № 236]. Наследование иконоборческой традиции указывает также растительно-геометрический декор росписи. Данные археологии, как было сказано выше, свидетельствуют о бытовании этих сосудов в IX—XI вв.

Каково было назначение этих предметов? Их бóльшая часть, как и аналогичных по форме сосудов без росписи, очевидно, употреблялась в быту. Однако едва ли правомерно считать, что κυλιχνια, имевшие на дне крест, также служили бытовыми сосудами для питья. Крест на блюде или чаши — верное свидетельство того, что данному предмету была отведена определенная роль в христианском культе. Таковы потиры, дискосы, водосвятные чаши, фиалы для освещенного масла или воды. Ни к одному из перечисленных видов предметов κυλιχνια не относятся. Их можно сопоставить только с раннехристианскими бронзовыми кружками с хризмами, которые, как считал де Росси, использовались при обряде крещения [25, с. 57—62, рис. 1—3]. Получившая распространение на Западе обливательная форма крещения допускалась церковью лишь при чрезвычайных обстоятельствах: недостаток воды в пустыне, болезнь крестимого и т. д. [26, с. 286]. О таком случае повествует, например, житие Василея, где святой воскрешает умершего посредством крещения [27, с. 46—47]. Обычный же обряд должен был совершаться через троекратное погружение, каковое, по толкованию Иоанна Дамаскина, было символом трехдневного пребывания Христа во гробе [28, с. 295—296].

Поскольку рассматриваемые кружки с крестами сделаны византийскими мастерами, а места обнаружения указывают на их бытование как в самой Византии, так и в странах, церковная организация которых подчинялась константинопольской патриархии, «обливательное» назначение кружек должно быть исключено [28, с. 297—303]. Однако литургические кружки в церковной практике имели и другое назначение. В этой связи заслуживает внимания текст 19 канона Ипполита, включенный в так называемые «Апостольские постановления» (Constitutiones apostolorum) [29, с. 38]. Этот канон предписывает дьякону или пресвитеру после совершения над взрослым человеком обрядов крещения и евхаристии дать новому христианину выпить молока с медом (иногда только молоко) [30, с. 213].

Литургическая практика такого рода заключала в себе двоякую символику: во-первых, взрослый новокрещенец как бы обращался в младенца и, как таковой, начинал «питаться молоком учения», а во-вторых, приобщение к правой вере было равносильно обретению рая, где по ветхозаветным преданиям (кн. Левит, XX, 24) в изобилии текли молоко и мед. Греческий текст канонов Ипполита, свидетельством существования которого являются отдельные выдержки из посланий епископа Киприана, до нас не дошел [31, с. 50—73], латинский текст — позднейший и является переводом с наиболее полной, но изобилующей относительно новыми доделками, арабской версии [29, с. 39, 100]. В древнейшем, ныне существующем только на коптском языке [32, с. 216], тексте 19 канона Ипполита особо следует отметить два обстоятельства: 1) со-

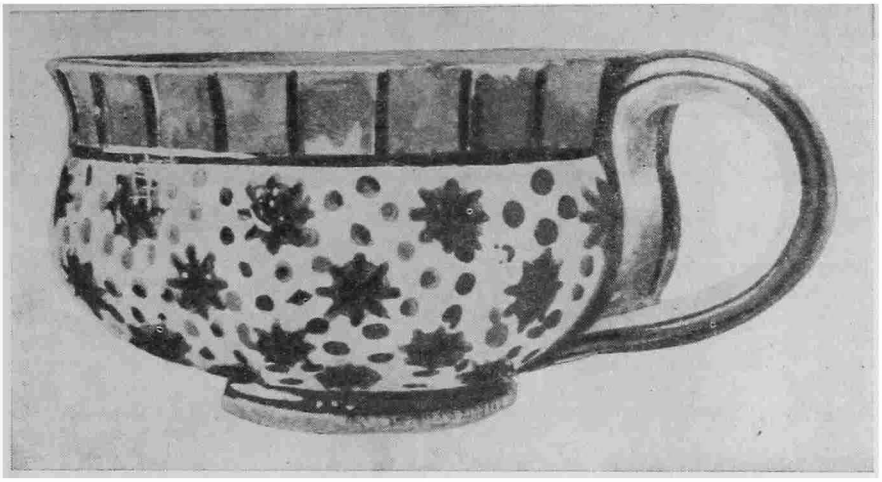


Рис. 6. Чашка из Коринфа. Археологический музей Коринфа

суд, в который налиты молоко и мед, назван коптским термином, означающим бытовой сосуд-кубок, бокал, кружку[1]; 2) этот предмет отличен от евхаристической чаши, которая упоминается в том же тексте и обозначена греческим термином — τὸ ποτήζιον [33, с. 319—320].

Следовательно, в данном литургическом действии принято было пользоваться обычным бытовым сосудом, приспособленным для культовых целей. Этот обряд, установление которого приписывается еще отцам церкви, на практике применялся достаточно редко и, хотя никаких церковных запретов по этой части не было, после IX в. [28, с. 443—444] вышел из употребления. Так, арабский переводчик коптского текста, работавший вскоре после 926 г. [34, с. 567], допускал уже такое искажение оригинала, которое свидетельствует, что к этому времени данный обряд был забыт, так как, очевидно, вышел из практики восточной церкви.

Итак, с одной стороны, нам известны кружки и киликовидные чашки с крестами, древнейшие из которых относятся к IX в., а с другой — письменные источники сообщают о существовании в это время особого культа, где подобные предметы могли найти применение. Это дает основание считать κυλίχνια с крестами литургической посудой, используемой при особом «расширенном» крещении.

Существует ряд косвенных данных, подтверждающих культовое назначение κυλίχνια. Известны три случая связи этих сосудов с церковью: хранящееся в Эрмитаже (рис. 1) донце чашки найдено вблизи базилики 1935 г. в Херсонесе, чашка из Афин — около церкви Гипопанты [3, с. 433], а стенки чаши с крестами в медальонах и греческой надписью [πίετε] ἐξ αὐτοῦ [πάντες] — «все пейте из него» происходит из крипты базилики св. Димитрия в Фессалониках [12, с. 422]. Места обнаружения этих предметов показательны и в другом отношении. Большая часть литургических кружек найдена за пределами собственно границ Византии: в Болгарии, Румынии, в различных центрах Северного Причерноморья, в хазарском Саркеле, в древнерусских городах, т. е. во всех тех районах, где именно с IX в. активно действовали византийские миссионеры. IX век был периодом усиления внешнеполитической активности Византийской империи, стремившейся использовать временное ослабление Арабского халифата и Первого Болгарского царства. Одновременно это был и «золотой век» миссионерской деятельности византийского духовенства, стремившегося распространить свое влияние на такие политические образования, как Хазарский каганат, Первое Болгарское царство, держава «русов» на Днепре [35, с. 16—17]. В Болгарии, принявшей христиан-

[1] В немецком переводе Ахелиса удачно подобрано для обозначения этого предмета слово «Becher» (а не Kelch), а в английском Хорнера — «cup» (а не chalice).

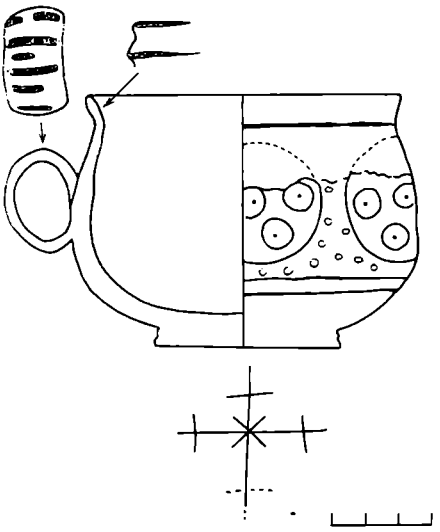


Рис. 7

Рис. 7. Кружка из Херсонеса. Херсонесский музей

Рис. 8. Белоглиняные с зеленой поливой чашки. Археологический музей Коринфа. (По Ч. Моргану, рис. 36 А, В)

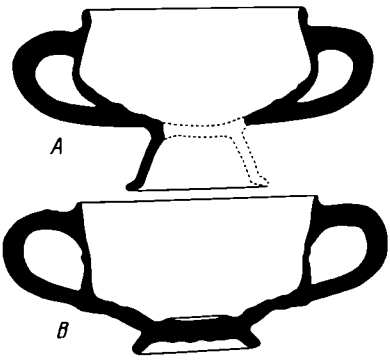


Рис. 8

ство в 864 г. и Великой Моравии проповедовали Кирилл и Мефодий; последний возглавил созданную около 870 г. архиепископию, охватывавшую территорию Паннонии и Моравии [35, с. 37]; в начале 60-х годов IX в. Кирилл (Константин Философ) посещает Хазарию (ср. бывшую в 833 г. военно-политическую миссию спафарокандидата Петроны Комитра) и Херсонес. Этот форпост византийского господства в Северном Причерноморье в период деятельности славянских просветителей выступает в роли «культурного моста» между Византией и язычниками Севера [36, с. 49]. Этим функциям Херсонеса в немалой степени содействовало иконоборческое движение, вызвавшее эмиграцию православного духовенства. О его значении свидетельствует 92-е послание Федора Студита [37, с. 80—118]: «Провидение, спасительное для всех, устроило эту ссылку, не ради только их спасения, но и ради спасения тамошних жителей. Они явились там (в Херсонесе и его округе) светильниками, поставленными дабы светить во тьме и заблуждении жизни, путеводителями слепых, наставниками добродетели, проповедниками благочестия» [38, стб. 1344] (перевод см. [36, с. 40]). Уместно предположить, что в тех случаях, когда крестились, например, предводители варварских дружин, в помощи и поддержке которых была заинтересована Византия, как раз и могла иметь место пышная, со всей сложной символикой литургия, которую завершало своеобразное «причастие» молоком и медом.

Кроме того, сама форма креста с перекрещенными концами может указывать на специальное культовое назначение сосудов, украшенных таким образом [2].

Итак, сопоставление данных археологии и письменных источников позволяет заключить, что находимые при раскопках белоглиняные донца сосудов с крестами принадлежали литургическим κυλίκνια, наиболее ранние образцы которых относятся к IX в. В последующие столетия, хотя сами сосуды еще продолжали бытовать, их культовая функция постепенно угасает, что находит выражение в трансформации креста на поддоне в орнамент крестообразного типа.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Morgan Ch.* The Byzantine Pottery.— Corinth, 1942, v. XI.
2. *Frisk H.* Griechisches etymologisches Wörterbuch. Lfg 20. Heidelberg, 1960.
3. *Frantz A.* Middle byzantine Pottery in Athens.— Hesperia, 1938, v. VII, № 3.
4. *Талис Д. Л.* К характеристике византийской керамики IX—X вв. из Херсонеса.— Тр. ГИМ, 1960, вып. 37.

[2] Как нам любезно сообщила Т. И. Макарова такой крест в русской церкви носит название архиерейского и имеется на ряде древнерусских культовых предметов XII—XIV вв.— иконках с изображением Богоматери, держателях энколпионов.

5. La Bulgarie médiévale. A l'occasion du XIIIe centenaire de la fondation de l'Etat bulgare. Grand Palais, Paris, 13 juin — 18 aout 1980. Paris. 1980.
6. *Якобсон А. Л.* Раннесредневековый Херсонес.— МИА, 1959, № 63.
7. *Плетнева С. А.* Керамика Саркела — Белой Вежи.— МИА, 1959, № 75.
8. *Cimbuleva J.* Vases à glaçure en argile blanche de Nessebre. (IX—XII ss).— Nessebre (Sofia), 1980, t. 11.
9. *Stevenson R.* The Great Palace of the Byzantine Emperors. The Pottery. L., 1947.
10. *Медведев А. М.* Ближневосточная и золотоордынская поливная керамика из раскопок в Новгороде.— МИА, 1963, № 117.
11. *Акрабова-Жандова И.* Преславская рисованная керамика.— В кн.: Болгарская средневековая культура. София, 1964.
12. *Bakirtzis Ch., Papanikola-Bakirtzis D.* De la céramique byzantine en glaçure a Thessalonique.— Byzantino-bulgarica (Sofia), 1981, t. VII.
13. *Макарова Т. И.* Поливная посуда. Из истории керамического импорта и производства древней Руси. М.: Наука, 1967.
14. *Barnea I.* Dinogetia — ville byzantine du Bas-Danube.— BYZANTINA, Θεσσαλονίκη, 1980.
15. *Zalesskaja V. N.* Nouvelles découvertes de céramique peinte byzantine du X-e siécle.— Cahiers archéologiques, 1984, t. XXXII.
16. *Белов Г. Д.* Отчет о раскопках в Херсонесе в 1978 г.— Архив Отдела античного мира ГЭ, ф. Херсонесской экспедиции.
17. *Калашник Ю. П.* Отчет о раскопках в Херсонесе в 1980 г.— Архив Отдела античного мира ГЭ, ф. Херсонесской экспедиции.
18. *Калашник Ю. П.* Отчет о раскопках в Херсонесе в 1981 г.— Архив Отдела античного мира ГЭ, ф. Херсонесской экспедиции.
19. *Hayes J. W.* Problèmes de la céramique de 7-e — 9-e siecles ap. J. C. à Salamine et à Chypre.— In: Histoire et archéologique. Colloques internationaux du centre National de la recherche scientifique. P., 1980.
20. *Якобсон А. Л.* Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л.: Наука, 1979.
21. *Маршак Б. И., Скалон К. М.* Перещепинский клад. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1972.
22. *Lafontaine-Dosogne J.* L'église aux troix croix de Gullu Dere en Cappadoce et le probleme du passage du décor «iconoclaste» au decor figuré.— Byzantion, Bruxelles, 1965, t. XXV, fasc. 1.
23. *Seibt W.* Die byzantinischen Bleisiedel in Österreich. T. I. Kaiserhof — Wien, 1978.
24. *Weitzmann K.* Die byzantinische Buchmalerei des 9 und 10 Jahrhunderts. B., 1935.
25. *Rossi G. B.* Della «Schola Sodalium Serrensium» scoperta presso la via Nomentana.— Bull. archeologia cristiana, Roma, 1864, an. 11, № 8.
26. *Смирнов Ф.* Богослужение христианское со времен апостолов до IV века. Киев, 1876.
27. *Латышев В. В.* Житие св. епископов херсонских.— Зап. Имп. Академии наук по историко-филологическому отделению. Спб., 1906, т. VIII, № 3.
28. *Алмазов А.* История чинопоследований крещения и миропомазания. Казань, 1885.
29. *Achelis H.* Die ältesten Quellen des orientalischen Kirchenrechtes. B. 1. Die canones Hippoliti. Leipzig, 1891.
30. *Riedel W.* Die Kirchenrechtsquellen des Patriarchats Alexandrien. Leipzig, 1900.
31. *Funk F. X.* Doctrina duodecim apostolorum. Canones apostolorum ecclesiatici. Tubingue, 1887.
32. *Lagarde P.* Aegyptiaca. Canones apostolorum. Gottingae, 1883.
33. *Horner G.* The Statutes of the Apostles or Canones Ecclesiastici. Translation of the Saidis. L., 1904.
34. *Périer J., Périer A.* La version arabe des 127 Canons des Apotres.— Patrologia orientalis. P., 1912, t. VIII, fasc. 4.
35. *Флоря Б. Н.* Сказания о начале славянской письменности.— В кн.: Памятники средневековой истори народов центральной и восточной Европы. М.: Наука, 1981.
36. *Шестаков С. П.* Памятники христианского Херсонеса. Вып. III. Очерки по истории Херсонеса в VI—X веках. М., 1908.
37. *Tougard A.* La persécution iconoclaste d'après la correspondance de saint Théodore Studite.— Rev. questions historiques. P., 1891, t. 50 (n. s. 6).
38. Theodori Studitae epistolarum lib. il.— MPG, t. XCIX. Parisiis, 1860.

V. N. Zalesskaya

BYZANTINE WHITE-CLAY PAINTED AND CYLIX-TYPE CUPS

Summary

The author undertakes the attribution of a group of Byzantine cups made of white clay with crosses on the reverse of their bottoms and polychrome painting on the sides. Archaeological and literary sources make it possible to surmise that bottoms carrying black crosses which are found by archaeologists might have come from liturgical vessels used for solemn christenings of adults: they were filled with milk and honey to be drank by the neophyte. The earliest objects of this type date to the 9th century. In the following century such vessels gradually lost their liturgical significance, the bottom crosses being transformed into cross-like ornaments.

НОСКОВА Л. М.

ДЕКОРАТИВНОЕ УБРАНСТВО ДВОРЦОВОГО КОМПЛЕКСА XIV в. В САРАЕ

(Селитренное городище)

Проведенные в 1978—1980 гг. Селитренским отрядом Поволжской археологической экспедиции раскопки дворцового комплекса [1], состоящего более чем из 30 комнат, в столице Золотой Орды Сарае (городище Селитренное Астраханской области, раскоп XI) дали еще один образец золотоордынской архитектуры, наглядно подтвердивший ее тесные связи с мусульманским искусством и зодчеством.

Обилие материала позволяет считать это здание наиболее богатым из ранее раскапывавшихся на территории Золотой Орды. Дворец основательно разрушен; раскопками удалось выявить лишь его планировку, определить центральные помещения и помещения хозяйственного назначения. Значительное количество изразцов, фрагментов настенной росписи, алебастровых решеток, элементов резных мозаик дает представление о декоративном оформлении этого сооружения.

Наиболее красочны из всего найденного архитектурного декора майолики на кашинном тесте с полихромной надглазурной росписью и позолотой. Они представляют собой различные по форме фигуры или их фрагменты, предназначенные для выкладки декоративных панно, выполненных по всем правилам построения геометрических узоров, которые были столь тщательно разработаны на мусульманском Востоке и явились основой развития исламского орнаментализма.

Большая часть изразцов была обнаружена при вскрытии помещения 13 (на участках 41 и 51) на уровне 1-го строительного периода. Бессистемное их залегание свидетельствует о том, что они были принесены сюда после разборки панно, украшавшего стену, и свалены в одно место, причем отсутствие целых звезд указывает на то, что основная часть панно была выбрана и вывезена за пределы дворца. Здесь же остались лишь обломки, образовавшиеся при разборке майоликовой облицовки. Богатство и красочность орнаментации найденных плиток свидетельствуют о том, что они предназначались для украшения парадного зала дворца. Таковым являлось помещение 12, самое значительное по размерам (15,3×9,2 м) и наиболее оформленное из всех других комнат. Зал имел узорный пол, выложенный из шестиугольных обожженных кирпичей. В центре помещалась тошна, облицованная голубыми поливными изразцами, перед ней была сложена кирпичная суфа. Такие же суфы, но меньших размеров, располагались по бокам зала. Вполне вероятно, что майоликовое панно украшало одну из стен этого помещения, а при разработке изразцы были перенесены в соседнюю комнату (помещение 13). Какая из стен была облицована этими плитками, установить невозможно. Учитывая приверженность к строгой симметрии не только в архитектуре, но и в декоративном убранстве, вполне реально было бы предположить, что орнаментальное панно должно было украшать восточную и западную стороны, однако отсутствие значительного количества изразцов противоречит этому. Следовательно, это могла быть либо северная, либо южная сторона, как наименьшая по размерам.

[1] Пользуясь случаем, выражаем глубокую благодарность начальнику ПАЭ Г. А. Федорову-Давыдову и начальнику Селитренского отряда ПАЭ В. Л. Егорову за предоставленную нам возможность использовать материал экспедиции.

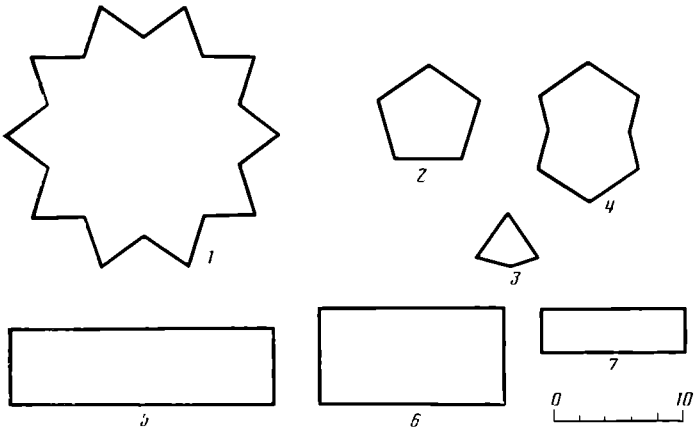


Рис. 1. Типы основных элементов, образующих панно

Среди всей массы майоликовых плит удалось выделить пять типов основных элементов, при составлении образующих рисунок панно: фрагменты десятиконечных звезд, а также фигуры, являющиеся их частями, применявшиеся для завершения орнамента по сторонам и углам панно; радиус звезд равен 10,5 см (рис. 1, *1*); правильные пятиугольники со стороной, равной 4,5 см (рис. 1, *2*); четырехугольники, получившие название «чаша» [1, с. 111]; две стороны этих фигур равны 4,5, две другие — 2,5 см (рис. 1,3); фигуры под названием «тауль» (барабан) [2, с. 163] и их половины, предназначенные для завершения орнамента по сторонам; стороны этого «тауля», пересекающиеся под острым углом, равны 4,5, а пересекающиеся под тупым углом — 2,5 см (рис. 1, *4*); прямоугольники большие и малые, применявшиеся в качестве двойного бордюра, ограничивающего геометрический узор. Размеры больших плиток в ширину равны 6 и 7,5 см, в длину самые большие фрагменты достигают 20 см (рис. 1, *5*, *6*). Ширина малых плиток равна 3,5 см, в длину они достигают 11 см (рис. 1, *7*).

Толщина кашинных плиток, из которых были вырезаны все вышеуказанные элементы, колеблется от 1,5 до 2 см.

Майолики выполнены в единой технике полихромной надглазурной росписи с позолотой. Глухую непрозрачную глазурь (эмаль) наносили на высушенную или обожженную основу, создавая тем самым фон орнамента. После обжига черной, белой или красной краской прорисовывались контуры рисунка. После этого плитки вновь обжигали и наносили позолоту. Золочение производилось сусальным золотом, которое наклеивалось на тонкие красные линии.

Звезды. Центральными фигурами орнаментального панно являлись десятиконечные звезды, остальные элементы компановались вокруг них. Звезды несли основную декоративную нагрузку, остальное лишь обрамляло их, заполняя свободное пространство, создавая фон. Соответственно этому подбирался рисунок, украшавший элементы орнамента. Этой же цели служила и цветовая гамма — красочные звезды в обрамлении темно-синих с белой ажурной росписью пятиугольников и ярких ромбов, сложенных из фигур «тауля» и пары бирюзовых четырехугольников типа «чаша».

Заполнение внутреннего поля элементов орнамента отличается богатым разнообразием, но в отношении друг к другу они подчинены известной закономерности: все формируется вокруг звезд.

Из найденных фрагментов звезд можно выделить два типа: звезды, располагавшиеся в центре, и части звезд, служившие для завершения узора.

Целые звезды обрамлены ленточным бордюром двух видов: надпись, исполненная почерком «насх», и растительный орнамент из вьющихся побегов и листьев с выкружкой у основания и загибающимся концом,

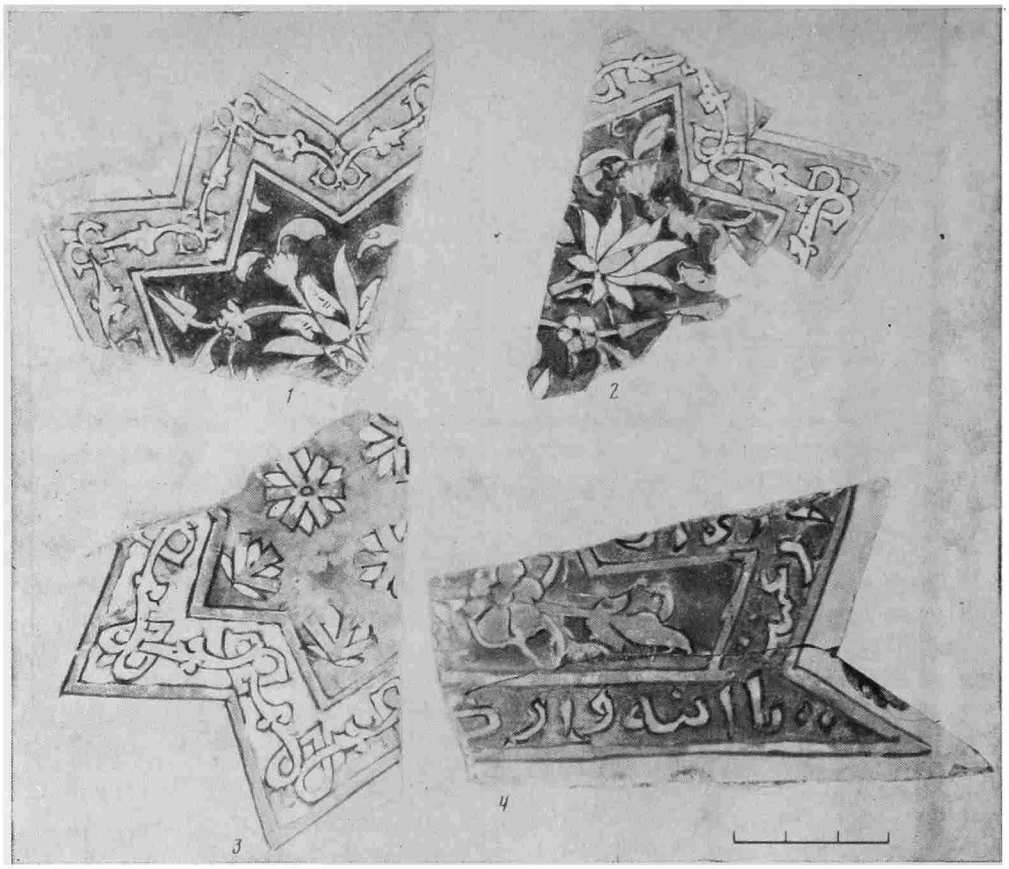


Рис. 2. Звезды с растительным орнаментом

которые, переплетаясь, образуют сердцевидную розетку, напоминающую трилистник. По-видимому, звезды чередовались с целью более четкого выделения надписей. Части звезд также имели оба вида бордюра. Их цветовая гамма одинакова: внешняя и внутренняя узкие полосы из парных красных линий покрыты позолотой, белая роспись (надписи и побеги) с черной окантовкой по яркому желто-зеленому фону.

При заполнении внутреннего поля звезд применялось два вида орнамента: растительный и геометрический. Судя по найденным фрагментам, растительная роспись была не столь разнообразна, как геометрические узоры. Определенно можно говорить о трех вариантах.

1. На синем фоне цветочный букет: белые лотосы с позолоченными лепестками, пятилепестковые цветы, покрытые позолотой такие же полураспустившиеся стреловидные и резные бутоны, желтые и зеленые листья, стреловидные, покрытые позолотой растительные побеги. Окантовка и прорисовка узора красные. Рисунок выполнен в свободной манере, но тем не менее все элементы букета равномерно заполняют внутреннее поле звезды, не оставляя пустого пространства (рис. 2, *1*, *2*).

2. Двуплановые розетки из шести прямоугольных позолоченных лепестков, наложенных на шесть белых овальной формы, заполняют в шахматном порядке синее поле звезды. В лучах помещены семилепестковые бутоны, представляющие собой описанные розетки, изображенные в профиль (рис. 2, *3*).

3. Орнамент подчинен форме элемента: из общего центра в направлении лучей отходят растительные побеги с шестилепестковыми цветами и трилистниками с сильно развитым центральным листом. Рисунок покрыт позолотой, имеет красную окантовку, нанесен на синий фон (рис. 2, *4*).

На других фрагментах встречаются лишь отдельные побеги, листья, бутоны, которые невозможно соединить в единый орнаментальный сюжет.

Вариантов геометрического орнамента значительно больше. В основном это различные комбинации шестиугольников и шестиконечных звезд. Можно заметить и проследить на многочисленных образцах, как идет процесс усложнения рисунка: от простых шестиугольников к фигурам, последовательно включающим шестиугольники, звезды, розетки.

1. Синие шестиугольники, образованные переплетением узких позолоченных полос с красным контуром, расположены в шахматном порядке. В центре изображены кружки зеленого, красного и желтого цветов.

2. Внутреннее поле звезды представляет собой сетку из ромбов синего цвета и покрытых позолотой. В ромбы вписаны позолоченные кружки.

3. Синие шестиугольники с описанными вокруг них шестиконечными звездами, где лучи одной звезды являются лучами смежных, расположены в шахматном порядке. Узкие позолоченные полосы с красной окантовкой, переплетаясь, образуют белые лучи звезд. В центрах расположены белые с позолотой розетки.

4. Синие шестиугольники с описанными вокруг них шестиконечными звездами, где лучи одной звезды являются лучами смежных, расположены в шахматном порядке. В центре — четырехлепестковые розетки с сердцевидными лепестками белого цвета, разделенные четырехконечной позолоченной крестовидной фигурой. Окантовка орнамента нанесена красной краской. Лучи звезд покрыты позолотой (рис. 3, *1*).

5. Синие шестиугольники с описанными вокруг них шестиконечными звездами, где лучи одной звезды являются лучами смежных, расположены в шахматном порядке. В центре помещены шестилепестковые розетки с удлиненными белыми лепестками. Окантовка орнамента нанесена красной краской. Лучи звезд покрыты позолотой.

6. Шестиконечные звезды с описанными вокруг них шестиугольниками расположены в шахматном порядке. Смежные углы лучей соприкасаются, образуя ромбы. В звезды вписаны правильные шестиугольники. Контуры фигур нанесены красной краской, сами же фигуры синего цвета, лишь лучи звезд покрыты позолотой.

7. В шестиугольники последовательно вписаны шестиконечная звезда, шестиугольник и кружок. Каждый шестиугольник вписан в шестиконечную звезду, причем лучи одной звезды являются лучами смежных. Контуры фигур нанесены красной краской, шестиугольники синего цвета; кружки, лучи больших звезд покрыты позолотой, а малых — нанесены белой краской (рис. 3, *2*).

8. Шестиконечные звезды с описанными вокруг них шестиугольниками расположены в шахматном порядке. Смежные углы лучей соприкасаются, образуя ромбы. В звезды последовательно вписаны правильные шестиугольники и шестилепестковые розетки с кружками в центре. Контуры фигур нанесены красной краской, ромбы и шестиугольники синего цвета, розетки — белого. Лучи звезд покрыты позолотой (рис. 3, *3*).

9. В результате переплетения углов треугольников образуются шестиугольники. В них вписаны желтые и зеленые кружки или розетки. Полосы, образующие стороны фигур, покрыты позолотой. Ромбы в местах переплетения углов белые или синие. Фон синего цвета (рис. 3, *4*).

10. Вытянутые шестиугольники, переплетаясь, образуют четырехконечную крестообразную фигуру. При соединении углов этих крестов получаются восьмиконечные звезды. Полосы, являющиеся сторонами шестиугольников, имеют красную прорисовку и покрыты позолотой. В синие концы крестов вписаны кружки белого цвета. Восьмиконечные звезды синие с белыми кружками.

11. Стороны вытянутых шестиугольников и их продолжение образуют переплетающиеся восьмиугольники. В результате переплетения пары шестиугольников получаются кресты, продолжение которых в центре восьмиугольника дает ромб. Полосы, образующие фигуры, центры крестов и ромбы покрыты позолотой. Концы крестов белые, в них вписаны зеле-

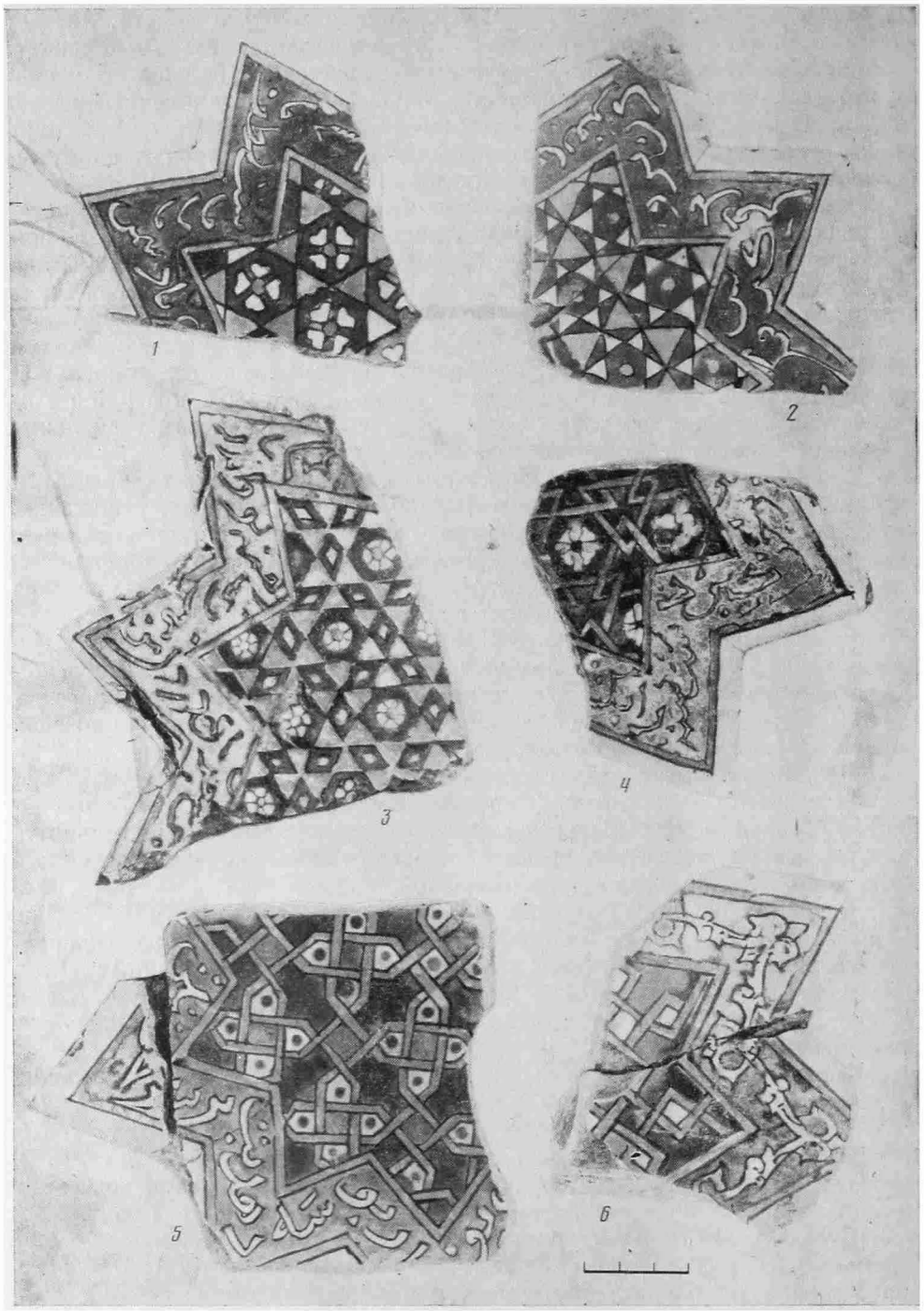


Рис. 3. Звезды с геометрическим орнаментом

ные кружки. Фон синего цвета. Прорисовка орнамента сделана красной краской (рис. 3, *5*).

12. Полосы, выходя из лучей звезды, переплетаясь, образуют ромбы, которые в свою очередь дают квадраты (реконструкция). Полосы и внутреннее поле квадратов покрыты позолотой, ромбы белые. Фон синего цвета (рис. 3, *6*).

Розетки, встречающиеся в этих орнаментах, нескольких типов: шестилепестковые с кружком в центре и удлиненными ланцетовидными лепестками; шестилепестковые с кружком в центре и лепестками подтреугольной формы с овальным основанием; шестилепестковые с кружком

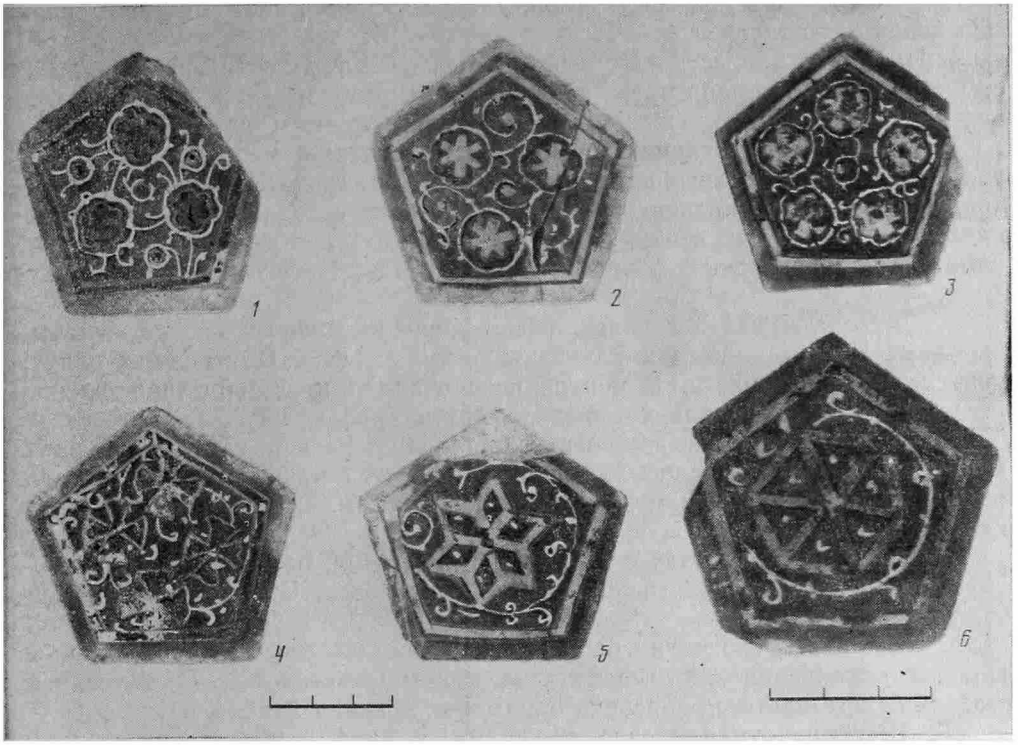


Рис. 4. Пятиугольники с растительным и геометрическим орнаментом

в центре и овальными лепестками; шестилепестковые, двуплановые: на ланцетовидные лепестки наложена шестиконечная крестообразная фигура; четырехлепестковые с кружком в центре и сердцевидными лепестками, разделенными крестообразной фигурой.

Цветовая гамма звезд и их фрагментов едина: полихромный орнамент нанесен на синий фон. Рисунок оконтурен красной краской. Полосы, образующие фигуры узора, покрыты позолотой. Каждый элемент орнамента имеет определенный цвет. Так, правильные шестиугольники, ромбы, образованные лучами звезд, встречаются только синего цвета. Лучи звезд, квадраты, центры крестов покрыты позолотой. Вписанные кружки по цвету самые разнообразные: зеленые, синие, красные, белые и позолоченные. Розетки белые с позолотой. Это же относится и к растительному орнаменту: рисунок, имеющий красную окантовку, нанесен на синий фон. Листья, побеги, бутоны покрыты позолотой. Исключение составляют белые лотосы.

Пятиугольники. Компонуются вокруг звезд, отделяя их друг от друга. Они украшены растительным или геометрическим орнаментом.

1. Три шестилепестковые розетки с округлыми лепестками связаны между собой растительными стеблями с ответвляющимися бутонами и побегами. Побеги, внешний контур розеток и бутонов нанесены белой эмалью. Внутреннее поле прорисовано красной краской и покрыто позолотой (рис. 4, *1*).

2. Три шестилепестковые розетки связаны растительным стеблем с ответвляющимися бутонами и побегами. Внешний контур розеток и побеги нанесены белой эмалью. Внутренний контур соответствует внешнему и имеет красную прорисовку. В центре розетки расположена шестиконечная фигура, полученная пересечением узких прямоугольных позолоченных полос (рис. 4, *2*).

3. Шесть шестилепестковых розеток с округлыми лепестками связаны растительным стеблем с ответвляющимися побегами. Внешний контур розеток и побеги нанесены белой эмалью. Внутренний контур, соответствующий внешнему, красного цвета. В центре розетки расположена

шестиконечная фигура, полученная пересечением узких прямоугольных позолоченных полос.

4. Пять шестилепестковых розеток связаны между собой растительным стеблем с ответвляющимися побегами. Внешний контур и побеги нанесены белой эмалью, внутренний — красного цвета (рис. 4, *3*).

5. Четыре четырехлепестковые розетки связаны между собой растительным стеблем с ответвляющимися побегами. Розетки имеют вид крестов, у лепестков широкое основание, они подтреугольной формы, постепенно сужаются к центру. Контур розеток нанесен красной краской, сами лепестки покрыты позолотой. Побеги белого цвета (рис. 4, *4*).

6. Пять четырехлепестковых розеток связаны растительным стеблем. Внешний контур и побеги нанесены белой эмалью. Внутренний контур розетки красного цвета. В центре позолоченная крестообразная фигура, полученная пересечением четырех прямоугольных полос.

7. Пятиконечная звезда; ее стороны получены в результате переплетения позолоченных полос. В центре образуется правильный пятиугольник. Фигура обвита белым растительным побегом. Прорисовка орнамента красная.

8. Пятиконечная звезда с удлиненными лучами, покрытыми позолотой. По полю разбросаны белые спиралевидные побеги. Прорисовка орнамента красная.

9. Правильный шестиугольник разделен на шесть треугольников. Полосы, образующие данные фигуры, покрыты позолотой. Растительный стебель белого цвета, прорисовка орнамента красная (рис. 4, *6*).

10. Шестиконечная звезда с лучами в виде ромбов, образованных позолоченными полосами. Растительный стебель белого цвета, прорисовка орнамента красная (рис. 4, *5*).

11. Шестиконечная звезда, треугольники лучей которой покрыты позолотой. В центре образован шестиугольник. Растительный стебель белого цвета, прорисовка орнамента красная.

12. Шестиконечная звезда, лучи которой получены в результате переплетения позолоченных полос. В центре образован правильный шестиугольник, разделенный на шесть сегментов. По полю разбросаны белые растительные побеги. Прорисовка орнамента красного цвета.

13. Семилепестковая розетка; ее лепестки напоминают треугольники, вершиной направленные к центру. Растительный стебель белого цвета, прорисовка орнамента красная, лепестки покрыты позолотой.

Цветовая гамма всех пятиугольников едина; это и создает фон вокруг звезд: по синему полю белой и красной краской нанесен рисунок. Как правило, внешний контур розеток, растительные стебли с ответвляющимися побегами и бутонами белые. Сами же лепестки, а также геометрические фигуры прорисованы красной эмалью и покрыты позолотой. Рисунок ограничен узкой позолоченной полосой, обрамляющей внутреннее поле в пятиугольник. Исключение составляет один фрагмент, заполненный орнаментом, как на звездах и «таулях»,— расположенные в шахматном порядке шестиугольники, переходящие в шестиконечные звезды с вписанными в центр четырехлепестковыми розетками с резными лепестками. По краю проходит белая обрамляющая полоса, что указывает на иное функциональное назначение этого элемента, чем все вышеописанные. Вероятно, он предназначался для завершения орнаментального панно и представлял собой разрезанный пополам «тауль».

«Таули» и «чаша», образуя ромбы (рис. 5, *1*), нарушают, однообразное чередование звезд и пятиугольников и делают рисунок более сложным и красочным. В орнаментальном и цветовом отношении декоративное оформление «тауля» мало чем отличается от заполнения звезд, почти полностью им соответствует, не имея лишь эпиграфического или растительного бордюра. Орнамент нанесен на синий фон, прорисовка красного цвета.

1. Симметричные, покрытые позолотой растительные стебли расходятся в разные стороны. Они имеют по три резных листа и стреловидный

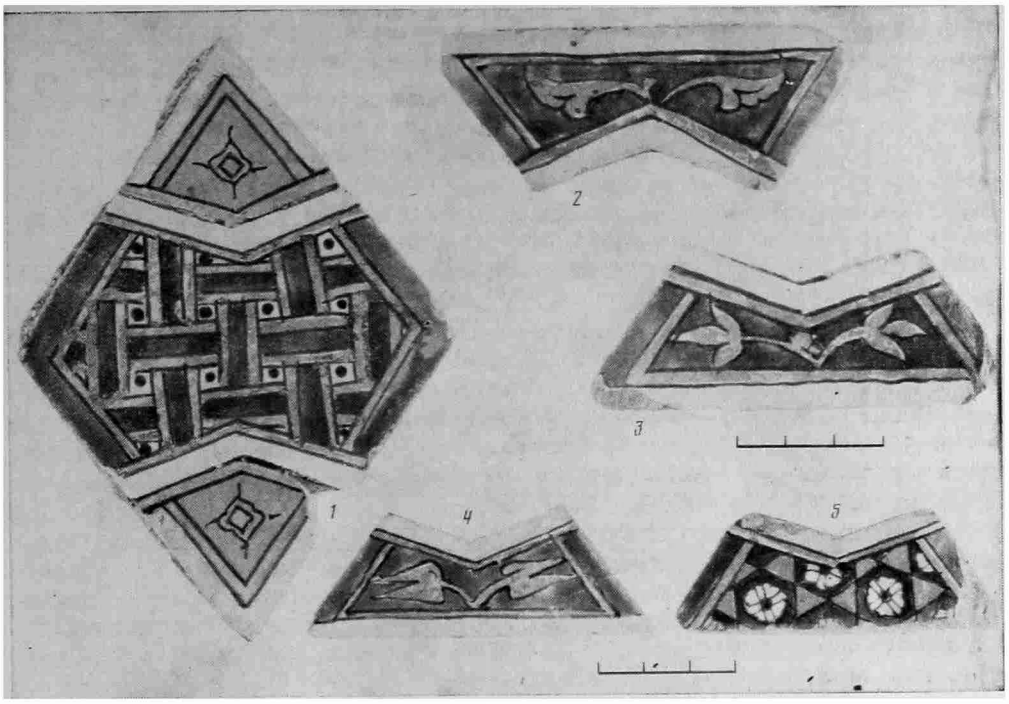


Рис. 5. Фигуры типа «таули» и «чаша» с растительным и геометрическим орнаментом

бутон или побег. Вырастают они из двулистника с таким же резным краем.

2. Симметричные, покрытые позолотой растительные стебли расходятся в разные стороны и заканчиваются резными листьями (рис. 5, *2*).

3. Симметричные, покрытые позолотой растительные стебли расходятся в разные стороны и заканчиваются стреловидными бутонами (рис. 5, *4*).

4. Симметричные, покрытые позолотой растительные стебли расходятся в разные стороны и заканчиваются трилистниками (рис. 5, *3*).

5. Симметричные, покрытые позолотой растительные стебли. Из бутона вырастают цветок с раздваивающимися лепестками и листок с выкружкой у основания.

6. Шестилепестковые розетки с наложенной сверху шестиконечной крестовидной фигурой изображены в профиль. Друг от друга они отделены рядом белых точек. Розетки с белыми лепестками, покрытыми позолотой.

7. Шестилепестковые розетки с наложенной сверху шестиконечной, покрытой позолотой крестообразной фигурой.

8. Плетенка, полученная переплетением синих широких полос, ограниченных по краям двумя узкими, покрытыми позолотой линиями. На белом фоне в местах, свободных от плетения, изображены кружки (рис. 5, *1*).

9. Расположенные в шахматном порядке синие шестиугольники с описанными вокруг них шестиконечными звездами, где позолоченные лучи одной звезды являются лучами смежных. В центре шестиугольника расположены кружки, покрытые позолотой.

10. Расположенные в шахматном порядке синие шестиугольники с описанными вокруг них шестиконечными звездами, где позолоченные лучи одной звезды являются лучами смежных. В центре шестиугольника изображены четырехлепестковые розетки с белыми сердцевидными лепестками и наложенной сверху крестообразной четырехконечной фигурой, покрытой позолотой (рис. 5, *5*).

11. Расположенные в шахматном порядке синие шестиугольники с описанными вокруг них шестиконечными звездами, где позолоченные лучи одной звезды являются лучами смежных.

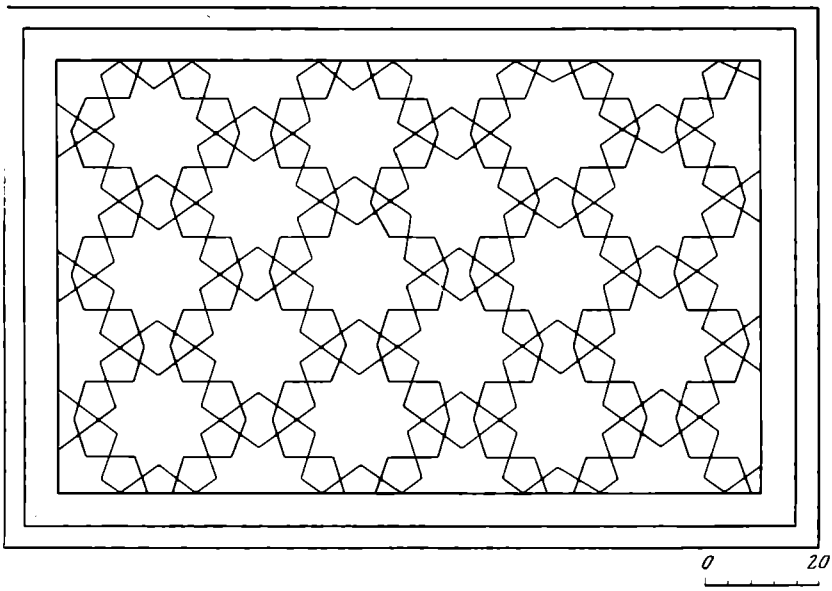


Рис. 6. Реконструкция майоликового панно, украшавшего парадный зал дворца

12. Расположенные в шахматном порядке шестиугольники с описанными вокруг них шестиконечными звездами, где лучи одной звезды являются лучами смежных. Фигуры покрыты позолотой.

13. Расположенные в шахматном порядке синие шестиугольники с описанными вокруг них шестиконечными звездами, где белые лучи одной звезды являются лучами смежных. Полосы, образующие фигуры, покрыты позолотой. В центре шестиугольников вписаны четырехлепестковые розетки, где белые лепестки разделены позолоченной крестообразной фигурой. В лучи звезд помещены кружки зеленого цвета.

Изображение растительных побегов подчинено месту расположения «тауля» в общей системе геометрического орнамента. Выделяются три типа «таулей». Два предназначены для завершения орнаментального панно по сторонам (в данном случае имеем «тауль», разрезанный пополам по его длинной оси). Фигуры первого типа (орнамент представляет собой раздваивающиеся бутоны и ветки, которые берут начало из плоской стороны — основания «тауля»), видимо, помещались внизу. Второй тип использовался, вероятно, для завершения панно сверху. Здесь растительные побеги раздваиваются из внутреннего тупого угла, противоположного основанию. «Таули» третьего типа помещались в центре панно. У фигур с геометрическим орнаментом такое выделение вряд ли возможно.

Фигуры типа «чаша» в центре орнаментированы четырехлепестковой розеткой с ромбом в середине, с ответвляющимися от лепестков побегами. Прорисовка красная и черная, фон бирюзовый (рис. 5, *1*). Они однообразны и по цвету, и по заполнению и тем самым как бы уравновешивают многообразие «тауля», ограничивая его, создавая ему фон, как это делают пятиугольники для звезд.

Все вышеуказанные типы фигур (кроме пятиугольников) имели по краям белую обрамляющую полосу, которая при стыковке этих элементов превращалась в сплошную линию, образующую геометрическую решетку, служившую основой данного гериха. При этом создавалось впечатление, что фигурные плитки с рисунком и надписями вставлены в полученные гнезда.

Построение орнамента не выходит за рамки уже известных построений, распространенных на мусульманском Востоке. Одна из ранних аналогий этому гериху встречается в Средней Азии [3, с. 220], панно из резного ганча украшало один из пилонов тронного зала дворца XII в.

в Термезе. Орнамент строится на сетке прямоугольников, противолежащие углы которых делятся на пять частей, а в точках пересечения встречных осей строятся правильные пятиугольники, сторона которых соответствует вертикали, проходящей через точку пересечения диагоналей прямоугольника [2, с. 171]. Построив один полигон, можно повторить рисунок, пристыковывая один полигон к другому (рис. 6).

Учитывая размеры фигур, можно говорить о величине полигона (12×18 см). Сколько таких полигонов было в панно, установить невозможно. Если же взять за основу то, что каждому типу орнамента звезд соответствовал отдельный ряд, то по имеющимся фрагментам можно предположить, что было не менее 15 таких рядов, и это составляло вместе с бордюром около 3,5 м. Такой могла быть лишь длинная сторона панно, вертикальная же должна была быть меньше. Вряд ли майоликовая облицовка уходила под потолок, тогда терялся бы смысл украшения звезд надписями. Следует отметить, что количество вариантов орнамента «таулей» и пятиугольников почти соответствует звездам. Это должно также свидетельствовать о какой-то пока неустановленной закономерности расположения элементов с различными вариантами геометрического и растительного узора в общей системе гериха. Высказанное предположение о рядах звезд с одинаковым орнаментом является одним из вероятных решений этого вопроса.

Декоративное панно обрамлялось двойным бордюром — узкая лента бирюзового цвета с несложным растительным узором и широкая лента с цветочной композицией по белому фону. Орнамент узкой полосы однообразен: розетки отделены друг от друга переплетающимися парными растительными побегами. В местах их соединения образуется ромб. Концы стеблей имеют три-четыре ответвления или заканчиваются листьями. Розетки иногда изображены в виде четырехконечного креста с квадратными концами, иногда имеют прямые позолоченные лепестки. Встречаются еще два варианта орнамента: чередующиеся четырехлепестковые розетки и шестилепестковые цветы с удлиненными овальными лепестками; розетки, чередующиеся с ветками из двух листьев. Как указывалось выше, фон бордюра бирюзовый, прорисовка орнамента красного цвета и черного. Розетки покрыты позолотой (рис. 7, *1—3, 5, 7*).

Вторая часть (полоса) бордюра представлена плитками с полихромным цветочным орнаментом на белом фоне. Цветы сильно стилизованы, расположены по принципу «бегущей волны», связаны растительными побегами с ответвляющимися от них листьями, бутонами, трилистниками. Цветочная композиция с двух сторон ограничена узкими полосами (рис. 7, *4—7*). Из всего многообразия можно лишь выделить цветы, по форме и по манере изображения напоминающие лотосы; остальные неопределимы и являются плодом фантазии художника.

Вообще в золотоордынской орнаментике изображение лотоса было одним из излюбленных мотивов. В его трактовке можно проследить определенную закономерность: от канона развитие шло в двух направлениях. Одно вело к строгой упрощенной стилизации рисунка; другое, наоборот, представляло пышно разросшийся цветок, сочетающий в себе признаки не только лотоса, но и других растений. Наиболее реалистичное изображение дают звездчатые изразцы из дворцового комплекса — распустившийся цветок в ортогональной проекции. Чашечка не видна, она скрыта лепестками (рис. 8, *1*). На другом фрагменте лотос уже слегка стилизован и начинает приобретать тот канонический вид, который в дальнейшем послужит основой для изображения данного цветка в орнаментике Среднего Востока. Парные лепестки формируются вокруг завязи-чашечки (рис. 8, *2*). Процесс стилизации продолжает углубляться. Каноническим становится изображение парных лепестков, формирующихся вокруг завязи в виде цветка, коробочки или глазка. Центральная пара лепестков вытянута, окружает венчик, который изображается как четырехлепестковый цветок, трилистник, резной цветок с точками, напоминающий коробочку отцветшего лотоса (рис. 8, *3, 4*). Аналогии данному виду встречаются на изразцах из мавзолея Наджмад-дин Кубра в Куня-

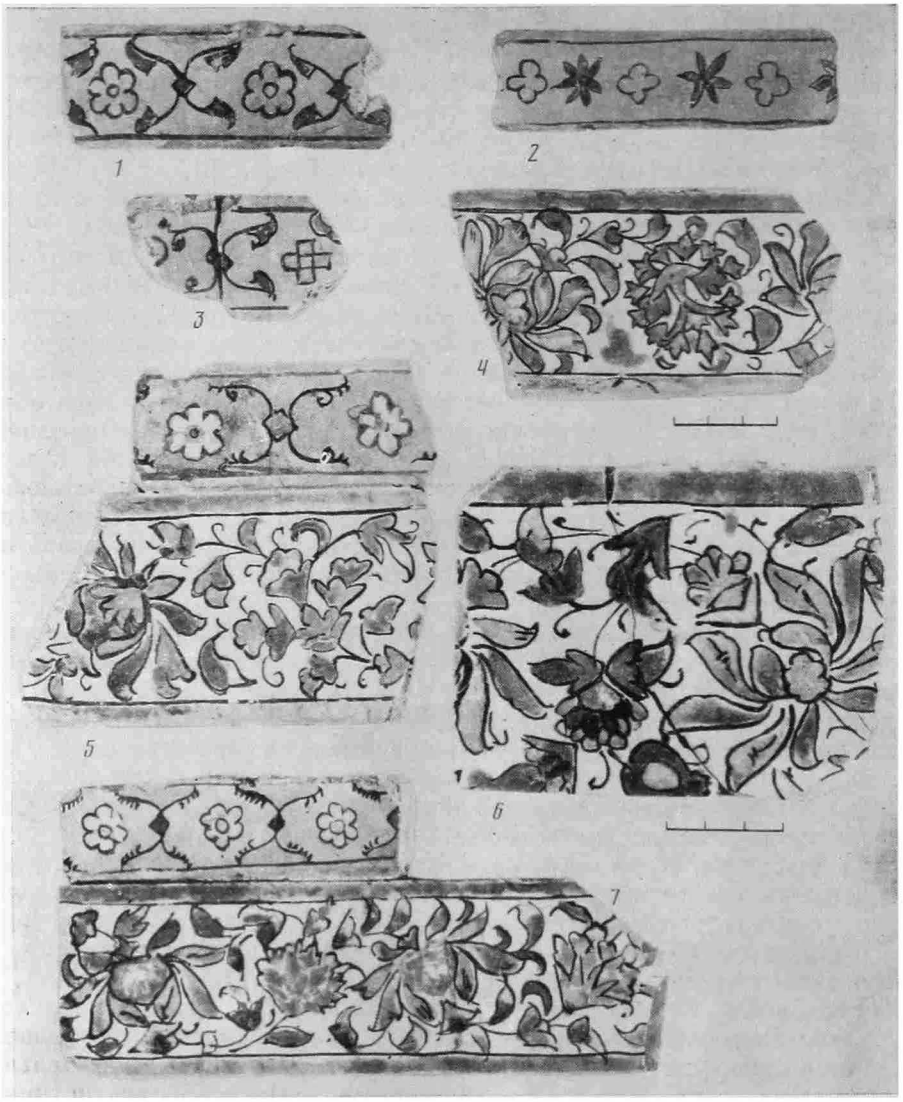


Рис. 7. Майоликовые прямоугольные плитки с орнаментом, составляющие бордюр декоративного панно

Ургенче [4, с. 151, рис. 145] и надгробия Сейид-Алауддина в Хиве [5, рис. 259]. Наиболее упрощенное изображение представляет собой цветок лотоса со схематично переданными лепестками, группирующимися попарно вокруг завязи (рис. 8, *5*). Характерно, что такая трактовка цветка была в XIV в. повсеместной на Среднем Востоке. Аналогии встречаются в майолике Средней Азии и поливной керамике Ирана (так называемый «султанобадский тип») [6, рис. 1, 3, 6; 7, рис. 775В, 777А]. В поливной керамике процесс стибилизации заметен более наглядно. Наиболее реалистично изображены лотосы в орнаменте, служащем обрамляющим бордюром бортика чаши [8, с. 80, рис. 3]. Аналогии им встречаются и в архитектурной керамике. На серии орнаментов можно проследить процесс упрощения рисунка. Вначале парные резные лепестки обрамляют чашечку завязи, верхняя пара поднята, остальные отогнуты (рис. 8, *6*). На следующем этапе лепестки теряют свою форму. Изображение еще сохраняет принцип ортогональности, но в целом цветок передан сверху (рис. 8, *7*). Конечный этап: лотос изображен сверху; лишь маленький трилистник, помещенный между парой верхних лепестков, указывает на былое ортогональное изображение и наличие венчика, который является обязательным признаком канонического лотоса (рис. 8, *8*). На взаимную преемственность этих трех изображений указывают нали-

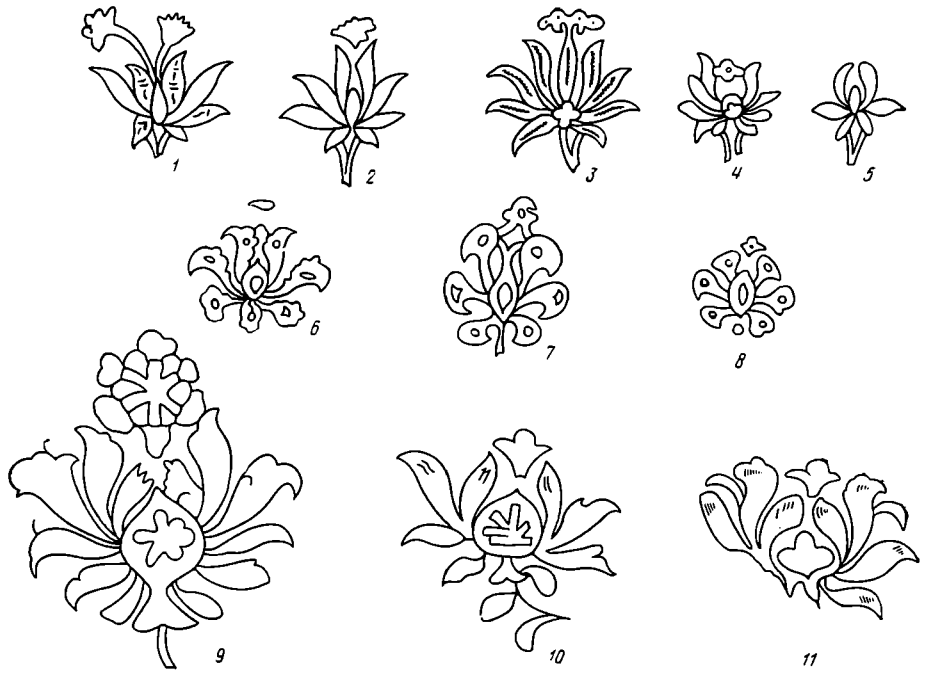


Рис. 8. Изображение цветов лотоса в золотоордынской поливной архитектурной и бытовой керамике

чие одинаковой завязи, чашечки с глазком, темные глазки в лепестках и постепенное упрощение лепестков от резных до округлых на ножке.

Это был путь эволюции от канонического к более простому, схематичному изображению лотоса. Другое направление связано, наоборот, с усложнением рисунка, приданием ему пышности и признаков других цветов. Увеличивается количество лепестков, они различной формы: зубчатые резные, с выкружкой у основания, ланцетовидные. Но принцип изображения остается прежним: они попарно группируются вокруг чашечки-завязи; обязательно наличие венчика, расположенного над центральной парой лепестков. Изменяется вид чашечки-завязи. Она больше напоминает коробочку хлопка, чем лотоса. Центральные лепестки плотно к ней прилегают, охватывают ее, создавая впечатление неполной распущенности цветка. Коробочка представлена ортогонально, как и весь цветок, однако о принятом изображении завязи сверху говорит наличие в центре коробочки розеток различной формы (четырех- и многолепестковых). Такой пышный растительный орнамент характерен лишь для изразцов дворцового комплекса (рис. 8, *9—11*). Аналогий ему не встречается ни в среднеазиатской, ни в иранской орнаментике. Не менее пышны, неузнаваемы и другие цветы. По-видимому, все это было призвано разнообразить, контрастно отделить бордюр от строгого членения геометрического орнамента основного панно.

Среди плиток широкой полосы бордюра по размерам можно выделить два типа: один имеет ширину 6, другие — 7,5 см. На более широких только одна обрамляющая полоса, другой край обрезан. Объяснить наличие разных типов плиток не представляется возможным; остается лишь предположить, что они предназначались для обрамления разных сторон панно.

Рассмотренные образцы архитектурного декора, как указывалось выше, применялись для оформления одной из стен парадного зала дворца. Остальные фрагменты немногочисленны, разрозненны и пока еще не укладываются в единую систему интерьера. Однако по ним можно проследить, как постепенно менялось и теряло смысл некогда задуманное как единое целое декоративное убранство дворца. Майоликовые плитки с рельефным орнаментом, выполненным в технике надглазурной и подглазурной росписи с позолотой, могли применяться в качестве обрамляю-

щего бордюра или фриза. Переплетающиеся растительные побеги, листья, цветы, трилистники служили фоном для белых рельефных надписей, исполненных почерком «сульс». Эта эпиграфическая полоса имела ограниченный позолоченными линиями с двух сторон бордюр из узких полос с растительным орнаментом, нанесенным красной и зеленой эмалью по белому фону. И кайма, и основной орнамент по первоначальному замыслу располагались на одной майоликовой плитке, и из них выкладывался эпиграфический фриз. По всей видимости, панно из звездчатых изразцов и только что описанный бордюр с надписью были одновременны и относились к 1-му строительному периоду в жизни дворца. С течением времени красочная облицовка стала портиться и потребовала ремонта. Недостающие испорченные плитки, фрагменты надписей не заказывались мастерам-керамистам для повторного изготовления. Ремонт производился теми средствами, которые были в наличии. Плитки разрезали, ими заполняли утраченные звенья; надписи нарушались, теряли смысл. Недостающие узкие полосы бордюра вырезали из широкой обрамляющей каймы звездчатого панно, вследствие чего эта полоса не нарушала единую цветовую гамму. Майоликовый фриз перестал нести смысловую нагрузку и выполнял лишь роль красочного обрамления. Ремонту подверглось и декоративное панно. Об этом свидетельствуют найденные фрагменты основных фигур. Они приобрели форму, отличную от необходимых элементов гериха, и нарушили сетку полигона. Ранее использованные изразцы шли на замену испорченных участков. Потеряли свое значение надписи на звездах, так как оказались обрезанными и утратили смысл. Так же как и эпиграфический фриз, панно лишилось своего единства. Мастера при ремонте стремились лишь не нарушать общую картину, единую цветовую гамму орнамента. В жизни дворца произошли явные перемены, и зал перестал выполнять роль, какую он играл в первоначальный период. Исходя из стратиграфии, можно предположить, что панно украшало зал в 1-й строительный период (вторая четверть XIV в.), затем было разобрано и наиболее ценные части его вывезены. Среди обломков встречаются лишь фрагменты гериха, в основном его боковые и прилегающие к полу элементы. Интересна находка скоплений изразцов с ободранной позолотой. Видимо, с уже непригодных для использования изразцов производилось соскабливание золотой фольги для ее повторного применения. Подобный факт имел место в Новом Сарае (Царевское городище Волгоградской области) [2].

Декоративное убранство других комнат дворца остается неустановленным, но сохранившиеся фрагменты штукатурки с росписью дают основание предполагать, что настенная роспись была также одним из излюбленных видов оформления помещений. Орнамент применялся растительный, однако из всего множества найденных обломков трудно восстановить целый рисунок, можно лишь указать на его элементы: цветы в виде розеток, тюльпанов, трилистники, растительные побеги с листьями. Применялся полихромный узор по белому фону. Цветовая гамма: голубой, красный, зеленый, коричневый и черный цвета. Иногда рисунок покрывался позолотой, которая, как и на изразцах, крепилась на красной краске. В некоторых местах узор делался рельефным. Следует отметить, что роспись в чем-то воспроизводила орнаменты из резных мозаик, может быть, даже имитировала их. Об этом свидетельствует сходное изображение тюльпанов в мозаичных узорах (трехлепестковый цветок в виде трилистника с кружком другого цвета в центре) и в настенных росписях. Сходно изображение резных листьев.

В заключение хотелось бы отметить, что декоративное оформление дворца не выходило за рамки общепринятого в золотоордынском искусстве. По крайней мере этому находим подтверждение в материалах из Селитренного городища, полученных из раскопок различных лет в разных его районах. Росписи дворца аналогичны росписям помещений,

[2] В материалах раскопок А. В. Терещенко обнаружены звездчатые изразцы, на которых полностью выскоблен орнамент в центральном поле, видимо, также покрытый позолотой. Государственный Эрмитаж, САР-1489, 1493, 1494, 1990.

раскопанных Кротковым[3]. Фрагменты майолик с надглазурной росписью найдены при раскопках керамического комплекса (раскоп II). Белый эпиграфический орнамент с черной окантовкой по зеленому фону по технике нанесения росписи, по цветовой гамме аналогичен изразцам из дворцового комплекса. Разница лишь в типе почерка: в первом случае применялся «куфи», во втором — «насх» [9, с. 127, рис. 90]. Полихромная надглазурная роспись по белому фону встречается на изразцах, найденных Л. Л. Галкиным [10, рис. 1, *1, 2*]. В материалах раскопок Ф. В. Баллода имеются бирюзовые плитки с орнаментом и позолотой, применявшиеся в качестве бордюра [11, рис. 10].

Новое, характерное лишь для Золотой Орды прослеживается в цветовой раскраске орнамента: в отличие от Средней Азии и Ирана, где преобладают контрастные цвета без переходов, в золотоордынских росписях происходит наложение одного цвета на другой, что создает легкую переходную гамму тонов.

Следует добавить, что изразцы с надглазурной росписью имеют аналогии в бытовой керамике. Видимо, эта техника была перенесена в архитектурный поливной декор: это касается и надглазурной полихромной росписи по белому фону, и надглазурной красно-белой росписи по ультрамариновому фону. Встречаются аналогии в орнаментах. Сходны изображения розеток, листьев, растительных побегов [9, рис. 100, 102]. Это позволяет сказать, что складывается единый орнаментальный стиль, характерный для архитектурной и бытовой керамики с надглазурной росписью.

Можно предположить, что принесенная из Ирана, эта техника успешно развивалась на золотоордынской почве. Здесь были выработаны свои собственные орнаментальные мотивы, особенно заметные в растительном орнаменте, таком непохожем ни на среднеазиатский, ни на иранский.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ал-Каши Джемшид Гияс эд Дин.* Ключ арифметики. Трактат об окружности / Пер. с араб. яз. Розенфельда Б. А. М.: Гос. изд-во техн.-теорет. лит. М., 1956.
2. *Ремпель Л. И.* Искусство Среднего Востока. Избранные труды по истории теории искусств. М.: Советский художник, 1978.
3. *Ремпель Л. И.* Архитектурный орнамент Узбекистана. История развития и теория построения. Ташкент: Гос. изд-во худож. лит., 1961.
4. *Денике Б. П.* Архитектурный орнамент Средней Азии. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1939.
5. *Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И.* История искусств Узбекистана с древнейших времен до середины девятнадцатого века. М.: Искусство, 1965.
6. *Lane L.* Later Islamic Pottery: Persia, Egypt and Turkey. L., 1957.
7. A Survey of Persian Art / Ed. Pope A. U. V. 10. Tokyo, 1964—1965.
8. *Шляхова В. И.* Керамика с кобальтовой росписью в Золотой Орде.— СА, 1981, № 1.
9. *Федоров-Давыдов Г. А.* Искусство кочевников и Золотой Орды. Очерки культуры и искусства народов евразийских степей и золотоордынских городов. М.: Искусство, 1976.
10. *Галкин Л. Л.* Несколько изразцов из Селитренного городища.— СА, 1968, № 3.
11. *Баллод Ф. В.* Культура Золотой Орды.— Новый Восток, 1924, т. VI.

L. M. Noskova

DECORATIONS OF THE 14th-CENTUPY PALATIAL COMPLEX IN SARAI (SELITRENNOYE FORTIFIED SETTLEMENT)

Summary

New interesting materials were obtained in the course of archaeological excavations of the palatial complex in Sarai, the Golden Horde capital (Selitrennoye settlement. Astrakhan Region). They give a broader idea of the interior decoration of the palace and are another confirmation of the ties between the Golden Horde and Muslim art and architecture. The walls were ornamented with sawn mosaics, polychrome frescoes on white mortar, majolica tiles and stucco fretwork. One of the walls in the main hall was embellished with a majolica panel the tiles of which were made of kashin, with on-glaze polychrome guilt painting. The author has established five types of geometrical figures which formed the panel. The central elements were ten-pointed stars, while other elements—regular pentagons, taul- and bowl-type figures were arranged around them. The panel was bordered with rectangular tiles carrying floral ornaments. There were inscriptions on the stars. Similar decorations were popular in Central Asia.

[3] Материалы хранятся в Саратовском краеведческом музее.

Заметки

ФОРМОЗОВ А. А.

СТРОИТЕЛЬНЫЕ ЖЕРТВЫ НА ПОСЕЛЕНИЯХ И В ЖИЛИЩАХ ЭПОХИ РАННЕГО МЕТАЛЛА

Еще в 1930-е годы при раскопках поселения андроновской культуры Алексеевка (Кустанайская обл.) О. А. Кривцова-Гракова сделала интересное наблюдение. В больших полуземляночных жилищах, выявленных на этом поселении, в двух случаях были открыты ямы, имевшие не хозяйственный, а скорее всего культовый характер. В землянке 2 в северо-западном углу в такой яме лежал череп лошади, а в северо-восточном углу — черепа двух коров и овцы. В землянке 8 была обнаружена яма с черепом коня, поставленным на каменную подставку. О. А. Кривцова-Гракова писала, что эти культурные остатки представляют собой следы жертв, совершенных до сооружения землянок [1, с. 96].

Вернувшись в 1948 г. к изучению андроновских памятников р. Тобол, на поселении Садчиковка О. А. Кривцова-Гракова также отметила жертвенники в землянках. В северо-восточном углу землянки 1 была расчищена яма, в которой стоял целый глиняный сосуд, покрытый крышкой, а в юго-западном углу землянки 2 — аналогичная яма, тоже с целым сосудом. Хотя на первый взгляд захоронения черепов животных и сосудов под полом землянок трудно расценивать как что-то аналогичное, О. А. Кривцова-Гракова прозорливо увидела в описанных находках в Садчиковке следы таких же жертв, как и в Алексеевке [2, с. 158].

Широко развернувшиеся за последние годы раскопки андроновских поселений показали, что явление, впервые описанное О. А. Кривцовой-Граковой, характерно и для других памятников андроновской культуры. Так, на поселении Шандаша II (Оренбургская обл.) Е. Е. Кузьмина нашла в юго-западном углу жилой ограды 2, при входе в нее, яму, где лежали челюсть, кости ног и крестец овцы [3, с. 7].

На поселении Новоникольское I (Северо-Казахстанская обл.) при раскопках Г. Б. Здановича зафиксированы следы аналогичных жертвоприношений. В северо-восточном углу жилища 1 у входа был зарыт череп коня, под полом жилища 2 в яме лежали три черепа баранов, в жилище 7 ниже уровня пола у входа обнаружены два неполных скелета коров. Поселение было обведено рвом, и в его южной части также встретились захоронения черепов барана и лошади и скопление костей коровы.

На другом изученном Г. Б. Здановичем андроновском поселении — Петровка II (Северо-Казахстанская обл.) — в южной части жилища 2 раскрыта яма с целым сосудом, черепом и костями ног барана, черепом и позвонками коровы. И это поселение окружал ров. И снова в нем удалось найти около входа-перемычки яму с черепом и костями ног барана, а в другом месте — в зольнике — три сосуда, череп и кости ног барана и челюсти овцы [4, с. 20].

Следы тех же древних обрядов выявлены как будто в близкой к андроновской, срубной культуре. На Воскресенском поселении в Среднем Поволжье Н. В. Трубникова нашла в помещении III ниже культурного слоя два целых сосуда. Еще один целый сосуд был зарыт вне этого помещения, но близко к нему [5, с. 22].

Сейчас остатки подобных жертвоприношений зафиксированы на поселениях и в жилищах целого ряда культур, в том числе более раннего времени и иного облика.

На раннетрипольском поселении Лука Врублевецкая на Днестре С. Н. Бибиков отметил в жилище 1 два зарытых черепа собак, прикрытых глиняной плиткой [6, с. 269].

На памятниках развитой трипольской культуры совершались, видимо, такие же жертвоприношения. В Поливановом яру на Днестре обнаружен целый горшок с челюстью быка, зарытый в землянке 2 [7, с. 125], в жилище Солончен II в Молдавии — череп собаки и миска с костями и челюстью быка, в Солончены I и в Коломийщине I на Днепре — женские статуэтки под глинобитными полами домов [8, с. 239].

Предшествовавшие сооружению домов жертвоприношения характерны и для восточнотшцинецкой культуры, распространенной на среднем этапе бронзового века в лесостепной зоне Украинского Правобережья. На поселении у с. Костянцы (Ровенская обл.) И. К. Свешников обнаружил под полом, в юго-западной части жилища яму с костяками двух овец без черепов [9, с. 134]. В Черниговской обл. С. С. Березанская исследовала поселение Пустынка той же культуры. Под очагами почти во всех жилищах были выявлены ямы, где стояло по одному или по два целых сосуда (жилища 3—8 и 10). В жилище 9 такая же яма под очагом содержала в заполнении череп собаки, кости быка, зернотерку, два миниатюрных сосуда и глиняные лепешки [10, с. 88; 11, с. 112, 164, 166].

Даже лесным окским культурам оказалась не чужда описанная обрядность. И. К. Цветкова отмечает захоронение черепа лосенка в полу у входа в жилище поселения Ибердус I (рязанская культура) и черепа собаки при входе в жилище 1 на стоянке Ибердус II (волосовская культура) [12, с. 138].

Итак, ряду культур эпохи раннего металла свойственно одно и то же явление: под полами жилищ находятся ямы, где лежат кости (часто черепа) животных или стоят целые сосуды. Вероятно, остатков такого рода на поселениях можно было бы указать гораздо больше, но не всегда при раскопках они были выделены как особые объекты, отличающиеся от обычных хозяйственных ям.

Все археологи, встретившиеся при своих раскопках с захоронениями костей животных и целых сосудов под полом жилищ, говорили о жертвоприношениях и культовых сооружениях. Смысл их, однако, оценивался по-разному. С. Н. Бибиков писал о находке в Луке Врублевецкой: «...черепа собак и других животных служили... оберегами, вместилищем злых духов» [6, с. 269]. То же повторила Т. Г. Мовша: череп собаки был зарыт в жилище Солончен II «для защиты обитателей дома от враждебных сил» [8, с. 239]. Иначе смотрит на жертвоприношения в Пустынке С. С. Березанская: «Обычай погребать под полом кости животных скорее всего связан с идеей обратимости и веры в возрождение животных, широко распространенной у многих племен» [11, с. 166]. В качестве аналогий С. С. Березанская привлекает захоронения животных в курганах и могильниках эпохи бронзы и жертвенник в жилище на поселении срубной культуры Ильичево (Донецкая обл.).

Думается, что и в том, и в другом случае мы сталкиваемся с материальными остатками совсем других обрядов. Жертвенник в Ильичеве — это не скрытая от глаз людей яма под полом жилища, а напротив, возвышение в центре дома. Этот объект появился не до сооружения жилища и потом был спрятан под его стенами и полом, а сделан одновременно с другими частями дома, или даже после них, и затем функционировал на протяжении всей жизни поселка. Такой жертвенник следует

сопоставлять скорее с крестовидными глинобитными возвышениями в центре трипольских площадок [13, с. 134].

Многочисленные этнографические материалы позволяют дать более точную оценку зафиксированного при раскопках явления. Речь идет о так называемых «строительных жертвах» (Bauopfer немецких исследователей, больше других писавших об этой проблеме). У многих народов перед сооружением дома полагается закопать или замуровать в его фундамент ягненка, жеребенка, свинью. Очень часто жертвой становилась собака, которую даже старались зарыть живой (карелы, татары Поволжья, гиляки в XIX в). Отмечен обычай закапывать под дом конскую голову (немцы). У западных украинцев в XIX в. было принято прятать под печью черепа животных. Зарывали и сосуды с пищей (Силезия, Брауншвейг, Чехословакия) [14, с. 25—27].

Аналогия с тем, что мы знаем по раскопкам, таким образом, полная. Другой вопрос, что смысл строительной жертвы интерпретируется в этнографической литературе по-разному. Может быть, это жертва погибшим при постройке дома деревьям (так думал Д. К. Зеленин). может быть,— передача дому жизни убитого существа (как предполагал польский этнограф Я. Быстронь). Есть и другие гипотезы. Ясно лишь, что приведенные выше соображения археологов несостоятельны. Люди думали не о том, чтобы у жилища был защитник — собака. В жертву приносили и овец, и коров, а порою тела животных заменяли сосудами с пищей. Дело и не в надежде на возрождение животных, размножение скота. Цель жертвы — благоденствие строящей для себя жилище семьи. Захоронения животных в курганах и открытые жертвенники, стоявшие в центре дома, отражают другую обрядность.

О строительных жертвах говорят не только материалы раскопок и этнографические параллели, но и данные письменных источников. Рассказывая об основании Рима, Плутарх сообщает о совершении «этрусского обряда»: была вырыта круглая яма, куда положили «первины всего, что люди признали полезным для себя. Затем каждый бросил туда горсть земли, принесенной из тех краев, откуда он пришел, и эту землю перемешали. Яму эту обозначают словом „мундус", тем же, что и небо» [15, с. 32]. Этот отрывок интересен в связи с находками следов жертвоприношений во рвах андроновских поселений. Строительные жертвы совершались не только при возведении дома, но и при основании нового поселка.

Суммированный материал позволяет несколько точнее оценить факты, отмеченные исследователями андроновских, трипольских, восточнотшцинецких и других поселений эпохи раннего металла. Перед сооружением жилищ обитатели этих поселений приносили строительные жертвы. Зарывали, конечно, не кости, а туши или часть туш жертвенных животных и не пустые сосуды, а сосуды с жертвенной пищей, затем полностью истлевшей, скорее всего растительной.

Можно думать, что погребения людей под полами жилищ, известные в ряде раннеземледельческих культур [6, с. 195—198], отражают более древний этап в развитии строительной жертвы. Позднее жертвоприношения людей сменили статуэтки (Солончены I, Коломийщина I), убитые животные, потом только части их туш или одна растительная пища.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кривцова-Гракова О. А.* Алексеевское поселение и могильник.— Тр. ГИМ, 1948, вып. XVII.
2. *Кривцова-Гракова О. А.* Садчиковское поселение.— МИА, 1951, № 21.
3. *Кузьмина Е. Е.* Отчет Еленовского отряда Оренбургской экспедиции 1965 г.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 3081.
4. *Зданович Г. Б.* Периодизация и хронология памятников эпохи бронзы в Петропавловском Приишимье: Автореф. канд. дис. М.: ИА АН СССР, 1975.
5. *Трубникова Н. В.* Поселение эпохи бронзы у дер. Воскресенское.— КСИИМК, 1953, вып. L.
6. *Бибиков С. Н.* Поселение Лука Врублевецкая.— МИА, 1953, № 38.
7. *Пассек Т. С.* Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднестровья.— МИА, 1961, № 84.

8. *Мовша Т. Г.* Трипольские жилища на поселении Солончены II.— ЗОАО, 1960, № 1 (34).
9. *Свешніков І. К.* Розкопки в с. Костянці на полі Ліствящина.— АП, 1952, т. IV.
10. *Березанская С. С.* Пустынка — поселение эпохи бронзы на Днепре. Киев, 1974.
11. *Березанская С. С.* Северная Украина в эпоху бронзы. Киев: Наук. думка, 1982.
12. *Цветкова И. К.* Племена рязанской культуры.— Окский бассейн в эпоху камня и бронзы.— Тр. ГИМ, 1970, вып. 44.
13. *Шаповалов Т. А.* Поселение срубной культуры Ильичево на Северском Донце.— Энеолит и бронзовый век Украины. Киев. Наук. думка, 1976.
14. *Зеленин Д. К.* Тотемы — деревья в сказаниях и обрядах европейских народов.— Тр. ИААЭ АН СССР, 1937, т. XV, вып. 2.
15. *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания. Т. I. М.: Изд-во АН СССР, 1961.

МАТБАБАЕВ Б. Х.

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ЧУСТСКОМ ПОСЕЛЕНИИ (Фергана)

Чустское поселение находится в 2 км к северу от г. Чуста Наманганской обл. Поселение открыто более 30 лет тому назад ташкентскими археологами М. Э. Воронцом и В. И. Спришевским [1. с. 53—57].

В 1951 г. М. Э. Воронец, а затем в 1953—1961 гг. В. И. Спришевский провели здесь большие стационарные раскопки. Была вскрыта площадь 7000 м² [2, с. 7]. В результате многолетних раскопок получены важные данные для характеристики истории Ферганы в эпоху поздней бронзы. Основные итоги исследований обобщены в 1963 г. в кандидатской диссертации В. И. Спришевского [2].

К сожалению, отдельные вопросы оставались слабо изученными. К ним относятся проблема жилищ и стратиграфия памятника. Недостаточно изучена керамика поселения, в частности, как отмечал автор, ему не удалось выделить керамические комплексы по строительным горизонтам [2, с. 10].

В 1974 г. Ю. А. Заднепровский провел на поселении повторные работы [3, с. 499—500]. Несмотря на небольшие масштабы раскопок, полученные материалы внесли существенные изменения в понимание памятника. Так, Ю. А. Заднепровский установил наличие трех периодов обживания поселения. Впервые была обнаружена настоящая землянка. Это открытие уточнило наши представления о жилище Чустского поселения и положило конец дискуссии об использовании обычных ям в качестве жилищ-полуземлянок. Керамика Чуста была дробно классифицирована.

В 1982 г. автор возобновил раскопки Чустского поселения. Необходимость новых работ на памятнике диктовалась в первую очередь аварийным состоянием поселения, интенсивно разрушающегося в ходе земляных работ при строительстве дороги. Однако были поставлены и чисто научные задачи: 1) необходимость получения дополнительных сведений о стратиграфии Чуста, домостроительстве поселения и керамическом комплексе памятника; 2) решение вопроса о локальном своеобразии памятников чустской культуры, вставшего в связи с увеличением числа известных памятников.

Исследования 1982 г. велись на двух раскопах — северном и южном. Кроме того, в южной части поселения был заложен дополнительно небольшой шурф. Общая вскрытая площадь превышает 500 м².

Северный раскоп (площадь более 200 м²) расположен у северного края поселения, к западу от центрального раскопа В. И. Спришевского. Мощность культурного слоя здесь от 0,5 до 1,5 м. Культурные напластования снимались послойно с учетом заполнения многочисленных ям. В верхних слоях обнаружены строительные остатки, относящиеся к позднему этапу жизни поселения (разрушенные стены в один-два ряда кирпича, очажные пятна).

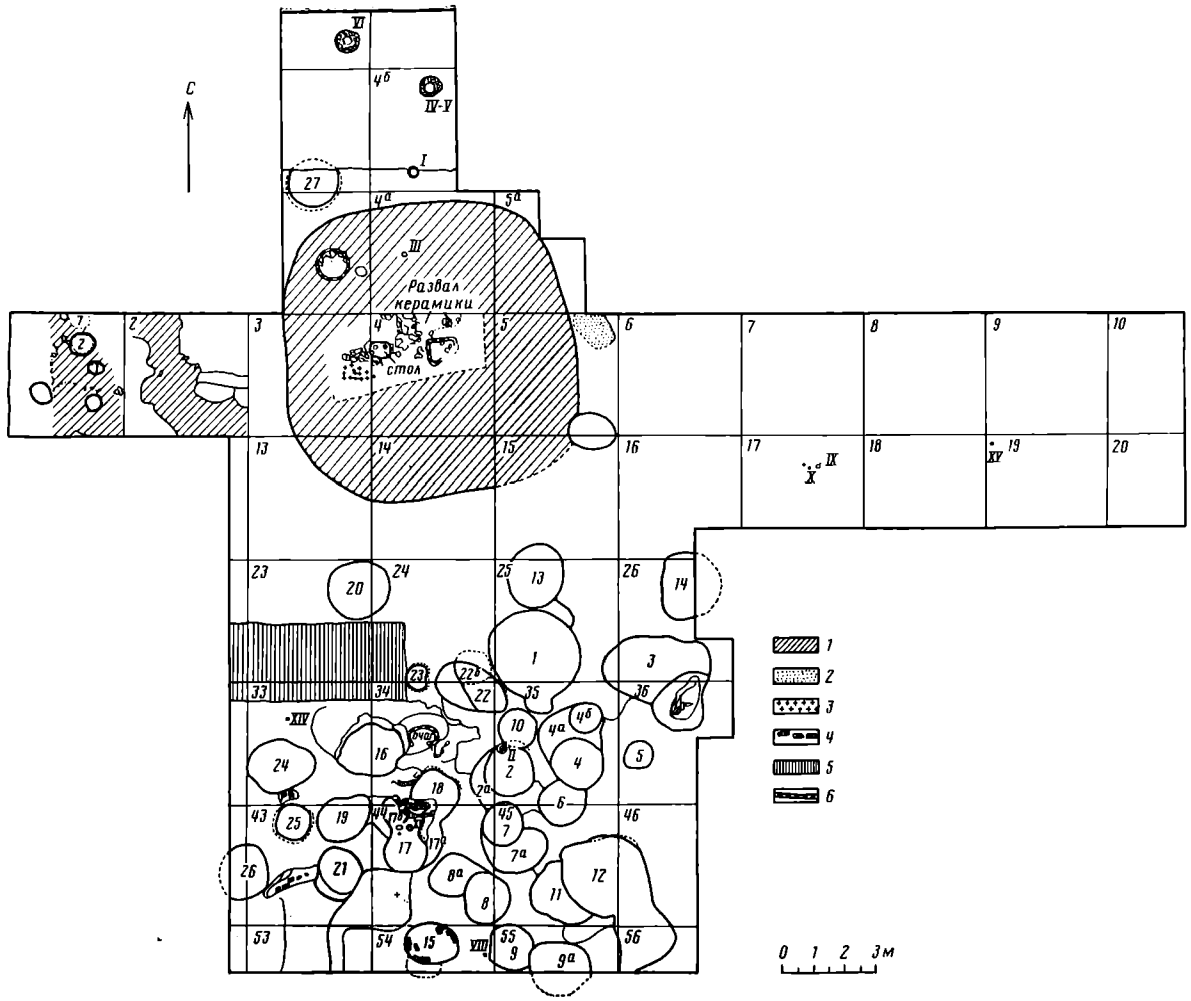


Рис. 1. План южного раскопа 1982 г. на Чустском поселении (Фергана): *1* — пол жилища, *2* — скопление золы, *3* — прокаленный участок пола, *4* — остатки кирпичной кладки, *5* — контрольный участок (не раскапывался), *6* — стенки очагов и цилиндрического сооружения

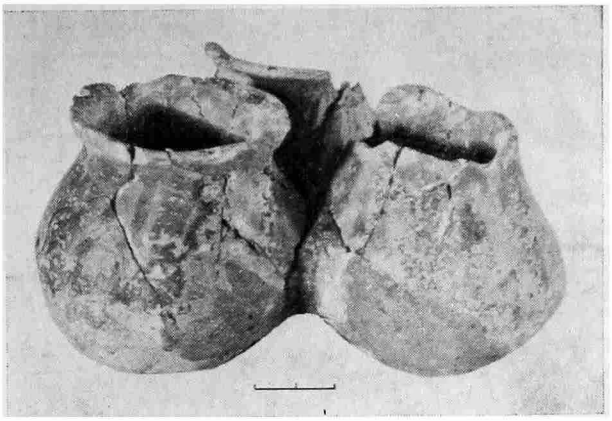


Рис. 2. Трехчастный сосуд Чустского поселения

Для определения правильности чередования стратиграфических слоев и относительной хронологии многочисленных ям были важны стратиграфические разрезы. На северном раскопе обнаружено 44 хозяйственные ямы, которые занимают почти всю вскрытую поверхность участка. На разрезах четко видно, что они относятся к трем периодам. Керамические комплексы разных периодов сходны, но при детальном сопоставлении наблюдаются некоторые незначительные различия.

Южный раскоп (площадью более 300 м^2) находится у южного края поселения, на месте траншеи 1974 г. (рис. 1). После зачистки траншеи продолжено исследование землянки, открытой в 1974 г. Она вырыта в материковом лёссе, в разрезе чашевидная, в плане прямоугольная с закругленными углами. Ю. А. Заднепровский, частично вскрывший эту землянку, на основании наличия очага и большого количества разбитых сосудов (среди них массивный столик-дастархан) заключил, что землянка служила для жилья [4, с. 14]. В северо-западной части землянки на полу обнаружено цилиндрическое сооружение. В плане оно круглое, диаметр 105 см. Стенки сделаны из глины. Сооружение сохранилось на высоту 35—40 см. Назначение его остается неясным, хотя такие же сооружения были отрыты ранее в Дальверзине. Цилиндрическое сооружение в Чусте найдено внутри жилища и, несомненно, с ним связано. Стратиграфические наблюдения показали, что землянка относится к среднему периоду жизни поселения.

Землянка окружена жилой поверхностью (пол), на которой с северной стороны найдены две большие корчаги и на этом же уровне целый глиняный котел с носиком-сливом. На южном участке раскопа нам удалось вскрыть остатки верхнего периода обживания: обрывки пола, в двух местах кладки из сырцового кирпича в один-два ряда и большой очаг круглой формы в плане с невысокими бортиками диаметром 100 см.

В раскопе обнаружено большое количество хозяйственных ям (37); в заполнении некоторых из них найдены кирпичи и камни. Такая же картина наблюдалась в раскопках В. И. Спришевского.

Всего в 1982 г. обнаружено более 80 ям, что составляет почти половину их количества в центральном раскопе [5, с. 186]. Ямы располагаются очень густо и не оставляют места для построек. Это подтверждает мнение исследователей Чуста о многочисленности хозяйственных ям и небольшом количестве жилищ.

В юго-восточной части поселения была обнаружена и вторая землянка. Контуры ее выявлены в стратиграфической траншее. Судя по залеганию слоев, с уверенностью можно сказать, что землянка относится к среднему периоду жизни памятника. Верхние слои в этой части поселения смыты.

В процессе раскопок было обнаружено более 10 тыс. фрагментов керамики (из них 39 целых форм), а также каменные и костяные орудия труда.

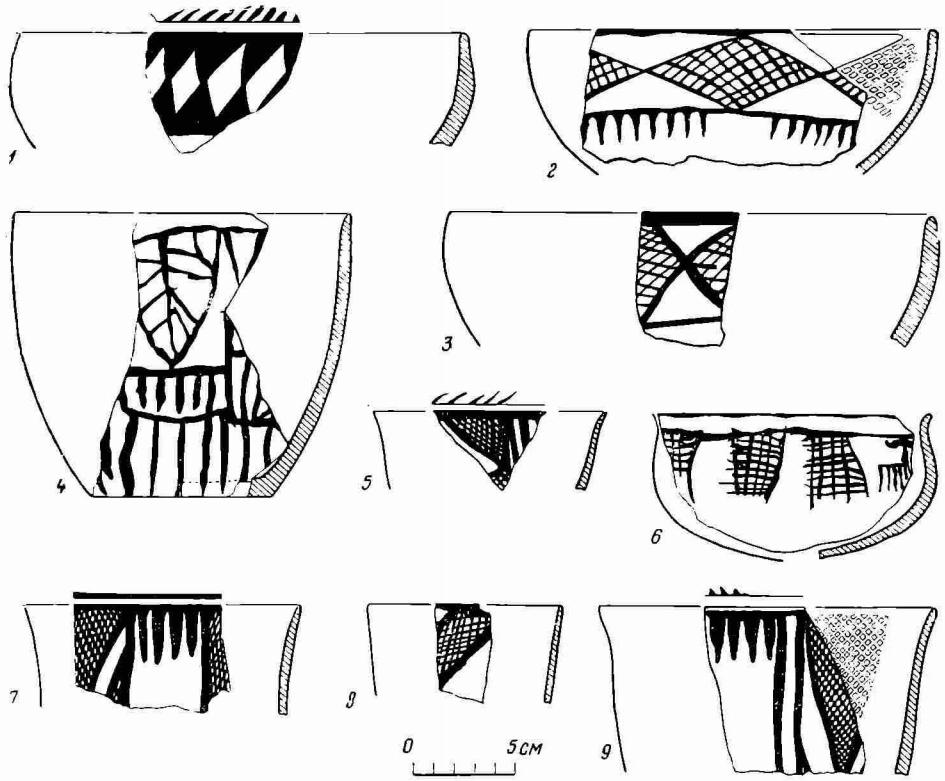


Рис. 3. Расписная посуда Чустского поселения: *1. 2. 4. 6* — чаши; *3. 5. 7—9* — горшки

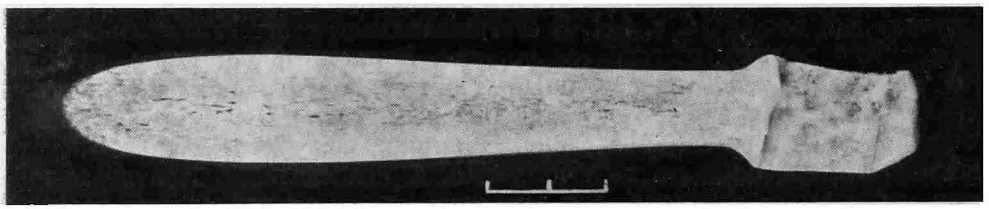


Рис. 4. Ложковидный предмет Чустского поселения

Собранная керамика обработана по тому же методу, что и керамика Дальверзина. В основу положены внешние признаки (цвет, обработка поверхности) и форма сосудов. Вся керамика разделена на пять групп.

Оказалось, что керамики с красной облицовкой было более чем в 2 раза меньше (30,6% из общего количества керамики), чем в Дальверзине (72,0%; [4, с. 23]).

Собрана значительная коллекция расписной керамики. Отметим трехчастный сосуд с росписью в виде миниатюрных горшочков, соединенных между собой. С внешней стороны и в нижней части сосуд раскрашен геометрическим орнаментом черной краской. Между сосудами внутри имеется три отверстия (рис. 2). Среди новых находок расписной керамики отметим чаши и конические горшки, украшенные своеобразным узором (рис. 3). Украшение сосуда крупным треугольником из небрежно нанесенных мазков краски не имеет аналогий в обширной коллекции Дальверзина и других поселений (рис. 3, *3*). Имеющиеся материалы позволяют утверждать однородность основных элементов орнамента и художественных приемов композиции, применявшихся гончарами Чуста и Дальверзина. Однако в материалах Чуста находим ряд оригинальных узоров, указывающих на локальное своеобразие расписной керамики Чуста.

Также интересно большое количество керамики с белой облицовкой. Она в Чусте составила 35,7%, тогда как в Дальверзине она представле-

на незначительным количеством [4, с. 23]. Больше оказалось в Чусте и кухонной посуды (27,1%), а толстостенная представлена (5,8%) чуть меньшим количеством, чем в Дальверзине.

Предварительное сопоставление дает возможность фиксировать локальные особенности в керамике двух основных памятников чустской культуры.

Во время работ 1982 г. обнаружено несколько каменных серпов, много зернотерок, пулевидные конусы, отбойники и каменные изделия, назначение которых пока не ясно.

Много найдено изделий из кости и рога. Это изделия, обычные для Чуста: гребни, трубки, разные заготовки, астрагалы. Следует особо отметить ложковидный предмет, он тщательно обработан с обеих сторон. Такой предмет найден впервые, назначение его пока не установлено (рис. 4).

Рассмотренный материал в целом позволяет сделать следующее заключение: при большом сходстве материалов с другими памятниками чустской культуры изучаемое поселение имеет свои локальные особенности. Это наиболее ярко выражается в керамике.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Воронец М. Э.* Археологические исследования Института истории и археологии и Музея истории АН УзССР на территории Ферганы в 1950—1951 гг.— Тр. Музея истории УзССР, 1954, вып. 11.
2. *Спришевский В. И.* Чустское поселение (К истории Ферганы в эпоху бронзы): Автореф. канд. дис. Ташкент: ИИА АН УзССР, 1963.
3. *Заднепровский Ю. А.* Раскопки поселений чустской культуры Ферганы.— АО — 1974. М., 1975.
4. *Заднепровский Ю. А.* Чустская культура Ферганы и памятники раннежелезного века Средней Азии: Автореф. докт. дис. Л.: ЛОИА АН СССР, 1978.
5. *Спришевский В. И.* Раскопки Чустского поселения в 1956 г.— СА, 1958, № 3.

ТРОИЦКАЯ Т. Н.

КУРГАН 1 БЫСТРОВСКОГО МОГИЛЬНИКА

Курганный могильник Быстровка 1[1] расположен на правом берегу Оби на северной окраине с. Быстровка Новосибирской обл. Он состоит не менее чем из 20 слабопрослеживаемых на местности насыпей диаметром 15—20 и высотой 0,1—0,3 м. В 1973, 1978 и 1979 гг. было раскопано 14 курганов, содержащих 64 погребения. Инвентарь, найденный в могилах, позволяет отнести захоронения к большереченской культуре и датировать их III—II вв. до н. э. [1, с. 218].

Особый интерес представляет курган 1, под насыпью которого открыты две могилы и ров диаметром ок. 13 м, прерывающийся с северо-востока. Ширина рва 0,55—0,6, глубина 0,4 м от уровня поверхности материка. Насыпь состоит из темной супеси; по-видимому, курган был сооружен из пластов дерна.

Могила 1 (рис. 1). Размеры ее на уровне поверхности материка 3,1×1,95 м, на глубине 1,1 м — 2,40×1,45 м. Стенки ямы сужались постепенно, заплечики отсутствовали, перекрытие не прослежено. В могиле головами на восток с небольшим отклонением к северу лежали в вытянутом положении два мужских скелета. Возраст погребенных — 30—35 и 50 лет. На левой руке северного погребенного надет бронзовый проволочный браслет, ниже таза найдены две бронзовые пронизки, у правой голени — костяная пронизка, (рис. 2, *3*, *5*), между стоп — глиняное пряслице и глиняный предмет в виде грибка (рис. 2, *4*, *7*). Рядом с погребением, у западной стенки могильной ямы, были обнаружены бронзовое зеркало с лежащей на нем каменной теркой, кусочек мела и сосуд

[1] Могильник открыт в 1953 г. М. П. Грязновым (Сергеевка III).

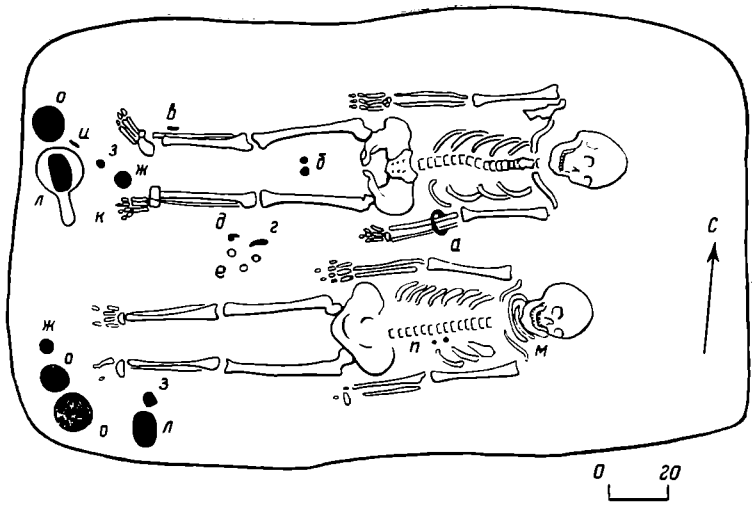


Рис. 1. Могила 1 в кургане 1 Быстровского могильника. *а* — браслет, *б*, *в* — пронизки, *г* — нож, *д* — крючок, *е* — кольца, *ж* — «грибок», *з* — пряслице, *и* — мел, *к* — зеркало, *л* — терка, *м* — гривна, *н* — бусы, *о* — сосуд; *а*, *б*, *к*, *м* — бронза; *в* — кость; *г* — *е* — железо; *ж*, *з*, *о* — глина; *л* — камень; *н* — стекло

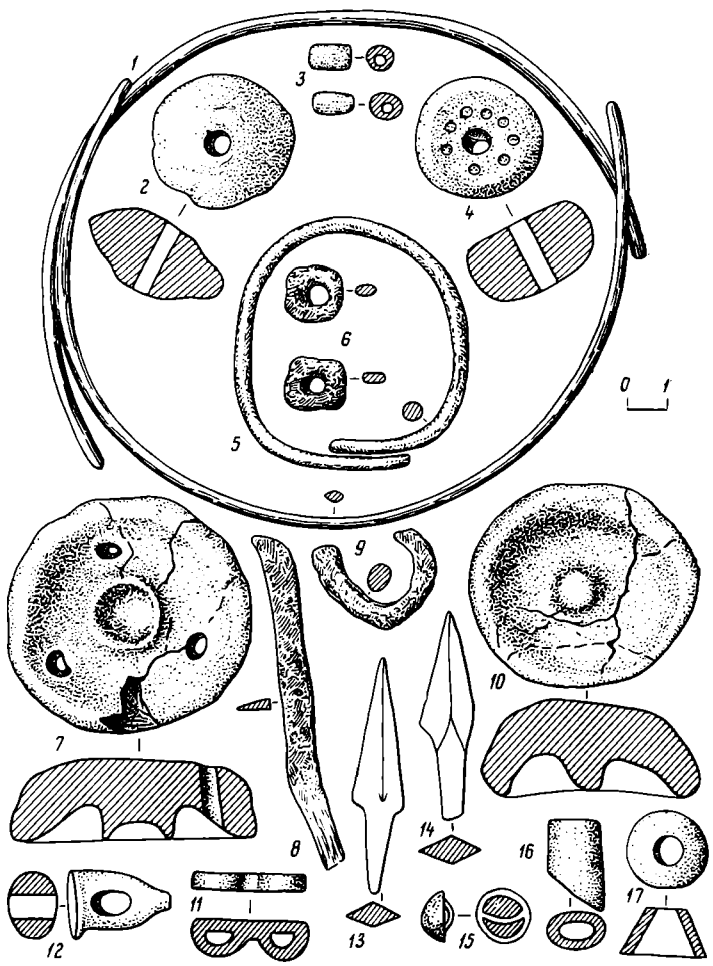


Рис. 2. Находки из кургана 1 Быстровского могильника. *1—10* — могила 1, *11* — насыпь, *12—17* — могила 2; *1*, *3*, *5*, *11*, *15*, *17* — бронза, *2*, *4*, *7*, *10* — глина, *6*, *8*, *9* — железо, *12—14*, *16* — кость

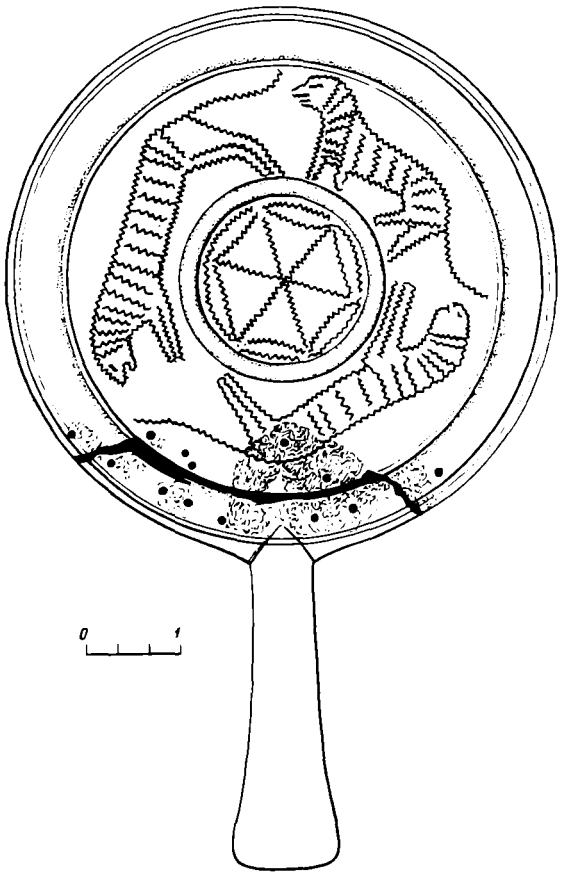


Рис. 3. Бронзовое зеркало из могилы 1

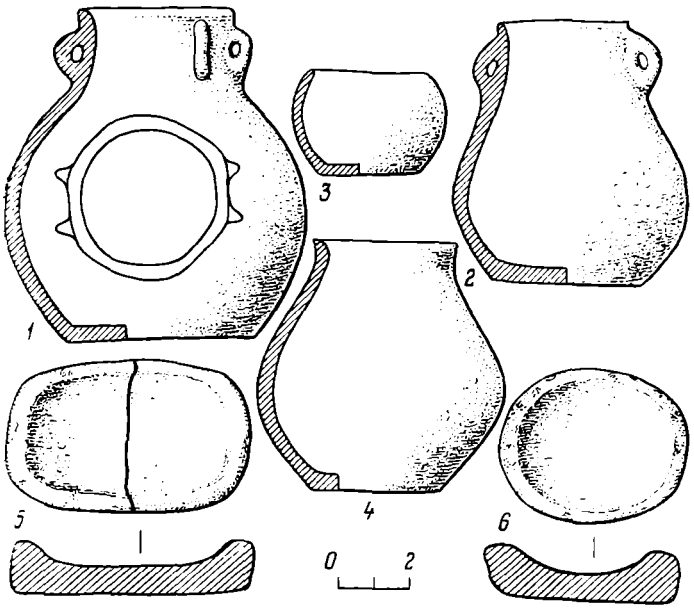


Рис. 4. Находки из кургана 1 Быстровского могильника. *1—3*, *5*. *7* — могила 1, *4* — насыпь; *1—4* — глина, *5*, *6* — камень

(рис. 3; 4, *1*, *5*). Между скелетами обнаружены железные нож, три колечка и крючок (рис. 2, *6*, *8*, *9*). При втором погребении найдены: на шее — бронзовая двусоставная гривна (рис. 2, *1*), в области груди — две расслоившиеся стеклянные пронизи, в ногах — каменная терка, глиняное пряслице, два сосуда и глиняный предмет в виде «грибка» (рис. 2, *2*, *10*; 4, *2*, *3*, *6*).

Могила 2 полностью разграблена, ее размер —3,00×1,75 м, глубина от уровня материка 1,25 м, вытянута с СВ на ЮЗ. В ней найдены отдельные кости двух скелетов (в том числе — череп женщины 20—25 лет), два небольших костяных наконечника стрел, несколько бронзовых и костяных предметов конского набора (рис. 2, *12—17*). Вероятно, к этому погребению относятся найденные в насыпи обломки одного сосуда и уздечная обойма (рис. 2, *11*; 4, *4*).

Все найденные в кургане сосуды (один низкий баночный и три кувшинчика) типичны для большереченской культуры, имеют аналогии в большереченских курганах Верхнего Приобья [2, табл. XXIX; 3, с. 19, рис. 7].

Самая интересная находка в кургане — бронзовое зеркало. Оно имеет вид плоского диска диаметром 13,4 см, с длинной ручкой (рис. 3), которая еще в древности отломалась с ободком зеркала и была починена при помощи железной проволоки, продернутой в просверленные отверстия. Эта проволока укрепляла наложенную с зеркальной стороны бронзовую латку. Проволока полностью проржавела, частично испортив изображение. Одна сторона диска гладкая, другая делится на ободок, основное поле и центральную часть двумя концентрическими врезанными кольцами (одним узким и вторым более широким). Такая же окружность-кольцо — идет по краю диска. Ободок гладкий.

На основном поле зигзагообразными линиями выгравированы три идущих друг за другом тигра. Изображения схематичны. Подчеркнуты полосы на туловищах, пасть полуоткрыта. Два крупных тигра изображены в прыжке, третий, меньший по размеру,— в шаге. Стиль изображения явно не скифо-сибирский: нет подчеркивания мускулов, свободное пространство не занято изображениями и узорами, нет сцен терзания и т. д. Все внимание сосредоточено на фигурах тигров.

Центральная часть зеркала заполнена геометрическим узором. Она отделяется кольцом шириной 6 мм, которое подчеркнуто окружностью, выполненной зигзагообразными линиями. В нее вписан шестиугольник и проведены шесть диаметров.

Зеркала подобной формы известны в савроматских могилах, они относятся к первому типу зеркал — в виде диска с длинной ручкой и датируются в пределах VI — рубежа IV—III вв. до н. э. [4, с. 153; 5, с. 121]. К. Ф. Смирнов полагал, что родиной этого типа зеркал были Средняя Азия и Иран, а савроматы, в первую очередь живущие в Оренбургской степи, заимствовали эту форму. Нашему зеркалу наиболее близок обломок зеркала из кургана 2 в могильнике Тара-Бутак, датирующемся IV в. до н. э. [4, рис. 45, *г*]. На нем выгравированы узор из трех концентрических окружностей и треугольник у основания ручки. Аналогии изображениям тигров мне неизвестны. Скорее всего, они, как и форма зеркала, восходят к Ирану.

Таблица

Результаты количественного спектрального анализа изделий из могилы 1 кургана 1

Изделие	As	Sn	Pb	Sb	Bi	Ag	Fe	Ni	Co
Зеркало	0,08	18,0	0,035	—	0,033	0,003	0,7	0,08	0,065
Латка	0,45	11,0	0,08	0,18	0,018	0,004	0,42	0,016	0,027
Браслет	0,25	5,0	0,25	0,16	0,02	0,008	0,14	0,032	0,006

Примечание. Основа — медь.

Количественный спектральный анализ бронзы, из которой отлито зеркало, произведен в спектральной лаборатории ЛОИА АН СССР В. А. Галибиным. Высоким содержанием олова и малым количеством мышьяка сплав отличается от других изделий большереченской культуры. Вместе с результатом анализа состава зеркала для сравнения приведу данные по составу латки зеркала и браслета, найденного в той же могиле (таблица).

Вместе с зеркалом были найдены куски мела. Мел связан с идеей очищения умершего, с культом огня. Сарматы обычно клали куски мела в изголовье, около зеркала, каменной курильницы и других предметов, связанных с культом [6, с. 155—159]. В таком сочетании мел найден и в Быстровском кургане: вместе с зеркалом и каменной теркой-алтариком. Рядом с ними лежали глиняные изделия в виде грибков, функциональное назначение которых неясно. Скорее всего, они были связаны с культовыми действиями. В памятниках большереченского типа известно еще два таких грибка: в поселении Ордынское 9 и кургане 3 могильника Новый Шарап 2 [3, с. 16, рис. 4, *б*]; они имеют гладкую шляпку и кольцевидную ножку. Такого же типа изделие найдено в сарматском кургане на средней Оби [7, с. 113]. Грибки из Быстровки разные: у одного на шляпке имеются три сквозных отверстия, ножка его кольцевидная; у второго грибка шляпка без отверстий, ножка сосцевидная (рис. 2, *7, 10*).

Могила 1 обращает на себя внимание тем, что женский инвентарь в ней сочетается со скелетами, пол которых определен В. А. Дремовым как, несомненно, мужской. Наличие в погребении культовых предметов (бронзовое зеркало, каменные терки-алтарики, мел и глиняные «грибки») позволяет объяснить такое сочетание травестизмом — превращением пола. Аналогии этому явлению известны в этнографическом материале народов Сибири и Средней Азии XIX—XX вв. и рассматриваются исследователями как пережитки матриархата в отправлении культа [8, с. 192; 9, с. 101; 10, с. 176—178].

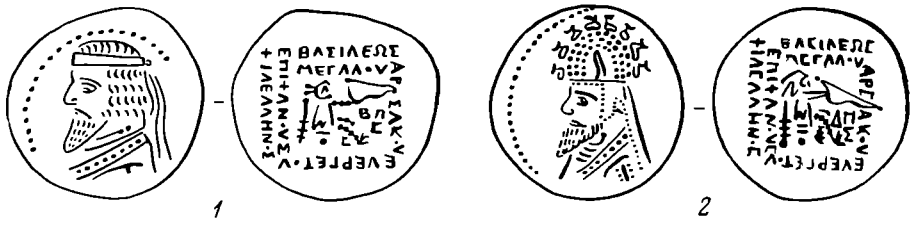
ЛИТЕРАТУРА

1. *Троицкая Т. Н.* Раскопки курганов у с. Быстровка.— АО — 1980. М., 1981.
2. *Грязнов М. П.* История древних племен верхней Оби.— МИА, 1956, № 48.
3. *Троицкая Т. Н.* Новосибирское Приобье в VII—III вв. до н. э.— ВАС, 1972, вып. 38.
4. *Смирнов К. Ф.* Савроматы. М.: Наука, 1975.
5. *Мошкова М. Г., Рындин Н. Л.* Сарматские зеркала Поволжья и Приуралья.— В кн.: Очерки технологии производства. М.: Наука, 1975.
6. *Смирнов К. Ф.* Сарматы-огнепоклонники.— В кн.: Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1975.
7. *Полосьмак Н. В.* Памятники раннего железного века в Барабинской лесостепи.— В кн.: Материалы Всесоюзной научной студенческой конференции. История. Новосибирск, 1976.
8. *Токарев С. А.* Религия в истории народов мира. М.: Госполитиздат, 1965.
9. *Алексеев Н. А.* Традиционные религиозные верования у якутов в XIX — начале XX в. Новосибирск: Наука, 1975.
10. *Басилов В. П.* Ташмат-бола.— В кн.: Глазами этнографов. М.: Наука, 1975.

НИКИТИН А. Б.

ДАТИРОВАННЫЕ ДРАХМЫ ФРААТА III И ХРОНОЛОГИЯ СУЗИАНСКИХ МЕДНЫХ ЭМИССИЙ

На монетах ранней Парфии даты, как правило, не ставились. Исключением являются тетрадрахмы и драхмы Митридата I (171—138 гг. до н. э.), выпущенные в Селевкии-на-Тигре и датированные 173 и 174 гг. по эре селевкидов (от 313 г. до н. э.), тетрадрахмы Артабана I (127—123 гг. до н. э.), датированные 188 г. по эре селевкидов, и его же тетрадрахмы, датированные 125 г. по эре Аршака (от 252 г. до н. э.) [1, типы 13/2—4, 13/6—8; 21/1—2, 22/2]. Даты по селевкидской эре стали регулярно проставляться на тетрадрахмах только с конца правления Орода II (57—38 гг. до н. э.). Эта традиция сохранялась до конца



Датированные драхмы Фраата III. Типы 38/10 (*1*) и 39/16 (*2*) по Д. Селлвуду

парфянской династии. Датированные драхмы, за исключением двух выпусков Митридата I и небольшой серии драхм Фраата III (70/69—57 гг. до н. э.), неизвестны.

Правление Фраата III — период реконструкции монетного дела Парфии. При нем утверждается единая система обозначения монетных дворов посредством двух- или трехсложных монограмм, заключавших сокращенное название города, чеканившего монету. Монограммы ставились на драхмах, иногда — на медных номиналах. Только на тетрадрахмах, выпускавшихся исключительно в Селевкии-на-Тигре, монограммы продолжают использоваться для обозначения выпуска; вероятно, это монограммы магистратов, ответственных за чеканку монеты. Той же системе обозначения монетных дворов следовали преемники Фраата III; до этого времени такой единой системы не существовало, и отдельные выпуски периодически помечались монограммами, сокращенными, а иногда и полными названиями городов и областей. Многие обозначения до сих пор не расшифрованы [2, с. 293—299].

На нескольких типах драхм Фраата III на месте обычной монограммы, обозначающей монетный двор (на оборотной стороне, перед изображением сидящего лучника), помещены буквенные обозначения, которые, очевидно, следует рассматривать как даты.

Типологически монеты этого правителя распадаются на две хронологические группы: а) более ранняя, с изображением царя в диадеме (Селлвуд, тип 38); б) более поздняя, с изображением царя в высокой тиаре, украшенной фигурками оленей (Селлвуд, тип 39). На монетах первой группы (рис. 1, *1*) встречаются обозначения: $\frac{\text{ВМ}}{\Sigma}$ (Селлвуд, 38/10) и $\frac{\text{ГМ}}{\Sigma}$ (Селлвуд, 38/11). На монетах второй группы (рис. 1, *2*) обозначения: $\frac{\text{ГМ}}{\Sigma}$ (Селлвуд, 39/15) и $\frac{\Delta M}{\Sigma}$ (Селлвуд, 39/14 и 39/16). С учетом палеографических особенностей греческих легенд на парфянских монетах I в. до н. э., где л и μ пишутся одинаково, они могут читаться либо как βλς, γλς, δλς, либо как βμς, γμς, δμς. Второй вариант прочтения предпочтительнее, поскольку, подставив соответствующие цифры, по греческой системе буквенного обозначения чисел, мы получим следующие даты (по эре селевкидов): 242, 243 и 244, что соответствует 70/69, 69/68 и 68/67 гг. до н. э.— они укладываются в первые 3 года правления Фраата III[1].

Таким образом устанавливаются точные даты: монеты группы «а» (Селлвуд, тип 38) чеканятся в 70/69 и 69/68 гг. до н. э. В том же 69/68 г. меняется иконография царского портрета и начинается выпуск монет группы «б» (Селлвуд, тип 39) с изображением правителя в тиаре. Они чеканятся и в следующем 68/67 г., после чего выпуск датированных драхм прекращается. Их, вероятно, чеканили на каком-то определенном монетном дворе; одновременно с датированными монетами, с первых лет правления Фраата III, выпускаются драхмы с обычными монограмма-

[1] В первом варианте получились бы даты 282, 283 и 284 по эре селевкидов, соответственно 30/29, 29/28 и 28/27 гг. до н. э.— время правления Фраата IV. Интерпретация этих обозначений как дат впервые была предложена Н. Ваггонер [3, с. 15—26].

ми — обозначениями монетных дворов Экбатан, Раги, Митридатокерта, Нисы и др. [1, с. 104].

Д. Селлвуд предварительно относил перечисленные выше типы датированных драхм к монетному двору Суз, рассматривая при этом представленные на них обозначения не как даты, а как варианты одной монограммы, указывающей на место чеканки[2]. За все время раскопок в Сузах, давших богатый нумизматический материал, была найдена только одна монета такого типа [4, № 481]. Вопрос о месте ее выпуска пока остается открытым. Неизвестный монетный двор функционировал недолго, ок. 3 лет, и объем чеканки, видимо, был небольшим: датированные драхмы — один из самых редких типов монет Фраата III. Возможно, в последний, 68/67 г. до н. э. были отчеканены две серии: одна серия монет с этим годом отличается от другой наличием дополнительной монограммы на оборотной стороне (Селлвуд, тип 39/14).

Датированные драхмы позволяют уточнить хронологию выпусков медных номиналов Фраата III, чеканившихся в Сузах. Здесь имеются только халки раннего типа, с изображением царя в диадеме, которые, как установлено, могут датироваться только в пределах 70/69 — 69/68 гг. до н. э. Их насчитывается пять серий, различных по типу реверса (Селлвуд, типы 38/17—21); очевидно, в один год монетный двор этого города мог выпустить последовательно несколько серий монет с разными изображениями на оборотной стороне — факт, который заставляет с большей осторожностью относиться ко всем попыткам реконструкции хронологии парфянских династов на основании числа выпущенных от их имени эмиссий сузианского муниципального чекана. Большинство исследователей, занимавшихся этим вопросом, до сих пор придерживалось того мнения, что тип реверса на сузианской меди служит указанием на год выпуска и что изображения на реверсе менялись ежегодно. По числу выпусков сузианских халков вычислялась продолжительность правления каждого династа, и на этом основании реконструировалась хронология так называемого темного периода в истории Парфии — периода борьбы за власть преемников Митридата II [5, с. 293, сл.; 6, с. 38, 39; 7, с. 95—119]. В целом эти подсчеты не лишены основания: с 88 по 70/69 г. до н.э., в течение 18 лет, в Сузах было отчеканено 18 серий халков от имени четырех царей, правивших в этот период. Совпадения типов реверса на монетах разных правителей едва ли могут указывать на то, что в год восшествия на престол они продолжали чеканить в Сузах монету по типу последнего выпуска своего предшественника, соблюдая традицию годичных выпусков [6, с. 39]. Эти совпадения скорее случайны: у двух правителей, носивших титулы Теопатора Эвергета и Автократора Филопатора, совпадают три типа по классификации Селлвуда — 30/27 и 31/19 (Герма); 30/29 и 31/12 (идущая Ника); 30/35 и 31/20 (голова коня), у двух других — Теопатора Никатора и Филопатора Эвергета (типы 33 и 36 по Д. Селлвуду) — нет ни одного совпадения.

Ключ к относительной хронологии сузианских медных номиналов Фраата III дают имеющиеся под изображениями реверса монограммы, очевидно монограммы избиравшихся на год, как это было принято в сохранявших эллинистические традиции полисах на Востоке, магистратов.

Два выпуска имеют на оборотной стороне монограмму (Селлвуд, типы 38/17—18), три других — монограмму (Селлвуд, типы 38/19—21).

[2] Д. Селлвуд возражал против интерпретации этих монограмм как дат, основываясь на том, что на уникальной драхме Митридата III (57—53 гг. до н. э.) из его собственной коллекции также имеется монограмма ВПΣ. 242 г. эры селевкидов как будто не совпадает с хронологией его правления. Р. Е. Варданян сообщил нам, что другая монета Митридата III, хранящаяся в собрании Ереванского музея, имеет монограмму ϛΠΣ, что должно соответствовать 246 г. эры селевкидов. По его предположению, Митридат III мог быть соправителем своего отца с первых лет царствования Фраата III и выпускать драхму от своего имени на тех же монетных дворах.

Они были отчеканены в течение 2 лет, после чего выпуск медных номиналов в Сузах от имени Фраата III прекратился. Халки с изображением царя в тиаре здесь неизвестны, их продолжали чеканить в других центрах — Экбатанах и Раге.

Датированные драхмы Фраата III подтверждают сведения письменных источников о дате восшествия его на престол. По свидетельству Флегона, это произошло в 3-й год 177-й олимпиады (что соответствует 70/69 г. до н. э.), после смерти его отца Синатрука. Преемник Синатрука назван у него «Теосом». Этот титул Фраат принял не сразу. Его нет на ранних его тетрадрахмах (Селлвуд, тип 38/1), но он появляется после 69/68 г. до н. э., одновременно с тиарой (тип 39/1) [8, с. 72]. Появление датированных драхм Фраата, очевидно, связано с реорганизацией монетного дела, начавшейся ок. 70 г. до н. э. Выпуск их был предпринят только на одном монетном дворе, и через 3 года чеканка их по неизвестным причинам была прекращена. В какой-то мере попытка наладить выпуск датированных монет отражает общую тенденцию развития парфянской монетной системы. В последней трети I в. до н. э. установилась система регулярной чеканки тетрадрахм, датированных по годам селевкидской эры и по месяцам македонского календаря. Последний был унаследован парфянами от эллинистической эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Sellwood D.* An Introduction to the Coinage of Parthia. L., 1971.
2. *Sellwood D.* The Mint-Towns of Parthia.— In: VI-th International Congress of Iranian Art and Archaeology. Memorial Volume. Teheran, 1976.
3. *Waggoner N.* The Coinage of Phraates III of Parthia.— In: Near Eastern Numismatics, Iconography and History. Studies in Honour of G. C. Miles. Beirut, 1974.
4. *Rider G.* Suse sous les Seleucides et les Parthes.— MDAI, 1965, t. XXXVIII.
5. *Sellwood D.* Parthian «Dark Age» in the Light of Numismatic Evidence from Susa.— In: The Numismatic Chronicle. L., 1967.
6. *Walton Dobbins K.* The Successors of Mithradates II of Parthia.— In: The Numismatic Chronicle. L., 1975.
7. *Simonetta A. M., Sellwood D. G.* Again on the Parthian Coinage from Mithridates II to Orodes II.— In: Numismatica e Anticita Classiche. T. VII. Lugano, 1978.
8. *Walton Dobbins K.* Mithradates II and his Successors: A Study of Parthian Chrisis 90—70 B. C.— Antichthon, 1974, № 8.

ГОПАК В. Д., ДЬЯЧЕНКО А. Г.

ТЕХНИКА ИЗГОТОВЛЕНИЯ КЛИНКОВ ДРЕВНЕРУССКИХ МЕЧЕЙ БАССЕЙНА СЕВЕРСКОГО ДОНЦА

Несмотря на то, что история древнерусского меча постоянно привлекает пристальное внимание специалистов, некоторые важные аспекты этой проблемы исследованы не в полной мере. В частности, более обстоятельного изучения заслуживает технология производства клинков мечей, представляющих собой одну из наиболее высококачественных категорий продукции городских кузнецов Киевской Руси. В советской археологической науке данная тема нашла свое отражение в работах Б. А. Колчина [1, с. 130—139; 2, с. 191—195], однако общее количество изделий, подвергавшихся металлографическому анализу, пока еще сравнительно невелико (12 экз.) [1, с. 130—139, 242—244].

В настоящей публикации излагаются результаты металлографических исследований клинков двух древнерусских мечей X — начала XI вв., обнаруженных в степной части бассейна Северского Донца, которая, как известно, всегда лежала за пределами собственно древнерусской территории. Выявленные здесь мечи связаны, по-видимому, с кочевнической средой.

В 1900 г. у с. Краснянка в бывшем Купянском уезде Харьковской губ. (территория нынешней Ворошиловградской обл.) был найден меч

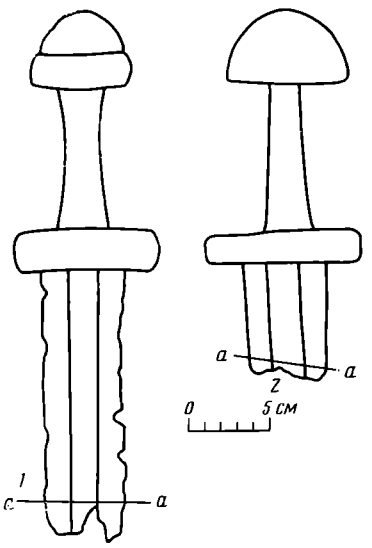


Рис. 1. Древнерусские мечи из бассейна Северского Донца. *1* — Краснянка; *2* — Татьяновка; *а — а* — места взятия проб

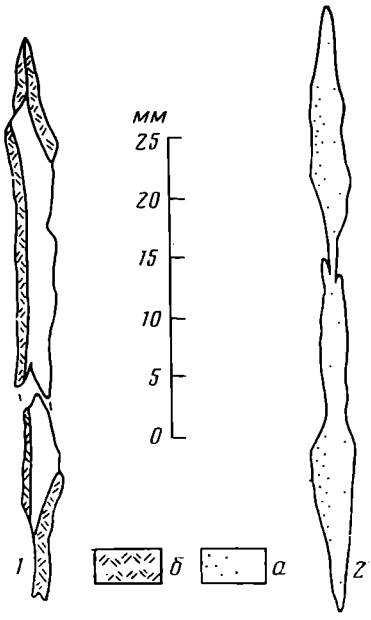


Рис. 2. Технологические схемы клинков мечей. *1* — Краснянка, *2* — Татьяновка; *а* — кричное железо, *б* — термообработанная сталь

(рис. 1, *1*), датированный А. Н. Кирпичниковым концом X в. [3, с. 35; 4, с. 119; 5, с. 6, табл. IV, 8][1]. Он относит эту находку к типу «А местный» и считает ее изделием русских клинковых мастерских [3, с. 35]. Состояние обоюдоострого клинка меча, сохранившегося на длину 20 см, удовлетворительное. Углубленные долы шириной 25—26 мм, прожатые с обеих сторон вдоль центральной оси клинка, выделяются хорошо. Общая ширина клинка в месте взятия пробы составляет 47 мм, максимальная толщина — 4 мм, минимальная (по долам) — 2 мм.

Клинок оказался сварным. На микрошлифе его поперечного сечения ясно видны две структурные зоны — стальная, имеющая микроструктуру мелкоигольчатого троостита, и микротвердость 383—572 кг/мм^2, которая охватывает рубящие кромки лезвия и узкую полосу вдоль одного из долов, и цельножелезная с ферритной структурой и низкой микротвердостью (135 — 151 кг/мм^2) в центральной части клинка (рис. 2, *1*). Границы между зонами четкие. Хорошо просматривается светлая линия сварного шва (рис. 3, *1*). Сварка качественная, расслоений и непроваров по сварному шву нет, включения остатков флюса почти не наблюдаются.

Установленная технологическая схема позволяет полностью реконструировать процесс изготовления клинка. Состоял он в следующем: первоначально на удлиненную железную заготовку была напрессована тонкая стальная полоса. Этот своеобразный «пакет» подвергся затем кузнечной сварке. В результате образовалась прочная комбинированная заготовка. Из нее и был откован клинок (рис. 4). Для улучшения боевых качеств изделие было термически обработано путем закалки и отпуска. Завершающей операцией явилась окончательная отделка поверхности.

Применение описанной технологии позволило получить клинок с мягкой и пластичной железной сердцевиной, препятствовавшей его поломке, и термически обработанные стальные режущие кромки, что обеспечивало максимальную боевую эффективность оружия. Сохранившаяся вдоль одного из долов узкая стальная полоска, копирующая его профиль, показывает, что долы клинка не простругивались, а прожимались в процессе

[1] Меч хранится в Харьковском историческом музее (инв. № КС 116—42). Детальная прорисовка орнаментации рукояти приведена в книге Б. А. Шрамко [6, рис. 144,1], описание дано А. Н. Кирпичниковым [3, с. 35].

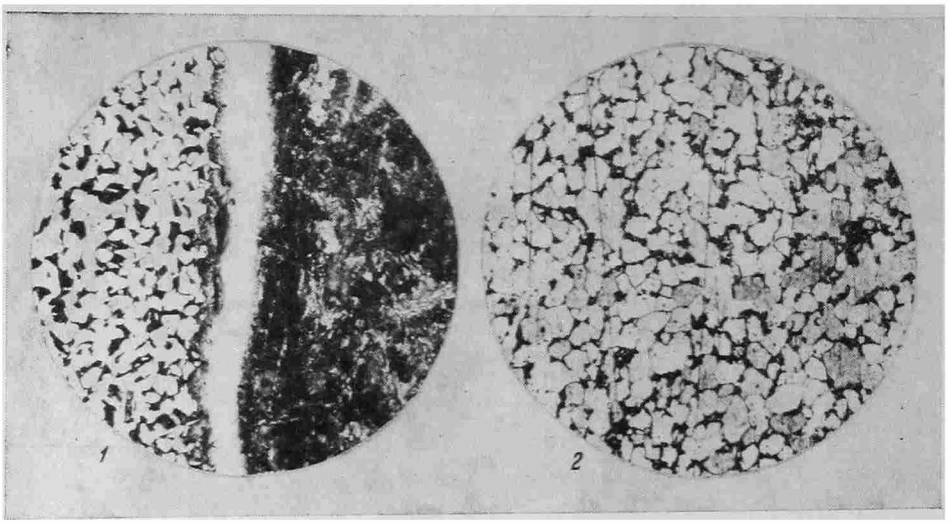


Рис. 3. Фотографии микроструктур. *1* — Краснянка (зона сварки, ув. 200); *2* — Татьяновка (феррит, следы перлита, ув. 200)

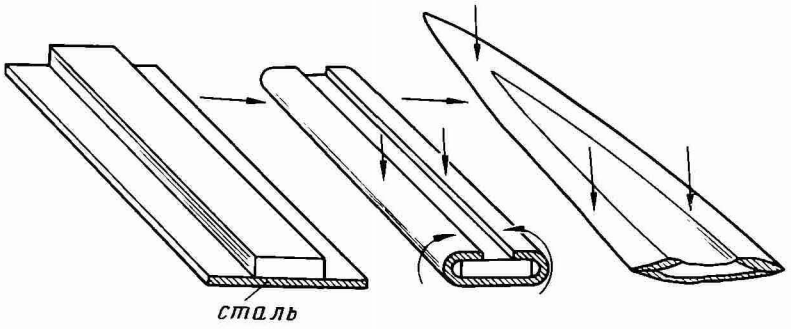


Рис. 4. Технология изготовления клинка меча из Краснянки

ковки, после чего они были лишь зачищены и заполированы. Следовательно, в процессе механической обработки исходная слоистая макроструктура клинка нарушена не была, что еще более усиливало его прочность.

Прослеженная техника близка приемам изготовления древнерусских сварных клинков, выявленным Б. А. Колчиным на мечах из Михайловских курганов [1, с. 134, рис. 6, *1*], хотя в нашем случае вместо двух стальных заготовок, наваривавшихся на железную основу в зоне рубящих кромок, использована одна стальная тонкая полоса.

Технологическая схема меча из Краснянки почти во всех деталях совпадает с описанием мечей русов, приводимым хорезмийцем Бируни в минералогическом трактате 1046 г., где указывается: «Русы выделывают свои мечи из шапуркана, а долы посредине из наромхана, чтобы придать им прочность при ударе, предотвратить их хрупкость» [7, с. 142]. Б. А. Колчин определяет понятия «шапуркан» как сырцовую сталь-уклад, а «наромхан» — как кричное железо [8, с. 146]. На возможное использование для стальной полосы краснянского меча сырцовой стали-уклада указывают прослеженные в отдельных местах стальной зоны светлые полоски беспорядочных сварных швов, что обычно характерно именно для уклада.

Таким образом, результаты металлографических исследований позволяют утверждать, что меч из Краснянки был откован древнерусскими оружейниками-профессионалами, прекрасно знакомыми с техническими требованиями к мечам и владевшими наиболее рациональными для своего времени методами изготовления их клинков.

Несколько по-иному обстоит вопрос со вторым исследованным мечом (рис. 1, *2*), найденным в 1977 г. у с. Татьяновка Славянского р-на Донецкой обл.[2] От него сохранилась рукоять с обломком клинка, имеющего длину 7 см. Она снабжена полукруглым навершием и нешироким (23 мм), но относительно длинным перекрестьем. По конструкции и форме рукояти меч может быть отнесен к типу X и датироваться X — началом XI в. [3, с. 20, 33]. По мнению А. Н. Кирпичникова, мечи типа X составляют переходную группу к формам XI—XII вв. и генетически восходят к западноевропейским центрам оружейного производства. Последнее, однако, не исключает возможности изготовления их в разных частях Европы, в том числе и на Руси, по западным образцам [3, с. 33].

Клинок татьяновского меча обоюдоострый. С обеих сторон на нем прожаты долы шириной 25 мм. Общая ширина клинка в месте взятия пробы 50 мм, максимальная толщина — 4 мм, минимальная (по долам) — 2мм. Клинок был изготовлен из низкокачественного малоуглеродистого металла, близкого к обычному кричному железу (рис. 2, *2*). Микроструктура металла — феррит, в отдельных местах микрошлифа — участки малоуглеродистой феррито-перлитной структуры с содержанием углерода 0,1—0,2% (рис. 3, *2*), иногда до 0,3%. Микротвердость низкая и колеблется в пределах 128—193 кг/мм². Следов термической обработки клинка зафиксировать не удалось. Характер распределения углерода в металле не позволяет говорить и о каких-либо попытках целенаправленного науглероживания. Это уже второй случай, когда исследованный клинок древнерусского меча оказывается цельножелезным. Ранее однородная ферритная структура была обнаружена на клинке одного из мечей Гнездовских курганов (Гнездово — 14, нумерация по Б. А. Колчину). Автор исследования достаточно убедительно объяснил этот факт сильной разрушенностью предмета, вследствие чего наварные стальные кромки действительно могли не сохраниться [1, с. 134, рис. 106, *3*; с. 242]. Хорошее состояние клинка меча из Татьяновки позволяет, напротив, однозначно утверждать, что наварных стальных рубящих кромок он не имел. Очевидно, в Древней Руси наряду с дорогими высококачественными мечами со сварными, цельностальными или цементованными клинками изготовлялись и дешевые цельножелезные мечи, служившие, вероятно, оружием рядовых воинов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Колчин Б. А.* Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси.— МИА, 1953, № 32.
2. *Колчин Б. А.* Оружейное дело древней Руси (техника производства).— В кн.: Проблемы советской археологии. М.: Наука, 1978.
3. *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. Вып. 1.— САИ, 1966, вып. Е1-36.
4. Каталог выставки XII Археологического съезда в г. Харькове. Отд. I. Харьков, 1902.
5. *Редин Е. К.* Альбом выставки XII Археологического съезда в г. Харькове. М., 1903.
6. *Шрамко Б. А.* Древности Северского Донца. Харьков: Изд-во Харьк. ун-та, 1962.
7. *Беленицкий А. М.* Глава «О железе» минералогического трактата Бируни.— КСИИМК, 1950, вып. 33.
8. *Колчин Б. А.* Несколько замечаний к главе «О железе» минералогического трактата Бируни.— КСИИМК, 1950, вып. 33.

[2] Меч хранится в краеведческом музее средней школы г. Славяногорска Славянского р-на Донецкой обл.

БОРОВИКОВ П. А.

О МЕТОДАХ ПОИСКА ДРЕВНИХ ЗАТОНУВШИХ СУДОВ

(по материалам зарубежной литературы)

Подводная археология имеет немало специфических возможностей в изучении прошлого. Вода, особенно морская вода, и илистое дно обеспечивают в ряде случаев лучшие условия хранения погруженных в них объектов, чем толща земли. Под водой хорошо сохраняются керамика, стекло, некоторые металлы, а при определенных условиях дерево, ткани, даже бумага, содержимое сосудов, амфор и пр.

Основная сложность организации археологических исследований под водой (помимо проблем, связанных с жизнеобеспечением человека) — это малая видимость, достигающая в лучшем случае 25—30 м, а в среднем не превышающая 10—15 м. Такая видимость в общем достаточна для собственно процесса раскопок, но для поиска объектов раскопок она явно мала. Встают очевидные вопросы: что искать, где искать и как искать.

Вопрос «что искать» в данной статье ограничивается затонувшими судами. Одна из причин этого заключается в том, что затонувший корабль представляет собой уникальный памятник, все составляющие которого объединены пространством и временем. Уходя на дно, судно уносит с собой только то, что было на борту в момент катастрофы, а порядок укладки груза в трюмах позволяет понять не только, что именно везло судно, но где и в каком порядке оно загружалось, т. е. понять маршрут судна. Это уже информация о торговых путях и связях прошлого, так сказать, из первых рук.

Вопрос «где искать» более сложен. Древние суда тонули в основном по трем причинам: налетая на скалы, банки и иные навигационные препятствия, в результате шторма в открытом море и в результате морских сражений. Если судно разбивалось о скалы или иные препятствия, оно ложилось на грунт на глубине нескольких метров в зоне активного волнового воздействия. Гибель судна от шторма или в морском бою могла произойти на любой глубине. Если судно тонуло на малой — несколько метров — глубине, то оно само и его груз перемалывались волнами настолько, что теряли исторический интерес. Исключения составляют суда, лежащие в укрытых от волнения проливах или бухтах — типа кладбища судов у о. Ясси-Ада [1]. Если судно затонуло на скалистом участке дна, то от него тоже мало что доходит до наших дней в неповрежденном виде. Большинство исследованных подводными раскопками кораблей находилось на песчано-илистых грунтах.

По результатам раскопок затонувших в Средиземном море судов удалось составить таблицу, отражающую «выживаемость» объектов различной природы на грунтах различного типа и минимальную глубину их вероятного обнаружения (табл. 1) [2]. Эта таблица позволяет заключить, что на скалистых грунтах могут быть обнаружены лишь поврежденные металлические предметы с затонувших судов, а сам корпус судна и его груз не сохраняются. На песчано-илистых грунтах вероятность сохранения всех типов объектов, включая корпус судна, достаточно велика. Дерево и керамика хорошо сохраняются вне зоны волнового воздействия, т. е. или в укрытых проливах или бухтах (порт г. Кирения [3]), или на глубинах в несколько десятков метров (например, судно у о. Липари [4]). Многометровая толща воды, кстати, надежно защищает лежащие на дне древние суда не только от разрушающего действия волн, но и от разграбления их поставщиками древностей на «черный рынок», что случается не так уж редко [5].

Поиск затонувших судов можно вести лишь сплошным просмотром без пропусков всей поверхности дна в предполагаемых районах древнего интенсивного судоходства. При этом следует отметить, что судно, пролежавшее на дне сотни, а то и тысячи лет, постепенно покрывается слоем

Сохранность археологических памятников в различных условиях прибрежного моря *Таблица 1*

Характер объекта	Минимальная глубина	Скальное дно	Каменистое дно	Илы	Подвижные пески	Прибрежный аллювиальный гравий
Каменные якоря	В бухтах и других укрытиях	Сохранность хорошая. Обнаружение и идентификация затруднены	Сохранность хорошая. Иногда замыт под поверхность грунта	Сохранность хорошая. Выступающие над дном части покрыты обрастаниями	Сохранность хорошая. Возможно лишь случайное обнаружение	Обкатан и покрыт минеральными отложениями в верхней части. Поиск затруднен
Свинцовые якоря	2–10 м в песке; более 3 м в скалах	Сохранность хорошая только металлических частей	Слегка покрыт органогенными отложениями	Сохранность хорошая, включая деревянные части	Сохранность отличная. Возможна сохранность деревянных частей	Слегка покрыт минеральными отложениями
Монеты	От 0 м и глубже	Сохранность маловероятна. Абразивный износ, разрушение	Сохранность средняя. Обнаружение затруднено	Сохранность хорошая. Активный ионный обмен (железо – медь)	Сохранность для серебра хорошая. Абразивный износ. Высокая степень окисления	Абразивный износ. Высокая степень окисления
Бронзовые скульптуры	Более 2 м в песке и иле; более 6–7 м в скалах	Сохранность маловероятна. Высокая степень окисления	Минеральные отложения. Значительная коррозия	Сохранность хорошая	Абразивный износ. Минеральные отложения. Слабая коррозия	Значительный абразивный износ. Минеральные отложения. Прогрессирующая коррозия
Медные объекты	От 0 м и глубже	Сохранность средняя. Деформированы. Находок мало	Зацементирован в грунт	Сохранность хорошая. Активный ионный обмен (железо – медь)	Сохранность хорошая. Обнаружение затруднено. Слабая коррозия	Значительный абразивный износ. Значительная коррозия
Деревянные объекты	Более 15 м с некоторыми исключениями	Сохранность низкая. Полное отсутствие связи между частями	Обнаружение затруднено	Большей частью в разложившемся состоянии	Обнаружение затруднено	Обнаружение затруднено
Железные объекты	Более 2 м в песке, более 4–5 м в скалах	Очень сильная коррозия	Коррозия. Толстый слой обрастаний и минеральных отложений	Значительная коррозия	Небольшая коррозия. Значительные органогенные отложения	Прогрессирующая коррозия
Небольшие фрагменты керамики	Более 0 м	Абразивный износ. Идентификация затруднена	Частичное разрушение. Органогенные и минеральные отложения	Сохранность хорошая	Абразивный износ. Разложение	Обнаружение затруднено
Амфоры	4–5 м пески, 6–7 м – камни, 10–11 м – скалы	Отдельные экземпляры, покрытые органогенными отложениями	Абразивный износ	Высокий процент разрушений	Возможна сохранность отдельных экземпляров	Абразивный износ. Органогенные отложения
Содержимое сосудов	6–7 м – пески	Сохранность отдельных образцов	Обломки на больших площадях	Множественные обломки	Обломки на больших площадях	Прогрессивное разрушение, износ и исчезновение
Части корпуса судна	Более 15–25 м	Вероятность незначительна	Вероятность, близкая к нулевой	Редко, но возможно	Редко, но возможно	Вероятность, близкая к нулевой

наносов и осадков. Корпус его, размягченный многовековым пребыванием в воде, под весом груза судна и толщи осадков распластывается «в лист», и над поверхностью дна в лучшем случае выступает верхняя часть груза.

Работы Г. Басса показали, что визуальный поиск затонувших судов даже в местах, где рыбаки поднимали тралами часть их груза, неэффективен. Лишь применение гидроакустической аппаратуры в сочетании с информацией, полученной от рыбаков, позволило выявить в районе Галикарнасса затонувшее на глубине 87 м античное судно и с помощью обитаемого аппарата «Ашера» идентифицировать его [6].

Находки судов на глубинах в десятки метров происходят реже. Так, во время поисков упавшего в море в 1954 г. самолета с помощью подводной телевизионной системы на глубине 180 м были найдены остатки судна с грузом амфор [7]. Знаменитое судно с грузом скульптур было найдено у о. Антикитира на глубине 45 м [8]. Греческое судно было найдено на глубине 60 м у о. Липари [4]. Но, к сожалению, эти и многие другие находки были также случайными. Для того чтобы придать поискам затонувших судов более систематический характер и повысить их эффективность, необходимо перейти от визуального поиска к инструментальному.

В наибольшей степени для задач поиска применимы гидроакустические приборы, измерители магнитных и электрических полей и аппаратура оптического видения.

Гидроакустические средства подразделяются на два типа: локаторы бокового обзора и акустические профилографы. Локаторы бокового обзора дают общую картину поверхности дна в полосе ±50—500 м от положения локатора. При этом чем выше частота излучаемого сигнала, тем более мелкие предметы может «разглядеть» локатор, но тем ниже дальность его действия. Например, локатор с частотой 500 кГц может выделять объекты размером менее 10 см на дальностях по 50 м в обе стороны, т. е. в полосе 100 м шириной. Локатор с частотой 100 кГц «просматривает» за один проход полосу ~1000 м шириной, но различить он может объекты размером не менее 1 м. Практически для задач подводной археологии целесообразно использовать гидролокаторы бокового обзора, работающие на частотах 400—500 кГц, так как они в достаточной мере сочетают дальность действия и способность «разглядеть» мелкие предметы.

Акустические профилографы позволяют различить структуру подповерхностных слоев дна и в случае наличия в них инородных объектов зафиксировать их на ленте самописца. Для акустических профилографов действует то же самое противоречие между дальностью действия и «остротой зрения», что и для гидролокаторов бокового обзора: чем ниже рабочая частота профилографа, тем глубже в грунт проникает его сигнал и тем более крупные объекты он в состоянии «различить». Повышение рабочей частоты, наоборот, позволяет выделить более мелкие аномалии в толще дна, но глубина проникновения сигнала в грунт уменьшается. Для решения археологических задач оптимальной будет частота в 5 кГц, позволяющая различить аномалии размером ~1 м в толще дна 10 м.

Методы магнитного поиска подводных объектов эффективны в тех случаях, когда необходимо обнаружить большие массы железных изделий. Применительно к объектам подводной археологии магнитометрия может использоваться для поиска судов XVIII в. и более позднего времени, поскольку насыщенность судов того времени железом была уже достаточно велика (пушки, ядра, якоря и пр.). На судах античных времен железо и его сплавы почти не употреблялись.

Приборы, работающие с электрическими полями, так называемые металлодетекторы, могут определять в зоне своего действия наличие не только ферромагнитных, но и немагнитных, цветных металлов. Однако зона действия металлодетекторов невелика, и для поиска затонувших судов они непригодны.

Фотосистемы и системы подводного телевидения в общем близки по своим возможностям. И те и другие дают оптическое изображение по-

Таблица 2

Общая характеристика поисковых средств

Тип прибора	Полоса захвата	Глубина проникновения в грунт, м	Разрешающая способность, м	Отстояние от дна, м	Природа объекта	Форма представления информации
Гидролокатор бокового обзора	100 м	—	0,1	5	Любая	Изображение на бумаге
Акустический профилограф	—	10	1,0	5	»	То же
Телевидение	4—6 м	—	0,03—0,05	3—5	»	Изображение на электронно-лучевой трубке
Фотосистема	4—6 м	—	0,02—0,03	3—5	»	Фотопленка
Магнитометр	Метры	0,5	—	1—2	Металлы ферромагнитные	Графическая
Металлодетектор	Менее 1 м	0,5	0,1—0,05	0,1—0,3	Металлы любые	Акустическая индикация

верхности дна и предметов на ней, но лишь в сравнительно узкой полосе — не более 4—6 м — при отстоянии от дна ~5 м и чистой воде.

Таким образом, все аппаратурные поисковые средства разделяются на три группы (табл. 2): акустические, оптические и электромагнитные.

Акустические средства имеют наибольшую полосу захвата и глубину проникновения в грунт, и их работа не зависит от прозрачности воды. Однако разрешающая способность этих средств и метод отображения информации позволяют выделять аномалии на поверхности и в толще дна, но не позволяют в подавляющем большинстве случаев опознать их, особенно если речь идет об очень старых, замытых в грунт объектах.

Визуально-оптические методы позволяют идентифицировать объект зрительно, но они имеют сравнительно узкую полосу захвата, и их работа определяется прозрачностью воды.

Электромагнитные методы имеют наименьшую полосу захвата, но они позволяют выделять мелкие металлические предметы, погребенные в толще дна, покрытые известковыми отложениями или обрастаниями и иными способами неразличимые.

Таким образом, для организации подводного поиска и опознания подводных исторических объектов необходимо использовать три независимых приборных комплекса: первый — буксируемый аппарат, имеющий на борту гидролокатор бокового обзора и акустический профилограф; второй — дистанционно-управляемый аппарат с фототелевизионной системой; третий — ручные водолазные металлодетекторы. Современный уровень техники позволяет сделать эти приборы достаточно малогабаритными, с тем, чтобы ими можно было работать с малотоннажных судов, катеров и даже шлюпок.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Bass G.* Discovery 73.— AINA Newsletter, 1974, v. 1, № 1.
2. *Raban A.* Survival of ancient wrecks in various conditions of the coast near Israel.— Sci. Div. Int., 3rd Sci. Sympos. CMAS, 1973, 8—9 oct.
3. *Katzev M.* Last harbour for the oldest ship.— Nat. Geogr., 1974, v. 146, № 5.
4. *Frey D.* The Capistello project — saturation archaeology for deep wrecks.— Sea Technol., 1978, v. 19, № 12.
5. *Owen D.* Picking up the pieces: the salvage excavation of a looted fifth century shipwreck in the straits of Messina.— Expedition, 1970, v. 13, № 1.
6. *Bass G., Katzev M.* Tools for underwater archaeology.— Archaeology, 1968, june.
7. *Dugan J.* Man under the sea. N. Y., 1965.
8. *Vaissiere R.* L'Homme et la monde sous-marine. Paris, 1969.

Критика и библиография

Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я. Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. Исследования советской экспедиции в Ираке. М.: Наука, 1981. 320 с.

Переход к производящему хозяйству и становление раннеклассовых обществ являются кардинальными проблемами исторической науки. Возникновение земледелия и скотоводства во многих местах земного шара ознаменовало начало кризиса первобытно-общинных отношений, формирование позднеродовой организации и развитие тесно связанных с ним процессов: появление имущественного и социального неравенства, совершенствование системы власти, консолидация первобытных этносов и т. д. В конечном итоге все это привело к сложению древнейших классовых обществ.

В силу неравномерности общественного развития указанные процессы имели очаговый характер и первоначально наблюдались лишь в отдельных центрах. Одним из таких центров по праву считается Передняя Азия. Здесь переход к производящему хозяйству наблюдался еще в раннем голоцене, а к началу III тысячелетия до н. э. уже возникла древнейшая в мире государственность. Географическое расположение Передней Азии таково, что отзвуки происходивших там событий неизбежно имели определенный резонанс в пограничных с нею областях. Многие явления эпох неолита и бронзы на Балканах и Кавказе, в южнорусских степях и в Средней Азии невозможно понять, не обратившись к синхронным древностям Ближнего Востока.

Как ни велико историческое значение ближневосточного региона, более полувека назад подчеркнутое известным английским археологом В.-Г. Чайлдом, наши знания о ранних периодах его истории до сих пор остаются недостаточными. Намеченная Чайлдом схема эволюции местных культур, как теперь установлено, имела много лакун, далеко не все из которых заполнены и ныне. С каждым годом новые археологические исследования приносят новые открытия, но при этом количество белых пятен нередко не только не уменьшается, но, напротив, возрастает. В последние годы создалась ситуация, при которой отдельные исторические построения, казалось бы, базирующиеся на переднеазиатских археологических материалах, в действительности опираются на гипотетические, слабо обоснованные суждения, укоренившиеся в науке, но нисколько не повысившие от этого своей фундированности. Все это порождает настоятельную потребность в широких археологических исследованиях в ключевых районах Передней Азии, в полной публикации полученных материалов (а многие местные памятники, в частности постоянно упоминаемое, но в общем-то малоизученное поселение Джармо, известны лишь по предварительным отчетам) и в их тщательной обработке в соответствии с достижениями современной науки и с привлечением методов и разработок смежных дисциплин.

Начавшая в 1969 г. работы в Северо-Западном Ираке, советская археологическая экспедиция поставила перед собой обширные исследовательские задачи: изучение процесса становления раннеземледельческих культур, их внутренней эволюции, характера хозяйственной и социальной структуры и других сопутствующих хронологических и историко-культурных проблем. Пожалуй, еще ни одна экспедиция в Ираке не выступала до сих пор с такой сложной комплексной программой, ограничиваясь более узкими задачами. За годы работ советской экспедиции удалось собрать значительный и разнообразный материал для освещения поставленных проблем. Раскопкам подвергнуты интересный раннеземледельческий поселок VII тысячелетия до н. э. Телль-Магзалия, такие ранее не известные дохассунские памятники, как Телль-Сотто и Кюльтепе, серия жилых холмов (теллей), пред-

ставляющих последовательное развитие североиракских обществ от раннеземледельческого до предклассового периода — Ярым-Тепе I (хассунская культура), Ярым-Тепе II (халафская культура), Ярым-Тепе III (верхняя часть относится к северо-убедийской культуре). Несмотря на то, что полученные данные регулярно публиковались на страницах периодической печати, к настоящему времени необходимость в монографическом издании новых памятников ощущалась исследователями очень остро. Таким изданием стала книга Р. М. Мунчаева и Н. Я. Мерперта, руководивших исследованиями советской экспедиции.

Авторы не пытались обобщить результаты всех исследований советской экспедиции в Ираке, что, очевидно, в одной монографии и невозможно. Р. М. Мунчаев и Н. Я. Мерперт поставили перед собой более скромную задачу — донести до читателя то новое, что удалось выявить при раскопках памятников хассунского (Ярым-Тепе I) и халафского (Ярым-Тепе II) времени. Однако даже изучение этих двух памятников дало столь богатый материал, что полная его публикация в одной монографии оказалась невозможной, и авторы были вынуждены ограничиться анализом информации, полученной из нижних слоев исследованных поселков. Это правомерно, так как именно генезис и ранние стадии эволюции хассунской и халафской культур вызывают в настоящее время наиболее серьезные споры среди специалистов. И все же объединение в единой монографии археологической информации о нижних слоях Ярым-Тепе I и Ярым-Тепе II, палеоботанической — о верхних слоях этих памятников и палеозоологической — лишь о верхних слоях Ярым-Тепе II, несколько нарушает цельность картины и порождает у читателя неосознанное желание перенести данные о хозяйстве в поздний период на более раннее время. Монография только выиграла бы, если бы в нее был включен раздел о халафских погребениях, вскрытых с Ярым-Тепе I, оказавшийся в виде статьи в другом издании [1].

Работы на обоих теллях проводились в течение восьми полевых сезонов (1969—1976 гг.), причем четыре последних сезона (1973—1976 гг.) были посвящены изучению главным образом древнейших слоев. Оба памятника скрывают в своей толще ряд последовательно существовавших древних поселков, достигавших временами площади 1,5—2,0 га. Из них Ярым-Тепе II дошел до нас лишь частично, так как половина его была смыта небольшой, временами пересыхающей речкой. По своей площади эти поселки представляются типичными для раннеземледельческого периода в Передней Азии, где на протяжении VII—VI тысячелетий до н. э. лишь немногие из известных памятников достигали более крупных размеров (6—10 га). Однако с существованием последних приходится считаться, и их следует учитывать, реконструируя облик древнего переднеазиатского земледельческого общества.

Мощность наслоений и в Ярым-Тепе I, и в Ярым-Тепе II достигала 6—7 м. За годы работ советской экспедиции на первом из этих памятников верхние слои были вскрыты на площади 1700 м², а нижние — 700 м² (сл. 7—8) и 400 м² (сл. 9—12). На Ярым-Тепе II было раскопано соответственно 600 и 500 м². Иначе говоря, позднейшие слои Ярым-Тепе I были изучены почти полностью; верхние слои поселка архаической хассуны (сл. 6—7) — на 20%, а нижние — на 2,0—3,5%. В Ярым-Тепе II эти цифры составили 2,5—3,0%. Результаты в целом неплохие, так как обычно изучение переднеазиатских памятников ограничивается раскопками весьма малых участков, составлявших какие-то доли процента от всей их площади. Даже в знаменитых Джармо и Хассуне раскопкам подвергся лишь 1,0% площади поселений.

Наибольший эффект раскопки широкими площадями переднеазиатских теллей дают, конечно, для анализа их нижних горизонтов. И не случайно наиболее существенный вклад советских археологов в изучение древнемесопотамских культур связан с важными уточнениями, а в чем-то и с изменениями наших представлений о ранних стадиях хассуны и халафа. До работ советской экспедиции предположение С. Ллойда и Ф. Сафара о том, что начало хассуне положили бродячие скотоводы и охотники, не знавшие прочного глинобитного домостроительства, только казалось сомнительным. Теперь, после раскопок Ярым-Тепе I, можно смело утверждать, что хассунские поселки основывались, безусловно, земледельческо-скотоводческим населением, в значительной степени оседлым. При этом какой-либо эволюции от однокомнатных домов к многокомнатным в VI тысячелетии до н. э. здесь уже не наблюдалось, так как традиция многокомнатных домов в Передней

Азии уходит своими корнями в VII тысячелетие до н. э., а кое-где (например, на Среднем Евфрате) и в VIII тысячелетие до н. э.

Преимущества раскопок широкими площадями совершенно очевидны, и история археологических изысканий на Переднем и Среднем Востоке в этом смысле особенно поучительна. В свое время, раскопав Кили-Гхул Мохаммед в Белуджистане и достигнув нижних слоев на площади всего в 1 м², У. Феарсервис тоже выдвинул идею о первоначальном заселении горных долин Белуджистана бродячими охотниками и скотоводами. Недавние раскопки в Мергаре полностью это опровергли, предоставив специалистам богатейшие данные об оседлой земледельческо-скотоводческой общине, обитавшей там с VI тысячелетия до н. э. В недалеком будущем, вероятно, придется пересмотреть и устоявшееся представление о раннем Тепе-Гуран как о поселке подвижных скотоводов. И здесь нижних слоев удалось достичь на весьма небольшой площади, где археологи встретили лишь остатки легких деревянных хижин. Но, во-первых, в средних, изученных несравненно лучше слоях глинобитные дома и деревянные хижины соседствовали друг с другом. Во-вторых, продолжение работ на Гуране показало, что деревянные хижины были многокомнатными, а это мало вяжется с представлением о бродячем населении. Не следует также забывать, что в Мурейбите в 1965 г. в слоях 14—17 были обнаружены только прямоугольные каменные дома, а при повторных раскопках в 1971—1974 гг. в тех же горизонтах ученые выявили исключительно круглые полуземлянки. При раскопках в Чайоню-Тепези бывали случаи, когда в разные сезоны археологи обнаруживали и весьма различные архитектурные остатки. Не умножая подобных примеров, хотелось бы подчеркнуть, что частичные раскопки древних поселений всегда чреваты разного рода ошибками и заблуждениями относительно их интерпретации, ибо материальные остатки распространяются по территории заброшенного поселка весьма неравномерно и, даже раскопав значительную площадь, можно упустить некоторые важные моменты.

Стратиграфия Ярым-Тепе I отражает, по сути дела, весь период развития хассунской культуры без каких-либо разрывов и лакун. Между горизонтами наблюдается прямая преемственность и плавные переходы. Это позволяет авторам заново рассмотреть вопрос о периодизации хассунской культуры и кое в чем существенно ее уточнить. Первоначальная периодизация, предложенная С. Ллойдом и Ф. Сафаром на материалах Хассуны, и уточнения П. Мортенсена по материалам Телль-Шимшары, основывались на гораздо менее богатых коллекциях. Поэтому выводы Р. М. Мунчаева и Н. Я. Мерперта, обоснованные массовым материалом, звучат особенно убедительно. Авторы рецензируемой монографии справедливо выступают против отрыва нижнего слоя Хассуны (Хассуна Ia), синхронного слою 12 Ярым-Тепе I, от собственно хассунского комплекса, так как выявленные там тенденции эволюции материальной культуры полностью соответствуют всему последующему ходу культурного развития. Р. М. Мунчаев и Н. Я. Мерперт предлагают делить хассунский период на два основных этапа: ранний, характеризуемый господством архаической керамики и соответствующий Хассуне Ia-c (фазы A-B, по П. Мортенсену), и поздний, отмеченный господством стандартной керамики (Хассуна III—V — начало VI, или фаза C, по П. Мортенсену). Седьмой горизонт Ярым-Тепе I, где выявлено смешение архаических и стандартных элементов, представляет собой переходный период и соответствует Хассуне Ic—II (конец фазы B, по П. Мортенсену) (с. 28, 88—92, 142—143).

Исследования советской экспедиции в Телль-Сотто и Кюльтепе наряду с работами английских археологов в Умм-Дабагии позволили по-новому поставить вопрос и об истоках хассунской культуры. Как пишут Р. М. Мунчаев и Н. Я. Мерперт, теперь уже невозможно выводить эту культуру в сложившемся виде откуда-то извне. Без сомнения, хассунская культура сформировалась в Северной Месопотамии, и потомки населения Телль-Сотто и Умм-Дабагии сыграли далеко не последнюю роль в ее становлении. Другое дело, возможно ли в настоящее время выявить все компоненты, участвовавшие в сложении хассунской культуры. Авторы полагают, что своим возникновением хассунская культура обязана не только указанным выше более ранним культурам, а и каким-то еще не обнаруженным иным компонентам (с. 145—146). Однако в нашей науке по этому вопросу существует и иная точка зрения. Н. О. Бадер [2, 3], с которым полемизируют авторы, и группа поддержавших его специалистов [4] рассматривают Сотто не как отдельную культуру, а в качестве ранней стадии хассунской культуры. Не вдаваясь в

детали этой интересной дискуссии, следует заметить, что установление истины требует, по-видимому, новых дополнительных исследований.

Как бы то ни было, работы в Северной Месопотамии еще раз показывают, что картина сложения и развития переднеазиатских раннеземледельческих культур была куда сложнее, чем предполагалось. И авторы совершенно правы, призывая к поиску местного субстрата для таких, например, культур, как самаррская и халафская (с. 146).

Критически рассмотрев данные о хронологии хассунской культуры, авторы относят ее в целом к периоду от конца первой половины VI тысячелетия до н. э. до рубежа VI—V тысячелетий до н. э. (с. 153—154). Большой интерес представляют приводимые ими факты об отсутствии какого-то периода сосуществования хассунских и халафских поселков в Северной Месопотамии, где халафская культура распространилась не ранее начала V тысячелетия до н. э. Однако само по себе это еще не решает проблему соотношения поздней хассуны и раннего халафа, так как халаф появился здесь в уже развитом виде и ни в коей мере не связан с хассуной генетически. К сожалению, генезис халафа и ныне остается исторической загадкой. Вместе с тем, как хорошо сознают сами авторы, эта культура не могла иметь столь ярко выраженный специфический облик в начале V тысячелетия до н. э., если бы его формирование не совершалось в предшествующее время, к которому и надо относить самые ранние этапы развития халафа (с. 265—266).

Оценивая результаты работ на Ярым-Тепе II заметим, что, во-первых, в настоящий момент это один из наиболее изученных памятников халафской культуры, а во-вторых, он расположен в районе, лежащем между так называемыми западным и восточным вариантами халафа. Последнее вызывает особый интерес в связи с дискуссией о приоритете того или другого района в истории сложения халафской культуры. Как убедительно свидетельствуют данные из Ярым-Тепе II, Синджарская долина не только пространственно, но и в культурном плане занимала промежуточное место между западным и восточным ареалами, а следовательно, они не разделялись какой-либо резкой границей. К сожалению, этот факт допускает несколько в равной мере правдоподобных интерпретаций, и лишь будущее покажет, какая из них достовернее (с. 267—268).

Вряд ли стоит подробно останавливаться на отдельных, хотя и достаточно интересных деталях археологической картины, встреченной при раскопках Ярым-Тепе I и Ярым-Тепе II, так как они добросовестно описаны и глубоко проанализированы авторами. Здесь следует затронуть лишь несколько более общих вопросов, связанных с процедурой интерпретации археологических данных. Прежде всего речь пойдет о проблеме круглых домов (толосов), которая является одним из традиционных предметов дискуссии в переднеазиатской археологии. Как возникли круглые дома, принесен ли этот строительный прием извне или развился на месте, надо ли видеть в нем культурную или стадиальную черту, строились ли круглые дома для ритуальных надобностей или служили жилищами, как совершился переход к прямоугольным домам,— таков круг вопросов, споры по которым не затихают и ныне. И совершенно естественно, что авторы попытались сказать по этому поводу свое слово, используя по мере возможности имеющиеся в их распоряжении данные. А данные эти весьма внушительны. Ведь Ярым-Тепе II занимает сейчас, видимо, первое место среди раскопанных халафских памятников по количеству изученных толосов. И это позволяет с полным доверием отнестись к выводу авторов о том, что, за редкими исключениями, эти строения использовались в халафское время для жилья, тогда как прямоугольные сооружения служили прежде всего хозяйственным целям (с. 166—185, 187—189).

Особым вопросом является проблема появления в Северной Месопотамии традиции строительства круглых домов, казалось бы постепенно затухавшей во многих областях Передней Азии на протяжении VII—VI тысячелетий до н. э. Одно время в переднеазиатской археологии форма домов жестко связывалась с определенной культурной принадлежностью: например, для докерамического неолита А Леванта типичными считались круглые дома, а для докерамического неолита В — прямоугольные. Однако археологические исследования последних десятилетий показали, что переход от круглых домов к прямоугольным не раз наблюдался в разных областях Передней Азии на протяжении VII—VI тысячелетий до н. э. По-видимому, правы исследователи, предлагающие видеть в этом отражение про-

цесса перехода к оседлости все новых и новых групп бродячего населения [5, с. 61; 6, с. 465]. Интересно, что прямоугольные постройки и в раннеэолитических поселках Среднего Евфрата, и в энеолите Закавказья, и, наконец, в халафе, как видно по данным из Ярым-Тепе II, первоначально служили для хозяйственных потребностей. Абсолютно то же самое наблюдалось в недавнем прошлом у многих переходивших на оседлость кочевников, например у монголов. С переходом к строительству жилых прямоугольных построек круглые сооружения могли некоторое время сохранять ритуальное значение. Так это произошло у индейцев-пуэбло, у которых в определенный период их истории круглые полуземлянки (кивы) играли роль святилищ. С этой же точки зрения, возможно, и следует интерпретировать редкие толосы, встреченные в раннехассунских слоях Ярым-Тепе I. Утверждение же авторов об их безусловной связи с погребениями (с. 46) кажется чересчур поспешным. Ведь в толосе № 333 найдены разрозненные человеческие кости, которые лишь условно можно назвать «погребением». Кстати, аналогичные находки были сделаны в вышележащем горизонте (№ 11) в прямоугольных помещениях (ср. с. 45, 48, 49) и, следовательно, они не обязательно связаны с толосами. В горизонте 11 встречались и круглые дома без каких-либо следов погребений. Что же касается толоса № 319, то с ним, безусловно, связано лишь одно детское погребение (погр. 133), тогда как погр. 126 было сделано в более поздний период, когда толос уже перестал использоваться (с. 44). Но детские погребения в хассунское время встречались и в прямоугольных домах.

Другая важная проблема связана с интерпретацией вскрытых на территории рассматриваемых поселков погребений, подавляющее большинство которых оказалось детскими. Как справедливо замечают авторы, последнее недвусмысленно свидетельствует о наличии особых некрополей для взрослых. Им самим посчастливилось изучить такой некрополь халафского времени, а Д. Керкбрайд вскрыла подобное же хассунское кладбище. Теперь на повестку дня встала задача обнаружения могильников для культур предхассунского времени, а также для самаррской культуры, для поселков которых указанная выше черта была столь же характерной (с. 84—87). Как показывают этнографические данные, раздельное захоронение детей и взрослых было весьма распространено на определенных этапах развития общинно-родового строя. Это диктовалось теми особенностями процесса социального развития общества, в силу которых дети еще не считались полноправными членами общества и идентифицировались в основном с семьей. Следовательно, им не находилось места на родовом кладбище, и их часто хоронили на территории поселка, в частности в домах [7, с. 22]. Этим и объяснялась встреченная в Ярым-Тепе I свободная ориентировка таких погребений. В некрополях ничего подобного не фиксировалось, и погребальный обряд там неизменно оказывался более строгим [1]. По-видимому, ориентировка детских захоронений в поселке диктовалась в большей мере интерьером помещений, в которых они располагались, чем нормами погребальной обрядности, соблюдавшимися лишь в отношении взрослых. Что же касается так называемых «погребений» взрослых в поселках Ярым-Тепе I и Ярым-Тепе II, то, с одной стороны, при наличии специальных могильников, а с другой,— исходя из своеобразного облика самих этих «погребений» (отдельные разбросанные кости, захоронения черепов и проч.), их, возможно, следует связывать с особыми ритуальными действиями, не имевшими отношения к собственно захоронениям, или же манипуляциями с костями выдающихся людей после вскрытия их первичных захоронений. Да и сами авторы порой склоняются к этому выводу (с. 86).

В целях интерпретации рассмотренных материалов стоит, по-видимому, вспомнить о широком распространении в раннеземледельческих обществах обычаев типа эндо- и экзоканнибализма, а также появлении кое-где культа черепов и использовании отдельных человеческих костей в магических целях. Судя по этнографическим аналогиям [8, с. 137, 138, 141; 9, с. 107—117], человеческие кости, в том числе и обломки черепов, вполне могли служить амулетами, а кости особо выдающихся людей первобытные земледельцы, как известно, нередко держали в жилищах, мужских домах или святилищах. В разрушенных домах эти кости вполне могут встречаться вместе с другими археологическими остатками. Обычаи такого рода были тесно связаны со специфическими духовными представлениями, зародившимися в период формирования позднеродовой организации. Интересно, что обряд отделения черепов возник в Восточном Средиземноморье не позднее VIII тысячелетия до н. э., т. е в ту эпоху, когда, судя по всему облику мате-

риальной культуры, здесь складывалась позднеродовая организация. К сожалению, эти отдельные черепа далеко не всегда подвергаются специальному палеоантропологическому анализу. Однако известно, что именно женщинам принадлежали моделированные глиной черепа, происходящие из Бейсамуна и Рамада конца VII — начала VI тысячелетия до н. э., и уникальный окрашенный охрой череп со вставленными в глазницы раковинами из одного из ранних горизонтов Чатал Гуюка [10, с. 183; 11, с. 66—70; 12, с. 179—180]. Последнее может служить гораздо более надежным аргументом в пользу существования у местных обществ матрилинейности, чем привлекавшиеся до сих пор для обоснования этой идеи женские статуэтки.

Вместе с тем становление позднеродовой организации не всегда сопровождалось именно культом черепов, и неудивительно, что его не было в хассунских общинах. Напротив, распространенность захоронений черепов в халафе служит новым стимулом для поисков корней этой культуры на западе. Здесь до определенной степени картину могли бы прояснить детальные палеоантропологические исследования, и приходится только сожалеть, что палеоантропология древней Передней Азии изучена еще весьма слабо.

В краткой рецензии трудно даже перечислить все те направления дальнейших исследований, перспективы которых открывают работы советской экспедиции в Ираке. Выше было показано, что даже выборочная их публикация порождает много новых проблем или заставляет по-новому подходить к оценке, казалось бы, уже устоявшихся представлений. Полученные материалы не всегда допускают строго однозначную интерпретацию, и авторы соблюдают понятную осторожность, оставляя некоторые вопросы открытыми. Проанализированные ими и детально опубликованные данные из нижних слоев Ярым-Тепе I и Ярым-Тепе II (а следует отметить, что книга изобилует рисунками, фотографиями и планами раскопанных участков), несомненно, привлекут внимание многих специалистов, представляя собой серьезную источниковедческую базу, способную пролить свет на многие нерешенные вопросы древней истории. Уже сейчас результаты работ советской экспедиции в Ираке получили широкое международное признание, и без их учета не обходится ни одно обобщающее исследование по археологии древней Передней Азии [13—15].

Публикация первой монографии, освещающей деятельность советской экспедиции в Ираке, явилась заметным событием в отечественной исторической науке. Хотелось бы пожелать, чтобы за ней последовала серия столь же развернутых исследований огромного и чрезвычайно важного материала, полученного работами экспедиции. Настоятельная необходимость таких исследований для решения кардинальных проблем исторической науки не вызывает сомнений.

Шнирельман В. А.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Мерперт Н. Я., Мунчаев Р. М.* Погребальный обряд племен халафской культуры.— В кн.: Археология Старого и Нового Света. М.: Наука, 1982.
2. *Бадер Н. О.* Раннеземледельческое поселение Телль-Сотто.— СА, 1975, № 4.
3. *Бадер Н. О.* Истоки хассунской культуры и становление земледелия на равнине Синджара.— В кн.: Археология Средней Азии и Ближнего Востока. Тез. докл. II Советско-американского симпозиума. Ташкент, 1983.
4. *Башилов В. А., Большаков О. Г., Куза А. В.* Древнейшие слои хассунского поселения Ярым-Тепе I в Северном Ираке.— СА, 1980, № 1.
5. *Cauvin J.* Les premiers villages de Syrie-Palestine du IX-eme au VII-ème Millénaire avant J. C. Lyon — Paris, 1978.
6. *Oates J.* Mesopotamian social organization: archaeological and philological evidence.— In: The evolution of social systems. Pittsburg, 1978.
7. *Binford L. R.* Mortuary practices: their study and their potential.— Memoirs of the Society for American Archaeology, 1971, № 25.
8. *Cranstone B. A. L.* The Tifalmin: a «Neolithic» people in New Guinea.— World Archaeology, 1971, v. 3, № 2.
9. *Gorecki P. P.* Disposal of human remains in the New Guinea Highlands.— Archaeology and Physical Anthropology in Oceania, 1979, v. 14, № 2.
10. *Mellaart J.* Excavations at Catal Hüyük, 1965.— Anatolian Studies, 1966, v. 16.
11. *Ferembach D.* Etude anthropologique des ossements humains neolithiques de Tell-Ramad.— Les annales archaeologiques Arabes Syriennes, 1969, t. 19.
12. *Lechevallier M.* Abou Gosh et Beisamoun. Deux gisements du VII Millénaire avant l'ère chretienne en Israël. P., 1978.
13. *Oates D., Oates J.* The Rise of Civilization. Oxf., 1976.
14. *Burney Ch.* From Village to Empire. An Introduction to Near Eastern Archaeology. Oxf., 1978.
15. *Lloyd S.* The Archaeology of Mesopotamia. From the Stone age to the Persian conquest. L., 1978.

Масленников А. А. Население Боспорского государства в VI—II вв. до н. э. М.: Наука, 1981. 126 с.

Рецензируемая монография посвящена изучению этнического состава населения Боспора — самого значительного региона северной периферии античного мира. Различные племена, по соседству с которыми располагались античные города и поселения Боспорского государства, непосредственные контакты с ними и в какой-то степени их подчинение способствовали необычайному своеобразию в развитии политического устройства, экономики, социально-этнических отношений и культуры Боспора.

В литературе неоднократно отмечалась социально-этническая неоднородность населения Боспора, которая нашла отражение не только в письменных свидетельствах и эпиграфике, но и в разнообразных археологических источниках, накопленных в результате длительного исследования памятников в этом регионе. Однако до настоящего времени не было ни одного комплексного исследования социально-этнического состава населения Боспорского государства со времени колонизации и до конца его существования. Рассматриваемая монография А. А. Масленникова заполняет этот пробел и является, по существу, первым большим шагом в разработке поставленной проблемы. Она состоит из введения, трех глав и заключения. Во введении автор формулирует цель и задачи работы: исследовать этнический состав населения и дать детальный анализ тех групп, которые жили на Боспоре; проследить степень варваризации городов и поселений; определить удельный вес того или иного этноса в истории Боспорского царства на различных хронологических этапах с VI до II в. до н. э. Вместе с тем автор предпринял попытку не только констатировать наличие того или иного этноса, но и, насколько это позволили источники выявить различия между отдельными микрорегионами Боспора.

Для своего исследования А. А. Масленников привлекает самые различные источники: письменные, данные эпиграфики (керамической и лапидарной), просопографии, а также (и это необходимо подчеркнуть особо как несомненное достоинство работы) широко использует археологические источники. При их анализе он опирается на последние достижения отечественного и зарубежного антиковедения в области изучения не только этнической истории Боспора, но и античного мира в целом.

Предваряя анализ конкретного материала, А. А. Масленников отмечает, что в VI—II вв. до н. э. не существовало единого эллинского погребального обряда (с. 8). Действительно, в греческом обществе не было четко регламентированной процедуры похорон. Это объясняется отсутствием политического единства греческих полисов и наличием в греческом обществе политеизма. С другой стороны, в классовом обществе ритуал захоронения утрачивает связь с публичными проявлениями культа и становится обязанностью не рода или общины, а семьи [1, с. 21; 2, с. 392]. Таким образом, погребальный обряд и его конкретные реалии, зафиксированные раскопками в могилах в значительной степени зависели от традиций, складывавшихся в рамках семьи. Поэтому при исследовании античных некрополей и наблюдаются заметные различия в ритуалах захоронений. Они, однако, не противоречат общегреческим представлениям и верованиям, связанным с загробным миром [3, с. 123]. Следовательно, при анализе погребальных комплексов та или иная черта обряда не всегда должна рассматриваться как показатель этнической принадлежности погребенного; объяснение может быть скрыто в области семейных традиций, т. е. зависеть от верований и взглядов на погребальный культ того или иного сравнительно небольшого коллектива.

В основу работы А. А. Масленникова положена периодизация истории Боспорского государства, предложенная В. Д. Блаватским (с. 14). В соответствии с этой периодизацией состав населения рассматривается по трем периодам: от момента основания греческих полисов на берегах Керченского и Таманского полуостровов до II в. до н. э.— времени начала сарматизации Боспора.

Характеризуя первый период истории Боспора (VI—V вв. до н. э.), А. А. Масленников фиксирует преобладание греческого населения. Об этом свидетельствует проведенный автором анализ массового археологического материала. Греческое население в этот период вступало в контакты с представителями синдо-меотских и скифских племен, а также с потомками какого-то доскифского населения (автор склонен видеть в них потомков киммерийцев).

Говоря о негреческих чертах погребального обряда некрополей боспорских городов, А. А. Масленников вслед за некоторыми исследователями указывает, что одним из признаков варварской принадлежности погребенных является скорченность. Не оспаривая окончательно этого вывода применительно к Боспору, укажем, что скорченные захоронения открыты не только при раскопках боспорских некрополей, но и на Березани, в Ольвии, Херсонесе Таврическом, на античном поселении Панское-1, в Аполлонии Понтийской, Каллатисе и других центрах Северного и Западного Причерноморья [4, с. 111—120; 5, с. 22—24; 6, с. 213, сл.; 7, с. 49]. Это заставляет обратить самое пристальное внимание на наличие таких захоронений в разных, порой очень удаленных друг от друга районах и рассматривать это явление не обособленно для каждого региона, а с учетом всех данных, накопленных современной наукой по этому вопросу. Вполне возможно, что захоронения в скорченном положении, открытые в античных некрополях, следует относить к каким-либо социально зависимым слоям населения этих городов, причем не обязательно варварам, а не считать их показателем этнической принадлежности погребенных. Ибо в таком случае неизбежно перед исследователями возникнут неясности, связанные с этнической атрибуцией таких захоронений в различных центрах античного мира.

Следует помнить, что в литературе уже высказывалось мнение о греческой принадлежности таких захоронений [4, с. 112—119]. Вопрос этот, конечно, требует дальнейшей специальной разработки, но сейчас уже стало ясно, что попытки связать скорченные захоронения с таврами в Херсонесе, со скифами в Ольвии, фракийцами в Аполлонии не могут быть признаны удачными. Возможно, в данном случае решение вопроса нужно искать не в анализе этнических групп, а в сфере идеологии, так как захоронение умершего в скорченном положении могло диктоваться какими-то не ясными для нас верованиями, не нашедшими отражения в известных источниках.

Появление этих погребений еще в период колонизации, когда античные полисы были относительно однородны в этническом плане, самая разнообразная степень скорченности, в которой не усматривается каких-либо закономерных канонов, бытование такой позы в погребениях определенного периода, наконец, широкий ареал их распространения, исключающий принадлежность только к одной варварской группе (в данном случае — таврам, меотам, скифам или фракийцам), заставляют думать об их связи с особым ритуалом захоронения. Этот ритуал, возможно, свойствен отдельным эллинским семьям в силу их религиозных взглядов: скорченность могла символизировать связь с плодоносящими силами земли (подобно погребениям детей в амфорах), а также орфико-мистическими представлениями о взаимосвязи человеческой жизни в утробе матери и под землей, так как земля тоже мыслилась божеством и матерью [8].

Следует признать удачным вывод автора о том, что погребения с оружием в боспорских некрополях не всегда принадлежали варварам, а отражали реальную политическую обстановку, сложившуюся в районе Боспора, где конкретные обстоятельства жизни способствовали возрождению греческого обычая класть в могилы оружие. Еще одним косвенным свидетельством этого может служить сообщение Диодора о похоронах Александра Македонского, когда вместе с его телом наряду с многочисленными вещами было положено оружие (Diod. Sic., XVII, 26), а также захоронение Филиппа в Вергине [9, с. 1—72]. В данных случаях оружие символизировало доблесть и воинскую славу, а не являлось признаком этнической принадлежности умершего. Интересным, хотя и не бесспорным, представляется вывод автора о том, что на протяжении VI—V вв. до н. э. наиболее тесные контакты греческое население городов Боспора поддерживало с синдо-меотскими племенами, а не со скифами-кочевниками.

На втором этапе истории Боспорского государства, охватывающем IV — начало III в. до н. э. (протоэллинистический период, по В. Д. Блаватскому) этнический состав городов и хоры становится более сложным и пестрым, чем ранее. Рост территории, включение в состав Боспора при Левконе I значительных районов в Восточном Крыму, расширение хоры — все это привело к притоку в города и сельские поселения представителей негреческих племен. В Восточном Крыму это были скифы, а на Таманском полуострове — синдо-меоты. В конце IV — начале III в. до н. э. на Боспоре начинают фиксироваться отдельные сарматские черты погребального ритуала.

Однако несмотря на изменения, происходившие в социально-экономическом и политическом развитии Боспорского царства, состав населения его городов в своей массе продолжал оставаться греческим. В Пантикапее и других городах, как это убедительно показал А. А. Масленников на основании эпиграфических памятников, жили хиосцы, пирейцы, халкидяне, выходцы из Малой Азии и др. Спорным, как нам кажется, представляется вывод автора о том, что уже в IV в. до н. э. зажиточная часть эллинского населения Боспора восприняла черты варварской культуры, что, по мнению автора, и нашло отражение в погребальном обряде. Процесс варваризации греческого населения Боспора был сложным и не до конца ясным явлением и в широких масштабах начался на несколько веков позднее. Скорее в данном случае можно говорить о сильной эллинизации не только варварской знати, но и простого населения, воспринявшего не только греческие традиции в ведении хозяйства, но и греческую культуру. Вряд ли стоит, даже с рядом оговорок, писать, что появление ножей и оселков в могилах античных некрополей Боспора может свидетельствовать об усилении связей греков со скифским миром Наличие в погребальном инвентаре только этих предметов не может служить четким этническим показателем погребенного [3, с. 113; 4, с. 126].

Не совсем понятно, почему А. А. Масленников считает, что для определения варварского погребения необходимы минимум две черты негреческого погребального обряда (с. 51): «невосточная» ориентировка умершего и наличие в могиле оружия. Ни та, ни другая черта погребального обряда не может служить бесспорным показателем негреческой принадлежности погребенного.

Не вполне удачным представляется привлечение автором столь важных для решения этнической проблемы материалов, какими являются памятники религии и искусства (с. 63). Пока не имеется подтверждений тому, что в основе культов Ахилла Понтарха и Аполлона Гиперборейского (к тому же в период развитой греческой религии) «лежали сильно эллинизированные варварские черты», тем более что культ Ахилла с эпиклезой «Понтарх» никогда не был известен на Боспоре. Это исконно ольвийский государственный культ, учрежденный в Ольвии только во II в. н. э. (в данном случае нельзя смешивать культы Ахилла и Ахилла Понтарха) [10, с. 174—185; 11, с. 122—140]. В такой же мере это относится и к культу Афродиты Урании — владычицы Апатура, объединившей многочисленные функции других божеств, подобно Артемиде Партенос в Херсонесе и тому же Ахиллу Понтарху в Ольвии. Несмотря на указанные замечания, вторая глава книги, написанная на основе большого фактического материала, является, пожалуй, лучшей в работе. Автор правильно, вслед за В. Д. Блаватским, делает заключение, что не только по своему этническому составу, но и по форме правления территориальной структуре Боспорское государство «совершенно отличалось от обычных эллинских полисов и представляло собой особое греко-варварское государство протоэллинистического типа» (с. 65).

В последней главе рецензируемой книги рассматривается этнический состав населения Боспора в III—II вв. до н. э. Отмечая изменения в экономическом и политическом развитии Боспора в это время, А. А. Масленников делает вывод об изменении его населения. Со второй половины III в. до н. э. население Восточного Крыма перестает быть чисто скифским. На Таманском полуострове картина этнического состава населения менее ясна. Убедительным и хорошо аргументированным представляется очерк, посвященный смене сельского населения Восточного Крыма в I в. до н. э. В целом, несмотря на трудности, вызванные характером источников, автор рисует верную картину тех изменений в составе населения, которые происходили в городах и сельских поселениях Боспора. Нужно отметить, что очень интересным представляется анализ количества греческих и негреческих собственных имен, зафиксированных в эпиграфических памятниках рассматриваемого периода (с. 85). К сожалению, для IV в. до н. э. А. А. Масленников не сделал такого анализа, а лишь привел количественную характеристику негреческих имен. Очевидно, и в данном случае следовало бы проанализировать различные группы варварских имен на фоне греческой просопографии Боспора. В конце главы автор правомерно считает, что Боспорское государство являлось наиболее варваризированным из античных городов Северного Причерноморья (с. 88).

В заключении А. А. Масленников подводит итог анализу этнического состава населения Боспора на протяжении VI—II вв. до н. э. При этом он, вслед за В. Н. Корпусовой, считает, что «главным итогом историко-этнографического разви-

тия Боспора в VI—II вв. до н. э. явилось сложение здесь в основных чертах своеобразной греко-варварской культурно-территориальной и этнической общности» (с. 89). Этот вывод, сделанный на большом конкретно-историческом материале, позволяет по-новому оценить сложные процессы этнического развития Боспора и своеобразие его этнической истории.

Следует также отметить, что, говоря об этническом составе населения Боспора, автор почти не уделяет внимания количественному соотношению греческого и варварского населения в городах и сельских поселениях. Вероятно, следовало бы наряду с выделением тех или иных негреческих групп населения больше внимания уделить собственно греческому населению Боспора, которое в конечном итоге составило основу боспорян — новой этнической общности, сложившейся на Боспоре. Это позволило бы лучше представить динамику взаимодействий различных варварских групп населения с эллинами, составляющими, несмотря на определенные изменения, подавляющее большинство в составе населения Боспора на протяжении рассматриваемого периода.

Высказанные замечания, однако, не носят принципиального характера. Работа А. А. Масленникова, безусловно, является зрелым научным исследованием, написанным на большом фактическом материале, позволившем ему не только подвести итоги и сделать обобщения, но и по-новому осветить ряд важных и интересных вопросов этнической истории Боспорского государства в VI—II вв. до н. э.

Русяева А. С., Зубарь В. М.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Токарев С. А.* Ранние формы религии. М.: Наука, 1964.
2. *Токарев С. А.* Религия в истории народов мира. М.: Наука, 1976.
3. *Зубарь В. М.* Некрополь Херсонеса Таврического I—IV вв. н. э. Киев: Наук. думка, 1982.
4. *Кадеев В. И.* Херсонес Таврический в I в. до н. э.— III в. н. э. Харьков: Вища шк., 1981.
5. *Козуб Ю. І.* Некрополь Ольвії V—IV ст. до н. е. Київ: Наук. думка, 1974.
6. *Лапин В. В.* Греческая колонизация Северного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1966.
7. *Щеглов А. Н.* Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л.: Наука, 1978.
8. *Kern O.* Orphicorum fragmenta. B., 1922.
9. *Andronicos M.* Vergina. The Royal Graves in the Great Tumulos.— Athens Annals of Archaeology. T. X, № 1. Athens, 1977.
10. *Русяева А. С.* Вопросы развития культа Ахилла в Северном Причерноморье.— В кн.: Скифский мир. Киев: Наук. думка, 1975.
11. *Русяева А. С.* Земледельческие культы в Ольвии догетского времени. Киев: Наук. думка, 1979.

Гуревич Ф. Д. Древний Новогрудок. Посад-Окольный город/Ред. Кирпичников А. Н. Л.: Наука, 1981. 159 с., 91 рис., 21 табл. Тираж 3500 экз.

В последнее десятилетие активно публикуются археологические материалы из раскопок древнерусских городов на территории БССР. Уже опубликованы материалы из раскопок Полоцка, Полоцкой и Туровской земли, Волковыска [1—4; 5, с. 303—313; 6, с. 269—284; 7, с. 243—248]. И вот, наконец, в 1981 г. вышла из печати книга Ф. Д. Гуревич, посвященная одному из наиболее исследованных западнорусских городов — Новогрудку.

В монографии Ф. Д. Гуревич публикуются и анализируются материалы десятилетних (1957—1967 г.) раскопок в северо-западной части Окольного города Новогрудка, в результате которых здесь было вскрыто около 2000 м² сплошной площади (общая площадь Окольного города Новогрудка около 2,5 га). Работа состоит из введения, двух частей (каждая разделена на четыре главы) и заключения. Во введении приведены краткий очерк летописной истории Новогрудка и история археологического изучения города. Первая часть монографии посвящена публикации и источниковедческому анализу археологических материалов, в последней главе первой части рассматриваются вопросы хронологии Новогрудка. Во второй части рассмотрены интерпретационные сюжеты вещеведческого анализа: домостроительство,

ювелирное дело и вопрос о ремесленном объединении ювелиров Новогрудка в XII—XIII вв., отдельные разделы, обобщающие категории находок, вопрос об импортах и внешних связях Новогрудка. В заключении коротко суммированы результаты исследования.

Структура монографии Ф. Д. Гуревич вполне логична. Отсутствие в работе целого ряда важных разделов (исторической топографии города, проблемы соотношения города и округи, происхождения города, вопросов городской культуры и проч.) закономерно. Их постановка и решение целесообразны только после полной публикации материалов раскопок Новогрудка, включая материалы детинца, исследования которого продолжались в 1970-е годы (некоторые результаты изучения исторической топографии и культурно-исторической периодизации Новогрудка приведены Ф. Д. Гуревич в специальных статьях [8, с. 87—100; 9, с. 25—31]).

Основную задачу опубликованной монографии Ф. Д. Гуревич формулирует следующим образом: «Своей первоочередной задачей мы считаем публикацию археологических данных... Определяются особенности стратиграфии, выявляются комплексы, распределение вещевого инвентаря по жилым и хозяйственным постройкам..., приводится датировка отдельных строительных периодов древнего Новогрудка. Все это — необходимая источниковедческая основа дальнейшего исследования» (с. 5). Именно эта посылка определила соотношение разных частей книги: собственно публикационная часть работы (часть I, гл. 1—3) составляет более двух третей общего объема монографии. Основное внимание уделено публикации остатков построек и связанных с ними комплексов находок. Из 38 прослеженных автором построек 12 воспроизведены в подробной графической документации, а все остальные — в тщательном текстовом описании. Еще пять построек были воспроизведены в более ранних статьях Ф. Д. Гуревич, и из-за ограниченного объема книги планы их включены в монографию ссылками на издания [10, с. 117—119; 11, с. 98; 12, с. 71, 77]. 21 постройка, как следует из описания, прослежены фрагментарно и графически не воспроизводятся.

Несмотря на слабую сохранность большинства открытых раскопками объектов, Ф. Д. Гуревич удалось разделить все обнаруженные остатки построек на два строительных горизонта, каждый из которых, в свою очередь, разделен на три строительных периода. Эта дробная стратиграфическая колонка обоснована в большинстве случаев достаточно убедительно. Пожалуй, вызывает сомнение только отнесение к одному строительному периоду построек 25 и 26 (с. 85), стратиграфически перекрывавших друг друга (рис. 7).

Важно отметить следующее: культурный слой Окольного города Новогрудка «сухой», лишенный грунтовых вод. Мощность его колеблется от 1 до 3 м, а к рассматриваемому в монографии периоду относится лишь часть напластований мощностью от 0,55 до 1,4 м. Органические остатки, в том числе дерево, в слое такого типа сохраняются, как известно, плохо, а темп накопления слоя весьма невелик по сравнению с «мокрым» слоем, насыщенным грунтовыми водами. Тем не менее Ф. Д. Гуревич удалось (благодаря тщательной фиксации открывшихся при раскопках объектов) расчленить слой на строительные горизонты со средним периодом «жизни» около 50 лет. (шесть горизонтов на период от конца X до третьей четверти XIII в. включительно). Фактически раскопками выявлена картина, приближающаяся по степени детализации к наблюдениям, получаемым при изучении памятников с «мокрым» слоем (Новгород, Псков, Ладога и др.).

По разделу, посвященному публикации комплексов Окольного города, у рецензентов есть некоторые мелкие замечания. Не вполне ясно, почему остались невоспроизведенными постройки 8, 9 и 11, сохранность которых, судя по описанию, не на много хуже воспроизведенных. Вряд ли можно считать остатками постройки печь в кв. $Г_{III}$ (постройка 34), которая могла находиться на открытом воздухе вне постройки. Может быть, остатки уличной печи обозначены так же, как постройка 2. Недостаточно убедительно разделение на две самостоятельные постройки строительных остатков в кв. НОПРСТУ $_{15-19}$ (постройки 18 и 19) у северной границы раскопа (рис. 32): по мнению Ф. Д. Гуревич, эти постройки разделены канавкой, но, судя по плану, не исключено, что открытые остатки принадлежали одной постройке, прорезанной более поздней канавкой. Незначительные расхождения в контурах постройки 26 прослеживаются при сопоставлении плана (рис. 68) и схемы застройки раскопа (рис. 7). Но существенно, что перечисленные неточности фактически не отражаются на общих выводах о стратиграфическом

соотношении горизонтов и периодов застройки и о принципах застройки исследованного участка Окольного города Новогрудка в X—XIII вв.

Осложняет использование публикации отсутствие нивелировочных отметок на планах (рис. 9, 13, 16, 18, 32, 52, 56, 68, 70) и стратиграфических разрезах построек (рис. 3, 39, 57, 65), что делает трудно сопоставимыми планы и разрезы между собой.

Не менее важным сюжетом публикационной части исследования Ф. Д. Гуревич стало определение вслед за относительной хронологией выделенных раскопками строительных горизонтов и периодов их абсолютных датировок. Проведению этого способствовало в немалой степени тщательное расчленение еще в полевых условиях комплексов находок, происходящих из собственно построек и из слоя засыпки построек. При «сухом» характере слоя эта операция является весьма трудоемкой.

К сожалению, за пределами работы осталась часть ссылок на датирующие аналогии для вещевого инвентаря. В первую очередь это относится к стеклянным изделиям массового характера (уникальная коллекция стеклянной и фаянсовой посуды была опубликована ранее [13; 14, с. 243—246; 15, с. 209—215; 16, с. 34—36; 17, с. 166—167; 18, с. 194—203]), ряду категорий ювелирных изделий. Отсутствие ссылок может создать видимость недостаточной аргументированности абсолютных датировок для строительных периодов. Однако проведенная нами на основе опубликованных Ф. Д. Гуревич материалов детальная проверка датировки каждого из комплексов по совстречаемости вещевых находок (по опубликованной ранее методике [19, с. 98—103]) с учетом не только доступных Ф. Д. Гуревич изданий, но и вышедшей в 1981 г. монографии М. В. Седовой [20], подтвердила высокую степень надежности датировок Ф. Д. Гуревич. Представляется, что лишь датировки строительных периодов 3 и 4 могут быть незначительно откорректированы в пользу омоложения. Ф. Д. Гуревич датирует строительный период 3 второй половины XI — рубежом XI—XII вв., а строительный период 4 началом — серединой XII в. (с. 117, 118). Опираясь на комплексы находок из построек 13 и 21[1], строительный период 3 может быть датирован в пределах первой половины XII в. Строительный период 4, судя по находкам из построек 3, 6, 12 и 18/19[2], а также учитывая датировку построек вышележащего строительного периода 5, надежно определенных Ф. Д. Гуревич в пределах второй половины XII — рубежа XII—XIII вв., может быть датирован серединой — второй половиной XII в.

Хронологические выкладки Ф. Д. Гуревич могли бы быть существенно дополнены анализом вещевых находок, происходящих из культурного слоя вне комплексов (особенно учитывая, что вышеупомянутые строительные периоды 3 и 4 относятся к разным горизонтам культурного слоя; см. с. 9, 17). К сожалению, находки, обнаруженные в слое вне комплексов, рассмотрены в монографии менее подробно, а воспроизведены лишь выборочно, почти не сопровождаясь привязкой к слою (часть I, гл. 3, с. 102—115). Вошедшие в монографию материалы, найденные вне комплексов, принципиально не противоречат наблюдениям, полученным при анализе самих комплексов.

Интересны намечающиеся для некоторых типов вещей расхождения с новгородской хронологией. Так, в постройке 3 строительного периода 4 (середина — вторая половина XII в.) найден обломок ключа для неподвижного путряного замка (с. 33, рис. 21, *6*). Ключи такого типа в Новгороде выходят из употребления к

---

[1] Лимоновидная бусина, исчезающая из обихода к 30-м годам XII в. [5, с. 305, 306; 21, с. 174, табл. 10]; пластинчатая кольцевая фибула, датировка которых в Новгороде определяется в пределах от 30-х годов XII в. до конца XIV в. [22, с. 245; 20, с. 89—92]; желтая зонная бусина, появляющаяся на рубеже XI—XII вв. [21, с. 166—168, табл 2; 23, с. 103, рис. 7]; формочка для отливки поясного кольца с орнаментом в виде вьющейся лозы. На рис. 19 орнамент не виден, однако Ф. Д. Гуревич отмечает однотипность формочки и поясных колец с подобным орнаментом из нижнего горизонта культурного слоя, для которого строительный период 3 является финальным (с. 103, 106, рис. 83). Такой орнамент появляется на ювелирных изделиях Новгорода с 30-х годов XII в. и встречается до начала XIV в. [20, с. 43, 89, 92, 115, 137, 152—154, 166].

[2] Желтые стеклянные браслеты, появляющиеся в Новгороде в последней четверти XII в. [24, с. 176, табл. 4]; костяной двусторонний гребень типа Л, по Б. А. Колчину, датируемый не позднее начала XIII в. [23, с. 100, 101, рис. 5, 6; 25, 166, рис. 5]; нож ранней группы, по Б. А. Колчину, датирующий не позднее конца XII в. [26, с. 48—54].

началу XII в. [26, с. 86, табл. 30]. Правда, Б. А. Колчин отмечает, что в русской деревне подобные ключи употреблялись до начала XX в. [26, с. 85]. Интересно наличие в культурном слое целой группы серег в виде знака вопроса (с. 11, рис. 4), появляющихся в Новгороде лишь в начале XIV в. [20, с. 16; 27, с. 76—82]. Этот тип серег принесен в Восточную Европу в середине XIII в., и распространение его связано с приходом в восточно-европейские степи монголов [28, с. 112]. Судя по датировке культурного слоя Новогрудка, здесь такие серьги появляются по крайней мере на треть столетия раньше, чем на Новгородчине. К восточноказахстанско-центральноазиатским прототипам восходит и Т-образная накладка от уздечного набора [3] из постройки 4 строительного периода 6 (первая половина — 70-е годы XIII в., с. 95, рис. 73, *2*). Таким образом, в Черной Руси, не затронутой непосредственно монгольским нашествием и практически не испытавшей татаро-монгольского ига, вещи, связанные с монголами, появляются раньше, чем в районах, непосредственно зависивших от завоевателей [4].

Одним из интереснейших в монографии является раздел, посвященный домостроительству и застройке Окольного города Новогрудка. Наряду с наземными срубными постройками здесь открыты две полуземлянки. В строительном периоде 1 (конец X — рубеж X—XI вв.) зафиксирована постройка размерами 6×3 м, заглубленная в материк на 0,7 м. Состав находок из нее не отличается от состава находок из наземных жилищ. К строительному периоду 4 (середина — вторая половина XII в.) относится срубная жилая постройка 6 размерами 7×11 м, опущенная в котлован глубиной около 1 м. Среди находок из этой постройки имеются обломки от трех амфор и двух стеклянных сосудов, которые фиксируют, что «жилище... должно было принадлежать богатому горожанину» (с. 120). Существенно, что наземная постройка 5 с несколько углубленным полом, возведенная в пределах котлована постройки 6, «по численности находок и их исключительному ассортименту» (оконное стекло, обломки от стеклянных, в том числе византийских и ближневосточных, сосудов, фаянсовых ближневосточных сосудов, фрагмент хороса и еще несколько сотен находок оружия, украшений, предметов культа и т. д.) фиксирует, безусловно, высокий имущественный уровень владельцев постройки 5, являющихся, по-видимому, наследниками владельцев постройки 6. Это косвенно подтверждает наблюдение Ф. Д. Гуревич о нерядовом характере постройки 6.

Таким образом, данные раскопок Новогрудка позволяют прийти к выводу, что постройки с существенно углубленным жилым котлованом отнюдь не всегда «жалкие полуземляночные строения» [30, с. 86] и тем более не временные постройки или жилища ремесленников-холопов [31, с. 144—145].

Среди наземных построек наиболее яркой является жилая постройка 12 строительного горизонта 4 (середина — вторая половина XII в.), давшая сенсационные находки светских фресковых росписей и большой набор уникальных вещевых находок (оконное стекло, разнообразные стеклянные и фаянсовые сосуды, роговая копоушка с фигуркой музыканта, перекрестье меча, многочисленные украшения, в том числе изготовленные из золота, и т. д.). К сожалению, полиграфическое воспроизведение фресковых росписей (рис. 26, с. 38) ниже всякой критики. Это, конечно, вина не автора, а типографии. Было бы весьма желательно отдельное издание коллекции светской фресковой живописи Новогрудка, аналогичное изданию восточного стекла [13].

Интересно и важно произошедшее к середине XII в. изменение облика построек (заметное увеличение их площади, находки оконного стекла, фресковая живопись в интерьере, распространение кирпичных печей), определившее специфику изученного богатого квартала.

Несколько слов следует сказать о выявленных раскопками особенностях планировки Окольного города Новогрудка. Принципы ее заметно отличаются от усадебной застройки, характерной для посадов и Окольных городов большинства древне-

[3] Любезная консультация Д. Г. Савинова (ЛГУ).

[4] Новогрудок оказался в зоне, зависимой от монголов, фактически с 1270-х годов, т. е. после захвата его войсками Льва Даниловича и последующими боевыми действиями завоевателей в окрестностях города [29, с. 294, 296]. Этот рубеж, по справедливому заключению Ф. Д. Гуревич, археологически соответствует границе между средним и верхним стратиграфическими напластованиями культурного слоя (с. 9). Верхний стратиграфический слой Новогрудка в рецензируемой монографии не рассматривается.

русских центров. Вместо усадеб, ориентированных вдоль уличных проездов, здесь как будто бы представлена уличная система плотно расположенных отдельных построек. Такая планировка в эпоху средневековья более характерна для западноевропейских городов. В древнерусских городах подобная система застройки фиксируется лишь для детинцев.

Расположение на территории Окольного города, непосредственно рядом с богатым кварталом XII—XIII вв., кладбище позволило К. В. Павловой [32, с. 39] предполагать наличие здесь (по-видимому, к югу от раскопа) церкви, к которой мог примыкать могильник. С этим соглашается и Ф. Д. Гуревич.

Проведенный Ф. Д. Гуревич анализ обнаруженных ремесленных инструментов и изделий, а также уникальный по богатству характер построек верхнего горизонта (с середины XII в.) позволили прийти к весьма вероятному заключению о выделении в Новогрудке богатого квартала, отражавшего замкнутое ремесленное объединение златокузнецов и ювелиров.

В главе «Изделия из железа, кости, камня и других материалов» анализируются вещевые находки местного изготовления из Новогрудка, за исключением керамики. Краткая характеристика керамики дана в 1-й главе монографии на основе выполненного М. В. Малевской монографического исследования керамики юго-западной Руси [5].

В главе 4 части II работы Ф. Д. Гуревич сводит воедино и анализирует данные об уникальной коллекции предметов импорта из раскопок Окольного города Новогрудка. Ф. Д. Гуревич фиксирует, что «город, который... принадлежал к небольшим..., по находкам предметов роскоши соперничает с прославленными древнерусскими городами, а в ряде случаев является обладателем уникальных вещей» (с. 154). Однако вывод исследовательницы о том, что «в XII—XIII вв. Новогрудок наводнен импортными предметами» (с. 154), по-видимому, преждевременен. Участок Окольного города, подвергнутый раскопкам, по заключению самой Ф. Д. Гуревич, занят далеко не рядовым населением (рис. 157). Набор находок из построек богатого ремесленного квартала Окольного города Новогрудка середины XII — 70-х годов XIII в. вполне сопоставим с комплексом находок из усадьбы, принадлежавшей с 1190-х годов по 1209 г. Олесию Петровичу Гречину — представителю высшего слоя духовной иерархии Новгорода, в 1193 г. выдвигавшемуся кандидатом на владычную кафедру. Б. А. Колчин, А. С. Хорошев и В. Л. Янин убедительно показали, что Олесий Гречин был не только крупным политическим и административным деятелем, но одновременно и мастером-живописцем, бравшим заказы на изготовление икон [33]. Очевидно, решение вопроса о том, выделялся ли Новогрудок среди других древнерусских городов количеством и разнообразием импортных изделий, следует отложить до исследования других частей Окольного города Новогрудка. Но существенно, что в южной части раскопа «в некотором отдалении от богатого квартала» были исследованы небольшие постройки, не имевшие кирпичных печей и застекленных окон, с рядовым, гораздо более бедным инвентарем, среди которого не имеется предметов, «указывающих на занятие хозяев домов обработкой цветных или благородных металлов», но есть орудия сельского хозяйства (серп). В этих постройках «не найдено... и предметов роскоши» (с. 125).

Мелких замечаний к работе Ф. Д. Гуревич немного, касаются они типологического определения и атрибуции нескольких конкретных вещей. Гребень из постройки 5 (рис. 51, *6*) относится не к типу Н, а к типу Д, по Б. А. Колчину [23, с. 100, 101], и соответственно датируется не рубежом XI—XII — XIV в., а концом X—XII в. Кресало из постройки 7 (рис. 54, *8*) относится к типу овальных, а не овальных заостренных, по Б. А. Колчину [26, с. 101, 102] (как следует из даты, принятой Ф. Д. Гуревич, с. 67), т. е. верхняя дата его не может быть ограничена серединой XIII в. Бронзовые пуговицы, изображенные на рис. 59, *6*, *12*, в одном случае упомянуты как найденные на уровне пола постройки 10 (с. 74), а в другом случае — как происходящие из засыпки постройки 10 (с. 79). Поясные кольца (рис. 83, *7*) ошибочно названы кольцевидными пряжками (с. 103). На кресте-тельнике из постройки 35 изображено стилизованное распятие, а не Богородица (с. 93). Фрагмент каменной иконки (рис. 91, *6*), по-видимому, несет изображение Константина и Елены, а не Христа (с. 115): надпись [І] С — ХС от-

[5] Публикация книги М. В. Малевской была бы весьма важна для изучения древнерусской культуры указанного региона.

носится к изображению креста, помещенному между святыми. В средокрестии энколпиона (рис. 91, *9*) изображено распятие, а не неизвестный святой (с. 115).

Перечисленные замечания, как и соображения, высказанные по поводу ряда конкретных сюжетов в монографии Ф. Д. Гуревич, ни в коей мере не снижают ценности исследования как важнейшего источника для изучения истории не только Окольного города Новогрудка, но древнерусского города в целом. Хотелось бы пожелать скорейшей публикации столь же тщательного исследования материалов многолетних раскопок детинца Новогрудка, без которых характеристика города остается все же неполной.

Белецкий С. В., Лесман Ю. М.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лысенко П. Ф.* Города Туровской земли. Минск: Наука и техника, 1974.
2. *Штыхов Г. В.* Древний Полоцк. IX—XIII вв. Минск: Наука и техника, 1975.
3. *Зверуго Я. Г.* Древний Волковыск. X—XIV вв. Минск: Наука и техника, 1975.
4. *Штыхов Г. В.* Города Полоцкой земли. IX—XIII вв. Минск: Наука и техника, 1978.
5. *Белецкий С. В., Лесман Ю. М.* Новые публикации материалов раскопок средневековых городов Белоруссии.— СА, 1979, № 1.
6. *Алексеев Л. В.* Новые книги по археологии белорусских городов.— СА, 1980, № 2.
7. *Белецкий С. В., Лесман Ю. М.* Рец.: *Штыхов Г. В.* Города Полоцкой земли. IX—XIII вв. Минск, 1978.— СА, 1982, № 3.
8. *Гуревич Ф. Д.* Детинец и Окольный город древнерусского Новогрудка в свете археологических работ 1956—1977 гг.— СА, 1980, № 4.
9. *Гуревич Ф. Д.* Два этапа в истории древнерусских городов Понеманья.— КСИА, 1976, вып. 146.
10. *Гуревич Ф. Д.* Об углубленных жилищах на территории Черной Руси.— В кн.: Древние славяне и их соседи. М.: Наука, 1970.
11. *Гуревич Ф. Д.* Дом боярина в древнем Новогрудке.— КСИА, 1964, вып. 99.
12. *Гуревич Ф. Д.* О жилищах Окольного города Новогрудка.— КСИА, 1962, вып. 87.
13. *Гуревич Ф. Д., Джанполадян Р. М., Малевская М. В.* Восточное стекло в Древней Руси. Л.: Наука, 1968.
14. *Гуревич Ф. Д.* Стеклянный резной бокал из Новогрудка.— СА, 1963, № 2.
15. *Щапова Ю. Л.* О резном бокале из Новогрудка.— В кн.: Средневековая Русь. М.: Наука, 1976.
16. *Гуревич Ф. Д.* Ближневосточные изделия в древнерусских городах Белоруссии.— В кн.: Славяне и Русь. М.: Наука, 1968.
17. *Джанполадян Р. М.* Два стеклянных сосуда из Новогрудка.— Византийский временник, 1961, т. XIX.
18. *Малевская М. В.* Поливная керамика Новогрудка.— СА, 1969, № 3.
19. *Лесман Ю. М.* К методике разработки хронологии древнерусских памятников северо-запада.— КСИА, 1981, вып. 166.
20. *Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.) М.: Наука, 1981.
21. *Щапова Ю. Л.* Стеклянные бусы древнего Новгорода.— МИА, 1956, № 55.
22. *Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.).— МИА, 1959, № 65.
23. *Колчин Б. А.* Хронология новгородских древностей.— СА, 1953, № 2.
24. *Полубояринова М. Д.* Стеклянные браслеты древнего Новгорода.— МИА, 1963, № 117.
25. *Колчин Б. А.* Хронология новгородских древностей.— В кн.: Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М.: Наука, 1982.
26. *Колчин Б. А.* Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого.— МИА, 1959, № 65.
27. *Рябинин Е. А.* Исследования 1975 г. на Ижорской возвышенности.— КСИА, 1980, вып. 160.
28. *Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: Изд-во МГУ, 1966.
29. *Пашуто В. Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М.: Изд-во АН СССР, 1950.
30. *Толочко П. П.* Киев и Киевская земля в эпоху феодальной раздробленности XII—XIII веков. Киев: Наук. думка, 1980.
31. *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города. М.: Госполитиздат, 1956.
32. *Павлова К. В.* Могильник на территории Окольного города древнего Новогрудка.— КСИА, 1967, вып. 110.
33. *Колчин Б. А., Хорошев А. С., Янин В. Л.* Усадьба новгородского художника XII в. М.: Наука, 1981.

Хускивадзе Л. З. Грузинские эмали. Тбилиси: Мецниереба, 1981, 200 с.

За последнее время все больше появляется значительных исследований, посвященных средневековому декоративно-прикладному искусству, и среди них одно из первых мест занимают работы по искусству Византии, Древней Руси и Грузии. В Грузии мы имеем сложившуюся школу искусствоведения, для которой характерны историзм, глубокое понимание проблем, связанных с задачами раскрытия стиля, его содержания и т. д.

Грузия занимает исключительное место в мире по количеству и сохранности произведений с перегородчатыми эмалями, выполненными на золоте. Художественная ценность этого материала и его огромное значение в истории развития средневекового эмальерного искусства были выявлены еще в конце XIX в. Н. П. Кондаковым, которому наука обязана выделением собственно грузинских эмалей и их высокой оценкой [1]. Многое в этом направлении было проделано грузинскими исследователями Г. Н. Чубинашвили [2—4], Д. П. Гордеевым [5, 6] и главным образом Ш. Амиранашвили. Ш. Амиранашвили принадлежат первые работы общего характера, посвященные специально грузинским перегородчатым эмалям. Основные выводы исследователя как по отдельным памятникам, так и по всей этой области художественного ремесла очень ценны [7—11]. Однако ни труды Ш. Амиранашвили, ни тем более высказывания ряда зарубежных исследователей, поддерживающих тезис о самостоятельном развитии грузинского эмальерного искусства, не достаточны для окончательного утверждения самобытности грузинских памятников. Так, в сводном труде последних лет о византийских эмалях К. Вессель безоговорочно признает эти памятники византийскими, рассматривая их в контексте эволюции византийских эмалей [12]. К тому же специфика самих перегородчатых эмалей, ограниченных и размерами, и техникой исполнения, и иконографическими схемами, затрудняет выявление их локальных черт.

Успешному решению основных проблем истории перегородчатых эмалей Грузии мешало отсутствие систематического описания и полного каталога всех дошедших до нас произведений. Требовалось учесть весь имеющийся материал, рассмотреть его подробно, с обязательным визуальным изучением вещей (насколько это возможно), дать исчерпывающий стилистический и иконографический анализ каждого изделия с учетом палеографических данных. В массе сохранившихся грузинских произведений с перегородчатой эмалью следовало выделить стилистические группы с устойчивым набором признаков, четко отмежевать грузинские памятники от византийских.

Обобщающая монография Л. З. Хускивадзе, посвященная изучению кардинальных проблем эмальерного искусства средневековой Грузии, является новым словом в исследовании грузинских перегородчатых эмалей, значительным вкладом в искусствоведческую науку. Она не только уточняет работы предшественников, удачно заполняя имеющиеся в них лакуны, но поднимает изучение этого вида декоративно-прикладного искусства на качественно новый уровень. Основным методом работы стал скрупулезный сравнительно-художественный анализ каждого произведения. Далее делались сопоставления этих произведений, в результате чего определялись признаки индивидуальные и общие, позволившие выделить стилистически близкие группы, уточнить их хронологию и наметить основные этапы эволюции с VIII по XIII в., увидеть, изменялись ли сюжеты и приемы техники в разные эпохи. В результате Л. З. Хускивадзе выявила своеобразие грузинского эмальерного дела, рассмотрела эту область грузинского искусства как самостоятельное художественное явление. Вся логика капитального исследования приводит автора к закономерному и обоснованному выводу: «...грузинское искусство органически усвоило технику перегородчатой эмали, ее определенные художественные приемы и создало огромное количество художественных образцов с широким хронологическим диапазоном и с определенно намеченной линией их развития. Перекликаясь с другими областями грузинского искусства, грузинские перегородчатые эмали составляют его неотъемлемую часть..., являются одной из непреходящих ценностей грузинского искусства. Факт их наличия в Грузии, безусловно, свидетельствует о высоком уровне жизни страны и о том особом утонченном вкусе, который сближал ее с современной ей византийской рафинированной цивилизацией» (с. 181). Грузинские эмали изучены на всем протяжении их развития, начиная с VIII—IX в. и вплоть до XIII—XV в. включительно.

Привлекательной стороной работы является выполненный с большим мастерством художественный анализ произведений. Характеристики вещей, начиная с описания, глубоко продуманы, тщательны, детально раскрываются композиционные, цветовые особенности, большое место уделено сюжетной стороне композиций. Иконографическое описание органично сочетается с анализами формы (цвета, линии, композиции и пр.). Немалое место занимают сопоставления одних грузинских памятников с другими, рассматриваются произведения Византии, а по мере необходимости — и западноевропейские. Таким образом, привлечение памятников искусства, имеющих прямое или косвенное отношение к исследуемому материалу, отличается почти исчерпывающей полнотой.

Во введении автор касается специфики перегородчатых эмалей и их отличия от других видов orfévrerie cloisonné, рассматривает различные теории происхождения техники перегородчатой эмали, справедливо отрицая ее существование в древней Грузии. Формирование искусства перегородчатых эмалей Л. З. Хускивадзе связывает со всем ближневосточным миром, а не только с Византией. По ее мнению, появление эмальерного искусства в Грузии не зависит от Византии, а определяется культурой Востока (Сирия, Иран), влиявшей на византийское художественное ремесло. На наш взгляд, это положение может носить только гипотетический характер, так как византийские памятники доиконоборческого периода могли не сохраниться и, следовательно, материал для сравнений, который позволил бы определить степень зависимости, отсутствует. Единичность сохранившихся памятников затрудняет решение вопроса о генезисе грузинских эмалей. Все же роль Византии, пожалуй, не следует преуменьшать, тем более что, как констатирует сам автор, Византия располагает наиболее ранними образцами перегородчатой эмали. Критический обзор всей имеющейся литературы о грузинских эмалях позволяет выявить личный вклад автора в изучение данной проблематики.

В главе I («Ранние памятники грузинской перегородчатой эмали», VIII—IX вв.) Л. З. Хускивадзе раскрывает сложный процесс становления ремесла, в котором взаимный обмен опытом, заимствование технических приемов и орнаментальных мотивов явились одной из движущих причин развития. Взаимовлияния не стирали своеобразия разных школ, а обогащали их. Автор показывает, как с первых же шагов возникновения эмальерного дела в Грузии создаются глубоко своеобразные произведения, аналогий многим из которых не сохранилось. Грузия оказалась хорошо подготовленной к восприятию сложнейшего ремесла, к творческой переработке иноземных образцов. Отличительные признаки эмалей VIII—IX вв. сказались в цветовой гамме, орнаментальных деталях, рисунке перегородок, мелких приемах и общей трактовке изображений, в характере линий. Сопоставление с сирийскими и западными произведениями показывает оригинальность собственно грузинских памятников и вместе с тем их близость к памятникам всего восточнохристианского мира. В этом отношении показателен всесторонний анализ квадрифолия с Распятием, помещенного на правой створке знаменитого Хахульского триптиха. Сопоставление с такими произведениями, как ставротека Фиески Морган VIII в. (Метрополитен Музей, Нью-Йорк), крест Гопа IX в. (Виктория и Альберт Музей, Лондон) и др., привело к выводу, что Хахульский квадрифолий «является отличным от всех них феноменом. И, очевидно, этот феномен следует искать в грузинской среде, тем более что он не только находится на территории Грузии, и начиная с XII века украшает памятник чеканного искусства, но дал основание некоторым исследователям для отнесения его к собственно грузинским эмалям. Правда, точных параллелей к нему из грузинского материала мы не имеем, но весь характер грузинского искусства этого периода вполне соответствует тем художественным принципам, которым подчиняется Хахульский квадрифолий» (с. 32, 33). И далее: «Хахульский квадрифолий дает возможность говорить и о характере грузинской линии, несколько отличающем его от других восточнохристианских изображений. Более плавная и мягкая, линия эта не так груба и застыла, как сирийская, и не так строга и утонченно суха, как византийская» (с. 33). Вот образец тонкого, мы бы сказали, ювелирного анализа. Изделия VIII—XI вв. (Хахульский квадрифолий, Деисус на Мартвильском триптихе конца IX в. и др.) «вписаны» в широкий культурный ареал, что представляется особенно важным, но вместе с тем выявлено и их своеобразие.

Плодотворно стилистическое сопоставление эмалей ранней группы с монументальной скульптурой и чеканным искусством Грузии того времени. Жаль, что

оставлено в стороне великолепное искусство мозаики. Создатели перегородчатых эмалей могли многое воспринять от духа мозаик Византии, от иконы и фрески. Если фотографии перегородчатых эмалей воспроизвести на экране в сильно увеличенном виде, то они смотрятся как монументальные мозаичные или иконные образы.

В целом грузинское эмальерное дело VIII—IX вв.— переходной эпохи в истории грузинского искусства, когда налаживаются контакты Грузии со всем христианским миром,— получило в I главе монографии всестороннее освещение.

В следующей главе («Памятники X века») автор определяет характерные для грузинского эмальерного искусства этого столетия стилистические черты, выделяя при этом «византинизирующие» памятники. Раскрыты черты своеобразия чисто грузинских эмалей X в., что проявилось в трактовке линий, пластических форм, в обработке складок одеяний, в колорите, в выразительной экспрессии образов. Эмали рассмотрены на общем фоне грузинского искусства в тесной связи с чеканкой, монументальной скульптурой, книжной миниатюрой, станковой и монументальной живописью. Исполненные грузинскими мастерами исторические надписи на Шемокмедском кресте-квадрифолии и кресте Квирике дают интересный материал для искусствоведов и историков. Существенно, что Л. З. Хускивадзе в ходе исследования постоянно обращается к историческим событиям и культурной жизни средневековой Грузии, связывает вещи с конкретными историческими лицами. Скрупулезный стилистический и иконографический анализ памятников, обширные сравнительные материалы позволили уточнить датировку ряда вещей, в том числе креста Квирике на Хахульском триптихе: «Окончательное решение в определении креста Квирике может вынести только лишь стилистический анализ. Черты, характерные для этого памятника, связывают его скорее с произведениями X, чем XI века» (с. 84). Л. З. Хускивадзе приходит к заключению, что X в.— значительный этап в развитии эмальерного дела Грузии, который характеризуется творческим подъемом, неотделимым от роста национального самосознания грузинского народа.

В этой же главе на с. 58 допущена досадная ошибка. Написано, что на квадрифолии из Шемокмеди справа от Распятого изображен Иоанн Креститель, тогда как в действительности представлен безбородый Иоанн Богослов. Из всех апостолов лишь об Иоанне Богослове говорится, что он стоял на Голгофе у подножия креста. Умирая, Христос завещал своему любимому ученику сыновние обязанности по отношению к деве Марии.

Рассматривая грузинское эмальерное искусство XI в. (глава III), Л. З. Хускивадзе отмечает усиление ориентации на Византию, отражение в грузинском ремесле тех же направлений, которые имели место в Византии. Вместе с тем, как и в предыдущих главах, она акцентирует внимание на местных отличительных особенностях грузинских произведений. К таковым она относит бóльшую свободу в передаче складок одеяний, лиричность образов, цветовые подробности (например, винный оттенок телесного), яркую тональность цветовой гаммы, некоторую небрежность исполнения по сравнению с византийскими образцами. Господство византийского стиля в эмалях и книжной миниатюре XI в. справедливо связывается автором с политической обстановкой, требовавшей укрепления культурных контактов с Византией. Приобщение страны к византийской культуре содействовало подъему творческих сил во всех сферах культуры Грузии. Можно отметить, что аналогичные процессы приобщения к передовой по тем временам византийской цивилизации происходили в тот же период и в Древней Руси. По словам Д. С. Лихачева, «во многих случаях... правильнее говорить не о „влиянии" отдельных культурных явлений Византии, а о переносе этих явлений. Перенос этот был, однако, весьма своеобразен. Он не был механическим, и им не заканчивалась жизнь явления. На новой почве перенесенное явление продолжало жить, развиваться, приобретало местные черты» [13, с. 21]. Пересадка на русскую почву византийских культурных пластов могла происходить только в условиях укрепления древнерусской государственности, когда после принятия христианства Русь была внутренне подготовлена к восприятию и последующей переработке византийского культурного наследия, в том числе эмальерного искусства. Но, как и в Грузии, «с первых же шагов возникновения эмальерного дела на Руси создаются глубоко своеобразные произведения» [14, с. 101].

Неоспорим вывод, что в истории грузинского эмальерного искусства XII—XIII вв. являются одной из наиболее значительных вех, когда усиливаются декоративность

и изощренность рисунка, яркость красок, динамика фигур (глава IV). Л. З. Хускивадзе тонко чувствует изысканную красоту грузинских эмалей. О замечательных пластинах с евангельскими праздничными сценами из Государственного музея Грузии она пишет: «Трудно остаться равнодушным перед поразительной лиричностью и особой настроенностью сцен, выразительностью эмоциональных восточных лиц, яркой цветовой звучностью контрастных тонов» (с. 133). XII—XIII века отмечены параллельным существованием местного и «византизирующего» направлений. Автор противопоставляет рафинированным, сдержанным и строгим византийским образцам, их спиритуалистическому стилю, передающему напряженную духовную жизнь,— повышенную эмоциональность, яркую красочность, широту и свободу исполнения грузинских эмалей. Унаследовав основные принципы изготовления эмалей из Византии, местные мастерские привносили своеобразие и в технологию процесса производства, и в художественный облик изделий. Перегородчатые эмали, исполненные в грузинских мастерских XII—XIII вв., отмечены яркими чертами национального стиля. В этот период были созданы подлинные шедевры, блестящие образцы мирового эмальерного искусства. Прогресс в развитии духовной культуры Грузии, усиление в ней светских начал и гуманистических идеалов не могли не сказаться в декоративно-прикладном искусстве.

Пристальное внимание к деталям, филигранный иконографический анализ приводят автора к ряду интересных выводов. При определении происхождения памятников помогло их сопоставление с произведениями чеканки, а также выделение в композициях таких моментов, как грузинский архитектурный стаффаж. Очень интересно объяснение изображения свечи в грузинских сценах Сретенья, как оказывается связанной с местными религиозными представлениями.

В определении датировки поздних эмалей (две пластины с конным св. Георгием) автор проявляет сугубую осторожность (глава V). Вообще Л. З. Хускивадзе чужда излишняя категоричность заключений (в тех случаях, когда доказательств недостаточно), что является весьма похвальной чертой. «Падение» искусства эмалей, по мнению автора, вызвано разнообразными историческими причинами.

В заключительной части монографии подведены итоги исследования, которое является комплексным, т. е. с привлечением всех видов источников. Автор вновь дает стилевые характеристики каждого этапа, решает проблему соотношения грузинского и византийского эмальерного искусства, еще раз останавливается на отличительных чертах грузинских памятников, на взаимовлияниях различных областей искусства. Нельзя не согласиться с Л. З. Хускивадзе, что откуда бы ни позаимствовало грузинское эмальерное искусство технику перегородчатой эмали — от восточнохристианского мира или от Византии, оно так органически усвоило ее и создало такое огромное количество художественных образцов с широким хронологическим диапазоном и определенно намеченной линией развития, что оно безоговорочно может считаться неотъемлемой частью грузинского искусства.

В заключение мы хотели бы высказать и некоторые рекомендации, тем более что грузинские эмали открывают широкие перспективы для дальнейших исследований. Одна из существенных, но не затронутых проблем — это проблема символики цвета, очень значительная в средневековом искусстве, тем более религиозном. Для примера приведем крышку реликвария с изображением Христа Пантократора X в. (цв. табл. III). Христос изображен восседающим на троне. Он в голубом хитоне и глубокого синего тона гиматии. Нимб Христа с голубым ободком. Синий цвет преобладает в окраске престола, подножие бирюзовое. Синие и голубые тона — символы святого духа, небесности, космоса в целом, принятые в христианском искусстве. Золото (фон эмалей) — образ света как божественной истины и славы и т. д.

Приходится пожалеть, что автор не обращается к эмалям Киевской Руси XI—XIII вв., так как при сопоставлении их с грузинскими могли бы выявиться интересные моменты типологического сходства или различия. Наряду с христианскими образами в древнерусских эмалях распространены мотивы птиц, сиринов, «древа жизни» с широким использованием геометрического орнамента, истоки которого коренятся в местном языческом искусстве. Напротив, грузинские эмали не содержат нехристианских мотивов, геометрический узор на них представлен очень скупо. Это свидетельствует о высокоразвитой христианской культуре Грузии, неохотно допускавшей в искусство темы языческого происхождения.

Не стоит особенно подчеркивать «непосредственность» и «человеческую про-

стоту» религиозных образов, слишком резко противопоставляя их византийской догматической строгости (здесь автор находится на грани субъективного восприятия), нельзя говорить и о «портретности» изображений святых (даже в кавычках), которая была чужда средневековому искусству, стремившемуся к сверхперсональному. Иконографический канон и портретность не одно и то же. Из текста книги не совсем ясно, в чем состояло разное отношение к религии грузинских и византийских мастеров, в чем различие их психологического уклада, каковы специфические черты, характерные для грузинского художественного мышления и мировосприятия, противопоставляемого византийскому. Следовало хотя бы вскользь коснуться этой сложной историко-культурной и философской проблемы.

В целом монография Л. З. Хускивадзе является углубленным исследованием грузинских перегородчатых эмалей, новым шагом в их изучении. Вскрыты их стилистическая сущность на разных этапах и прослежена общая линия развития, что позволило убедительно показать ошибочность отнесения многих из них к числу византийских памятников. Исследование характеризуется полнотой охвата материала, четкостью в атрибуции вещей.

Огромный, умело подобранный сравнительный материал (сирийский, византийский, западноевропейский) позволил выявить специфику собственно грузинских произведений. В монографии «Грузинские эмали» подвергнуты пересмотру многие традиционные взгляды, на основе обстоятельного сравнительно-художественного анализа точно атрибутированы слабоизученные памятники. Определено место эмальерного искусства Грузии в истории перегородчатых эмалей Востока и Запада. Исследование проведено на широком фоне средневековой культуры Грузии и всего христианского мира.

Василенко В. М., Даркевич В. П.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кондаков Н. П.* История и памятники византийской эмали. Собрание А. В. Звенигородского. Спб., 1892.
2. *Чубинашвили Г. Н.* Грузинское чеканное искусство. Тбилиси, 1959.
3. *Tschubinaschwili G. N.* Ein Goldschmiedtriptychon des VIII—IX Jahrhunderts aus Martvili.— In: Zeitschrift für Bildende Kunst. Lpz, 1930.
4. *Tschubinaschiwili G. N.* Georgia, Enamels and Goldwork.— Encyclopedia of World Art. V. VI. N. Y.— Toronto — L., 1962.
5. *Гордеев Д. П.* Описание пяти эмалевых медальонов с грузинскими надписями на иконе Спаса, хранившейся в ризнице Гелатского монастыря.— Христианский Восток, т. V, вып. 3. Пг., 1917.
6. *Гордеев Д. П.* К вопросу о разгруппировании эмалей Хахульского складня.— В кн.: Мистецтвознавство. Сб. І. Харьків, 1928—1929.
7. *Amiranaschvili Ch.* Les émaux de Georgie. P., 1962.
8. *Amiranaschvili Ch.* Smalti della Georgia. Milano, 1963.
9. *Amiranaschvili S.* Medieval Georgian Enamels of Russia. N. Y., 1965.
10. *Amiranašvili Š.* Poklady Gruzie. Pr., 1971.
11. *Амиранашвили Ш.* Хахульский триптих. Тбилиси, 1972.
12. *Wessel K.* Die byzantinische Emailkunst von V bis XIII Jahrhundert. Stuttgart, 1967.
13. *Лихачев Д. С.* Развитие русской литературы X—XVII веков. Эпохи и стили. Л.: Наука, 1973.
14. *Макарова Т. И.* Перегородчатые эмали Древней Руси. М.: Наука, 1975.

Петров К. И. Очерки социально-экономической истории Киргизии VI — начала XIII в. Фрунзе: Илим, 1981, 234 с.

Книга К. И. Петрова посвящена остродискуссионной в исторической и этнографической литературе проблеме особенности возникновения и развития феодализма в условиях страны с преобладающим значением кочевого скотоводства в хозяйстве. Автор ставит перед собой три основные задачи: 1) выявить специфику средств производства у кочевников, а через них определить особенности становления феодализма; 2) решить проблему происхождения оседло-земледельческих поселений и городов в VI—XII вв.; 3) установить специфику городов, определяемую большим значением в их развитии земледелия. Решению перечисленных задач посвящены основные главы монографии. При этом автор в значительной мере опирается на

материалы археологических исследований. Заключительная глава включает общий обзор истории Киргизии с XIII—XIV по XVIII в.

В литературе общепринято положение о том, что скот в хозяйстве кочевника являлся орудием (средством) труда. Однако предметом дискуссии оставалось определение значения пастбищ. Одни специалисты считали, что земля — пастбище — это естественное условие производства без права собственности на него. Другие исследователи основным средством производства и в то же время предметом труда считали землю с правом собственности на нее, как при феодализме в земледельческом хозяйстве (с. 15, 16, 34—36). Автор, анализируя обе концепции, приходит к выводу о недостаточной четкости у исследователей представления о процессе производства в применении к анализу кочевого скотоводческого хозяйства: скот рассматривается как «живая машина», с помощью которой обрабатывается пастбище — предмет труда. К. И. Петров обосновывает другую точку зрения, считая, что скот является предметом труда, а пастбище — средство или орудие труда. Благодаря кормлению «обрабатывается организм животного, который собственно и рассматривается скотоводом в качестве результата производства. Надо отметить, что сходная точка зрения ранее уже выдвигалась Г. И. Семенюком [1, с. 271]. Плодородие почвы, как известно, также является лишь средством труда, с помощью которого выращивается предмет труда — нужные человеку растения. Основное различие между хозяйством кочевого скотовода и земледельца заключается в том, что в пастбище, которое использует кочевник, не вложен труд человека, а при земледелии в природный источник — землю нужно вложить труд, обрабатывая почву. Это обстоятельство очень существенно: земледелец может и вынужден совершенствовать свои орудия производства, что в конечном счете является основой общественного развития. Скотовод-кочевник, используя природное средство труда, не в силах его улучшить, не перейдя к оседлости. В этом и заключается одна из причин застойности кочевых обществ.

По мнению одних исследователей, земля (и трава на ней) является природным условием (как воздух), собственности на нее не было. Другие специалисты полагают, что у кочевых народов собственность на землю была такой же, как и у земледельческих народов.

По мнению автора, «форма собственности на пастбище у кочевников-скотоводов была, как правило, родоплеменной, государственной и, что *особенно характерно*, до определенного времени *территориально непрочной*. Мы подразумеваем под ней полную собственность данного государственно-племенного объединения, т. е. суверенитет на данную территорию с возможной ее сменой на другую без нарушения хозяйственно-производственной жизни и государственно-политической структуры самого объединения» (с. 51) (выделено К. И. Петровым.— *С. К.*). Автор несколько обобщенно́, на мо́й взгляд, понимает термин «собственность», приравнивая его к понятию «суверенитет». Между тем термин «собственность» не политический. Он прежде всего несет экономическое и юридическое содержание. Кочевник, используя пастбище в качестве орудия труда, присваивает этот дар природы без вложения в него труда, на правах скорее временного *владения*, а не собственности, а эти понятия — не равнозначные. Полная собственность создается трудом и предполагает возможность обмена [2, с. 5—6]. Кочевникам земли доставались не в порядке обмена, а преимущественно путем завоеваний, и это также являлось причиной «застойности» кочевых обществ.

Что же касается вопроса о распределении продуктов труда, то он решается, как известно, по-особому в каждой общественно-экономической формации. Среди кочевников и полукочевников существовали отношения не права собственности, а обычного права владения, под которым «понимается длительное, не ограниченное сроком пользование (включая передачу по наследству) продуктами природы, которые не уничтожаются в процессе своего использования» [2, с. 5].

Незавершенность формы собственности на пастбище сознает и сам автор: «Формы классовой организации и государственности, возникшей у кочевников на основе частного скотовладения, оказывались *выше формы собственности на пастбище*» (с. 50—51, выделено К. И. Петровым.— *С. К.*). В этом состоит еще одна причина замедления в процессе становления феодализма в кочевых обществах превращения представителей родовой аристократии в феодалов.

Вторая глава книги посвящена рассмотрению тенденций в развитии скотоводческого хозяйства в VI—XIII вв. Автор различает две основные системы ведения

скотоводческих хозяйств — меридиональную и вертикальную сезонно-полукочевую. Первая из них, распространенная в Центральном и Западном Казахстане, характеризуется перекочевками на большие расстояния с использованием не постоянных пастбищных площадей. Эта система наиболее консервативная; она не способствует развитию скотоводческого хозяйства, а тем более переходу к оседлости и занятию земледелием. Иная обстановка при системе, названной автором «вертикальной сезонно-полукочевой». Суть этой системы хозяйствования состоит в том, что скотоводческие общины используют постоянные пастбища летом в горах, зимой в долинах, передвигаясь на небольшие расстояния — в пределах примерно 100 км. Разумеется, ведение таких хозяйств возможно было только в условиях предгорной местности. По сути дела это были уже не кочевые, а полукочевые хозяйства с тенденцией перехода к оседлости и земледелию. Процесс происходил в различных вариантах, подробно рассмотренных К. И. Петровым. Это, безусловно, был более прогрессивный путь общественного развития.

Исторические источники о собственности на пастбища отсутствуют. Предполагается, что «закрепление собственности на пастбища и вместе с тем развитие феодальных отношений на Тянь-Шане, видимо, имели место примерно с VIII в. Становление собственности с указанного времени не означает отрицания большей или меньшей ее прочности и ранее в отдельные периоды» (с. 86). Итак, и здесь К. И. Петров предполагает собственность на пастбище, хотя речь могла идти пока только о владении, причем непрочном ввиду постоянного перераспределения территорий между кочевыми племенами в результате завоеваний и поражений.

Материальным свидетельством закрепления земельных владений за отдельными общинами или горожанами, не оставляющими занятия скотоводством, являются довольно многочисленные крепости, разбросанные вблизи городов или близ ущелий, ведущих в горные долины. Строительство этих крепостей, по археологическим данным, началось в VII—VIII вв., но большинство их возникло позднее — в X—XII вв. (при стабилизации государственной власти).

Особо стоит вопрос о возникновении оседлых поселений, переросших впоследствие в города. Основываясь на данных письменных источников IX—X вв. (с. 116—117), К. И. Петров в этом процессе большую роль отводит кочевой аристократии, возле ставок которой развивались поселения и города. Так могло происходить в относительно позднее время, но автор, на мой взгляд, не учитывает более ранние этапы возникновения городов. Археологические данные свидетельствуют, что поселения согдийцев возникали еще в V—VI вв. (надо полагать, не в степи, а в местах, уже до некоторой степени освоенных земледельческим населением). В IV—V вв. занятие земледелием из-за использования орудий труда весьма несовершенного облика: каменные мотыги, бронзовые серпы, а также из-за необходимости сооружать оросительные каналы [3, с. 71—72] было заметно более трудоемким занятием в сравнении со скотоводством. Из этнографических данных известно, что даже в поздние времена осевшие на землю кочевники мечтали о переходе к кочевому скотоводству и при подходящих условиях опять к нему возвращались [1, с. 269—271]. Подобные явления могли иметь место и в древности.

При таких обстоятельствах невозможно предполагать, что в IV—V вв. к оседлости переходила аристократия кочевых племен. К земледелию переходили прежде всего беднейшие кочевники — те из них, которые не были заняты на обслуживании скота, принадлежавшего знати. В места, уже освоенные земледельцами, и приходили согдийцы, основывавшие цитадели и шахристаны будущих городов. В этом процессе выразилась, можно полагать, роль согдийского населения, как катализатора в возникновении и развитии городов в долине р. Чу. Позднее, в IX—X вв., по этому же типу могли основывать города и местные, переходившие к оседлости феодалы. Однако цитадели и шахристаны поздних городов уступали по размерам и укрепленности городам, основанным согдийцами. Достаточно сравнить, например, такие городища, как Краснореченское или Ак-Башим, основанные в V—VI вв. [4, с. 65—78], с более поздними, основанными в IX—X вв. (Полтавское и Грозненское городища) [4, с. 122—126].

Третья глава посвящена выяснению особенностей поселений и городов в VI—XII вв. Преимущественное внимание здесь уделено археологическим памятникам долины р. Чу. Все земледельческие поселения этого времени разделены на два основных типа: города с длинными стенами, протяжением в десятки километров, окружавшие населенные их части и все обработанные поля, и относительно не-

большие крепости, расположенные или вблизи городов, или близ ущелий, ведущих в горные долины с пастбищами.

К. И. Петров видит основное отличие в образовании городов в Чуйской долине от аналогичного процесса в других районах Средней Азии в следующем: если в древних земледельческих оазисах город вырастал на базе деревни одновременно с отделением ремесла от земледелия, то в Чуйской долине в VI—IX вв. процесс возникновения и развития города «состоял в значительной мере в отделении земледелия от скотоводства, в становлении прежде всего „деревни" как таковой» (с. 132). Этот процесс вследствие своеобразия условий преобразования деревни в город в окружении степи с полукочевым населением затянулся и не везде завершился к X—XII вв. В Чуйской долине «имело место территориальное сосуществование „города" и „деревни" или „деревни" и „города", при котором ремесленно-торговая деятельность части населения сочеталась с земледелием и скотоводством другой части» (с. 133). Таким образом, в развитии земледельческих поселений Чуйской долины выявляется важная особенность: здесь не было отделения города от деревни — земледельцы являлись городскими жителями. Кажется, именно это обстоятельство заставило автора отказаться от термина «крестьяне» по отношению к этой части горожан.

В результате получилось синкретическое социальное образование с нечетко установленными понятиями «город» и «деревня». Для выражения этого синкретизма в применении к городу Чуйской долины автор предлагает термин «аграризованный город» (с. 134).

Определяя степень аграризованности каждого из городов, К. И. Петров разработал довольно сложную методику расчета размеров обрабатываемых земельных площадей и численности населения. Результаты этих расчетов сведены в обобщающую таблицу (с. 162). Автор исходит из предпосылки, что в XI—XII вв. вся территория Чуйской долины была освоена земледельцами и оседлыми скотоводами, для кочевников не оставалось места (с. 188).

При кажущейся рискованности расчетов они представляются достаточно обоснованными, поскольку подтверждаются и приведенными статистическими данными о земельных площадях и населении, имеющимися для второй половины XIX в.

Особо рассматривается в монографии вопрос о собственности на городскую поливную землю (с. 195—201). Это вопрос сложный. При его решении открывается широкий простор для предположений. Письменные источники об этой стороне производственных отношений ничего не говорят; имеются лишь два косвенных сообщения, приведенные К. И. Петровым. В одном из них указывается, что «правители киданей взимали дань-налог по динару или 1/10 дохода с *«каждого дома»* в городах и селениях, ничего здесь в остальном не изменяя и не касаясь посевов и пр.» (выделено К. И. Петровым — *С. К.*). Кидани — это пришельцы с востока середины XII в.; они были вне производственных отношений, существовавших в среде местного населения. Второе свидетельство, также позднее,— об избиении в Баласагуне 7 тысяч «почтенных именитых» граждан в 1210 г. (с. 199). Это событие характеризует отношение феодалов к горожанам.

Таким образом, для освещения вопросов земельной собственности остаются только археологические источники, которые можно использовать при комплексном их рассмотрении, сопоставляя с общеисторическими данными.

Прежде всего автор устанавливает, что «усадебные участки (сады, виноградники и огороды) находились в частной собственности и в последние столетия свободно отчуждались вместе с бывшими на них строениями и другим недвижимым имуществом» (с. 195). С этим можно согласиться: в «последние столетия» меновые отношения были уже достаточно развиты, в участки был вложен труд, который и придавал им меновую ценность. Но К. И. Петров не учитывает, на мой взгляд, роли феодалов. Он считает владельцев усадеб свободными гражданами, но с ними (как это видно из приведенного источника об убийствах в Баласагуне) и в поздние времена правители не особенно считались. Полагаем, что автор не доучитывает возможной роли феодалов при акте купли-продажи. В особенности это относится к раннему времени, когда отношения горожан с феодалами могли иметь характер полукрепостной зависимости.

Еще более проблематично предложенное К. И. Петровым решение вопроса о собственности на полевые участки. «Ключом» для его понимания автор принимает факт постепенного расширения площади в каждом аграризованном городе и обве-

дения осваиваемых площадей особыми степами. Это, конечно, стоило больших трудов. К. И. Петров допускает четыре варианта освоения и соответственно распределения земли: «Работы производились либо за счет общественных фондов поселения и всем населением в порядке обязательной повинности, либо отдельными обществами на более или менее добровольных началах, либо частными лицами, либо таким образом, когда смешанно участвовали разные элементы» (с. 196). Из этих четырех вариантов, как мне представляется, наиболее вероятен первый. Однако и здесь явно недоучитывается роль феодалов. В освоении и в особенности в распределении земли феодал должен был играть решающую роль: он мог объявить даже всю вновь освоенную землю своей собственностью (вернее владением), представив горожанам право обрабатывать землю на определенных условиях.

К. И. Петров иначе решает этот вопрос: он полагает, что ведущая роль принадлежала общине (или «ассоциации земледельцев»), устанавливающей определенный характер землепользования. Наиболее крупные из земледельцев — «правители», или «дехкане», но они лишь *землевладельцы*. В результате все оказываются горожанами, класс крестьянства «исчезает»: «Ясно, что городские земледельцы с особым укладом их хозяйства не представляли собой „крестьянства", как в сельских местностях, и вообще здесь все-таки не было деревни как таковой» (с. 200—201).

Расширение городской территории, включение в нее новых земель, К. И. Петров приписывает имущественно состоятельным частным лицам, не называя их феодалами. Земли становились их частной собственностью, и они, эти состоятельные люди, сдавали землю в аренду: «Это был своего рода средневековый прекарий, при котором крупный земельный собственник сдавал участок малоземельному или безземельному в условное держание, обеспечивая себя рабочей силой» (с. 198). Но тогда арендатор и был крестьянином. Полагаю, что земледельцы в аграризованных городах Чуйской долины были именно крестьянами.

Всего в Чуйской долине автор насчитывает 19 аграризованных городов[1]. Что же касается других поселений-крепостей (иногда довольно значительных), то они, конечно, не могли служить в качестве дополнительных фортификационных сооружений, как считалось раньше. Их сооружение автор справедливо определяет как признак закрепления окрестных территорий за оседающими на землю феодалами или городами.

Материалы изучения памятников долины р. Чу К. И. Петров принял за основу при решении поставленных проблем. Вместе с тем кратко рассмотрены памятники горных долин других районов Киргизской ССР. Особенность памятников Иссык-Кульской котловины — многочисленность мелких поселений вблизи крупных (с длинными стенами). В котловине Кетмень-Тюбе и в долине Чаткала не развились поселения типа чуйских, были лишь сравнительно небольшие укрепленные поселки. В Таласской долине отмечено сочетание крупного города и земледельческой округи. Развитие поселений в Фергане происходило на базе древних земледельческих оазисов.

В четвертой, заключительной главе, как уже указано, приведен краткий обзор истории Киргизии с XIII—XIV до XVIII в. Этот период характеризуется непрерывными феодальными войнами, в результате которых пришли в полный упадок земледельческие поселения и вновь возобладало кочевое скотоводство. Войны не давали возможности населению на длительное время закрепиться на постоянных пастбищах — хозяйственных площадях с последующим постепенным переходом к земледелию. Влияние вертикальной сезонно-полукочевой системы могло сказаться лишь при мирной жизни 5—10 поколений скотоводов (полтора—два столетия), но мирного времени такой продолжительности не было.

Задачи, поставленные автором, нашли в книге свое решение. В целом исследование К. И. Петрова является важным вкладом в изучение социально-экономической истории Средней Азии.

Кабанов С. К.

---

[1] По П. Н. Кожемяко, таких «городов» было 18, но автор прибавляет Кузнечное городище, находящееся на окраине г. Фрунзе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. М.: Наука, 1969.
2. *Калганов М. В.* Собственность. Докапиталистические формации. М., 1962.
3. *Акишев К. А.* О возникновении оседлости и земледелия у древних усуней Семиречья.— В кн.: По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1970.
4. *Кожемяко П. Н.* Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. Фрунзе, 1959.

АБРАМОВА З. А., СТОЛЯР А. Д.

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОКАХ ИСКУССТВА

(в связи с выходом книги Я. Я. Рогинского «Об истоках возникновения искусства». М.: Изд-во МГУ, 1982)

Каждая работа Я. Я. Рогинского — выдающегося палеоантрополога, обогатившего нашу науку фундаментальными теоретическими трудами по проблеме антропогенеза, вызывает большой интерес. Весомый вклад внесен им, в частности, в разработку антропологического аспекта проблемы происхождения и первичной природы искусства. Серию вышедших ранее работ [1; 2, с. 190—198; 3, с. 198—207], существенно дополнивших комплексную программу изучения одного из наиболее сложных явлений духовного мира человечества, продолжает рецензируемый очерк.

Книга, популярная по своей основной цели, вместе с тем интересна в научном отношении. Ниже мы остановимся на тех теоретических положениях Я. Я. Рогинского, которые, будучи увязанными с задачами археологического анализа проблемы, особенно важны в качестве исследовательских установок, нацеленных на конкретно-историческое раскрытие генезиса одной из высших форм общественного сознания на материалистической основе, при полном учете всей сложности и многоплановости этого грандиозного процесса.

Прежде всего Я. Я. Рогинский подчеркивает прочно устанавливаемый археологическими открытиями факт хронологической вторичности искусства в культуре по отношению к древнейшей индустрии — ее неизмеримо более позднее появление, чем орудий труда (с. 3). Положение о том, что творчество является достоянием только заключительной ступени палеолита, убедительно подтверждающее тезис материалистической эстетики («труд старше искусства» — Г. В. Плеханов), казалось бы, представляет непреложную истину. Однако не только в той литературе Запада, которая исходит из априорного утверждения метафизической природы сознания, но и в некоторых наших изданиях [4] встречаются голословные утверждения «вечности» искусства, якобы данного изначально. На этом же внеисторическом подходе основывается и произвольное истолкование естественных фигурных форм, в действительности не несущих на себе никаких следов деятельности человека как первых объектов образно-символического осмысления в культурах нижнего и начала верхнего палеолита. Насколько ложные сенсации такого рода ущербны для науки и в наши дни, показывают многочисленные рекламные публикации В. Е. Ларичева об «уникальном для палеолита Земли» искусстве стоянки Малая Сыя в Хакасии [5, с. 289—295].

Глубокий смысл заключен в следующем положении, принадлежащем самому Я. Я. Рогинскому: «Искусство глубже, чем техника изготовления орудий, раскрывает отличие начала позднего палеолита от конца мустьерской эпохи» (с. 3). Сформулированное Я. Я. Рогинским в его предшествующих работах, оно принципиально важно для философско-материалистического понимания сложной динамики антропогенеза, синтезировавшего в себе диалектическое, развивавшееся во времени взаимодействие естественных и исторически складывавшихся факторов. По нашему мнению, именно эта плодотворная идея открывает возможность решения дискуссионного вопроса о «втором скачке» в пользу его полной реальности. Отрицание качественного «порога» между нижним и верхним палеолитом рядом исследователей основывается на несомненных фактах продолжения традиций индустрии неандертальцев в культуре раннего неоантропа. Но такое, эволюционистское по тенденциям, ограничение наблюдений лишь сферой выделки каменных орудий при всей их важности все же обедняет до уровня какой-то «омертвелой призрачности» всю

картину развития. Им затемняется бесспорно насущная, но трудная задача все более полного распознания того многообразного сплетения различных явлений, которым создавался новый субъект истории.

Идея Р. Р. Рогинского о том, что «сущность различий между неоантропом и его ближайшим предшественником как между разными этапами становления человека с особой силой и отчетливостью проявилась в первобытном искусстве» (с. 3), отвечает требованиям марксистско-ленинской методологии в области конкретно-исторического изучения «седой древности». Так выделяется один из первостепенных по значимости социальных факторов — древнейшее искусство как фундаментальное (иначе, стадиальное) свидетельство подъема сознания на собственно человеческую ступень в начальном опыте концептуального осмысления мира. Следовательно, обращаясь к проблеме исторического становления человека, надо в полной мере учитывать, что на заре верхнего палеолита, в условиях подвижной неравномерности развития, наиболее значительный, даже решающий сдвиг произошел не непосредственно в сфере труда (т. е.— в производстве каменных орудий), а в области сознания, т. е. прежде всего — в совершенствовании умственной деятельности. Именно это является важнейшим условием бытия общества неоантропа и его возросшей социальной дееспособности.

Таким же историзмом отмечены суждения Я. Я. Рогинского по вопросу «Было ли искусство у неандертальца (палеоантропа)?» — острой теме, которая сейчас в нашей археологической литературе стала предметом нескольких сообщений [6, с. 20—23; 7, с. 44—46], сенсационных по характеру, но источниковедчески не аргументированных даже в минимальной степени. Автор справедливо отвергает давно уже декларируемые литературой крайние позиции (как полное отрицание у палеоантропа зачатков и даже предпосылок художественного творчества, так и его наделение эстетическими способностями ныне живущего вида, см. с. 9, сл.) и приводит особо показательные факты, характеризующие высшие интеллектуальные достижения неандертальской поры. Согласующийся с современными данными науки вывод Я. Я. Рогинского предполагает здесь закономерный исторический процесс возникновения «духовного производства» — древнейшего искусства появляющегося только в верхнем палеолите вместе с Homo Sapiens. Оно возникло не на пустом месте в виде ниспосланного свыше дара (с. 10), а явилось результатом качественного преобразования и подъема на новую, «сапиентную» ступень той зачаточной изобразительной активности мустье (с. 12), которую, наверное, можно назвать эмбриональным периодом творчества.

Справедливы также отрицание Я. Я. Рогинским взгляда на древнейшее творчество, являвшееся тогда ведущей формой общественного сознания, как чисто эстетическое явление (т. е. искусство для искусства; с. 14, 22) и мысль об особых функциях его образов действительности, которые «представляли собой мощные средства объединения эмоций в совместной, жизненно важной для коллектива трудовой деятельности» (с. 25—26). Однако вопрос об исторической специфике и объективной миссии изобразительной деятельности палеолита (с. 21) в работе, к сожалению, развития не получил. А в связи со всей ее логикой так естественно было бы не только отметить элементы внешней обрядово-магической формы творчества, но и на фоне общего синкретизма мышления вскрыть исключительное объективное значение «изобразительного труда» в качестве важнейшего на данной ступени средства формирования и развития сознания (его «материального производства», по К. Марксу). Насколько Я. Я. Рогинский близок к такой теоретической установке, показывает уже рассмотренная выше его идея о стадиальном разграничении нижнего и верхнего палеолита, в первую очередь именно по показателю явления искусства.

Заключительная часть работы (с. 21—32) представляет собой размышления Я. Я. Рогинского над предельно сложными вопросами эстетической природы искусства в целом, психологическими механизмами творчества и восприятия его произведений. Не будучи компетентными в этих специальных областях, мы упомянем только те суждения автора, которые, на наш взгляд, необходимо учитывать в опытах исторической интерпретации как свидетельств генезиса изобразительной деятельности, так и памятников первобытного искусства. К ним относятся положения об общечеловеческой основе искусства Запада и Востока (с. 31), о различии в творчестве направлений «искусство — образ» и «искусство — ритм» (с. 25), а также тезис о «срывных ситуациях» как важнейшем стимуле интеллектуального взлета

(с. 26). Нелишне заметить, что последнее положение оказывается ключевым при реконструкции той эмоционально-производственной ситуации в ходе мустьерской охоты, которая привела к первым натурально-символическим действиям неандертальцев [8, с. 29].

Само собой разумеется, не все бесспорно в работе Я. Я. Рогинского. В тексте имеются отдельные неточности и можно высказать замечания по списку рекомендованной литературы (с. 32). Дискуссионность ряда положений вызвана и сложностью предмета, и современным состоянием наших знаний в разных аспектах этой области. Но самое главное заключается в том, что этот очерк противостоит проявляющимся и сейчас тенденциям вульгаризации и упрощения мировоззренчески ответственной проблемы, тенденциям, совершенно чуждым теории исторического материализма.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Рогинский Я. Я.* Изучение палеолитического искусства и антропология.— ВА, 1965, вып. 21.
2. *Рогинский Я. Я.* Проблемы антропогенеза. М.: Высшая школа, 1969.
3. *Рогинский Я. Я.* Проблемы антропогенеза. 2-е изд. М.: Высшая школа, 1977.
4. *Шерстобитов В.* У истоков искусства. М.: Искусство, 1971.
5. *Грязнов М. П., Столяр А. Д., Рогачев А. Н.* Письмо в редакцию.— СА, 1981, № 4.
6. *Черныш А. П.* О времени возникновения палеолитического искусства в связи с исследованиями 1976 г. стоянки Молодова 1.— В кн.: У истоков творчества. Новосибирск: Наука, 1978.
7. *Сытник А. А.* Гравированный рисунок на кости с мустьерской стоянки под Тернополем.— В кн.: Пластика и рисунки древних культур. Новосибирск: Наука, 1983.
8. *Столяр А. Д.* Происхождение изобразительного искусства Евразии в историко-археологическом освещении: Автореф. докт. дис. Л.: ЛГУ, 1972.

ПЕТР ПЕТРОВИЧ ЕФИМЕНКО

(к 100-летию со дня рождения)

Столетие со дня рождения Петра Петровича Ефименко, выдающегося русского и советского деятеля археологической науки, отмечается как большое событие в археологии. Труды П. П. Ефименко навсегда останутся в памяти и делах новых поколений археологов.

Петр Петрович Ефименко родился в 1884 г. в семье известных революционных демократов — этнографа и фольклориста Петра Саввича Ефименко и историка и этнографа Александры Яковлевны Ефименко, первой в России женщины — доктора русской истории, профессора Харьковского университета и Бестужевских курсов в Петербурге [1]. Увлечение древней историей и археологией появилось у П. П. Ефименко еще в гимназические годы, а во время его учебы в Харьковском и позднее в Петербургском университете интерес к археологии развивался и укреплялся. П. П. Ефименко принимал активное участие в работах Подготовительных комитетов Харьковского (1902 г.) и Екатеринославского (1905 г.) археологических съездов. За составление справочника по археологической, исторической и этнографической литературе П. П. Ефименко получил премию им. А. А. Потебни. В 1913 г. он был отмечен стипендией Кана.

П. П. Ефименко очень повезло: его заметил, поддержал и стал наставником большой знаток палеолита Федор Кондратьевич Волков. П. П. Ефименко по приглашению своего учителя вместе с будущим известным скифологом С. И. Руденко принимал участие в раскопках Мезинского палеолитического поселения на Десне в Черниговской губ. (1909 г.). В результате этих работ П. П. Ефименко опубликовал статью о собрании кремневых орудий из Мезина [1], сыгравшую большую роль в систематизации кремневых орудий и способствовавшую установлению культурно-исторических соответствий памятников Юго-Восточной Европы с западноевропейскими местонахождениями. Статья о мезинских кремнях стала основой для работы в созданном П. П. Ефименко в 20-е годы учебном семинаре по изучению кремневых изделий палеолита. По своему существу и содержанию семинар по изучению кремня, проводившийся в Ленинградском государственном университете, послужил началом систематического изучения палеолита в СССР.

Занятия в семинаре П. П. Ефименко, как, впрочем, и в более поздние годы, не были посвящены только изучению технологии или типологии кремневого инвентаря, его формалистической характеристике, хотя и эти необходимые элементы познания прочно входили в систему занятий. П. П. Ефименко всегда стремился показать изменчивость кремневого инвентаря во времени и пространстве. Им постоянно отмечалась хронологическая последовательность и причинность изменчивости в технике и морфологии кремневого инвентаря, соподчиненность таких изменений в соответствии с совершенствованием функций орудий труда. Не случайно именно среди учеников П. П. Ефименко зародилось плодотворное направление, исследующее орудия труда и технику их изготовления по следам употребления их в работе, способы изготовления орудий, микроследы, оставленные на орудиях в

[1] А. Я. Ефименко — уроженка с. Варзуга, что под Холмогорами в Архангельской губернии. По семейному преданию, семья А. Я. Ефименко находилась в родстве с Михаилом Васильевичем Ломоносовым.

процессе пользования. Первоначальные попытки изучения функций кремневых, а затем и других орудий труда, сделанных из камня и кости, по следам сработанности в дальнейшем переросли в оригинальные исследования по истории изучения древних социально-экономических сообществ, успешно развивающиеся во всем мире и поныне. Само направление палеотрассологии родилось под сильным влиянием творческих исканий и замыслов П. П. Ефименко. Именно П. П. Ефименко стоял в начале пути развития этого направления, которое впоследствии многие годы возглавлял его ученик С. А. Семенов. Вокруг П. П. Ефименко образовалась большая группа учеников и сотрудников-единомышленников. П. П. Ефименко умел выделять из среды учеников наиболее умелых, восприимчивых к новому, перспективных в науке. И вполне закономерно, что среди первых его учеников были Г. А. Бонч-Осмоловский, С. Н. Замятнин, А. П. Окладников, П. Н. Третьяков, П. И. Борисковский, С. А. Семенов, Г. П. Сосновский, М. М. Герасимов, А. Н. Рогачев, А. Н. Каландадзе, М. З. Паничкина и многие-многие другие.

За свою долгую творческую жизнь П. П. Ефименко работал в ряде музеев Москвы и Ленинграда. В годы войны П. П. Ефименко жил и работал в Казани и Елабуге. Основным археологическим учреждением, в котором рос и развивался научный талант П. П. Ефименко, всегда оставалась Государственная академия истории материальной культуры, ставшая затем Институтом истории материальной культуры АН СССР, а позднее Институтом археологии АН СССР. В этом учреждении П. П. Ефименко многие годы заведовал сектором палеолита, снискавшим себе большую известность у нас в стране и за рубежом.

В 1945 г. П. П. Ефименко был избран академиком Академии наук Украинской ССР и почти десятилетие возглавлял Институт археологии АН УССР. Много труда и таланта, настойчивости вложил П. П. Ефименко в послевоенное возрождение института. П. П. Ефименко, твердо следуя своим убеждениям, продолжил усилия по созданию археологической школы. Среди его учеников в это время В. Н. Даниленко, В. И. Довженок, А. И. Тереножкин, В. А. Ильинская, С. С. Березанская, Д. Я. Телегин.

Перу П. П. Ефименко принадлежит около 80 печатных работ. Их открывает статья «Мелкие кремневые орудия геометрических и иных своеобразных очертаний в дюнных стоянках раннепалеолитического возраста» [2]. Появлению этой статьи предшествовали работы в бассейне Северского Донца и Оскола. В 1900—1902 гг., еще до участия в раскопках в Мезине, П. П. Ефименко вместе со страстным краеведом и основателем краеведческого музея в г. Изюме Н. В. Сибилевым осуществляет археологические обследования по берегам Северского Донца и Оскола. Ими было найдено много древних поселений, значительное число которых находилось в условиях вторичного залегания. Среди материалов, добытых разведками по берегам Северского Донца, заметное место занял кремневый материал, содержащий мелкий инвентарь, в том числе и геометрических форм. Упомянутая выше статья П. П. Ефименко [2] подняла совершенно новые вопросы и не потеряла научной значимости и в наше время.

Много позднее П. П. Ефименко вновь обращается к проблеме мезолита. В статье «Капсийцы — охотники и собиратели» П. П. Ефименко подходит к проблеме мезолита со значительно более широких теоретических и практических исторических позиций [3].

Работая в 1924 г. в бассейне Северского Донца, в устье впадающей в Северский Донец р. Деркул, П. П. Ефименко обнаружил следы мустьерского поселения [4]. Находки, сделанные на Деркуле, долгое время оставались хрестоматийными, особенно кварцитовый дисковидный нуклеус, скребло и остроконечник. Они стали ориентиром для дальнейшего поиска следов мустьерского человека на обширных пространствах восточной половины Юго-Восточной Европы и связей его с западными и кавказскими палеолитическими регионами.

Совершенно новую главу в изучении палеолита начал П. П. Ефименко своими исследованиями в с. Костенки на Дону в Воронежской области [2]. П. П. Ефименко сразу же оценил научное значение Костенок как памятника, исключительного по своим научно-информативным возможностям, как своего рода опытную полевую лабораторию для разработки методических приемов раскопок палеолитических стоянок, как объект истории, как источник для изучения крупных исторических проблем и самых, казалось бы, мелких хозяйственных и бытовых свидетельств. Именно этим задачам П. П. Ефименко подчинял научную программу работ. Он постоянно совершенствовал методику полевых исследований. Без преувеличения можно сказать, что все виднейшие представители палеолита вместе с только начинающими свой путь в археологической науке студентами, особенно в 20—50-х го-

[2] С Костенками связано немало известных отечественных имен, ценителей древностей и пытливых исследователей. Еще Петр I проявил интерес и заботу о сохранении находок диковинных костей слонов в Костенках. В 1768—1769 гг. Костенки посетил натуралист и этнограф академик С. Г. Гмелин, бывали в Костенках и проводили там полевые работы А. И. Кельсиев, А. А. Спицын и др. Наиболее заметный след в изучении Костенок оставил И. С. Поляков. Поняв всю важность для истории культуры человека палеолитических местонахождений в Костенках, С. Н. Замятнин провел здесь в 1922 г. кратковременные полевые исследования. Однако, по согласию с С. Н. Замятниным, уже в следующем году их продолжил П. П. Ефименко, ставший на многие годы бессменным руководителем исследований в Костенках и соседнем с. Боршево.

дах, прошли «школу Костенок». Здесь они практически осваивали новейшие приемы ведения раскопок, постигали методику изучения археологических объектов на местах залеганий, приемы фиксации планиметрических данных, стратиграфических наблюдений. Не раз Костенки становились исследовательской базой для проведения конференций, совещаний, семинаров, в том числе и с участием иностранных ученых. Здесь происходили дискуссии по актуальным проблемам археологии, четвертичной геологии, общей и региональной хронологии палеолита, культурно-исторической стратиграфии, эволюции среды обитания и экологии позднего палеолита в разных географических зонах, но преимущественно на Русской равнине.

Главным достижением работ Костенковской экспедиции, руководимой П. П. Ефименко, следует считать широкое внедрение комплексного метода исследований. Прежде всего П. П. Ефименко доказал на примере Костенок наличие долговременных жилищ в позднем палеолите, следовательно, относительную оседлость населения в это время. Такое открытие определило основной курс изучения памятников не только среднерусского, но и европейского палеолита. П. П. Ефименко оригинально и убедительно истолковал первобытно-общинную организацию таких поселений, обрисовал их социальную систему. Работы П. П. Ефименко показали, что в позднем палеолите особо почитался культ женщины — носительницы родовых начал и традиций, хранительницы домашнего очага и потомства. Культ этот отражал матриархально-родовой уклад в первобытных общинах.

Максимально полному осмыслению материалов, наблюдаемых при раскопках, очень способствовал применяемый П. П. Ефименко метод раскопок поселений на больших площадях. Метод шурфовок или кессонных вскрытий приобрел вспомогательное значение. Не приходится сомневаться в высокой научной полезности раскопок на широких площадях с временным оставлением археологических объектов на местах залеганий. Такой метод обеспечивает полноту и единство планиграфических наблюдений над размещением жилищ и других сооружений, а также и мелких предметов, входящих в состав культурного слоя. Этот же метод очень помогает при реконструкциях техники изготовления различных сооружений, восстановлении хозяйственных и бытовых условий на местах обитания древнего человека.

В 1958 г. вышла в свет фундаментальная монография П. П. Ефименко «Костенки I» [5]. Труд этот, являясь прекрасной публикацией, прежде всего знакомит читателя с выверенными на практике методами полевых исследований, вводит в научный оборот огромный археологический материал, представляющий многие стороны жизнедеятельности человека эпохи палеолита. Большое внимание П. П. Ефименко уделяет орудиям труда из кремня и кости, подмечая при этом возможности судить о функциях орудий, а по ним даже о разделении труда в семьях. Всесторонне рассматривает он скульптуру малых форм из мамонтовой кости, значительно пополняя сведения о ней, помещенные в прежних его публикациях. Очень интересна и принципиально важна заключительная глава в книге, посвященная вопросам происхождения костенковской культуры. Сама проблема возникновения и сложения костенковской культуры поставлена очень масштабно, в полном созвучии с развитием позднепалеолитических культур преимущественно Центральной Европы. П. П. Ефименко предлагает серьезно обоснованные культурно-хронологические схемы развития культур палеолита на Русской равнине. Местный путь развития палеолита он отличает от среднеевропейского, шедшего в условиях некоторой территориальной изолированности. Однако им замечены и единые, закономерные формы проявления определенных признаков, например, в эволюции кремневой техники. П. П. Ефименко считает их общими для всей приледниковой полосы Центральной и Восточной Европы.

Нельзя обойти вниманием ряд обзорных статей, написанных П. П. Ефименко, в которых помимо обзора даны научная оценка проделанной работы и изложение того, что дает она для будущих исследований. Такие обзорные статьи П. П. Ефименко оказались очень полезными для развития археологии в области изучения первобытности.

Отдавая дань уважения огромному организаторскому и собственно научному труду П. П. Ефименко, его бесспорному лидерству на протяжении многих лет в науке о первобытности, созданию им школы исследователей палеолита и многим другим высокополезным делам, осуществленным П. П. Ефименко в советской археологии, необходимо отметить его фундаментальный труд «Первобытное общество» [6]. Книга эта издавалась трижды, перерабатывалась, дополнялась, улучшалась. В ней собран огромный материал, изложенный в разработанной П. П. Ефименко системе периодизации памятников палеолита. Книга представляет собой энциклопедию палеолита СССР, органически связанного с европейским палеолитом.

Главным стержнем труда «Первобытное общество», его теоретической сердцевиной является диалектико-материалистическая сущность. П. П. Ефименко руководствуется одним из основных методологических принципов марксистско-ленинской философии: пониманием единства закономерностей исторического движения и множественности проявлений его в конкретной действительности. Применительно к археологии речь идет о стадиальном понимании первобытно-общинной формации при множественности конкретных форм культурно-исторических проявлений ее в реальной действительности. Положив в основу принцип единства происхождения человека и тождество в сложении культур, П. П. Ефименко предложил хронологию памятников позднего палеолита для европейской части СССР, включая ее в

общеевропейскую схему периодизации палеолита. Хронология памятников палеолита по П. П. Ефименко состоит из семи ступеней развития позднего палеолита в СССР. Такое членение памятников во времени потребовало очень глубокого понимания не только самого археологического материала, но и фундаментальных знаний, почерпнутых из естественно-исторических источников.

Система хронологического членения палеолитических памятников, разработанная П. П. Ефименко, приобрела большое значение для выявления ведущих черт для определения групп памятников, при установлении их места в хронологической шкале. Без такой системы немыслимо плодотворное развитие науки. Несомненно, хронологическая система, предложенная П. П. Ефименко для позднего палеолита европейской и отчасти для азиатской части СССР, с течением времени совершенствуется, дополняется новыми характеристиками отдельных разделов. Однако в целом она подтверждается и в настоящее время и не противоречит показателям, полученным по ^{14}C, т. е. по современным методам возрастных определений.

П. П. Ефименко целеустремленно искал объяснений преобразования неандертальского человека в кроманьонца или Homo sapiens, в «могучем толчке» или «перерыве непрерывности», имея в виду теорию скачка в материально-философском смысле слова. Этот «перерыв непрерывности» проявил себя в резком различии физического облика среднепалеолитического человека и его культуры в переходе неандертальца к кроманьонцу, от эндогамии к экзогамии. Эта идея постоянно сопутствует взглядам П. П. Ефименко, когда речь идет о кардинальных различиях между культурами мустье и позднего палеолита. Во многом оригинально, ярко и свежо подано исследование заключительной поры палеолита, переход к неолиту — мезолит или эпипалеолит. П. П. Ефименко рассматривал мезолит как прогрессивное звено в истории человечества, хотя внешне, в облике, скажем, кремневого инвентаря, еще сохраняются «родимые пятна» примитивной палеолитической техники. Ценным качеством книги является бескомпромиссная критичность автора по отношению к буржуазным взглядам.

Фундаментальный труд П. П. Ефименко «Первобытное общество» прошел испытание временем и остается до сего времени ценным обобщающим исследованием по палеолиту, написанным с позиций исторического материализма. Именно потому, что работы П. П. Ефименко построены на прочной теоретической и фактологической основе, они с развитием науки не теряют своего значения, своей актуальности. П. П. Ефименко в своих исследованиях исходил прежде всего из необходимости поисков общих закономерностей в развитии человечества, особенно в материальной культуре, включая в это понятие множество проблем, в том числе и идеологических. Об этом нужно помнить и в наши дни, когда разработка частных вопросов нередко становится в центр исследовательских интересов ученых. При этом исчезает собственно историческая содержательность работ, мельчают сама историческая проблематика, цельность и масштабность изучаемых событий. Сказанное вовсе не означает отказа от исследования и самых мельчайших явлений и фактов. Такие исследования обязательны и в самом лучшем значении понятия термина «вещеведение». Но так же обязательна соподчиненность таких работ целям практического и теоретического познания самой сути истории. Примеры такого научного познания дают исследования П. П. Ефименко.

За большие заслуги и вклад в мировую археологическую науку Советское правительство наградило П. П. Ефименко высшей наградой Родины — орденом Ленина. Отметили заслуги П. П. Ефименко почетными титулами и зарубежные научные археологические учреждения, в том числе Королевский лондонский антропологический институт, Международный союз доисториков и др.

Уже тяжело болея, П. П. Ефименко продолжал интересоваться всем, что касалось археологической науки, следил за новыми открытиями, часто и подолгу беседовал со своими учениками и сотрудниками. Скончался Петр Петрович Ефименко летом 1969 г. в Ленинграде, в дни работы Всесоюзной археологической конференции, участники которой проводили его в последнюю дорогу.

Бибиков С. Н.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ефименко П. П.* Каменные орудия палеолитической стоянки в с. Мезин Черниговской губ.— Ежегодник Русского антропологического общества С.-Петербургского университета, 1912, т. IV.
2. *Ефименко П. П.* Мелкие кремневые орудия геометрических и иных своеобразных очертаний в дюнных стоянках ранненеолитического возраста.— Русский антропологический журнал, 1924, т. 13, вып. 3/4.
3. *Ефименко П. П.* Каспийцы — охотники и собиратели.— ИГАИМК, 1935, вып. 100.
4. *Ефименко П. П.* Находки остатков мустьерского времени на р. Деркул.— ИГАИМК, 1935, вып. 118.
5. *Ефименко П. П.* Костенки I. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1958.
6. *Ефименко П. П.* Первобытное общество. Киев: Изд-во АН УССР, 1953.

КОНФЕРЕНЦИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ 80-летию СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ЕВГЕНИЯ ИГНАТЬЕВИЧА КРУПНОВА

10—13 апреля 1984 г. в городе Майкопе, центре Адыгейской автономной области, состоялись XIII Крупновские чтения, посвященные памяти лауреата Ленинской премии, профессора Евгения Игнатьевича Крупнова (1904—1970). Ставшая традиционной, конференция по археологии Северного Кавказа была приурочена в этом году к 80-летию известного советского археолога.

Организованные совместными усилиями ордена Трудового Красного Знамени Института археологии АН СССР и Адыгейского ордена Знак почета научно-исследовательского института экономики, языка, литературы и истории, «чтения» собрали археологов и специалистов по древней истории из Москвы, Ленинграда, Тбилиси, Ростова, Сухуми, Владимира и из городов всех республик Северного Кавказа (Краснодара, Новороссийска, Орджоникидзе, Нальчика, Грозного, Махачкалы и Черкесска). Желающих принять участие в работе конференции оказалось значительно больше (см. XIII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов), Майкоп, 1984), чем смогла вместить повестка дня заседаний.

Тематика 36 отобранных докладов в той или иной степени отразила широкий круг проблем, над которыми работал Е. И. Крупнов. Она охватывала все периоды и все основные культуры Северного Кавказа в их взаимодействии с окружающим миром.

XIII Крупновские чтения открыл директор Адыгейского НИИ ЭЯЛИ Ф. А. Напсо. С приветствием к участникам обратилась секретарь Адыгейского Обкома КПСС тов. А. С. Кушу. Она поблагодарила дирекцию Института археологии АН СССР и Оргкомитет за честь, оказанную Адыгее при выборе места проведения конференции и пожелала успешной работы конференции. В ответном слове председатель Оргкомитета доктор исторических наук, заслуженный деятель Северо-Осетинской АССР В. А. Кузнецов выразил благодарность Адыгейскому Обкому КПСС, Облисполкому и дирекции научно-исследовательского института за предоставленную возможность собраться на земле Адыгеи. Адыгейский край давно известен в археологии как место всемирно прославленного Майкопского кургана, впервые открывшего специалистам по древностям памятники майкопской культуры. В. А. Кузнецов, один из многочисленной плеяды учеников Е. И. Крупнова, поделился воспоминаниями о выдающемся ученом-интернационалисте, пользовавшемся глубоким уважением и любовью на Северном Кавказе. Он специально остановился в своем выступлении на пропагандистской роли и практическом значении Крупновских чтений для развития археологии в регионе. За эти годы, благодаря усилиям Оргкомитета, был создан сектор археологии в Калмыцком НИИ в г. Элисте и отдел археологии в музее города Новороссийска.

В первый день работы конференции было заслушано 10 докладов. П. У. Аутлев (Майкоп) и Н. В. Анфимов (Краснодар) в докладе «Археологические исследования в Адыгее за годы советской власти» подробно остановились на больших достижениях в изучении археологии Адыгеи в советский период по сравнению с дореволюционными работами. В своей части доклада П. У. Аутлев очень ярко показал огромную работу по выявлению и изучению памятников каменного века (С. Н. Замятнин, А. А. Формозов, П. У. Аутлев). На достижениях по изучению памятников более поздних периодов остановился Н. В. Анфимов. По памятникам эпохи бронзы таковыми были исследования А. Д. Столяра, А. А. Формозова, В. И. Марковина, Н. В. Анфимова; по эпохе перехода от бронзы к железу — Н. В. Анфимова и П. А. Дитлера; по раннему железному веку — Н. В. Анфимова и А. М. Лескова. Значительно продвинулось вперед изучение средневековых памятников. Каждый из докладчиков подчеркнул настоятельную необходимость широких стационарных раскопок уже известных и некоторых новых памятников в связи с огромными народохозяйственными работами, проводимыми в настоящее время в автономной области. Доклад В. И. Марковина (Москва) «К вопросу о происхождении западнокавказских дольменов» был посвящен критическому анализу существующих ныне точек зрения по этой проблеме. Особенно остро критиковал докладчик точки зрения В. А. Сафронова и Н. А. Николаевой. По мнению В. И. Марковина, наиболее продуктивным представляется поиск прототипов дольменов Западного Кавказа в пределах Средиземноморья, главным образом его островной части. О результатах пятилетних работ Майкопского отряда Кубанской экспедиции ЛОИА АН СССР в окрестностях станицы Новосвободной доложил А. Д. Резепкин (Ленинград). В 1979—1983 годах на курганном могильнике «Клады» были раскопаны 12 курганов с погребениями майкопско-новосвободненского времени. Важными оказались курганы, в которых удалось проследить соотношение разновременных могил. По мнению докладчика, впервые удалось доказать независимость погребений с материалами новосвободненского облика от погребений майкопской культуры. Доклад А. М. Лескова (Москва) «Трехлетние раскопки Кавказской экспедиции ГМИНВ в Адыгейской автономной области» познакомил в основном с материалами скифского периода. А. М. Лесков продемонстрировал великолепные слайды раскопок курганной группы близ аула Уляп, где были открыты 4 святилища IV в. до н. э., принадлежавшие меотам. Среди находок серебряные и золотые сосуды, серебряные и золотые изображения, выполненные в зверином стиле, уни-

кальные предметы античного искусства, особенно краснофигурные и чернофигурные сосуды. Доклад А. М. Лескова был дополнен сообщениями других членов этой же экспедиции. Они были посвящены памятникам эпохи бронзы и средневековья. К. А. Днепровский (Москва) остановился на результатах раскопок 17 курганов близ аула Уляп. Все эти памятники относились к майкопской, северо-кавказской и катакомбной культурам. Одно погребение определено как позднесрубное. Л. М. Носкова (Москва) в докладе «Раскопки на Ново-Вычепшийском городище» изложила результаты исследования многослойного бытового памятника в Теучежском районе Адыгеи. Шестиметровый слой включал материалы от меотского периода (последние века до н. э.) и до раннего средневековья. Завершал серию докладов об археологическом изучении территории Адыгейской АО доклад Н. Г. Ловпаче (Майкоп) «Керамика Закубанья по материалам Псекупской археологической экспедиции». Он был посвящен многолетнему изучению докладчиком генезиса посуды местного населения. Новые раскопки на Псекупском поселении 1, поселении близ аула Новый Казанукай, а также могильников близ этих поселений показали, по мнению Н. Г. Ловпаче, единую линию развития в местном гончарстве с эпохи бронзы и до позднего средневековья. Доклад И. М. Чеченова и Б. М. Керефова (Нальчик) «Основные итоги охранных раскопок курганов в Кабардино-Балкарии в 1981—1983 гг.» обобщил результаты трехлетних раскопок курганов в зоне новостроек близ селений Нартан, Нижний Черек и города Нальчика. Наиболее ранним было древнемайкопское подкурганное захоронение близ селения Нартан. К майкопской культуре относились и остатки поселения на окраине Нальчика. Особо примечательны в слое поселения фрагменты глиняных зооморфных статуэток. К эпохе средней бронзы докладчики отнесли подкурганные катакомбы первых веков II тыс. до н. э., обнаруженные близ селения Нижний Черек. Зафиксирован любопытный факт расположения поселения раннего железного века (VII—V вв. до н. э.) поверх кургана эпохи бронзы близ селения Нартан. На поселении выявлены хозяйственные ямы, каменные зернотерки и кости животных. Фрагменты сосудов с нарезным орнаментом близки посуде позднекобанской культуры. К этому же периоду относились два кургана, раскопанные на территории вышеупомянутого раннего поселения на окраине Нальчика. В инвентаре погребений имелись предметы VI—V вв. до н. э. скифо-савроматского облика. К позднему времени относились впускные погребения сарматского периода не позднее II в. до н. э. в насыпях больших курганов близ Нартана и Нижнего Черека и обломки средневековой посуды на их поверхности.

Доклад М. Г. Гаджиева (Махачкала) «Генезис погребальных сооружений эпохи ранней бронзы в Дагестане» обобщал результаты новейших материалов раскопок могильников прикаспийской территории Дагестана. Особо важное значение имели раскопки огромной катакомбы Великентского могильника, свидетельствующие о появлении на северо-восточном Кавказе уже не позднее середины III тыс. до н. э. катакомбного обряда захоронения. Докладчик на основе сравнительного анализа данных по погребальному обряду сделал вывод о смене на рубеже эпохи ранней бронзы традиции в погребальных сооружениях, а так же и в жилой архитектуре, существовавшей здесь с VI по III тыс. до н. э. Подобное явление, по мнению М. Г. Гаджиева, обусловлено крупными этнокультурными сдвигами, произошедшими в горных районах северо-восточного Кавказа во второй половине III тыс. до н. э.

В обсуждении докладов первого дня конференции приняли участие П. У. Аутлев, А. В. Дмитриев, В. И. Марковин, Н. В. Анфимов, В. Б. Ковалевская, А. М. Лесков, Н. Г. Ловпаче. Отметив большой интерес и идеологическую заостренность доклада В. И. Марковина, А. В. Дмитриев поддержал его гипотезу относительно средиземноморских истоков появления дольменов на Кавказе. В качестве дополнительного аргумента он привел данные о находках в могильнике II тыс. до н. э. близ Мысхако в районе Новороссийска якорных камней как доказательства существования в тот период мореплавания вдоль северопричерноморских берегов. Великолепным находкам А. М. Лескова уделили внимание в своих выступлениях П. У. Аутлев, В. Б. Ковалевская. Особо подчеркивалась необходимость их оперативной публикации. В то же время выступавшие выразили сомнение в правомерности употребления терминов «эллинский», «римский» касательно местных прикубанских материалов. Высокую оценку получил в выступлениях доклад М. Г. Гаджиева. Но и в его адрес были высказаны пожелания более осторожного подхода к вопросу о генезисе погребальных конструкций (В. И. Марковин). Оживленная дискуссия возникла вокруг вопроса о том, руководствовались ли древние строители дольменов единым модулем при построении этих грандиозных сооружений или в их работе преобладал эмпиризм (В. И. Марковин, В. Б. Ковалевская, А. В. Дмитриев).

В. И. Марковин, признав важность материалов из могильника «Клады», тем не менее настаивал на мнении об отсутствии в выводах А. Д. Резепкина серьезных аргументов относительно генетической несвязанности между собой собственно майкопских и новосвободненских древностей. Н. В. Анфимов выразил сожаление, что интересные материалы, фигурировавшие в докладе Л. М. Носковой, оказались не подкрепленными иллюстрациями, что особенно важно для подтверждения хронологической градации памятника, предложенной докладчицей. Все выступавшие по докладу Н. Г. Ловпаче (Н. В. Анфимов, А. М. Лесков) призвали его к более осторожному подходу в заключении о прямых связях памятников, отстоящих друг от друга на тысячелетия. По их мнению, нельзя напрямую связывать технологию

гончарства майкопской культуры с гончарством меотов. Сомнительным показалось также в докладе Н. Г. Ловпаче употребление им термина «зихский» применительно ко всему Закубанью, поскольку племя зихов принято связывать с причерноморским побережьем. Возражая против последнего утверждения, Н. Г. Ловпаче привел свидетельство Леонти Мровели, который упоминал племя «джихов» и на левобережье Кубани.

Во второй день заседания было заслушано 12 докладов и сообщений. Доклад В. И. Козенковой (Москва) «Средняя Европа и Северный Кавказ: контакты и хронологические соответствия в эпоху поздней бронзы — раннего железа» был посвящен проблеме синхронизации кобанских древностей Центрального Кавказа со шкалой хронологии древностей Центральной Европы, достаточно надежно обоснованной датирующими находками из Средиземноморья. На основе сравнительного анализа относительно синхронной и типологически близкой серии предметов с территории Венгрии и Северного Кавказа предпринята попытка уточнения важнейших вех развития кобанской культуры с эпохи формирования ее основных признаков и до сложения стабильного классического комплекса. Доклад Л. К. Галаниной (Ленинград) «Раннемеотские погребения Келермесского могильника» познакомил участников заседания с новейшими раскопками еще одного неизвестного раннемеотского могильника. Особая значимость нового памятника в том, что он оказался в центральной части знаменитого по дореволюционным раскопкам Келермесского курганного могильника, принадлежавшего, по мнению Л. К. Галаниной, скифской знати. Данные раскопок свидетельствуют о синхронном функционировании во второй половине VII — начале VI в. до н. э. как грунтового могильника, так и курганного поля. Подобное расположение на одном и том же месте, в одно и то же время двух разноэтничных кладбищ указывает, по мнению исследовательницы, «на самое тесное взаимообщение меотов с осевшими на их землях пришлыми ираноязычными кочевниками». Ю. Н. Воронов (Сухуми) в докладе «Западный Кавказ в эпоху Юстиниана (527—565 гг.)» обратился к малоизвестным страницам взаимоотношений населения Западного и Северного Кавказа с Византией, главным образом связанных со строительством серии крепостей. Последовательность их возведения является, по мнению докладчика, одним из свидетельств поэтапного территориального закрепления великой державы древности в указанном регионе. В докладе М. Г. Крамаровского (Ленинград) «Художественный металл Белореченских курганов: новые атрибуции» был дан блестящий анализ металлических предметов из погребений XIII—XVI вв., изучение которых было положено еще работами академика Я. И. Смирнова в начале XX века. Главное внимание в докладе сосредоточено на анализе украшений поясной гарнитуры золотоордынского времени, среди которых выделены две группы: «латинская» и «малоазийская». По мнению М. Г. Крамаровского, источники свидетельствуют о принадлежности всей группы к городскому производству Восточного Крыма и Приазовья, среди которых особое место принадлежало Судаку и Каффе. Мощный приток подобного рода ремесленных изделий поступал к племенам Северного Кавказа через рынки городских центров джучидского юга.

Доклад А. А. Нехаева (Майкоп) «Работы Адыгейской археологической экспедиции в 1983 году» был посвящен результатам исследования поселения «Свободное» и расположенных вблизи него курганов. На поселении выявлена круговая планировка оборонительных сооружений, прослежены остатки рва и вала. От жилищ сохранились глинобитные площадки со следами столбовых конструкций и камышовых перекрытий. В слое обнаружены кремневые, роговые и костяные орудия труда, глиняная зооморфная и антропоморфная пластика, а также фрагменты сосудов. По мнению докладчика, новые материалы по ряду элементов связывают культуру поселения со среднестоговскими и хвалынскими памятниками Восточной Европы второй половины IV тыс. до н. э. Среди погребальных комплексов близ поселения «Свободное» особого интереса заслуживают два погребения первой половины III тыс. до н. э. повосвободненского облика. В инвентаре 8 глиняных сосудов, кремневые наконечники стрел и печать из гагата. О новых находках майкопского типа из окрестности Новороссийска доложил А. В. Дмитриев (Новороссийск) в сообщении «Поселение майкопской культуры на Мысхако». Докладчик продемонстрировал иллюстрации выразительных фрагментов сосудов, костяных и кремневых изделий, обломка диоритового навершия булавы шаровидной формы, нескольких бронзовых мелких поделок. В. Я. Кияшко (Ростов-на-Дону) в докладе «Семантика молоточковидных «булавок» обратился к смысловой интерпретации известных костяных и роговых молоточковидных украшений эпохи бронзы. На основе многочисленных доводов докладчик отрицает утилитарное назначение предметов. Они относятся к категории фетишей, которые в сочетании с парными солярными бляхами являлись олицетворением космического столба-древа, на котором восседало всепорождающее двуединое божество. Доклад Р. Г. Магомедова (Махачкала) «Закавказский керамический импорт в Дагестане и вопросы хронологии памятников эпохи средней бронзы» содержал остроумную гипотезу, согласно которой прослеживались связи древней территории Дагестана и Восточной Грузии. В памятниках равнинной, предгорной и горной частей Дагестана удалось выделить группу керамики, имеющую близкие аналогии в материалах второй половины III тыс. до н. э., так называемой алазано-беденской культуры. Особую важность выделенных сосудов докладчик видит в том, что они делают возможным уточнение относительной и абсолютной хронологии дагестанских памятников, в том числе нижней границы функционирования Гинчинского могильника. Доклад И. В. Каминской

(Краснодар) «Раскопки курганов эпохи бронзы близ станицы Отрадной на Урупе» был посвящен анализу новейших материалов, добытых в 1983 г. экспедицией Краснодарского музея. Исследованы погребения майкопской, северокавказской и предкавказской культур. На некоторых объектах удалось сделать интересные стратиграфические наблюдения. Близкий по содержанию доклад С. Н. Кореневского (Москва) «Раскопки курганов бронзового века на Кавминводах» освещал результаты исследования погребений в урочище Клин-Яр на окраине Кисловодска. В последние годы здесь открыты интересные подкурганные погребальные конструкции и необычная топография могил, не находящие тождества в соседних синхронных памятниках. Датировка раскопанных погребений определена С. Н. Кореневским концом III тыс. до н. э.— первой половиной или серединой II тыс. до н. э.

Кобанская тематика получила продолжение в докладе Е. П. Алексеевой (Черкесск) «О культурной принадлежности памятников VII—IV вв. до н. э. Карачаево-Черкессии». Отметив, что детальной разработкой проблем позднекобанских памятников скифского периода долгие годы занимался Е. И. Крупнов, докладчица подробно осветила специфику группы поселений и могильников верховий Кубани и Зеленчуков в связи с выявлением новых данных. Е. П. Алексеева приняла точку зрения В. И. Козенковой, высказанную еще в 1977 г., о том, что территория Карачаево-Черкессии являлась зоной распространения памятников западного варианта кобанской культуры, несмотря на ряд их местных особенностей. Е. П. Алексеева высказала мнение о возможности выделения в будущем особого верхнекубанского локального варианта позднекобанской культуры Северного Кавказа.

Последним докладом второго дня заседания был доклад С. А. Яценко (Владимир) «Сарматизация» и «эллинизация» костюма этносов Северного Причерноморья». В нем подробно и детально показано, как влияли некоторые детали одежды сарматов на одежду жителей Ольвии и Пантикапея, а также отмечено обратное воздействие греческой моды на костюм кочевников.

В обсуждении докладов второго дня конференции приняли участие 12 человек. Выступившие по докладу В. И. Козенковой (Е. П. Алексеева, В. С. Бочкарев, М. Г. Гаджиев, А. М. Лесков, Ю. Н. Воронов) отметили актуальность темы доклада. Не вызвал сомнений и факт существования давних контактов между Северным Кавказом и Подунавьем. Но если Е. П. Алексеева поддержала мнение докладчицы о том, что продемонстрированная близость предметов из обоих регионов могла быть результатом реальных прямых связей через Северное Причерноморье, то Ю. Н. Воронов объяснял эту близость иначе. По его мнению, сходство ряда элементов материальной культуры могло быть результатом воздействия третьего очага на Кавказ и Центральную Европу. Соглашаясь с самой возможностью постановки вопроса и отмечая важность попытки В. И. Козенковой более обстоятельно связать древности позднебронзового века Северного Кавказа с Центральной Европой, А. М. Лесков и в особенности В. С. Бочкарев указали на ряд спорных моментов ее типолого-хронологической схемы. Интересно прошло обсуждение доклада Л. К. Галаниной, поскольку тема взаимодействия местных оседлых и пришлых кочевых культур на территории Предкавказья одна из животрепещущих. Е. П. Алексеева согласилась с точкой зрения Л. К. Галаниной о разноэтничности Келермесского кладбища. По мнению А. М. Лескова, подкурганные захоронения принадлежали не «чистым» скифам, а меотам, подвергшимся влиянию скифской культуры. Разногласия между А. М. Лесковым и Л. К. Галаниной выявились и в отношении датировки самых ранних погребений. В отличие от докладчицы, ее оппонент датировал древнейший пласт погребений третьей четвертью VII — началом VI в. до н. э. Особую важность новых материалов из Келермесского могильника подчеркнул в своем выступлении Н. В. Анфимов. Она заключается, по его мнению, в том, что получен дополнительный источник по меотской культуре, связывающий материалы VIII—VII вв. до н. э. и могильники типа Усть-Лабинского. В отношении хронологии Н. В. Анфимов принял точку зрения А. М. Лескова. Он выразил также сомнение в отношении тезиса Л. К. Галаниной о том, что на одном и том же кладбище могли быть захоронены завоеватели (скифы) и покоренные (меоты). По его мнению, весь Келермесский могильник — меотский. В ответном слове Л. К. Галанина привела ряд аргументов в защиту своей точки зрения, особенно в части, касающейся хронологии. Оценка доклада Ю. Н. Воронова прозвучала в выступлениях Е. П. Алексеевой, Н. В. Анфимова, В. А. Кузнецова. Чрезвычайно важны в докладе, по мнению В. А. Кузнецова, археологические данные, позволившие Ю. Н. Воронову очертить зону влияния кавказских алан в Закавказье. С этой точкой зрения не согласился Н. В. Анфимов. Такая зона не может быть выявлена, по его мнению, на единичных находках. На основе одного сосуда рискованно говорить об аланском этносе. Лишь широкие раскопки на памятниках типа Новомихайловского поселения помогут прояснить картину. Большая скрупулезность, тщательность и основательность содержания и выводов доклада М. Г. Крамаровского отмечались в выступлениях А. М. Лескова, Ю. Н. Воронова, Н. Г. Ловпаче. Новые материалы из Мысхако, показанные А. В. Дмитриевым, получили высокую оценку в выступлении И. М. Чеченова. Резко разошлись мнения относительно доклада В. Я. Кияшко. В. И. Марковин, В. С. Бочкарев, С. А. Яценко и Ю. Н. Воронов поддержали важность темы, освещающей духовный мир древних. По их мнению, тематика такого рода сейчас почти не разрабатывается. Скептическая оценка относительно некоторых тезисов доклада прозвучала в выступлении А. А. Иерусалимской. По ее мнению, надо вообще более строго подходить к самой возможности определения семантики непонятных предметов. И уж во всяком случае следует избегать самых

безбрежных толкований, привлекая для этой цели чрезвычайно отдаленные и территориальные, и хронологические, и смысловые параллели. Роль типологии и исходного материала при атрибуции молоточковидных украшений подчеркивал в своем выступлении С. Н. Кореневский. По его мнению, к культовым следует относить только костяные, а бронзовые — рассматривать как деталь одежды, хотя могут быть совмещены и утилитарная и культовая функции предмета. Выступая по докладу Р. Г. Магомедова, М. Г. Гаджиев поддержал идею о возможности синхронизации на основе керамического импорта беденской культуры Закавказья и раннего этапа северокавказской культуры. Все аргументы Р. Г. Магомедова признаны им убедительными. Напротив, А. М. Лескову представленные материалы показались недостаточными для серьезной постановки вопроса. Не согласился с Р. Г. Магомедовым в определении керамики из Гинчи В. И. Марковин. По его мнению, сосуды из Гинчинского могильника мало похожи на беденские. Скорее в данном случае можно предполагать позднее влияние беденской культуры на местную дагестанскую. О чрезвычайной важности материалов из поселения «Свободное» и необходимости их публикации говорилось в выступлениях И. М. Чеченова, В. С. Бочкарева, М. Г. Гаджиева, В. И. Марковина, А. М. Лескова. Выступавшие поддержали точку зрения А. А. Нехаева об особом своеобразии новых материалов. По мнению В. С. Бочкарева, «это что-то более раннее, чем Майкоп, а он только венчает энеолитические культуры». В выступлениях М. Г. Гаджиева и А. М. Лескова подчеркивалось, что работами А. А. Нехаева открывается совершенно новый пласт в изучении культуры ранней бронзы, который может прояснить картину соотношения памятников майкопского и новосвободненского облика. Новизна материалов была отмечена при обсуждении доклада И. В. Каминской. Удивительным и существенно меняющим некоторые представления признан факт проникновения столь далеко на юг, в бассейн Урупа, культуры с ярко выраженными степными чертами (А. А. Иерусалимская). Важность этих материалов еще и в том, что благодаря им проясняется представление о памятниках промежуточной зоны между Кавказом и степями (Е. П. Алексеева, В. И. Козенкова). Появление подобных памятников непосредственно в предгорьях, возможно, связано с продвижением носителей этой культуры к горным перевалам (И. М. Чеченов). Совершенно новым признан выявленный в материалах И. В. Каминской факт сосуществования посоховидных и молоточковидных бронзовых булавок (А. М. Лесков).

Великолепную методику раскопок сложных подкурганных кострукций и исключительное богатство инвентаря из них, продемонстрированные С. Н. Кореневским, отметили в своих выступлениях А. А. Иерусалимская, В. И. Козенкова, И. М. Чеченов, М. Г. Гаджиев, В. И. Марковин. И. М. Чеченов согласился с мнением докладчика относительно возможности выделения особой пятигорской группы памятников эпохи средней бронзы. А. А. Иерусалимская обратила внимание на любопытное размещение инвентаря в могилах, особенно украшений. По ее мнению, они впервые фиксируют в таком раннем материале элементы фасона костюма погребенного в виде распашного платья с застежкой на спине и поясом из бус, закрепленным замком в виде бронзовой булавки. Новые материалы С. Н. Кореневского и И. В. Каминской, по мнению В. И. Марковина, делают настоятельно необходимой уточнение и выработку археологической терминологии для данного круга памятников. Видимо, термин В. А. Городцова «северокавказская культура» в настоящее время требует уточнения и изменения. Более правильным будет называть выявленный ареал памятников «северокавказской общностью». Предложенный Н. А. Николаевой термин «кубано-терская культура», по мнению В. И. Марковина, не отражает существа явления.

Выступая по докладу Е. П. Алексеевой, В. И. Козенкова выразила удовлетворение по поводу пересмотра точки зрения на культурную принадлежность материалов раннего железного века верховий Кубани. В то же время она не поддержала тезис Е. П. Алексеевой о выделении особого верхнекубанского локального варианта позднекобанской культуры, поскольку ведущие и диагностирующие признаки этих памятников (керамика, украшения, погребальный обряд) связывают их с памятниками предгорной зоны районов Кисловодска, Пятигорска и Ставропольской возвышенности. Правильно подмеченная Е. П. Алексеевой некоторая специфика верхнекубанских материалов отражает лишь зональные отличия, в данном случае горные, в пределах одного и того же западного варианта кобанской культуры. Напротив, Ю. Н. Воронов полностью поддержал тезис Е. П. Алексеевой о выделении особого верхнекубанского локального варианта. При обсуждении доклада С. А. Яценко об одежде северопричерноморского населения А. А. Иерусалимская и В. И. Марковин заострили внимание на необычном аспекте темы доклада. В то же время внимание докладчика было обращено на важность тщательного отбора фактов для анализа. Возражение вызвало неэквивалентность привлеченных источников: на равных использованы самые различные данные, в то время как саму возможность такого использования следует еще доказывать. А. А. Иерусалимская не согласилась с выводом С. А. Яценко относительно того, что мода женщин консервативна, а мужская — прогрессивна. По ее многолетним наблюдениям, связанным с изучением средневекового костюма населения Верхней Кубани, дело обстояло как раз наоборот.

Повестка дня 12 апреля на XIII Крупновских чтениях отличалась от двух предыдущих. Состоялось только утреннее заседание, на котором было заслушано 6 докладов. Во второй половине дня участники совещания знакомились с экспозицией и фондами музея краеведения и совершили поездку в горы на знаменитое поселение майкопской культуры Мешоко, расположенное на краю живописного

каньона р. Белой. В связи с этим дискуссия по докладам третьего дня была перенесена на 13 апреля.

Утреннее заседание 12 апреля открылось докладом И. Н. Анфимова (Краснодар) «Основные этапы развития керамического производства у меотских племен Прикубанья». В нем были прослежены особенности керамического производства (технология, орнаментация, производственные мощности обжигательных печей) в Прикубанье, начиная с эпохи раннего железа (VII—VI вв. до н. э.) и до первых веков I тыс. н. э. И. Н. Анфимов особо подчеркнул роль Прикубанья в распространении сероглиняной круговой посуды в степных районах, занятых кочевыми сарматскими племенами. Традиции этой сероглиняной посуды жили очень долго, до раннего средневековья. Высказанные в докладе И. Н. Анфимова соображения, получили определенное подтверждение в докладе В. М. Косяненко (Ростов-на-Дону) «Сероглиняная гончарная керамика из некрополя Кобякова городища и ее связь с керамикой северозападного Кавказа». Подробный разбор и систематизация всех категорий посуды из погребений, сравнение ее с формами керамики из слоя Кобякова городища, тщательный анализ всех категорий, связанных с гончарством (типы печей, технология, формы сосудов), с подобными же материалами Среднего Прикубанья привели В. М. Косяненко к выводу о большой близости и общности развития гончарства Прикубанья и Нижнего Дона. Эта близость объясняется докладчицей прямыми контактами сарматов с меотским населением.

Доклад В. Б. Ковалевской (Москва) «Проблема выделения локальных вариантов для культур древности и средневековья Центрального Предкавказья» рассматривал влияние развития знаний в области геоморфологии Кавказа на представления археологов о выделении локальных вариантов кобанской и аланской культур. По мнению В. Б. Ковалевской, принимаемое тем или иным исследователем географическое районирование археологических данных зависит от характеристики и уровня исследования этих данных. Картографирование основных археологических источников (типы поселений и могильных сооружений) позволяет уточнить выделение к настоящему времени археологических культур и их локальных вариантов, акцентируя зональные отличия.

В докладе М. П. Абрамовой (Москва) «О выделении локальных вариантов скифо-сарматского времени центральных районов Северного Кавказа» ставился вопрос о правомерности выделения в особый локальный вариант памятников горных районов в скифское время. Основное внимание в докладе уделено памятникам сарматского периода предгорной зоны, которые по особенностям погребального обряда и, в меньшей степени, инвентаря разделены на два локальных варианта — восточный (Чечено-Ингушетия и Северная Осетия) и западный (Кабардино-Пятигорье). Такое деление, по мнению М. П. Абрамовой, сохранялось до эпохи раннего средневековья. В докладе прозвучало скептическое отношение к главным признакам, на основе которых выделена раннекобанская культура (погребальный обряд и керамика) и отдано предпочтение бронзам — как диагностическому признаку для данного круга памятников. Л. Н. Панцхава (Тбилиси) в докладе «Некоторые вопросы колхидской и кобанской культур (по материалам Чабарухского и Пасанаурского кладов)» тщательно проанализировала материалы двух кладов первой половины I тыс. до н. э. с Центрального Кавказа. На основе стилистического и сравнительно-типологического анализа вещей и привлечения аналогий из других памятников, главным образом Закавказья, Л. Н. Панцхава отнесла Чабарухский клад к VIII—VII вв. до н. э., а Пасанаурский — к VII — началу VI в. до н. э. В докладе высказаны критические замечания относительно абсолютной датировки Тлийского могильника. Вслед за Ю. Н. Вороновым, нижняя граница захоронений этого памятника, в комплексах которых обнаружены топоры с гравированным орнаментом, определяется Л. Н. Панцхава VIII в. до н. э.

В докладе «Об одной особенности погребального обряда Дагестана позднеалбанского времени» М. С. Гаджиев (Махачкала) остановился на анализе особой группы расчлененных вторичных захоронений в некоторых могильниках раннего железного века. Высказано мнение, что часть этих захоронений, возможно, относились к человеческим жертвоприношениям, что, по мнению докладчика, может «свидетельствовать о появлении и развитии рабовладельческого уклада».

В последний день работы конференции были заслушаны 9 докладов, главным образом по средневековой тематике.

Доклад А. А. Кудрявцева (Махачкала) «Погребальные обряды древнего и средневекового населения Дербента» впервые специально касался анализа данных по могильникам города. Обряд и погребальный инвентарь самых древних могил аналогичен материалам могильников IX—VII вв. до н. э. других районов Дагестана. Два типа погребений албано-сарматского периода близки по обряду и инвентарю могильникам приморского Дагестана III—I вв. до н. э.— I—III вв. н. э. В докладе приведены также данные о мусульманском погребальном обряде VII—XVIII вв. О. Х. Бгажба (Сухуми) в докладе «Дамасская сталь в северо-восточном Причерноморье» изложил результаты технологического изучения железных мечей эпохи переселения народов и раннего средневековья из памятников на территории Абхазии и Краснодарского края. По мнению докладчика, в IV—VI вв. местные племена этого региона уже владели секретом производства дамасской стали, что являлось вершиной кузнечного дела у древних мастеров. Доклад Х. Х. Биджиева (Черкесск) «Средневековые знаки верхнего Прикубанья и Степного Предкавказья» был посвящен результатам изучения тамгообразных знаков на различных предметах. Выделены группы знаков, имевших, видимо, различное назна-

чение (хозяйственные метки, племенные и родовые тамги, религиозно-магические знаки).

Тема доклада А. А. Иерусалимской (Ленинград) «К истории ювелирного ремесла на Северном Кавказе (о средневековых украшениях из латуни)» — продолжение многолетнего исследования одного из важных памятников Северного Кавказа — могильника Мощевая балка VIII—IX вв. н. э. Существенно новые данные в эту тему внесли анализы состава металла латунных украшений, выполненные в физической лаборатории Государственного Эрмитажа А. И. Косолаповым. Результаты исследований свидетельствуют в пользу гипотезы о целенаправленном использовании местными мастерами определенного состава сплавов цинка и меди. Примером этого, по мнению А. А. Иерусалимской, могут служить некоторые виды латунных украшений или части определенных типов украшений, имитирующих поделки из золота.

В докладе «Сухи» осетинского нартского эпоса» В. А. Кузнецов (Орджоникидзе) проанализировал, в каком контексте упомянут данный термин в осетинских нартских сказаниях и пришел к выводу о его этническом значении. В. А. Кузнецов выдвинул гипотезу, что термин «сухи» обозначал «одно из древних адыгских племен или более мелких адыгских этнографических единиц» враждебных аланам. Доклад В. Н. Каминского (Краснодар) «Скальные могильники реки Большой Лабы и их этническая принадлежность» содержал результаты исследований 10 средневековых могильников верховий Кубани. Выделены разновидности скальных захоронений (гробницы, естественные щели, искусственные ниши и скальные катакомбы). Анализ могильного инвентаря свидетельствует, по мнению докладчика, о близости этих могильников к аланским VII—XII вв.

А. Х. Нагоев (Нальчик) в докладе «О причинах подвижного образа жизни средневековых адыгов» заострил внимание на интерпретации факта смены адыгами примерно раз в 4—5 лет мест поселений. В отличие от других исследователей, объяснявших это явление особой полукочевой формой скотоводства, докладчик главную причину усматривает в существовании у адыгов переложно-залежной системы земледелия, сильно истощавшей почвы.

Результатам изучения склепов в Северной Осетии был посвящен доклад В. Х. Тменова (Орджоникидзе) «Исследование пещерных склепов у сел. Дзивгис в 1982—1983 гг.» Полученный в результате этих работ огромный материал позволил докладчику убедительно реконструировать погребальный ритуал и элементы культуры алан XIII—XV вв., чрезвычайно важные для выяснения процесса формирования собственно осетинского этноса. Темой короткого сообщения М. Н. Ложкина (станица Отрадная, Краснодарского края) послужили случайно найденные остатки погребения в окрестностях станицы. В составе погребального комплекса имелся великолепный раннесредневековый серебряный сосуд, важный для установления даты.

В дискуссии по докладам двух последних дней заседаний приняли участие 15 человек. Об актуальности доклада В. Б. Ковалевской для дальнейшей разработки проблемы локальных вариантов северокавказских культур говорили в своих выступлениях И. М. Чеченов, Ю. Н. Воронов, В. И. Козенкова, М. Г. Гаджиев. В выступлении И. М. Чеченова прозвучал призыв к более осторожному перенесению данных разработок по геоморфологии на исторические построения «дабы не впасть в географический детерминизм». По мнению И. М. Чеченова, могли быть и другие не менее важные причины, способствовавшие культурной локализации и развитию особенностей отдельных районов (слабое или сильное влияние степной культуры, наличие или отсутствие близкорасположенных удобных перевалов, причины внутреннего порядка и т. п.). Напротив, Ю. Н. Воронов настаивал на мысли, что человек — есть часть ландшафта, а следовательно, природные условия при определении локальных вариантов должны учитываться в первую очередь. С этой точкой зрения не согласилась В. И. Козенкова. По ее наблюдениям, выдвижение зонального принципа в локализации, как главного, не отражает реального распределения элементов материальной культуры разных групп древнего населения. В обсуждении доклада М. П. Абрамовой приняли участие И. М. Чеченов, Ю. Н. Воронов, В. Б. Ковалевская и В. И. Козенкова. Большая важность доклада, по мнению И. М. Чеченова, в том, что он охватывает очень широкий хронологический диапазон. Однако локальные различия по каждому периоду разработаны неравномерно. Активно поддержал М. П. Абрамову Ю. Н. Воронов, главным образом в части доклада, касающейся раннекобанского периода. Как он считает, особенно близки его разработкам заключения М. П. Абрамовой относительно того, что при выделении локальных вариантов в кобанской культуре нельзя опираться ни на погребальный обряд, ни на керамику, а лишь на бронзовый инвентарь. В. И. Козенкова, отметив в целом оригинальность концепции М. П. Абрамовой, не согласилась с рядом ее пунктов в части, касающейся раннекобанской культуры. По мнению В. И. Козенковой, нереально рассматривать отдельно раннекобанские и позднекобанские материалы, как предлагает М. П. Абрамова. На практике такое раздельное рассмотрение трудно осуществить, поскольку невозможно, например, на могильниках, «оторвать» поздние погребения от более ранних. Вызывает возражение отказ М. П. Абрамовой от комплексного разбора таких основополагающих в каждой культуре признаков, как погребальный обряд и керамика. Выделение локальных вариантов в раннекобанских памятниках лишь по обилию престижных диагностических бронзовых предметов приведет, по мнению В. И. Козенковой, к неоправданно широкому ареалу кобанской культуры и, по сути дела, исказит общую картину,

которую дают сейчас хорошо изученные памятники, причем и те, где яркие бронзы кобанского облика не являются массовыми в составе инвентаря. Не поддержала В. И. Козенкова и тезис о том, что с VI в. до н. э. распалось единство южной и северной частей Центрального Кавказа. Нет достаточных археологических оснований, по мнению В. И. Козенковой, говорить о нехарактерности для памятников горной зоны белоинкрустированной керамики VII—VI вв. до н. э. Она привела конкретные примеры таких памятников.

Не менее оживленно прошла дискуссия по докладу Л. Н. Панцхава (Ю. Н. Воронцов, А. М. Лесков, В. Б. Ковалевская, В. И. Козенкова). Что касается характеристики и хронологии кладов из Чабарухи и Пасанаури, все выступившие поддержали точку зрения докладчицы. Дискутировались, главным образом, вопросы хронологии Тлийского могильника, ранние даты которого (по Б. В. Техову) пересматривает Л. Н. Панцхава. Ю. Н. Воронов, А. М. Лесков и В. Б. Ковалевская поддержали мнение докладчицы относительно того, что значительная часть погребений Тлийского могильника не старше VIII в. до н. э. Однако А. М. Лесков выразил сомнение в правильности верхней даты (VI в. до н. э.), предложенной Л. Н. Панцхава для некоторых категорий погребального инвентаря, в частности, для бронзовых кружек с зооморфными ручками. Верхняя граница их, по мнению А. М. Лескова, не выходит за рамки VII в. до н. э. А. М. Лесков усомнился также в правомерности употребления Л. Н. Панцхава термина «звериный стиль» применительно к зооморфным сюжетам на предметах колхидо-кобанского типа. С отдельными тезисами доклада Л. Н. Панцхава не согласилась В. И. Козенкова. По ее мнению, справедливая необходимость пересмотра датировки отдельных погребений Тлийского могильника еще не означает, что следует столь категорично отвергать мнение Б. В. Техова относительно общих рамок функционирования этого могильника. В этом убеждает сам уровень аргументации Л. Н. Панцхава. Активно отвергая хронологическую классификацию, предложенную автором раскопок Тлийского могильника, она не раскрывает всю глубину собственных доказательств, ограничиваясь, главным образом, выражениями типа «основные датирующие материалы». Вряд ли корректна, по мнению В. И. Козенковой, датировка погребений 16 и 16*а* Тлийского могильника только по типу кинжала, аналогии которому приводятся лишь из поздних могильников с многократными трупосожжениями типа Нигвзиани и Палури, хотя сам тип подобного кинжала встречается и в более ранних погребениях кобанской культуры.

Обсуждая содержательный доклад М. С. Гаджиева, выступавшие отметили, что, со времени доклада А. С. Уварова о расчлененных костяках, мало кто столь углубленно интересовался этим типом погребального обряда (М. Г. Гаджиев). Дифференциация особенностей обряда, связанного с расчленением трупа, позволила выявить важные новые детали в погребальном ритуале дагестанских племен позднеалбанского периода. Большую содержательность доклада и доброкачественность материалов, на основании которых были сделаны выводы, подчеркнули выступившие по докладу А. А. Кудрявцева, В. Б. Ковалевская и В. И. Марковин. Подлинной сенсацией стали результаты работы по технологическому изучению железного оружия в докладе О. Х. Бгажба. А. А. Иерусалимская, В. Б. Ковалевская, В. А. Кузнецов единодушно подчеркнули, что новые данные в металловедении могут иметь огромное значение не только для узкой территории Абхазии, но и для всего кавказского региона. Доклад Х. Х. Биджиева нашел отклик в выступлениях Е. П. Алексеевой, В. Б. Ковалевской и В. И. Марковина. Признавая основательность выводов докладчика, тем не менее все выступавшие дали ряд советов, которые могли бы укрепить его позиции. Необходимо более обстоятельно обосновать тезис о магическом значении тамг (Е. П. Алексеева), следовало бы обратить бóльшее внимание на обоснование хронологии, а также на возможность создания алфавита всех этих материалов и более четкой их классификации (В. Б. Ковалевская).

Поразительные результаты и блестящий источниковедческий анализ материалов доклада А. А. Иерусалимской отметили в своих выступлениях Е. П. Алексеева, В. Б. Ковалевская и В. А. Кузнецов. П. У. Аутлев, Е. П. Алексеева и В. И. Марковин положительно оценили доклад В. А. Кузнецова. Оживленная дискуссия развернулась вокруг положений доклада В. Н. Каминского (Е. П. Алексеева, А. А. Иерусалимская, В. Б. Ковалевская, Х. Х. Биджиев). Отмечая важность материалов, выступавшие разошлись в оценке их этнической интерпретации докладчиком. Большим вкладом в кавказоведение был признан выступавшими (П. У. Аутлев, Е. П. Алексеева, В. Б. Ковалевская) доклад А. Х. Нагоева. Самоотверженную работу В. Х. Тменова по изучению склепов отметили В. А. Кузнецов и В. И. Марковин. А. А. Иерусалимская остановилась на ряде категорий предметов из Дзивгиса, которые, по ее мнению, имеют соответствия в материалах из Карачаево-Черкессии (обувь, газовые платки, футлярчики, куклы) и свидетельствуют о близости в обрядовых элементах осетин и адыгов.

В заключение участники XIII Крупновских чтений приняли резолюцию, основные положения которой должны способствовать, по мнению собравшихся, дальнейшему развитию археологии Адыгеи и других районов Северного Кавказа. Они сформулированы следующим образом.

1. В целях дальнейшего повышения научно-методического и организационного уровня археологического изучения Адыгеи просить руководство Адыг. НИИ ЭЯЛИ рассмотреть вопрос о создании в структуре института самостоятельного сектора археологии и обеспечении его материальной базы.

2. Просить управление культуры Адыгейского Облисполкома и дирекцию Ады-

гейского областного музея краеведения о создании в структуре музея отдела археологии с необходимым для этого материальным обеспечением.

3. Просить областные партийные и советские организации, дирекцию Адыгейского НИИ способствовать более активному изданию материалов по археологии, популяризации через печать, радио и телевидение достижений археологии на территории Адыгеи, усилению контроля за состоянием и охраной археологических памятников (в первую очередь Белореченских курганов).

4. Рекомендовать археологическим учреждениям Северного Кавказа считать одной из первоочередных задач по составлению подробных археологических карт с целью учета и охраны памятников.

5. Просить Северо-Осетинский Обком КПСС, Совет Министров СОАССР и дирекцию Северо-Осетинского НИИ истории, филологии и экономики о проведении XIV Крупновских чтений по археологии Северного Кавказа в апреле 1986 г. в городе Орджоникидзе.

Закрывая конференцию, председатель Оргкомитета В. А. Кузнецов и директор Адыг. НИИ ЭЯЛИ Ф. А. Напсо подвели общие итоги и пожелали участникам дальнейшей плодотворной работы.

Козенкова В. И.

ПЕСКАРЕВА К. М., РЯБИНИН Е. А.

ПЕРВОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ АРХЕОЛОГИИ

(к 125-летию создания Археологической комиссии)

15 февраля 1984 г. исполнилось 125 лет со дня образования Археологической комиссии — первого государственного учреждения России, осуществлявшего систематическое руководство молодой археологической наукой. Именно на основе Археологической комиссии после победы Октябрьской революции была создана Российская академия истории материальной культуры (РАИМК, затем ГАИМК), утвержденная декретом Совнаркома за подписью В. И. Ленина 18 апреля 1919 г. (Декреты Советской власти, М., 1975, т. V, с. 448) и преобразованная позднее в Институт археологии АН СССР [1, с. 26—31]. Таким образом, Археологическая комиссия является первым звеном в организации общегосударственной археологической науки в нашей стране и ее 125-летний юбилей — важная и знаменательная дата в истории отечественной археологии.

Образование Археологической комиссии было подготовлено всем предшествующим развитием русской археологии. Уже в начале XIX в. назрела острая необходимость в создании музеев и научных обществ, связанных с изысканиями в области археологии. В 1806 г. был основан первый на юге России музей в Николаеве, в 1811 г.— в Феодосии, в 1825 г.— в Одессе, в 1826 г.— в Керчи. В 1804 г. при Московском университете учреждается Общество истории и древностей российских, в 1817 г. создается первое археологическое общество в Прибалтике (Митава), позднее аналогичные общественные организации появляются в Риге (1834 г.) и Дерпте (1838 г.). В 1839 г. возникает Общество истории и древностей в Одессе, в 1846 г.— Русское археологическое общество в Петербурге. С 1840-х гг. оживляется археологическая деятельность в Киеве, сосредоточенная вокруг Комиссии по разбору древних актов. В 1822 г. появляется первое специальное правительственное положение об охране археологических памятников, а с начала 30-х гг. начинаются широкие научные и систематические раскопки на юге России [2, с. 102—107; 3, с. 39, 40; 4, с. 28, 29].

Археологические общества и музеи в первой половине XIX в. внесли большой вклад в процесс становления отечественной археологии, в развитие научных полевых изысканий, в дело систематизации древностей и охраны историко-культурных памятников. Но они же ярко продемонстрировали и необходимость создания правительственного (государственного) органа, который мог бы сосредоточить в своих руках надзор и управление все более расширяющейся, но остающейся фактически неконтролируемой и часто имеющей случайный характер деятельностью археологических обществ и отдельных лиц.

Еще до учреждения Археологической комиссии делались попытки осуществления научных мероприятий в государственных масштабах. Инициатором этого выступил страстный любитель археологии Л. А. Перовский, стоявший во главе Министерства внутренних дел, а позднее — Министерства уделов. Он сумел создать небольшой, не превышающий 11 человек, коллектив сотрудников, занимающихся исключительно археологической деятельностью и состоящих на внештатных должностях при Министерстве внутренних дел (с 1853 г.— при императорском кабинете). По инициативе Л. А. Перовского была разработана программа систематических исследований античных городов и курганов Южной России, чиновники министерства развернули активные археологические раскопки в Керчи. В 1843—1852 гг. на базе отпущенных правительством средств было осуществлено изучение золотоордынских памятников, в 1851—1855 гг. А. С. Уваров и П. С. Савельев произвели

первые широкие раскопки северорусских курганных могильников и поселений во Владимирской земле [5, л. 27—29].

После смерти Л. А. Перовского руководство археологическими разысканиями, перешедшими к этому времени в ведение Министерства императорского двора, было в 1856 г. возложено на С. Г. Строганова. Под его контроль передавались Керченский музей, Римская археологическая комиссия и «все производящиеся в России археологические розыскания» [5, л. 1, 2, 10, 16]. «Главный начальник археологических розысканий в России» граф Строганов — член Государственного совета, генерал-лейтенант, генерал-от-кавалерии — был не только придворным высокого ранга, но и истинным ценителем и энтузиастом археологии, прекрасно осознававшим всю важность создания государственного археологического органа. Его ближайшим помощником в период подготовки к созданию Археологической комиссии был чиновник императорского кабинета П. С. Савельев — известный специалист в области археологии и нумизматики.

Уже в 1857 г. С. Г. Строганов приступил к разработке проекта учреждения комиссии и укомплектования последней необходимыми штатами. В январе 1858 г. им была подана на имя своего непосредственного начальника — министра императорского двора графа В. Ф. Адлерберга «Записка о современном положении археологических розысканий и предлагаемых в них изменениях» [5, л. 27—33 об.]. В ней содержался очерк археологической деятельности правительственных учреждений и ставился вопрос о создании государственного археологического органа. Строганов предлагал определить четко регламентированную ежегодную сумму средств на работы комиссии. В записке выражалось сомнение в целесообразности включения в состав центрального археологического учреждения Римской комиссии: последняя финансировалась Академией художеств и, кроме того, из ее дел «не видно даже, в чем заключается археологическая деятельность этой комиссии» [5, л. 31 об.] [1].

В приложенном к записке проекте устава Археологической комиссии содержались все основные принципы организации будущего учреждения. Стремясь обеспечить высокий официальный статус комиссии, С. Г. Строганов предлагал включить ее в состав императорского кабинета и тем самым вывести этот орган из-под непосредственного министерского подчинения. Однако реализовать идею автономности Археологической комиссии автору записки не удалось, так же как и решить вопрос о правомочности состояния в ней Римской комиссии [5, л. 41—43].

2 (15) февраля 1859 г. Положение о создании Археологической комиссии было утверждено Александром II [7, № 34109; 8, с. 63—66]. Первый параграф Положения гласил: «Императорская Археологическая комиссия состоит отдельным учреждением в Министерстве императорского двора и имеет целию: 1) розыскание предметов древности, преимущественно относящихся к отечественной истории и жизни народов, обитавших некогда на пространстве, занимаемом ныне Россиею; 2) собрание сведений о находящихся в государстве как народных, так и других памятников древности; 3) ученую оценку открываемых древностей». Положением определялся штатный состав комиссии, возглавляемой председателем и находящейся в ведении министра императорского двора. Под ее руководство поступали Керченский музей древностей и Римская комиссия археологических розысканий. Кроме штатных сотрудников в комиссию входили почетные члены и члены-корреспонденты, содействующие ей «в достижении ее целей».

В разделе «Действия Комиссии» был зафиксирован круг задач, стоящих перед государственным археологическим органом. «Для изыскания древностей Комиссия раскапывает древние курганы и производит земляные раскопки...» (§ 5). «Комиссии предоставляется следить за всеми делающимися в государстве открытиями предметов древности...» (§ 6). «Комиссия, в мере средств своих, заботится, чтобы в том случае, когда настоит надобность уничтожить какой-либо остаток древности, как-то: памятник зодчества, курган, и проч., или произвести большие земляные работы на месте древнего города или замечательного урочища, которые находятся на землях казенных или общественных, приняты были, по возможности, нужные археологические меры и если при работах этих ожидаются важные археологические открытия, то чтобы к ним мог быть допущен ее чиновник» (§ 7). «Комиссия следит за земляными работами, предпринимаемыми в больших размерах, как, например: при проведении линий железных дорог, шоссе и проч., дабы, насколько окажется возможным, воспользоваться этими случаями для археологических открытий» (§ 8).

Согласно Положению, уникальные находки должны были представляться комиссией на рассмотрение императора для их последующей передачи в Эрмитаж или «в другие высочайше назначенные места». Штат комиссии утверждался в количестве восьми человек (председатель, один старший и два младших члена, производитель дел, журналист, канцелярский чиновник и художник); кроме того, две еди-

---

[1] Римская археологическая комиссия была учреждена в 1850 г. для «приискания произведений древнего ваяния» в Италии и находилась в подчинении министерств императорского двора и иностранных дел. В 1853 г. на нее было возложено попечительство над находившимися в Италии русскими художниками — пенсионерами Академии художеств и тогда же она перешла в подчинение министерства уделов Л. А. Перовского. В 1859 г. Римская комиссия была включена в состав Археологической комиссии, но через пять лет, после назначения ее последнего заведующего С. С. Гедеонова на пост директора Эрмитажа, этот орган прекратил свое существование [6, л. 61—61 об.].

ницы (директор и его помощник) предназначались для Керченского музея. На содержание штата комиссии и проведение археологических розысканий отпускались правительственные суммы в размере 17 764 рублей [8, с. 67].

При сопоставлении проекта Положения и его окончательной редакции становится очевидной неопределенность и расплывчатость формулировок утвержденного постановления. Так, § 6 проекта четко регламентировал особые полномочия правительственного археологического органа: «Как розыскания древностей предоставляются Комиссии, поэтому никакие земляные работы, предпринимаемые с этой целью, не могут быть допущены на землях казенных и общественных без предварительного сношения с ее председателем, который для всех подобных работ выдает пояснительные инструкции, как для более успешного производства их, так и для того, чтоб они не лишались того значения, которые они имеют для науки». В § 13 С. Г. Строгановым было выдвинуто важное положение о создании архива комиссии: «Археологическая комиссия хранит у себя все дела об археологических разысканиях и открытиях, равно как и принадлежащие к ним рисунки, планы и модели. Не прибегая к усиленным мерам, она должна с течением времени собрать и все прежде производимые по этому дела, дабы в ней сосредоточены были все сведения о древних достопамятностях государства». Эти пункты не нашли отражения в документе, неясность же официального статуса комиссии обусловила в последующем сложность ее взаимоотношений с общественными археологическими организациями.

В Положении 1859 г. не нашла удовлетворительного решения важная задача охраны памятников археологии и архитектуры. Эта функция оставалась в ведении Министерства внутренних дел, не имевшего объединяющего органа по охране историко-культурных объектов; к тому же, существующее законодательство не препятствовало уничтожению памятников, располагавшихся на частных землях. Определенный Положением крайне незначительный штат сотрудников комиссии сужал ее возможности и по реализации широкой научно-исследовательской программы. Все это затрудняло превращение правительственного археологического учреждения в действительно координирующий центр отечественной науки [9, с. 2, 3].

Тем не менее уже первый этап существования комиссии был ознаменован активной и разносторонней деятельностью ее небольшого коллектива. С 1859 по 1882 г. комиссию возглавлял С. Г. Строганов, его ближайшим сотрудником, а позднее помощником председателя был В. Г. Тизенгаузен [10, л. 8]. Большой вклад в организацию археологической службы этого учреждения внес И. Е. Забелин, в 1859—1876 гг. состоявший старшим членом комиссии, впоследствии же избранный ее почетным членом [11, л. 4; 12, с. 615].

В первые годы существования Археологической комиссии основные полевые работы по-прежнему проводились в южных районах России. Продолжались раскопки древней Керчи, активизировалось изучение курганов на Таманском полуострове и в бассейне Кубани. Однако уже на следующий год после создания комиссии она предпринимает шаги по расширению географических рамок своих исследований. В 1860 г. ее сотрудниками были осуществлены археологические изыскания в окрестностях Белого озера, тогда же она организует экспедицию «для обозрения старинных церквей во Владимире-на-Клязьме [13, л. 1—13]. Создание последней было обусловлено увеличением задач правительственного археологического органа, включением в сферу его практических действий историко-культурной задачи — «отыскивания древней стенной живописи в старинных православных церквах»; с этой целью к комиссии были прикомандированы в 1859 г. академики Ф. Г. Солнцев и Н. П. Вольский [14, л. 1—13].

Особое внимание Археологическая комиссия уделяла проблеме выявления и охраны археологических объектов, осуществлению действенного надзора в зонах разрушающихся памятников. Так, в 1866 г. по ее инициативе Министерство внутренних дел разослало во все губернии России циркуляр о запрещении кладоискательских раскопок [15, л. 19]. Этот же вопрос рассматривался и на состоявшейся в 1875 г. конференции Российской Академии наук, посвященной охране историко-культурных памятников [16, л. 3, 4].

В 1862 г. Археологическая комиссия обратилась в Центральный статистический комитет с просьбой о содействии в выявлении древностей, необходимых для составления археологической карты России [17, л. 1, 2]. Ее членами была составлена специальная программа археологических изысканий, базирующаяся на непосредственных контактах со статистическим управлением [17, л. 9—11, 54]. После получения положительного ответа комиссия завязывает оживленную переписку с губернскими статистическими комитетами и уже в 1862—1863 гг. получает первые ценные сведения об археологических и архитектурных объектах Вологодской, Воронежской, Вятской, Иркутской, Казанской, Калужской, Киевской, Ковенской, Костромской, Нижегородской и Тверской губерний [17, л. 55—89]. В 1864 г. соответствующая информация поступает из Архангельской, Бессарабской, Витебской, Владимирской, Курской, Пензенской, Смоленской губерний [18, л. 1—6, 12—16, 18—20].

Пристальное внимание Археологическая комиссия всегда уделяла и крупнейшим для того времени «новостроечным» работам — прокладке железнодорожных путей, приобретших широкий размах в пореформенной России. Еще С. Г. Строганов, составляя проект создания Археологической комиссии за несколько лет до отмены крепостного права и начала будущего бурного развития капитализма в Российской империи, прозорливо отмечал, что одной из важнейших функций будущего государственного археологического учреждения должен являться научный надзор над железнодорожным строительством. «Теперь уже начались,— писал он в доклад-

ной записке В. Ф. Адлербергу,— земляные работы в огромных размерах по случаю проведения железных дорог; всякие открытия при этих последних работах могут навсегда исчезать без следа, почему я и полагаю, что комиссия должна по мере средств своих обращать на них особенное внимание [5, л. 99].

И Археологическая комиссия с начала своего функционирования берет железнодорожное строительство под особый надзор и опеку. Она обращается в Главное управление путей сообщения, Министерство путей сообщения, к начальникам железнодорожных дистанций. Комиссия ставит в известность железнодорожников разного ранга о том, что ей необходимы предварительные сведения о направлениях прокладываемых железнодорожных путей, о возможных находках древностей в зонах строительства. Более того, она диктует, исходя из своего официального статуса необходимость проведения обязательного археологического инструктажа для непосредственных производителей работ — начальников дистанций [5. л. 20—22, 28]. В 1867—1868 гг. комиссия рассылает печатные рекомендации по археологическому надзору начальникам дистанций, а в 1869 г. по ее инициативе издается циркуляр о доставке в правительственный археологический орган работниками железнодорожного транспорта всех найденных при прокладке путей древностей [19, л. 1]. В архиве ЛОИА АН СССР сохранились интересные документы, фиксирующие контроль Археологической комиссии над строящимися магистралями Одесса — Парканы (1863 г.), Мереда — Херсон, Самарканд — Андижан, Пермь — Котлас, Юго-Западной, Джанкойско-Феодосийской, Сибирской, Астраханской, Северо-Кавказской [20, л. 6; 21, л. 102, 122, 134, 148, 156—167].

В 1880-х годах деятельность комиссии переживает период подъема. Значительно увеличиваются государственные ассигнования на полевые исследования, археологические работы, продолжая концентрироваться на юге России, охватывают почти всю европейскую часть империи, выходят и в Азиатскую Россию. Деятельность комиссии с февраля 1886 г.[2] и фактически до конца существования этого учреждения связана с ее председателем А. А. Бобринским. В конце XIX в. в состав Археологической комиссии входили ее члены И. Е. Забелин, Н. И. Веселовский, А. А. Спицын, Ф. А. Браун, К. Е. Думберг, сверхштатные члены комиссии Д. Я. Самоквасов и В. Б. Антонович, члены-корреспонденты Ю. Б. Иверсен, В. В. Радлов, В. В. Стасов, В. В. Латышев, А. Л. Бертье-Делагард, В. К. Мальмберг, К. К. Косцюшко-Валюжинич и др. [22]

Прерогативы комиссии были заметно расширены указом от 11 марта 1889 г., согласно которому ей предоставлялось исключительное право выдавать разрешение на ведение археологических раскопок на государственных и общественных землях [8, с. 133, 134]. Согласно этому постановлению, «все учреждения и лица, предполагающие произвести подобные раскопки... обязаны входить в сношения с Археологической комиссией». Отмечалось также, что реставрация монументальных памятников древности может производиться только по предварительному согласованию с Археологической комиссией и по сношению последней с Академией художеств.

Указу 1889 г. предшествовала длительная борьба за признание правомочности комиссии как центрального археологического органа России. В 1876 г. по ходатайству председателя Московского археологического общества А. С. Уварова при Министерстве внутренних дел была образована особая комиссия, выработавшая в следующем году «Проект правил о сохранении исторических памятников» [23, л. 603—630; 8, с. 101—109]. Согласно этому проекту для исследования и охраны историко-культурных объектов предполагалось создание Комиссии о сохранении исторических памятников — специального учреждения, подведомственного Министерству народного просвещения. В нее должны были входить около 20 отделов, каждый из которых курировал свой археологический округ. Эта идея не была реализована преимущественно по финансовым соображениям, и Министерством народного просвещения был представлен новый проект, по которому функция такого учреждения возлагалась на Московский исторический музей. При обсуждении последнего предложения Государственный совет указал, что в России уже имеется орган, специально утвержденный для принятия мер к разысканию древних памятников, их охране и наблюдению над раскопками. Таким органом является Археологическая комиссия, которой и предоставлены в этом отношении соответствующие права [24, л. 1 об.].

Исходя из правительственного решения, Археологическая комиссия приступила к созданию нового проекта своей деятельности и урегулированию правовых отношений с общественными археологическими учреждениями. В 1887 г. она обратилась к министру народного просвещения с просьбой подтвердить подведомственным министерству правительственным организациям и ученым обществам необходимость строгого соблюдения узаконений как относительно случайных археологических находок, так и относительно производства раскопок на казенных, общественных и церковных землях [24, л. 6 об.— 7 об.]. Этот запрос был передан на обсуждение общественных археологических учреждений, от трех из которых — Московского и Русского археологических обществ и Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете были получены соответствующие отношения [24, л. 8—15]. Московское и Казанское общества заняли резко отрицательную позицию в вопросе о расширении правомочий комиссии. Председатель Московского археоло-

[2] В 1882—1886 гг. комиссию возглавлял А. А. Васильчиков, являвшийся одновременно и директором Эрмитажа [10, л. 8, 49].

гического общества П. С. Уварова писала, в частности, что «ныне Археологическая комиссия, не ограничиваясь предоставленным ей кругом древностей, стремится не только монополизировать все археологические раскопки в России, но и подчинить своему контролю деятельность всех ученых учреждений и обществ, занимающихся научной обработкой отечественных древностей». Однако ни Положение 1859 г. об учреждении комиссии, ни предшествующий характер отношений последней с учеными обществами не дают оснований для такого рода категорических утверждений.

Более доброжелательную позицию по отношению к правительственному археологическому органу заняло Русское (Петербургское) общество, согласившееся с предложением комиссии об установлении единения и порядка в деятельности ученых археологических обществ и учреждений и изъявившее готовность признать в комиссии тот государственный центр, который может установить связь для успешного ведения общего дела. Но и в этом обществе часть членов заняла особую позицию, в целом солидаризирующуюся с мнением московского и казанского учреждений.

Тем не менее после выхода указа от 11 марта 1889 г. наметились реальные предпосылки для установления приемлемых соглашений Археологической комиссии с другими общественными организациями. Этой задаче были посвящены совместные заседания комиссии и Академии художеств с представителями ученых обществ, состоявшиеся в апреле 1889 г. На них присутствовали делегаты от Археологического института, Ученого Эстонского общества, Рижского исторического общества, Общества любителей древней письменности, Русского археологического общества, Московского археологического общества, Общества истории и древностей российских при Московском университете [25].

Положительным моментом этого совещания было утверждение унифицированной формы открытых листов, выдача которых возлагалась на Археологическую комиссию. Лист на право производства археологических раскопок «на землях казенных, общественных и принадлежащих разным установлениям» выдавался на один год «с обязательством доставить в Комиссию отчет или дневник по произведенным раскопкам, а также при особой описи всех находок наиболее ценные и интересные из найденных предметов, для предоставления их на высочайшее ...воззрение» [25, с. 13]. Было единогласно постановлено, что общества обязаны предоставлять в архив комиссии краткий отчет и опись найденных вещей. При этом, правда, оговаривалось, что «всякие более подробные сведения, конечно, весьма желательны, но не обязательны».

Археологическая комиссия предложила далее, чтобы ученые общества перешли в основном к региональной изыскательской деятельности, к сосредоточению своих работ в рамках одного из выбранных ими районов [25, с. 8—10]. Это определялось, в частности, «желанием привлечь прежде всего общества к участию в преследовании общегосударственных задач по охране памятников древностей и наблюдению за предметами древности, вновь открываемыми»; большую активность в этом отношении должны были проявлять и местные архивные комиссии. Данный пункт соглашения не получил одобрения в той его части, где ставился вопрос о региональной дифференциации полевой работы обществ, однако представители последних согласились на «подразделение деятельности обществ по районам по вопросу об охране местных памятников древности, как монументальных от разрушения и искажения неумелыми реставрациями, так, по мере возможности, и курганов от разграбления кладоискателями».

По вопросу о реставрации монументальных памятников было принято решение возложить эту задачу на Археологическую комиссию и Академию художеств; частные реставрационные работы могут входить и в компетенцию обществ [25, с. 19]. Более широкой автономии в результате оживленной дискуссии общественные организации добились в праве получения и последующего распределения открытых листов; последние должны были по запросам руководителей обществ и под их ответственность передаваться в требуемом количестве и незаполненном виде, а затем уже распространяться внутри этих учреждений.

Таковы были первые шаги по превращению Археологической комиссии — органа с неопределенным статусом и нечетко регламентированными в государственном масштабе задачами — в действительно головной и координирующий центр отечественной археологии. Даже из краткого обзора деятельности комиссии в первые три десятилетия ее существования со всей очевидностью вырисовывается сложность и трудоемкость проблем, которые приходилось решать небольшому коллективу этого учреждения,— от признания полномочий комиссии археологическими кругами России до осуществления мероприятий по охране памятников и обеспечения строго научных изысканий в стране.

В последних десятилетиях XIX — начале XX в. Археологическая комиссия продолжала интенсивные полевые исследования в самых различных областях государства. Велись традиционные раскопки памятников на юге России, изучались античные поселения (Пантикапей, Херсонес, Ольвия, на о. Березань), в массовом количестве вскрывались курганы Северного Причерноморья, Приднепровья и Прикубанья. В этот период большое внимание уделялось изучению славяно-русских древностей, исследования захватили и памятники Сибири, Акмолинской и Семипалатинской областей, Туркестана. Усиленное стремление комиссии к производству одновременных крупных раскопок во многих местностях далеко не всегда отвечало ее материальным возможностям. Хотя суммы, отпускаемые Археологической комиссии, постепенно возросли с 18 000 рублей, (по Положению 1859 г.) до 100 000 рублей, их явно не хватало для тех интенсивных полевых работ, которые

развернул этот центральный орган на последнем этапе своей деятельности. К тому же у комиссии не было строго выработанного плана в производстве археологических изысканий, и лишь на юге России осуществлялись систематические и регулярные работы. Но все же, как отмечал С. А. Жебелев, «в заслугу комиссии нужно поставить, во всяком случае, то, что она стремилась связать расследование северного Причерноморья с изучением Кавказа, Закавказья и Туркестана, с одной стороны, первобытных древностей средней России, Приволжья, Прикамья и Приуралья — с другой; что комиссия постоянно шла навстречу всякого рода ученым начинаниям, предприятиям и предложениям, хотя бы они возникали и вне ее среды» [2, с. 111]. С этим заключением, фиксирующим особую роль государственного археологического органа в координации исследований в масштабах всей страны, разумеется, нельзя не согласиться.

Комиссия не оставалась в стороне и от последующих мероприятий, направленных на сохранение историко-культурных памятников. Так, в 1890 г. министром двора были утверждены «Правила о порядке рассмотрения Археологической комиссией и Академией художеств ходатайств о восстановлении древних монументальных памятников» [8, с. 137, 138]. Согласно этим правилам, любое предложение о восстановлении или капитальном ремонте архитектурно-археологического объекта, переданное в комиссию и рассматриваемое совместно с представителями Академии художеств, должно было в обязательном порядке сопровождаться представлением «тщательно выработанного проекта реставрации и капитального ремонта, с необходимыми при этом рисунками и изображениями». Лишь после утверждения проекта его реализация приобретала практическую силу, контроль за правильностью выполненных работ возлагался на специально откомандированных лиц со стороны Археологической комиссии и Академии художеств; все чертежи и рисунки по произведенной реставрации должны были сдаваться в архив комиссии.

В 1898 г. комиссия обратилась в Министерство внутренних дел с предложением о создании при этом министерстве комиссии для выработки положения об охране памятников старины, составленной из представителей всех заинтересованных ведомств и археологических обществ. Тогда же она выступила с инициативой образования при губернских статистических комитетах отделений по составлению свода памятников старины и их охране [8, с. 143—150]. Хотя в царской России проект государственного закона об охране памятников так и не был реализован, во всей деятельности Археологической комиссии по этому вопросу проступает постоянная и глубокая заинтересованность в благородном и неотложном деле спасения и охраны памятников отечественной истории и культуры. По мере возможностей она стремилась и практически противодействовать разрушению архитектурно-археологических объектов. Так, например, когда в конце XIX в. Псковская городская дума решила снести часть крепостных укреплений города, с решительным протестом и категорическим отказом дать разрешение на этот варварский шаг выступила в 1898 г. Археологическая комиссия [8, с. 150].

Оценивая деятельность комиссии как органа, курирующего охрану историко-культурных памятников, следует все же отметить, что и это направление ее работы было резко сужено полномочиями и материальными возможностями государственного учреждения. Указ 1889 г., формально возложивший на Археологическую комиссию заботу об охране памятников старины, не был подкреплен практическими решениями о расширении ее прерогатив. Б. В. Фармаковский так оценивал эту сторону деятельности комиссии после 1889 г.: «Надзор за сохранением памятников древности оставался в ведении Министерства внутренних дел, где царила прежняя неорганизованность. Археологическая комиссия фактически власти не имела и на своих постановлениях часто настоять не могла, ни в отношении прекращения хищнических раскопок, ни в отношении соблюдения правил ремонтов и реставрации монументальных памятников» [9, с. 4]. При изучении обширной переписки комиссии, сохранившейся в архиве ЛОИА АН СССР, отмеченный разрыв между постоянным стремлением комиссии сделать что-то действительно важное в деле охраны памятников и ее реальными возможностями проступает наиболее зримо и выпукло.

В конце XIX — начале XX в. широкий размах приобрели полевые исследования археологических памятников, в первую очередь курганных могильников, осуществляемые краеведами-любителями, членами губернских ученых комиссий и отдельными лицами, не имевшими специальной археологической подготовки. Уровень таких работ и характер отчетной документации в большинстве случаев не отвечал методическим установкам того времени. В заслугу Археологической комиссии следует поставить ее энергичную деятельность по повышению требований к методике раскопок на местах. К этому комиссию обязывал и ее статус «комитета полевых исследований», ведавшего выдачей открытых листов на производство археологических работ. В 1892 г. появляются первые отпечатанные типографским способом «Дневники курганных раскопок», а с 1895 г. унифицированные и несколько видоизмененные «Дневники раскопок» высылаются Археологической комиссией в качестве обязательного приложения ко всем выданным открытым листам. В них содержалась инструкция по основам ведения раскопок памятников и их фиксации, а постраничный вопросник, связанный с вскрытием курганов, определял тот информативный минимум, который в обязательном порядке должен был быть отражен в полевой документации. Введение таких дневников в широкий оборот способствовало заметному повышению качества курганных раскопок в России.

Размах полевых работ при малочисленности квалифицированных археологических кадров определял острую необходимость в подготовке соответствующих мето-

дических пособий. Эту задачу взял на себя член Археологической комиссии А. А. Спицын. В 1895 и 1910 гг. он публикует руководства, посвященные методике раскопок памятников [26; 27], в 1908 г.— их разведочному обследованию [28]. В 1898 г. А. А. Спицын выпускает в свет и методическое указание по разбору, обработке и изданию археологического материала [29].

В многогранной деятельности комиссии большое место занимала ее издательская работа. Ежегодно, начиная с 1859 г., она издавала «Отчеты Археологической комиссии», содержащие краткие сведения о производимых ею полевых изысканиях и находимых древностях. За период с 1859 по 1881 г. комиссия издала 21 том текста отчетов, сопровождавшихся атласами и печатавшихся параллельно на русском и французском языках; еще один такой двуязычный отчет был сводным и содержал материалы за 1882—1888 гг. Впоследствии комиссия издавала отчеты только на русском языке, последний из которых вышел в свет в 1916 г.

В 1866 г. Археологическая комиссия приступила к публикации работ в серии «Материалы по археологии России». До 1918 г. вышло в свет 37 выпусков этого издания, отличающегося подробным характером изложения археологического материала и обилием прекрасно выполненных иллюстраций. Вплоть до настоящего времени «Материалы по археологии России» служат одним из основных источников при изучении древностей, исследованных в дореволюционный период. В них содержится как монографическое описание важнейших археологических памятников, так и обширные отчеты об отдельных раскопках и исследованиях.

В 1901—1918 гг. комиссия издала 66 выпусков «Известий Археологической комиссии». В «Известиях» публиковались отчеты о полевых изысканиях, проводившихся на средства и по поручению комиссии, содержались обзоры и историко-культурная интерпретация отдельных групп памятников и культур, описание древностей, поступавших в ведение комиссии. Большое внимание в этом издании уделялось памятникам зодчества и задачам их реставрации, охране архитектурно-исторических объектов. Достаточно сказать, что в 1908—1918 гг. было опубликовано 19 выпусков «Известий», целиком посвященных вопросам реставрации.

Разумеется, такими важными серийными изданиями не исчерпывалась публикационная научная деятельность комиссии. Ее сотрудники активно участвовали и в других русских археологических органах, выпустили в свет немало отдельных монографий и сборников. Один только перечень трудов, выходивший непосредственно под эгидой Археологической комиссии, красноречиво свидетельствует о широком размахе ее «теоретической», издательской работы. Особо следует подчеркнуть такое важное направление в научной практике комиссии, как обработка и издание материалов массовых раскопок, не связанных с деятельностью комиссии, и лишь благодаря усилиям ее сотрудников введенных в широкий оборот; особая заслуга в этом отношении принадлежит многолетнему члену Археологической комиссии, ее самоотверженному труженику А. А. Спицыну.

С деятельностью комиссии связано и создание крупнейшего в нашей стране специализированного архива. Начало ему было положено документами, «относящимися до археологической части», переданными комиссии после ее образования в 1859 г. из других учреждений: третьего стола первого отделения департамента общих дел Министерства внутренних дел (1820—1852 гг.), третьего отделения Министерства императорского двора (1728, 1822—1855 гг.), канцелярии Министерства уделов (1851—1856 гг.) и комиссии по заведыванию археологическими разысканиями («Строгановской») — всего 298 дел. За 60 лет деятельности комиссии в ее архиве отложился фонд, насчитывающий свыше 9000 текстологической документации за период 1810—1919 гг. и около 9000 единиц хранения изобразительно-графических материалов. Кроме того, в конце 1880-х гг. в центральный археологический орган поступило более 7000 дел из Академии художеств (паспорта старинных церквей и сведения о памятниках искусства, собранные Академией путем анкетирования всех губерний Российской империи). Документы этого периода содержат богатейшую информацию об археологических раскопках и открытии древностей, о разнообразных историко-культурных памятниках, о состоянии и реставрации архитектурно-художественных объектов, фиксируют процесс возникновения и становления археологической службы в России [30, с. 87—91] [3].

К периоду деятельности Археологической комиссии относится и создание основы фотоархива Института археологии АН СССР (в настоящее время эти фотоматериалы хранятся в ЛОИА АН СССР) [31, с. 290—336; 32, с. 274—280; 33, с. 93—96]. В это же время закладывается база самой крупной, по существу единственной специализированной археологической библиотеки СССР — книжного собрания ЛОИА [34, с. 80—84]. Таким образом, именно материалы Археологической комиссии легли в основу всех ныне существующих фондовых подразделений государственного археологического учреждения.

Подводя итоги краткого обзора шестидесятилетней деятельности первого правительственного органа России, хотелось бы привести верное высказывание о нем, принадлежащее С. А. Жебелеву: «Справедливый долг заставляет всех и каждого признать, что для археологического знания комиссией сделано чрезвычайно много.

[3] Основная масса таких материалов входит в состав фондов рукописного архива ЛОИА АН СССР. Кроме того, интересная переписка Археологической комиссии с другими организациями и учреждениями России и зарубежными археологическими органами хранится в Отделе письменных источников Государственного Исторического музея (фонд И. А. Суслова — бывшего делопроизводителя комиссии).

Как практическая сторона работы комиссии, поскольку она выражалась в производимых ею раскопках и разведках, в собрании памятников искусства и старины и в снабжении ими казенных и общественных хранилищ, так и издательская деятельность комиссии должны заставить забыть о тех или иных недочетах ее организации» [2, с. 114]. Археологическая комиссия, работавшая в условиях самодержавного строя России, постоянно сталкивалась с большими, зачастую непреодолимыми трудностями. Нередко ее деятельность оказывалась в прямой зависимости от личного отношения к этому органу царского окружения и правительственных учреждений. Тем не менее именно в недрах Археологической комиссии постепенно складывались те принципы и направления государственного центра отечественной науки, которые получили дальнейшее развитие в советское время.

Февральская революция 1917 г. не внесла существенных корректив в изменение статуса комиссии, которая стала лишь называться с тех пор не Императорской, а Российской [35]. Только после победы Октябрьской революции были предприняты первые практические шаги к перестройке всей деятельности этого учреждения [1, с. 26—28]. 8 мая 1918 г. на общем собрании Археологической комиссии был рассмотрен вопрос о расширении ее функций, а в сентябре того же года Н. Я. Марру, П. П. Покрышкину и Б. В. Фармаковскому была поручена выработка проекта устава Российской государственной археологической комиссии. 17 октября 1918 г. нарком просвещения А. В. Луначарский утвердил устав преобразованной комиссии. Ее создание являлось, однако, только промежуточным звеном на пути формирования центрального советского археологического учреждения.

Уже в феврале 1919 г. комиссия приступила к выработке проекта организации Российской академии истории материальной культуры, утвержденного декретом Совнаркома от 18 апреля 1919 г. Так было положено начало центральному археологическому учреждению, преемственно связанному с предшествующей комиссией, но призванному работать в качественно новых условиях и выполнять широкий круг задач, стоящих перед молодой советской археологической наукой.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Пескарева К. М.* К истории создания Российской академии истории материальной культуры.— КСИА. 1980, вып. 163.
2. *Жебелев С. А.* Введение в археологию. Ч. I: История археологического знания. Пг., 1923.
3. *Монгайт А. Л.* Археология в СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1955.
4. *Амальрик А. С., Монгайт А. Л.* В поисках исчезнувших цивилизаций. М.: Наука, 1966.
5. О назначении генерал-лейтенанта графа С. Г. Строганова заведывающим археологическими розысканиями в России.— Архив ЛОИА АН СССР, ф. 14, д. 1.
6. О сведениях, относящихся к Римской комиссии археологических розысканий.— Архив ЛОИА АН СССР, ф. 14, д. 7.
7. Полное собрание законов Российской империи (второе собрание), т. 34, отд. 1. СПб., 1861.
8. Охрана памятников истории и культуры в России. XVIII — начало XX в. Сборник документов. М.: Наука, 1978.
9. *Фармаковский Б. В.* К истории учреждения Российской академии истории материальной культуры. Пг., 1921.
10. Об увольнении графа С. Г. Строганова от должности председателя Археологической комиссии и о назначении вместо его действительного статского советника А. А. Васильчикова.— Архив ЛОИА АН СССР, ф. 1, 1882, д. 13.
11. О личном составе Археологической комиссии в 1859—1910 гг.— Архив ЛОИА АН СССР, ф. 1, 1860, д. 7.
12. *Арциховский А. В.* Археология.— В кн.: Очерки истории исторической науки в СССР. Т. II. М.: Изд-во АН СССР, 1960.
13. О предоставлении отчета о действиях Комиссии за 1960 г.— Архив ЛОИА АН СССР, ф. 1, 1861, д. 20.
14. Об отнесении к обязанностям Археологической комиссии отыскивания и возобновления древней стенной живописи в старинных православных церквах.— Архив ЛОИА АН СССР, ф. 1, 1859, д. 29.
15. Об учреждении Императорской Археологической комиссии.— Архив ЛОИА АН СССР, ф. 1, 1959, д. 1.
16. Переписка Археологической комиссии с Академией наук об охране древних памятников в России.— Архив ЛОИА АН СССР, ф. 1, 1874, д. 21-б.
17. О приглашении статистических комитетов к участию в исследовании и сохранении отечественных древностей.— Архив ЛОИА АН СССР, ф. 1, 1862, д. 27.
18. О сношениях Археологической комиссии с губернскими статистическими комитетами.— Архив ЛОИА АН СССР, ф. 1, 1864, д. 8.
19. О распространении циркуляра между работающими при проведении Курско-Харьковской железной дороги.— Архив ЛОИА АН СССР, ф. 1, 1869, д. 36-а.
20. О представлении отчета по действиям Комиссии за 1861 г.— Архив ЛОИА АН СССР, ф. 1, 1862, д. 12.
21. О приглашении Инженерного ведомства и Управления путей сообщения к содействию Археологической комиссии в сохранении древностей при уничтожении

древних памятников зодчества, проведении дорог и т. д.— Архив ЛОИА АН СССР, ф. 1, 1862, д. 26.
22. Личный состав Императорской Археологической комиссии. СПб., 1898.
23. Об установлении порядка в деле собирания и охранения курганных древностей.— Архив ЛОИА АН СССР, ф. 1, 1887, д. 69.
24. О представлении в канцелярию Министерства императорского двора «Очерка деятельности Комиссии за время царствования императора Александра II».— Архив ЛОИА АН СССР, ф. 1, 1900, д. 174.
25. Протоколы соглашения Археологической комиссии с учеными обществами по вопросам об открытии и сохранении памятников древности, на основании высочайшего повеления, объявленного министром императорского двора в предложении от 11 марта 1889 г. СПб., 1889.
26. *Спицын А. А.* Производство археологических раскопок. Спб., 1895.
27. *Спицын А. А.* Археологические раскопки. СПб., 1910.
28. *Спицын А. А.* Археологические разведки. СПб., 1908.
29. *Спицын А. А.* Разбор, обработка и издание археологического материала.— ЗОРСА, 1898, т. X.
30. *Пескарева К. М., Владимирова Т. Т.* Рукописные архивы Института археологии АН СССР.— КСИА, 1980, вып. 163.
31. *Девель Т. М.* Обозрение коллекции собрания фотоархива Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра АН СССР.— СА, 1950, т. XII.
32. *Томес Т. Б.* Фотоархив научного учреждения.— В кн.: Академические архивы СССР за 50 лет Советской власти. М.: Наука, 1968.
33. *Доманская Э. С., Анищенко Ж. Г.* Архивы фотодокументов Института археологии.— КСИА, 1980, вып. 163.
34. *Левина Р. Ш.* Из истории библиотеки ЛОИА.— КСИА, 1980, вып. 163.
35. Положение о Российской Археологической комиссии с изменениями и дополнительными распоряжениями по 1917 г.— Архив ЛОИА АН СССР, ф. 1, 1917, д. 71.

СОВЕТСКО-ФРАНЦУЗСКИЙ СИМПОЗИУМ «АРХЕОЛОГИЯ ДРЕВНЕЙШЕЙ БАКТРИИ»

28 октября — 2 ноября 1982 г. в г. Душанбе состоялся первый советско-французский симпозиум по вопросам археологии древнейшей Бактрии, организованный Институтом археологии АН СССР, Национальным центром научных исследований Франции и Институтом истории им. А. Дониша АН ТаджССР в рамках советско-французской научной программы «Древняя Бактрия»[1]. С приветствием к участникам симпозиума выступил президент АН ТаджССР М. С. Асимов. В своем вступительном слове он отметил важность археологических исследований советских, французских и афганских ученых для изучения истории и культуры древнейшей и древней Бактрии, подтвердивших сведения письменных источников о высоком уровне развития цивилизации на этой территории. М. С. Асимов осветил общее состояние вопроса, охарактеризовал крупнейшие археологические открытия в Бактрии и сформулировал ряд задач, касающихся дальнейшего изучения ее древнейшей истории. С приветствием в адрес симпозиума выступили также руководитель научной делегации АН СССР, заместитель директора Института археологии АН СССР проф. Р. М. Мунчаев; руководитель научной делегации Франции проф. Ж. К. Гарден, возглавляющий программу исследований древнейшей Бактрии Национального центра научных исследований Франции; член-кор. АН СССР Г. М. Бонгард-Левин. Во всех выступлениях была отмечена важность укрепления традиционных контактов и связей между советскими и французскими учеными, обмена научными достижениями и новейшей информацией об археологических открытиях.

В работе симпозиума участвовали 80 человек из восьми городов СССР и четырех городов Франции, представлявшие 18 научных учреждений обеих стран. На восьми тематических заседаниях было заслушано 30 докладов.

Первое заседание. Общие проблемы. Одной из важнейших проблем, представленных на рассмотрение симпозиума, стала проблема культурогенеза на территории древнейшей Бактрии и диалектического взаимодействия традиций и инноваций в этом процессе. Основополагающий доклад по этим вопросам прочитал В. М. Массон. Докладчик отметил принципиальное значение количественного и качественного соотношения нового и традиционного как для характеристики археологического материала, так и для выделения археологических культур или отдельных этапов их развития. Теоретические положения доклада были рассмотрены на примере культур древнейшей Бактрии.

Методологическим вопросам, связанным с изучением археологической географии Центральной Азии, был посвящен доклад Ж. К. Гардена. Неравномерность исследования различных районов региона создает искаженное представление о расселении здесь племен и народов в течение веков и тысячелетий. Рациональное

[1] Тезисы докладов советских и французских ученых были опубликованы в сборнике «Древнейшие культуры Бактрии. Среда, развитие, связи». (Душанбе, 1982).

изучение поверхностных остатков (например, древних каналов) может дать ценные сведения об эволюции заселения территории. Такие работы проведены экспедицией Национального центра научных исследований Франции в юго-восточной Бактрии. Назрела необходимость создания археологического атласа всего региона.

В докладе Б. А. Литвинского «Проблемы истории и истории культуры Бактрии в свете работ в Южном Таджикистане» были изложены основные результаты исследования археологических памятников и культур на этой территории, география их распространения, историческая и этногенетическая характеристики. Была высказана гипотеза, что этнос культур Бактрии в эпоху бронзы был преимущественно протоиранским. Отмечена особая роль обширных и разнообразных экономических и культурных связей и контактов, в результате которых состоялся творческий синтез цивилизаций, давший мощные импульсы развитию культуры. Одно из направлений этого развития — бактрийско-эллинское (Тахти Сангин).

Второе заседание. Каменный век. Были рассмотрены культуры верхнего палеолита, мезолита и неолита на территории Бактрии, основные черты характерной для них индустрии, а также вопросы генезиса и взаимосвязей. Общим вопросам традиций и инноваций в культурах мезолита и неолита Бактрии был посвящен доклад Г. Ф. Коробковой. Для этих культур, подчеркнула докладчица, характерна тенденция к постоянному обновлению (модификация ряда традиционных элементов, закрепление новых моделей через стереотипизацию и трансформация их в новые культурные традиции). Появление новой технологии и новых типов орудий в типологически однообразных индустриях порою можно фиксировать только с помощью трассологического метода. Для эпохи мезолита докладчицей выделены четыре группы памятников, различающихся техническими традициями в изготовлении орудий труда. Для неолитических комплексов Бактрии характерно сохранение этих традиций и появление модифицированных элементов в технологии и наборе инвентаря. В докладе А. В. Виноградова и В. А. Ранова охарактеризована общая картина развития культур каменного века на территории Афгано-Таджикской депрессии, начиная с эпохи верхнего палеолита. Исследователи считают, что, за редкими исключениями, периоды перехода от этапа к этапу археологической периодизации очень расплывчаты, а смена культур происходит не как последовательная эволюция, а в виде внезапного скачка, при этом старые традиции практически полностью поглощаются инновациями. Авторы поддерживают миграционную или диффузионную теорию происхождения мезолитических комплексов, а гиссарская неолитическая культура, возможно, вырастает из предшествовавшего ей мезолита. У. И. Исламов, охарактеризовавший мезолитические и неолитические памятники на территории Узбекистана, предполагает их генезис из местного верхнего палеолита. А. Х. Юсупов и Т. Г. Филимонова поддержали точку зрения В. А. Ранова относительно происхождения гиссарской культуры. В их докладе были освещены хронологические этапы и локальные варианты этой культуры. М. Лешевалье, посвятившая свой доклад неолиту Белуджистана, отметила для него параллели с Юго-Западной и Средней Азией. Возможно, торговые и культурные контакты между Белуджистаном и Средней Азией существовали уже с эпохи неолита.

Третье заседание. Эпоха бронзы. Большая часть докладов была объединена единой тематической задачей определения значимости взаимосвязи традиций и инноваций в культурно-историческом процессе эпохи бронзы. А. П. Франкфор показал изменение культурной морфологии хараппской фактории Шортугай в Северо-Восточном Афганистане под влиянием бактрийской инновации. Основой исследования послужила технико-экономическая сфера (производство продуктов питания и техническое производство). Господство бактрийской доминанты в верхних слоях Шортугая обусловило локальный переход от городской экономики (хараппская фаза) к экономике сельского типа (бактрийская фаза). Исследование традиций и инноваций в культуре бронзового века юга Узбекистана позволило А. А. Аскарову сделать заключение о том, что первые два этапа этой культуры (сапалинский и джаркутанский) иллюстрируют стадию формирующейся цивилизации, а последующие этапы (кузалинский и молалинский) — расцвет культуры и начало процесса сложения раннеклассовых общественных отношений. Генезис оседлоземледельческой культуры древневосточного типа на территории Бактрии А. А. Аскаров связывает с переселением сюда из Мургабской долины носителей культуры позднего Намазга V и раннего Намазга VI. В. И. Сарианиди считает, что южнотуркменские традиции, прослеживаемые в культуре бронзового века Бактрии, ограничены, а основополагающее значение для понимания процесса культурогенеза здесь имеют новации, имеющие западные, преимущественно древнеиранские параллели. В докладе Л. Т. Пьянковой говорилось о сложности этнокультурных процессов в эпоху бронзы на территории Южного Таджикистана, где обнаружены разнокультурные археологические комплексы. Особенностью процесса развития этой части Бактрии являлся синтез разнокультурных элементов и их взаимопроникновение, а экологическая и историческая ситуация способствовала преимущественному развитию скотоводческого уклада экономики. Доклад Э. В. Сайко был посвящен теоретическим вопросам становления цивилизации и разным уровням и формам общественной организации в Бактрии в эпоху бронзы, основанным на разных типах экономики. Специальные микроскопические и другие виды технических исследований керамики с памятников Бактрии этого времени свидетельствуют о значительно меньшей стандартизации керамического производства, чем в Южной Туркмении. По мнению докладчика, здесь отсутствовали внутренние возможности

для сохранения достижений цивилизации второго порядка в принципиально новых условиях жизнедеятельности. Ж. Ф. Жаррижа в своем докладе представил новые материалы из раскопок в районе Мергара (Белуджистан), определил их связи со Средней Азией и место в историко-культурной системе Древнего Востока второй половины III — начала II тыс. до н. э. Особо отмечено влияние месопотамского и эламского мира на Восточный Иран, Белуджистан, долину Инда, а также Маргиану и Бактрию. Т. П. Кияткина охарактеризовала палеоантропологические материалы Бактрии эпохи бронзы. Тип населения здесь южный, европеоидный, долихокранный, именуемый средиземноморской расой. В настоящее время имеются возможности для выявления ее локальных вариантов, которые соотносятся и с определенными археологическими материалами.

Четвертое заседание. Природная среда и культурные связи. Доклады П. Жантелля и О. Ж. Тришe были посвящены исследованию палеоэкологической ситуации в Юго-Восточной Бактрии и возможностям ведения земледельческого хозяйства в разных ландшафтных зонах. Наиболее древние ирригационные системы могли располагаться на пойменных уровнях долин, а устройство каналов на более высоких террасовых уровнях требовало сложной техники (П. Жантелль). Применение методов почвоведения и геохимии для исследования конкретного ландшафта — равнины Ай-Ханум — позволило заключить, что почвы равнины были более подходящими для культивации, чем почвы холмов (О. Ж. Тришe). Э. В. Ртвеладзе и А. С. Сагдуллаев в докладе об антропогенном освоении долины Сухандарьи обратили особое внимание на важную роль в этом процессе крупных социальных изменений — переходов от первобытно-общинного строя к раннеклассовому обществу. В эпоху бронзы и начального этапа раннего железа принцип расселения в одних и тех же территориально ограниченных оазисах оставался неизменным. Распад традиционной оазисной структуры здесь наблюдается только с ахеменидо-бактрийского периода, когда возникают новые места обживания с сохранением жизни в старых, что свидетельствует о значительном росте населения Сурхандарьи в этот период, а в обществе складываются новые социально-экономические отношения. История заселения другой северобактрийской долины — р. Сурхоб — была изложена в докладе Х. Ю. Мухитдинова. С. Клезиу на основе исследования стратиграфической колонки Тюренг-Тепе (Северо-Восточный Иран) пришел к выводу о непрерывной эволюции керамики здесь от железного века до парфянской эпохи. В своем докладе он выразил необходимость либо пересмотреть постулат, согласно которому керамика и этнические группы тесно связаны между собой, либо пересмотреть сами миграционные гипотезы.

Пятое заседание. Проблемы историко-культурного районирования и связей. В докладе Н. Н. Негматова дана характеристика трех крупных культурных регионов среднеазиатского междуречья I тысячелетия до н. э. (Бактрия, Согд и Сырдарьинский бассейн: Уструшана, Фергана, Илек, Чач). Докладчик обратил особое внимание на то, что истоки бактрийской и согдийской цивилизаций восходят к местным культурам эпохи бронзы (конец III—II тысячелетия до н. э.) В докладе подчеркнута мысль о неравномерности культурно-исторического развития отдельных регионов. Так, раннегородская культура Сырдарьинского бассейна сформировалась значительно позже, чем в Бактрии и Согде. Проблемам связей оседлоземледельческого населения южных районов Средней Азии с савромато-сарматскими племенами западного Казахстана посвящен доклад Т. Давид. В докладе показано, что Самаро-Уральский регион, населенный кочевыми племенами савромато-сарматов издавна служил транзитной зоной между Европой и Азией и имел смешанный состав населения. Устанавливаются связи кочевого населения западного Казахстана с Хорезмом и более южными областями Средней Азии и Ирана. В докладе И. С. Максимова представлены новые материалы, характеризующие культуры времени Намазга VI в Мургабском оазисе. В результате его исследований выявлены яркие связи культур эпохи бронзы Маргианы и Бактрии. Эти связи прослеживаются в архитектуре, гончарном производстве и глиптике. Они фиксируют, по мнению докладчика, сходные линии развития культур Маргианы и Бактрии в первой половине и середине II тысячелетия до н. э. Доклад А. И. Исакова содержал данные о раскопках нового центра оседлоземледельческой культуры эпохи бронзы — Саразма на территории будущего Согда. Материалы, найденные при раскопках Саразма, обнаруживают большую близость с памятниками геоксюрского типа на юге Туркмении, а также с некоторыми памятниками Белуджистана и Южного Афганистана.

Шестое заседание. Период Ахеменидов и эллинизма. Проблеме реконструкции социально-политической структуры Бактрии периода вхождения ее в державу Ахеменидов посвящен доклад П. Бриана. Докладчик справедливо указывает на значительные трудности, стоящие перед исследователями, занимающимися данной проблематикой: отсутствие ахеменидских письменных источников, отсутствие точных соответствий между данными письменных источников и археологическими материалами. По мнению докладчика, в ахеменидскую эпоху Бактрия поддерживала связи с Мидийским царством и кочевым (сакским) миром. Сохранение местных бактрийских традиций (фортификация, керамика и т. д.) не исключало возможности того, что ахеменидская власть могла играть организующую роль в планировании и постройке больших оросительных сооружений. В ахеменидский период в Бактрии, как считает докладчик, сосуществовали несколько секторов внутри единой социально-экономической структуры: царские земли, земли эпархов, земли городов, храмов, земли кочевого населения. Основная мысль доклада Т. А. Пуга-

ченковой заключалась в том, что даже в период эллинизма материальная культура Бактрии свидетельствует прежде всего о развитии древнебактрийских традиций, на которые наслаивался эллинистический элемент. Докладчица отрицала тезис о месопотамском воздействии на древнебактрийское зодчество. Доклад О. Гийома посвящен в основном древнебактрийскому ремеслу доэллинистической эпохи. Анализ, проведенный докладчиком, позволил выявить серии ремесленных изделий, связанных исключительно с местной древнебактрийской традицией (зеркала, фалары, колокольчики). Докладчик прослеживает истоки древнебактрийского ремесленного производства, которое восходит к культурам Средней Азии и Ирана эпохи бронзы.

Доклад Г. А. Кошеленко посвящен вопросам взаимодействия бактрийских и греческих культурных традиций. Автор показал, что в эллинистический период в Бактрии существовало два типа культуры (традиционная бактрийская и эллинистическая), взаимодействие между которыми было минимальным. Только после гибели эллинистической государственности начинается синтез греческой и бактрийской культур. По мнению докладчика, важнейшей предпосылкой этого синтеза явилось завоевание Греко-Бактрийского царства кочевниками. Проблемам денежного обращения в эллинистической Бактрии был посвящен доклад Е. В. Зеймаля. Монетное обращение, подчеркнул докладчик, было принесено в Бактрию греками в развитом виде и было рассчитано только на греков. В какой степени им были охвачены собственно бактрийцы остается неясным. Территории к северу от Амударьи не знали в это время развитого денежного обращения: здесь не найдено ни одной монеты Греко-Бактрийского царства, которая была бы обнаружена в синхронных ему слоях. В докладе И. Р. Пичикяна были продемонстрированы великолепные археологические материалы, найденные на территории Бактрии (храм Окса на Тахти Сангине). Найденные храмовые сокровища позволяют дать более глубокую, чем прежде, характеристику составных компонентов культуры Греко-Бактрийского царства.

В последний день работы симпозиума была проведена общая научная дискуссия по всем докладам. В выступлении А. М. Мандельштама было подчеркнуто, что хозяйство носителей вахшско-бишкентской археологической культуры эпохи поздней бронзы было скотоводческим. Нет никаких доказательств того, что это земледельцы, перешедшие к скотоводству, так как подобных примеров история не знает. Особенно важным представляется то обстоятельство, что бишкентские могильники обнаружены там, где есть могильники более поздних кочевников. Этот факт, видимо, свидетельствует о преемственности форм хозяйства в эпоху бронзы и железа на юге Таджикистана. В сообщении Е. Е. Кузьминой говорилось о путях и времени проникновения носителей андроновской и срубной культур в Среднюю Азию. Из Западного Казахстана андроновцы проникали в Приаралье и доходили до р. Мургаб на юге Туркмении. Это вторжение привело к гибели оседлоземледельческой культуры времени Намазга VI на юге Туркмении. На Тянь-Шань андроновцы проникли из Центрального Казахстана. Носители андроновской культуры пришли на территорию Ирана, Афганистана и в конечном счете в Индию. Кроме андроновского вторжения зафиксировано также проникновение носителей срубной культуры через Прикаспий в предгорную полосу Туркмении. В выступлении А. П. Хромова поставлена под сомнение возможность использования Авесты как исторического источника. В Авесте очень мало реалий, именно поэтому Авеста в большей части является источником по истории зороастризма. Для изучения топонимики древней Бактрии более надежны данные античных письменных источников. Но между топонимами Авесты и топонимами античной традиции тесной связи практически не прослеживается. Такая же слабая преемственность прослеживается в топонимике между античностью и средневековьем. Сообщение Ю. А. Заднепровского посвящено анализу памятников эпохи раннего железа на территории Бактрии и Ферганы в предахеменидский период. Установлено, что памятники кучукской (Бактрия) и чустской (Фергана) культур имеют большое сходство, что позволяет предположить наличие тесных культурных связей населения Бактрии и Ферганы в предахеменидское время. Вместе с тем нет оснований говорить о сложении кучукской культуры Бактрии в результате переселения чустских племен из Ферганы. Наоборот, бактрийский эталон росписной керамики определил своеобразие орнаментированной керамики Ферганы ахеменидского периода. В выступлении С. П. Полякова анализировались данные по погребальным обрядам юга Узбекистана и Таджикистана эпохи средневековья и нового времени. Эти данные сопоставлены с обрядом погребения более ранних эпох. Установлено, что бактрийская традиция очень сильна в средневековых погребениях юга Средней Азии (Узбекистан и Таджикистан). Сообщение Т. Х. Ходжайова посвящено выявлению антропологических типов населения Северной Бактрии в эпоху бронзы и античности. Установлено, что в эпоху бронзы и античности городское и сельское население Северной Бактрии относилось к средиземноморскому антропологическому типу, весьма схожему с типом населения эпохи энеолита и бронзы юга Туркмении и северо-востока Ирана (Кара-Депе, Тюренг-Тепе, Гиссар). Анализ антропологических материалов, происходящих из кочевнических могильников Северной Бактрии показывает, что кочевники пришли на юг Таджикистана из Приаралья. В выступлении Ю. Ф. Бурякова освещен процесс урбанизации античного времени на территории Чача. С сообщением об истории изучения памиро-афганских языков выступил Карабшоев. Выступление Э. А. Новгородовой было посвящено анализу искусства кочевников Средней Азии и Сибири. В выступлении

Г. Н. Матюшина было подчеркнуто, что истоки древнейшей цивилизации Бактрии восходят к культурам эпохи мезолита и неолита. Анализируя процесс перехода к производящему хозяйству, докладчик приходит к выводу, что повсеместно производящее хозяйство распространяется в тех комплексах, где присутствуют геометрические микролиты. В сообщении М. И. Филановича говорилось о новых памятниках Ташкентского оазиса (бургулюкский период, античная эпоха). О новых местонахождениях каменного века на юге Таджикистана рассказала А. Г. Амосова. В сообщении В. А. Алёшкина на материалах погребений установлено социальное и имущественное расслоение древнеземледельческих общин юга Туркмении и Узбекистана. Касаясь проблемы происхождения бактрийского археологического комплекса, докладчик высказал предположение, что он сложился на основе местных комплексов типа Заман-баба, испытавших сильное культурное воздействие со стороны протогородской цивилизации юга Туркмении. В выступлении В. А. Литвинского было подчеркнуто, что трактовка археологического материала, особенно в сфере социально-экономических отношений, у советских и французских исследователей порой весьма различна. По его мнению, при решении проблем этногенеза следует гораздо чаще привлекать данные лингвистики. Далее докладчик отстаивал тезис, что основой для сложения бишкентско-вахшской культуры эпохи поздней бронзы Таджикистана послужили оседлоземледельческие культуры южного типа. Аргументом в пользу этой точки зрения, по его мнению, является тот факт, что антропологический тип населения, оставившего бишкентско-вахшские могильники, сходен с антропологическим типом населения древнеземледельческих районов Средней Азии (юг Туркмении и Узбекистана). Выступление Ж. Ф. Жарижа было посвящено проблемам хронологии бронзового века Бактрии и сопредельных территорий в свете последних раскопок, произведенных им в Пакистане. В выступлении А. Франкфора подчеркивалась важность правильной интерпретации ряда инноваций в сфере хозяйства и материальной культуры в конце III тысячелетия до н. э. на обширных пространствах Западной Азии (Пакистан, Белуджистан, Индия, Афганистан, Иран, Средняя Азия). В связи с этим, подчеркнул докладчик, важно установить, связаны ли между собой все эти изменения или они обусловлены причинами различного характера. А. А. Аскаров выступил против наметившейся тенденции к удревнению ряда узловых памятников эпохи бронзы Средней Азии, Ирана, Пакистана и Афганистана. Кроме того, он возражал против ранней даты заманбабинской культуры, поскольку керамика культуры Заман-баба сходна с керамикой моллалинского этапа культуры Сапалли, который датируется второй половиной II тысячелетия до н. э. Выступление Т. Давид было посвящено связям Средней Азии с савромато-сарматскими племенами Западного Казахстана. Э. В. Сайко говорила о том, что керамика является важнейшим археологическим источником. Тем не менее терминология описания керамики еще слабо разработана. Технологический подход в исследовании керамики применяется еще в ограниченных масштабах. Между тем химический, спектральный, рентгеновский, световой, тепловой анализы керамики могут дать археологу много новой полезной информации. П. Бриан подчеркнул необходимость составления карт Бактрии и Согда ахеменидского времени. Одна из важнейших задач, сказал он, установление размеров царских владений в Бактрии и Согде. О. Гийом поддержал тезис Е. В. Зеймаля о появлении монетного обращения в Бактрии как следствия греческого проникновения в эту область. Он отметил, однако, что до сих пор еще не ясно, в какой период произошло слияние двух традиций — местной (бактрийской) и пришлой (греческой) — в эпоху Греко-Бактрийского царства или в кушанский период. О неолитических культурах Средней Азии говорила в своем выступлении Г. Ф. Коробкова. По ее мнению, докерамические слои Мергара в Пакистане на основании находок трапеций с вогнутым верхним краем относятся к эпохе неолита и датируются концом VII— началом VI тысячелетия до н. э. Г. Ф. Коробкова подчеркнула принципиальное значение трассологического метода для определения функционального назначения орудий труда каменного века. Выступление В. А. Ранова было посвящено проблемам каменного века на юге Таджикистана. Докладчик подчеркнул, что переход от палеолита к мезолиту и от мезолита к неолиту в данном регионе выглядит скачкообразным. Необходимо изучить динамику этих скачков.

Итоги симпозиума подвели Ж. К. Гарден и В. М. Массон. Профессор Гарден отметил масштабы раскопок советских археологов, которые дали обилие археологического материала. Он сказал, что советские археологи владеют самыми разнообразными методами извлечения археологической информации из этого материала. Расхождения в оценке археологического материала между советскими и французскими учеными свидетельствуют о развитии археологической науки. Возможно, что эти расхождения будут уменьшены на последующих советско-французских археологических симпозиумах и дискуссиях. Ж. К. Гарден отметил, что в археологии Бактрии есть белое пятно. Совершенно не изучены памятники III тысячелетия до н. э. Основные усилия должны быть направлены на то, чтобы «закрыть» эту «лакуну».

Член-кор. АН ТССР, проф. В. М. Массон сказал, что на симпозиуме советские и французские археологи продемонстрировали ряд принципиально новых открытий в области бактрийской археологии, отметив прежде всего исследования в Мургабском оазисе (И. Масимов) и Пакистане (Ж. Ф. Жариж). Одна из задач, которая стоит перед археологами,— картографирование памятников. Опыт такой работы уже есть: в СССР — археологическая карта Казахстана, в Афганистане — археологическая карта Афганистана. Одна из важнейших задач археологов — изуче-

ние технологии древних производств: изучение орудий труда, керамики и т. д. Особое внимание следует уделить интерпретации археологических материалов, среди которых наиболее спорны проблемы происхождения бишкетно-вахшской культуры и культуры Сапалли. Очень многое в этом аспекте может дать изучение взаимосвязи традиций и инноваций в археологических культурах (доклад А. Франкфора).

В резолюции, принятой на симпозиуме, отмечено, что многолетние работы советских и французских археологов на территории древней Бактрии позволили сделать ряд интересных открытий (работы И. Масимова в Мургабском оазисе, А. Франкфора в Шортугае, Ж. Ф. Жарижа в Белуджистане). Достигнут значительный прогресс в изучении связей культур эпохи бронзы Бактрии с сопредельными территориями, вместе с тем необходим тщательный анализ этих связей и в дальнейшем. Установлено, что блестящая культура Бактрии эпохи эллинизма складывается на основе высокоразвитой городской культуры древневосточного типа эпохи бронзы и раннего железа. Симпозиум продемонстрировал успех научного сотрудничества между археологами СССР и Франции.

В заключение выступил директор Института истории им. А. Дониша Б. И. Искандеров. Он пожелал новых научных успехов всем участникам симпозиума и поблагодарил их за тот вклад, который они внесли в разработку спорных проблем археологии древней Бактрии.

Пьянкова Л. Т., Алекшин В. А.

ПАМЯТИ НАДЕЖДЫ АНИСИМОВНЫ ОНАЙКО

Советская археологическая наука понесла тяжелую утрату — 17 октября 1983 г. скончалась Надежда Анисимовна Онайко. Последний год жизни она, мужественно борясь с тяжелой болезнью, упорно работала над окончанием монографии по античной торевтике. Даже за 10 дней до кончины Надежда Анисимовна правила свою статью в редакции журнала. Вся ее жизнь до последнего дня была отмечена присущей ей всегда увлеченностью и ответственным отношением к любимому делу.

Надежда Анисимовна Онайко родилась 17 августа 1921 г. в станице Новокубанской Краснодарского края. В 1940—1944 гг. Н. А. Онайко училась в Московском государственном университете, специализируясь по археологии Скифии и античных центров Северного Причерноморья. Лекции и семинарские занятия у проф. Б. Н. Гракова определили направление всей дальнейшей научной деятельности молодого исследователя, вначале в Музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, а затем в секторе античной археологии ИА АН СССР. В начале 1950-х годов Н. А. Онайко обучалась под руководством проф. В. Д. Блаватского в аспирантуре Института археологии, которую она успешно окончила в 1955 г.

Н. А. Онайко принадлежала к числу ученых, работы которых отличаются ярким и своеобразным исследовательским почерком. Научное наследие Н. А. Онайко насчитывает около 80 печатных работ. Статьи и монографии Н. А. Онайко всегда основаны на глубоком анализе вещественных и письменных источников и на детальном рассмотрении всей предшествующей историографии. Природная художественная одаренность придавала особую проникновенность ее пониманию того или иного древнего памятника художественной культуры. Вместе с тем строгость исследовательского анализа в сочетании с обширной эрудицией и бескомпромиссным критическим подходом делает работы Н. А. Онайко ценнейшим достоянием нашей археологической науки. Таковы ее монографии «Античный импорт в Приднепровье и Побужье в XII—V вв. до н. э.» (1966) и «Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV—II вв. до н. э.» (1970). Эти книги не только кардинально расширили данные о торговле скифских племен с античными центрами Северного Причерноморья. Скрупулезно изучив античные изделия, найденные в Скифии, и уточнив их датировку, Н. А. Онайко помогла установить бесспорную хронологию многих важнейших скифских памятников. Благодаря ее трудам история Скифии обогатилась рядом точных хронологических вех. Монография «Архаический Торик» (1980), впервые ввела в историческую науку данные о раннем греческом городе на северо-востоке Черного моря и дополнила сведения об окружавших его племенах керкетов и торетов.

Прекрасный полевой специалист и исследователь Н. А. Онайко внесла большой вклад в изучение многих разнохарактерных памятников. Ее работу всегда отличала исключительная тщательность и тонкий анализ раскапываемого объекта. В течение многих лет она руководила работами Новороссийско-Геленджикской экспедиции, участвовала в Советско-Албанской и некоторых других экспедициях.

Н. А. Онайко не ограничивалась собственными интересами и работами. Самое живое участие принимала она в делах молодых коллег. Многие сотрудники музеев и университетов нашей страны получали от нее исчерпывающие ответы на свои вопросы. Память о Надежде Анисимовне Онайко — ученом и человеке — будет долго жить в сердцах ее коллег.

Сектор античной археологии
ИА АН СССР

ПАМЯТИ
БОРИСА АЛЕКСАНДРОВИЧА КОЛЧИНА

11 января 1984 г. оборвалась жизнь выдающегося исследователя древностей доктора исторических наук, профессора, заведующего лабораторией естественно-научных методов Института археологии АН СССР, лауреата Ленинской и Государственной премий СССР Бориса Александровича Колчина.

Б. А. Колчин родился 10 июня 1914 г. в Сормове (ныне район г. Горького) в семье техника Сормовского завода. С 1929 г. вся жизнь Б. А. Колчина связана с Москвой, где он окончил школу и поступил на вечернее отделение Сретенского машиностроительного техникума. Учеба с 1930 г. сочеталась с работой сначала чертежника-конструктора на авиационных заводах, а с 1932 г. в ЦАГИ. В 1935 г. Б. А. Колчина переводят на должность инженера и тогда же он поступает на исторический факультет МГУ, где специализируется по славяно-русской археологии. Сразу же по окончании университета 30 июня 1941 г. Б. А. Колчин был призван в армию. Он участвовал в боях с гитлеровскими захватчиками вплоть до ноября 1942 г.

В 1946 г. Б. А. Колчин был принят в аспирантуру (под руководством А. В. Арциховского) Института археологии АН СССР (тогда ИИМК). В 1949 г. опубликована его первая археологическая статья об опыте металлографического исследования древних железных вещей, которая как бы знаменовала целеустремленное начало всей его дальнейшей многолетней поисковой деятельности по использованию в археологии методов естественных и технических наук. В 1950 г. он защитил кандидатскую диссертацию по истории древнерусской металлообработки, а в 1964 г.— докторскую диссертацию по дендрохронологии средневекового Новгорода. С 1967 г. и до последнего дня жизни он был руководителем им же созданной лаборатории естественно-технических методов Института археологии АН СССР.

Имя ученого-археолога Б. А. Колчина широко известно советским и зарубежным специалистам историкам и археологам, биологам и металлургам. Он отдал науке почти сорок лет напряженного труда. Его творческая жизнь была в основном связана с Новгородской археологической экспедицией, а также с лабораторией естественно-технических методов ИА АН СССР. В Новгородской экспедиции им и его коллегами были сделаны те важнейшие открытия, за которые в 1970 г. ему была присуждена Государственная премия СССР, а в 1984 г.— Ленинская премия. Новгородская экспедиция стала, в частности, своеобразным полигоном, где Б. А. Колчин испытывал химические и физические методы исследования металла, проводил опыты по моделированию древних металлургических процессов, начинал обширнейшую программу дендрохронологического изучения деревянных построек древнерусских городов.

Среди методов естественных и технических наук в археологии его наибольшее внимание привлекали металлография и дендрохронология. Б. А. Колчин выступил не только пионером их применения в археологии, но и ярким исследователем, проделавшим колоссальную работу по сбору и систематизации исходных материалов и их специальному анализу. В своих книгах «Черная металлургия и металлообработка в древней Руси» (М., 1953), «Техника обработки металла в древней Руси» (М., 1953), в обобщающей статье «Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого» (М., 1959), а также в других работах ему удалось нарисовать сложную картину развития металлургии средневековой Руси. На базе многих сотен металлографических анализов он показал ее высокий технический уровень, прогрессивный характер развития, структуру ремесленного производства.

Важнейшим для средневековой археологии Восточной Европы в целом является цикл начатых им работ по дендрохронологии. Первые статьи Б. А. Колчина на эту тему появились в 1962 г., а спустя год вышли две его крупные работы «Дендрохронология Новгорода» (МИА, № 117. М., 1963) и «Дендрохронология построек» (МИА, № 123, М., 1963), заложившие основы отечественной дендрохронологии. В 1977 г. была опубликована книга «Дендрохронология Восточной Европы» (совместно с Н. Б. Черных), в которой подводились первые весьма внушительные итоги задуманной им обширной программы исследований. Дендрохронологический метод с его способностью определять дату рубки дерева с точностью до года явился для средневековой археологии поистине революционным. С его внедрением в археологическую практику резко изменилась вся ситуация изучения культурного слоя и содержащихся в нем древностей.

Одним из существеннейших результатов применения нового способа датирования комплексов стала возможность детальной и точной разработки хронологической шкалы вещевых древностей, реализованная Б. А. Колчиным в значительном цикле его публикаций, из которых настольными книгами археологов-медиевистов стали его книги «Новгородские древности. Деревянные изделия» (САИ, ЕІ-55. М., 1968) и «Новгородские древности. Резное дерево» (САИ, ЕІ-55. М., 1971). Ни один исследователь древнерусской археологии не может обойтись и без итоговых статей Б. А. Колчина, посвященных хронологии массовых бытовых изделий. Конкретным примером комплексного применения бытовых изделий. Конкретным примером комплексного применения новых методов исследования является книга Б. А. Колчина «Мастерская новгородского художника XII в.» (М., 1981; в соавторстве с А. С. Хорошевым и В. Л. Яниным).

Б. А. Колчин был крупным организатором советской археологической науки. На протяжении почти сорока лет он, будучи заместителем начальника Новгородской экспедиции, сделал множество усовершенствований в полевой методике городских раскопок. Благодаря его настойчивой инициативе в практику работ были внедрены механизмы, облегчившие трудоемкий отвал просмотренной земли, что дало высокий экономический эффект и высвободило средства для рационального расширения самих исследований. Еще в конце 50-х гг. им были созданы первичные ячейки естественнонаучных методов в археологии — лаборатории кафедры археологии МГУ и кабинеты дендрохронологии, спектрального анализа, металлографии, петрографии, археомагнетизма; на базе последних позднее возникла лаборатория естественно-научных методов ИА АН СССР. Совместно с В. Е. Вихровым он начал в высшей степени перспективную работу по стабилизации древних предметов из мокрого дерева, которая уже сейчас начинает коренным образом изменять музейные экспозиции, а также открывает возможность музеефикации обширных комплексов, включая постройки и системы благоустройства средневековых городов.

Большое место в деятельности Б. А. Колчина занимала пропаганда технических и научно-естественных методов в археологии. В 1963 г. им было организовано Всесоюзное совещание по применению в археологии таких методов. Эти работы вошли в сборник «Археология и естественные науки» (М., 1965), составленный и отредактированный Б. А. Колчиным.

Б. А. Колчин принимал активное участие в работе советских и международных организаций по истории металлургии и дендрохронологии. Его работы оказали заметное влияние на развитие этих направлений в Польше, Чехословакии и других странах. Много сил отдал он и преподавательской деятельности. В течение десяти лет, с 1956 по 1966 гг., немалое число археологов прослушало его курс по истории черной металлургии на кафедре археологии исторического факультета МГУ. Начатое им преподавание естественно-научных методов в археологии продолжают теперь его ученики. Б. А. Колчин руководил рядом советских и зарубежных аспирантов, успешно защитивших кандидатские диссертации. Школа Б. А. Колчина переросла рамки отечественной науки и приобрела международное значение.

Перед кончиной Б. А. Колчиным составлен том «Древнерусские города», который в недалеком будущем увидит свет в подписной серии «Археология СССР».

Обширной была и публикаторская деятельность Б. А. Колчина. Им издано шесть книг и около 140 научных статей и заметок по самым разнообразным разделам археологии. Многие из его работ еще ждут своей публикации.

Светлая память о Борисе Александровиче Колчине — выдающемся ученом, добром товарище, прекрасном человеке, целеустремленном организаторе науки, советском патриоте — навсегда останется в наших сердцах.

Черных Е. Н., Янин В. Л.

ПАМЯТИ
АНАТОЛИЯ МАКСИМИЛИАНОВИЧА МАНДЕЛЬШТАМА

8 сентября 1983 г. в расцвете творческих сил скоропостижно скончался видный исследователь Средней и Центральной Азии, археолог и востоковед, старший научный сотрудник ЛОИА АН СССР, доктор исторических наук Анатолий Максимилианович Мандельштам.

А. М. Мандельштам родился 11 августа 1920 г. в г. Воронеже. В августе 1941 г. он окончил исторический факультет Ленинградского государственного университета и затем работал в Республиканском музее Таджикистана. 1942—1946 гг. для А. М. Мендельштама — годы армии. После демобилизации, в 1948—1951 гг., он обучался в аспирантуре ЛОИИМК. Под руководством проф. А. Ю. Якубовского А. М. Мандельштам защитил диссертацию на тему «Сложение таджикской народности в Среднеазиатском междуречье» (основные положения опубликованы в СА, т. XX, 1954).

Работая в 1951—1956 гг. в Институте истории АН ТаджССР, а с 1956 г. в ЛОИА АН СССР, А. М. Мандельштам плодотворно исследовал древнейшую историю Таджикистана.

Исключительно важное значение имеют проведенные А. М. Мандельштамом в 1955—1962 гг. систематические исследования крупных могильников скотоводов эпохи бронзы и кочевых племен античности на юге Таджикистана и Туркмении. Эти памятники, сразу же ставшие эталонными, опубликованы в трех солидных монографиях: «Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане» (1968), «Кочевники на пути в Индию» (1966), «Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии» (1975). А. М. Мандельштам обоснованно выделил особую культуру скотоводов эпохи поздней бронзы, названную бишкентской. Он показал важное значение памятников этой культуры для изучения «тёмного» периода переселения индоиранских племен и появления их в Северной Бактрии в начале I тысячелетия до н. э. Открытые А. М. Мандельштамом в Закаспии погребения срубной культуры внесли существенное дополнение в представление о сложной картине расселения древних скотоводов в Средней Азии.

А. М. Мендельштам одним из первых начал исследование культуры кочевых племен, которые вторглись и обосновались в Северной Бактрии во II—I вв. до н. э. в ходе борьбы с Греко-Бактрийским царством. Племена, которым принадлежат монографически раскопанные могильники Тулхар, Аруктау и др., в дальнейшем сыграли определяющую роль в создании могущественного Кушанского государства.

Занимаясь общими проблемами древней истории кочевого населения Средней Азии, А. М. Мандельштам осуществил первую попытку исторического синтеза на основе интерпретации результатов своих многочисленных исследований с привлечением данных письменных источников в работе «История скотоводческих племен и ранних кочевников на юге Средней Азии», которую в 1973 г. защитил в качестве докторской диссертации.

А. М. Мандельштам проводил археологические исследования в Поволжье, Северном Прикаспии и в Сибири. Но особенно значительны заслуги его в разработке археологии Тувы. Начиная с 1965 г., он вел комплексные исследования памятников бронзового века, скифской и гунно-сарматской эпох. Исключительно важные материалы дали многолетние работы на могильнике Аймырлыг, где вскрыто несколько сотен курганов скифской эпохи. В результате Аймырлыг стал ключевым памятником скифского времени в Центральной Азии. В этом могильнике представлены все периоды истории местного населения от эпохи бронзы до позднего средневековья. В могильнике Бай-Даг были получены важные данные для характеристики особенностей культуры гунно-сарматского периода, времени вхождения Тувы в состав державы хунну.

Помимо археологических исследований А. М. Мандельштам внес заметный вклад в изучение среднеазиатской истории на основе письменных источников. Назовем прежде всего монографию «Материалы по историко-географическому обзору Памира и припамирских областей (с древнейших времен до X в. н. э.)» (1957). Она представляет исчерпывающий свод сведений разнородных письменных источников и одновременно полноценный очерк истории региона.

Научная деятельность А. М. Мандельштама продолжалась немногим более 30 лет. За это время он опубликовал более 100 печатных работ по разным вопросам археологии и древней истории Средней и Центральной Азии. Работам А. М. Мандельштама присуща обширная и разносторонняя эрудиция. Для него всегда была характерна основательность и систематичность в подходе к рассмотрению историко-археологических проблем, трудолюбие и работоспособность.

А. М. Мандельштам руководил многими экспедициями, возглавлял группу новостроечных экспедиций ЛОИА АН СССР. Он активно участвовал в ряде коллективных трудов, в последние годы работал над разделами «Археологии СССР».

А. М. Мандельштам пользовался большим авторитетом и уважением среди коллег. Все, кто знал его и работал вместе с Анатолием Максимилиановичем, навсегда сохранят в памяти образ крупного ученого, неутомимого труженика, беззаветно преданного служению советской науке.

Беленицкий А. М., Заднепровский Ю. А.

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ» ЗА 1984 ГОД

	№	стр.
Абрамова З. А., Столяр А. Д. К вопросу об истоках искусства (в связи с выходом книги Я. Я. Рогинского «Об истоках возникновения искусства». М., 1982)	4	284
Авдусина Т. Д., Владимирская Н. С., Панова Т. Д. Русская поливная керамика из раскопок Московского Кремля	2	201
Айбабин А. И. Проблемы хронологии могильников Крыма позднеримского периода	1	104
Акопян Г. П. Древняя Армения в торговле Запада с Востоком (первые века нашей эры)	2	70
Амирханов Х. А. Paléorient. V. 5. Paris, 1979	3	226
Андреева М. В. Глиняная модель повозки из погребения катакомбного времени	3	201
Аннаев Т. Дж. Раскопки раннесредневековой усадьбы Куёв-курган в Северном Тохаристане	2	188
Антонова Е. В. К проблеме функций печатей ранних земледельцев Востока	4	26
Арефьев В. А. Зооморфные мотивы оформления края сосудов со стоянки Полуденка I	1	229
Атавин А. Г. Некоторые особенности захоронений чучел коней в кочевнических погребениях X—XIV вв.	1	134
Афанасьев Г. Е. Большая семья у алан	3	66
Батчаев В. М. Гуннский котел из селения Хабаз	1	256
Белецкий С. В., Лесман Ю. М. Гуревич Ф. Д. Древний Новогрудок. Посад — Окольный город. Л., 1981	4	269
Бибиков С. Н. Петр Петрович Ефименко (К 100-летию со дня рождения)	4	287
Боровиков П. А. О методах поиска древних затонувших судов (по материалам зарубежной литературы)	4	256
Бородовский А. П. Об имитации швов кожаной посуды на керамике (по материалам курганной группы Быстровка-I)	2	231
Братченко С. Н., Швецов М. Л. Средневековый могильник у станицы Багаевской	3	214
Василенко В. М., Даркевич В. П. Хускивадзе Л. З. Грузинские эмали. Тбилиси, 1981	4	275
Вздорнов Г. И. Колчин Б. А., Хорошев А. С., Янин В. Л. Усадьба новгородского художника XII в. М., 1981	2	263
Виленчик Б. Я. Новые доказательства существования русского архаического абака	3	59
Виноградов Н. Б. Кулевичи VI — новый алакульский могильник в лесостепях Южного Зауралья	3	136
Внуков С. Ю. Скифские слои городища Чайка (опыт статистической обработки)	2	54
Вознесенская Г. А. Металлообработка на позднелатенском поселении Галлиш-Ловачка	4	163
Воронов Ю. Н. Онайко Н. А. Архаический Торик. Античный город на северо-востоке Понта. М., 1980	2	260
Высоцкий С. А., Мовчан И. И. Эпиграфическая находка в Ближних пещерах Киево-Печерской Лавры	3	191
Галкин Л. Л. Стеклодельная мастерская на городище Селитренное	2	213
Генинг В. Ф., Корякова Л. Н. Лихачевские и Черноозерские курганы раннего железного века Западной Сибири	2	165
Голубева Л. А. Женщины-литейщицы (к истории женского ремесленного литья у финно-угров)	4	75
Гопак В. Д., Дьяченко А. Г. Техника изготовления клинков древнерусских мечей бассейна Северского Донца	4	252
Горелик А. Ф. Исследование мезолитических комплексов стоянки Зимовники I в Северо-Восточном Приазовье	2	115
Горюнов Е. А. К 75-летию со дня рождения Петра Николаевича Третьякова	2	268
Грандмезон Н. Н. 100 лет «Общему каталогу монет» П. О. Бурачкова	2	273

	№	стр.
Гришин Ю. С. Каменное навершие жезла из г. Канска (Красноярский край)	2	230
Гудкова А. В. Баран В. Д. Черняхівська культура за матеріалами Верхнього Дністра і Західного Бугу. Київ, 1981	3	257
Давудов О. М. Серебряное блюдо из Ирагинской гробницы (Дагестан)	1	77
Дегтярь А. К. Комплекс из погребения воина у с. Кочеток на Северском Донце	2	239
Демичева Н. Н. Исследование памятников новгородского зодчества XII — начала XIII в. по данным об эволюции формата кирпича	1	220
Житников В. Г., Марченко К. К. Новые данные о строительных комплексах Елизаветовского городища на Дону	3	162
Журавлев А. П. Датировка поселений мезолита — раннего металла в Уницкой губе Онежского озера	4	119
Заднепровский Ю. А., Кирчо Л. Б. Международный симпозиум «Потребляющие и производящие типы хозяйства в период неолита на территории Центральной Азии» (Душанбе, 1982)	2	279
Залашко Г. М., Еременко В. Е. Новый зарубинецкий могильник в Полесье	2	234
Залесская В. Н. Византийские белоглиняные расписные кружки и киликовидные чашки	4	217
Зданович Г. Б., Иванов И. В., Хабдулина М. К. Опыт использования в археологии палеопочвенных методов исследования (Курганы Кара-Оба и Обалы в Северном Казахстане)	4	35
Золотов Ю. М. Три памятника старомосковской эпиграфики	2	246
Исхаков М. Х. Средневековые керамические штампы с городища Будрач	2	244
Кабанов С. К. Археологические данные к изучению генезиса феодализма в Средней Азии (по материалам Нахшеба, Хорезма и долины р. Чу)	3	48
Кабанов С. К. Петров К. И. Очерки социально-экономической истории Киргизии VI — начала XIII в. Фрунзе, 1981	4	279
Каминская И. В. Фибула эпохи переселения народов	1	259
Канецян А. Г. Античные черепицы из раскопок Арташата	1	183
Квирквелия О. Р., Кулаков В. И., Станюкович А. К., Хамидуллина Н. М. Совещание «Человек и окружающая среда в древности и средневековье»	3	277
Ковалева В. Т., Варанкин Н. В. О соотношении кошинских и боборыкинских комплексов (по материалам поселения на берегу Андреевского озера у г. Тюмени)	1	144
Коваленко В. П., Шекун А. В. Летописный Листвен (к вопросу о локализации)	4	62
Козенкова В. И., Мишина Т. Н. О сюжетных сценах на керамике кобанской культуры	1	247
Козенкова В. И. Конференция, посвященная 80-летию со дня рождения Евгения Игнатьевича Крупнова	4	291
Кольцов Л. В. Gaussen J. Le Paléolithique supérieur de plein air en Périgord. XIV supplément à Gallia Préhistoire. Paris, 1980	3	229
Кореневский С. Н. Геворкян А. Ц. Из истории древнейшей металлургии Армянского нагорья. Ереван, 1980	2	256
Кореняко В. А. К методике изучения погребений со скорченными скелетами	3	5
Котигорошко В. Г. Малокопаньское городище рубежа нашей эры в Закарпатье	1	252
Краснов Ю. А. Шнирельман В. А. Происхождение скотоводства. М., 1980	2	251
Красовский И. С. Реконструкция плана фундаментов Десятинной церкви в Киеве	3	181
Кропоткин А. В. К вопросу о племенных центрах черняховской культуры	3	35
Крутских Н. А., Шорин А. Ф. Черкаскульские могильники в Челябинской области	4	150
Ксензов В. П. Новые мезолитические памятники юга Белоруссии	2	225
Куза А. В. Никольская Т. Н. Земля вятичей. К истории населения бассейна Верхней и Средней Оки в IX—XIII вв. М., 1981	3	262
Кузнецов В. Д. Организация строительных работ в Эпидавре (обработка камня)	1	170
Леонтьев А. Е. Новые данные о костромских курганах	4	176
Логвин В. Н., Калиева С. С. Стоянка Евгеньевка 2 (Северный Казахстан)	1	235
Любин В. П. Палеолит Туркмении	1	26
Любин В. П., Борисковский П. И. Археология на Московском конгрессе ИНКВА	2	274

	№	стр.
Мавлеев Е. В. Этрусские зеркала	2	22
Макаров Н. А. Kivikoski E. Långgänsbacken. Ett gravfält på Åland.— SMYA, Helsingfors, 1980, N 80	1	304
Марковин В. И. Germond G. Inventaire des mégalithes de la France. 6-Denx-Sèvres. Paris, 1980	1	285
Массон В. М. Первый советско-индийский семинар по археологии Средней Азии и Индии	1	317
Матбабаев Б. Х. Новые исследования на Чустском поселении (Фергана)	4	241
Матюхин А. Е. Опыты по разделке туш крупных животных орудиями палеолитического облика	4	5
Медынцева А. А. Новгородские находки и дохристианская письменность на Руси	4	49
Мелюкова А. И. [Рец.] Actes du IIe Congrès international de thràcologie. I. Bucureşti, 1980	1	292
Мерперт Н. Я., Мунчаев Р. М. Археологическая поездка по Сирии	1	307
Мещеряков В. Ф. Кадеев В. И. Херсонес Таврический в первых веках нашей эры. Харьков, 1981	3	248
Могильников В. А. О западной границе кулайской культуры	3	28
Молчанов А. А. Печать древнерусской княгини XIII в. из Житомира	1	260
Монахов С. Ю. Погребение культуры многоваликовой керамики близ Саратова	1	241
Мухамадиев А. Г. Бронзовые слитки — первые металлические деньги Поволжья и Приуралья (I тысячелетие н. э.)	3	219
Мыськов Е. П. Вторичные погребения срубной культуры в могильнике Ченин	3	205
Назаренко В. А., Овсянников О. В., Рябинин Е. А. Средневековые памятники Чуди Заволочской	4	197
Нечитайло А. Л. О сосудах майкопского типа в степной Украине	4	127
Никитин А. Б. Датированные драхмы Фраата III и хронология сузианских медных эмиссий	4	249
Николов В. Ранненеолитические культуры в Западной Болгарии	2	5
Носкова Л. М. Декоративное убранство дворцового комплекса XIV века в Сарае (Селитренное городище)	4	224
Онайко Н. А. Галанина Л. К. Курджинский курган. Л., 1980	1	280
Онайко Н. А. О сахновской пластине	3	18
Перхавко В. Б. Проблемы раннесредневековой археологии Польши	3	239
Пескарева К. М., Рябинин Е. А. Первое государственное учреждение отечественной археологии (к 125-летию создания Археологической комиссии)	4	299
Петренко В. Г. Погребальные комплексы и находки у с. Пелагиада	2	155
Петрин В. Т. Новые наскальные изображения Южного Урала	3	96
Портнягин И. Г. Памятники эпохи неолита — бронзы бассейна р. Торопы	1	160
Пуцко В. Г. Шиферные рельефы в лапидарии Софии Киевской	1	210
Пьянкова Л. Т., Алекшин В. А. Советско-французский симпозиум «Археология древнейшей Бактрии»	4	307
Пятых Г. Г., Фараджев А. А. Малоузенский курган эпохи бронзы	1	244
Пятых Г. Г. О происхождении деревянной посуды срубной культуры Поволжья	2	146
Радзиевская В. Е., Гопак В. Д. Меч римского типа из поселка Коломак в Харьковской области	3	209
Русяева А. С., Зубарь В. М. Масленников А. А. Население Боспорского государства в VI—II вв. до н. э. М., 1981	4	266
Савчук С. А. Керамическая печать из Дальверзинтепе с изображением гиппокампа	3	212
Сагдуллаев А. С. Поселения раннежелезного века в бассейне Кашкадарьи	3	154
Седов А. В. Керамические комплексы ай-ханумского типа на Правобережье Амударьи	3	171
Сергин В. Я. Применение метода «связей» при археологических исследованиях	1	11
Сериков Ю. Б. Новые памятники Горбуновского торфяника	2	102
Симонян А. Е. Два погребения эпохи средней бронзы могильника Верин Навер	3	122
Синюк А. Т. Об энеолитических могильниках лесостепи (бассейн Среднего Дона)	3	105
Смирнов А. С., Сорокин А. Н. Поселение эпохи поздней бронзы в верховьях Северского Донца	4	138
Соломина В. П. Уникальный памятник северного средневекового шитья	2	91
Сорокин А. Н. Мезолит Великих Мещерских озер	1	46
Старков В. Ф. Находки шахмат на архипелаге Шпицберген	3	222

	№	стр.
Третьяков В. П. Неолитическая керамика и археологические культуры (по материалам лесной и лесостепной зоны Европейской части СССР)	1	66
Троицкая Т. Н. Курган I Быстровского могильника	4	245
Уткин А. В., Костылева Е. Л. Ранненеолитическая культура на стоянке Польцо	3	197
Фахрутдинов Р. Г. Исследование Старой Казани (итоги раскопок 1970-х годов)	4	90
Федоров-Давыдов Г. А. Четверть века изучения средневековых городов Нижнего Поволжья	3	83
Формозов А. А. Строительные жертвы на поселениях и в жилищах эпохи раннего металла	4	238
Фролова Н. А. Монетное дело Фоморса (285—308 гг. н. э.)	2	34
Хайкунова Н. А. Нуклеусы верхнепалеолитической стоянки Супонево	4	109
Хомутова Л. С. Кузнечная техника на земле древней веси в X в. (по материалам поселения у дер. Городище)	1	199
Циркин А. В. Древковое оружие мордвы и его хронология	1	123
Чернецов А. В. Соболева Н. А. Российская городская и областная геральдика XVIII—XIX вв. М., 1981	3	266
Черняков И. Т., Никитин В. И. Бандуркинский клад бронзового века из Южного Побужья	2	134
Членова Н. Л. Археологические материалы к вопросу об иранцах доскифской эпохи и индоиранцах	1	88
Шарафутдинова Э. С. Симпозиум «Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа» (Ереван, 1982)	3	273
Швецов М. Л. Позднекочевническое погребение у с. Смелое на Северском Донце	1	264
Шелов Д. Б. Полевая археология и охрана археологических памятников	1	5
Шитин А. Е. Сары-курган — крепость в Фергане	1	192
Шнирельман В. А. Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я. Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. Исследования советской экспедиции и Ираке. М., 1981	4	260
Шрамко Б. А. Мозолевский Б. М. Товста Могила. Київ, 1979	1	272
Щапова Ю. Л. Химико-технологическое изучение стекол из мастерской на городище Селитренное	2	222
Щапова Ю. Л. Dekówna M. Szkło w Europie wczesnośredniowiecznej. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1980	3	232
От редакции	2	282
Заднепровский Ю. А., Овсянников О. В., Матюхин А. Е., Бочкарев В. С. Заключение комиссии по проверке факта нарушения авторских прав со стороны старшего научного сотрудника ЛОИА АН СССР, к. и. н. А. Я. Щетенко	2	282
Памяти Бориса Александровича Колчина	4	313
Памяти Гориславы Николаевны Лисицыной	2	284
Памяти Анатолия Максимилиановича Мандельштама	4	315
Памяти Надежды Анисимовны Онайко	4	312
Памяти Эраста Алексеевича Сымоновича	3	283
Памяти Павла Николаевича Шульца	3	285

ПОПРАВКА

В журнале «Советская археология», № 3, 1984 г.

на с. 227, строка 7 сверху следует читать: «ставятся в зависимость от соотношения демографических условий с образом жизни;

на с. 262, строка 1 снизу вместо «Воронежская археологическая экспедиция» следует читать «Верхнеокская археологическая экспедиция».

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО — Археологические открытия
АП — Археологічні пам'ятки УРСР. Київ
АС — Археологический съезд
АСб. ГЭ — Археологический сборник Гос. Эрмитажа
БСЭ — Большая советская энциклопедия
ВА — Вопросы антропологии
ВАН — Вестник Академии наук СССР
ВАС — Вопросы археологии Сибири. Новосибирск
ВАУ — Вопросы археологии Урала. Свердловск — Ижевск
ВНОТ — Вестник Научного общества татароведения. Казань
ВЯ — Вопросы языкознания
ГИМ — Государственный исторический музей. Москва
ГЭ — Государственный ордена Ленина Эрмитаж. Ленинград
ДГУ — Днепропетровский государственный университет
Древности — Древности. Труды Императорского Московского археологического общества
ЖМВД — Журнал Министерства внутренних дел. Спб.
ЗОАО — Записки Одесского археологического общества
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ЗОРСА — Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. СПб.
ИАК — Известия Государственной Российской археологической комиссии. Спб.
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры. Москва — Ленинград
ИОАИЭ — Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете
ИОЛЕАЭ — Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете
ИЯЛИ КФ АН СССР — Институт языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала Академии наук СССР
КСИА — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР
КСИА АН УССР — Краткие сообщения Института археологии АН УССР. Киев
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МАВГР — Материалы по археологии восточных губерний России. Москва
МАЕСВ — Материалы по археологии Европейского Северо-Востока. Сыктывкар
МАР — Материалы по археологии России. Спб.
МАСП — Материалы по археологии Северного Причерноморья. Одесса
МАЭ ИЭ АН СССР — Музей антропологии и этнографии Института этнографии АН СССР
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. Москва — Ленинград
НАА — Народы Азии и Африки. Москва
НиС — Нумизматика и сфрагистика. Киев
НЭ — Нумизматика и эпиграфика. Москва
ОАК — Отчет Археологической комиссии
ОИПК — Отдел истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа
ПГУ — Пермский государственный университет
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. Спб.— Пг.— Москва — Ленинград
САИ — Свод археологических источников. Москва — Ленинград
СГАИМК — Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры. Москва — Ленинград
СКАЭ — Северо-Казахстанская археологическая экспедиция
СКОМ — Северо-Казахстанский областной историко-краеведческий музей. Петропавловск
Тр. ИААЭ АН СССР — Труды Института антропологии, археологии и этнографии АН СССР
Тр. МАЭ — Труды Марийской археологической экспедиции. Йошкар-Ола
Тр. НИИЯЛИЭ СМ МордАССР — Труды научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР. Саранск
ТСА РАНИИОН — Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук
ТСУАК — Труды Ставропольской ученой архивной комиссии
УКАЭ — Урало-Казахстанская археологическая экспедиция
AINA — American Institute of Nautical Archaeology. Philadelphia
CMAS — Confidaration Mondiale des Activites Subaquatiques
ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua. Helsinki
EW — East and West. Rome
MDAI — Mémoires de la Délégation Archéologique en Iran. Paris
MPG — Migne J. P. Patrologia Graeca
TAPS — Transactions of the American Philosophical Society. Philadelphia